

Джуд Деверо

И ДЕНЬ
И ДЕНЬ

...Ничто не сравнится по своей силе с тем, что писали женщины прошлого столетия. Они сражались в тех же самых битвах: за равную оплату труда, против насилия и грубого обращения с женами, за законы, не позволяющие мужчинам отбирать детей у своих бывших жен, за сотни других реформ. Разница состояла лишь в том, что в ответ на каждую женскую книгу о равенстве полов мужчины писали свою книгу, утверждавшую, что женщины, покинувшие кухню, разрушат мир. Сегодня, спустя сто лет, женщины, похоже, все еще продолжают свою борьбу, в то время как мужчины уже почти сдались. Печально, потому что, как явствует из моих книг, я предпочитаю конструктивные дискуссии. Джуд Деверо

Джуд Деверо

Лёд и пламя 1-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

До того момента, как я начала работать над своими романами, у меня сложилось представление, что до первой мировой войны мужчины и женщины были довольны своими ролями в жизни. Я думала, что женщины с готовностью подчинялись своим мужьям, а те были счастливы со своими нежными женами.

Но, когда я углубилась в книги эпохи средневековья, я была поражена, узнав, что даже в четырнадцатом веке женщины писали весьма современно звучащие книги об угнетении их мужчинами. Что касается мужчин, то еще задолго до Шекспира появилась шутка о том, что тот мужчина, который прикажет жене следовать за ним, а она подчинится, не задавая вопросов и не выдумывая предлогов, почему она не может этого сделать, получит награду. История идет вперед, а награда все еще ждет своего победителя.

Если мои средневековые изыскания меня поразили, то нет слов, чтобы описать мои чувства от знакомства с документами девятнадцатого века. Я прочла достаточно много сочинений феминисток нашего века, но ничто не сравнится по своей силе с тем, что писали женщины прошлого столетия. Они сражались в тех же самых битвах: за равную оплату труда, против насилия и грубого обращения с женами, за законы, не позволяющие мужчинам отбирать детей у своих бывших жен, за сотни других реформ. Разница состояла лишь в том, что в ответ на каждую женскую книгу о равенстве полов мужчины писали свою книгу, утверждавшую, что женщины, покинувшие кухню, разрушат мир. Сегодня, спустя сто лет, женщины, похоже, все еще продолжают свою борьбу, в то время как мужчины уже почти сдались. Печально, потому что, как явствует из моих книг, я предпочитаю конструктивные дискуссии.

ПРОЛОГ

Филадельфия, штат Пенсильвания

Апрель 1892 года

— Поздравляем! — раздались дружные возгласы, когда Блейр Чандлер вошла в столовую дома своего дяди. Это была красивая молодая женщина: темно-каштановые волосы, слегка отливавшие медью, широко расставленные зеленовато-голубые глаза, прямой аристократический нос и маленький, великолепно очерченный рот.

Блейр на мгновение остановилась, пытаясь скрыть навернувшиеся слезы счастья, и посмотрела на стоявших перед ней людей. Здесь были ее дядя и тетя, рядом с ними — Алан, чьи глаза светились любовью к ней, и ее друзья — студенты-медики: женщина и семеро мужчин. Они радостно улыбались, а стол перед ними был завален подарками. Казалось, не было тяжелых лет учебы, борьбы за право получить медицинскую степень.

Легко и грациозно, словно молоденькая девушка, вперед выступила тетя Фло:

— Ну что же ты стоишь, дорогая? Все умирают от желания увидеть твои подарки.

— Сначала этот, — сказал дядя Генри, поднимая большой сверток.

Блейр догадывалась что в нем, но все же боялась надеяться. Сняв обертку и увидев кожаный чемоданчик с блестящими новыми медицинскими инструментами, она опустилась на стул, не в силах вымолвить ни слова, и только гладила пальцами прикрепленную к чемоданчику медную табличку, которая гласила: «Д-р Б. Чандлер, Д. М.».

Неловкое молчание нарушил Алан:

— И это та женщина, которая подложила тухлые яйца в шкаф хирургу-преподавателю? Это та женщина, что выстояла перед самым Больничным советом Филадельфии? — И наклонившись, добавил ей на ухо:

— Это та самая женщина, что одержала победу в конкурсе на место в больнице св. Иосифа и стала первой женщиной-специалистом в этом заведении?

С минуту Блейр молчала.

— Я? — прошептала она.

— Интернатура — твоя, — подтвердила сияющая тетя Фло. — Начнешь работать в июле, сразу, как вернешься со свадьбы сестры.

Блейр переводила взгляд с одного лица на другое. Она приложила столько усилий, чтобы попасть в больницу св. Иосифа, даже наняла преподавателя для подготовки к экзаменам, но ей говорили, что эта городская больница, в отличие от женской клиники, не принимает врачей-женщин.

Блейр обернулась к дяде:

— Это твоих рук дело, признавайся! Герни гордо выпятил грудь:

— Я просто заключил пари, что моя племянница не наберет наибольшего количества баллов за все время проведения конкурсов и им не придется брать ее в штат. Я даже сказал им, что ты предпочла бы оставить медицину и посвятить свою жизнь Алану. Думаю, они не могли устоять перед искушением поставить даму-врача на место.

На какое-то мгновение Блейр почувствовала слабость. Она и не представляла, сколько всего стояло за трехдневными экзаменами.

— Ты победила, — засмеялся Алан. — Хотя мае не слишком нравится быть

утешительным призом. — Он положил руку ей на плечо. — Поздравляю, дорогая. Я знаю, как ты этого хотела.

Тетя Фло вручила ей письмо, подтверждающее, что она действительно принята в больницу св. Иосифа в качестве врача-интерна. Блейр прижала листок к груди и оглядела стоявших перед ней людей. «В этот самый миг, — подумала она, — вся моя жизнь предстает передо мной — и она прекрасна. Рядом мои родные, друзья, я смогу пройти подготовку в одной из самых лучших больниц Соединенных Штатов. И у меня есть Алан — мужчина, которого я люблю».

Блейр потерлась щекой о руку Алана и взглянула на блестящие медицинские инструменты. Она осуществит мечту своей жизни — станет врачом и выйдет замуж за доброго, любящего человека.

Оставалось только отъездить в Чандлер-хаус на свадьбу своей сестры-близнеца. Блейр с нетерпением ждала этой встречи после стольких лет разлуки. Она горела желанием поделиться с сестрой своим счастьем и стать свидетельницей одного из самых лучших дней в жизни ее сестры.

Вслед за Блейр в Чандлер-хаус приедет Алан, чтобы познакомиться с ее матерью и сестрой. Они объявят о своей помолвке, а свадьба состоится после того, как оба закончат интернатуру.

Блейр улыбнулась друзьям — ей хотелось обнять их. Еще месяц, и начнется то, ради чего она столько трудилась.

Глава 1

Чандлер, штат Колорадо
Май 1892 года

Блейр неподвижно стояла в богатой гостиной своего дома. Несмотря на то, что много лет назад ее мать вышла замуж вторично и выплаты за дом завершил ее новый муж, Дункан Гейтс, горожане считали этот дом домом Уильяма Хьюстона Чандлера — человека, который спроектировал и построил его, но умер прежде, чем успел уплатить первый взнос.

Блейр стояла, опустив глаза, чтобы скрыть зеленовато-голубые огни, сверкавшие яростью. Она уже неделю жила под кровом отчима, но все общение с ней этого низкорослого толстого вульгарного человека сводилось к крику.

С виду Блейр казалась респектабельной молодой женщиной, одетой в белую блузку и темную вельветовую юбку, которые скрывали в своих складках большую часть ее соблазнительной точеной фигурки. А ее лицо было настолько невозмутимо и кротко, что никто не догадался бы о бушующих внутри страстях. Но те, кто давно был знаком с Блейр, знали, что в споре она умеет постоять за себя.

Вот почему Дункан Гейтс не тратил времени на попытки объяснить ей, как стать «настоящей» леди. Его представление об этом исключало возможность обучения молодой женщины на врача, да еще со специализацией по огнестрельным ранениям. Он не мог понять, что умение Блейр шить одинаково хорошо проявлялось и в женском рукоделии, и при операции на перфорированном кишечнике.

Всю прошедшую неделю он то произносил напыщенные речи, то бушевал. Блейр терпела, пока могла выносить, а потом вступала с ним в пререкания. К несчастью, это происходило в ту минуту, когда ее мать или сестра входили в комнату и не давали ей высказаться до конца. Блейр очень скоро поняла, что мистер Гейтс держит своих домочадцев в ежовых рукавицах. Он мог говорить все, что ему заблагорассудится, но женщины не могли перечить ему никоим образом.

— Я надеюсь, что ты образумишься и оставишь свои медицинские глупости, — кричал Гейтс. — Леди — это хранительница домашнего очага, а когда женщина, как доказал доктор Кларк, занимается умственной работой, ее женские способности угасают.

Блейр глубоко вздохнула, глядя на потрепанную брошюру в руках мистера Гейтса. Памфлет доктора Кларка, разошедшийся тиражом в сотни тысяч экземпляров, нанес огромный ущерб распространению женского образования.

— Ничего доктор Кларк не доказал, — устало произнесла она. — Он осмотрел чахоточную четырнадцатилетнюю слушательницу и на основании одного осмотра сделал вывод о том, что, если женщина работает головой, ее репродуктивные способности ставятся под угрозу. Я вообще не считаю это убедительным доказательством.

Лицо мистера Гейтса начало багроветь.

— Я не потерплю таких речей в своем доме. Ты, очевидно, полагаешь, что можешь вести себя неприлично, поскольку называешь себя врачом, но только не в моем доме.

Блейр не могла дольше выносить этого.

— С каких пор этот дом — ваш? Мой отец... В эту минуту в комнату вошла сестра Блейр, Хьюстон, и встала между ними, бросив на Блейр сокрушенный взгляд.

— Пора обедать. Не перейти ли нам в столовую? — проговорила она очень спокойным, сдержанным голосом, звуки которого Блейр уже начала ненавидеть.

Блейр заняла свое место за большим столом красного дерева и в течение всего обеда отвечала на сердитые вопросы мистера Гейтса, не переставая думать о сестре.

Блейр очень ждала возвращения в Чандлер, встречи с Хьюстон и матерью, с подругами детства. Последний раз они виделись здесь пять лет назад, ей было тогда семнадцать, и она готовилась к поступлению в медицинскую школу, с энтузиазмом ожидая занятий. Она, вероятно, была настолько поглощена своими мыслями, что не заметила, в какой атмосфере живут ее мать и сестра.

Но в этот раз она почувствовала напряжение, едва сойдя с поезда. Хьюстон встретила ее на вокзале, и Блейр подумала, что в жизни не видела более строгой, холодной и неприступной женщины. Она выглядела абсолютным совершенством, только вот сделана была изо льда.

Ни бурных объятий на вокзале, ни обмена последними новостями по пути домой, Блейр пыталась заговорить с сестрой, но получала в ответ лишь холодный, отстраненный взгляд. Даже упоминание имени Лиандера, жениха Хьюстон, не оживило ее.

Половину пути они провели в молчании. Блейр сидела, вцепившись в свой докторский чемоданчик, словно боялась его потерять.

За прошедшие пять лет город сильно изменился. Чувствовалось, что он обновляется, строится, растет.

Города Запада страны отличаются от восточных с их устоявшимися традициями. Когда Уильям Чандлер прибыл в эти места, будущий город был всего лишь хорошим куском земли с великолепными открытыми залежами угля. Не было ни железной дороги, ни административного центра; магазины, обслуживавшие разбросанные в округе ранчо, не имели названий. Билл Чандлер быстро исправил положение.

Когда они свернули на улицу, ведущую к Чандлер-хаусу, или Особняку, как любили называть его жители города, Блейр улыбнулась при виде богато украшенного трехэтажного здания. А вот и мамин сад — зеленый, пышно разросшийся; она почувствовала запах роз. Теперь с улицы к дому вели ступеньки, поскольку ее горбатую среднюю часть сровняли для новой линии конки. Но в целом никаких особых изменений не произошло. Она прошла сквозь широкую веранду, опоясывающую дом, и вошла внутрь через одну из двух парадных дверей.

Блейр хватило и десяти минут пребывания в Чандлер-хаусе, чтобы понять, что отняло у Хьюстон ее живость.

В передней их встретил мужчина такого основательного телосложения, что любой уважающий себя валун позавидовал бы ему. Выражение его лица соответствовало очертаниям его фигуры.

Блейр было двенадцать лет, когда она уехала из Чандлера к дяде и тете в Пенсильванию, чтобы изучать там медицину. И за прошедшие годы она просто-напросто забыла, что представляет из себя ее отчий. Блейр улыбнулась и протянула ему руку, а он назвал ее дурной женщиной и заявил, что не позволит ей заниматься мерзким ремеслом врача под его крышей.

Сбитая с толку Блейр недоуменно посмотрела на мать. Опал Гейтс стала тоньше, медлительнее по сравнению с тем, какой ее помнила Блейр. Но прежде чем Блейр успела ответить мистеру Гейтсу, Опал нежно обняла дочь и увела наверх.

В течение трех первых дней Блейр разговаривала очень мало. Она превратилась в стороннего наблюдателя и только следила за всем происходящим. Увиденное испугало ее.

Она помнила свою сестру веселой и живой девушкой, которая находила удовольствие в проделках, свойственных близнецам: меняться одеждой и местами, что приводило ко всяким неожиданностям. Ничего этого не осталось — или было запрятано так глубоко, что никто об этом не подозревал.

Вместо Хьюстон-заводилы, горадой на выдумки, Хьюстон-актрисы перед Блейр предстала застывшая женщина, у которой нарядов было больше, чем у всех остальных обитательниц города вместе взятых. Казалось, что все ее творческие способности были без остатка направлены на бесконечное приобретение потрясающе красивых платьев.

На второй день по приезде домой Блейр с облегчением узнала от подруги, что жизнь ее сестры не совсем лишена смысла.

Каждую среду Хьюстон переодевалась толстой старухой и объезжала близлежащие шахтерские поселки. Ее фургон, запряженный четверкой лошадей, был набит продуктами. Весьма опасное предприятие, если учесть, что поселки были огорожены и охранялись от проникновения туда профсоюзных агитаторов. Если бы Хьюстон поймали во время доставки запрещенных, то есть купленных не в магазинах компании, товаров, ее бы ждало наказание, да и охрана могла попросту застрелить ее.

Но на третий день затеплившаяся было надежда оставила Блейр, потому что на третий день она возобновила знакомство с Лиандером Вестфилдом.

Когда Вестфилды поселились в Чандлере, близнецам было по шесть лет. Блейр тогда лежала со сломанной рукой и пропустила первую встречу с двенадцатилетним Лиандером и его пятилетней сестрой. Но от Хьюстон Блейр узнала про него все. Нарушив запрет матери, Хьюстон проскользнула в комнату Блейр, чтобы рассказать ей, что встретила мужчину, за которого собирается выйти замуж.

Блейр сидела и слушала с широко раскрытыми глазами. Хьюстон всегда знала, чего хочет, и всегда походила на взрослую.

— Мне нравятся именно такие мужчины. Он спокойный, умный, очень симпатичный и хочет стать врачом. Я разужнаю, что надо знать жене врача.

Глаза Блейр расширились еще больше.

— Он сделал тебе предложение? — прошептала она.

— Нет, — ответила Хьюстон, стягивая ослепительно-белые, без единого пятнышка перчатки — у Блейр они через полчаса стали бы черными, как у трубочиста. — Такие молодые мужчины, как он, не думают о женитьбе, об этом должны позаботиться мы, женщины. Я уже приняла решение. Я выйду за Лиандера Вестфилда, как только он закончит медицинскую школу. Но, разумеется, мне нужно твое одобрение. Я не смогу выйти замуж за человека, который тебе не понравится.

Блейр была польщена оказанной ей честью и подошла к делу серьезно. Она слегка разочаровалась, познакомившись с Лиандером и обнаружив, что тот вовсе и не мужчина, а всего лишь высокий, худощавый мальчик приятной наружности. Говорил он мало. Блейр всегда нравились мальчики, которые бегали, бросали камни и учили ее, как свистеть, засунув два пальца в рот. Пережив поначалу несколько неприятных стычек с Ли, она смогла взглянуть на него другими глазами после того, как Джимми Саммерс упал с дерева и сломал ногу. Никто из детей не знал, что делать, они просто стояли и смотрели на плачущего от боли Джимми. А Ли сразу же послал кого-то за доктором, кого-то — за миссис Саммерс. Он

произвел на Блейр большое впечатление, она повернулась к Хьюстон, и та кивнула ей, как бы подтверждая, что данный случай укрепил ее решение стать миссис Лиандер Вестфилд.

Блейр с готовностью признавала, что у Лиандера есть несколько хороших качеств, но в целом он никогда ей не нравился. Он был слишком самоуверенным, слишком самодовольным... слишком совершенным. Она, конечно же, никогда не говорила сестре об этом, а кроме того, она думала, что он, возможно, изменится, станет более человечным, когда вырастет. Но он не изменился.

Несколько дней назад Ли зашел за Хьюстон, чтобы вместе пойти на чай. Поскольку Опал дома не было, а мистер Гейтс работал, Блейр предоставилась возможность немного поговорить с Ли, пока Хьюстон заканчивала одеваться — ей всегда требовалась целая вечность, чтобы затянуться в кокон из шелка и кружев, обычно служивший ей платьем.

Блейр подумала, что они смогут найти общую тему для разговора, поскольку оба они — врачи, и в его отношении к ней исчезнет прежняя враждебность.

— Со следующего месяца я начинаю работать в больнице св. Иосифа, — начала она, когда они расположились в малой гостиной. — Эта больница считается прекрасной.

Лиандер лишь посмотрел на нее своим пронизывающим взглядом, который она помнила с детства. Невозможно было угадать, о чем он думает.

— Интересно, — продолжала она, — позволят ли мне сопровождать тебя во время обходов в нашей городской больнице? Может быть, ты обратишь мое внимание на то, что пригодится мне в дальнейшем обучении?

Прежде чем ответить. Ли молчал возмутительно долго.

— Не думаю, что тебе это разрешат, — это было все, что он сказал.

— Я считала, что между врачами...

— Не уверен, что совет директоров посчитает женщину достаточно квалифицированным специалистом. Я, пожалуй, мог бы провести тебя в женскую клинику.

В школе их предупреждали: время от времени они будут сталкиваться с подобным обращением.

— Тебя, возможно, удивит, что я собираюсь специализироваться в полостной хирургии. Не все женщины-врачи хотят быть повивальными бабками.

Лиандер поднял одну бровь и оглядел Блейр с ног до головы все в той же раздражающей ее манере. «Видимо, все мужчины Чандлера считают женщин слабоумными существами, удел которых сидеть дома», — подумала Блейр.

И все же она не собиралась осуждать его. В конце концов, они теперь взрослые, и надо забыть детскую неприязнь. Если этот человек нужен Хьюстон, пусть она его и получит — ей-то с ним жить не придется.

Но, проведя несколько дней с сестрой, Блейр начала ставить под сомнение саму мысль о возможности женитьбы Лиандера на Хьюстон, потому что в присутствии своего жениха Хьюстон была еще более сдержанной. Молодые люди разговаривали между собой редко, не склоняли друг к другу даже головы и не хихикали, как делает большинство помолвленных пар. «Они ведут себя не так, как я и Алан», — думала Блейр.

В этот вечер за обедом ситуация обострилась почти до крайности. Блейр устала от постоянных нравоучений Гейтса, она чувствовала себя больной, видя, как страдает сестра в ужасающей атмосфере морального давления. И когда Гейтс в очередной раз принялся читать нотации Блейр, она взорвалась и заявила, что он погубил жизнь Хьюстон, но с ней это не пройдет.

В ту же секунду Блейр пожалела о сказанном и хотела извиниться, но в дверях появился Лиандер Вестфилд, и все посмотрели на него так, словно в комнату вошел полубог. Хьюстон представилась Блейр в виде девы, предназначенной в жертву этому холодному, бесчувственному человеку. И, когда он посмел назвать Хьюстон своей невестой, будто уже заполучил ее, Блейр не выдержала и в слезах выбежала из-за стола.

Она не знала, сколько времени проплакала, когда к ней вошла мать, обняла и стала успокаивать ее, как ребенка.

— Скажи мне, что случилось, — прошептала Опал, глядя дочь по волосам. — Ты скучаешь по дядиному дому? Я знаю, что мистер Гейтс сделал твое пребывание здесь не слишком приятным, но он хотел как лучше: чтобы у тебя была семья, дети, он боится, что, если ты станешь врачом, никто не захочет на тебе жениться. Тебе осталось совсем немного побыть с нами, а потом ты вернешься к Генри и Фло и начнешь работать в больнице.

Слова матери вызвали у Блейр новый поток слез.

— Дело не во мне, — рыдала она. — Я могу уехать. Выбраться отсюда. Но Хьюстон! Она так несчастна, и все из-за меня. Я уехала и оставила ее с этим ужасным человеком, а теперь она так несчастлива.

— Блейр, — строго произнесла Опал, — мистер Гейтс мой муж, и, каким бы он ни был, я уважаю его и не позволю тебе говорить о нем в таком тоне.

Блейр подняла на мать заплаканные глаза:

— Я говорю не о нем. Да, он здесь, но Хьюстон может уехать отсюда. Я имела в виду Лиандера.

— Ли? — с удивлением переспросила Опал. — Но Лиандер такой милый мальчик. Да любая молодая леди Чандлера умирает от желания хотя бы потанцевать с ним, а Хьюстон выходит за него замуж. Не может быть, чтобы их брак так беспокоил тебя.

Блейр отодвинулась от матери.

— Я всегда была единственной, кто видел, что он представляет из себя на самом деле! Ты когда-нибудь наблюдала за Хьюстон, когда он рядом? Она же леденеет! Она сидит так, словно боится всего на свете, и его в частности. Хьюстон всегда весело проводила время, смеялась, а теперь она даже не улыбается. Ах, мама, как я жалею, что тогда уехала! Если бы я осталась, я бы не дала ей согласиться выйти за него.

Она придвинулась к матери и спрятала лицо в ее коленях. Опал улыбнулась, ей было приятно, что дочь выказывает такую заботу о сестре.

— Нет, ты все сделала правильно, — мягко сказала она. — Иначе ты бы стала такой же, как Хьюстон, и верила, что единственное, на что способна женщина, — это вести хозяйство в доме мужа, и тогда мир потерял бы прекрасного врача. Посмотри на меня, — она подняла лицо Блейр. — Мы не можем знать, как ведут себя Хьюстон и Ли, когда они наедине. Никто не знает личной жизни других людей. Полагаю, что и у тебя есть кое-какие секреты.

Блейр моментально подумала об Алане, и щеки ее порозовели. Но сейчас не время говорить о нем. Он приедет через несколько дней, и тогда у нее появится единомышленник.

— А я могу представить их отношения, — настаивала Блейр. — Они никогда не разговаривают, не касаются друг друга, я ни разу не видела, чтобы кто-то из них посмотрел на другого с любовью, — Блейр поднялась. — По правде говоря, я всегда терпеть не могла этого напыщенного, твердолобого, самодовольного Лиандера Вестфилда. Он из тех избалованных детей богатых родителей, которым все преподносится на серебряном блюде. Ему не случалось разочаровываться, преодолевать трудности, бороться или хотя бы

услышать слово «нет». Когда я училась в школе, пяти лучшим студенткам нашего женского колледжа было разрешено посещать некоторые занятия в соседней мужской медицинской школе. Мужчины были весьма обходительны до тех пор, пока женщины не стали набирать больше баллов за контрольные работы, чем они. И тогда нас попросили покинуть это заведение, хотя семестр еще не закончился. Лиандер напоминает мне тех самонадеянных молодых людей, не выдержавших соревнования.

— Но дорогая, ты считаешь это справедливым? То, что Ли напоминает тебе кого-то, вовсе не означает, что он и в самом деле такой, как они.

— Я несколько раз пыталась заговорить с ним о медицине, но в ответ он лишь таращил на меня глаза. А что, если Хьюстон захочется заняться в жизни еще чем-то, помимо штопанья его носков? Да он обойдется с ней хуже, чем Гейтс со мной. И ведь ничего нельзя будет изменить. От мужа не уйдешь.

Опал нахмурилась:

— Ты говорила с Хьюстон? Я уверена, что она сможет объяснить тебе, почему любит Лиандера. Возможно, наедине они ведут себя по-другому. И несмотря на все твои слова, Лиандер — хороший человек.

— Как и Дункан Гейтс, — пробормотала Блейр. Она уже знала, что «хорошие» мужчины способны загубить душу женщины.

Блейр попыталась вызвать Хьюстон на откровенность, поспорить с ней, но на лице сестры появилось напряженное выражение, и она ответила, что любит Лиандера. Блейр хотелось плакать от отчаяния, но, когда она спускалась вслед за сестрой по лестнице, в голове у нее стал созревать план. Они собирались сегодня в город. Блейр нужно было забрать медицинский журнал, посланный Аланом через контору газеты «Чандлер Кроникл», Хьюстон хотела пройтись по магазинам, а сопровождать их должен был Ли.

До сих пор она была вежлива с Лиандером, а что, если она заставит его показать свое истинное лицо? Что, если Хьюстон увидит, каким бесчувственным твёрдолобым тираном он является на самом деле? Если она сможет доказать, что Ли такой же деспот и ограниченный человек, как Дункан Гейтс, может быть, тогда Хьюстон раздумает связывать с ним свою жизнь.

Конечно, она может и ошибаться в отношении Ли. И если это так, если Ли тактичный, не страдающий предрассудками человек, — такой же, как Алан, тогда Блейр громче всех будет петь на их свадьбе.

Когда они спустились вниз, Лиандер уже ждал их.

Блейр молча вышла за ними из дому. Они не взглянули друг на друга. Хьюстон просто медленно шла, возможно, как подумала Блейр, из-за тугого корсета, не дававшего ей дышать, и позволила Ли помочь ей сесть в его старый черный экипаж.

— Ты считаешь, что женщина может быть только женой и матерью? — спросила Блейр их спутника, когда он помогал ей садиться в экипаж. Она краем глаза следила за Хьюстон, чтобы убедиться, что сестра слышит ответ Ли.

— Ты не любишь детей? — с удивлением спросил он.

— Я очень люблю детей, — быстро ответила она.

— Тогда, я полагаю, ты не любишь мужчин.

— Мне нравятся мужчины, по крайней мере некоторые. Ты не отвечаешь на мой вопрос. Ты считаешь, что женщина может быть только женой и матерью?

— Я думаю, что это зависит от женщины. Моя сестра может сварить такое варенье из чернослива, что ты язык проглотишь, — ответил он. В глазах у него таились искорки, и, прежде чем Блейр смогла отреагировать, он подмигнул ей, схватил за талию и втолкнул в экипаж.

Блейр должна была успокоиться перед тем, как заговорить снова. Абсолютно ясно, он не принимает ее всерьез. «У него хотя бы есть чувство юмора», — отметила она.

Они ехали по улицам Чандлера, и Блейр попыталась сосредоточиться на том, что видела вокруг. Двери старого каменного здания оперы были выкрашены заново, и в городе прибавилось, по меньшей мере, три гостиницы.

Улицы были полны людей и повозок: ковбои с отдаленных ранчо, хорошо одетые приезжие с Запада, желающие разбогатеть в Чандлере, рабочие из шахтерских поселков, жители города. Последние приветственно махали сестрам и Лиандеру.

— Добро пожаловать домой, Блейр-Хьюстон, — кричали они им вслед.

Блейр взглянула на сестру и увидела, что та смотрит на запад, на чудовищно огромный дом, самый большой из всех, что она когда-либо видела. Белый дом, воздвигнутый на высокой горе, вершина которой была выровнена неким мистером Кейном Таггертом, чтобы

он мог выстроить это большое, неуклюжее сооружение, отбрасывавшее тень на старую часть города.

Блейр понимала, что не может судить о доме непредвзято, потому что уже в течение нескольких лет мать и Хьюстон писали ей о нем. Они забывали сообщать о рождениях, смертях, свадьбах, несчастных случаях — ничто из происходившего в Чандлере не заслуживало внимания, если оно не было связано с этим домом.

И когда строительство было завершено, а его владелец никого не пригласил посмотреть дом изнутри, отчаяние, сквозившее в полученных Блейр письмах, заставило ее улыбнуться.

— Весь город все еще пытается туда проникнуть? — спросила Блейр, приводя в порядок свои мысли. Если Лиандер не воспринимает ее вопросы серьезно, уклоняется от прямых ответов, как она сможет что-нибудь доказать Хьюстон?

А та говорила о чудовищном доме странным, мечтательным голосом, словно считала его сказочным замком, где сбываются все мечты.

— Не думаю, что все разговоры о нем — лишь сплетни, — отозвался Лиандер, когда Хьюстон упомянула имя Таггерта. — Джекоб Фентон сказал...

— Фентон! — вскричала Блейр. — Этот негодяй, который на многое смотрит сквозь пальцы, чтобы использовать личную жизнь других людей в своих интересах.

Фентону принадлежала большая часть угольных шахт в окрестностях Чандлера, а своих рабочих он держал в поселках под охраной, как в тюрьме.

— Думаю, нельзя обвинять только Фентона, — сказал Ли. — Существуют акционеры, и он должен выполнять условия контрактов. В этом участвуют и другие.

Блейр не поверила своим ушам. В эту минуту их экипаж остановился, чтобы пропустить конку, и она, взглянув на сестру, порадовалась, что та это услышала. Лиандер защищает угольных баронов, а Блейр знала, как глубоко Хьюстон сочувствует шахтерам.

— Ты никогда не работал на угольной шахте, — сказала Блейр. — Ты и представления не имеешь о том, что такое ежедневная работа за средства к существованию.

— А ты, по-видимому, знаешь.

— Во всяком случае, больше, чем ты, — бросила она. — Ты изучал медицину в Гарварде. Женщин туда не принимают.

— Ты опять за свое, — устало произнес Лиандер. — Скажи мне, ты возлагаешь вину на всех докторов-мужчин или выделила только меня?

— Ты единственный, кто женится на моей сестре. Он повернулся к ней, подняв в изумлении брови:

— А мне и в голову не приходило, что ты ревнуешь. Приободришься, Блейр, ты обязательно найдешь себе мужа.

Блейр незаметно сжала кулачки, уставилась вперед и попыталась припомнить, зачем она вступила в разговор с мужчиной, у которого настолько преувеличено чувство собственной значимости. Она надеялась, что Хьюстон оценит то, что она делает ради нее!

Блейр сделала глубокий вдох:

— А что ты думаешь о женщинах как о врачах?

— Мне нравятся женщины.

— Ага! Женщины нравятся тебе, пока они на кухне, а не в твоей больнице.

— Это твои слова, а не мои.

— Ты сказал, что я не «настоящий» врач и не могу делать с тобой обходы.

— Я сказал, что, по моему мнению. Больничный совет не согласится на это. Получи его

разрешение, и я покажу тебе все, что захочешь.

— А разве твой отец не в совете?

— Я мог влиять на него, когда мне было пять лет... или еще меньше.

— Я уверена, что он такой же, как ты, и не верит, что женщины могут быть врачами.

— Насколько я помню, я не высказывал своих мыслей относительно женщин в медицине. Блейр почувствовала, что сейчас закричит.

— Мы ходим по кругу. Что ты думаешь о женщинах в медицине?

— Я думаю, что это зависит от моего пациента. Если он скажет, что скорее умрет, чем позволит женщине лечить себя, я не подпущу женщину-врача к мужчине. Но если мой пациент будет умолять меня найти ему врача-леди, я буду рыть землю, коли придется.

Блейр не нашла что ответить. Лиандеру удается все поставить с ног на голову.

— Хьюстон мечтает о таком доме, — заметил Ли, когда конка проехала, ему явно хотелось сменить тему разговора. — Если бы не я, она присоединилась бы к толпе женщин, охотящихся за Таггертом и его домом.

— Мне хотелось бы побывать внутри, — словно в забытьи проговорила Хьюстон, а потом попросила Ли высадить ее у магазина Вилсона.

В отсутствие Хьюстон у Блейр не было необходимости разговаривать с Лиандером, да и он явно не считал себя обязанным поддерживать беседу. На языке у нее вертелось множество вопросов о больнице, но совсем не хотелось услышать в ответ ироничную отповедь.

Она сошла у конторы «Чандлер Кроникл» и остановилась поболтать с кем-то из старых знакомых. Все называли ее Блейр-Хьюстон, потому что не различали близнецов. Никто не называл ее так уже несколько лет, и она подумала, что интересно было бы узнать, как чувствует себя Хьюстон, постоянно оказываясь частью целого и никогда сама собой.

Она забрала новый медицинский журнал и по широкому деревянному тротуару направилась вниз по Третьей улице к магазину скобяных товаров Фаррела. Там она должна была встретиться с Хьюстон и Лиандером.

Ли стоял в одиночестве, прислонившись к ограде. Рядом находился его экипаж, запряженный крупной вороной лошастью в белых яблоках. Хьюстон не было видно поблизости, и Блейр решила подождать прихода сестры в обувном магазине напротив. Но Ли увидел ее и закричал на весь город:

— Убегаешь, поджав хвост?

Блейр выпрямилась, пересекла пыльную улицу и подошла к нему.

Он самодовольно улыбался, и Блейр захотелось стать мужчиной, чтобы иметь возможность вызвать его на дуэль.

— Я не думаю, что то, о чем ты сейчас подумала, украшает леди. Что скажет мистер Гейтс?

— Уверена, ничего нового. Выражение лица Ли тут же изменилось:

— Хьюстон сказала, что он очень груб с тобой. Если я могу чем-нибудь помочь, скажи мне.

На секунду Блейр смутилась — и от перемены в его отношении к ней, и от предложения помощи. Она-то думала, что он презирает ее. Но Блейр не успела ответить, как появилась Хьюстон. Лицо ее горело, выглядела она растерянной.

— Я рад, что ты вернулась именно сейчас. Ты спасла свою сестру больше, чем от смерти. Ей чуть было не пришлось заговорить со мной вежливо.

— Прошу прощения, — сказала Хьюстон. Ли взял ее за локоть и проводил до экипажа.

— Думаю, вам лучше поехать домой, чтобы подготовиться к сегодняшнему приему у губернатора.

Он помог Хьюстон сесть в экипаж, потом повернулся к Блейр.

Взглянув на сестру, Блейр поняла, что она должна еще раз попытаться раскрыть ей глаза на Лиандера.

— Я не сомневаюсь, что ты тоже сторонник теории доктора Кларка о перегрузке женских мозгов, — громко произнесла она.

Обняв Блейр за талию, Лиандер озадаченно взглянул на нее и рассмеялся. Затем смерил ее взглядом с головы до ног и сказал:

— Блейр, тебе не о чем беспокоиться. Мне кажется, твои мозги находятся в нужном месте.

Блейр сидела в экипаже, слушала посмеивающегося Лиандера и думала, что никакая другая сестра не вынесла бы того, что она терпит ради своей.

Когда они выезжали из города, двое мужчин с бычьими шеями, управлявшие таким ветхим фургоном, что никакой уважающий себя фермер не сел бы в него, крикнули Лиандеру, чтобы тот остановился. Угрюмый, пугающего вида бородатый человек, явный грубиян, нагло приветствовал Хьюстон. Никогда раньше Блейр не видела, чтобы сестра позволила так с собой обращаться. Что-что, а поставить на место зарвавшегося поклонника она умела.

Хьюстон вежливо кивнула ему, он стегнул своих лошадей, и фургон умчался, взметнув облако пыли.

— Что, все это значит? — спросил Лиандер. — Я не знал, что ты знакома с Таггертом.

Прежде чем Хьюстон смогла ответить, Блейр вставила:

— Так это тот человек, который построил этот дом? Не удивительно, что он никого к себе не приглашает. На его приглашения просто никто бы не ответил. Кстати, как он смог нас различить?

— По одежде, — быстро ответила Хьюстон. — Я видела его в магазине Вилсона.

— Раз все отвергают его приглашения, — сказал Ли, — думаю, Хьюстон может, рискуя вляпаться в любую беду, попасть к Таггерту.

Блейр наклонилась вперед:

— Ты получал письма из этого дома?

— Если бы я мог продавать слова на вес, я давно бы стал миллионером.

— Как и его хозяин, — сказала Блейр, глядя на дом, который возвышался над западной частью города. — Он хранит свои миллионы и стережет свой чудовищный дом.

— Мы опять сошлись во мнении, — сказал Ли, разыгрывая удивление. — Тебе не кажется, что это становится правилом?

— Сомневаюсь, — огрызнулась Блейр, впрочем, без особого жара. Может быть, она и ошибалась в нем.

Но несколькими минутами позже будущее сестры взволновало ее с новой силой. Она оставила Ли и Хьюстон наедине в саду, а потом вспомнила, что забыла свой журнал в повозке Ли. Торопясь вниз по ступенькам, Блейр стала свидетелем маленькой драмы между женихом и невестой.

Лиандер потянулся к голове Хьюстон, чтобы отогнать пчелу. Его жест заставил ее застыть. Даже оттуда, где она стояла, Блейр увидела, как резко отодвинулась сестра, чтобы

избежать прикосновения Ли.

— Не беспокойся, — произнес он безжизненным голосом, — я до тебя не дотронусь.

— Это только до свадьбы, — прошептала она, но Ли, не ответив, в бешенстве промчался мимо Блейр, сел в свой экипаж и быстро уехал.

***

Лиандер ворвался в дом отца, хлопнув дверью с такой силой, что задребезжали стекла витража. Он взбежал по лестнице через две ступеньки, повернул налево и устремился в свою комнату. После женитьбы ему предстояло расстаться с ней и переехать в дом, тупленный им для невесты.

Он чуть не столкнулся с отцом, но не извинился и не замедлил шаг.

Рид Вестфилд, взглянув на пронесшегося мимо сына, заметил выражение ярости на его лице и прошел за ним в его комнату. Когда он вошел туда, Лиандер был занят тем, что швырял в чемодан одежду.

Рид постоял в дверях, наблюдая за сыном. Внешне они не походили друг на друга. Рид был невысоким, полноватым, черты его лица напоминали бульдожья. Но темперамент у обоих был одинаковым. Чтобы вывести Вестфилдов из себя, требовалось приложить немало усилий.

— У тебя срочный вызов? — спросил Рид, наблюдая, как разъяренный сын бросает одежду в чемодан, через раз промахиваясь.

— Нет, это все женщины, — процедил Ли сквозь зубы.

Рид закашлялся, стараясь скрыть улыбку. За годы работы он научился не показывать своей реакции, что бы ни говорили его пациенты.

— Поссорился с Хьюстон?

Ли повернулся к отцу, не скрывая бушевавших в нем чувств:

— У меня никогда не было с Хьюстон ни ссор, ни споров, ни стычек, никаких других разногласий. Хьюстон — абсолютное совершенство, в ней нет изъянов.

— А, так, значит, это ее сестра. Кто-то сказал, что она изводила тебя сегодня. Но тебе ведь не придется жить со свояченицей.

Ли приостановил сборы:

— Блейр? Да причем здесь она? Наоборот, с тех пор, как я помолвлен, я никогда так не наслаждался обществом женщины. Это Хьюстон сводит меня в могилу. Или, точнее, вынуждает меня уехать из Чандлера.

— Подожди, — попросил Рид, взяв сына за руку. — Прежде чем ты прыгнешь в поезд и оставишь своих пациентов умирать, почему бы нам не сесть и не поговорить. Расскажи мне, что довело тебя до такого состояния?

Ли тяжело опустился на стул, словно весил тонну, и несколько минут сидел молча.

— Ты помнишь, почему я попросил Хьюстон стать моей женой? Я сейчас не могу припомнить ни единой причины, заставившей меня сделать это.

Рид сел напротив сына.

— Подожди... если я ничего, не путаю, это была просто чистая, целомудренная,

старомодная страсть. Когда ты приехал из Вены, ты присоединился к легиону мужчин, молодых и старых, которые преследовали несравненную мисс Хьюстон Чандлер по всему городу, приглашая ее во всевозможные места, лишь бы побыть рядом с ней. Я помню, как ты слагал оды в честь ее красоты и говорил, что все мужчины Чандлера уже делали ей предложение. И я помню тот вечер, когда ты тоже сделал ей предложение, и она приняла его. По-моему, ты с неделю ходил, как во сне. — Он помолчал. — Я ответил на твой вопрос? А теперь ты решил, что больше не пылаешь страстью к прекрасной мисс Хьюстон?

Лиандер серьезно посмотрел на отца:

— А теперь я понял, что ее облик, эта ее походка, которая заставляет мужчин терять рассудок, — все это показное. Это не женщина, а кусок льда. Она холодная и бесчувственная. Я не могу жениться на такой, как она.

— И дело лишь в этом? — спросил Рид с явным облегчением. — Считается, что порядочные женщины должны вести себя именно таким образом. Подожди, вы поженитесь, и она оттаит. Твоя мать была очень холодна со мной до женитьбы. Она сломала о мою голову зонтик, когда однажды вечером я показался ей слишком дерзким. Но потом, когда мы поженились... все изменилось, сильно изменилось. Посоветуйся с кем-нибудь, кто более сведущ в этих делах. Хьюстон хорошая девушка, но ей пришлось прожить с этим изувером Гейтсом много лет. Не удивительно, что она нервная и запуганная.

Лиандер внимательно слушал отца. Он никогда не думал остаться в Чандлере. Напротив, он намеревался поступить в интернатуру в большом городе, работать в крупной больнице, иметь собственную практику и хорошо зарабатывать. Так продолжалось полгода, пока он не вернулся в родной город, где в нем действительно нуждались, где его ждали более серьезные случаи, чем истерия богатых женщин.

В тот вечер, когда он вернулся домой, отец устроил праздник в его честь, и в комнату вошла «девочка». За это время Хьюстон превратилась в женщину с такой фигурой, что ладони у Ли вспотели. Он в изумлении смотрел на нее, а его старый друг дергал его за руку:

— Бесполезно. В городе не осталось ни одного мужчины, который не попросил бы ее руки... или чего-нибудь другого, с чем бы она пожелала расстаться... но мы ей не нужны. Она, наверное, ждет принца.

Ли самодовольно ухмыльнулся:

— Может, вы, ребята, не знаете, как просить. В Париже я научился кое-каким приемам.

Так он стал участником местных состязаний, в которых победитель получал в жены мисс Чандлер. Он так до сих пор и не понял, что произошло. Он пригласил ее на несколько вечеринок и где-то на третьей попросил ее стать его женой, сказав что-то вроде: «Я и не надеюсь, что ты захочешь стать моей женой». Он ожидал, что она откажет; тогда он сможет посмеяться с мужчинами в клубе, говоря, что тоже попытал счастья, но, увы, потерпел поражение.

Он испытал состояние шока, когда Хьюстон немедленно приняла его предложение и тут же спросила, устроит ли его двадцатое мая-. На следующее утро он увидел в газете свою фотографию и объявление об их с Хьюстон помолвке. В заметке также говорилось, что этим утром счастливая пара собирается покупать кольца. И после этого у него не было и минуты, чтобы осознать, что он совершил, сделав предложение. Если он не был в больнице, то шел к портному или согласовывал с Хьюстон цвет штор для дома, владельцем которого он вдруг оказался.

И вот теперь, за несколько недель до свадьбы, у него появились сомнения. Каждый раз,

когда он дотрагивался до Хьюстон, она отодвигалась от него, словно ее отталкивали. Он, конечно, был знаком с Дунканом Гейтсом, который никогда не упускал возможности поставить женщину «на место». Отец писал ему несколько лет назад, что Гейтс пытался запретить женщинам посещать новое кафе-мороженое, открывшееся в городе. Он утверждал, что это поощряет женскую лень, сплетни и кокетство. Так это и оказалось, написал Рид... но мужчины остались довольны.

Лиандер достал из кармана длинную, тонкую сигару и зажег ее.

— У меня нет опыта в отношении «порядочных» девушек. А тебя до свадьбы не беспокоило, что мама может не измениться?

— Беспокоило день и ночь. Я даже сказал отцу, что не женюсь на ней, потому что не хочу провести всю жизнь рядом с женщиной, сделанной из камня.

— Но ты передумал. Почему?

— Ну я... я хочу сказать... — Он, казалось, смутился и отвернулся от сына. — Если бы она была сегодня с нами, я думаю, она позволила бы мне сказать правду. А правда в том, сынок, что я соблазнил ее. Я напоил ее шампанским, заговорил сладкими речами и соблазнил.

Он повернулся к Лиандеру:

— Но я не советую тебе поступать так же. Я советую извлечь урок из того, что я сделал. Тут можно попасть в очень неприятную ситуацию. Тебе осталось подождать всего две недели.

Ли рассматривал кончик сигары:

— Мне нравится твой совет, и я им воспользуюсь.

— Думаю, мне не следовало рассказывать тебе об этом. Хьюстон — милая девушка и... — он остановился и внимательно посмотрел на сына. — Я тебе доверяю. Поступай, как считаешь нужным. Ты будешь к обеду?

— Нет, — рассеянно сказал Ли. — Сегодня вечером мы с Хьюстон идем на прием к губернатору.

Рид начал было говорить, но закрыл рот и вышел из комнаты. Возможно, он бы передумал и сказал то, что хотел сказать, если бы узнал, что сын позвонил в салон и заказал четыре бутылки французского шампанского. Его должны были отправить в его новый дом. Затем он попросил прислугу приготовить ужин, который начинался устрицами и заканчивался шоколадом.

Блейр сидела в своей комнате на верхнем этаже и пыталась сосредоточиться на статье о перитонитах, но вместо этого ее взгляд возвращался к окну, через которое было видно, как ее сестра срезает в саду розы. Хьюстон мурлыкала что-то себе под нос, нюхала цветы и явно наслаждалась их ароматом.

Блейр никогда не могла понять Хьюстон. Например, сегодня она поссорилась с женихом, который умчался в ярости, а Хьюстон даже несколько не расстроилась.

Кроме того, она вспомнила эпизод в городе с Таггертом: Блейр никогда не видела, чтобы Хьюстон проявила такое внимание к человеку, которому не была представлена. Хьюстон — ярая поборница традиций и этикета — приветствовала этого безвкусно одетого, неряшливого мужчину, как старого друга!

Блейр отложила журнал и спустилась в сад.

— Я хочу знать, что все-таки происходит? — спросила она, еще не успев подойти к сестре.

— Не понимаю, о чем ты, — Хьюстон выглядела невинной, как младенец.

— Кейн Таггерт, — , ответила Блейр, пытаясь по лицу сестры прочесть ее мысли.

— Я встретила его в магазине Вилсона, а позже он поздоровался со всеми нами.

Блейр взглянула на Хьюстон повнимательнее и увидела, что щеки ее горят неестественным румянцем, словно что-то очень сильно взволновало ее.

— Ты чего-то не договариваешь.

— Мне, вероятно, не следовало вмешиваться, но мистер Таггерт, похоже, начал злиться, а я хотела предотвратить скандал. Это все из-за Мэри Элис.

И Хьюстон рассказала, что Мэри Элис Пендергаст обращалась с Таггертом, как с шахтером, и воротила от него нос. А Хьюстон встала на его сторону.

Блейр была потрясена, что Хьюстон вмешалась в то, что ее совершенно не касалось, но еще больше ей не понравился сам Таггерт. Он казался способным на все что угодно. Блейр была наслышана о нем и его близких друзьях, таких, как Вендербильт, Джей Гульд, Рокфеллер.

— Мне, не нравится, что ты с ним общаешься.

— Ты говоришь, как Лиандер.

— Уж в этом-то он прав, — отрезала Блейр.

— Может, нам следует пометить этот день в семейной Библии? Блейр, клянусь, что после сегодняшнего вечера я никогда даже не упомяну имени мистера Таггерта.

— После сегодняшнего вечера?

Блейр ясно почувствовала, что немедленно должна бежать отсюда прочь. Еще когда они были детьми, Хьюстон всегда удавалось вовлечь ее в разные проделки, которые оканчивались не лучшим образом, а во всем обвиняли Блейр. Никто не верил, что милая, серьезная Хьюстон способна на шалости.

— Вот посмотри. Это принес посыльный. Он приглашает меня на ужин в свой дом, — Хьюстон вытащила из рукава записку и подала ее Блейр.

— Так. Но разве ты не идешь сегодня вечером с Лиандером?

— Блейр, ты, кажется, не понимаешь, сколько шуму наделал в городе этот дом. Все пытались получить приглашение. Люди приезжали со всех концов штата, чтобы посмотреть

на него, но ни один человек не удостоился этой чести. Как-то раз мистера Таггерта пытались уговорить принять в своем доме английского герцога, бывшего здесь проездом, но он даже не захотел их выслушать. И вот я приглашена!

— Но ведь ты должна идти в другое место, — напомнила Блейр. — Там будет губернатор. Он гораздо важнее убранства любого дома.

На лице Хьюстон появилось странное выражение, такое же, как этим утром, когда она смотрела на огромный дом.

— Ты даже не можешь представить, как все это происходило. Год за годом с поезда выгружали разные вещи. Мистер Гейтс сказал, что их владелец нарочно не стал прокладывать к дому боковую ветку, чтобы весь город стал свидетелем этого зрелища. Туда доставляли контейнеры со всего света. О, Блейр, там внутри, наверное, столько разной мебели! И гобелены! Гобелены из Брюсселя!

— Хьюстон, ты не можешь находиться одновременно в двух местах. Ты обещала пойти на прием, и ты должна туда пойти, — решительно сказала Блейр, надеясь положить конец этому разговору. Из двух мужчин Лиандер, определенно, был меньшим злом.

— В детстве нам случалось находиться одновременно в двух местах, — проговорила Хьюстон как ни в чем не бывало.

У Блейр перехватило дыхание.

— Ты хочешь, чтобы мы поменялись местами? Ты хочешь, чтоб я провела вечер с Лиандером, притворяясь, что он мне нравится, а ты тем временем отправишься в дом этого развратного человека?

— Что ты знаешь о Кейне, чтобы называть его развратным?

— Значит, уже Кейн? А я думала, что ты с ним не знакома.

— Не уходи от ответа, Блейр, пожалуйста, поменяйся со мной местами. Только на один вечер, Я бы пошла в другой раз, но, боюсь, мистер Гейтс запретит мне это, да и Лиандер наверняка не разрешит. А другого такого случая у меня уже не будет. В последний раз перед моей свадьбой.

— У тебя свадьба звучит как смерть. К тому же Лиандер сразу поймет, что это я, а не ты.

— А ты веди себя как следует. Мы обе с тобой хорошие артистки. Посмотри, как каждую среду я превращаюсь в старуху. Тебе только нужно держаться поспокойнее и не спорить с Ли, не заводить с ним разговоров о медицине и двигаться, как подобает леди, а не так, словно ты бежишь на пожар.

В голове у Блейр все спуталось. С тех пор как она вернулась в Чандлер, она все время переживала за сестру, беспокоилась, что дух ее сломлен. В первый раз за всю неделю Хьюстон проявила признаки жизни. Словно возвратилось детство, и они готовятся к очередной проделке, собираясь прикинуться друг дружкой, чтобы потом от души посмеяться.

А как же Лиандер? Если он начнет изводить Блейр, Но тут мысли ее прояснились. Лиандер никогда не изводит Хьюстон, а в этот вечер она будет Хьюстон. К тому же ей предоставится возможность убедиться, что Лиандер действительно такой хороший, как об этом в один голос твердят Опал и Хьюстон. И она будет знать наверняка, что, когда Ли и Хьюстон остаются наедине, они ведут себя, как настоящие влюбленные.

— Пожалуйста, пожалуйста, Блейр. Я так редко тебя о чем-нибудь прошу.

— Только пожить несколько недель в доме нашего отчима, которого, как ты знаешь, я

презираю. А также провести несколько недель в компании этого самодовольного человека, за которого ты, кажется, собираешься замуж, — перечисляла Блейр, но сама при этом улыбалась. Она только тогда сможет спокойно вернуться в Пенсильванию, когда убедится, что сестра будет счастлива.

— О Блейр, пожалуйста. Я так хочу увидеть этот дом!

— Так тебя интересует только дом? Не Таггерт?

— О чем ты говоришь! Меня сто раз приглашали, на ужин, но никогда еще хозяину дома не удавалось смутить мой покой. Кроме того, там будут и другие гости.

— Ты не возражаешь, если после свадьбы я расскажу Лиандеру, что он провел этот вечер со мной? Много можно отдать, чтобы увидеть выражение его лица.

— Конечно, можешь рассказать. Ли не лишен чувства юмора и, уверена, оценит нашу шутку.

— Я в этом сомневаюсь, но мне, по крайней мере, она доставит удовольствие.

— Тогда нам пора идти переодеваться. Я хочу подобрать что-нибудь подходящее для такого дома, а ты наденешь голубое атласное платье от Ворта.

Блейр пошла за Хьюстон к дому. Происходящее уже начало захватывать ее. Преобразиться в Хьюстон будет нелегко, а еще эта ее медленная, ленивая походка... Но Блейр приняла это как вызов и решила показать, на что она способна.

Блейр отвлеклась от мыслей о предстоящем приключении, когда почувствовала, как Хьюстон затягивает на ней шнурки корсета. У сестры никогда не возникало сомнений в том, что ради красоты стоит пострадать, но Блейр могла думать только о том, что ее внутренние органы смещаются под воздействием этого орудия пытки из китового уса. Но когда она надела платье и увидела себя в зеркале, недовольство пропало: ее фигура, как и фигура Хьюстон, стала напоминать песочные часы.

Хьюстон оглядела сестру в зеркале:

— Вот теперь ты похожа на женщину, — потом взглянула на свой наряд — юбку и блузку, корсет затянут не слишком туго. — А себя я чувствую легкой, как перышко.

Они молча изучали друг друга в зеркале.

— Никто не отличит нас одну от другой, — сказала Хьюстон.

— Пока мы не заговорим, — ответила Блейр, отворачиваясь.

— Уж у тебя-то трудности с этим не будет. Ты можешь молчать, как это обычно делаю я.

— Значит, я слишком много говорю? — бросила на нее взгляд Блейр.

— Это значит, что, если Блейр будет вести себя тихо, нас никогда не выпустят из дома, потому что мама вызовет врача.

— Лиандера? — уточнила Блейр, и они рассмеялись.

Позднее, когда они были уже полностью готовы к выходу, — предполагалось, что Блейр пойдет в гости к своей подруге Тайе Мэнкин, — Блейр увидела то, что людям редко удается увидеть: себя со стороны.

Она была настолько поглощена желанием походить на Хьюстон, двигаться, как она, так же войти в комнату и посмотреть на присутствующих, как бы издалека, что не обратила внимания на то, как Хьюстон изображает ее.

— Обе молодые леди выглядят очень мило, — произнес мистер Гейтс, войдя в комнату. Хьюстон в роли Блейр откинула голову и с высоты своего роста взглянула на него:

— Я врач, а быть врачом важнее, чем выглядеть привлекательной. От жизни я хочу

большого, чем быть просто женой и матерью.

Блейр открыла рот, чтобы возразить, что она никогда не грубит первой, но, посмотрев на лица вокруг, поняла, что никто не считает, что Хьюстон сказала что-то не то.

Ей стало почти жалко мистера Гейтса, когда лицо маленького человечка исказилось и покраснело. И прежде чем она поняла, что делает, Блейр встала между сестрой и разозленным отчимом.

— Какой прекрасный вечер! — громко сказала она. — Блейр, а не пойти ли нам с тобой в сад и подождать Лиандера там?

Когда Хьюстон повернулась к ней, лицо ее было искажено злобой и враждебностью. Такой Блейр никогда ее не видела. «Неужели я действительно так выгляжу? — подумала она. — Неужели большинство ссор с мистером Гейтсом затеваю я?»

Она хотела спросить об этом Хьюстон, но они не успели даже выйти на улицу — за ними приехал Лиандер.

Блейр стояла позади и смотрела на изображавшую ее Хьюстон, и ей почти сразу же захотелось защитить его. Галантный, улыбающийся, вежливый и такой симпатичный. Она никогда раньше не задумывалась, что Лиандер способен покорить не одно сердце. Серьезный, зеленоглазый, с тонким прямым носом и полными губами. Слишком длинные черные волосы касались воротника пальто. Но Блейр интересовала не его приятная внешность, а выражение глаз. Казалось, что они таят секреты, которые он не доверяет никому.

— Хьюстон! — окликнул он ее. — С тобой все в порядке?

— Конечно, — коротко ответила она, стараясь подражать холодной манере сестры.

Но когда Лиандер обхватил ее за талию, сажая в экипаж, она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ, быстро, мимолетно, но ей стало тепло, и она порадовалась, что проведет с ним этот вечер.

Прямо там же, в экипаже, Хьюстон пошла в атаку на Лиандера.

— Как избежать перитонита? — спросила она с такой угрозой в голосе, что Блейр с удивлением посмотрела на нее. С чего это она так рассердилась? И откуда узнала о перитонитах?

— Сшиваешь внутренности и молишься, — вполне разумно и правильно ответил Ли.

— А вы здесь, в Чандлере, слышали об асептике?

Затаив дыхание, Блейр ждала, как Ли воспримет этот вопрос. Блейр показалось, что он прозвучал весьма оскорбительно, и она не осудила бы Ли, если бы тот осадил Хьюстон. Но Ли только взглянул на Блейр, быстро подмигнул и ответил, что врачи в Чандлере не забывают мыть руки перед операцией.

Блейр не могла не улыбнуться ему и почувствовала, что они с ним заодно в этой ситуации. Хьюстон продолжала изводить Ли, а Блейр откинулась на сиденье и смотрела на звезды, не прислушиваясь к громкому разговору сестры.

Когда они наконец доехали до дома ее подруги, Блейр очень обрадовалась. А когда Хьюстон ушла и Блейр и Ли остались одни, она глубоко вздохнула.

— Как после страшной бури, — сказала она, поднимая глаза на Ли и страшась услышать его замечания о себе самой.

— Она не имела в виду ничего плохого. После окончания медицинской школы все врачи ведут себя так. Ощущаешь ту ответственность, которую накладывает твоя профессия.

— А потом это проходит?

— Да, но я не знаю, как лучше объяснить. Думаю, что со временем ты понимаешь, что твои возможности ограничены, и уже не думаешь, что способен спасти мир в одиночку.

Блейр снова откинулась на сиденье и подумала, что с его стороны очень мило не сказать ничего плохого в адрес Хьюстон, напавшей на него. И он назвал ее врачом.

И ей показалось вполне естественным просунуть свою руку под его и не отодвигаться в другой угол экипажа теперь, когда сестры уже не было. Она не заметила, что Лиандер как-то странно посмотрел на нее — этим вечером Блейр чувствовала себя прекрасно.

Город Чандлер расположился у подножия Скалистых Гор на высоте семи тысяч футов, и поэтому воздух здесь был всегда довольно разреженный, чистый и прохладный.

Летом в течение дня бывало очень приятно, но, как только солнце садилось, приходилось доставать шали.

Сидя рядом с Ли, Блейр жадно вдыхала прозрачный горный воздух. Она и не представляла, как ей не хватало его.

Они не проехали и полумили, как в облаке пыли к ним подскочил человек на взмыленной лошади и выкрикнул имя Лиандера.

— Вестфилд! Нужна помощь. На Ривер-стрит женщина пыталась убить себя.

Блейр никогда не видела этого человека раньше и была бы рада никогда его больше не встречать. Такими изображают игроков в азартные игры: черные-черные волосы, маленькие усики, но что хуже всего — он нагло ухмылялся, разглядывая ее.

Он снял шляпу с узкими полями и махнул ею в сторону Блейр:

— Я, конечно, понимаю, вы, может, заняты, док. Блейр посмотрела на Ли и, увидев, что он колеблется, поняла, что все зависит от нее.

— Я поеду с тобой, Ли. Может быть, я чем-то помогу.

Мужчина сказал:

— Ривер-стрит не место для леди. Может, мне следует за ней присмотреть, пока вы займетесь самоубийцей?

Но Ли щелкнул кнутом над, головой лошади и крикнул Блейр:

— Держись!

Блейр ударилась о спинку сиденья и попыталась за что-нибудь ухватиться. Ли помчался, как на крыльях. Она дважды в ужасе закрывала глаза, когда Ли чуть не столкнулся с тремя другими повозками. Люди замечали его издалека и заблаговременно очищали путь. Несколько раз она слышала подбадривающие возгласы и поняла, что вид мчащегося по улицам Ли знаком горожанам.

Он остановил лошадь на самой северной окраине города, за рекой Тиджерас, между двумя железнодорожными линиями. Блейр здесь никогда не была, да ее и не интересовало это место. Одним движением он схватил свой чемоданчик, спрыгнул на землю, привязал лошадь и приказал Блейр оставаться в коляске.

Однако Блейр последовала за Ли в дом с красными огнями над входом. Ли поднимался по лестнице, словно знал, куда идти. Блейр огляделась.

Казалось, все вокруг было красным: стены, ковры, обивка мебели. А то, что не было красным, было сделано из очень темного дерева.

На верхней площадке лестницы она увидела сбившихся в тесную кучку полуодетых женщин. Когда она приблизилась к ним, они попятились от двери.

— Мне нужна помощь! — услышала Блейр голос Ли, проталкиваясь сквозь присутствующих.

Ли взглянул на нее:

— Я же велел тебе оставаться в коляске. На кровати перед ним лежала бледная, худенькая молодая женщина, скорее, даже девушка. Она корчилась от боли. Блейр предположила, что она выпила какое-то дезинфицирующее средство на спиртовой

основе. — Карболку? — спросила Блейр и, увидев, что Ли вытаскивает из чемоданчика приспособление для промывания желудка, тут же поняла, что надо делать.

Она не стала терять ни секунды. Она властно приказала трем женщинам, на одной из которых не было ничего, кроме корсета и тонкого черного капота, держать руки и ноги девушки, а еще одну послала за полотенцами. Вошедшую в комнату высокую, хорошо одетую женщину, которая, судя по ее лицу, прекрасно умела отдавать приказания, Блейр отправила за двумя плащами. И когда они были доставлены, она стала следить за Ли и, как только у того освободились руки, надела на него прорезиненный водоотталкивающий плащ. Второй она надела поверх платья сестры.

Ли говорил с девушкой, успокаивал ее, даже когда проталкивал свое приспособление ей в пищевод. Карболка сделала свое дело — вывела наружу содержимое желудка. При этом все в комнате оказалось заляпанным.

Слабая, судорожно кашляющая, покрытая грязью девушка вцепилась в Ли, он поддерживал ее, а Блейр тем временем спокойно организовывала уборку.

— Не так уж и страшно, — сказал Ли, — продолжая поддерживать девушку, которая теперь заплакала. — Успокойся, выпей это, — и подал ей воду и две таблетки.

Он не отпускал ее до тех пор, пока она не расслабилась и не заснула, затем бережно опустил ее на постель и повернулся к высокой женщине, которую Блейр посылала за плащами:

— Вымойте ее и приведите завтра в больницу. — Я хочу с ней поговорить.

Женщина молча кивнула, глядя на Ли большими глазами, в которых читалось преклонение. Она повернулась к Блейр:

— Надеюсь, вы цените этого человека, дорогая, таких, как он, немного. Он... — взгляд Ли заставил ее замолчать.

— Нам надо идти, — сказал он и с удивлением посмотрел на плащ, который все еще был на нем, потом на стоящую у постели больной Блейр.

— Я узнала это от своей сестры-врача, — ответила она на немой вопрос и внезапно заволновалась, как расценит Ли ее помощь в этой истории с девушкой.

Но Ли уложил инструменты, взял ее за руку и вывел из комнаты, не сказав ни слова. Люди вокруг них бормотали слова благодарности, но взгляды их были безрадостными, и Блейр поняла, что молодые женщины думали о том, что каждая из них могла оказаться на месте этой девушки.

— Ты часто сюда приезжаешь? — спросила она Ли, пока они спускались по лестнице.

— Раз в неделю кто-нибудь из врачей бывает здесь по той или иной причине. Думаю, я бывал здесь столько же, сколько и другие.

Когда они подошли к экипажу. Ли остановился перед Блейр, и она поняла, что он сейчас скажет ей, кто она такая.

— Я очень благодарен тебе, что ты поехала на вызов со мной и мне не пришлось сначала отвозить тебя куда-нибудь. Для меня это значило больше, чем ты можешь себе представить.

Она облегченно улыбнулась:

— Ты так хорошо все сделал, быстро и осторожно — как только можно.

Чуть улыбнувшись, он тронул волосы у нее на виске:

— Ты опять говоришь, как Блейр, но все равно, спасибо за комплимент.

В медицинской школе, где училась Блейр, был преподаватель, который предупреждал

их, что истинным несчастьем молодых женщин-врачей является их удивительная способность влюбляться в мужчин — лучших хирургов. Он также сказал, что женщине-интерну достаточно увидеть, как такой врач удаляет кисту на яичнике, а это операция сложная, чтобы тут же потерять голову.

Но в эту минуту Блейр думала, что Ли один из самых красивых мужчин, которых она когда-либо видела. Он прекрасно провел всю процедуру, но что поразило ее больше, так это его сострадание. Когда он наклонялся, чтобы поцеловать ее, она осознала, что хочет его поцелуя сама, как Блейр, а не Хьюстон.

Она отвернулась.

Лиандер тут же убрал руки, и ярость в его глазах испугала Блейр. Он отвернулся, но гнев сквозил в каждом его движении.

— На мгновение Блейр охватила паника. Ведь сейчас она — Хьюстон, а не Блейр, и, конечно же, должна поцеловать любимого мужчину.

Блейр схватила его за руку. Он остановился и посмотрел на нее. Глаза сверкали злостью, и ей потребовалось большое мужество, чтобы не отступить. Она решительно обняла его за шею и прикоснулась губами к его губам.

Он стоял, как каменный, не двигаясь, не отвечая на ее поцелуй.

Доктор Лиандер Вестфилд, без сомнения, весьма избалованный мужчина, пронеслось у нее в голове, если так сурово наказывает свою невесту за отказ в поцелуе. И поскольку он по-прежнему стоял, не выказывая никаких эмоций, она восприняла это как вызов, как первый год ее учебы в медицинской школе.

Она поднялась на цыпочки и добавила немного страсти в свои действия.

Она не была готова к его реакции, ничто в ее жизни до сего момента не подготовило ее к этому.

Он схватил ее лицо в ладони, наклонил ей голову набок и закрыл рот поцелуем с такой страстностью, что у нее перехватило дыхание. Ее реакция была под стать. Она прижалась к нему всем телом и только крепче обняла, когда он просунул колено между ее ног и раздвинул ее губы языком.

— Прощу прощения, — со смешком произнес чей-то голос, но лишь через несколько секунд Ли оторвался от нее.

Блейр стояла с закрытыми глазами и обрадовалась, что позади нее коляска, иначе она, пожалуй, упала бы. Она смутно видела этого ужасного мужчину-игрока, который ухмылялся, даже говоря с Ли, но ей было все равно. Возможно, репутация Хьюстон погибла навеки, но сейчас Блейр думала об этом меньше всего.

— Готова?! — услышала она мягкий голос Ли у своего уха, когда мужчина ушел. Она чувствовала тепло его тела рядом с собой.

— К чему? — пробормотала она, открывая глаза.

— Хьюстон, нам не обязательно ехать на прием, — сказал Ли.

Блейр выпрямилась и вспомнила, кто она такая, где находится и что рядом жених сестры.

— Нет, мы едем, — застенчиво произнесла она, стараясь не встречаться с ним взглядом и делая вид, что не замечает его рук на своей талии, задержавшихся там значительно дольше, чем требовалось, чтобы посадить ее в экипаж.

Устроившись, она не отводила глаз от дороги. «Так вот почему Хьюстон любит его, — подумала она. — А я-то волновалась, что они слишком холодны наедине».

Она мельком взглянула на него. Когда он повернулся, его глаза сияли и искрились, в них был призыв.

Она слабо улыбнулась и приказала себе думать об Алане. Алан. Алан!

Кое-как Блейр удалось взять себя в руки, но чувства ее находились в смятении, и она не обратила внимания на то, что Ли переехал через реку и направился в укромный уголок Фентон-парка. Перед ними расстилалось озеро Миднайт. Ли остановил экипаж недалеко от эстрады для оркестра и подошел к Блейр, чтобы помочь ей выйти.

— Почему мы остановились?

— Я не могу избавиться от запаха карболки и подумал, что свежий воздух поможет нам в этом.

Он улыбнулся и приподнял ее, высаживая из экипажа. Ей пришлось отвернуться, иначе бы она снова оказалась в его объятиях.

— Ты очень хорошо действовал сегодня на вызове.

— Ты уже это говорила, — ответил он, отпуская ее; затем достал из кармана сигару и закурил. — Почему ты поехала сегодня со мной? Раньше ты никогда этого не делала.

Блейр напряглась, лихорадочно соображая.

— Наверное, потому, что я очень волновалась сегодня днем. Ты казался ужасно сердитым, — сказала она, надеясь, что ее слова звучат правдиво.

Он склонил голову набок и смотрел на нее сквозь облако дыма и лунный свет.

— Похоже, раньше тебя это не волновало. «Боже, во что я влипла», — подумала Блейр. И почему Хьюстон не предупредила ее, что Ли может заговорить об этом.

— Да нет же, волновало, — сказала она, отворачиваясь и кладя руку на край эстрады. — Я всегда переживаю, когда обижаю тебя. И я постараюсь больше так не делать.

Он молчал так долго, что она повернулась и посмотрела на него. У него опять был тот же зовущий взгляд.

— Ли, ты заставляешь меня краснеть. Разве нам не пора на прием?

«К черту Хьюстон!» — подумала она. Опять она позволила сестре вовлечь себя в предприятие, которое доставит ей, Блейр, массу неприятностей. Она надеялась, что лицемерие огромного дома хотя бы стоит такой жертвы.

Рука Ли медленно коснулась ее руки. Она отступила и уперлась спиной в деревянную эстраду. Он бросил сигару и сделал шаг в ее сторону. Чуть улыбнувшись ему, Блейр подобрала юбки, взбежала по ступенькам на эстраду и остановилась в центре.

— Мы давали здесь такие славные концерты, — начала она, пятясь, потому что он шел к ней. — Я была в розовом и белом и...

Она осеклась — он стоял перед ней, а отступить было больше некуда. Чувствуя тепло его тела рядом со своим, Блейр взглянула на Ли, он протянул к ней руки, и она приблизилась к нему.

Не было никакой музыки, кроме звуков ночи, но Блейр могла с уверенностью сказать, что, когда Ли закружил ее по эстраде, заиграли скрипки. Юбки перекинуты через руку, глаза закрыты, и она двигается, словно во сне, не думая ни о чем, кроме этой минуты. А когда он, не останавливаясь, притянул ее ближе, его ноги прижались к ее ногам, она отдалась чувствам, никогда прежде ею не испытанным.

Находясь в его объятиях, она не сознавала ни течения времени, ни того, что играет роль сестры, ни того, что мужчина, с которым она так близка, чужой ей. Не было ни прошлого, ни будущего, существовало только настоящее.

Когда он начал целовать ее шею, щеку, висок, Блейр прильнула к нему, обвила его шею руками, ее движения в танце замедлились, наполнились соблазном.

— Ты говорила, что можешь быть другой, — прошептал он, но Блейр не услышала ни слова. — Ну поцелуй меня, прежде чем мы поедем.

Только часть слов достигла ее сознания. Ей не хотелось уезжать, она хотела, чтобы это не кончалось, и, когда Ли поцеловал ее снова, она еще больше ослабла. Ему пришлось поддерживать Блейр, иначе у нее просто подкосились бы ноги.

Он отступил назад, и какое-то мгновение она не двигалась. Глаза закрыты, голова запрокинута.

Когда же она взглянула на него, он улыбался, он казался счастливым, чего она никогда раньше не видела. Она улыбнулась ему в ответ.

— Пойдем, моя радость, — засмеялся он, все еще не выпуская ее из рук. — Я хочу показать тебя миру.

Когда Ли посадил Блейр в экипаж, мозг ее снова заработал. Вечер шел не так, как она предполагала. Блейр собиралась выяснить, выходит ли ее сестра замуж за достойного человека, но вместо того, чтобы проводить научное изыскание, она переставала соображать каждый раз, как Ли прикасался к ней.

— Немыслимо смешно.

— Что? — спросил Ли, сидя рядом с ней.

— Что... у меня внезапно жутко разболелась голова. Мне лучше вернуться домой.

— Дай мне посмотреть.

— Нет, — сказала Блейр, отодвигаясь от него. Он взял ее за подбородок длинными, сильными пальцами и приблизил свое лицо к лицу Блейр.

— Не вижу никаких признаков боли, — прошептал он, — разве что вот эта маленькая вена, — добавил он, целуя ее в висок у корней волос. — Ну как, помогло?

— Пожалуйста, — прошептала она, пытаясь отвернуться. — Пожалуйста, не надо.

После долгой ласки он тронул поводья, и они поехали из парка.

Блейр приложила руку к груди, к сильно бьющемуся сердцу. «По крайней мере, мы будем на людях, — подумала она, — а потом он отвезет меня домой, и я снова смогу быть сама собой. И оставлю этого опасного человека там, где ему следует быть — в руках сестры».

***

Позже кто-то говорил Блейр, что у губернатора и в самом деле был прием, что она была там, была представлена губернатору и отвечала весьма связно, но сама она ничего не помнила. Все эти несколько часов она провела, казалось, в объятиях Лиандера, скользя в танце по зеркальному паркету и не видя ничего, кроме его глаз, все больше погружаясь в их зеленый омут.

Она помнила, что несколько человек сказали ей, что никогда она не выглядела милее, а Ли — счастливее. Задавали тысячу вопросов о свадьбе, а Блейр ответов не знала, но это не имело никакого значения, потому что Ли каждый раз опять уводил ее танцевать.

Если они и разговаривали, она не могла вспомнить о чем. Она думала только о его руках, глазах и о тех чувствах, которые он в ней вызывает.

Только когда мальчик принес Ли записку со срочным вызовом, она очнулась и поняла, что волшебная ночь закончилась. Она почувствовала себя Золушкой, которая должна теперь заплатить за прекрасную ночь.

— Можешь остаться здесь, а я попрошу кого-нибудь отвезти тебя домой, — сказал Ли. — Или поедем со мной.

— С тобой, — только и сказала она, и он провел ее к своему экипажу, уже поджидавшему его.

Они молча ехали по тихим улицам Чандлера, и Блейр понимала, что в голове у нее нет ни одной связной мысли.

Он придвинулся, взял ее руку в свою, она посмотрела на него, он улыбнулся. На секунду Блейр вспомнила о своей сестре и осознала, что именно она должна быть здесь, что все, происшедшее этим вечером, слишком личное, чтобы рассказывать другим, и что все улыбки и поцелуи предназначались Хьюстон, и Блейр не имела права вторгаться в их любовь. До этого вечера она не представляла, насколько сильной является связь между близнецами, — такой сильной, что через нее она ощутила связь и с этим мужчиной тоже и почти почувствовала, что любит его.

— Тебе тепло? — спросил Ли.

Она кивнула.

«Тепло, холодно, голова трезвая и пьяная», — подумала она.

Ли остановил экипаж перед домом, которого Блейр никогда раньше не видела.

— Здесь живет твой пациент? Я думала, что мы едем в больницу.

Ли поднял к ней руки:

— Мне приятно думать, что мое присутствие заставило тебя не узнать дом, который мы выбрали.

Прежде чем Блейр смогла скрыть свой ужас, он продолжил:

— Я подумал, что мы могли бы обсудить свадьбу. Мы мало разговаривали последнее время.

— А как же твой пациент? Может быть, мы... Он поставил ее на землю.

— Нет никакого вызова, нет никакого пациента. Мне нужен был предлог, чтобы уйти оттуда, и, боюсь, я использовал свою профессию. Ты ведь не против?

— Мне действительно нужно домой. Уже поздно, а мама, может, и не ложится, дожидаясь меня.

— А по-моему, твоя матушка любит поспать, и ты пожалеешь, если разбудишь ее.

— Ну да, правда, но с приездом Блейр она изменилась.

Видя, что он озадаченно нахмурился, она улыбнулась и быстро сказала, что с удовольствием поговорит о свадьбе. Она поспешила за ним, надеясь, что он не станет задавать ей слишком много вопросов.

Внутреннее убранство оказалось очень приятным, сочетавшим женственность и присутствие мужчины. Блейр не сомневалась, что отделяла дом Хьюстон.

В камине в гостиной горел небольшой огонь, смягчая прохладу, присущую этой горной местности. А перед ним стоял низкий стол со свечами, жареным цыпленком, икрой, устрицами, шоколадными трюфелями и четырьмя серебряными ведерками со льдом и французским шампанским. Вокруг стола были разбросаны мягкие подушки.

Блейр взглянула на Ли, стоявшего перед камином, потом перевела взгляд на угощение, шампанское и подумала: «Я попала в переделку».

Поймав взгляд Ли, Блейр почувствовала, что кровь покидает ее тело. Всю последнюю неделю она провела рядом с этим человеком и не заметила, что он обладает особой властью над женщинами, особенно над ней. Должно быть, то, что они с Хьюстон близнецы, заставляет ее реагировать подобным образом. Просто Хьюстон похитрее, и ей удается скрывать свою страсть под внешней холодностью. Никто, даже собственная сестра, не мог предположить, какой огонь скрывается под ее высокомерной внешностью. И как, наверное, Хьюстон посмеивалась в душе над страхами Блейр, будто она и Ли несовместимы!

«Естественно, — подумала Блейр, — если бы я была помолвлена с мужчиной, который заставляет бы меня трепетать при каждом своем прикосновении, не думаю, что я позволила бы другой женщине остаться с ним наедине, даже своей сестре, а, может, своей сестре в особенности».

Но тут же Блейр напомнила себе, что у нее есть мужчина, который заставляет ее трепетать при малейшем прикосновении. Ну, пожалуй, не при каждом, но достаточно, чтобы понять, что она любит его.

Снова взглянув на Ли, на изгиб его верхней губы, на горящие глаза, она поняла, что, если быть честной, надо признать, что ни один мужчина никогда не будил в ней подобных ощущений, и она не подозревала, что страсть такого рода возможна.

— Думаю, мне пора домой. Я кое-что забыла сделать, — пробормотала Блейр.

— Например? — он медленно приближался к ней.

— Не подходи, — ответила она, язык повиновался ей с трудом.

Ли взял ее за руку:

— Ты ведь не боишься меня? Иди сюда и сядь. Я никогда не видел тебя такой. Не то чтобы мне это не нравилось, но...

Блейр попыталась расслабиться, постаралась вспомнить, что она — это Хьюстон. Если она сейчас скажет Ли о шутке, которую сыграли с ним сегодня близнецы, он придет в ярость... может, в такую, что разорвет помолвку. Она подумала, что если ей удастся поддерживать беседу, если они немного поедят, немного выпьют, то тогда она сможет заставить его отвезти ее домой. Да, все что угодно, лишь бы этот человек не прикасался к ней.

Она села на одну из подушек и положила себе устриц.

— Я мало знаю тебя как доктора Вестфилда, — сказала она, не глядя на него, но услышала звук открываемой бутылки шампанского.

— Совсем не знаешь, насколько я помню. — Попробуй клубнику, — ответил он, обмакивая ягоды в шампанское и отправляя их ей прямо в рот, не обращая внимания на ее протянутую руку.

Он приблизил свои губы к ее, но тут Блейр подавилась ягодой. Ли подал ей бокал, и она с благодарностью выпила. К несчастью, это было шампанское, и почти сразу она почувствовала, как оно ударило ей в голову.

— Совсем? — спросила она, пытаясь подавить головокружение и то легкое, счастливое чувство, которое начало захватывать ее. — Это звучит ужасно.

— Как правило, так и бывает.

Он взял ее руку за кончики пальцев и стал перебирать их. Она отодвинулась.

— Что это? — спросила она, указывая на вазочку.

— Икра. Говорят, она удивительно возбуждает страсть. Ты хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — она взялась за бокал, который Ли снова наполнил. Отпивая шампанское, Блейр спросила:

— Как ты предупреждаешь перитонит?

Он подвинулся ближе, окинув ее гипнотическим взглядом:

— Сначала нужно осмотреть пациента. — Он положил руку ей на живот, и начал делать легкие круговые движения. — Ощупываю кожу, теплую, живую кожу, и перехожу ниже.

Блейр дернулась и опрокинула свой бокал, шампанское потекло по столу и на руку Ли.

Он со смехом отодвинулся:

— Я подброшу дров в огонь. Блейр заметила, что он выглядит весьма довольным.

— Я действительно считаю, что мне пора домой.

Должно быть, ужасно поздно.

— Ты ничего не ела. — Он сел на подушку рядом с ней, — Я буду есть, если ты будешь говорить. Расскажи мне, как ты стал врачом. Что заставило тебя?

Он молчал, накладывая на тарелку еду, потом задумчиво посмотрел на нее.

— Я что-то не то сказала?

— Нет, но ты никогда не спрашивала меня об этом раньше.

Блейр хотелось крикнуть, что она никогда толком с ним и не разговаривала. Она сделала большой глоток вина, чтобы скрыть смущение, а Ли тем временем положил ей цыпленка в винном соусе.

— Может, из-за сегодняшнего случая с той девушкой?

Он вытянулся во весь свой длинный рост рядом с ней, всего в нескольких дюймах, в руке он держал бокал с вином и смотрел на огонь.

— Мне хотелось спасти людей. Ты знаешь, что моя мама умерла не потому, что рожала в сорок пять лет, а потому, что повитуха, придя к ней после других родов, не вымыла руки?

Блейр замерла, не донеся вилку до рта.

— Нет, — тихо произнесла она, — я не знала. Тебе, должно быть, было больно, когда Блейр спросила тебя об асептике?

Он, улыбаясь, повернулся к ней:

— Блейр совершенно меня не волнует. Возьми еще устриц.

Блейр не знала, быть ли довольной или обиженной его замечанием, что она его совершенно не волнует.

— Ты, безусловно, обидел ее. Тебе известно, что она считает тебя таким же, как мистер Гейтс? Ли удивленно спросил:

— Что за нелепая мысль? Почему бы тебе не сесть поудобнее рядом со мной?

Блейр подвинулась было к нему, прежде чем поняла, что делает, и остановилась. Наверное, шампанское сделало ее такой смелой. Но это не объясняет ее поведение на Ривер-стрит, в парке и на приеме.

— Нет, спасибо, — проговорила она холодно, как Хьюстон. — Мне очень хорошо здесь. А ты всегда собираешься работать в больнице?

Со вздохом он снова посмотрел на огонь.

— Тебе ведь не обязательно было становиться врачом, чтобы помогать людям, — настаивала она. — Ты мог бы построить больницу?

— Благодаря богатому дедушке, оставившему мне наследство, мог бы. Но я хотел делать

что-то сам. Если бы я мог найти еще одного заинтересованного в этом врача, я бы открыл женскую клинику, нечто гораздо более совершенное, чем та жалкая, что существует сейчас. Мне хочется создать настоящее лечебное заведение для женщин. Но все врачи говорят, что гинекология лечит только тех женщин, чьи болезни существуют только в их больном воображении.

— А как насчет Блейр, — спросила она, насторожившись.

— Блейр? Но ведь она же... — он замолчал, встретив ее взгляд. — Возможно. Когда она закончит учебу. Давай не будем опять начинать о ней разговор. Иди сюда.

— Мне действительно пора домой...

— Хьюстон, — резко бросил он, — что, так будет всегда? Ты всегда будешь мне отказывать? — В его голосе послышался нарастающий гнев. — Если мы поженимся, ты будешь продолжать вести себя так же?

— Если? — прошептала Блейр. — Если мы поженимся?

Что она такого сделала? Может, он думает отменить свадьбу после одного вечера, проведенного с Блейр? Была ли Хьюстон настолько смелой с Ли, что он посчитал ее поведение этим вечером непростительно холодным?

— Любимая, давай не будем спорить, — и он раскрыл ей объятия.

Блейр колебалась всего мгновение, вспомнив наказ Хьюстон не спорить с Ли. Возможно, если она поцелует его еще несколько раз, он этим удовольствуется и отвезет ее домой.

Она подвинулась к нему, позволила обнять себя, прижавшись к его телу, а когда он принялся целовать ее, она забыла обо всем.

Ли обнял ее так крепко, словно боялся, что она исчезнет, а Блейр была абсолютно уверена, что это первый и последний раз в ее жизни, когда рядом с ней находится мужчина, заставляющий переживать такие ощущения. Он захватил ее губы нескончаемым поцелуем и не давал ей двинуться, а она только теснее прижималась к нему.

Когда его руки переместились ей на спину и ловкие пальцы хирурга начали расстегивать крючки на платье, она даже не и не подумала остановить его. Платье стало сползать, обнажив плечи. Ли поцеловал их, провел ладонями по коже.

Через несколько мгновений платье лежало рядом с ними. Теперь на пути их разрастающейся страсти оказались нижние юбки Блейр из розовой шелковистой тафты. Длинные ноги Лиандера придавили плотную ткань, он мял и стягивал ее с тела Блейр.

А она не могла оторваться от его губ и запустила руки в его длинные волосы, вдыхая их особый мужской запах.

— Лиандер, — прошептала она, когда его губы заскользили по ее руке, а его руки избавили ее от двух последних нижних юбок. Атлас, тафта и тончайший батист окутали их, спеленали вместе в волнах тепла, идущих от камина.

Его руки, казалось, успевали везде: гладили, ласкали, снимали одежду с бесконечной осторожностью и терпением, все больше открывая ее для его прикосновений.

Когда он уже снимал с нее шелковые чулки, целуя одновременно мочку уха, она осознала, что он все еще одет, и начала стягивать с него одежду.

Со своей одеждой он не был так осторожен, как с одеждой Блейр, напротив, он срывал ее с силой, близкой к разрушительной.

В медицинской школе Блейр видела много обнаженных мужчин, а один раз увидела Алана без рубашки, но никогда еще рядом с ней не было теплого, живого мужчины с темной,

загорелой кожей. И никогда никто не приближался к ней с таким огнем в глазах, какой был сейчас в глазах Ли. Она чуть отпрянула, когда он потянулся, чтобы снова обнять ее.

В его глазах появилось предостережение, но Блейр этого не заметила. Все, что она видела, — это был Ли: его кожа, его чудесная кожа, обтягивающая крепкие мускулистые плечи, покрывающая плоский живот. Она с интересом разглядывала его, с любопытством отмечая разницу между живым мужчиной и мертвым — так как только последних она видела полностью обнаженными до сего дня.

— Я прошел осмотр? — спросил он охрипшим голосом.

Блейр не ответила, а привлекла его к себе, снова касаясь кожи, от которой шло такое приятное тепло.

Ли не терял времени, снимая с нее последнюю одежду, подвязки, и даже расстегнул туфли. Он проделал все это с большой нежностью. Когда Блейр оказалась совершенно обнаженной, она почувствовала, что ее страсть поднялась до уровня, грозящего взрывом. Со вздохом удовольствия она прильнула к нему, просунула ногу между его ногами, чтобы быть как можно ближе.

Одно движение Ли — и она оказалась на нем. Он целовал ее, гладил ее спину, ноги, ягодицы, его руки скользили по всему ее телу, лаская его.

Его губы не отрывались от ее губ, когда он перекатился, перевернув ее на спину, и осторожно раздвинул ее ноги своими.

Блейр теоретически знала, что человеческие особи размножаются. В ее медицинском колледже были специальные занятия для незамужних женщин, но никто из преподавателей не упоминал о страсти, сопровождающей этот акт. Она и представить не могла, что чувствует женщина, что это не просто действия с целью зачатия, но акт любви и страсти.

Она была готова принять Ли, но все равно ей было больно, и Блейр охнула от боли. Он на мгновение остановился, опалая ее шею горячим дыханием, ожидая от нее знака.

Блейр оправилась от первого момента боли и начала медленно двигать бедрами, положив руки ему на спину и ведя ими вниз к бедрам. Только прерывистое дыхание Ли выдавало, насколько он сдерживает себя, чтобы не причинить ей боль. И только когда она начала двигаться сама, он последовал за ней.

Движения Ли были медленными и нежными, боли не было, и Блейр, поначалу неловко, двигалась вместе с ним. Через несколько мгновений неторопливость оставила их и сменилась настоящим неистовством. Они изгибались, извивались, сливались в одно целое, пытались быть еще ближе, и наконец — одновременный взрыв развязки.

Блейр держала Ли, словно боялась отпустить. Их потные тела склеились, даже их кожа слилась в одну.

— Я люблю тебя, — прошептал ей на ухо Ли. — Я не уверен, что любил раньше. Я не уверен, что знал тебя до этой ночи. Думаю, что каждый из нас стал другим со вчерашнего дня, но я точно знаю, что люблю тебя, Хьюстон, и никогда не любил никого другого.

В первое мгновение Блейр не могла понять, почему Мужчина, которого она обнимает, называет ее именем сестры.

И тут же она все вспомнила и с чувством полнейшего ужаса начала отодвигаться от Ли.

— Мне нужно идти домой, — сказала она, и ее голос выдал все ее чувства.

— Хьюстон, — сказал Ли, — это не конец света. Мы поженимся через две недели и будем проводить вместе все ночи.

— Пусти меня! Мне нужно домой. Он долго смотрел на нее, будто решая, сердиться или

нет, и потом улыбнулся:

— Будь застенчивой, если хочешь, любимая. Дай я помогу тебе.

Блейр не могла даже смотреть на него. Это были самые чудесные минуты в ее жизни, но в действительности они ей не принадлежали. Она обманула сестру, обманула человека, за которого собиралась замуж, лгала этому мужчине, который... который...

Сквозь ресницы она взглянула на Ли, помогавшего затянуть корсет. Если она не проявит осторожность, то снова очутится в его объятиях, и, если он предложит, она, возможно, сядет с ним на ближайший поезд и забудет обо всех своих обязательствах перед другими людьми.

— Ты явно знаток по части женского белья, — бросила она.

Ли, державший в эту минуту нижнюю юбку из тафты, чтобы Блейр было удобнее шагнуть в нее, усмехнулся:

— Пожалуй, да. Помочь тебе с подвязками? Выхватив у него чулки, она села на стул и стала натягивать их, пытаясь выказать Ли как можно более полное равнодушие. Что же она наделала? Хьюстон возненавидит ее. И что скажет Ли, когда обнаружит, что его невеста по-прежнему девственница? А что скажет Алан, если узнает? Как она объяснит ему? И поверит ли ей кто-нибудь, если она скажет, что, как только он прикоснулся к ней, она уже не владела собой? Может, все, что говорит о ней Дункан Гейтс, — правда?

— Хьюстон, — сказал Ли, становясь перед ней на колени, — ты выглядишь так, словно собираешься заплакать. — Он взял ее ладони в свои:

— Посмотри на меня, милая. Я знаю, ты была возбуждена, я знаю, что ты хотела остаться девственной до свадьбы, но то, что произошло сегодня, произошло только для нас двоих, а остальное — не важно. Очень скоро я стану твоим мужем, и мы сможем наслаждаться друг другом, сколько захотим. А если тебя волнует моральная сторона случившегося, то, как врач, я могу тебе сказать, что многие женщины, вступившие в брак, провели до этого некоторое время наедине с теми, кого любили.

Он сделал только хуже. Мужчина, которого она любила, был вовсе не тот, с кем она только что занималась любовью, и не тот, за кого она собиралась замуж, лишил ее невинности.

Она поднялась.

— Пожалуйста, отвези меня домой, — сказала она, и Лиандер повиновался.

— Доброе утро, — непривычно восторженно приветствовал Лиандер отца и свою сестру Нину, сидящих за завтраком.

Нина, очень милая девушка двадцати одного года, не донесла чашку с кофе до рта.

— Значит, это правда, то, что я слышала, — сказала она.

Ли положил себе на тарелку огромное количество еды.

— Сара Оукли первым делом позвонила мне сегодня утром и сообщила, что вчера вечером на приеме ты и Хьюстон не могли оторвать друг от друга глаз... или рук. Она сказала, что никогда не видела настолько влюбленных людей.

— Теперь увидела? — спросил Ли. — А что в этом необычного? Я сделал предложение прекрасной леди.

— Однако одно время ты выглядел так, словно предпочел бы сбежать от своей красивой невесты. Ли улыбнулся сестре:

— Когда ты подрастешь, сестричка, может, ты узнаешь немного больше о птицах и пчелах.

И, садясь напротив нее, он дотянулся через стол и поцеловал ее в лоб.

Нина чуть не поперхнулась пищей.

— Так я и знала, — сказала она, глядя на отца. — Он или сошел с ума, или наконец влюбился.

Рид откинулся на стуле и с большим интересом наблюдал за сыном. Его худшие опасения подтвердились, когда Ли взглянул на него и подмигнул.

— Ты и вправду знаешь о женщинах много, папа, — ухмыльнулся Ли, и Рид расхохотался.

— Не думаю, что мне хочется знать, о чем это вы тут переговариваетесь, — чопорно сказала Нина и поднялась, чтобы уйти. — Пожалуй, я позвоню Хьюстон и выражу ей свои соболезнования.

— Скажи ей, что я заеду за ней в одиннадцать, — проговорил Ли с полным ртом. — И захвачу корзину для пикника.

Рид остался сидеть, раскурив трубку, что редко делал по утрам, и смотрел на сына. Обычно Лиандер ел не спеша, но сегодня он глотал еду, как волк, словно завтра он не сможет поесть. Он, казалось, полностью ушел в себя, в мир счастья и радужных планов.

— Я тут думал об этой женской больнице, — сказал Ли, вгрызаясь в кусок бисквита двухдюймовой толщины. — На самом деле это Хьюстон навела меня на мысль. Пожалуй, пора подумать о начале строительства или, может, купить тот каменный склад в конце Арчер-авеню. Вложим туда кое-какие деньги и труд и получим то, что надо.

— Это Хьюстон предложила? — спросил Рид.

— Не совсем, но она помогла. Мне нужно в больницу, а потом я встречаюсь с Хьюстон. До встречи. — Он схватил яблоко и уже в дверях обернулся и посмотрел на отца:

— Спасибо, папа, — сказал он, как бывало в детстве, но в это утро Рид вспомнил себя самого в таком же возрасте, он был точно таким же, пока не женился.

Находясь в больнице, Ли все время насвистывал, и его хорошее настроение оказалось заразительным. Очень скоро весь персонал улыбался и чуть не забыл о своих обязанностях. Молоденькая проститутка, которая накануне пыталась покончить с собой, неожиданно

извлекла выгоду из хорошего настроения Ли. Он говорил с ней о радости жизни, а потом дал ей место сиделки в штате женской клиники, пообещав не забывать ее и помогать ей в будущем.

Без десяти одиннадцать он прыгнул в свой экипаж и поехал в центр за корзиной, которую приготовила для него мисс Эмили, державшая кафе.

— Значит, это правда, — сказала мисс Эмили, улыбаясь, отчего ее бело-розовое лицо покрылось сеточкой тоненьких морщин. — Нина все утро говорила о своем брате, больном от любви.

— Безусловно, моя сестра слишком много говорит, — сказал Ли, но при этом улыбнулся. — Не знаю, что необычного в том, что я счастлив, потому что женюсь на самой прекрасной женщине в мире. Мне пора, — закончил он, выбегая из магазина.

Он поручил свою лошадь и коляску заботам Вилли, конюха Гейтса, преодолел лестницу, перепрыгивая через две ступеньки, и поднял руку, чтобы постучать;

— Можешь зайти, — услышал он голос из затаенного угла веранды. — Они тебя ждут.

Лиандер посмотрел в этот угол и увидел Блейр. Она стояла отвернувшись, но он заметил, что она сама не своя и лицо у нее переменялось. Он шагнул к ней:

— Что-то случилось? С Хьюстон все в порядке?

— Она здорова! — отрезала Блейр, поднимаясь. Ли поймал ее за руку:

— Сядь здесь, я хочу взглянуть на тебя. Ты выглядишь плохо.

— Оставь меня в покое! — наполовину всхлипнула, наполовину выкрикнула она. — И не прикасайся ко мне.

Она отскочила от него, сбежала вниз по ступенькам и скрылась за домом.

Ли остался стоять с открытым от удивления ртом. В этот момент появилась Хьюстон, натягивающая белые кружевные перчатки.

— Это Блейр кричала? Вы что, опять поспорили? — спросила она.

Ли повернулся к ней с выражением блаженной радости на лице, его взгляд охватил Хьюстон — с головы до пят, словно он хотел поглотить ее всю без остатка.

— Это была Блейр, — ответил он.

— Хорошо, — сказала Хьюстон. — Я надеюсь, что ты согласишься ее. Она такая весь день. Не знаю, по какой причине, но, по-моему, она все время плакала. Я подумала, может, тебе удастся узнать почему. Мне она не захотела отвечать.

— Хорошо, я посмотрю ее, — сказал Ли, помогая ей сесть в экипаж, и, как только он коснулся ее, он уже не мог оторваться и продолжал держать ее за талию.

— Ли! Люди смотрят.

— Да, конечно, — хмыкнул Ли, — но мы скоро исправим положение.

По дороге за город он не позволил себе говорить много, лишь иногда поглядывал на Хьюстон, отметив, что она села в дальний угол экипажа, как делала всегда до вчерашнего вечера. Он не смог сдержать улыбки при мысли, что эта чопорная молодая женщина — та же самая, что не сопротивлялась ему прошлой ночью.

Он почти не спал, лежал с открытыми глазами, перебирая в памяти каждую минуту, проведенную с Хьюстон. И дело было не в сексе, у него были женщины до этого, а в ее поведении, отношении, что и заставило его пережить чудесные мгновения. Он почувствовал себя очень сильным, способным на любой подвиг.

Он направлялся в укромное местечко, которое обнаружил, возвращаясь как-то с вызова к сломавшему ногу человеку. Ли укрылся там от застигшей его летней грозы. Это было

уединенное место среди огромных скал, окруженное высокими деревьями, меж камней сочился прозрачный ручеек. Он никогда никого не привозил сюда.

Ли остановил экипаж, спрыгнул на землю, привязал лошадь и подошел помочь Хьюстон. Он поднял ее, держа за талию, опустил на землю, потом притянул к себе и обнял так, что она не могла дышать.

— Этой ночью я думал только о тебе, — сказал он. — Я чувствовал запах твоих волос на своей одежде, мои губы чувствовали вкус твоих, я мог...

Хьюстон отстранилась от него.

— Что? — выдохнула она.

Он дотронулся до завитков волос на ее висках:

— Не смущайся передо мной сегодня. Хьюстон, ты доказала, что можешь быть другой, поэтому не нужно снова становиться ледяной принцессой. Я теперь знаю, какая ты на самом деле, и могу сказать, что, если я никогда больше не увижу этой холодной женщины, я буду только счастлив. А теперь иди сюда и поцелуй меня, как ты это делала вчера.

Хьюстон окончательно вырвалась из рук Ли.

— Ты говоришь, что вчера я была не такая, как обычно? Что я была... лучше? Улыбаясь, он двинулся к ней.

— Ты знаешь, что да. Я никогда тебя такой не видел. Я не знал, что ты можешь быть такой. Ты можешь смеяться, но я начал верить, что ты не способна на настоящую страсть, что за твоей сдержанной внешностью скрывается ледяное сердце. Но если у тебя есть такая сестра, как Блейр, которая загорается при малейшей случайности, твой лед, наверняка, тоже можно растопить.

Он взял Хьюстон за запястье и потянул к себе, не обращая внимания на ее сопротивление. Он не обратил внимания и на то, что она старалась отвернуться, когда он попытался поцеловать ее.

Ее губы не ответили на его прикосновение, а сжались плотно и холодно. Сначала его забавляло, что она пытается сдерживаться, и ей это так хорошо удается, но, когда она так и не ответила на долгий поцелуй, он резко отпрянул от нее.

— Ты заходишь слишком далеко в своей игре, — сказал он. — Ты не можешь проявлять бешеную страсть, а в следующую минуту быть холодной. В тебе что, два человека?

Выражение глаз Хьюстон заронило в нем первые сомнения. Он, конечно, не прав. Он отступил на шаг.

— Ведь это невозможно, не так ли, Хьюстон? — спросил он. — Скажи мне, что я ошибаюсь. Один человек — не два, правда?

Хьюстон не двигалась и потрясение смотрела на него.

Ли отошел от нее и тяжело сел на камень.

— Вы с сестрой вчера поменялись местами? — тихо спросил он. — Я провел вечер с Блейр, а не с тобой? Он едва услышал, как она прошептала:

— Да.

— Я должен был понять это сразу: она так умело действовала в случае с попыткой самоубийства и не узнала дом, который я купил для нее... для тебя. Думаю, я просто не хотел понять. Стоило ей сказать, что она едет со мной на вызов, чтобы помочь, мне стало до глупости хорошо, и я ни о чем не спросил ее. Я должен был понять, когда я поцеловал ее... К черту вас обеих! То-то вы потешались, делая из меня дурака.

— Ли, — проговорила Хьюстон, беря его за руку. Он злобно взглянул на нее:

— Тебе лучше помолчать. Не знаю, что заставило вас сыграть эту грязную шутку, но хочу сказать, что не желаю быть объектом подобных проделок. Ну а теперь, когда вы с сестрой достаточно посмеялись на мой счет, мне нужно решить, что делать со вчерашним вечером.

Он втолкнул ее в экипаж, щелкнул бичом над головой лошадей, и они рванулись назад в город. У Чандлер-хауса он не сошел, предоставив Хьюстон самой выбираться из экипажа вместе с ярдами своих юбок. На веранде стояла Блейр с красным, опухшим от слез лицом. Лиандер со злобой и ненавистью посмотрел на нее, стегнул лошадей и уехал.

Он на несколько секунд остановился перед отцовским домом, вскочил на крупного чалого жеребца и с бешеной скоростью помчался в горы. Ли не знал, куда направляется, но чувствовал, что ему нужно побыть одному.

Он забирался все круче, пока лошадь могла скакать, потом спешил и повел ее за собой, еще выше, по скалам, через заросли кактуса, через небольшой подлесок. Поднявшись на гребень горы, он снял с седла винтовку и разрядил ее в воздух, стреляя от бедра. Когда затихли крики потревоженных птиц и развеялся дым от выстрелов, он закричал во всю силу легких, давая выход разочарованию и злости:

— Черт тебя возьми, Блейр! Черт тебя возьми!

***

Солнце садилось, когда Рид Вестфилд вошел в библиотеку. Потянувшись к выключателю, он заметил дым сигары сына.

— Ли? — спросил он, нажимая кнопку выключателя. — Тебе звонили из больницы. Лиандер не поднял глаз.

— Они нашли кого-нибудь?

Рид пристально посмотрел на сына.

— Да, нашли. А что случилось с тем человеком, который ушел отсюда утром? Хьюстон сожалеет о том, что случилось прошлой ночью? С женщинами так и бывает. Твоя мать...

Ли мрачно взглянул на отца.

— Не трать на меня свои советы по части женщин. Боюсь, я больше не выдержу. Рид сел.

— Скажи мне, что случилось. Ли стряхнул пепел с сигары.

— Боюсь, что через несколько минут наступит, как говорится, ад крошечный. Вчера вечером, — он остановился и сделал вдох, чтобы успокоиться, — вчера вечером близнецы Чандлер решили поиграть. Они подумали, что будет очень забавно поменяться местами и посмотреть, смогут ли они надуть глупого, бедного, недалекого Лиандера. И им это вполне удалось.

Он с силой загасил сигару в пепельнице, поднялся и подошел к окну.

— Меня провели первоклассно. И не потому, что Блейр так хорошо притворялась. На самом деле она сделала чуть больше, чем оделась в платье Хьюстон. Блейр помогла мне на вызове без всяких указаний с моей стороны; она интересовалась моей жизнью, до чего Хьюстон всегда было мало дела; Блейр расспрашивала меня о моих мечтах и планах на

будущее. Другими словами, она оказалась идеальной женщиной, о которой мечтает каждый мужчина.

Он повернулся и посмотрел на отца.

— А еще она оказалась прекрасной любовницей. Думаю, что каждый мужчина в своем тщеславии хочет иметь женщину, которая не может перед ним устоять. Ему нравится думать, что он способен убедить ее в чем угодно. Все женщины, которых я знал до этого, интересовались только моим счетом в банке. У меня были женщины, терявшие ко мне интерес при мысли, что я — скромный, малооплачиваемый врач, но, когда они узнавали, что моя мать из семейства Кэндишей, их глаза загорались огнем. А Блейр не такая. Она...

Его голос прервался, и он снова повернулся к окну.

— Хьюстон не интересуют твои деньги, — сказал Рид. — И никогда не интересовали.

— Кто знает, что Хьюстон хочет от жизни? Я провел рядом с ней несколько месяцев и ничего о ней не знаю. Для меня она — холодная женщина, которая только и старается, что мило выглядеть. А Блейр — живая!

Он произнес последние слова с такой страстью, что Рид посерьезнел:

— Мне это что-то не очень нравится. Хьюстон — та женщина, на которой ты собираешься жениться. Блейр — современная девушка, и происшедшее вчера постыдно, но я пытался предостеречь тебя, в такой ситуации можно попасть в затруднительное положение. Я уверен, что Хьюстон рассердится, но, если ты выкажешь достаточно раскаяния и пошлешь ей достаточно цветов, она безусловно простит тебя.

Ли посмотрел на отца:

— А как же Блейр? Она простит меня? Рид подошел к большому письменному столу орехового дерева и достал из шкатулки трубку.

— Если она из тех девушек, что могут переспать с нареченным сестры, она, поверь мне, уже знает, как выпутываться из таких ситуаций.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Именно то, что сказал. Все эти годы она жила на Востоке, ходила в школу вместе с мальчиками, изучала то, что ей совсем не полагается знать, и пыталась быть мужчиной. Такие, как она, знают, как выкрутиться из приключения, длящегося одну ночь.

Лиандеру понадобилось несколько минут, чтобы совладать со своими чувствами.

— Я постараюсь забыть твои слова, но хочу, чтобы ты знал: если ты когда-нибудь скажешь что-либо подобное, я уйду из этого дома и никогда не вернусь. Тебя это не касается, но до прошлой ночи Блейр была девственницей. И за две недели я намерен заставить ее стать моей женой.

Рид был настолько изумлен, что стоял, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Ли сел и закурил новую сигару.

— Мне лучше рассказать тебе все, что я знаю о происшедшем. Как я сказал, вчера вечером по какой-то причине близнецы решили поменяться местами, и на прием я взял Блейр. Я решил попытаться соблазнить ее, а если бы мне не удалось, я разорвал бы помолвку. Я думал, что так и произойдет, поскольку был уверен, что никто, по крайней мере не я, не в состоянии пробиться сквозь толщу льда, окружающего Хьюстон.

Он отстранил сигару, и слабая улыбка тронула его губы при воспоминании о прошедшей ночи.

— Через пару минут, проведенных наедине с ней, я был так доволен Блейр, что мне и в голову не пришло спрашивать, почему она так изменилась. Потом был срочный вызов на

Ривер-стрит, и она поехала со мной:

Хьюстон попросила бы сначала завезти ее к кому-нибудь из знакомых. Мы поехали на прием, а потом в наш дом. В целом это был самый приятный вечер в моей жизни.

— И теперь ты считаешь, что должен жениться на ней, — невесело заключил Рид. — Может, немного подождешь? Ты едва ее знаешь. Женитьба — это навсегда. Тебе придется провести всю жизнь рядом с этой женщиной, и знакомство продолжительностью в одну ночь — недостаточное для этого основание. То, что она так резва в постели, вовсе не означает... Он осекся под взглядом Ли.

— Ну хорошо, — продолжил Рид. — Итак, ты просишь руки этой молодой леди. А что будет с Хьюстон? Ты просто бросишь ее? Женщины очень плохо переносят подобные вещи, ты знаешь.

— Поскольку они это начали, я не чувствую себя таким уж виноватым. Им следовало подумать о последствиях.

— Они едва ли могли предположить, что именно эту ночь ты выберешь для решения своей судьбы. Прежде чем просить Блейр выйти за тебя, почему не подождать месяц или около того? У вас обоих будет время подумать над тем, что вы делаете.

— Уже поздно. И кроме того, не думаю, что Блейр пойдет за меня.

— Не?.. — начал Рид. — Если она провела с тобой ночь, почему она не может выйти за тебя?

Несмотря на то, что в голосе отца звучала злость, Ли улыбнулся:

— Я не уверен, что нравлюсь ей. Она считает, что я такой же изверг, как Гейтс, и, честно говоря, я думаю, что, когда я попрошу ее выйти за меня замуж, она рассмеется мне в лицо.

Рид в отчаянии воздел руки:

— Я ничего не понимаю.

В эту минуту входная дверь дома распахнулась настежь, и дом тут же наполнился криками.

— Без сомнения, это разъяренный мистер Дункан Гейтс. Час назад я был у него на пивоваренном заводе и сказал ему, что лишил девственности его падчерицу и, чтобы исправить положение, женюсь на своенравной девице. Он приведет Блейр, и мы вчетвером обсудим создавшуюся ситуацию. Пап, не смотри так хмуро. Я намерен получить ее и использую для этого любые средства.

— У меня нет абсолютно никакого желания выходить за него замуж. Никакого, — в двадцатый раз повторила Блейр.

— Ты запятнана, — кипятился Дункан. — Ты никому не будешь нужна.

Блейр изо всех сил старалась казаться спокойной, не проявлять внутренней дрожи. Битых три часа Гейтс кричал на нее, пытаясь запугать. Она думала о спокойном дяде Генри, о том, что он воспринял бы случившееся с юмором, они бы сели и поговорили, как два взрослых человека. Но только не с Гейтсом. Его преследовала одна мысль — то, что она больше не девственница и заслуживает быть отданной собакам... или Лиандеру, что, по ее глубокому убеждению, было одно и то же.

— Могу я спросить, почему вы не хотите выйти за моего сына? — спросил Рид Вестфилд.

Блейр чувствовала враждебность, исходившую от этого человека, как опаляющий зной из пустыни.

— Я уже сказала, что принята интерном в главную больницу Пенсильвании и собираюсь согласиться. Кроме того, я не люблю вашего сына. Он помолвлен с моей сестрой, и после их свадьбы я вернусь в Пенсильванию как можно скорее. И никто больше никогда не увидит меня в этом городе. Я не знаю, как выразиться яснее.

— Ты погубила жизнь сестры! — заорал Гейтс. — Ты думаешь, она сможет стать его женой после всего?

— Вы намекаете, что Лиандер... м-м-м... запятнан, как вы это называете, после вчерашней ночи? Дункан покраснел.

— Успокойтесь, Дункан, — сказал Рид. — Блейр, должен же быть какой-то выход? Уверен, какие-то чувства к моему сыну вы питаете.

Блейр посмотрела на Ли, стоявшего в глубине комнаты и явно забавлявшегося происходящим. «Никаких чувств, о которых можно сказать вслух», — подумала она, и, словно прочитав ее мысли, Ли улыбнулся ей так, что Блейр покраснела и отвела глаза.

— Я уже, говорила вам, — сказала она, — я выдавала себя за сестру и поэтому вела себя так, как, я полагала, она ведет себя с мужчиной, которого любит. Я не думала, что буду наказана за то, что оказалась хорошей актрисой.

Рид поднял одну бровь:

— Полагаю, ни одна актриса не заводит свою роль столь далеко.

— И я не позволю, чтобы ты или кто-то другой марал имя Хьюстон, — закричал Дункан. — Она не поступила бы, как ты. Она — честная девушка.

— А я нет, по-вашему? — спросила Блейр, разрываясь между слезами и гневом.

— Порядочная женщина не...

— Я услышал все, что хотел, — произнес Ли, выступая вперед. — Оставьте нас, пожалуйста, с Блейр наедине.

Блейр хотела возразить, что она не хочет быть с ним наедине, но, может, он не будет кричать на нее, как все остальные.

— Налить тебе шерри? — спросил Ли, когда они остались одни.

— Пожалуйста, — ответила она, беря стакан дрожащими руками.

Он нахмурился, заметив это:

— Я и не представлял, насколько он ужасен. Хьюстон говорила мне, но я не мог вообразить себе и половины.

Блейр с благодарностью выпила вино, надеясь, что оно успокоит ее нервы.

— Если ты не думал, что он настолько плох, почему ты прибегнул к его помощи в осуществлении своего абсурдного плана?

— Я использовал ту возможность, которую имел.

Я подумал — и был прав, — что, если я пойду к тебе один, ты засмеешься мне в лицо.

— Сейчас я не смеюсь.

— Хорошо, будем считать это улаженным. Приглашения печатаются, и нужно только изменить имя Хьюстон на твое.

Блейр вскочила со стула:

— Из всех слышанных мною глупостей эта — самая ужасная. Ты что, не слышишь? Я не хочу выходить за тебя. Я ни на минуту не хочу задерживаться в этом жутком городе. Я хочу домой и хочу, чтобы моя сестра получила назад своего жениха. Что мне сказать, чтобы вы все поняли? Я хочу домой!

Вопреки всем своим стараниям, она упала на стул, закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Он прав, — плакала она, — я погубила жизнь Хьюстон.

Ли встал перед ней на колени и нежно убрал ее ладони от лица.

— Разве ты не понимаешь? Я хочу жениться на тебе, а не на Хьюстон.

Она посмотрела на него, ощутила его теплое прикосновение на своих запястьях и задумалась, но, прежде чем смогла заставить себя поверить, встала и подошла к окну.

— Ты принадлежишь моей сестре. Она мечтала стать твоей женой с детства. У нее целый сундук белья с вышитыми переплетенными инициалами "Л" и "Х". Она никогда не хотела быть никем другим — только миссис Лиандер Вестфилд. Она любит тебя, разве ты не знаешь? А я люблю медицину. С двенадцати лет медицина стала для меня жизнью, а теперь я добилась интернатуры, и я хочу получить ее, выйти замуж за Алана и быть счастливой всю жизнь.

Ли переменялся в лице и выпрямился:

— Алан? А кто это, черт возьми?

— С тех пор как я вернулась сюда, никто не спросил меня о моей жизни в Пенсильвании. Гейтс кричит, что я безнравственна, мама только сидит и шьет, Хьюстон проводит время, заказывая новые платья, а ты... ты стоишь тут и отдаешь мне приказания.

Выражение лица Ли переменялось несколько раз.

— Кто это Алан?

— Мужчина, с которым я помолвлена. Мужчина, которого я люблю. Мужчина, который через два дня придет в Чандлер, чтобы познакомиться с моей семьей и сказать им, что он почтет за честь жениться на мне.. — Я прошу этой чести.

— Я уверена, что ты влюбился в меня из-за одной только ночи.

К ее удивлению, Лиандер ничего на это не ответил. Он поигрывал ножом для бумаги на столе.

— А что, если я заставлю тебя захотеть выйти замуж за меня? Что, если через две недели ты захочешь пойти со мной к алтарю?

— У тебя нет ни малейшего шанса, что это случится. Скоро здесь будет Алан, и, кроме того, я тебе сказала, ты принадлежишь Хьюстон.

— Да? — спросил он, в мгновение ока пересек комнату и обнял Блейр.

Его поцелуй почти лишил ее чувств, как и прошлой ночью, когда она играла роль сестры. Когда он отпустил ее, она почувствовала, что ослабла.

— А теперь скажи, что у меня нет ни одного шанса, — он отошел от нее. — А тебе не приходило в голову, что Алан может отказаться от тебя после того, как ты объяснишь, почему твое имя стоит на приглашениях?

— Он не такой. Он все понимает.

— Что ж, посмотрим, насколько он все понимающий человек. Через две недели ты выйдешь за меня замуж, и тебе лучше привыкнуть к этой мысли.

Кое-как Блейр удалось сохранить спокойствие, пока мистер Гейтс не привел ее домой — и здесь она увидела лицо Хьюстон. Ее сестра выглядела так, словно ничто в жизни больше не имело для нее значения.

Блейр так беспокоилась о будущем Хьюстон, была настолько уверена, что едет с Лиандером единственно для того, чтобы убедиться, что сестре будет с ним хорошо. Но добилась лишь того, что разрушила это будущее.

Блейр умоляла сестру ответить ей, но Хьюстон отказалась с ней разговаривать, и, даже когда Блейр расплакалась, Хьюстон не смягчилась.

Мистер Гейтс загнал Блейр в ее комнату на третьем этаже и запер дверь на ключ. Даже когда подошла Опал, хотевшая поговорить с дочерью, Гейтс не пустил ее.

Блейр долго сидела в темноте. Она уже не могла плакать, потому что плакала весь день и часть ночи. Теперь нужно подумать, как выбраться из этой неприятности. Она не собиралась позволить силой оставить ее в городе или выйти замуж за человека, чьей женой она не хотела становиться, и у нее не было намерения отказываться от интернатуры в больнице св. Иосифа.

Она сидела тихо, пока в доме не умолкли все звуки. Тогда она подошла к окну. Ребенком ей удавалось спуститься отсюда на землю по длинным, извилистым ветвям старого вяза, росшего у восточной стены дома. Если она прыгнет, она сможет ухватиться за самую большую ветку, а если она промахнется... Ей не хотелось думать об этом.

Она поспешно уложила в мягкую сумку кое-что из одежды и бросила ее на землю. Немного подождала, не поднимется ли тревога. Так, пока все идет хорошо. Кажется, никто ничего не услышал. Блейр надела юбку-брюки и залезла на подоконник, держась за него одной рукой, а другую вытянула насколько возможно. Она смогла дотянуться до ветвей деревьев. Она знала, что у нее нет другого способа добраться до дерева, как только прыгнуть. Блейр собралась и, с силой оттолкнувшись, одним большим прыжком достигла дерева и уцепилась за одну из ветвей.

Она висела, слыша легкое потрескивание дерева. Ей понадобилось несколько попыток, чтобы обхватить ветку ногами, прежде чем ее руки совсем ослабли. Прилагая все силы, работая руками и ногами, чувствуя при этом шероховатости и неровности коры, она смогла передвинуться к стволу. Здесь Блейр дала себе короткую передышку и начала спускаться.

Добравшись наконец до земли, она оглянулась на дом, ощущая себя победительницей. Ее не могут принудить находиться там, где она не хочет.

Звук слева заставил Блейр круто повернуться. Зажглась спичка, и ее пламя осветило лицо Лиандера — он подносил спичку к сигаре.

— Помочь донести вещи? — осведомился он, взглянув на Блейр.

— Что ты здесь делаешь?

— Охраняю то, что мне кажется моим, — ответил он, улыбаясь.

— И ты был здесь, когда я боролась за свою жизнь на вершине дерева?

— Ну, не совсем на вершине, и мне не показалось, что тебе грозила реальная опасность.

Кто научил тебя так лазать по деревьям?

— Уж, конечно, не ты. В детстве ты был слишком занят спасением жизней, чтобы научиться лазать по деревьям, как все мальчишки.

— Какое странное у тебя обо мне представление. Даже не знаю откуда. А теперь, если ты закончила свои ночные упражнения, я предлагаю вернуться назад в дом. После вас, миледи, — сказал он, делая легкий поклон в сторону дерева.

— У меня нет намерения возвращаться в этот дом.

Скоро поезд на Денвер, и я уеду.

— Нет, если я скажу Гейтсу. Я уверен, что он погонится за тобой с винтовкой.

— Ты этого не сделаешь!

— Не забывай, что именно я начал все это. Я не собираюсь позволить тебе покинуть Чандлер ни сейчас, ни потом.

— Кажется, я начинаю ненавидеть тебя., — Прошлой ночью ты меня не ненавидела, — мягко произнес он. — Ты хочешь, чтобы я снова продемонстрировал тебе, как сильно ты меня ненавидишь, или хочешь, чтобы я помог вернуться тебе в будуар?

Блейр сжала зубы. Должен же он когда-нибудь спать, и, когда это случится, она будет наготове.

— Перестань смотреть на меня так, будто я подан тебе на завтрак. Пойдем!

Он ухватился за нижнюю ветку, подтянулся и протянул ей руку. Она нашла некоторое удовлетворение в том, что почти не помогала ему, и Лиандеру пришлось принять ее, как мертвый груз.

Когда они добрались до крыши, он помог ей забраться в окно, нагнулся вперед и прошептал:

— А как насчет прощального поцелуя? Чуть улыбнувшись, Блейр потянулась к нему, словно намереваясь поцеловать, но в последнюю минуту захлопнула окно, и Лиандеру пришлось отскочить, чтобы не прищемить пальцы. По ту сторону стекла Блейр собрала губы трубочкой, как для поцелуя, и тут же опустила занавеску.

Она продолжала улыбаться, когда услышала снаружи треск дерева, приглушенный крик и тяжелый удар.

— Упал, — задыхнулась она, распахнула окно и высунула голову. — Ли, — позвала она так громко, как только позволили обстоятельства.

К ее изумлению, он вывернулся из-за створки окна и быстро и крепко поцеловал ее.

— Я знал, что ты не устоишь передо мной. С этими словами он прыгнул на самую длинную ветку и в рекордно короткое время оказался на земле.

— Тебе следовало поучиться у меня, как лазать по деревьям, — засмеялся он, подняв голову и глядя на нее, а потом сел под дерево, собираясь провести там остаток ночи.

Блейр захлопнула окно и легла в постель.

Воскресным утром Гейтс велел Блейр одеться, чтобы идти в церковь. Она должна выглядеть леди, насколько это возможно.

Завтрак прошел в гнетущей обстановке. Хьюстон была более, чем обычно, холодна. Казалось, обе они с Опал проплакали всю ночь. Лицо Дункана представляло собой маску мученика, который терпит страдания от окружающих.

Сразу после завтрака Опал сказала больно и удалилась в свою комнату. Гейтс заявил Блейр, что она убивает мать своим порочным поведением.

В церкви было еще хуже. Священнику показалось случившееся с близнецами веселой шуткой, и он вызвал смех прихожан, сообщив, что Ли изменил свое решение относительно того, на какой из девушек он хочет жениться.

После службы присутствующие собрались вокруг девушек, желая узнать, что происходит, но Хьюстон превратилась в камень. И когда Ли попытался заговорить с ней, она ответила ему с такой плохо скрытой злобой, что он решил выместить свою ярость и разочарование на Блейр. Он схватил ее за руку и потащил к ожидавшему их экипажу.

Ли швырнул Блейр на сиденье и поехал из города в южном направлении. Только выехав за город, он замедлил скорость.

Блейр поправила шляпку.

— Ты думал, что она улыбнется и скажет тебе что-нибудь приятное? Он остановил экипаж.

— Я думал, что она разумный человек. Игру начали вы вдвоем. У меня и в мыслях не было публично унижить ее.

— Все, что ты можешь сделать, — это помочь мне вернуться в Пенсильванию, а сам вернешься к Хьюстон, станешь перед ней на колени, и, я уверена, она простит тебя.

Он довольно долго смотрел на нее.

— Нет, я этого не сделаю. Ты и я — поженимся. Я захватил корзинку для пикника и думаю, что можно перекусить.

Ли завязал поводья вокруг поручня, спустился на землю и поспешил помочь Блейр выбраться из экипажа. Но, обходя лошадь, он остановился.

— Кажется, мне в туфлю попал камешек, — сказал он и прислонился к дереву, чтобы разуться.

Наблюдая за ним, Блейр вспоминала лицо сестры во время объявления в церкви, потом подумала, что не хочет оставаться в Чандлере и становиться женой этого человека, а затем схватила поводья и легко стегнула ими лошадь, чтобы та двинулась. Ли в эту минуту стоял в одной туфле. Он попытался догнать Блейр, но скоро остановился, наступив на что-то разутой ногой.

Отъехав от Лиандера на безопасное расстояние, Блейр придержала лошадь и медленно вернулась в город. Ей нужно найти способ выбраться из Чандлера. После сегодняшнего объявления она не сможет просто пойти и сесть на поезд, не возбуждая любопытства. Носить фамилию Чандлер в городе с таким же названием имеет свои недостатки. Завтра приезжает Алан, и, возможно, он ей поможет. Несмотря на то что она говорила Ли, Блейр слегка тревожилась, захочет ли Алан остаться с ней после случившегося.

В то же мгновение, как Блейр увидела свой дом, она поняла: что-то случилось. Опал

сидела на веранде и, увидев Блейр, вскочила:

— Ты знаешь, где твоя сестра? Блейр поспешила вверх по ступенькам:

— Она сбежала? Я переоденусь, и мы пойдем ее искать.

— Это хуже, — сказала Опал, садясь снова прямо на крыльцо. — Этот ужасный человек, мистер Таггерт, пришел в церковь и объявил во всеуслышание, что он и Хьюстон собираются пожениться и что свадьба состоится в один день с твоей и Лиандера. Что происходит в моей семье? Мистер Гейтс говорит, что этот Таггерт убивал людей ради того, что он сейчас имеет, и я не могу отделаться от мысли, что Хьюстон соглашается на брак с ним потому, что потеряла Лиандера и хочет показать всему городу, что может заполучить другого мужа. А он, должно быть, очень богат. Мне невыносима мысль, что она выходит за этого человека из-за его денег. Блейр села рядом с матерью:

— Это я во всем виновата. Опал потрепала дочь по колену:

— Тебя всегда было легко вовлечь во что угодно. Не удивляйся, моя дорогая, я знаю своих дочерей достаточно хорошо. Хотя Хьюстон выглядит пай-девочкой, я знаю, что именно она всегда подговаривала тебя на самые ужасные проделки. У тебя всегда было доброе сердце, и ты всегда хотела помочь людям, и поэтому я уверена, что ты будешь очень хорошим врачом.

— Если я когда-нибудь отсюда выберусь и продолжу свое образование, — мрачно ответила Блейр.

Опал теребила лозу клематиса, тянущуюся вверх по стене веранды.

— Я думала о тебе и о Ли. Сейчас тебе так не кажется, но он действительно очень хороший человек. Думаю, что мало кто хорошо знает его. Рядом с Хьюстон он был всегда таким спокойным, а последние несколько дней он оживлен — я никогда его таким не видела.

— Оживлен! Ты это так называешь? Ли командует мной, говорит, что я собираюсь выйти за него замуж, что женщина не может быть его помощником в клинике, которую он хочет построить. И вообще — он просто узколобая свинья.

— А в пятницу вечером ты так не думала? Блейр отвернулась, чтобы скрыть румянец:

— Тогда, возможно, нет, но я выпила много шампанского, светила луна, и эти танцы, потому так все и случилось.

— М-м-м, — протянула без упрёка Опал. — Какой бы тебе ни казалась та ночь, думаю, что Ли вспоминает ее по-другому.

— Боюсь, мне нет дела до того, как он ее вспоминает. Сейчас главное — это Хьюстон. Я вернулась сюда и испортила ей жизнь, и теперь она говорит, что собирается выйти замуж за этого мерзкого царя Мидаса, Кейна Таггерта. Как нам предотвратить это?

— Мистер Гейтс и я собираемся поговорить с ней, как только она вернется домой, и посмотреть, сможем ли мы убедить ее, что существует и другой выход из создавшейся ситуации, нежели тот, к которому она прибегает.

Сквозь зелень, окружавшую веранду, Блейр посмотрела на угол дома Таггерта.

— Я глубоко и искренне ненавижу этот дом, — с чувством произнесла она. — Если бы Хьюстон не хотелось так сильно посмотреть, что там внутри, нам не пришлось бы меняться местами, я не провела бы ночь с Лиандером, и сейчас, если бы ей не хотелось так увидеть этот дом, ей не нужно было бы выходить замуж за варвара.

— Блейр, тебе надо отдохнуть сегодня. Почитай книги, которые ты привезла, оставь нам тревоги о Хьюстон. Кстати, а где Ли? Почему он не привез тебя домой?

Блейр поднялась:

— Пожалуй, я отдохну. Я мало спала этой ночью. А Ли, возможно, подойдет попозже за экипажем. Я не хочу его видеть ни при каких обстоятельствах.

Немного поколебавшись. Опал согласилась:

— Сьюзен принесет тебе поесть. Отдохни, дорогая, потому что я знаю этот город, завтра здесь начнется сущее безумие. Как только все узнают о ваших свадьбах, я уверена... О Боже, я даже не хочу об этом думать.

Блейр этого тоже не хотела и с благодарностью уединилась в святая святых — в своей комнате, где и оставалась весь день.

***

Понедельник оказался хуже, чем Блейр могла себе вообразить. Завтрак превратился в пытку. Гейтс, не переставая, кричал с набитым ртом, что Блейр погубила жизнь сестры. А поскольку Блейр была с ним согласна, ей было трудно защищаться. Опал все время плакала, а Хьюстон сидела с отсутствующим видом, словно не слыша ничего вокруг себя.

После завтрака посетители начали прибывать толпами. Они несли с собой всевозможные угощения. Блейр так давно не жила в маленьком городе, что бесцеремонность этих людей просто напугала ее. Казалось, им до всего было дело. Самым важным был вопрос о том, почему теперь Ли женится на Блейр. Во всем, что касалось Таггерта, их любопытство не знало предела, и они задавали Хьюстон тысячу вопросов о нем и о его доме.

Блейр поставила один из принесенных кем-то пирогов на стол и выскользнула через заднюю дверь, никем не замеченная. Две мили до железнодорожной станции она почти бежала, чувствуя, как каждый шаг приближает ее к свободе. Когда Алан приедет, все встанет на свои места, и тогда Хьюстон сможет выйти за Лиандера, а Блейр вернется домой.

Она с нетерпением ждала прибытия поезда, а когда он приблизился к перрону, ей показалось, что пар никогда не рассеется. Она увидела Алана, продолжая бежать рядом с поездом, пока молодой человек не спрыгнул на землю и не заключил ее в объятия.

Ее не волновало, что жители Чандлера смотрят на них или думают, что она обручена с другим. Только то, что она снова с Аланом, имело для нее значение.

— Какая чудесная встреча, — сказал он, крепче обнимая ее.

Она откинулась, чтобы посмотреть на него. Он был таким же красивым, каким она его помнила: высокий блондин с приятными голубыми глазами.

Она начала что-то говорить, когда заметила, что его внимание привлечено к чему-то за ее спиной. Она быстро повернулась — но недостаточно быстро.

Одним движением Лиандер ловко обнял ее за талию и привлек к себе.

— Вы, должно быть, Алан, — мягко произнес Ли, тепло улыбаясь. — Я так много о вас слышал. Но ведь между возлюбленными почти нет секретов, не так ли, дорогая?

— Отпусти меня! — сказала она, задыхаясь и пытаясь ответить улыбкой на удивление, написанное на лице Алана. Ткнув Ли локтем в ребра, она обратилась к Алану:

— Разрешите представить тебе жениха моей сестры. Это Лиандер Вестфилд. А это Ала Хантер, мой...

Ли оборвал ее, ущипнув за бок, и даже три резких удара локтем не заставили его отпустить ее. Он протянул Алану руку:

— Пожалуйста, извините Блейр. Она немного возбуждена сегодня от встречи со старым добрым другом. Я ее жених. Мы с ней должны пожениться через две недели, даже меньше, не так ли, дорогая? Всего несколько коротких дней, и ты станешь миссис Лиандер Вестфилд. Я знаю, ожидание делает тебя нервной и забывчивой, но давай не будем создавать у твоего друга ложных представлений.

И он ангельски улыбнулся Алану.

— Все совсем не так, как кажется, — начала Блейр. — Этот человек сошел с ума, у него очень странные мысли. — Ей удалось отодвинуться от Ли. — Алан, давай пойдем куда-нибудь и поговорим. Мне нужно очень многое тебе рассказать.

Алан с недоумением посмотрел на Ли, который был выше его на несколько дюймов.

— Я думаю, что нам действительно нужно поговорить. — Он протянул ей руку. — Идем? — И, взглянув через плечо на Лиандера, добавил:

— Вы можете отнести мои чемоданы, молодой человек. Ли ловко втиснулся между ними.

— Для меня было бы большим удовольствием отнести чемоданы друга моей будущей жены, но сегодня у меня кое-какие затруднения. Вчера мне пришлось пройти четыре мили в новых башмаках, и мои ноги слишком натружены, чтобы выдержать дополнительный вес. Мой врач настоял, чтобы я не давал им никакой нагрузки. Пойдем, Блейр, мы подождем твоего юного друга в экипаже.

— Ты дрянь! — бросила она ему, в то время как он тащил ее к экипажу. — Интересно, что за врач прописал тебе такое нелепое лечение?

— Доктор Вестфилд к вашим услугам, — ответил он и помог ей забраться в экипаж.

— Какая необычная лошадь, — сказал Алан, закидывая назад чемоданы и указывая на лошадь, впряженную в экипаж Ли.

— Единственная такая во всей округе, — гордо ответил Ли. — Куда бы я ни ехал, люди видят эту лошадь и узнают ее и, если им нужна помощь, всегда могут найти меня.

— Помощь какого рода? — спросил Алан, забираясь в экипаж.

— Я врач, — ответил Ли, ударив лошадь хлыстом и двинувшись раньше, чем Алан успел усестись рядом с Блейр.

Скорость была такая, что все внутри холодело, а жители города, думая, что он летит на вызов, освобождали дорогу. Он остановился перед домом, который купил для Хьюстон.

— Я подумал, что это — прекрасное место для разговора, Глаза Блейр расширились. Она не видела этого дома с той самой ночи, когда она и Ли...

— Мне нужно поговорить с Аланом, а не с тобой, и уж конечно не здесь.

— Место преступления, так сказать? Что ж, я полагаю, мы могли бы пойти в кафе мисс Эмили. У нее есть отдельная комната.

— Гораздо лучше, но мне хотелось бы остаться вдвоем с Аланом. Хьюстон и я... — Блейр замолчала, поскольку Ли рванул вперед с такой скоростью, что и она, и Алан были отброшены назад на сиденье.

— А вот и наши голубки. Ли, тебе следовало рассказать нам о себе и Блейр, — сказала мисс Эмили. — Когда Нина сказала нам, что ты превратился в больного от любви обожателя, мы все подумали, что это Хьюстон.

— Мне кажется, это правда, что любовь слепа, — ответил Ли, подмигивая старушке. —

Мы можем воспользоваться отдельной комнатой? Приехал старый друг моей невесты, и мы хотели бы поговорить.

Мисс Эмили бросила взгляд на Алана и улыбнулась:

— Вам нужно познакомиться с Ниной, сестрой Лиандера. Она такая приятная молодая леди.

К моменту, когда все улеглись, чай с пирожными уже стоял на столе. Блейр хмурилась, Алан все еще выглядел озадаченным, а Ли гордо улыбался.

— Если ты не возражаешь, я расскажу Алану правду, — сказала Блейр, едва дверь закрылась. — Моя сестра, Хьюстон, хотела кое-куда пойти и...

— Куда? — перебил Ли.

Она свирепо посмотрела на него:

— Если хочешь знать, в тот вечер она получила приглашение осмотреть чудовищный дом Таггерта, и ей очень хотелось пойти, а единственный способ осуществить это заключался в том, чтобы я выдала себя за нее и поехала с тобой на прием. В любом случае, — повернулась она к Алану, и ее голос потерял свой гнев, — моя сестра хотела поменяться местами лишь на вечер, как мы часто делали в детстве. Так мы и поступили. Просто я не знала, во что ввязалась, потому что он, — она взглянула на Ли, — продолжал сердиться на меня, я имею в виду, Хьюстон, а я старалась отделаться от него, но он меня не отпустил. А на следующий день он узнал, что мы поменялись местами и вообразил, что я хочу выйти за него замуж. Алан некоторое время молчал.

— История мне кажется неполной.

— Я бы сказал, что не хватает половины, — вступил Ли. — Это правда, что близнецы поменялись местами, и я до сих пор не могу понять, как я не заметил этого с самого начала. Я был помолвлен с Хьюстон, этой маленькой ледышкой, поэтому мне следовало догадаться, что это не она, ведь когда я прикасался к Блейр, она моментально воспламенялась.

— Как ты смеешь говорить такие вещи! Ли выглядел абсолютно невинным.

— Я всего лишь рассказываю правду, дорогая. Я привез ее к себе домой на поздний ужин, и, как бы это сказать, наша первая брачная ночь состоялась на пару недель раньше.

— Алан, все было не так. Я была Хьюстон, и это она любит его, одному Богу известно за что, потому что мне этот человек даже не нравится. Он тиран, эгоист и считает, что женщина не может работать в клинике, которую он хочет открыть. Я хочу вернуться домой, работать в больнице св. Иосифа и выйти за тебя замуж, Алан. Ты должен этому поверить.

Алан хмурился и водил вилкой по скатерти.

— У тебя должны быть какие-то чувства к нему, иначе ты не...

— Я же сказала тебе, — перебила Блейр с озабоченным видом, — я была Хьюстон. Алан, пожалуйста, поверь мне. Я уеду с тобой прямо сейчас.

— Только через мой труп, — сказал Ли.

— А, наконец-то хоть одна приятная мысль, — сказала она, улыбаясь ему сощуренными глазами. Алан перебил их, повернувшись к Ли:

— Скажите мне, вы собираетесь тащить ее к алтарю за волосы?

— У меня почти две недели. Ко дню свадьбы она будет умолять меня жениться на ней.

— Вы в этом уверены? — спросил Алан.

— Абсолютно, — ответил Ли.

— Устроим соревнование? Двадцатого она или уезжает со мной, или выходит за вас.

— Согласен.

— Согласен? — встала из-за стола Блейр. — Мне кажется, что мне не нужен ни один из вас. Я не собираюсь быть предметом пари, как бессловесное существо.

— Сядь, — Ли надавил ей на плечо и усадил на стул. — Ты говоришь, что любишь его, и в то же время ты не можешь устоять передо мной. Так из кого еще ты хочешь выбирать?

— Я вовсе не хочу выбирать. Я хочу выйти замуж за Алана.

— Это ты говоришь сегодня, но со мной ты только начала знакомиться, — самодовольно произнес Ли. — Конечно, первая встреча была впечатляющей, но... Тихо, сиди! — Он посмотрел на Алана. — Нам нужно установить правила. Первое, она должна согласиться остаться в Чандлере до двадцатого. Из города не уезжать. И второе, она должна принимать мои приглашения. Она не может запереться в доме Гейтса или выходить только с вами. Во всем остальном — полная свобода действия.

— Что ж, звучит достаточно справедливо. А что скажешь ты, Блейр?

Ее первой мыслью было уйти из чайной комнаты и оставить их вдвоем, но сначала ей захотелось узнать о последствиях.

— А если я не соглашусь?

— Если ты не согласишься, а это значит, что ты собираешься улизнуть из города, — сказал Ли, — я направлю Гейтса за тобой в Пенсильванию, и, когда он изложит там эту историю, у тебя уже не будет медицинской карьеры. Если же двадцатого ты, по ошибке, выберешь Алана, я сам куплю тебе билет на поезд и как-нибудь успокою Гейтса.

Она поразмыслила и посмотрела на Ли:

— Хорошо, но я тебя предупреждаю. Я не хочу выходить за тебя и собираюсь заставить тебя испытать чувство облегчения, когда двадцатого покину с Аланом этот жуткий городишко. А до того я собираюсь сделать твою жизнь как можно более невыносимой.

Ли повернулся к Алану:

— Я люблю женщину, у которой в жилах горит огонь. Пусть победит лучший.

Он протянул руку, и Алан пожал ее. Дело было решено.

На следующий день после приезда Алана Блейр лежала на пледе, разостланном под деревом в Фентон-парке. Алан читал ей статью о последних достижениях в лечении дифтерии, а она наблюдала за движущимися над ней облаками, слушала жужжание пчел и смех людей, гулявших в парке в этот прекрасный день.

— Блейр, ты слышишь меня? Я читал доклад доктора Андерсона. Что ты думаешь?

— О чем? — мечтательно произнесла она, переворачиваясь на живот. — О! — Блейр вздрогнула. — Похоже, я де слушала. Я думала о сестре и о том, что случилось вчера.

Алан закрыл книгу:

— Не хочешь поделиться?

— Этот Таггерт прислал ей экипаж и лошадь, а сверх того — самый большой в мире бриллиант. Хьюстон даже не взволновалась. Она очень спокойно прижала кольцо к сердцу, села в экипаж и уехала, вернувшись домой только после девяти часов. К этому времени мама находилась в прострации из-за того, что ее дочь продает себя, поэтому мне пришлось потратить несколько часов, успокаивая ее, прежде чем она смогла заснуть. А сегодня утром Хьюстон уехала на заре... и мама опять плачет.

— А за тебя она не волнуется? — спросил Алан, откладывая учебник по медицине и прислоняясь к дереву.

— Я думаю, что оба они с мистером Гейтсом считают, что мне достался лучший человек, чем я заслуживаю... или, по крайней мере, мистер Гейтс так считает. Мамино мнение я, пожалуй, не знаю. Она слишком обеспокоена тем, как рушится жизнь Хьюстон.

Алан пробежал пальцами по обрезу книги.

— Ты по-прежнему считаешь, что мне не следует познакомиться с твоей матерью и отчимом?

— Пока нет, — ответила Блейр садясь. — Ты представить себе не можешь, что такое Гейтс. Если он узнает, что я...

Она остановилась, потому что меньше всего хотела напоминать Алану, что было причиной ее помолвки с Ли. Но Блейр знала, как только Гейтсу станет известно, что она состояла в близких отношениях с одним мужчиной, будучи помолвленной с другим, ее жизнь станет еще более ужасной, чем сейчас. Этот человек не упускал случая напомнить ей, что она погубила жизнь сестры и Хьюстон приходится теперь выходить замуж из-за денег. Только так сестра могла избежать унижения перед лицом города, — унижения, причиной которого были всецело Блейр и ее безнравственность. День и ночь она слышала эти слова от своего отчима.

Блейр слабо улыбнулась Алану:

— Давай не будем говорить о неприятностях в такой дивный день. Может, погуляем или лучше возьмем лодку и покатаемся по озеру? Я не садилась за весла с осени, когда ушла из гребной команды.

— С удовольствием, — ответил он, поднимаясь и подавая ей руку.

Они свернули плед, подхватили книгу и направились к маленькой лодочной станции на берегу озера Миднайт, где взяли напрокат каноэ. Несколько пар, уже катающихся по озеру, приветствовали их.

— Доброе утро, Блейр-Хьюстон, — говорили они, с интересом разглядывая Алана, а

некоторые намекнули, что неплохо бы его представить, но она этого не сделала. Хьюстон может чувствовать себя обязанной удовлетворять любопытство горожан, но в отношении себя Блейр так не считала.

Алан взял весло, а она откинулась назад, защищая лицо большой шляпой от стоящего в зените солнца и опустив руку в воду; она почти задремала.

— Доброе утро! — раздался голос, заставивший ее сесть прямо. Взгляд ее уперся в лицо Лиандера, гребущего рядом с ними.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она сквозь зубы. — Уходи.

— По словам твоей матери, это я гуляю с тобой. Эй, Хантер, вам не слишком-то уютно с этим веслом. Вы ведь, скорее, городской житель.

— Может, ты уберешься отсюда и оставишь при себе свои подленькие замечания? Нам было так хорошо, пока не появился ты.

— Держи себя в руках, на нас начинают обращать внимание, а ты ведь не хочешь, чтобы они подумали, будто в раю что-то не так?

— В раю? С тобой? Да ты просто... Лиандер перебил ее:

— Хантер, вы можете дать мне руку? Кажется, я защемил сиденьем ногу, и ее начинает сводить.

— Алан, не делай этого, — предостерегла Блейр. — Я ему не доверяю.

Но было слишком поздно. Только что закончивший медицинскую школу и серьезно воспринимающий свою ответственность врача, Алан не мог отказать в помощи. Он тут же положил весло и перегнулся через борт, чтобы помочь Ли, и, как только он оказался над водой. Ли толкнул каноэ; Алан, после секундной попытки удержаться, упал в озеро. Блейр сразу же наклонилась, чтобы помочь Алану, но Ли схватил ее за талию и втащил в свою лодку.

Вокруг них звучал смех, было слышно барахтанье Алана, пытающегося забраться в лодку, и звук молотящих по Ли кулаков Блейр, старающейся заставить его отпустить ее. Каким-то образом ему удалось подгрести к берегу с помощью одного весла, другой рукой он держал Блейр и, по возможности, уклонялся от ее ударов.

На берегу Ли ухмыльнулся, как мальчишка, который только что совершил небывалый подвиг.

— Моя шляпа, — процедила сквозь зубы Блейр, и Ли, продолжая ухмыляться, пошел взять шляпу из лодки.

И как только он, потеряв бдительность, повернулся к ней спиной, Блейр схватила брошенное весло и изо всех сил толкнула Ли в спину. К ее великой радости, он упал лицом в грязь у кромки воды.

Но у Блейр не было времени наслаждаться победой, потому что Алан все еще барахтался в воде. Она возблагодарила небеса за годы, проведенные в гребной команде, направляясь к Алану в лодке Ли.

— Я так и не научился плавать, — сказал он, когда Блейр нагнулась к нему через борт. — Только барахтаться в воде.

С ее помощью ему удалось забраться в лодку, он кашлял, вода текла с него ручьями, и он чувствовал себя неуютно после такого горестного испытания. Блейр посмотрела в сторону берега и увидела перепачканного в грязи Ли. Это принесло ей некоторое удовлетворение.

Она решительно развернула лодку и подгрестила к лодочной станции.

Блейр уладила дела с прокатом лодки — Алан, чихая, стоял рядом, — а потом нашла

наемный экипаж, который отвез их в гостиницу «Империял», где остановился Алан.

Блейр была настолько зла, что ни разу даже не взглянула на Алана на всем пути через город до гостиницы. «Как посмел Лиандер так обращаться со мной на людях — или наедине, какая, разница», — думала она. Она достаточно ясно дала ему понять, что не желает иметь с ним дела. Тем не менее он продолжает навязываться.

Вместе с Аланом она поднялась в его комнату.

— Еще одна подобная выходка, — и я убью его. Он самое бесчувственное существо! Думать, что я когда-нибудь захочу выйти замуж за подобного человека — нелепо! Вот великолепный образец его эгоцентризма.

Дай мне ключ.

— Что? Блейр, ты хочешь войти в мою комнату вместе со мной? Я имею в виду, как это будет выглядеть?

Блейр взяла у него ключ и открыла дверь.

— Ты можешь представить жизнь с этим человеком? Он похож на большого избалованного мальчишку, привыкшего своевольничать. Сейчас он решил, что хочет получить меня, возможно, потому, что я первая женщина, отказавшая ему, и вот он делает все, чтобы испортить мне жизнь, — она замолчала и посмотрела на Алана, с которого на пол гостиничной комнаты стекала вода. — Почему ты стоишь тут в мокрой одежде? Тебе нужно переодеться.

— Блейр, не думаю, что тебе стоит здесь находиться, и я, конечно, не намереваюсь раздеваться перед тобой.

Блейр начала приходить в себя и осознала, где находится.

— Ты, конечно, прав. Я слишком разозлилась, чтобы думать. Мы увидимся завтра?

— Если раньше я не умру от пневмонии, — с улыбкой ответил Алан.

Она улыбнулась в ответ и собралась уходить, но потом, повинуясь импульсу, вернулась назад, обняла его и прижалась губами к его губам.

Сначала он держал ее осторожно, словно не хотел вымочить ее мокрой "одеждой", но, по мере того как Блейр сжимала его все крепче и крепче и проявляла все больше страсти, он привлек ее и наклонил голову, наполняя свой поцелуй ответным чувством.

Блейр оторвалась от него.

— Мне надо идти, — мягко сказала она, направляясь к двери. — Увидимся завтра.

Некоторое время после ухода Блейр Алан стоял не двигаясь, не торопясь переодеться в сухое.

— Ты не сказала ему «нет», Блейр, — прошептал он. — Когда я целую тебя, тебе нужно идти, а он смог заставить тебя остаться на всю ночь.

***

В четверг утром Блейр ворвалась в Чандлер-хаус вся в слезах и бегом поднялась наверх, в свою комнату. Ей пришлось продраться через несколько букетов цветов, прежде чем она смогла достичь кровати. Отодвинув полдюжины коробок с шоколадом, она бросилась на постель и проплакала так целый час. Лиандер Вестфилд делает ее жизнь невыносимой.

Вчера он опять испортил прекрасный день с Аланом. Она с Аланом поехала за город на пикник, а Ли их выследил и разрядил свой шестизарядный револьвер в воздух, напугав лошадей, и попытался втащить Блейр на свою лошадь. И опять ей удалось помешать ему, заставив лошадь подняться на дыбы, и ускользнуть.

Алан стоял и смотрел на них, не имея возможности принять в происходящем участия, так как очень мало знал о поведении лошадей, не запряженных в экипаж. По правде сказать, Блейр с трудом удалось уговорить его проехаться верхом, а не в наемной коляске, как хотелось ему.

Когда Блейр отделалась от Ли и его вздыбленной лошади, она села на одну из лошадей, взятых ею и Аланом напрокат, — другая умчалась прочь при звуках выстрелов — и потратила несколько мгновений, уговаривая Алана сесть позади нее.

Значительную часть своего детства Блейр провела на лошади, и сейчас ей понадобилось все ее мастерство, чтобы ускакать от Ли. На секунду она оглянулась на него, и Алан, вцепившийся в нее мертвой хваткой, вскрикнул от ужаса. Они неслись прямо на дерево, о которое лошадь должна была бы неминуемо разбиться.

Лиандер увидел опасность и молниеносным движением отклонил свою лошадь в сторону, но так круто, что та встала на дыбы и сбросила его в пыль. Благодаря этому, Блейр и Алан не пострадали.

К сожалению, а по мнению Блейр — к счастью, лошадь Ли не остановилась и направилась в спасительное укрытие своей конюшни.

Алан сидел, крепко ухватившись одной рукой за Блейр, другой — за седло.

— Разве ты не подвезешь его? До города несколько миль.

— Всего лишь около шести, — бросила она через плечо. — И потом, он уже привык ходить пешком.

Это произошло в среду и, по сравнению с сегодняшним днем, казалось Днем благодарения. С утра на Блейр напустился Гейст, который наконец узнал, что на озере Блейр видели с другим мужчиной и что она унизила Ли на глазах у всех.

Блейр не хотелось с ним спорить, поэтому она сказала, что этим утром встречается с Ли в больнице. Она солгала, сказав, что Ли хочет поговорить с ней о медицине, но, на самом деле, она надеялась, что в больнице его не будет.

Гейтс настоял, чтобы она вышла вместе с ним — он направился на работу, — довез ее до больницы и ждал, пока она не вошла в дверь. «Как в тюрьме», — подумала Блейр.

Внутри ей все было знакомо: запах карболки, влажного дерева и мыла. Она словно вернулась домой. Казалось, вокруг никого не было, и она пошла по коридору, заглядывая в палаты, рассматривая пациентов и желая вернуться в Пенсильванию и приняться за работу.

На третьем этаже она услышала звук, который узнала сразу же: кто-то пытался сделать вдох.

Она тут же превратилась в доктора Чандлер, вбежала в комнату и увидела задыхающуюся пожилую женщину, лицо которой уже начало синеть. Не теряя ни секунды, Блейр принялась надавливать на грудную клетку женщины, одновременно во всю силу своих легких вдувая ей в рот воздух.

Она не сделала и двух вдохов, когда почувствовала, как ее с силой оттащили прочь.

Ли так оттолкнул ее, что она чуть не упала, а сам стал прочищать женщине горло. Через несколько минут пациентка снова смогла дышать с легкостью, и он перепоручил ее заботам медицинской сестры.

— А ты зайди в мой кабинет, — сказал он Блейр, едва на нее взглянув.

В последовавшие затем двадцать минут Блейр получила такую порцию словесных упреков, как никогда до этого в своей жизни. Ли, похоже, думал, что она пыталась вмешаться в его работу и могла убить его пациентку.

Никакие оправдания Блейр не помогли. Он сказал, что ей следовало позвать на помощь, а не браться за больную, о которой она ничего не знает, что ее действия могли оказаться неверными и она могла принести больше вреда, чем пользы.

Блейр знала, что он прав, и заплакала.

Лиандер смягчился, прервал свою тираду и нежно обнял ее.

Блейр отодвинулась, выкрикнув, что ненавидит его и не желает его больше видеть. Она сбежала вниз по лестнице и спряталась в тамбуре за дверью. Он пробежал мимо, не заметив ее. Когда путь освободился, она вышла из здания и на конке доехала до дома, где и находилась сейчас, плача и никогда больше не желая видеть этого отвратительного человека.

К одиннадцати часам ей удалось взять себя в руки, чтобы встретиться с Аланом. Она сказала матери, что идет играть с Ли в теннис. Опал одобрительно кивнула в ответ.

***

Опал сидела на заднем крыльце, наслаждаясь весенним днем. В руках она держала пяльцы. Она подняла голову и увидела стоявшего на пороге Ли.

— Ли, какой приятный сюрприз. Я думала, что вы с Блейр пошли поиграть в теннис. Ты что-то забыл?

— Вы не против, если я немного посижу с вами?

— Конечно нет.

Она посмотрела на него. Приятное лицо Ли редко бывало нахмуренным, но сегодня он выглядел так, словно его что-то заботило.

— Ли, ты хочешь о чем-то поговорить со мной? Ли ответил не сразу. Сначала он достал из внутреннего кармана сигару и жестом попросил у Опал разрешения закурить.

— Она вместе с человеком по имени Алан Хантер, — с человеком, за которого, как она говорит, собирается замуж.

Опал отложила рукоделие.

— О Боже, еще одно осложнение. Тебе лучше все мне рассказать.

— Кажется, она приняла предложение этого человека в Пенсильвании, и в понедельник он должен был познакомиться с вами и мистером Гейтсом.

— Но к понедельнику Блейр уже... И объявление о вашей свадьбе было сделано... — голос ее оборвался.

— Это я сделал так, чтобы о нашей помолвке объявили. И Хьюстон, и Блейр хотели обо всем умолчать и забыть, как будто ничего и не было. Мне почти стыдно, что я шантажом вынудил Блейр остаться в Чандлере и участвовать в состязании.

— В состязании?

— В понедельник я встретился с Хантером на вокзале и уговорил его соревноваться со мной за руку Блейр. До двадцатого я должен завоевать ее, потому что в этот день она

собирается решить, выходит ли она за меня или уезжает с Хантером. Он повернулся к Опал:

— И боюсь, что я проигрываю, потому что не знаю, как завоевать ее. До этого я никогда не ухаживал за женщинами и не очень-то знаю, как это делается. Я попробовал цветы, конфеты, строил из себя дурака перед всем городом — мне казалось, что женщинам нравятся подобные вещи, но все это безуспешно. Двадцатого она уедет с Хантером, — повторил он, словно это было самой большой трагедией, и, вздохнув, поведал Опал обо всех событиях последних нескольких дней, включая происшествие на озере, историю с лошадьми. Закончил он пересказом утренней сцены в больнице, отметив, что был излишне суров с Блейр.

Некоторое время Опал размышляла.

— Ты ведь очень сильно любишь ее? — с удивлением в голосе сказала она. Ли выпрямился на стуле.

— Не знаю, любовь ли это... — Он взглянул на Опал, кажется, вдруг осознав, что бьется в безнадежной схватке. — Что ж, наверное, я и правда люблю ее, так люблю, что не побоюсь показаться дураком в глазах окружающих... если только я смогу получить ее. И тут же начал защищаться:

— Но я не собираюсь идти к ней с виноватым видом и говорить, что меня угораздило полюбить ее с первой же проведенной вместе ночи. Одно дело, когда в лицо тебе швыряют твои розы, и совсем другое, когда то же проделывают с твоим признанием в любви.

— Думаю, ты прав. А ты знаешь, как этот другой мужчина ухаживает за ней?

— Вот об этом я не спросил.

— Это должно быть тот «друг», что посылает ей медицинские книги. Она читает, а через час уходит, говоря, что идет на встречу с тобой.

— Моя комната набита медицинскими книгами, но мне и в голову не приходило посылать их женщине. Боюсь, что я согласен с мистером Гейтсом, когда дело касается медицины. Я бы хотел, чтобы она оставила свою нелепую затею и успокоилась бы и...

— И что? Стала бы, как Хьюстон? Тебя ждала прекрасная домохозяйка, но ты влюбился в кого-то другого. Тебе даже не приходило на ум, что, если бы Блейр оставила медицину, она уже не была бы Блейр?

Несколько мгновений стояла тишина.

— И все же я бы хотел что-нибудь предпринять. Так вы считаете, что мне следует послать ей учебники по медицине?

— Ли, — мягко сказала Опал, — почему ты стал врачом? Когда ты впервые осознал, что хочешь посвятить свою жизнь медицине?

Он улыбнулся:

— Когда мне было девять лет. Мама тогда болела. Старый док Бреннер провел у ее постели два Дня, и она выздоровела. И тогда я понял — вот то, чем я хочу заниматься.

Опал перевела взгляд на сад:

— Когда моим дочерям было по одиннадцать лет, я взяла их в Пенсильванию навестить своего брата-врача Генри и его жену Фло. Не успели мы приехать, как Фло, Хьюстон и я заболели лихорадкой. Ничего серьезного, но мы лежали в постели, а Блейр была поручена прислуге. Брату показалось, что она скучает, и он стал брать ее с собой в больницу. Опал остановилась, чтобы улыбнуться. — Я не знала о том, что происходит, пока через несколько дней Генри уже не мог более сдерживать своего возбуждения. Оказалось, что Блейр не послушалась Генри, когда он наказал ей держаться подальше от пациентов, которых он

лечил. В первый день Блейр помогла дяде принять трудные роды, причем голова ее оставалась ясной, и она не поддавалась панике, даже когда у женщины началось кровотечение. На третий день она ассистировала ему при срочном удалении аппендикса, произведенном на кухонном столе. Генри сказал, что никогда не видел человека, более подходящего для медицины, чем Блейр. Мне понадобилось некоторое время, чтобы преодолеть шок при мысли о том, что моя дочь будет врачом, но, когда я заговорила об этом с Блейр, ее глаза зажглись огнем, которого я никогда в ней раньше не видела. И я поняла, что, если это вообще будет возможно, я помогу своей дочери стать врачом. Она вздохнула.

— Я рассчитывала на мистера Гейтса. Когда мы вернулись в Чандлер, Блейр могла говорить только о том, что станет врачом. Но мистер Гейтс сказал, что ни одна девушка, за которую он несет ответственность, не станет заниматься таким неподходящим для леди делом. Я подождала год и увидела, что Блейр все больше и больше падает духом. Думаю, последней каплей стало распоряжение мистера Гейтса, чтобы библиотека не выдавала Блейр книг, связанных с медициной.

Опал негромко рассмеялась:

— По-моему, единственный раз я пошла против мистера Гейтста. У Генри и Фло нет детей, и они умоляли меня отпустить Блейр жить с ними, обещая, что Генри проследит за тем, чтобы Блейр получила лучшее образование, которое доступно женщине за деньги. Я не хотела, чтобы дочь уезжала, но я знала, что это единственный выход. Если бы она осталась, ее дух оказался бы сломленным.

Она повернулась к Ли:

— Так что ты видишь, как много медицина значит для Блейр. Она была ее заветной мечтой с самого детства, а теперь... — Она замолчала, вытаскивая из кармана конверт. — Это пришло позавчера от Генри. Он переслал его мне, чтобы я как можно деликатнее сообщила Блейр. В письме говорится, что несмотря на то, что она получила квалификацию интерна в больнице св. Иосифа, что она была лучшей в трехдневных экзаменах, комиссия города Филадельфии наложила запрет на предоставление ей места, поскольку признано невозможным для леди работать в такой близости с мужчинами.

— Но это... — взорвался Ли.

— Несправедливо? Не более несправедливо, чем твое предложение ей оставить медицину и сидеть дома, следя, чтобы прислуга выгладила твои рубашки, как ты любишь.

Ли смотрел на сад, куря сигару и размышляя.

— Может, она захочет съездить со мной на несколько вызовов в сельскую местность. Ничего особенного, просто обычная рутина.

— Да, думаю, ей это понравится, — она положила свою руку на его. — И знаешь. Ли, ты увидишь совсем другую Блейр, непохожую на ту, что ты видел до этого. Блейр слишком прямолинейна, и поэтому часто люди не видят, какое у нее сердце. Если ты продолжишь выставлять мистера Хантера дурачком в ее глазах, она никогда тебе этого не простит, а уж тем более — не полюбит. Дай ей увидеть Лиандера, каким его знает город. Лиандера, частенько встающего в три часа ночи, чтобы выслушать жалобы миссис Лечнер на таинственные боли. Человека, который прошлым летом спас близнецов миссис Сондерсон. Человека, который...

— Хорошо, — засмеялся Ли. — Я покажу ей, что на самом-то деле я переодетый святой. Вы считаете, она действительно что-то знает о медицине?

Настал черед Опал засмеяться."

— Ты когда-нибудь слышал о докторе Генри Томасе Блейре?

— Патологоанатоме? Конечно. Некоторые из его предвидений в области диагностики заболеваний были... — Он замолчал. — Это он — дядя Генри?

Глаза Опал лучились радостью.

— Он самый, и Генри говорит, что Блейр способная, очень способная. Дай ей шанс. Ты не пожалеешь.

Даже теннис с Аланом не улучшил настроения Блейр в этот день. Когда она училась в школе, дядя Генри подчеркивал важность физических упражнений. Он говорил, что хорошая физическая нагрузка поможет умственной деятельности и занятиям. Поэтому Блейр присоединилась к гребной команде, вместе с несколькими другими студентами научилась играть в теннис, а когда могла, занималась гимнастикой, ездила на велосипеде и ходила пешком.

Она выиграла партию у Алана.

Алан выглядел расстроенным, когда она шла по направлению к краю поля. В течение всей игры он оглядывался и, судя по выражению его лица, ждал, что в любой момент кто-то может появиться.

К концу игры Блейр почувствовала сильное раздражение. Она подозревала, что мысли Алана о Лиандере отвлекали его от игры.

— Алан, мне начинает казаться, что ты его боишься. Но ведь пока нам удавалось взять над ним верх. — Ты брала над ним верх. Здесь, в деревне, я совершенно беспомощен. Если бы мы встретились в городе, возможно, у меня появился бы шанс.

— Лиандер учился во многих странах. Я уверена, что он прекрасно себя чувствует и на балу, и в седле, — сказала она, отчищая ракетку.

— Человек эпохи Возрождения? — язвительно спросил Алан.

Блейр взглянула на него:

— Алан, ты как будто злишься? Ты же знаешь мое отношение к этому человеку.

— Да? Я знаю только следующие факты: как-то раз ты поехала вместе с ним и это закончилось совместно проведенной ночью, в то же время, когда я дотрагиваюсь до тебя, ты прекрасно держишь себя в руках.

— Я не собираюсь слушать подобные речи, — ответила Блейр.

Он поймал ее за руку.

— Ты предпочитаешь услышать это от Вестфилда? Ты предпочитаешь, чтобы здесь был он — со своим шестизарядным револьвером и способностью провести легковозного студента-медика?

Она бросила на него холодный взгляд:

— Отпусти мою руку.

Он повинился незамедлительно, вся его злость улетучилась.

— Блейр, извини, я не имел в виду ничего такого. Просто я так устал выглядеть дураком. Я устал сидеть в своей комнате в гостинице и дожидаться разрешения встретиться с твоими родителями. Я чувствую себя нежеланным, не то что Вестфилд.

Она почувствовала раскаяние. Его резкость абсолютно понятна и оправданна. Блейр приложила ладонь к его щеке.

— Я мечтала уехать с тобой в первый же день, но ты захотел участвовать в состязании. Ты согласился на него, и теперь мое будущее, как врача, под сомнением. Я не могу уехать из Чандлера до двадцатого. Но поверь мне — я уеду с тобой.

Он проводил ее, и они расстались за квартал до дома. Его напряженность не исчезла, он волновался. И никакие увещания Блейр, казалось, не могли рассеять его озабоченность.

Дома Блейр поднялась к себе в комнату, довольная, что хоть на этот раз ее мать не

представила ей детальный список цветов и конфет, присланных Ли за время ее отсутствия. Опал лишь ласково кивнула ей и вернулась к своему шитью.

Остаток дня, в отличие от утра, Блейр твердо решила провести без слез. Поэтому она растянулась на кровати и попыталась прочесть главу об ожогах из книги, данной Аланом.

В три часа с подносом еды пришла горничная Сьюзен:

— Миссис Гейтс велела принести это вам и спросить, не нужно ли еще чего.

— Нет, — безжизненно ответила Блейр, отодвигая еду подальше.

Сьюзен остановилась у двери, водя фартуком по косяку:

— Вы, конечно, слышали про вчерашнее?

— Про вчерашнее? — спросила Блейр без особого интереса.

Как мог Алан подумать, что Ли ей интересен? Неужели она недостаточно ясно дала понять всем, причастным к этой истории, что она не желает иметь с ним дела?

— Я подумала, что поскольку вы уже спали, когда вернулась мисс Хьюстон, а утром ушли так рано, то могли и не слышать про то, что устроил вчера мистер Таггерт на приеме в саду. Как он унес оттуда мисс Хьюстон, а потом вернулся, и я могу сказать, что ваша матушка почти в него влюбилась, и он собирается купить ей розовый поезд.

Теперь Сьюзен удалось завладеть вниманием Блейр.

— Подожди, подожди, расскажи-ка все по порядку. И она, поджав ноги, уселась поудобнее и начала поглощать стоявшую перед ней еду.

— Ну так вот, — медленно произнесла Сьюзен, наслаждаясь возможностью побыть в центре внимания, — вчера ваша сестра пошла на прием в саду у мисс Тайи Мэнкин — вас тоже приглашали, но вы не пошли, — и рядом с ней стоял этот человек, но сначала его никто не узнал. Я, конечно, говорю, как мне рассказывали, потому что меня там не было, но потом-то я его увидела — то, что говорили, оказалось больше, чем правдой. Я никогда не думала, что большой грязный мужчина может так хорошо выглядеть. В общем, он пришел на прием, и все женщины собрались вокруг него, а он взял угощение для мисс Хьюстон да и выронил ей все на колени. С минуту никто не мог ничего сказать, а кто-то начал смеяться, и тогда, знаете, мистер Таггерт взял мисс Хьюстон на руки, вынес ее из сада и посадил в хорошенькую новую коляску, которую он ей купил.

Рот Блейр был набит сэндвичем, и она отхлебнула молока.

— И что, Хьюстон ничего не сказала? Не представляю, чтобы она позволила мужчине проделать с ней такое на людях.

По правде говоря, она не могла представить такого и в более интимной обстановке.

— Я никогда не видела ничего похожего между ней и доктором Лиандером, но мисс Хьюстон не только это позволила, но и привела его сюда и попросила вашу матушку принять его в гостиной.

— Мою мать? Да она плачет каждый раз, как слышит имя Таггерта.

— Ну уж не после вчерашнего. Не знаю, что ей в нем понравилось, кроме внешности, потому что я до смерти боюсь этого человека, но она просто влюбилась в него. Я помогла мисс Хьюстон переодеться, а когда мы спустились вниз, ваша мать уже просила его называть ее Опал, а он спрашивал, какого цвета вагон купить ей.

Сьюзен взяла с кровати пустой поднос.

— Но после того как, мисс Хьюстон уехала с этим человеком, случилось, должно быть, что-то ужасное, потому что вчера вечером она вернулась в слезах. Она пыталась скрыть это от меня, когда я помогала ей раздеваться, но я заметила, что она плакала. И сегодня — она

не ест и целый день сидит в своей комнате, — Сьюзен бросила мрачный взгляд на Блейр. — Так же, как вы, мисс. Этот дом сегодня какой-то несчастливый, — заключила она, уходя из комнаты.

Блейр тут же отправилась к сестре. Хьюстон лежала на кровати с красными, опухшими глазами и являла собой жалкое зрелище. Первой мыслью Блейр было, что несчастье сестры — ее вина. Если бы она не вернулась в Чандлер, Хьюстон осталась бы помолвленной с Лиандером и не была бы вынуждена выходить замуж за человека, роняющего на нее тарелки и не умеющего вести себя в обществе.

Блейр попыталась поговорить с Хьюстон, объясняя, что, если она явно даст понять, что все еще не забыла Ли, она, возможно, вернет его, и ей не придется приносить себя в жертву этому Таггерту. Но чем больше Блейр говорила, тем больше Хьюстон замыкалась в себе. Она только сказала, что Лиандер ее больше не любит и желает Блейр так, как никогда не желал ее, Хьюстон.

Блейр хотелось сказать сестре, что если только та подождет до двенадцатого, то снова получит Ли. Она хотела рассказать о смахивающем на шантаж плане, об Алане и о том, как сильно она его любит, но боялась, что Хьюстон станет только хуже, если она почувствует себя утешительным призом. Она могла говорить, казалось, лишь о том, что Ли ее бросил, что ему нужна Блейр, а Таггерт делает ее несчастной, хотя и не пояснила, каким образом.

И чем больше Хьюстон говорила, тем хуже чувствовала себя Блейр. Она-то ведь поехала с Лиандером потому, что сомневалась в его отношении к сестре. Она беспокоилась, поскольку видела, что Хьюстон несколько не расстроилась из-за размолвки с Ли. И теперь у нее другой мужчина, однако Хьюстон проводит дни в тоске. И зачем только она вмешалась!

Хьюстон стояла у кровати, пытаясь унять поток слез, струящихся по лицу.

— Ты, наверное, думаешь, что у тебя с Лиандером все кончено, но это не так. И тебе нет нужды наказывать себя общением с этим мужланом Таггертом. Он и тарелки с едой удержать не может, не говоря...

Блейр замолчала, потому что Хьюстон дала ей пощечину.

— Я собираюсь выйти замуж за этого человека, — сказала Хьюстон со злобой в голосе. — Я не позволю тебе или кому-то другому порочить его.

Блейр держалась рукой за щеку, в глазах у нее появились слезы.

— То, что я сделала, начинает вставать между нами, — прошептала она. — Но никакой мужчина не заменит сестру, — сказала Блейр и вышла из комнаты.

Остаток дня Блейр провела еще хуже. Если у нее и оставались сомнения относительно того, почему ее сестра выходит замуж за Таггерта, они рассеялись перед обедом, когда в их дом доставили дюжину колец от Таггерта. Хьюстон взглянула на них, и ее лицо засветилось. Она прямо-таки выплыла из комнаты, и Блейр подумала: «Неужели двенадцать колец и коляски достаточно, чтобы примириться с жизнью с таким человеком, как Таггерт?» Судя по выражению лица Хьюстон, у той не было в этом сомнения.

Они сели обедать. Оживленность Хьюстон доставляла Блейр мучения, но она знала, что все попытки поговорить с сестрой окажутся напрасными.

Когда во время обеда зазвонил телефон, Гейтс приказал служанке передать тому, кто бы там ни был, что никто не подойдет к этому новомодному устройству.

— Они думают, что имеют право вынудить нас разговаривать только потому, что могут заставить эту штуку звонить, — проворчал он.

Сьюзен вернулась, взгляд ее был устремлен на Блейр.

— Тот, кто звонит, говорит, что это очень важно.

Мне велели передать, что это мисс Хантер.

— Хантер, — проговорила Блейр, не донеся до рта ложку с супом. — Я, пожалуй, подойду.

И, не дожидаясь разрешения мистера Гейтса, она побежала к телефону.

— Я не знаю никаких Хантеров, — сказал ей вслед мистер Гейтс.

— Да нет же, знаешь, — мягко произнесла Опал. — Они переехали сюда из Сиэтла в прошлом году. Ты познакомился с ним у Лечнеров тем летом.

— Может быть. Я, кажется, припоминаю. Хьюстон, положи себе говядины. Тебе следует немного пополнить.

***

— Алло, — нежно произнесла Блейр. Она услышала в телефоне голос Лиандера.

— Блейр, пожалуйста, не вешай трубку. Я хотел бы кое-куда пригласить тебя.

— А что на этот раз ты собираешься сделать с Аланом? Ты перепробовал ружья, лошадей, ты чуть не утопил его. Ты знаешь, что сегодня мы играли в теннис? Ты мог бы закидать его мячами или ударить ракеткой.

— Я знаю, что вел себя не лучшим образом, и хочу загладить свою вину. Завтра я дежурю и должен буду выезжать по срочным вызовам, кроме того, мне нужно навестить несколько пациентов за городом. Я подумал, что ты, может быть, захочешь поехать со мной.

На мгновение Блейр онемела. Провести целый день, делая то, чему ее учили? Не болтаться без дела, коротая время за разными безделицами, а узнать что-то новое?

— Блейр, ты меня слышишь?

— Да, конечно.

— Если нет, я пойму. День будет долгим, и я не сомневаюсь, что к концу его ты вымотаешься, так что...

— Я поеду всюду, куда ты меня возьмешь. Я буду готова с первым проблеском зари, и мы еще посмотрим, кто выдохнется раньше.

Она повесила трубку и вернулась к столу. Завтра она сможет работать как врач! В первый раз за эти дни она не чувствовала бремени ответственности за нанесенную сестре обиду.

***

Нина Вестфилд слышала, как в течение нескольких минут кто-то барабанил в дверь, прежде чем ему ответили.

Бледная от испуга горничная вошла в гостиную, руки у нее дрожали.

— Мисс, там мужчина, он говорит, что его зовут Алан Хантер и он пришел убить

доктора Вестфилда.

— Силы небесные! Он кажется опасным?

— Он просто стоит там спокойно, но глаза у него безумные... он очень симпатичный. Я подумала, может, вы сможете поговорить с ним. По мне, он не способен на убийство. Нина отложила книгу.

— Проводи его сюда, потом попроси соседа, мистера Томсона зайти к нам и пошли за моим отцом. А после отправь кого-нибудь, кто задержит Ли в больнице. Придумайте болезнь, если придется, но только держите его подальше от дома.

Горничная пошла выполнять распоряжения и спустя мгновение проводила в гостиную мистера Хантера.

Нина подумала, что он вовсе не похож на убийцу, и дружелюбно протянула ему руку, не обращая внимания на испуг служанки. Когда через несколько минут появился мистер Томсон, Нина отослала его домой, сказав, что произошла ошибка, а когда прибыл отец, она представила его Алану, и они допоздна беседовали втроем.

К несчастью, никто не вспомнил о Лиандере, пытавшемся помочь человеку, который уже шестнадцать лет служил у них дворецким. Он корчился от болей, причину которых невозможно было определить, но Ли продолжал свои попытки. А каждый раз, как Ли выходил из комнаты, дворецкий звонил Вестфилдам и, получая ответ, что опасный человек все еще там, придумывал новые и новые симптомы.

Вот почему Лиандеру удалось поспать только четыре часа до первого вызова. В половине пятого утра, он не решился будить весь Чандлер-хаус и поэтому забрался в спальню Блейр по растущему у окна дереву.

Едва забрезжил рассвет, когда Лиандер вскарабкался на дерево и по крыше над крыльцом попал в спальню Блейр. Он чувствовал себя школьником, которого могут застать за очередной проказой. Двадцатисемилетний врач, несколько лет учившийся в Европе и хорошо знавший светскую жизнь, лазает по деревьям и проникает в спальни девушек, словно шkodливый мальчишка.

Но когда он вошел в спальню и увидел лежащую под тонкой простыней Блейр, он забыл обо всем. Последние несколько дней были такими тяжелыми. Он нашел ее и знал, что эта женщина нужна ему не меньше собственной души, но видел, что она ускользает от него. Что-то в ней делало его робким и неуклюжим, и, что бы он ни предпринимал, все шло не так. Он старался произнести на нее впечатление, пытался выглядеть лучше, чем эта не слишком знающая, слабая, перепуганная белая мышь, которую, как ей кажется, она любит. Ли понимал, что Блейр превосходит Хантера.

С минуту он стоял над ней, вспоминая ее мягкость и нежность. Той ночью она была именно такой.

Та ночь изменила всю его жизнь, и он был полон решимости завоевать Блейр.

Улыбаясь и чувствуя, что не может противостоять искушению, он откинул простыню и скользнул в постель рядом с ней, как был — в одежде и обуви. Для продолжительности любовных игр времени не было, кроме того, он понимал, что третий этаж в доме Дункана Гейтса совсем не подходящее для этого место.

Он поцеловал ее в висок, заключая в объятия, и она, сонная, теснее прижалась к нему, а он целовал ее глаза и щеки. Когда он дотронулся до ее губ своими, она медленно начала просыпаться, придвинулась к нему ближе, и он стал ласкать ее обнаженное тело.

Его поцелуй продлился, он коснулся ее языка своим, и она с готовностью ответила, все время пытаясь быть как можно ближе к нему.

Проснуться Блейр заставили часы Ли, впившиеся ей в живот сквозь тонкую ткань рубашки.

— Это сон, — пробормотала она, глядя его по щеке.

— Да, — охрипшим голосом ответил Ли. Еще ни разу в жизни ему не приходилось настолько сдерживать себя. Ему хотелось снять с нее рубашку, ласкать ее теплую, желанную плоть, чувствовать ее кожу на своей. Ему хотелось потереться небритой щекой о нежный живот и услышать, как она притворно запротестует.

Внезапно Блейр села прямо.

— Что ты здесь делаешь? — выдохнула она. Он закрыл ей рот ладонью и уложил рядом с собой. Она принялась пинать и толкать его.

— Если ты хочешь поехать со мной, то двигаться надо сейчас. А поскольку еще не рассвело, я решил не стучать в парадную дверь и будить весь дом. Ты долго будешь шуметь? Сюда поднимется Гейтс и, застав эту картину, возможно, прогонит тебя по городу в рубище.

Когда она успокоилась, он убрал руку.

— Я предпочла бы это, чем то, что хотел сделать ты, — ответила она громким шепотом. — Прочь от меня!

Но Лиандер даже не двинулся с места.

— Если бы у меня было время, я забрался бы к тебе в постель без... м-м-м... туфель, —

проговорил он, просовывая свою ногу между ногами Блейр и по-прежнему не отпуская ее.

— Ты тщеславный, самодовольный...

Она умолкла, потому что он зажал ее руки у нее над головой и поцеловал ее, сначала нежно, а потом все более жадно, пока у нее не перехватило дыхание. Тогда он снова стал нежным.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Не вижу, почему я должен быть милосердным, — сказал он, отпуская ее руки, но держа ее тело, как в ловушке, под своим. Последние несколько дней ты была со мной отнюдь не милосердна. — Ее взгляд заставил его отодвинуться. — Если я спущусь по дереву, ты оденешься и встретишь меня на улице?

Ее взгляд потерял выражение затравленного животного.

— И мы поедем на вызовы?

— Никогда не встречал женщины, настолько жаждущей крови.

— Это не так, мне нравится помогать людям. Если я смогу спасти хотя бы одну жизнь, тогда моя жизнь...

Он быстро поцеловал ее, выбираясь из постели:

— Речь молодого врача ты произнесешь мне по дороге. Через десять минут, успеешь?

Блейр только и смогла, что кивнуть, и выскочила из кровати, не дождавшись, когда Ли вылезет в окно. Она даже не подумала, насколько необычно его поведение, потому что с тех пор, как она вернулась в Чандлер, ее жизнь шла совсем не по общепринятым правилам.

Из маленького гардероба, забитого в основном зимними вещами Хьюстон, она извлекла наряд, которым очень гордилась. Она сшила его в Филадельфии в известном ателье «Дж. Кантрелл и сыновья». Блейр несколько недель трудилась вместе с закройщиками, разрабатывая фасон и приспособлявая его к особенностям своей профессии. В то же время она постаралась, чтобы он оставался скромным. Примеряя юбку, она даже садилась в ателье на деревянную лошадь, чтобы убедиться, что она достаточно короткая, чтобы быть удобной" и достаточно длинная, чтобы выглядеть прилично.

Жакет был скроен с военной простотой, а юбка получилась пышной и женственной, но на самом деле это была юбка-брюки — в ней Блейр чувствовала себя безопасно и свободно. На костюме пошла самая лучшая и тонкая шерсть цвета морской волны, какую только удалось найти. В складках юбки прятались глубокие карманы, из которых не выпадет ни один из ее драгоценных инструментов. На рукаве был нашит простой красный крест, указывающий на предназначение костюма.

Блейр натянула пару высоких ботинок из телячьей кожи — шнуровка делала их похожими на мальчишеские, но зато они не уродовали ногу, как модные узконосые дамские туфли, схватила свой новый медицинский чемоданчик и поспешила вниз, к Ли.

Он стоял, привалившись к экипажу и куря одну из своих тонких длинных сигар, и на мгновение Блейр ужаснулась при мысли, что куда-то поедет с ним. Без сомнения, она проведет весь день, отбиваясь от его рук, и ничем не сможет помочь больным.

Он быстро оглядел ее экипировку и, кажется, кивнул в знак одобрения, прежде чем запрыгнуть в экипаж и предоставить Блейр самой забираться туда.

Как только она с этим справилась, он, как она и думала, рванул вперед с такой скоростью, что ей стало страшно за свою жизнь.

— Куда мы едем на первый вызов? — прокричала она, стараясь перекрыть грохот экипажа, катящего из Чандлера на юг.

— Я почти уже не занимаюсь вызовами, поскольку работаю в основном в больнице, — прокричал он в ответ. — Поэтому некоторые больные мне незнакомы, но тут я знаю, в чем дело. Это Джо Глизон, больна его жена. Уверен, что она снова ждет ребенка. Эффи каким-то образом удастся производить по младенцу каждые восемь месяцев. — Он искоса глянул на нее:

— Когда-нибудь принимала роды?

Блейр кивнула и улыбнулась. Она жила с дядей, и у нее было преимущество перед всеми студентами колледжа: она имела возможность не только изучать теорию, но и наблюдать, и лечить пациентов.

Поездка стоила Блейр боли в боку — она ударилась им о стенку экипажа. Ли остановился перед маленькой бревенчатой хижиной у подножия гор. В голом двореке копошились куры, собаки и бесчисленное множество худых, грязных ребятишек, и все они, казалось, воевали друг с другом за жизненное пространство.

Маленький, тощий, почти беззубый Джо отогнал детей и животных с дороги.

— Она внутри, док. Эффи никогда и дня не лежала, а тут она уже четвертый день в кровати, и сегодня утром я не смог ее разбудить. Ну я, конечно, пользовал ее, как мог, но никакого толку.

Блейр вошла в дом следом за мужчинами, поглядывая на большеглазых детей и слушая начало рассказа Джо о том, что же случилось.

— Я рубил дрова, а топор слетел с топорница и поранил Эффи ногу. Рана неглубокая, но вытекло много крови, и у нее закружилась голова. Поэтому она пошла и легла — это в середине-то дня! Как я сказал, я лечил ее, как мог, но сейчас я за нее беспокоюсь.

Маленькая комната, где неподвижно лежала женщина, была темной и в ней жутко воняло.

— Открой окно и дай мне фонарь.

— Возчик сказал, что воздух ей вреден. Лиандер бросил на Джо такой угрожающий взгляд, что тот бегом кинулся открывать окно.

Когда Джо принес фонарь. Ли сел у постели женщины и откинул одеяло. Толстая повязка на ноге была грязной и засаленной.

— Блейр, если там то, что я предполагаю, то, может, ты...

Блейр не дала ему возможности закончить. Она осматривала голову женщины, поднимала веки, щупала пульс и наконец наклонилась и принялась к ее дыханию.

— Кажется, эта женщина пьяна, — сказала она с удивлением и оглядела комнату.

На маленьком грубом столике у кровати стояла пустая бутылка, на этикетке которой значилось: «Эликсир жизни доктора Монро. Излечивает любой недуг».

Блейр взяла бутылку в руки:

— Вы давали это своей жене?

— Я заплатил за него большие деньги, — раздраженно отозвался Джо. — Доктор Монро сказал, что это ей поможет.

— А это тоже от доктора Монро? — спросил Ли, указывая на повязку.

— Это пластырь от рака. Я так подумал: если он может вылечить рак, то уж маленькую царапину Эффи и подавно. Ну как, док, она поправится?

Даже не удостоив Джо ответом, Ли принялся подбрасывать поленья в старую плиту, примостившуюся в углу комнаты, потом поставил на огонь чайник, чтобы вскипятить воды.

— Вы давали ей что-нибудь еще? — спросила Блейр, с ужасом ожидая ответа.

— Только малость черного пороха сегодня утром. Она все никак не просыпалась, и я подумал, что порох оживит ее.

— Ты преспокойно мог отправить ее на тот свет, — заметил Ли.

Он начал разматывать грязную повязку чуть повыше колена, и тут же его лицо слегка побледнело. Посмотрев на участок тела под повязкой, он скривился:

— Так я и думал. Джо, вскипяти еще воды. Мне нужно все здесь прочистить.

Маленький человечек только мельком взглянул под повязку и заспешил из комнаты. Глядя на Блейр, Ли отвернул грязную ткань так, чтобы ей было видно.

Тоненькие, извивающиеся личинки покрывали вспухшую, раскрытую рану.

Блейр не позволила себе вздрогнуть, так как в эту минуту она передавала Ли инструменты, которые достала из его чемоданчика. Ли принялся аккуратно вынимать личинки, а она держала эмалированный лоток.

— На самом деле эта мелкота — настоящее спасение, — объяснил он. — Личинки поедают гниющую часть раны и таким образом чистят ее. Если бы их, — пинцетом он поднял одну из личинок для обозрения, — тут не было, нам, скорее всего, пришлось бы делать сейчас ампутацию. Я даже слышал, что сами врачи кладут личинки в раны, чтобы червячки их очистили.

— Так что, может, и хорошо, что это жилище такое грязное, — с отвращением сказала Блейр, оглядывая убогую комнату.

Ли задумчиво посмотрел на девушку:

— Я бы подумал, что подобное зрелище не для тебя.

— Мой желудок гораздо крепче, чем ты думаешь. Давать карболку?

Ли обрабатывал рану, и ему ни о чем не нужно было просить Блейр: она предугадывала, а точнее, знала каждый его шаг. Он вручил ей иглы и нитки. И Блейр сшила края раны, а Ли стоял рядом, наблюдая за каждым ее движением. Он одобрительно проворчал что-то, когда она закончила, и позволил ей наложить на рану чистую повязку.

Появился Джо и сообщил, что вода закипела.

— Прокипяти в ней тряпки, которые ты называешь простынями, — сказал Ли. — Мне вовсе не хочется, чтобы мухи снова попали под повязку. Блейр, помоги мне вытащить из-под нее простыни. И еще — ее нужно переодеть во все чистое. Блейр, займись этим, пока мы с Джо переговорим.

Блейр не стала пытаться мыть женщину, но в одном она была уверена, что ее рана — самый чистый участок тела. Ей удалось втиснуть большое тело Эффи в узкое ночное одеяние Джо, причем женщина и пальцем не пошевелинула, чтобы помочь ей, а только иногда ухмылялась в пьяном забытьи. Через открытое окно Блейр были видны Ли и Джо. Ли навис над маленьким человечком и кричал на него, тыча ему в грудь пальцем, и в конце концов напугал до смерти. Блейр стало почти жаль Джо, который всего лишь пытался помочь жене по своему разумению.

— Где док?

Она повернулась и увидела на пороге мужчину в кожаных ковбойских штанах и хлопчатобумажной рубашке, лицо у него было встревоженное.

— Я — врач, — сказала Блейр. — Вам нужна помощь?

Глубоко посаженные глаза на худом лице оглядели ее с ног до головы.

— Там, на улице, упряжка не дока Вестфилда?

— Фрэнк? — раздался голос Ли за спиной мужчины. — Что-то случилось? Ковбой

повернулся:

— Фургон упал в реку. Там было трое мужчин, и одного помяло довольно сильно.

— Возьми мою сумку, — бросил Ли через плечо в сторону Блейр и сам направился к экипажу.

Блейр забралась в него почти на ходу: молча бросила оба чемоданчика на пол экипажа, ухватилась за поручень и, поставив ногу на подножку, вознесла хвалу мистеру Кангреллу за столь удачный покрой ее костюма, дававшего такую свободу движений.

Одной рукой Ли держал поводья, а другой подхватил Блейр за руку и втянул в экипаж почти на полном ходу Усевшись и надежно зажав ногами сумки, она взглянула на Ли, и он подмигнул ей.

— Мы едем на ранчо «Бар С», — прокричал Ли, — а Фрэнк там старший работник.

Следуя за ковбоем. Ли гнал экипаж почти с той же скоростью, с какой ехал всадник, и мили через четыре они увидели какие-то строения. Это были четыре лачуги и загон для скота, прилепившиеся к одной из скал.

Ли подхватил сумку, бросил поводья одному из трех стоявших рядом ковбоев и вошел в ближайшую лачугу. Блейр, с чемоданчиком в руке, шла за ним следом.

На койке лежал мужчина, левый рукав его рубахи насквозь пропитался кровью. Ли молча разрезал ткань, и брызги крови заляпали его собственную рубашку. Запекшаяся на одежде раненого кровь залепила перерезанную артерию и спасла мужчину от смертельного кровотечения. Ли перехватил артерию пальцами и прижал — промыть рану времени не было.

Ковбои столпились вокруг, оставив совсем немного свободного пространства. Блейр полила руки карболкой. Быстрым движением, словно оно было отработано у них годами совместной работы. Ли отпустил артерию, а маленькие пальчики Блейр снова прижали ее. Ли продезинфицировал свои руки, вдел нитку в иглу и начал шить, Блейр держала рану открытой. Через несколько минут и она была зашита тоже.

Ковбои отступили назад, во все глаза глядя на Блейр.

— Думаю, что с ним все обойдется, — сказал Ли, выпрямляясь и вытирая окровавленные руки чистой салфеткой, которую достал из своей сумки. — Он потерял много крови, но если он оправится от шока, то, полагаю, выкарабкается. Кто еще?

— Я, — отозвался мужчина с другой койки. — Я сломал ногу.

Ли разрезал штанину и ощупал большую берцовую кость.

— Подержите его за плечи. Мне нужно водворить ее на место.

Трое мужчин двинулись на помощь, и Блейр оглядела комнату. К стене привалился огромный человек с непомерно развитыми бицепсами. Широкое лицо его со следами многих драк было бледным от боли, одной рукой он баюкал другую.

Блейр подошла к нему:

— Вы тоже были в этом фургоне?

Он взглянул на нее, потом отвел глаза в сторону:

— Я подожду дока. Она было отвернулась.

— Я тоже врач, но вы правы, я, пожалуй, причину боль, которую вам трудно будет стерпеть.

— Вы? — спросил мужчина.

Блейр посмотрела на него и увидела, что он побледнел еще больше — Сядьте, — приказала она.

Он повиновался, сев на лавку у стены. Со всей осторожностью она сняла с него рубашу и увидела то, что и ожидала: огромное плечо было вывихнуто.

— Будет немного больно Он изогнул в ответ бровь, на лбу выступил пот.

— Да уж и сейчас не сладко.

Ковбой сгрудились вокруг Ли, занимающегося сломанной ногой, один из них держал в руке бутылку виски и собирался отхлебнуть из нее. Блейр вырвала ее и вручила своему пациенту.

— Это поможет.

Блейр не была уверена, что ей хватит физических сил, чтобы вправить плечо, но она также знала, что не может стоять и ждать, пока Лиандер закончит с очередным пациентом. Она только однажды вправляла вывих, и то это был ребенок.

Сделав глубокий вдох и произнеся слова молитвы, она начала сгибать его руку в локте, затем прижала ее к монолиту его мощной грудной клетки. Придвинув ящик с консервами, она встала на него и, приложив огромное усилие, подняла больную руку высоко в воздух и стала ее поворачивать. Она повторила процедуру, стараясь не причинять лишней боли. Пот лил с нее ручьями, она задыхалась от напряжения, пытаясь вернуть назад в сустав огромную руку.

Внезапно плечевая кость с громким щелчком встала на место — дело было сделано.

Блейр сошла с ящика. Она и ее пациент обменялись улыбками.

— Вы прекрасный, великолепный врач, — сияя, заметил он.

Блейр повернулась кругом и, к своему удивлению, увидела, что все в комнате, включая двух раненых, смотрят на нее. Все они молча стояли и смотрели, пока Блейр бинтовала мужчине плечо... Она сделала образцовую повязку — предохраняющую, удобную и аккуратную.

Когда она закончила, Лиандер нарушил тишину:

— Если вы оба готовы закончить взаимные поздравления, то меня еще ждут другие пациенты.

Но эти слова были сопровождаемы искорками гордости, сверкнувшими в его глазах.

— Вы не одна ли из близнецов Чандлер? — спросил провожавший их до экипажа ковбой.

— Блейр, — ответила она.

— Она тоже врач, — сказал Фрэнк, и все они как-то странно посмотрели на нее.

— Спасибо, доктор Вестфилд и доктор Чандлер, — поблагодарил мужчина с вывихом, когда они садились в экипаж.

— Привыкайте называть ее тоже Вестфилд, — сказал Ли, берясь за поводья. — На следующей неделе она выходит за меня замуж.

На это Блейр ничего не удалось ответить, потому что она чуть не выпала из экипажа, когда лошадь Ли рванулась вперед.

Миновал крайнюю лачугу. Ли придержал лошадь. — Наша экономка приготовила нам ланч. Я привстану, а ты его вынешь, и мы поедем по дороге на ранчо.

Ли встал, как гладиатор на колеснице, и Блейр подняла сиденье.

— Как здесь много места, — с удивлением сказала она, разглядывая одеяла, ружье, коробки патронов, запасную сбрую и инструменты, сложенные под сиденьем. — Я не видела такого просторного багажника даже в поезде.

Лиандер нахмурился, но она этого не заметила.

— Вот так это и происходит, — сказал он про себя. Блейр продолжала обследовать отделение, изучая его стенки.

— Невероятно. Наверное, тут что-то убрали, чтобы его расширить. Интересно зачем.

— Я купил экипаж подержанным. Может, какой-то фермер перевозил в нем своих поросят. В конце концов, ты достанешь еду, или мы умрем от голода?

Блейр извлекла большую корзину для пикников и опустила сиденье.

— Тут достаточно места, чтобы спрятать человека, — заметила она, доставая из корзины жареного цыпленка, банку с картофельным салатом и кувшин охлажденного лимонада.

— Ты, так и будешь говорить об этом целый день? Или рассказать тебе какой-нибудь случай из практики в бытность мою интерном в Чикаго?

"Все что угодно, — подумал Лиандер, — лишь бы отвлечь ее «о г этого багажника». Если бы охрана на шахтах была хотя бы вполтину столь же наблюдательна, как Блейр, он вряд ли дожил бы до сегодняшнего дня.

Одной рукой он продолжал управлять лошадью, в другой держал цыпленка, умудряясь одновременно есть и рассказывать длинную историю про молодого человека, доставленного однажды ночью в больницу полицией. Он уже почти не дышал, и лицо покрывала синюшная бледность. Его, в общем-то, посчитали за покойника, но Лиандер решил, что надежда еще есть. Он стал массировать грудную клетку в области сердца, а когда это не помогло, осмотрел пациента и обнаружил, что зрачки у него сильно расширены, и поэтому предположил, что мужчина стал жертвой наркотика — опиума.

— Ты что, собираешься съесть весь картофельный салат одна?

Блейр протянула ему банку с салатом и вилку, на что он сказал, что уж точно не сможет есть салат, цыпленка и управлять экипажем. Поэтому Блейр пришлось сесть рядом и кормить его салатом.

— Рассказывай дальше.

— Я понял, что единственный способ вывести этого мужчину из комы — продолжать делать искусственное дыхание, пока он не придет в себя. Никто из врачей не хотел им заниматься, потому что они уже решили, что ему ничем не поможешь, и пошли спать, а медсестры и я попытались сделать все возможное, чтобы спасти его.

— Не сомневаюсь, что медсестры тебе помогали, — вставила Блейр. Он ухмыльнулся:

— У меня не было с ними хлопот, если ты об этом. Она затолкнула ему в рот полную вилку салата.

— Ты собираешься хвастаться или рассказывать свою историю?

Лиандер продолжал рассказывать о долгой ночи, проведенной в борьбе за жизнь

человека, о том, как он, пытаясь стимулировать приток крови к жизненно важным органам, клал лед умирающему на живот, затем массировал сердце, а сам без конца пил черный кофе. Он и медсестры работали всю ночь, сменяя друг друга, а когда решили, что больной вне опасности, переправили на кровать, где он уже просто спал.

Для сна Лиандеру осталось меньше двух часов, а потом снова нужно было заступать на дежурство. Совершая утренний обход, он зашел и в палату к этому пациенту, заранее приготовившись скромно выслушать поток благодарностей за самоотверженную работу, спасшую тому жизнь. Но мужчина только и сказал:

— Только подумать, доктор, они не нашли мои часы. Я их надежно спрятал в брюках от тех самых воров, которые меня опоили.

— Он даже не понял, что ты для него сделал? — не веря своим ушам, спросила Блейр.

Лиандер улыбнулся ей, и тогда она тоже смогла оценить юмор ситуации. Некоторые думают, что врача сопровождает слава, а на самом деле — это тяжелая будничная работа.

Они покончили с едой, и, пока ехали дальше, Блейр заставила Ли рассказать еще несколько случаев из его практики в Америке и за границей. В свою очередь она рассказала о дяде Генри, о своей учебе и преподавателях. Последние были настолько суровы, что постоянно напоминали ей о том, что женщины-врачи всегда будут вынуждены соревноваться с мужчинами, поскольку те изначально считают женщин плохими специалистами, и, следовательно, женщины должны быть лучшими в учебе. Она рассказала ему об изнурительных трехдневных экзаменах, которые ей пришлось сдать, чтобы попасть в больницу св. Иосифа.

— И я победила! — отметила она и продолжала рассказывать Лиандеру о больнице.

С увлечением говоря о своем будущем в этой больнице, она не заметила странного взгляда Ли.

Только-только миновал полдень, когда они подъехали к границе ранчо Винтера, к старому большому фермерскому дому. Он собирался проведать восьмилетнюю дочь хозяина, выздоравливавшую после тифа.

Маленькая девочка чувствовала себя превосходно, и Ли и Блейр выпили по чашке парного молока и съели по огромному ломтю кукурузного хлеба.

— Зачастую это и есть вся плата, — сказал Ли, когда они садились в экипаж. — В сельской местности врачу не разбогатеть. Тебе повезло, что у тебя в качестве поддержки буду я.

Блейр начала было говорить, что не собирается оставаться в Чандлере или выходить за него замуж, но что-то остановило ее. Возможно, она уловила в его словах намек на то, что он действительно считает ее врачом, и что в случае, если они поженятся, она все равно сможет заниматься медициной. А учитывая предрассудки и ханжество их городка, это был смелый шаг.

Они уже выехали за территорию ранчо, когда к ним подскочил ковбой. Его лошадь остановилась, поднявшись на дыбы и взметнув тучу пыли.

— Нам нужна помощь, док, — сказал ковбой. К удивлению Блейр, Ли не сорвался, как обычно, с места в карьер.

— Ты с ранчо «Ленивый Лжей»? Ковбой кивнул.

— Тогда сначала я хочу отвезти леди назад на ранчо Винтера.

— Но, док, там человек получил пулю в живот и истекает кровью. Ему нужна помощь прямо сейчас.

Еще вчера Блейр пришла бы в ярость оттого, что Ли не хочет взять ее на вызов, но теперь она знала, что он не против ее помощи, значит, здесь что-то другое. Она дотронулась до его руки:

— Что бы там ни происходило, сейчас я тоже имею к этому отношение. Ты же не сможешь всегда защищать меня.

В голосе ее послышалась угроза последовать за ним даже вопреки его желанию.

— Они сейчас не стреляют, док, — сказал ковбой. — Леди не пострадает, пока вы будете латать Бена... Лиандер взглянул на Блейр, потом посмотрел на небо.

— Надеюсь, я не пожалею, что согласился, — произнес он, опуская хлыст на спину лошади, и они поскакали.

Ухватившись за стенку экипажа, Блейр спросила:

— Стреляют?

Но ее никто не услышал.

Они оставили лошадь и экипаж на некотором расстоянии от развалин, и ковбой повел их к остаткам разрушенного глинобитного дома, приткнувшегося к отвесной скале, часть его крыши провалилась.

— А где остальные? — спросил Ли и посмотрел туда, куда указал ковбой — на другие развалины за деревьями.

Блейр хотелось расспросить, что происходит, но Ли положил руку ей на талию и втолкнул в развалившийся дом. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела мужчину и толстую, грязную женщину, сидевших под тем, что осталось от окна, с винтовками наизготовку и с пистолетами у пояса. Вокруг валялось множество стреляных гильз. В углу стояли три лошади. Оглядываясь вокруг, Блейр подумала, что все это ей совсем не нравится.

— Давай зашьем его и уберемся отсюда, — сказал Ли, возвращая ее к стоящей перед ними задаче.

На полу в самой темной части помещения лежал мужчина с очень бледным лицом. Обеими руками он держался за живот.

— Ты знаешь, как давать хлороформ? — спросил Ли, стерилизуя руки.

Блейр кивнула и принялась вынимать из сумки бутылки и свечи.

— Он много спиртного может выпить? — спросила Блейр у находившихся в комнате.

— Ну да, конечно, — нерешительно ответил ковбой, — но у нас нет спиртного. А у вас есть? Блейр сохраняла терпение.

— Я пытаюсь выяснить, сколько хлороформа ему дать, а человеку, которому нужно много виски, чтобы напиться, нужно и много хлороформа, чтобы он подействовал.

Ковбой ухмыльнулся:

— Бен перепьет любого. Две бутылки виски — это ему только настроение поднять. Я никогда не видел его пьяным.

Блейр кивнула, прикинула вес мужчины и начала капать хлороформ в импровизированную маску. Когда газ стал оказывать действие, мужчина принялся сопротивляться, и Блейр пришлось придавить собой верхнюю часть его тела, а Лиандер держал ноги. По счастью, сил у мужчины осталось мало, и он не причинил вреда своей ране.

Ли стянул с раненого штаны, и они увидели дыру, сделанную пулей. Блейр подумала, что шансов выжить у него немного. Ли, похоже, был другого мнения, он приступил к операции.

Однажды друг дяди Генри, хирург, специализирующийся в области полостной хирургии,

приехал из Нью-Йорка навестить их. В больницу как раз привезли маленькую девочку, которая упала на разбитую бутылку. Блейр находилась в операционной, когда этот хирург удалил стекло из раны и сшил три поврежденных участка кишечника. Операция произвела на Блейр настолько сильное впечатление, что она тоже решила специализироваться в полостной хирургии.

Но сейчас, наблюдая за Лиандером и одну за другой подавая иглы с нитками, она испытывала чувство благоговения. Пуля вошла в области тазовой кости, совершила извилистое путешествие и вышла у основания ягодицы.

Длинные пальцы Лиандера повторяли путь пули и последовательно сшивали поврежденные внутренности. Блейр насчитала четырнадцать таких мест.

— Четыре дня не давать ему ни крошки еды, — сказал Ли, сшивая кожу. — На пятый день можно дать жидкость. Если он не послушает меня и что-нибудь съест, то умрет через два часа, потому что пища отравит его. — Он взглянул на ковбоя. — Ясно?

Никто не ответил, потому что в эту минуту несколько пуль со свистом влетели в лачугу.

— Проклятье! — ругнулся Ли, обрезая последнюю нитку поданными Блейр ножницами. — Я думал, что они дадут нам достаточно времени.

— Что происходит? — спросила Блейр.

— Эти идиоты, — сказал Ли, не трудясь приглушить голос, — затеяли что-то вроде военных действий. В окрестностях Чандлера уже полгода идут перестрелки. Мы можем надолго застрять здесь, пока они снова не решат сделать перерыв.

— Перерыв? Ли вытер руки.

— Они действуют вполне цивилизованно. Если кто-то ранен, они прекращают огонь до тех пор, пока не найдут и не приведут врача. К несчастью, им не приходит в голову дождаться конца операции и дать врачу возможность выбраться отсюда. Мы можем просидеть здесь до утра. Однажды я пробыл в таком месте два дня. Теперь ты понимаешь, почему я хотел оставить тебя на ранчо Винтера.

Блейр начала чистить и укладывать в сумки инструменты.

— Значит, мы просто сидим и ждем?

— Сидим и ждем.

Ли завел ее за низкую глинобитную стену, которая некогда разделяла комнаты. Он сел в самый дальний угол и жестом пригласил Блейр сесть рядом, но она отвергла это предложение. Ей хотелось находиться как можно дальше от него, поэтому Блейр прислонилась к стене напротив. Но когда пуля вонзилась в стену в двух футах от ее головы, она одним прыжком оказалась в объятиях Лиандера и спрятала лицо у него на груди.

— Никогда бы не подумал, что мне понравятся военные действия, — пробормотал он и принялся целовать ее в шею.

— Не начинай все снова, — сказала Блейр, а сама повернула голову так, чтобы он мог дотянуться до ее губ.

— Хорошо, я не буду, — согласился Ли и улыбнулся.

Она не ушла от него, не покинула его рук, потому что его близость давала ей ощущение безопасности, а пули, казалось, взвизгивали где-то далеко.

— Расскажи мне, где ты научился так хорошо сшивать внутренности.

— Так, значит, разговоры тебе не надоели. Ну что ж, давай вспоминать, в первый раз...

Блейр казалась ненасытной. Проходил час за часом, они сидели, тесно прижавшись друг к другу, и Блейр задавала бесчисленные вопросы о его учебе, о практике, и какой случай был

самым трудным, а какой — самым забавным, и почему все-таки он решил стать врачом. Наконец, чтобы передохнуть, он сам стал задавать ей вопросы.

Солнце закатилось, стрельба стала периодически стихать, но тем не менее продолжалась всю ночь. Ли пытался заставить Блейр поспать, но она отказалась.

— Я знаю, ты наблюдаешь за ним, — сказала она, кивая в сторону раненого. — Ты спать не собираешься, не буду и я. Как ты думаешь, он не безнадежен?

— Лишь бы не было заражения, а на это уже Божья воля.

Небо начало светлеть, и Ли сказал, что ему нужно взглянуть на пациента, который начал ворочаться.

Блейр встала и потянулась. В следующую минуту она услышала звук, заставивший ее забыть обо всем на свете, кроме своей профессии. Это был звук пули, поразившей цель.

Блейр бросилась за низкую стену как раз вовремя, чтобы увидеть, что происходит. Молчаливый мужчина был ранен в подбородок, и женщина набрала полную горсть свежего конского навоза и уже подносила его к ране.

Не думая о пулях над головой, Блейр бросилась вперед и прыгнула на женщину.

Напуганная и разозленная, женщина принялась бороться с Блейр, и той пришлось защищаться от ее кулаков. Но ни под каким видом она не могла позволить этой женщине приложить к открытой ране навоз.

Блейр настолько сосредоточилась на своем намерении убереечь раненого, что даже не заметила, как они с женщиной выбрались из помещения через широкий проем, где раньше была дверь.

Блейр пыталась оторвать руки женщины от своих волос, как в следующее мгновение прямо над ними разразился ураганный огонь.

Женщины прекратили борьбу и посмотрели вверх: над ними с винтовкой у бедра стоял Ли и палил, едва успевая перезаряжать оружие.

— Быстро внутрь! — закричал он на них, а потом обрушил поток ругательств в адрес мужчин, засевших в другой развалившейся лачуге. Он кричал, что он — доктор Вестфилд, что он всех их знает, и, если они обратятся к нему за помощью, он позволит им истечь кровью у него на глазах. Огонь прекратился.

Когда Лиандер вернулся в лачугу, Блейр обрабатывала раненому подбородок.

— Если еще раз ты сделаешь что-нибудь подобное, то... — Он умолк, не найдя, по всей видимости, достаточно сильной угрозы.

Он спокойно стоял рядом с Блейр и ждал, пока та закончит перевязку, и, когда она наклеила последний кусок пластыря, схватил ее за руку и рывком поднял на ноги.

— Мы сейчас же отсюда убираемся. Пусть перестреляют друг друга, хоть всех до одного, мне нет до этого дела. Ни один из них не стоит тебя.

Блейр только успела подхватить свой чемоданчик — Ли вытащил ее из домика.

***

— Этой ночью приходил твой человек из профсоюза, — приветствовал Рид своего сына, едва тот успел войти в дом.

Потирая спину в том месте, где в нее всю ночь упиралась доска обшивки. Ли встревоженно посмотрел на отца:

— Его никто не заметил? Рид испепелил сына взглядом:

— Он всего лишь поел и переночевал, чего ты явно не делал уже несколько дней. Надеюсь, Блейр провела ночь не с тобой? Гейтс разыскивает тебя.

Ли не хотел ничего — только поесть и вздремнуть перед тем, как идти в больницу, но на это, похоже, времени не было.

— Он готов идти?

Рид на минуту успокоился, глядя на сына и понимая, что, может быть, видит его в последний раз. У него всегда появлялось такое чувство, когда Ли в очередной раз переправлял в шахтерский поселок одного из профсоюзных деятелей.

— Он готов, — только и сказал Рид.

Ли устало поплелся в конюшню, отослал мальчика-конюха с поручением и запряг лошадь в свой экипаж. Его лошадь слишком устала за прошедшие сутки, поэтому он взял одну из лошадей отца. Приняв все меры предосторожности, чтобы не быть увиденным, он прошел к дому, где, прикрываемый отцом, его ждал мужчина. Ли только мельком взглянул на молодого человека, но успел заметить в его глазах огонь: внутренний огонь одержимости, в котором сгорает чувство опасности. Жизнь не значила ничего по сравнению с их делом, с их борьбой.

Лиандер вынул из багажника большую часть находившихся там предметов, вспомнив при этом любопытную Блейр, и устроил в нем своего пассажира. Не было сказано ни слова, поскольку все трое прекрасно знали, на что идут и чего это может стоить. Охрана шахтерского поселка сначала стреляла, потом задавала вопросы.

Рид передал Ли сделанный из папье-маше муляж, похожий, при беглом осмотре, на груды одеял, веревок, разных инструментов и тому подобных вещей, которые никому не возбраняется иметь в своем экипаже. Ли прикрыл им мужчину, а сверху положил медицинскую сумку.

Рид ободряюще похлопал сына по плечу. Ли сел в экипаж и тронулся.

Лиандер ехал быстро, но все же придерживал лошадь, чтобы не причинять излишней боли спрятанному человеку. Две недели назад они с отцом в очередной раз обсуждали деятельность Ли. Рид говорил, что Ли не должен рисковать своей жизнью ради переправки этих людей в поселок, потому что, даже если он и уцелеет, ни один суд страны не защитит его.

По мере приближения к повороту на поселок. Ли замедлил скорость и старательно огляделся — нет ли поблизости ненужной пары глаз. Улыбнулся, вспомнив, как защищал перед Блейр Джекоба Фентона, хозяина угольных шахт в окрестностях Чандлера. Он оправдывал тогда Фентона тем, что тот вынужден отчитываться перед акционерами, что один человек не может нести всю ответственность за грабительское отношение к шахтерам. Ли часто высказывался подобным образом, чтобы отвести от себя подозрения. Совсем ни к чему, чтобы окружающие знали, как он на самом деле относится к происходящему на шахтах.

Работающим там выбирать было не из чего: либо подчиняешься правилам компании, либо теряешь работу. Все очень просто. Только вот правила были рассчитаны на людей, нарушавших законы.

Все, что имело какое-то отношение к шахтам, принадлежало компании. Рабочим

платили наличными, которые можно было превратить в товар только в магазинах компании. За покупку в городском магазине могли спокойно убить. Правда, и ходить в город не разрешалось. Владельцы шахты утверждали, что шахтерские поселки — это, по сути дела, небольшие городки, что шахтерам и их семьям нет нужды ходить за чем-либо в Чандлер. А что до вооруженной охраны вокруг поселков, так это для защиты от воров и разного рода мошенников.

На самом же деле, охранники были выставлены против агитаторов. Они должны были пресекать любые попытки проникновения профсоюзов в поселки с целью бесед с шахтерами.

Хозяева не могли допустить возможности забастовок и имели законное право на вооруженную охрану при входе в поселки и на обыск въезжающих и выезжающих транспортных средств.

Кстати, въезд был разрешен очень немногим: несколько старух доставляли из города свежие овощи, время от времени приходили один-два мастера-ремесленника, инспекторы шахт, а также работавший на компанию врач, настолько плохой, что не мог прокормить себя частной практикой. Компания платила ему, в основном виски, за то, что он закрывал глаза на увиденное в поселках и объявлял компанию непричастной к происходящим на шахтах несчастным случаям. Это позволяло владельцам избегать выплаты компенсаций вдовам и сиротам.

Год назад Ли пошел к Фентону и попросил разрешения приезжать в поселки — исключительно за свой счет — для осмотра шахтеров. Фентон колебался, но разрешение дал.

То, что Ли увидел, ужаснуло его. Бедность граничила с нищетой. Целыми днями мужчины трудились под землей ради средств к существованию, но получаемого в конце недели едва хватало на пропитание. Им платили по количеству добытого угля, но треть своего рабочего времени они тратили на то, что сами называли «пустыми часами», на работу, за которую не получали ничего. Кроме того, шахтерам самим приходилось платить за крепежный лес, хозяева заявляли, что за свою безопасность рабочие отвечают сами.

***

После первой поездки в шахтерские поселки Ли несколько дней большей частью молчал. Он смотрел на маленький богатый городок Чандлер, на свою сестру, купившую пятнадцать ярдов дорого кашемира, и думал о детях, ходивших по снегу босиком. Вспоминал рабочих, выстроившихся за деньгами и выслушивающих объяснения мастера, за что они оштрафованы на этой неделе. И чем больше он думал, тем больше приходил к убеждению, что должен что-то сделать. Он не представлял, что бы это могло быть, пока не начал встречать в газетах статьи о профсоюзном движении на Востоке страны. Он поинтересовался у отца, можно ли убедить профсоюзных деятелей приехать в Колорадо.

Как только Рид понял, что задумал его сын, он попытался отговорить его, но Ли продолжал ездить в поселки, все сильнее убеждаясь в своем решении. Поездом он добрался до Кентукки и там впервые встретился с представителями профсоюзов. Ли рассказал им о событиях в Колорадо. Здесь же он был предупрежден, что может поплатиться жизнью за

свою деятельность.

Ли вспомнил, как он держал на руках истощенную трехлетнюю девочку, умершую от воспаления легких. Тогда он поклялся, что будет помогать несчастным людям.

С тех пор он доставил в поселки уже трех агитаторов. Хозяевам стало известно об этом, а также и о том, что кто-то помогает шахтерам. Это повлекло за собой усиление охраны.

А в прошлом году шахтер по имени Рейф Таггерт дал понять, что он и есть один из тех, кто приводит агитаторов. По какой-то причине этот человек был уверен, что ни охрана, ни хозяева не причинят ему вреда, что не произойдет никакого «несчастливого случая», чтобы избавиться от него. Ходили слухи, что брат Таггерта был женат на сестре Фентона, но точно никто ничего не знал. По мере того как шахты одна за другой закрывались и состав рабочих менялся, оставалось мало тех, кто помнил, что случилось иди не случилось тридцать лет назад.

Так или иначе, подозрения лежали на Рейфе Таггерте, и никто и подумать не мог, что это дело рук приятного молодого врача, так любезно жертвовавшего своим временем, чтобы помочь шахтерам.

Въезжая в ворота шахты, Ли постарался напустить на себя как можно более безразличный вид и обменялся добродушными приветствиями с охраной. Никто не стал его проверять, и он поехал в дальний конец поселка, чтобы там в зарослях укрыть своего пассажира, а сам пошел по домам предупредить о собрании. Только три человека за раз могли встретиться с агитатором. И Ли переходил от дома к дому, с каждым словом подвергая свою жизнь все большей опасности, потому что он уже знал, что среди шахтеров есть осведомитель.

В воскресенье утром Блейр проснулась в великолепном настроении. Она долго и сладко потягивалась, слушая пение птиц за окном и размышляя о том, что для нее наступили, возможно, самые лучшие дни. Она перебирала в памяти все, чем они с Ли занимались накануне. Она вспомнила, как он делал полостную операцию, его опытные пальцы.

Она пожалела, что Алан не видел Ли за работой.

Алан! Она совершенно забыла, что должна была встретиться с ним вчера в четыре часа. Она так переживала за сестру, так расстраивалась, что та ставит себя в глупое положение из-за колец, а потом позвонил Ли, и она, конечно, поняла, что он приглашает ее только из чувства долга. Она и подумать не могла, что будет отсутствовать всю ночь.

Зашла Сьюзен и сообщила, что вся семья сразу после завтрака собирается в церковь и что мистер Гейтс требует, чтобы и она пошла с ними. Блейр вскочила с кровати и поспешно оделась. Возможно, Алан придет в церковь, и она сможет ему все объяснить.

Алан был там. Он сидел впереди, через три скамьи от них, и, как Блейр ни старалась, не обращал на нее никакого внимания. А чтобы огорчить ее еще больше, он устроился рядом с мистером Вестфилдом и Ниной. После службы Блейр удалось сквозь толпу пробраться к нему.

— Значит, ты была с Вестфилдом, — начал Алан, как только они остались одни. Глаза у него были злыми.

Блейр сразу бросилась в атаку, несмотря на благое намерение проявить смирение.

— Мне казалось, что это ты согласился на условия соревнования, а не я, а одно из условий гласит, что я не должна отказываться от приглашений Лиандера.

— Даже ночью.

Он умудрился взглянуть на нее сверху вниз, хотя они были приблизительно одного роста. Блейр тут же стала оправдываться:

— Мы работали и попали в перестрелку, и Лиандер сказал, что...

— Избавь меня от его мудрых высказываний. Я должен идти. У меня другие планы.

— Другие планы? Но я подумала, что, может быть, сегодня днем...

— Я позвоню тебе завтра. Если ты, конечно, будешь дома. — И с этими словами он повернулся на каблуках и удалился.

Подошла Нина Вестфилд и сказала, что Ли будет в больнице весь день. Блейр села в коляску с матерью и отчимом, отметив про себя, что сестры с ними нет.

Дома Опал принялась суетиться в столовой, украшая стол цветами и доставая лучшее столовое серебро.

— У нас будут гости? — безучастно спросила Блейр.

— Да, дорогая, приедет он.

— Кто — он?

— Кейн. О Блейр, он такой милый человек. Я уверена, что ты его полюбишь.

Через несколько минут дверь отворилась, и вошла Хьюстон под руку со своим великаном-миллионером. Она держала жениха, как только что выигранный приз. До этого Блейр видела его в церкви и отметила, что наружность у него приятная. Разумеется, он не так красив, как Лиандер или даже Алан, но в общем ничего. Особенно если вам нравятся мужчины атлетического телосложения.

— Мистер Таггерт, вас устроит это место — рядом с Хьюстон и напротив Блейр? — заворковала Опал.

Некоторое время все молча сидели перед своими тарелками.

— Надеюсь, вы любите ростбиф, — заметил мистер Гейтс, начав разрезать большой кусок мяса.

— Да уж надеюсь, что он понравится мне больше, чем то, что я ем каждый день. Правда, Хьюстон настолько мила, что нашла мне кухарку.

— А кого ты наняла, Хьюстон? — спросила Опал с холодком в голосе, напоминая дочери, что в последнее время та подолгу не бывала дома и никто не знал, где она находится.

— Миссис Мерчисон, на то время, пока Конрады в Европе. Сэр, у мистера Таггерта, возможно, есть некоторые предложения относительно капиталовложений, — обратилась она к мистеру Гейтсу.

«Ну теперь его будет невозможно остановить», — подумала Блейр. Таггерт походил на слона в посудной лавке. Когда мистер Гейтс спросил его о вложениях в строительство железных дорог, он поднял кулак и проревел, что железные дороги приходят в упадок, что ими покрыта вся страна и на этом уже невозможно сделать приличные деньги — «разве несколько сотен тысяч». Его кулак обрушился на стол, и все от неожиданности подскочили.

В сравнении с темпераментными и громогласным Таггертом, Гейтс казался котенком. Таггерт не терпел вообще никаких возражений; он был прав во всем и рассуждал о миллионах долларов, как о песке.

Вдобавок к самонадеянности, он обладал устрашающими манерами. Он пытался отделить кусок от своего ростбифа ребром вилки, и, когда тот соскочил с тарелки и перелетел через стол к Блейр, Таггерт даже не прервал своих поучений Гейтсу о том, как управлять пивоварней; просто вернул мясо на тарелку и продолжил трапезу. Игнорируя три вида поданных на гарнир овощей, он взгромоздил себе на тарелку два фунта картофельного пюре и вылил все содержимое соусника на вершину этой белой горы. Чтобы насытиться, ему потребовалась половина десятифунтового куска жаркого. Он перевернул чашку Хьюстон, но она только улыбнулась ему и сделала знак служанке принести тряпку. Он выпил шесть стаканов охлажденного чая, прежде чем Блейр увидела, как Сьюзен тайно наполняет его стакан из отдельного кувшина. И тогда Блейр догадалась, что Хьюстон позаботилась, чтобы Таггерту подавали темное пиво со льдом. Он разговаривал с набитым ртом, и дважды еда оказывалась у него на подбородке. А Хьюстон, словно он был ребенком, дотрагивалась до его руки, затем до его салфетки, которая так и оставалась свернутой перед его прибором.

Блейр не хотелось есть. Ей было не по себе оттого, что вокруг летает пища, что столовое серебро совершает прыжки, а этот невыносимый, громогласный человек завладел беседой. С таким же успехом он мог произносить речь.

Но хуже всего было то, что Хьюстон, ее мать и Гейтс ловили каждое его слово, будто они были на весь золота. «А может, и так», — с презрением подумала Блейр. Она никогда особенно не думала о деньгах, но, возможно, для других людей они значили все. Во всяком случае, о Хьюстон можно было так сказать, раз уж она готова подчиниться этому отвратительному человеку на всю жизнь. Блейр подхватила падающий канделябр, когда Таггерт потянулся еще за соусом. «Надо было сказать повару, чтобы соуса приготовили целую бадью», — подумала она.

Таггерт выдержал длинную паузу — он делал Гейтсу предложение принять участие в покупке земель — и взглянул на Блейр. Неожиданно он вообще прекратил разговор и

отодвинул свой стул.

— Дорогая, нам лучше поехать, если ты хочешь попасть в парк засветло, — обратился он к Хьюстон.

«Господи, — подумала Блейр, — ведь он не догадается поинтересоваться, все ли закончили есть. Он готов ехать и в приказном порядке требует, чтобы Хьюстон ехала с ним». Что она и сделала. Беспрекословно.

***

— А, это ты, Ли, — улыбнулась Опал, поворачивая голову, маленькое дубовое кресло-качалка скрипнуло под ней. — Я не слышала, как ты вошел, — она посмотрела на него внимательней. — Вид у тебя получше, чем несколько дней назад. Что-нибудь произошло?

И на лице у нее появилось выражение «я же тебе говорила».

Ли коснулся губами ее щеки и сел рядом на стул. В руках он крутил большое красное яблоко.

— Может, дело не в том, что мне нужна ваша дочь, а в том, что мне нужны вы в качестве тещи. Иголка даже не дрогнула в руке Опал.

— Значит, сегодня ты уже полагаешь, что твои шансы выросли. Если я правильно помню, в последний раз, когда мы с тобой разговаривали, ты был уверен, что тебе никогда не добиться моей дочери. Что-то изменилось?

— Изменилось? Всего лишь весь мир, — и он смачно вгрызся зубами в яблоко. — Я собираюсь победить. Я не просто собираюсь выиграть, это будет внушительная победа. У бедного малыша Хантера не останется ни малейшего шанса.

— Чувствую, что ты нашел ключик к сердцу Блейр, и это не цветы и конфеты.

Лиандер улыбнулся, скорее себе, чем Опал.

— Я собираюсь обхаживать ее с помощью того, что она действительно любит: огнестрельные ранения, заражения крови, респираторные заболевания, ампутации — все, что смогу найти подходящего.

Опал казалась напуганной.

— Звучит ужасно. Что, действительно такие решительные перемены?

— Насколько я могу объяснить — чем хуже случай, тем он больше ей нравится. До тех пор, пока есть кто-то, кто будет следить, чтобы она не переусердствовала, с ней все будет в порядке.

— А ты как раз и будешь тем человеком, что позаботится о ней? Лиандер поднялся:

— Всю оставшуюся жизнь. Кажется, я слышу приближение моей любимой. Увидите, меньше чем через неделю она побежит к алтарю.

— Ли?

Он остановился.

— А как насчет больницы св. Иосифа? Он подмигнул ей:

— Я сделаю все возможное, чтобы она никогда об этом не узнала. Я хочу, чтобы она сама их отвергла. Кто они такие, чтобы говорить, что она не может работать у них?

— Она хороший врач, разве не так? — Опал сияла от гордости.

— Неплохой, — согласился Ли, направляясь в дом. — Неплохой для женщины.

***

Блейр встретила Ли в гостиной. Вчерашний день оказался ужасным. Алан не позвонил. Ли не дал о себе знать, и весь день она переживала из-за Хьюстон и этого ужасного человека, которому та себя продавала. Поэтому сейчас Блейр приближалась к Ли не без тревоги. Окажется ли он Ли-врачом или Ли, беспрестанно обижающим ее?

— Ты хотел меня видеть? — озабоченно спросила она.

Блейр никогда не видела его таким: он выглядел почти смущенным.

— Я пришел поговорить с тобой, если ты не против выслушать меня.

— Конечно нет, — ответила Блейр. — Почему я должна не хотеть тебя выслушать?

Она села на обитый красной парчой стул. Свою шляпу Лиандер держал в руках и так мял ее, что это угрожало шляпе гибелью. Блейр кивнула, приглашая его сесть, но он отрицательно покачал головой:

— Мне нелегко сказать то, ради чего я пришел. Нелегко признавать свое поражение, особенно в том, что имеет для меня такое значение, — в попытке добиться твоей руки.

Блейр попыталась что-то сказать, но он поднял руку:

— Нет, позволь мне договорить до конца. Мне тяжело, но я должен это сказать, потому что я не могу думать ни о чем другом.

Он подошел к окну, продолжая мять в руках шляпу. Блейр никогда раньше не видела его в таком нервном состоянии.

— Суббота, тот день, который мы провели вместе как врачи, стал поворотным днем в моей жизни. До этого дня я готов был держать пари на все свое состояние, что женщина не может быть врачом. Но ты доказала обратное. В тот день ты показала мне, что женщина не только может быть хорошим врачом, но даже лучшим по сравнению с большинством мужчин.

— Спасибо, — сказала Блейр, и легкая дрожь пробежала по ее телу от этих его слов. Он снова повернулся к ней лицом:

— Вот почему я собираюсь отказаться от состязания.

— От состязания?

— Соревнования, не знаю, как ты его называешь.

Вчера, пока я один работал в больнице, я осознал, что изменился после проведенного вместе с тобой дня. Ты знаешь, я всегда работал один, но в тот день, когда мы работали вместе... Я мог только мечтать о таком. Мы так подходим друг другу, работаем настолько слаженно, почти как любовники. — Он замолчал и посмотрел на нее. — Я, конечно же, употребил это сравнение аллегорически.

— Конечно, — запинаясь, проговорила она. — Боюсь, я ничего не понимаю.

— Ну как же? Я мог потерять жену, но взамен смог бы приобрести коллегу'. Я мог бы оказывать женщине мало почтения или никакого почтения, мог бы подстраивать ситуации, чтобы показать ей, какой дурачок ее избранник, который не может ни грести, ни плавать, ни даже ездить верхом, но я никогда бы не позволил подобного в отношении собрата по

профессии, которого стал уважать и даже обожать.

С минуту Блейр молчала. Тут что-то не так — в том, что он говорит об Алане, но слова похвалы так сладостны, что нет никакого желания задумываться над тайным смыслом сказанного.

— Так ты говоришь, что больше не хочешь на мне жениться?

— Я говорю, что уважаю тебя. Ты сказала, что хочешь выйти замуж за Алана Хантера, и я не могу теперь стоять у тебя на пути. В медицине мы равны, и я не могу больше унижать коллегу, как делал это последние несколько дней. Поэтому ты больше не пленница. Ты в любое время можешь уехать с тем, кого любишь, я заверяю тебя, что сделаю все от меня зависящее, чтобы удержать Гейтса от распространения слухов об утрате тобой... невинности.

Блейр поднялась:

— Я не уверена, что поняла. Так я свободна? Ты больше меня не шантажируешь? И не будешь ставить Алана в неловкое положение? И все это потому, что ты увидел, что я хороший врач?

— Совершенно верно. Мне понадобилось время, чтобы прийти в чувство, но мне это удалось. Что за брак был у нас с тобой, основанный только на вожделении? Разумеется, между нами есть взаимное притяжение, и, возможно, та ночь была необыкновенной, но это не фундамент для брака. Вот у вас с Аланом — настоящее чувство. Вы можете проводить время в разговорах, у вас есть общие интересы, и я уверен, что ты так же... реагируешь на его прикосновения, как и на мои. Может, за последние несколько дней вы не раз занимались любовью, откуда я знаю?

— Прошу прощения! Лиандер снова опустил голову:

— Извини меня. Я совсем не хотел снова обижать тебя. В твоём присутствии я все время делаю промашки. Но больше я ничего не скажу.

— Да нет уж, — сказала Блейр, — говори до конца. Она испытывала странное чувство разочарования.

Без сомнения, чудесно, что он уважает ее, как врача. Но в то же время ей хотелось большего.

Когда Ли снова взглянул на нее, глаза его сверкали.

— Я знаю, что ты хочешь вернуться в Пенсильванию, и я не виню тебя, но работа с тобой доставила мне огромную радость. И поскольку я знаю, что мы никогда больше не сможем работать вместе, потому что, боюсь, ты никогда не захочешь вернуться в Чандлер после всего, что произошло за последнее время, я прошу тебя оказать мне честь и поработать со мной несколько дней. Мой отец согласился убедить руководство разрешить тебе доступ к больнице. Несколько дней — до свадьбы Хьюстон. О Блейр, я мог бы рассказать тебе о своих планах относительно женской клиники. Я никому еще не говорил об этом, а мне так хочется ими поделиться. Может, ты даже поможешь мне... если у тебя будет время.

Блейр ушла в дальний конец комнаты. Она никогда не думала, что проведенный с Лиандером день доставит ей удовольствие, не сравнимое ни с чем. И если они больше не помолвлены, то, возможно, Хьюстон не будет чувствовать себя обязанной выходить за этого Таггерта и...

— И Алан может работать с нами. Если он в половину так же хорош, как ты... А?

Блейр вернулась к действительности. В этот день она даже не вспомнила об Алане.

— Ты спрашиваешь, хороший ли он специалист? Полагаю, да. Конечно да! Хотя не

думаю, что у него была такая же врачебная практика, как у меня. Я хочу сказать, что мне просто очень повезло. Мой дядя Генри пользуется большим уважением, и, когда я была еще девочкой, я ассистировала в операционной и помогала при срочных случаях. Я имела счастливую возможность ассистировать многим известным врачам, но... — Она умолкла. — Алан, без сомнения, прекрасный врач, — твердо сказала Блейр.

— Не сомневаюсь, что так и есть. И уверен, что работать с вами обоими будет большим удовольствием. Кстати, Алан сдавал экзамены в больницу св. Иосифа?

Губы Блейр превратились в тонкую, плотно сжатую линию.

— Они приняли только шесть первых, по числу баллов, претендентов.

— Понятно. Возможно, ему просто не повезло. Я могу заехать за тобой завтра в шесть утра? Ну а до отъезда моя библиотека в распоряжении коллеги.

Он быстро поцеловал ее руку и вышел.

На следующее утро в половине шестого Блейр была одета и готова к выходу. Она сидела на краю постели и размышляла, как лучше поступить: пойти вниз или ждать его здесь, — может, он, как и в прошлый раз, появится через окно?

Когда часы внизу пробили шесть, она открыла свою дверь, — кажется, какой-то звук донесся от парадного входа. Она слетела вниз по ступенькам как раз вовремя: заспанная Сьюзен открывала Лиандеру дверь.

— Доброе утро, — улыбаясь, сказал он. — Ты готова?

Она кивнула в ответ.

— Вы не можете так идти, мисс Блейр-Хьюстон, вы ничего не поели, а завтрак еще не готов. Вам придется подождать, пока кухарка оденется.. — Ты поел? — спросила она Ли.

— Мне кажется, что я не ел уже несколько дней, — ответил он и улыбнулся.

И опять Блейр поразились, насколько он красив, особенно его зеленые глаза. Почему-то ей вспомнилась ночь, проведенная вместе. Странно, что она вспомнила об этом именно теперь. Может, потому, что сейчас он не пытается разозлить ее.

— Пойдем на кухню, я соберу что-нибудь перекусить. Я даже знаю, как жарить яичницу с беконом. Завтрак мистера Гейтса, возможно, будет поздно, и всем остальным придется ждать, но нас здесь уже не будет, и мы не услышим, что он скажет.

Полчаса спустя Лиандер отодвинулся от большого дубового кухонного стола и вытер губы.

— Блейр, я и не предполагал, что ты так хорошо готовишь. Пожалуй, для одной женщины это даже многовато: хорошо готовить, быть мужчине другом, коллегой... — Он опустил глаза и, понизив голос, добавил:

— И любовницей. — Со вздохом Лиандер снова поднял глаза. — Я поклялся себе, что буду проигрывать с честью, — он улыбнулся мальчишеской улыбкой. — Прости меня, если иногда я об этом забуду.

— Да, конечно, — нервничая, ответила она и опять поймала себя на мысли о той ночи. О той ночи, когда она могла без стеснения целовать его, когда его руки...

— Они что — грязные?

— Прошу прощения, — произнесла Блейр, возвращаясь к действительности.

— Ты так разглядывала мои руки, что я подумал, что с ними что-то не так.

— Я, ты готов идти?

— В любую минуту, — ответил он, поднялся и отодвинул ее стул.

Блейр улыбнулась ему, вспомнила о невоспитанном человеке, за которого Хьюстон собирается замуж, и подумала, что он не идет ни в какое сравнение с Ли.

По дороге в больницу он спросил ее об Алане. Она сказала, что он должен ждать их на месте. Так и оказалось. Алан выглядел заспанным, а также сердитым, ведь Лиандер и Блейр пришли вместе.

День выдался тяжелый и долгий. Казалось, что только Ли несет персональную ответственность за каждого пациента, а втроем они должны заменить дюжину работников. В час дня привезли четырех мужчин, получивших ранения при обвале на шахте. Двое из них уже были мертвы, у одного — сломана нога, а четвертый находился между жизнью и смертью.

— Он не жилец, — сказал Алан. — Оставьте его. Глаза мужчины были закрыты, но Блейр показалось, что он все же пытается бороться за жизнь. Она не могла определить, какие у него внутренние повреждения, но посчитала, что шанс есть. По всем правилам он должен был уже умереть, но желание жить продолжало поддерживать его на самом краю.

Блейр посмотрела на Ли, и на мгновение ее взгляд напомнил ему огонь в глазах профсоюзных агитаторов.

— Думаю, что надежда есть. Давай разрежем и посмотрим. Я вижу, он хочет жить, — настаивала она.

— Блейр, — раздраженно сказал Алан, — любой тебе скажет, что он не протянет и нескольких минут У него раздавлены все внутренности. Дай ему спокойно умереть на руках родных.

Блейр даже не взглянула на Алана, она не отводила взгляда от Ли.

— Пожалуйста, — шептала она, — пожалуйста.

— Давайте перенесем его в операционную, — согласился Ли.

— Нет! Не двигайте его. Посмотрим прямо на этом столе.

Оба — и Блейр, и Алан — оказались правы. Внутренности действительно повреждены, но не так сильно, как они предполагали.

Разрыв селезенки и кровотечение, но им удалось остановить его и зашить некоторые другие повреждения.

Из-за кровотечения действовать пришлось быстро, и как-то незаметно для всех Алан оказался лишним. Лиандер и Блейр уже успели сработаться. Каждый имел опыт подобных операций. Они быстро накладывали швы — миссис Креббс только успевала вдевать нитки в иглы. Когда Алан понял, что ему за ними не угнаться, он отошел в сторону, дабы не мешать.

Зашив внешний разрез на животе, они покинули операционную.

— И что ты думаешь? — спросила Блейр у Ли.

— Теперь уж как Господь распорядится, но, думаю, мы сделали все от нас зависящее, — он улыбнулся ей. — Ты действовала отлично. Не правда ли, миссис Креббс?

Полная седовласая женщина проворчала:

— Посмотрим, выживет ли пациент — И вышла из комнаты.

— От нее, наверное, не дождешься похвалы, — заметила Блейр, отмывая руки.

— Только если заслужишь. Я все еще жду своей. Я, правда, здесь всего два года.

Оба рассмеялись. Блейр даже не заметила Алана, который стоял у стены и смотрел на них.

Покинув операционную, они снова пошли в палаты, а в конце дня осмотрели ребенка, получившего ожоги. День уже клонился к вечеру, но Блейр и Ли, похоже, не чувствовали усталости, тогда как Алан все больше и больше ощущал свою полную ненужность. Дважды он пытался заговорить с Блейр о возвращении домой, но она и слышать об этом не хотела. Она не отходила от Лиандера ни на шаг. К десяти часам вечера Алан окончательно выбился из сил.

— Пойдемте ко мне в кабинет, — сказал Ли. Часы показывали одиннадцать. — Там у меня есть пиво и сэндвичи. И я хочу кое-что вам показать.

Алан сел в кресло и с жадностью стал поглощать свой сэндвич, а Ли достал свернутые в трубку чертежи и развернул их перед ними.

— Это моя женская клиника. Сюда женщина сможет прийти с любым недомоганием и получить полный курс лечения. Еще мне бы хотелось открыть специальный центр, где

женщин обучали бы следить за здоровьем детей, — он улыбнулся Блейр. — И никакого лошадиного навоза или пластыря от рака.

Она улыбнулась ему в ответ и вдруг осознала, что его лицо находится всего в нескольких дюймах от ее лица, что он делает движение в ее сторону и что подобный взгляд она видела у него только раз — в ту ночь. Прежде чем Блейр поняла, что делает, она наклонилась к нему — это показалось ей так естественно, не менее естественно, чем мысль о том, что он должен поцеловать ее.

Но когда его дыхание уже коснулось ее губ, он резко отодвинулся и стал скатывать чертежи.

— Уже поздно, я, пожалуй, отвезу тебя домой. Похоже, мы здорово вымотали Алана. И потом, к чему тебе знать о моих планах. Тебя здесь даже не будет. Ты будешь работать в большом городе, в прекрасной больнице, никаких забот со строительством, размещением оборудования, подбором персонала, с тем, кого и чему учить. — Он замолчал и вздохнул. — В твоей городской больнице все давно налажено. Там не будет такого беспорядка, как в новой клинике.

— Но то, что ты рассказываешь, звучит неплохо. Я хочу сказать, что обустройство нового места может оказаться очень интересным процессом. Мне бы хотелось иметь ожоговую клинику, или специальный изолятор, или...

Он прервал ее:

— Все это хорошо, но возможно только в большой городской больнице, где больные оплачивают свои счета.

— Если большая больница так хороша, почему ты не остался там? Почему ты уехал? — раздраженно спросила она.

С большим почтением он убрал чертежи в сейф.

— Полагаю, что мне хотелось чувствовать себя нужным, а не хорошо устроившимся, — ответил он. — На Востоке врачей больше чем достаточно. А здесь не каждый сможет справиться со всем кругом обязанностей. Здесь люди больше нуждаются в медицинской помощи, чем там. Я чувствую, что здесь я делаю полезное дело, а там у меня не было этого ощущения.

— Ты считаешь, что я из-за этого возвращаюсь на Восток? Из-за желания хорошо устроиться? Ты думаешь, что здесь я с работой не справлюсь?

— Блейр, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть. Ты спросила меня, почему я не работаю в большой, благополучной, удобной больнице на Востоке, я ответил, вот и все. К тебе это не имеет никакого отношения. Мы же коллеги, разве ты забыла? У меня и в мыслях не было поучать тебя — что ты должна или не должна делать. Между прочим, именно я убрал все препятствия с твоего пути. Я отказался от намерения жениться на тебе, чтобы ты могла вернуться на Восток, выйти замуж за Алана и работать в прекрасной больнице, как ты и хочешь. Что еще я могу для тебя сделать?

Блейр не знала, что ответить, но чувствовала внутреннее беспокойство. В этот момент мысль о работе в больнице св. Иосифа показалась ей такой неприятной, как будто она искала славы вместо того, чтобы помогать людям.

— Кстати, об Алане, — заметил Ли — Думаю, нам следует отвезти его домой.

Блейр абсолютно забыла об Алане и, повернувшись в его сторону, увидела, что он тяжело осел в кресле и дремлет.

— Да, пожалуй, надо отвез га его, — рассеянно заметила она.

Она напряженно размышляла над словами Лиандера. Может, большая больница и надежнее, но люди там не болеют так тяжело, как здесь, на Западе. И конечно, там гораздо больше врачей, чем здесь, а тут нет даже настоящей женской клиники. В Филадельфии, по крайней мере, четыре больницы для женщин и детей, там есть практикующие врачихи-женщины, потому что все знают, что женщины иногда страдают годами, прежде чем решаются пойти на прием к врачу-мужчине.

— Ну как, вы готовы? — спросил Ли у Алана, разбудив его.

Всю дорогу домой Блейр думала о том, что сказал Лиандер, и уснула не сразу, вспоминая их разговор. Чандлеру, безусловно, нужен врач-женщина. Она могла бы вести занятия вместе с Лиандером и помогать ему с его новой клиникой.

— Нет, нет, нет! — сказала она вслух, ударяя кулаком по подушке. — Я не собираюсь оставаться в Чандлере! Я собираюсь выйти замуж за Алана, работать в больнице св. Иосифа и иметь частную практику в Филадельфии!

Она устроилась поудобнее и попыталась заснуть, но, погружаясь в сон, подумала о женщинах Чандлера, не имеющих врача женского пола. Ночь прошла беспокойно. В среду утром Ли заехал навестить ее, и Блейр обнаружила, что очень рада его видеть.

— Мне можно не появляться в больнице до вечера, поэтому я подумал, что мы могли бы проехать верхом. Я был в гостинице и предложил Алану присоединиться к нам, но он сказал, что у него еще не прошла вчерашняя усталость и что он вообще не любит ездить верхом. Ты, наверное, не захочешь поехать только со мной?

Прежде чем Блейр успела вставить хоть слово, Лиандер продолжил.

— Ну конечно, ты не поедешь, — быстро сказал он, глядя на шляпу, которую держал в руках. — Ты не можешь выезжать в моем обществе, поскольку помолвлена с другим человеком. Просто весь город думает, что через пять дней мы поженимся, и поэтому никакая другая молодая леди не составит мне сейчас компанию. — Он повернулся, чтобы уйти. — Извини, я не хотел обременять тебя своими заботами.

— Ли, — сказала она, хватая его за руку и удерживая в комнате, — я, мне бы очень хотелось обсудить с тобой вопросы заражения крови, может...

Лиандер не дал ей закончить.

— Спасибо, Блейр, ты настоящий друг, — сказал он и расплылся в улыбке, от которой, колени Блейр ослабли.

В следующую секунду его рука уже была на ее талии, и он почти подталкивал Блейр к выходу на задний двор, где их ждали две оседланные лошади.

— Но я не могу ехать в этом, — запротестовала она, глядя на свою длинную юбку. — Мне нужна юбка-брюки и...

— По-моему, ты выглядишь прекрасно, и что с того, если твоя лодыжка будет слегка видна? Рядом буду только я, а я видел тебя всю, помнишь?

У Блейр не было возможности ответить, потому что он поднял ее и посадил на лошадь. Блейр пришлось заняться юбками, чтобы никто не мог сказать, что у нее не осталось скромности. Она молила Бога, чтобы Хьюстон не увидела ее в таком виде. Хьюстон, может, и простит ей когда-нибудь Ли, но никогда, никогда не простит появления на людях в неподходящей одежде.

Лиандер улыбнулся ей, и Блейр забыла о сестре и о том, что находится в обществе мужчины, с которым ей не следовало бы оставаться наедине.

Они выбрались далеко за город.

Блейр заставила Лиандера рассказать о женской клинике и поделиться своими планами. И сама поведала ему кое-какие свои мысли. Только один раз, задумавшись, он заметил, что ему нужен помощник. Тут же Блейр поинтересовалась, не думал ли он о враче-женщине. Ли ответил, что он больше чем мечтает о работе с ней, и следующие полчаса распространялся о том, как они работали бы вместе в этой новой клинике, если бы она осталась в Чандлере. Блейр быстро погрузилась в мечты об их совместной работе и о том, какие чудеса они могли бы творить. Да вдвоем они просто выметут вон из штата Колорадо все болезни.

— А потом мы втроем переедем в Калифорнию и вылечим и этот штат, — засмеялся Лиандер.

— Втроем? — непонимающе спросила Блейр. Ли посмотрел на нее с упреком:.

— Алан. Мужчина, которого ты любишь, ты что, забыла? Мужчина, за которого ты собираешься выйти замуж. У него тоже будут обязанности в новой клинике. Он будет помогать нам, как и вчера.

Странно, но Блейр с трудом вспомнила, что накануне Алан тоже был в больнице. Она вспомнила, как он не хотел помочь тому пострадавшему. Но был ли он с ними в операционной?

— Ну вот мы и приехали, — сказал Ли. Она последовала за ним в укромное местечко между двух высоченных скал. Он спешился и расседлал лошадь.

— Не думал, что смогу приехать сюда после того, что мне пришлось здесь пережить.

Блейр отступила, давая ему возможность расседлать и ее лошадь.

— А что здесь случилось?

Он повернулся к ней с седлом в руках:

— Я пережил здесь худший день в моей жизни. Я привез сюда Хьюстон после той ночи, когда мы с тобой занимались любовью, и узнал, что женщина, с которой я провел самую восхитительную в своей жизни ночь, вовсе не та, с кем я помолвлен.

— О, — слабо протянула Блейр, пожалев, что задала свой вопрос.

Она еще отступила, чтобы Лиандер смог расстелить плед, вынутый из седельной сумки. Потом он напоил из ручья лошадей и стал раскладывать припасы.

— Присаживайся, — сказал он.

Блейр подумала, что, пожалуй, зря поехала с ним вдвоем. С Ли легко было справиться, когда он вел себя несносно и толкал Алана в озеро, но последний раз, когда они остались наедине. Ли был очень мил, и кончилось это тем, что они разделись и предались любви. Блейр взглянула на Ли, стоявшего над ней, — солнце образовало сияющий нимб над его головой, — и подумала, что ни под каким видом не должна позволить ему "дотронуться до себя. И разговор не должен касаться того, что случилось между ними. Она должна говорить только о медицине.

Они ели то, что захватил с собой Ли, и Блейр рассказывала обо всех самых трудных случаях, которые ей когда-либо пришлось наблюдать. Ей пришлось припомнить все подробности, потому что Ли снял куртку и растянулся всего в нескольких дюймах от нее. Глаза его были закрыты, и все, что от него требовалось, — это время от времени бормотать какой-то ответ. И Блейр заподозрила, что он задремал. Она не могла не смотреть на него во время рассказа, на эти длинные, длинные ноги, и не вспоминать о прикосновениях их к своей коже. Она разглядывала его грудную клетку, широкую, крепкую, — грудные мышцы вырисовывались под тонким хлопком рубашки. Она вспомнила, как волосы на его груди

щекотали ее собственную грудь.

И чем больше она припоминала, тем быстрее говорила, пока наконец слова не застряли у нее в горле. Со вздохом огорчения она замолчала и посмотрела на сложенные на коленях руки.

Довольно долго Лиандер молчал, и Блейр подумала, что, вероятно, он заснул.

— Я никогда не встречал такой, как ты, — мягко проговорил он, и Блейр невольно слегка наклонилась вперед, чтобы услышать его. — Я никогда не встречал женщины, способной понять мое отношение к медицине. Все другие приходили в ярость, если я с опозданием заезжал за ними, чтобы отправиться на вечеринку, потому что у меня была операция. И ни одна из них не интересовалась моей работой. Ты — самая великодушная и самая любящая из тех, кого я знаю.

Блейр была так поражена, что не могла выговорить ни слова. Иногда ей казалось, что она полюбила Алана потому, что он был первым молодым человеком, принявшим ее такой, как есть. Она много раз пыталась подражать сестре, быть спокойной и мягкой, не перечить мужчине, когда тот говорит глупости, но у нее ничего не выходило. Из-за ее насмешек и прямолинейности она имела мало поклонников. В Пенсильвании мужчины обращали внимание на ее красоту и проявляли к ней интерес, но, узнав, что она собирается стать врачом, тут же охладевали. А если они все-таки проводили некоторое время в ее обществе, то обнаруживали, что она еще и очень умна, а для женщины это равносильно смертному приговору. Стоило ей выиграть у мужчины в шахматы или быстрее его решить в уме арифметическую задачу, как она уже больше не представляла для него интереса. Алан был первым мужчиной, которого не смущало это. И Блейр решила, что она влюблена в него, через три недели после их знакомства.

И вот теперь Лиандер говорит, что она ему нравится. И когда она вспомнила, как обращалась с ним в последнее время, как бросила его за городом и ему пришлось добираться до дома пешком, то почувствовала, что с трудом понимает, как он еще выносит ее присутствие. Он был или необыкновенным человеком, или мазохистом.

— Я знаю, что через несколько дней ты покинешь город, и, может быть, я никогда тебя больше не увижу, поэтому я хочу сказать тебе, что значит для меня наша единственная ночь вместе, — едва слышно произнес он. — Казалось, в ту ночь ты ничего не могла с собой поделать, словно мое простое прикосновение притягивало тебя ко мне. И это так польстило моему самолюбию. Ты назовешь меня тщеславным, но я тщеславен, только когда я с тобой, потому что ты даришь мне такие прекрасные ощущения. Найти женщину всей жизни... несравненного друга, коллегу, возлюбленную — и потерять.

Блейр тихонечко придвигалась к нему, пока он говорил.

Ли отвернулся от нее.

— Я хочу быть справедливым. Я хочу дать тебе то, что ты хочешь, что сделает тебя счастливой, но, надеюсь, ты не ждешь, что я приду на вокзал проводить вас с Аланом. Скорей всего, я напьюсь вдрызг в день вашего отъезда и расскажу о своих горестях какой-нибудь рыжей барменше.

Блейр села прямо.

— Так вот что тебе нравится? — сдавленным голосом проговорила она.

Он с удивлением взглянул на нее:

— Что — вот что мне нравится?

— Рыжие барменши.

— Ах ты, маленькая, глупая... — Его лицо моментально покраснело от ярости, он вскочил и начал тянуть из-под нее плед и запихивать еду в седельные сумки. — Нет, мне не нравятся рыжие барменши. А жаль! Каким же дураком я был, что влюбился в самую пустоголовую, слепую, упрямую женщину в мире. У меня никогда не было никаких затруднений с женщинами, пока я не встретил тебя. И теперь у меня одни сплошные затруднения.

Он с силой опустил седло на спину лошади.

— Иногда я жалею, что вообще встретил тебя. Ли снова повернулся к ней:

— Ты сама можешь оседлать свою лошадь и найти дорогу в город. Если ты, конечно, не слепая, потому что в отношении людей ты, без сомнения, слепа.

Он поставил одну ногу в стремя, но потом, охваченный порывом, подошел к ней, обнял и поцеловал.

Блейр совершенно забыла поцелуи Лиандера, забыла это захватывающее ощущение. Но сейчас она не воспринимала ничего, кроме его прикосновений.

— Хватит, — со злостью сказал он, отодвигаясь от нее, затем потряс ее, заставляя открыть глаза. — У меня были слепые пациенты, которые видели лучше тебя.

Он отошел и, пробормотав: «О, Боже», оседлал лошадь Блейр и помог ей сесть в седло. Затем сопровождал ее в Чандлер, и, когда они остановились перед ее домом, произнес:

— Завтра в восемь утра жду тебя в больнице. Она только успела кивнуть в ответ и осталась одна.

Состояние Блейр, когда она вошла в дом, можно было описать только одним словом — уныние. Она не понимала, что произошло с Лиандером и почему она сама так расстроена.

Ее мать сидела в гостиной в окружении сотни коробок.

— Что это? — рассеянно спросила Блейр.

— Свадебные подарки тебе и Хьюстон. Хочешь взглянуть на свои?

Блейр бросила взгляд на коробки и покачала головой. Меньше всего ей хотелось думать о свадьбе, которая может состояться, а может и не состояться, — собственно, Лиандер ведь больше не хочет на ней жениться.

Она позвонила в гостиницу Алану и попросила передать ему, что они должны быть в больнице завтра утром в восемь часов, потом поднялась к себе принять ванну.

Когда через час она спустилась вниз, Хьюстон была дома, довольно редкий случай, поскольку она постоянно куда-то уезжала с Таггертом. Сейчас она оживленно открывала коробки с подарками и со скоростью ста слов в минуту делилась с Опал планами в отношении свадьбы. Хьюстон издавала возгласы восторга при виде подарков с Востока — от Вандербильтов, Асторов. Блейр лишь слышала эти имена, теперь же Хьюстон выходила замуж за одного из членов избранного общества.

Она вяло опустилась на софу.

— Ты видела платье, Блейр? — повернувшись, спросила Хьюстон, в руках она держала большую хрустальную вазу, стоящую, должно быть, бешеных денег.

— Какое платье?

— Наше свадебное платье, конечно, — терпеливо разъяснила Хьюстон. — Твое делают по образцу моего.

Блейр почувствовала, что не может находиться в этой комнате — слишком много энтузиазма. Возможно, Хьюстон и в состоянии прийти в восторг от нескольких подарков, но только не она.

— Мама, я чувствую себя не слишком хорошо. Пойду лягу и почитаю.

— Хорошо, дорогая, — отозвалась Опал, погружаясь в очередную коробку. — Я отправлю к тебе с подносом Сьюзен. Кстати, звонил молодой человек и сказал, что не придет завтра в больницу. Какой-то мистер Хантер, по-моему.

Блейр стало еще хуже. Последние несколько дней она непростительно пренебрегала Аланом.

Утро наступило слишком быстро, а настроение у Блейр не улучшилось. Но работа с больными по крайней мере отвлекла ее от собственных печалей. До тех пор пока не пришел Лиандер. На фоне его угнетенного состояния ее настроение казалось солнечным сиянием. За два часа он умудрился четыре раза накричать на нее, говоря, что если она хочет быть врачом, то должна хоть чему-то научиться. Блейр хотела нагрубить ему в ответ, но, бросив взгляд на его лицо, мудро промолчала.

— Да, сэр, — только и сказала она и постаралась следовать всем его приказам.

Было одиннадцать часов, когда пришел Алан. Блейр была у постели маленькой девочки, чью сломанную руку она только что зафиксировала.

— Я так и думал, что найду тебя здесь — с ним. Блейр улыбнулась девочке.

— Алан, я работаю.

— Нам надо поговорить прямо сейчас — здесь или наедине.

— Хорошо, тогда пойдем со мной.

Блейр провела его в кабинет Лиандера. Она плохо знала больницу, и кабинет был единственным местом, где, они могли бы поговорить без помех. Она надеялась, что Ли не придет сюда.

— Мне следовало догадаться, куда ты меня приведешь. В его кабинет! Тебе здесь должно быть очень уютно. Не сомневаюсь, ты часто здесь бываешь.

К его ужасу, Блейр упала в кресло и, закрыв лицо руками, расплакалась.

В ту же секунду Алан уже стоял перед ней на коленях.

— Я не хотел на тебя сердиться. Блейр пыталась совладать со слезами, но безуспешно.

— Все на меня сердятся. Я всех раздражаю. Мистер Гейтс ни на минуту не оставляет меня в покое. Хьюстон меня ненавидит. Лиандер едва со мной разговаривает, и теперь ты...

— А Вестфилд-то чем недоволен? Он же побеждает.

— Побеждает? — Блейр достала из кармана платок и высморкалась. — Да он больше не участвует в состязании. Он сказал, что видит, что я тебя люблю, и поэтому выходит из игры.

Алан поднялся и прислонился к письменному столу.

— Тогда почему день за днем ты проводишь с ним? Всю неделю ты не отходила от него ни на шаг.

— Он сказал, что хотел бы поработать со мной последние несколько дней до моего отъезда. Он сказал, что ему ни с кем так хорошо не работалось до этого. И потом, он пригласил нас обоих.

— Из всех закулисных интриг... — начал Алан, меряя шагами комнату. — Он хуже, чем я думал. Никогда не слышал о таком низком, подлом приемчике. — Он повернулся к Блейр. — Он знает, что медицина для тебя — все, и использует это, чтобы быть к тебе поближе. Ну конечно, он пригласил и меня! В отличие от меня, у этого человека годы работы и опыта, и, естественно, я выгляжу рядом с ним, как идиот.

— Это не правда! Лиандер сказал, что хочет работать со мной, и мы действительно слаженно работаем вместе. Словно читаем мысли друг друга.

— Насколько я понимаю, это у вас с той ночной прогулки.

— Так кто же на самом деле использует подлые приемчики?

— Не больше, чем он, — отрезал Алан. — Блейр, я устал выглядеть дураком. Я, фактически еще студент, соревнуюсь в операционной с человеком, за плечами у которого годы работы. Я вырос в городе, а должен соперничать с ним в гребле на каноэ и верховой езде. При таком раскладе я всегда буду побежденным.

— Ты не понимаешь. Лиандер не соревнуется. Он больше не хочет на мне жениться. Я остаюсь в Чандлере до свадьбы сестры, а потом мы с гобой уезжаем вместе. И я все еще надеюсь, что Хьюстон выйдет за Лиандера.

С минуту он смотрел на нее:

— Думаю, что отчасти ты веришь тому, что говоришь. Позволь мне кое-что тебе сказать: Вестфилд не сошел с дистанции. Бедняга, он так сильно старается, что удивительно, как он еще жив. И если ты веришь, что не выйдешь замуж в понедельник, почему не остановишь приготовления к свадьбе твоей сестры? Ты собираешься сидеть в первом ряду и смотреть на ее свадебную церемонию, а сама будешь окружена с двух сторон претендентами? И что ты будешь с нами делать? — Он взялся за подлокотники и приблизил свое лицо к ее лицу:

— А что касается свадьбы Хьюстон и твоего милого доктора, боюсь, ты не сможешь сидеть и смотреть на это.

— Хватит, Хантер, — раздался с порога голос Лиандера.

— Еще далеко не хватит, — сказал Алан, надвигаясь на Лиандера.

— Если ты жаждешь драки... Ли замолчал, потому что между мужчинами втиснулась Блейр.

— Блейр, — сказал Алан, — ты должна принять решение. Я уезжаю сегодня из города четырехчасовым поездом. Если ты не придешь, я уеду один. С этими словами он вышел из комнаты. Блейр и Ли остались одни, оба молчали. Потом Ли взял ее за руку.

— Блейр, — начал он, но она отодвинулась.

— Думаю, Алан прав. Для меня пришло время принять решение и покончить с детскими играми.

Произнеся эти слова, она выскользнула из кабинета и пешком прошла две мили до дома.

Придя домой, она очень спокойно достала ручку и бумагу и стала составлять список «за» и «против» относительно отъезда с Аланом. За то, чтобы уехать, набралось пять веских причин. Первой из них была, возможность покинуть этот изуверский город, а последней — избавить Хьюстон от вынужденного брака с миллионером.

Что касается другого списка, она смогла сформулировать только один довод: если она уедет с Аланом, она никогда больше не увидит Лиандера. Она не сможет работать с ним в его новой клинике, если только Алан не оказался прав: может, рассказы Лиандера были всего лишь тактической уловкой.

Она поднялась. Если ей не придется работать в клинике здесь, больница св. Иосифа в Пенсильвании ждет ее.

Она взглянула на свою медицинскую одежду и поняла, что это единственный предмет одежды, который она возьмет с собой. Она может выйти из дома только с медицинским — и ни с каким другим — чемоданчиком в руках, иначе возникнут вопросы. Она может взять с собой только то, что будет на ней. Блейр скомкала список, но не выбросила. Он может еще понадобится, чтобы напомнить ей, почему она все это делает.

Внизу ее мать по-прежнему занималась подарками, Хьюстон не было. Блейр мысленно попрощалась с матерью, но та была поглощена подсчетом столового серебра.

Подняв голову, Блейр покинула дом и пошла пешком до железнодорожного вокзала. По пути она смотрела на суетливый городок уже другими глазами. Может, он не так уж и плох, как она изначально думала. Конечно, это не Филадельфия, но здесь есть свои преимущества. Проехали три экипажа, сидевшие в них пассажиры приветствовали ее двойным именем — Блейр-Хьюстон, и сейчас это не показалось ей неприятным.

Подходя к станции, она гадала о том, что же случится после того, как она уедет: выйдет ли Хьюстон за Лиандера, поймет ли мать ее исчезновение, станет ли Гейтс ненавидеть ее еще больше.

Она пришла на станцию без пятнадцати четыре, Алана еще не было. Она стояла на платформе, не расставаясь с медицинским чемоданчиком и теребя в руке скомканный листок бумаги. Блейр думала о том, что истекают последние минуты пребывания в городе, носящем имя ее отца. После скандала, причиной которого она послужит: кража жениха сестры и бегство с другим мужчиной за четыре дня до свадьбы — она вряд ли когда-нибудь сюда вернется. Разве что ей будет лет девяносто.

— Хм, — услышала она знакомое покашливание, резко повернулась и на ближайшей

скамье увидела Лиандера.

— Я решил прийти попроситься, — сказал он. Блейр подошла и встала перед ним. Список выпал у нее из руки, и, прежде чем она успела наклониться, Лиандер взял его, развернул и прочитал.

— Вижу, что проиграл дяде Генри и твоему чувству вины перед Хьюстон.

Она вырвала листок у него из рук:

— Я совершила непростительный поступок по отношению к сестре и делаю, что могу, чтобы исправить положение.

— Хьюстон не показалась мне слишком уж несчастной, когда я видел ее в последний раз. Она смотрела на Таггерта, как на божество.

— Хьюстон нравятся его деньги. Ли фыркнул:

— Возможно, я очень плохо ее знаю, но знаю, что деньги она не любит. Полагаю, то, что ей нравится, носит более м-м-м... личный характер.

— Ты грубиян.

— Что ж, в таком случае хорошо, что ты выходишь замуж за такое совершенство, как Хантер, а не за такого грубияна, как я. То, что я делаю с твоим телом такие вещи, что ты плачешь от радости, то, что нам хорошо вместе, что мы прекрасно работаем вдвоем — это не причины, чтобы стать моей женой.

— Я рада, что не выхожу за тебя. И никогда не хотела, никогда.

Раздался шум подходящего поезда. Лиандер поднялся:

— Не собираюсь стоять и смотреть, как ты будешь делать из себя посмешище. — Он засунул руки в карманы. — Ты будешь несчастна, но ты это заслужила.

Он повернулся на каблуках и пошел прочь.

Блейр чуть было не бросилась за ним, но вовремя сдержалась. Она приняла решение и собиралась его выполнить. Так будет лучше для всех.

Поезд подошел к станции, но Алана все не было. Она прохаживалась по платформе, останавливалась. С поезда сошли двое мужчин, мужчина и женщина сели в поезд.

Проводник начал давать сигнал к отправлению.

— Нужно подождать. Должен прийти один человек.

— Если его нет, значит, он опоздал на поезд. По вагонам!

Не веря своим глазам, Блейр смотрела, как поезд отходит от станции. Она села на скамью и стала ждать. Возможно, Алан действительно опоздал, и они уедут следующим поездом. Так она просидела в общей сложности два часа и сорок пять минут, но Алан не появился. Она спросила в кассе, не покупал ли билет похожий на Алана мужчина? Да, купил два билета сегодня рано утром — на четырехчасовой поезд.

Блейр походила по платформе еще около получаса и направилась домой.

«Что ж, теперь я знаю, что значит быть обманутой», — подумала она. Забавно, но она чувствовала себя совсем не плохо. Более того, чем ближе она подходила к дому, тем легче ей становилось. Может быть, завтра она опять будет работать с Лиандером в больнице.

В доме, когда туда вошла Блейр, было тихо, как в склепе. Свет горел только в гостиной. К своему удивлению, она обнаружила там свою мать и Лиандера. Они сидели и тихо разговаривали, как на похоронах.

Увидев дочь, Опал выронила вышивание и лишилась чувств. Лиандер смотрел на Блейр, открыв рот, сигара упала на пол, и от нее загорелась бахрома на обивке маленькой скамеечки для ног.

Блейр была настолько довольна их реакцией на свое появление, что стояла и улыбалась. Тут вошла Сьюзен и заголосила.

Ее причитания привели всех в чувство. Ли бросился тушить огонь, Блейр стала похлопывать мать по щекам, пока та не очнулась, а Сьюзен удалилась, чтобы приготовить чай.

Как только Опал окончательно пришла в себя, Лиандер схватил Блейр за плечи, рывком поставил ее на ноги и начал трясти.

— Я надеюсь, что это твое чертово платье готово, потому что в понедельник ты выходишь за меня замуж. Ты это понимаешь?

— Лиандер, ты делаешь ей больно, — воскликнула Опал.

Ли продолжал трясти Блейр.

— Она меня убивает! Ты понимаешь, Блейр?

— Да, Лиандер, — выговорила она. Он толкнул ее на софу и вылетел из комнаты. Трясущимися руками Опал подобрала с пола свое вышивание.

— Я думаю, что потрясений последних двух недель мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

Блейр откинулась на подушки и улыбнулась.

В течение трех дней Ли так загружал Блейр работой в больнице, что у нее не оставалось времени на размышления. Он заходил за ней рано утром и привозил ее домой поздно вечером. Он взял ее с собой на Арчер-авеню посмотреть на здание склада и рассказал и показал, как превратит это помещение в женскую клинику. У Блейр тут же появились свои идеи, которые Ли выслушал и обсудил вместе с ней.

— Думаю, мы закончим через две недели, оборудование уже на пути из Денвера, — сказал Ли. — Я задумывал это как сюрприз, свадебный подарок, но в последнее время сюрпризов у меня было более чем достаточно, больше я не выдержу.

И прежде чем Блейр смогла произнести хоть слово, он заторопил ее на улицу, усадил в экипаж и отвез в больницу. Она почувствовала облегчение, поняв, что Алан ошибался: Ли действительно хотел открыть клинику, а не использовать ее в качестве приманки, чтобы победить в соревновании.

По мере того как приближался час ее свадьбы, Блейр охватывало недоумение: почему Ли хочет жениться на ней? Он не делал попыток дотронуться до нее, они ни о чем не говорили — только о больных. Несколько раз она ловила на себе его внимательный взгляд, особенно когда работала с другими врачами, но стоило ей поднять глаза, как он тут же отворачивался.

И с каждым днем Блейр все больше и больше проникалась уважением к Ли, как к врачу. Она скоро поняла, что он смог бы иметь огромные деньги, если бы работал в большой городской больнице. Но вместо этого он предпочел остаться в Чандлере, где ему вообще редко что-либо платили. Работы было много, работы тяжелой, а вознаграждение, по большей части, оказывалось символическим.

В воскресенье днем, накануне свадьбы, когда Блейр мучилась от головокружения после предсвадебной вечеринки Хьюстон, Ли вызвал ее к себе в кабинет. Для обоих эта встреча была неловкой. Лиандер не отрываясь так смотрел на нее, что руки у нее покрылись гусиной кожей, и она думала только о том, что завтра пойдет с ним к алтарю.

— Я написал в больницу св. Иосифа, что ты отказываешься от места.

Блейр задохнулась и села в кресло. Она не думала о том, чтобы оставить интернатуру.

Ли наклонился вперед:

— Я подумал, что, возможно, поторопился, — он принялся изучать свои ногти. — Если завтра ты позвонишь и отменишь это решение, я пойму.

Блейр так растерялась, что не могла собраться с мыслями. Он говорит, что не хочет на ней жениться? Она быстро встала:

— Если ты хочешь пойти на попятную после всего, что ты сделал, чтобы вынудить меня стать твоей женой, я...

Она больше ничего не успела сказать, потому что Ли выпрыгнул из-за стола, схватил ее за плечи и поцеловал так крепко и пылко, что она окончательно лишилась дара речи.

— Я не иду на попятную, — сказал он, отпуская ее, и Блейр удалось совладать с дрожью в коленях. — " А теперь, доктор, за работу! Или лучше — иди домой и отдохни. Если я знаю твою сестру, она приготовила тебе для примерки три платья, а у твоей матушки для тебя сотня поручений. Увидимся завтра днем, — он широко улыбнулся, — и завтра ночью. А теперь — чтобы духу твоего здесь не было.

Блейр не могла не ответить ему улыбкой и продолжала улыбаться всю дорогу домой.

Но как только она переступила порог Чандлер-хауса, улыбка исчезла с ее лица. Мистер Гейтс метал громы и молнии из-за того, что в воскресенье она предпочла пойти в больницу, вместо того чтобы помогать сестре со свадебными приготовлениями, тем более, что бедняжка Хьюстон так плохо себя чувствует сегодня. Блейр тоже устала и нервничала из-за свадьбы и поэтому чуть не расплакалась еще до того, как этот жестокий человек покончил с упреками. Опал, кажется, поняла, что чувствует ее дочь, и быстренько отправила мистера Гейтса в кабинет, а Блейр взяла с собой в сад и посадила писать записки с изъявлением благодарности в ответ на присланные поздравления Усаживаясь рядом с матерью, Блейр все еще испытывала жгучую обиду на мистера Гейтса.

— Мама, как ты могла выйти за подобного человека? Как ты могла подчинить ему Хьюстон? Я-то уехала, но Хьюстон была вынуждена жить здесь все эти годы.

Несколько минут Опал молчала.

— Боюсь, я не думала о вас, когда влюбилась в мистера Гейтса.

— Влюбилась в него! А я думала, что это твои родные заставили тебя выйти за него.

— С чего это ты взяла? — ошеломленно спросила Опал.

— Думаю, что мы с Хьюстон сами так решили. Потому что не могли найти никакого другого объяснения твоему выбору. Возможно, мы подумали, что после смерти отца ты была настолько подавлена горем, что не понимала, что делаешь.

Опал негромко рассмеялась:

— Вы обе были совсем малы, когда умер Уильям, но я уверена, что он запомнился вам как самый прекрасный отец, всегда чем-то занятый, что-то придумывающий, способный взбудоражить всех и вся.

— А он не был таким? — озабоченно спросила Блейр, страшась услышать ужасные вещи о своем обожаемом отце.

Опал положила руку на руку дочери:

— Он был именно таким, и даже лучше. Я уверена, что вы не помните и половины его живости, смелости и настойчивости. Большую часть своих качеств вы обе унаследовали от него, — она вздохнула. — Но правда в том, что Уильям Чандлер изматывал меня, как никто другой в этом мире. Я любила его всем сердцем, но бывали дни, когда я выпроваживала его из дома со слезами облегчения. Видишь ли, мне с детства внушали, что предназначение женщины — сидеть в главной гостиной и вышивать, между делом отдавая прислуге приказания. Наибольшее напряжение ума требовалось при подсчете крестиков на вышивании. При подсчете крестиков!

Она откинулась на стуле и улыбнулась:

— Потом я встретила твоего отца. По каким-то своим причинам он решил, что я ему нужна. И, боюсь, от меня уже ничего не зависело. Его необыкновенная привлекательность поразила меня, и, по-моему, даже в мыслях я ни разу не сказала ему «нет». Но когда мы поженились, стали возникать ссоры, и они происходили из-за его неумной жажды жизни. Даже отцовство — он произвел на свет сразу двоих, Уильяму явно было недостаточно одного ребенка.

Она посмотрела на свои руки, и глаза ее наполнились слезами.

— Когда Билла не стало, я думала, что тоже умру. У меня не было причин жить. Но потом я стала вспоминать о некоторых радостях жизни, например о шитье. И у меня были вы, мои девочки. А потом появился мистер Гейтс. Он был полной противоположностью

Биллу, и ему нравилось то, чем я любила заниматься. А Билл называл это пустой тратой времени. У мистера Гейтса были строгие убеждения относительно того, что следует и чего не следует делать женщине. Он не ждал, что по воскресеньям я буду сопровождать его в походах по горам, как это делали мы с Биллом. Нет, мистер Гейтс хотел, чтобы у нас был прелестный семейный очаг, чтобы я сидела дома и воспитывала детей, а днем приглашала гостей на чашку чая. Я узнала его ближе и поняла: ему легко угодить, и мое естественное поведение часто совпадает с тем, что он от меня ожидает. С твоим отцом я никогда не знала этого.

Опал взглянула на Блейр:

— И я поняла, что люблю его. Его представления о положении женщины и то, чем мне нравилось заниматься, полностью совпадали. Боюсь, я мало тогда думала о вас и не понимала, как сильно вы обе похожи на Билла. Я думала, что только ты похожа на своего отца, и устроила так, чтобы ты жила у Генри. Хьюстон, считала я, моя дочь, и до некоторой степени это так. Но и Хьюстон — Дочь Билла. Это проявляется иногда весьма странным образом, например ее переодевание в старуху и поездки в шахтерские поселки. Билл вполне мог устроить что-нибудь в этом роде.

Блейр очень долго молчала, обдумывая сказанное матерью и размышляя, сможет ли она когда-нибудь полюбить Лиандера. Она знала наверняка, что была влюблена в Алана, но не почувствовала никакого опустошения, когда он бросил ее. В этой истории все было тесно связано между собой. Она не могла взглянуть на Ли, чтобы не подумать о том, что ее сестра долго и сильно любила его, а теперь увидит, как он женится на другой.

***

В ночь перед свадьбой Блейр почти не спала. И даже когда рассвело, демоны ночи, казалось, не покинули ее. Яркий солнечный свет не избавил ее от ощущения обреченности.

В последние дни ей иногда удавалось забыть, что она выходит замуж за нареченного сестры, и она до конца не верила в это. Она надеялась, что каким-то образом избежит этого замужества, и Хьюстон получит Лиандера назад.

В десять часов утра они отбыли в дом Таггерта, где должно было состояться празднество. Опал с дочерьми ехали в очаровательной коляске Хьюстон, одном из многочисленных подарков Таггерта. Следом за ними двигался большой фургон, нанятый Хьюстон, в котором покоились свадебные платья. Всю дорогу женщины хранили молчание. Когда Блейр спросила сестру, о чем она думает, та ответила, что надеется, что лилии доставят в целости и сохранности.

Для Блейр подобный ответ послужил очередным подтверждением того, что, в основном, интересовали ее сестру в этом человеке деньги.

И когда Блейр увидела Таггертов дом, она поняла, что Хьюстон продана Богу денег.

Дом казался высеченным из мраморной горы — холодная белая громада. Внизу, в холле, большая двойная лестница вела наверх и охватывала огромный холл с двух сторон. Таких просторных помещений Блейр еще не видела.

— Мы сойдем отсюда, — сказала Хьюстон, указывая на лестницу, — с разных сторон.

И в окружении стайки нарядно одетых подружек упорхнула, чтобы посмотреть, все ли готово. А Блейр осталась стоять, где стояла.

— К этому не скоро привыкнешь, — прошептала ей Опал.

Дом производил впечатление миража, пришедшего из волшебной сказки, казалось, что он может исчезнуть так же быстро, как и появился.

— Хьюстон собирается жить здесь? — прошептала в ответ Блейр.

— Когда появляется Таггерт, все несколько уменьшается в размерах, — заверила ее Опал. — Думаю, нам тоже следует подняться наверх. Я не знаю, что Хьюстон решила в отношении нас.

Следом за матерью Блейр поднялась по широкой лестнице, все время оглядываясь назад. Всюду, куда падал ее взгляд, она видела букеты экзотических цветов и зелени. На верхней площадке она остановилась и посмотрела в окно. Вид открылся чудесный: пышный луг и кустарник.

Опал остановилась подле нее:

— Это хозяйственный двор. Тебе нужно посмотреть на сад.

Ничего не сказав, Блейр вместе с матерью прошла на второй этаж, в отведенную ей комнату.

— Хьюстон выбрала ее для тебя, — сказала Опал, открывая дверь в комнату с высоким потолком и белым мраморным камином, украшенным резьбой, изображавшей цветы. Кухонки, кресла и столы подходили, скорее, для музея.

— Это гостиная, там — спальня, а там — ванная комната. При каждой гостевой комнате есть гостиная и ванная комната.

Блейр медленно провела рукой по мраморной ванне. И хотя она не могла быть уверена, потому что не видела ничего подобного раньше, подумала, что всевозможные ручки и краны, скорее всего, золотые.

— Это медь? — спросила она у матери.

— Он не потерпел бы ее в своем доме, — с оттенком гордости произнесла Опал. — Мне нужно пойти и посмотреть, не нужно ли чего Хьюстон. У тебя в запасе несколько часов, почему бы тебе не поспать?

Блейр стала говорить, что она определенно не в состоянии заснуть, но потом посмотрела на огромную мраморную ванну и представила, как приятно было бы поплескаться в ней.

Оставшись одна, она наполнила ванну горячей водой, забралась в нее и тут же почувствовала полное расслабление'. Она лежала в воде долго, пока кожа не начала сморщиваться. Тогда Блейр вышла из ванны, вытерлась таким толстым полотенцем, что оно вполне сошло бы за подушку, завернулась в розовый кашемировый халат и прошла в спальню, где моментально уснула на большой, мягкой кровати.

Проснувшись она отдохнувшей, с ясной головой и вспомнила слова матери о том, что за домом есть сад. Быстро надев свои обычные юбку и блузку, она вышла из комнаты. Не желая спускаться по главной лестнице, потому что оттуда раздавались голоса, она пошла по коридору мимо закрытых дверей и случайно обнаружила боковую лестницу, ведущую в лабиринт кухни и кладовых на первом этаже. Эти помещения были до отказа заполнены людьми, сновавшими во все стороны и готовившими заманчиво пахнущую еду. Блейр с трудом пробралась сквозь эти толпы. Кое-кто узнал ее, но ни у кого не было времени удивиться невесте, разгуливающей на кухне за два часа до начала свадебной церемонии.

Блейр была убеждена только в одном — Хьюстон ее не видела. У нее, без сомнения, имелось расписание, и она следовала ему, невзирая ни на что. У Хьюстон никогда не нашлось бы времени навестить в сад.

За домом расстилалась лужайка, уставленная столами и сотнями ваз с цветами. Над столами, накрытыми розовыми льняными скатертями, были натянуты тенты. Мужчины и женщины в форменной одежде беспрерывно перемещались между домом и столами, расставляя кушанья и приправы.

Блейр поспешила миновать и этот отрезок пути и пошла туда, где, по-видимому, находился сад. Она не была готова к тому, что увидела. Перед ней открылись бесчисленные извилистые дорожки, появляющиеся и исчезающие среди растений, никогда ею не виденных. Она пошла по одной из них.

Шум свадебных приготовлений стих позади, и впервые за несколько дней она смогла свободно отдаться своим мыслям.

Сегодня ее свадьба, но она даже не может припомнить, как это случилось. Три недели назад она находилась в Пенсильвании, и все ее будущее было перед ней, как на ладони. И как вдруг все повернулось! Алан предпочел бежать, чтобы не жениться на ней. Ее сестра потеряла любимого мужчину и теперь выходит замуж за одного из самых богатых людей в стране, без всякой любви с ее стороны.

И во всем была виновата Блейр. Она приехала домой на свадьбу сестры, а вместо этого заставила ее заключить сделку. С тем же успехом Хьюстон могла выставить себя на аукцион и получить наивысшую ставку.

Обходя сад, Блейр увидела Таггерта, идущего по дорожке. Не успев осознать, что она делает, Блейр резко повернула и пошла в другую сторону прежде, чем он увидел ее. Она прошла несколько шагов и увидела необыкновенно высокую женщину, которая почему-то показалась Блейр знакомой. Женщина торопливо шла по той же дорожке, что и Таггерт. Блейр не смогла припомнить, где она видела ее раньше. Она пожала плечами и пошла дальше.

Ее мысли были полностью поглощены предстоящими сегодня событиями, и она все еще пыталась разобраться, как же все так получилось, когда вдруг вспомнила, кто эта высокая женщина.

— Это Памела Фентон, — сказала она вслух.

Когда Блейр и Хьюстон были детьми, они часто бывали у Фентонов, катались на пони Марка или присутствовали на многочисленных детских праздниках. Старшая сестра Марка, Пам, была тогда уже почти взрослой девушкой, и по отношению к ней дети "испытывали благоговейный трепет. Затем она внезапно оставила родной дом, что на много лет дало пищу для пересудов.

«Так, значит, она вернулась домой и будет присутствовать на свадьбе, — с удовольствием подумала Блейр — Что же такое, вызвавшее столько слухов, сделала Памела несколько лет назад? Там, кажется, был замешан конюх?»

Блейр стояла как вкопанная. Скандал действительно был, и он касался конюха из конюшни отца Памелы. Она влюбилась в того парня, и отец отослал ее.

Тем конюхом был Кейн Таггерт!

Подобрав юбки, Блейр бросилась бежать по дорожке в ту сторону, куда ушли Таггерт и Пам. Пробежав несколько футов, она остановилась.

Не веря своим глазам, она увидела, как Кейн Таггерт взял в ладони лицо Памелы

Фентон и страстно поцеловал ее.

На глазах Блейр выступили слезы. Она проскользнула по дорожке в сторону дома. Что же она сделала со своей сестрой? Хьюстон выходит замуж за чудовище, целующее женщину за два часа до свадьбы с другой.

И все это случилось из-за нее, из-за Блейр.

Энн Сибери помогла Блейр надеть изумительной красоты подвенечный наряд, фасон которого придумала Хьюстон. Элегантное по своей простоте платье из атласа цвета слоновой кости, с высоким воротником-стойкой и пышными рукавами, облегло фигуру так плотно, как только позволял стальной каркас корсета. Сотни, а может, и тысячи маленьких жемчужинок украшали пояс и манжеты. А фата была из кружев ручной работы, каких Блейр никогда не видела.

Взглянув на себя в зеркало, она подумала, что хотела бы видеть себя в этом наряде при более счастливых обстоятельствах, но тем не менее ей придется идти к алтарю с улыбкой на лице.

Нет, это невозможно из-за того, что она уже совершила. Как только Блейр увидела Таггерта — целующим другую женщину, она, вернувшись в дом, послала ему записку. Блейр писала, что в волосах у нее будет красная роза и стоять он должен слева, а не справа, как планировалось вначале.

Блейр не была уверена в законности предпринимаемых ею шагов, поскольку брачный контракт ясно оговаривал, кто из мужчин на какой из сестер женится. Но, возможно, она поможет Хьюстон, если священник объявит ее мужем Лиандера, а не отвратительного Таггерта. Она не хотела думать о последствиях, если брак признают действительным и она окажется женой Таггерта.

Она послала Хьюстон розовую розу и попросила прикрепить ее к одежде.

На верхней площадке лестницы Блейр прижала сестру к себе.

— Я люблю тебя больше, чем ты думаешь, — прошептала она, прежде чем они начали спускаться, и добавила со вздохом:

— Давай покончим с этим представлением.

«С каждым шагом, — думала Блейр, — приближается наказание. Что, если брак будет законным, и я стану женой этого ужасного человека и вынуждена буду жить в похожем на мавзоль доме?»

***

В огромной комнате, которая, как предполагалось, служила библиотекой, но с таким же успехом могла быть и бейсбольной площадкой, она увидела Таггерта и Лиандера, стоящих рядом на задрапированном возвышении, украшенном розами и зеленью.

Блейр высоко подняла голову и смотрела прямо перед собой. В эту минуту она поняла, что сестра знает, что происходит, и наконец выйдет замуж за человека, которого любит.

Блейр посмотрела на Кейна Таггерта и, направляясь к нему, увидела, что он нахмурился. «Он знает! — подумала она. — Он знает, что я — не Хьюстон».

Блейр удивилась этому. Даже сейчас она не была уверена, что их собственная мать различает их, а этот человек каким-то образом знал. Она перевела взгляд на Лиандера и увидела, что он нежно улыбается Хьюстон. «Естественно, — подумала Блейр, — Лиандер не

ожидает подвоха, он ни от кого не ждет ничего плохого, потому что сам не способен на низкий поступок. А за Таггертом закрепилась слава человека, готового на все ради денег, поэтому он всегда настороже и способен отличить близнецов друг от друга», — объяснила себе Блейр.

Пока они занимали свои места на возвышении, Блейр не смела поднять на сестру глаз. Лиандер взял руку Хьюстон в свою, а Таггерт отвернулся от девушек и от священника.

— Возлюбленные чада, мы... — начал священник, но Хьюстон прервала его:

— Извините, но Хьюстон — это я. Блейр в изумлении смотрела на сестру. Почему она рушит тщательно подготовленный план? — Лиандер пристально посмотрел на Блейр.

— Не поменяться ли нам местами? — обратился он к Таггерту.

Тот пожал плечами:

— Для меня не имеет значения.

— А для меня имеет, — ответил Лиандер и поменялся с Таггертом местами.

Ли взял Блейр за руку, сильно сдавил ее, но Блейр почти не почувствовала боли. Таггерт прилюдно признал, что Хьюстон ничего для него не значит, что — ему все равно, на ком жениться. Блейр никогда не задавалась вопросом, почему Таггерт хочет жениться на Хьюстон. «Не потому ли, — подумала она сейчас, — что она была единственной, принявшей его предложение?»

Лиандер ткнул ее в бок, и она успела вовремя произнести «да».

Она не успела осознать, что произошло, как церемония закончилась. Лиандер обнял ее и приготовился поцеловать. Со стороны это должно быть выглядело, как весьма пылкий поцелуй, но на самом деле все было не так.

— Мне нужно поговорить с тобой. Сейчас же! — возбужденно прошептал он ей на ухо.

Волоча за собой тяжелый атласный шлейф двенадцати футов длиной, Блейр пыталась поспеть за Ли, почти тащившем ее по проходу. Как только они вышли в холл, к ним бросились гости, но Лиандер не выпустил руки Блейр и втянул ее в обитую деревянными панелями комнату в конце коридора.

— Что все это значит? — обрушился он на нее, не давая ответить. — Тебе настолько невыносима мысль о жизни со мной, что ты зашла так далеко, чтобы избавиться от меня? Ты даже готова, скорее, жить с человеком, которого совсем не знаешь, чем со мной? Кто угодно, только не я, так?

— Нет, — начала она. — О тебе я даже и не думала. Я думала только о Хьюстон. Я не хотела, чтобы она жила с чувством, что вышла замуж по необходимости.

Лиандер долго смотрел на нее, а когда заговорил, голос его был спокоен:

— Ты хочешь сказать, что предпочла бы жить с человеком, который тебе неприятен, лишь бы сестра вышла замуж за того, кого, как ты считаешь, она любит?

— Конечно, — ответила Блейр, слегка озадаченная его вопросом. — А какая же у меня могла быть причина устроить подмену?

— Только та, что ты готова выйти за кого угодно, только не за меня, — он схватил ее за руку. — Блейр, прямо сейчас ты должна решить все окончательно. Вам с Хьюстон надо поговорить, и я хочу, чтобы ты спросила ее, почему она захотела стать женой Таггерта. И я хочу, чтобы ты выслушала ее ответ. Ты поняла меня? Я хочу, чтобы ты внимательно выслушала ее ответ.

Не обращая внимания на гостей, которые посмеивались над путаницей у алтаря, Лиандер узнал, где находится Хьюстон, и протащил сквозь толпу Блейр. Хьюстон сидела

одна в маленькой комнате, заваленной бумагой.

— Полагаю, вам обеим есть что сказать друг другу, — процедил он сквозь зубы в сторону Блейр, почти втокнул ее в комнату и закрыл за ней дверь.

— Мы, кажется, должны пойти разрезать торт, — натянуто произнесла Блейр. — Ты и Таггерт...

Хьюстон поднялась со стула, в эту минуту она была похожа на гарпию.

— Ты даже не можешь назвать его по имени, — каждое слово отдавало злобой. — Ты считаешь, что у него нет никаких чувств; тебе он не понравился, следовательно, ты можешь обращаться с ним, как тебе вздумается.

Блейр отступила под натиском ярости сестры.

— Хьюстон, то, что я сделала, я сделала для тебя. Я хотела, чтобы ты была счастлива.

Сжав кулаки, Хьюстон надвигалась на Блейр, словно вызывала ее на бой.

— Счастлива? Как я могу быть счастлива, если даже не знаю, кто мой муж? Благодаря тебе я могла никогда не узнать, что такое счастье.

— Из-за меня? Что я такого сделала? Я всего лишь, как могла, попыталась помочь тебе. Я хотела, чтобы ты поняла, что тебе совсем не обязательно выходить за этого человека из-за его денег. Кейн Таггерт...

— Ты действительно не понимаешь? — перебила ее Хьюстон. — Ты унизила гордого человека на глазах у сотен людей и даже не поняла, что сделала.

— Ты имеешь в виду происшествие у алтаря? Я сделала это для тебя, Хьюстон. Зная, что ты любишь Лиандера, я была готова соединиться с Таггертом, лишь бы ты была счастлива. Я очень сожалею обо всех нанесенных тебе мною обидах. Я никогда не хотела сделать тебя такой несчастной. Я знаю, что разрушила твою жизнь, но попыталась исправить причиненный вред.

— Я, я, я. Все, что ты можешь сказать. Ты разрушила мою жизнь, а говоришь только о себе. Ты знаешь, что я люблю Лиандера. Ты знаешь, что за ужасный человек Кейн. Последнюю неделю ты каждое мгновение проводила в обществе Лиандера и говорила о нем, как о Боге. Каждое второе твое слово было «Лиандер». Пожалуй, сегодня утром у тебя действительно были хорошие намерения: ты собиралась отдать мне лучшего мужчину.

Хьюстон наклонилась к сестре:

— Лиандер, может, и взойдет на костер, но только не ради меня. Если бы ты не была так занята собой последнее время и была способна заметить, что и у меня есть мозги, ты бы увидела, что я полюбила хорошего, доброго, чуткого человека, конечно, у него есть острые углы, но не ты ли всегда говорила, что я слишком уж совершенна?

Блейр села.

— Ты его любишь? Таггерта? Ты любишь Кейна Таггерта? Но я не понимаю. Ты всегда любила Лиандера. Сколько я помню, ты любила его.

Злость как будто покинула Хьюстон, она отвернулась и посмотрела в окно.

— Да, правда, я решила, что люблю его, когда мне было шесть лет. Думаю, это стало для меня целью, ну знаешь, как покорить горную вершину. Мне следовало обратить свой взор на вулкан Рейнир. По крайней мере, я бы туда взобралась и успокоилась. Я никогда не знала, что буду делать с Лиандером, став его женой.

— А что будешь делать с Таггертом, ты знаешь? Хьюстон повернулась к сестре и улыбнулась:

— О да. Я очень даже знаю, что собираюсь с ним делать. Я собираюсь обустроить его

жизнь, хочу, чтобы у него был дом, где он чувствовал бы себя покойно, где и я нашла бы покой и могла делать все, что захочу.

Теперь наступил черед Блейр сжать кулаки.

— Полагаю, ты могла бы найти две минуты и рассказать мне обо всем этом, как ты думаешь? Последние недели я жила, как в аду. Я волновалась за тебя, целыми днями плакала из-за причиненного своей сестре вреда, а теперь ты говоришь, что любишь этого царя Мидаса.

— Не смей его так называть! — закричала Хьюстон. — Он самый добрый, самый нежный и очень щедрый. И я очень люблю его.

— И я жила в этом кошмаре, потому что переживала за тебя. Ты должна была рассказать мне!

Хьюстон лениво провела рукой по краю стоявшего в центре комнаты стола.

— Думаю, я так завидовала твоей любви, что даже не хотела и думать о тебе.

— Моей любви?! — взорвалась Блейр. — Думаю, я для Лиандера — тот самый вулкан Рейнир. Я не отрицаю, что между нами были физическая близость, но это и все, что он хочет от меня. Целые дни мы проводили вместе с операционной, но все равно какая-то часть Лиандера осталась скрытой от меня. Он не подпустил меня близко к себе. Я очень мало о нем знаю. Он решил, что я ему нужна, и бросился в бой, используя все средства, чтобы заполучить меня.

— Но я же вижу, как ты на него смотришь. У меня никогда даже желания не возникало так посмотреть на него.

— Это потому, что ты никогда не видела его в операционной. Если бы ты увидела его там, ты бы...

— Скорее всего, упала бы в обморок, — сказала Хьюстон. — Блейр, извини, что я не поговорила с тобой. Возможно, я понимала, что ты переживаешь, но то, что случилось, причинило мне такую боль. Я была помолвлена с Лиандером, кажется, всю жизнь, и вот появляешься ты и, проведя с ним одну ночь, уводишь его от меня. И вдобавок. Ли всегда называл меня своей ледяной принцессой, и я всерьез решила, что я холодная женщина.

— Больше ты так не думаешь? — спросила Блейр. Щеки Хьюстон порозовели.

— Только не с Кейном, — прошептала она.

— Ты действительно его любишь? — спросила Блейр, все еще до конца не веря. — И тебя не волнует его громогласность и другие женщины?

Блейр готова была откусить себе язык.

— Какие другие женщины? — спросила Хьюстон, сузив глаза. — Блейр, тебе лучше сказать мне.

Блейр глубоко вздохнула. Если бы она сказала Хьюстон об этом до свадьбы, это было бы нормально, но сейчас уже слишком поздно.

Хьюстон наседала:

— Если ты опять начнешь устраивать мою жизнь, как сегодня утром, между нами все будет кончено. Я уже взрослая, ты что-то знаешь о моем муже, и я хочу знать, что это.

— Я видела, как он целовал в саду Памелу Фентон прямо перед свадьбой, — на одном дыхании выпалила Блейр.

Хьюстон слегка побледнела, но не потеряла над собой контроль.

— Но он все равно вернулся ко мне, — прошептала она. — Он видел ее, целовал ее, но женился на мне — ослепительная улыбка осветила ее лицо. — Блейр, ты сделала меня

счастливейшей из женщин. Я сейчас же должна найти своего мужа и сказать ему, что я его люблю и надеюсь, что он простит меня.

Она внезапно замолчала.

— О Блейр, ты совсем его не знаешь. Он такой хороший человек, щедрость его — естественна, он сильный, поэтому люди тянутся к нему, но он... — она закрыла лицо руками, — он не переносит, когда его ставят в неловкое положение, а мы унизили его перед лицом всего города. Он никогда не простит меня. Никогда!

Блейр направилась к двери.

— Я найду его и объясню, что это целиком моя вина, что ты не имеешь к этому никакого отношения. Хьюстон, я не имела ни малейшего представления, что ты хочешь стать его женой. Я просто не могла вообразить, что кто-то согласится жить с подобным человеком.

— Думаю, что тебе больше не о чем беспокоиться, потому что он меня просто-напросто бросил.

— А как же гости? Он не мог уйти вот так.

— По-твоему, он мог остаться и слушать, как люди смеются над тем, что Лиандер не мог решить, кого из близнецов выбрать? Никому и в голову не пришло, что Кейн тоже имел право выбора. Кейн думает, что я все еще люблю Ли, ты думаешь, что я люблю Ли, и мистер Гейтс считает, что я выхожу за Кейна из-за его денег. Мама — единственный человек, который понимает, что я полюбила... первый раз в жизни.

— Что я могу сделать, чтобы исправить положение? — прошептала Блейр.

— Ты ничего не можешь поделать. Он ушел. Оставил мне дом и деньги и ушел. Но на что мне этот большой, пустой дом, если его в нем не будет? — она села. — Блейр, я даже не знаю, где он. Может быть, он уже на пути в Нью-Йорк.

— Скорее всего, он в своей хижине. Женщины повернулись и увидели в дверях друга Кейна, Эдена.

— Я не подслушивал. Когда я увидел, что произошло во время брачной церемонии, я понял, что он придет в ярость.

Хьюстон перекинула шлейф своего свадебного платья через руку.

— Я иду к нему, чтобы объяснить, что произошло. Я скажу, что моя сестра настолько влюблена в Лиандера, что думает, что и я тоже" — она оглянулась на Блейр и улыбнулась. — Меня очень обидело, что ты подумала, что я выхожу замуж из-за денег, настолько низко я якобы пала. Но я благодарна за твою любовь ко мне, которая могла заставить тебя пожертвовать самым для тебя дорогим.

Она быстро поцеловала сестру в щеку. Блейр на мгновение прильнула к Хьюстон.

— Хьюстон, я ничего не знала о твоих чувствах. Как только прием закончится, я помогу тебе собраться и... Со смехом Хьюстон отодвинулась от нее:

— Нет, моя дорогая, деловая сестричка, я уезжаю прямо сейчас. Мой муж для меня важнее нескольких сотен гостей. Тебе придется остаться и ответить на все вопросы относительно того, куда мы с Кейном делись.

— Но, Хьюстон, я ничего не знаю о таких внушительных приемах.

Хьюстон остановилась на пороге рядом с Эденом.

— А я знаю. Мне помогло мое «бесплезное» образование, — проговорила она, потом рассмеялась. — Блейр, все не так трагично. Приободришься, возможно, случится массовое пищевое отравление, а как справиться с этим, ты знаешь. Удачи, — пожелала она и исчезла.

А Блейр осталась одна, полная ужаса при мысли о грандиозном, изысканном приеме.

— Какой же я была душой, что обругала школу Хьюстон, — пробормотала она, поправляя платье и пытаясь поглубже вздохнуть, стянутая тугим корсетом, и вышла из комнаты.

Прием оказался хуже, чем Блейр могла себе представить. Все время подбегали какие-то люди, которые с исчезновением Хьюстон, казалось, не знали, что им теперь делать. А еще нужно было познакомиться с сотней родственников Ли, только и говоривших о необычайном событии — подмене близнецов. Опал начала распространять слух, что муж Хьюстон увез ее на белом коне и все молодые леди зашептались, что Кейн самый романтичный мужчина. А Блейр все время думала только о том, что рада неудавшейся замене, потому что ей не придется проводить брачную ночь с Таггертом.

Какой-то человек стал спрашивать ее, как сервировать огромную голову сыра — размером с колесо и фунтов сто весом. В этот момент среди гостей она заметила наблюдавшего за ней Ли, и по всему ее телу разлилось тепло. Что бы она ни говорила, но ночь с Ли — против этого она ничего не имеет.

Он пробрался к ней через толпу гостей, дал несколько кратких указаний насчет сыра и потянул Блейр за собой в сад, подальше от людей.

— Слава Богу, через все это нужно проходить только один раз в жизни. Ты видела, что мистер Гейтс прослезился?

Она почувствовала себя так хорошо рядом с ним, вдали от шума толпы, и захотела, чтобы он поцеловал ее.

— Возможно, он счастлив, что я в конце концов покидаю его дом.

— Он сказал мне, что теперь может спокойно вздохнуть, потому что уверен, что ты будешь счастлива. Теперь ты выполнишь обязанности женщины, данные от Бога. У тебя хороший муж — это я, который будет о тебе заботиться, и наконец-то ты будешь удовлетворена.

От его взгляда ей стало совсем хорошо.

— А как ты думаешь, ты будешь удовлетворена со мной? — спросил он хриплым шепотом и придвинулся к ней.

— Доктор Вестфилд! Телеграмма! — раздался мальчишеский голос, и через секунду посыльный стоял перед ними, нарушив их уединение.

Лиандер дал мальчику монетку и предложил, не стесняясь, угоститься всем, чем захочет, затем распечатал телеграмму, не отводя глаз от Блейр. Но в следующее мгновение листок бумаги полностью поглотил его внимание.

— Я сверну ей шею, — тихо сказал он, лицо его начало покрываться краской ярости.

Блейр взяла телеграмму у него из рук.

МЫ С АЛАНом ХАНТЕРом ТОЛЬКО ЧТО ПОЖЕНИЛИСЬ ТЧК ПОЖАЛУЙ
СКАЖИ ПАПЕ И
БЛЕЙР ТЧК Я ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ ТРИ НЕДЕЛИ ТЧК НЕ СЕРДИСЬ ТЧК ЛЮБ
НИНА

— И все этот интриган... — начал Ли. — Мы с отцом найдем ее и...

Блейр прервала его:

— И что? Они уже поженились. И потом, чем плох Алан? Из него выйдет хороший муж

Ярости Лиандера как ни бывало.

— Согласен. Но почему она не осталась здесь, почему все сделала тайно? Почему она бежала, словно была опозорена?

— Мы с Ниной дружили всю жизнь, полагаю, она испугалась меня. Я ведь вышла совсем не за того, за кого собиралась, поэтому, возможно, она подумала, что я рассержусь, что Алан бросил меня на вокзале. Не сомневаюсь, что он оставил меня ради Нины.

Лиандер прислонился к дереву и достал из кармана сигару.

— Ты так спокойно об этом говоришь. Я ведь дал тебе возможность уехать. Ты могла вернуться в Пенсильванию. Ты могла.

Позже Блейр поняла, что именно в эту минуту она полюбила Лиандера. Он делал из себя посмешище, чтобы завоевать ее, а теперь стоял, как надутый мальчишка, и говорил, что ей было необязательно выходить за него, что она могла уехать.

— А что бы ты сделал, если бы я села в поезд? — Я помню, как ты тряс меня и говорил, что я выхожу за тебя замуж и мое мнение в расчет не принимается, — мягко сказала она и встала перед ним. Вокруг нее громоздились ярды восхитительного атласа, бусы нежно мерцали в полумраке сада.

Он недолго смотрел на нее, швырнул сигару на землю, прижал Блейр к себе и страстно поцеловал, обнимая все крепче и пытаясь слиться с ней в одно целое. Он положил ее голову себе на плечо и чуть не задушил, обхватив ее, как мать, нашедшая потерявшегося ребенка.

— Но ведь ты выбрала его. Ты пошла на вокзал, чтобы уехать с ним.

Блейр попыталась высвободить себя и фату из его рук. Ей хотелось посмотреть на него.

— Все позади, — сказала она, глядя в его глаза и думая о человеке, скрывающемся за этим красивым лицом.

Она вспомнила, как много раз видела его, спасающим чью-то жизнь. Особенно ей запомнился тот случай, когда привезли старого ковбоя, которою помял бык. Ли ничем не мог помочь этому человеку, он умер на операционном столе. И Блейр была уверена, что видела слезы на глазах Ли. Он сказал, что знал его много лет и ему тяжело думать, что его больше нет.

И вот теперь, в его объятиях, она поняла, что сделала правильный выбор. Алан и она, в действительности, не любили друг друга. И дело не в том, что он поставил ее перед выбором, а сам уехал с другой. Она вспомнила, какое почувствовала облегчение, когда он так и не появился.

— Сколько всего произошло между нами, — сказала она, проводя рукой по его щеке.

Как приятна его близость, ей так хотелось этого с той самой ночи. Отныне и навсегда он принадлежит ей, только ей и никому другому.

— Сегодня мы все начинаем заново, и я хочу, чтобы у нас было легко на душе. Мы хорошо работаем вместе и у нас есть еще... много общего, — сказала она, слегка касаясь бедром его ноги. — Я хочу, чтобы наш брак удался. Я хочу, чтобы у нас были дети, хочу, чтобы мы продолжали работать вместе, я хочу, чтобы мы... любили друг друга.

Последние слова она произнесла не совсем уверенно, потому что он всегда говорил, что желает ее, любовь же ни разу не появлялась на сцене.

— Дети, — пробормотал он, притягивая ее к себе. — С детей мы и начнем.

И принялся целовать ее, как будто они не виделись целую вечность.

— Вот они где! — раздался чей-то голос. — Ну-ка прекратите. У вас впереди целая жизнь. А сейчас вернитесь к гостям. Свадебный торт ждет вас.

Блейр отстранилась от мужа. Еще несколько минут его поцелуев, и она бы покатила с ним по траве. Она уже убедилась, что он имеет над ней полную власть.

Ли со вздохом взял ее за руку и повел назад к гостям, заполнившим большие и ровные лужайки в саду Таггерта.

После того как торт был разрезан, гости разъединили молодоженов. Женщины забросали Блейр сотней вопросов о том, куда подевалась Хьюстон.

— Этот человек заставил мою дочь потерять голову, — с притворным огорчением сказала Опал. — Что ж, обе мои дочери нашли себе настоящих мужчин, знающих, чего они хотят.

— Мама, — сказала Блейр, протягивая тарелку, — попробуй ветчину. — Потом наклонилась так, чтобы слышала только Опал. — Теперь я знаю, где Хьюстон, и ко мне вернулась способность действовать.

Опал улыбнулась женщинам, взяла у Блейр тарелку и подмигнула ей.

Блейр со смехом удалилась, оставив мать хвастаться зятьями.

К вечеру в библиотеке устроили танцы, и, естественно, Лиандер и Блейр должны были их открыть. Несколько человек спросили, не она ли, вместо Хьюстон, была с Лиандером на том приеме у губернатора. Блейр и Ли таинственно улыбнулись, и он закружил ее в танце по блестящему паркету.

— Пора бросить всех этих людей и отправиться домой. А то, боюсь, я не дождусь, когда смогу сделать тебя своей, — прошептал он, обнимая ее в танце.

Блейр даже не кивнула, а только набросила шлейф на руку и, быстро покинув помещение, поднялась наверх переодеться в обычную одежду. Опал вышла вместе с ней, чтобы помочь дочери, и хранила молчание, пока Блейр не встала у двери, приготовившись идти.

— Лиандер — хороший человек. Я знаю, что у вас не все было гладко, но думаю, что он будет тебе хорошим мужем, — сказала Опал.

— А я ему — женой, — ответила Блейр, выглядевшая ослепительно в костюме цвета электрик, выбранным для нее Хьюстон. — Я думаю, что он будет самым лучшим мужем.

«И я знаю, что он будет лучшим любовником», — подумала она. Затем быстро поцеловала мать и сбежала вниз по ступенькам навстречу Лиандеру.

Они покинули особняк Таггерта и поехали к хорошенькому маленькому домику, который будет теперь их жилищем.

Но, как только они оказались вдали от толпы, робость и неуверенность охватили Блейр. С этой минуты — и навсегда — ее жизнь связана с мужчиной, которого она знает только с профессиональной стороны. А что он за человек? Что еще его интересует, кроме медицины?

Перед входом Ли поднял ее на руки, перенес через порог и, посмотрев на ее бледное лицо, сказал:

— Ты не похожа на женщину, рисковавшую жизнью, чтобы спасти подбородок того мужчины от заражения. Ты что, боишься меня?

Блейр не ответила.

— Что тебе поможет, так это шампанское. И мы оба знаем, к чему оно приведет, ты не забыла?

Он опустил ее на пол в холле и пошел в столовую. Блейр еще не видела дома, поэтому пошла в другую сторону и попала в гостиную. За гостиной располагались уютные комнаты для гостей. Мебель была темная, тяжелая, но комнаты все равно выглядели приятно, стены в

них были оклеены бело-голубыми полосатыми обоями с каймой из бледно-розовых роз под потолком. Она села на обитую атласом софу.

Вошел Лиандер, неся на подносе два бокала и бутылку в серебряном ведерке.

— Надеюсь, дом тебе понравится. Его обставляла Хьюстон. Боюсь, меня это не слишком волновало.

Он сел на другой край софы, очевидно чувствуя состояние Блейр.

— Он мне нравится. Я мало смыслю в убранстве домов, а Хьюстон понимает в этом гораздо больше меня. Наверное, я в любом случае попросила бы ее помочь мне. А у нее теперь дом Таггерта.

— Ну как, вы объяснились?

Шампанское подействовало на Блейр расслабляюще, и Ли снова наполнил ее бокал.

— Хьюстон сказала, что она полюбила Таггерта, — на лице Блейр отразилось недоверие. — Не могу представить свою сестру рядом с этим громогласным, несносным мужланом. Почему она предпочла его тебе... — в растерянности она умолкла. Ли улыбался:

— Я благодарен тебе за комплимент. Он потянулся к ней и стал играть с локоном, выбившимся из безупречной, уложенной Хьюстон прически, потом медленно начал вынимать из волос шпильки.

— Противоположности всегда притягиваются. Посмотри на нас с тобой. Я — прекрасный хирург, а ты будешь прекрасной женой и матерью и будешь аккуратно складывать мои носки, следить за тем, чтобы наш дом стал местом, куда мужчина может прийти после работы и...

Блейр чуть не поперхнулась шампанским.

— Ты ждешь, что я оставлю медицину, чтобы стать домохозяйкой, — фраза вылетела, как выстрел. — Из всех нелепостей когда-либо мною слышанных, это — самая нелепая.

Разозлясь, она со стуком поставила бокал на маленький столик и поднялась.

— Я всегда пыталась убедить Хьюстон, что ты похож на Гейтса, но она и слышать ничего не хотела. Она говорила, что ты совсем не такой. Вот что я тебе скажу, Лиандер Вестфилд, если ты женился на мне в надежде, что я брошу медицину, давай отменим все, не откладывая.

Лиандер сидел на софе, а она стояла над ним, все больше и больше возмущаясь. Не прерывая ее, он медленно поднялся и встал перед ней. Когда она начала успокаиваться, он улыбнулся.

— Думаю, тебе еще предстоит узнать меня. Не понимаю, почему ты так склонна верить самому худшему обо мне, но надеюсь доказать тебе, что ты ошибаешься. И всю оставшуюся жизнь я собираюсь учить тебя. Но до завтра уроков не будет, — закончил он, обнимая ее и притягивая к себе.

Блейр прижалась к нему, и, когда их губы слились, она поняла, что хотела бы никогда не покидать его объятий. Еще она поняла, что ничего о нем не знает. Не знает, почему он захотел жениться на ней, не уверена, что он действительно считает ее врачом, что ему и в самом деле хорошо с ней.

Но сейчас ей было все равно. Она думала только о его руках, о близости его тела, о тепле, исходящем от него и наполняющем ее божественными ощущениями.

— Я так долго ждал этой минуты, — сказал он, наматывая на руку прядь ее волос, а другой — лаская ее щеку и шею. — Иди наверх и приготовься. Я буду джентльменом только сегодня ночью, больше это не повторится. И не смотри так на меня, иди. Я уверен, что твоя

сестра купила тебе необыкновенную — но подходящую — ночную рубашку для этой ночи, так что иди примерь. У тебя есть около десяти минут. Блейр не хотелось уходить от него. Она поднялась наверх по узкой винтовой лестнице и прошла в спальню. На втором этаже было три спальни: хозяйская, для гостей и уютная детская. Ее одежда была развешана в шкафу, а обувь поставлена рядом с обувью Лиандера. И на секунду у нее перехватило дыхание — она никогда не видела ничего более интимного, чем эта составленная рядом обувь.

На постели лежал и в самом деле изумительный пеньюар из белого шифона, рукава и подол которого украшены лебяжьим пухом, а завершала картину белая атласная ночная сорочка. Блейр покачала головой, напуганная экстравагантностью одеяния, но тут же почувствовала, что умирает от желания надеть его. Иногда она ощущала разочарование из-за кажущейся бесполезной жизни Хьюстон, но эта свадьба заставила ее восхищаться сестрой, как никогда раньше. Сама по себе свадьба предполагает составление поистине военного плана, и ни одна мелочь, какой бы незначительной она ни казалась, не ускользнула от внимания Хьюстон. Она даже не забыла дать указание перевезти в этот дом одежду сестры.

Блейр еще только наполовину облачилась в пеньюар, когда вошел Ли, но по выражению его глаз она поняла: ему безразлично, что изысканная одежда весьма небрежно свисает с ее плеч. В долю секунды он оказался рядом с ней и крепко обхватил ее. Его движения были так стремительны, что Блейр сделала шаг назад, наступила на подол и упала вместе с Ли на кровать. Ключки лебяжьего пуха облаком взметнулись в воздух.

Оба рассмеялись. Ли перекатился на постели, не выпуская ее из рук, осыпая поцелуями, щекоча и заставляя посмеиваться от удовольствия. Прелестный пеньюар был скинут, и она осталась в тонкой атласной сорочке, а он покусывал ее за плечи и рычал, как медведь, смешав ее еще больше. Его руки скользили по всему ее телу, вызывая у нее притворный протест.

В самый разгар любовной игры внизу зазвонил телефон.

— Что это? — спросила Блейр, поднимая голову.

— Я ничего не слышу, — пробормотал Лиандер, целуя ее в шею и опускаясь все ниже.

— Это телефон. Ли, тебе придется ответить. Может, кто-то заболел и ему нужна помощь.

— Пусть тот, кто беспокоит человека в его брачную ночь, получит по заслугам. Блейр оттолкнула его:

— Ли, ты шутишь. Когда ты стал врачом, ты сделал это потому, что хотел помогать людям.

— Но не сегодня, не в эту ночь. Он попытался снова обнять ее, но она сопротивлялась, а проклятый телефон продолжал звонить.

— И зачем я женился на тебе? — проворчал он, поднимаясь, натягивая одежду и кидая на Блейр взгляды, заставляющие ее отворачиваться. — Никуда не уходи. Я сейчас вернусь, — сказал он, выходя из комнаты, — после того как убью того, кто звонит.

Как только он снял трубку, телефонистка начала извиняться.

— Мне очень неприятно беспокоить вас именно сегодня ночью, — начала она, — но это ваш отец, он говорит, что случай срочный.

— Хорошо, если так, — ответил Ли. Потом она соединила его с Ридом.

— Ли, ни за что бы не побеспокоил тебя, но это очень срочно. У Элиа Смита инфаркт, он умрет, если ты не приедешь.

У Лиандера перехватило дыхание. Имя Элиа Смита было условным сигналом с

неприятностях на шахте. Риду часто приходилось звонить сыну в больницу, и они разработали целую систему условных фраз. Чем только не болел несчастный мистер Смит: от отравления до оспы, но инфаркт значил самое худшее — беспорядки.

Ли перевел взгляд в сторону комнаты, где его ждала невеста.

— Сколько у меня времени?

— Ты был нужен еще час назад. Ли, не ходи, пусть в этот раз поедет кто-нибудь другой.

— Да? И кто же? — резко ответил Ли, злясь в душе на отца.

За пределами шахтерских поселков больше никто не знал о том, что там происходит. И Ли нес ответственность за любое возможное восстание с тех пор, как стал проводить туда агитаторов.

— Я постараюсь управиться как можно быстрее, — сказал Ли и повесил трубку.

Поднимаясь наверх с ощущением, что в его жизни случилось самое ужасное, он вдруг осознал, что должен объяснить Блейр, почему он уезжает. Он больше не был отчитывающимся только перед собой холостяком. Теперь у него была жена, которая заслуживала доверия. На мгновение он почувствовал себя таким несчастным оттого, что не может солгать — обстоятельства не позволяли сказать правду! Ведь Блейр, с отсутствующим у нее инстинктом самосохранения, обязательно настоит на том, чтобы отправиться с ним.

Но, в отличие от себя, он не мог подвергать ее опасности.

Лучше всего побыстрее выбраться из дома.

Он никогда не двигался с такой скоростью, на глазах у него чуть не выступили слезы, когда он взглянул на полураздетую Блейр. Она была так прекрасна, и Ли, без сомнения, заслуживал награды. Он сказал только, что ему надо идти и он скоро вернется. Блейр не успела пошевелиться, как он сбежал по ступенькам и выскочил за дверь.

Добравшись до дома отца, Лиандер все еще чувствовал себя несчастным и думал, что ему будет все равно, если беспорядки на шахте продлятся хоть всю ночь.

Рид поведал Ли, что осведомитель рассказал охране об агитаторе, а этот глупый человек решил вернуться в поселок один, без Ли. Он спустился вниз по дальнему склону горы, об этом узнала охрана. И вот теперь вооруженные охранники обыскивают каждый дом и запугивают невинных людей.

Лиандер может пробраться в поселок, и, если ему удастся найти агитатора раньше охраны, ему, возможно, удастся спасти его жизнь и жизни шахтеров, обвиненных в том, что они провела в поселок этого человека.

Ли знал, что только он может прийти на помощь, и поэтому пошел готовить свой экипаж.

— Если к тебе придет Блейр, даже не намекай ей, куда я поехал. Если ты скажешь, что я на вызове, она захочет узнать, где это, чтобы поехать на помощь. Придумай что-нибудь, что хочешь, только не говори ей правды. Все, что угодно, будет лучше правды, потому что, если она попадет в самую гущу беспорядков, мне придется спасти и ее, и агитатора.

И не успел Рид спросить, какого рода выдумку имел в виду его сын, как Ли исчез в облаке пыли и только камни разлетелись из-под колес.

В течение нескольких минут после ухода Лиандера Блейр не могла прийти в себя от изумления. Только что он был здесь и вот — исчез.

Сначала она разозлилась, но потом улыбнулась. Значит, случай очень серьезный, раз Ли покинул ее в брачную ночь, вопрос жизни и смерти. «Наверное... какая-то опасность!» — подумала Блейр. Она села. Если бы не стрельба и бандиты, а в этом нет никакого сомнения. Ли взял бы ее с собой.

Блейр откинула одеяло и поспешно надела свой медицинский костюм. Лиандеру может понадобиться ее помощь.

Внизу она сняла телефонную трубку. Этой ночью дежурила Мэри Кэтрин.

— Мэри, куда поехал Ли?

— Я не знаю, Блейр-Хьюстон, — ответила молодая женщина. — Ему позвонил отец, и Лиандер сказал, что выезжает. Разумеется, я не подслушивала. Я никогда этого не делаю.

— Но что-то ты ведь слышала, а? Между прочим, ты помнишь, что я тогда не сказала матери Джимми Тальбота, кто разбил ее любимый хрустальный кувшин?

Помолчав, Мэри Кэтрин заговорила:

— Мистер Вестфилд сказал, что у одного мужчины, я его не знаю, инфаркт. Бедняжка. Похоже, мистер Вестфилд и Лиандер только и разговаривают по телефону об этом мистере Смите, который без конца хворает. В прошлом месяце он болел, по крайней мере, три раза, а Кэролайн — она работает в дневной смене — сказала, что с ним было плохо дважды. Боюсь, он долго не протянет, но, с другой стороны, каждый раз очень быстро поправляется. Он, наверное, ужасно важен для Лиандера, раз он оставил вас в брачную ночь. Вам наверное, — тут Мэри Кэтрин остановилась, двусмысленно хихикнув, — его очень не хватает.

Блейр хотелось сказать женщине все, что она думает о ее подслушиваниях, но она только прошептала «спасибо» — и повесила трубку, дав себе клятву больше никогда не говорить по телефону о чем-нибудь личном.

Экипажа Ли в конюшне за домом не оказалось, единственной оставшейся лошадкой был крупный жеребец, оседлать которого у нее не было никакого желания. Добраться до дома свекра она могла только пешком. Прохладный горный воздух придал ей бодрости, и почти всю дорогу по крутым улицам Чандлера до дома Вестфилдов она бежала.

Ей пришлось изо всех сил колотить в дверь, чтобы разбудить обитателей дома. Мрачная, сонная экономка открыла ей, Рид стоял тут же, позади нее.

— Пойдем в библиотеку, — сказал Рид. Лицо его было странного, пепельно-серого цвета. Он был полностью одет, но выглядел старым и усталым. Блейр не сомневалась, что он волнуется за Лиандера. Так куда же все-таки поехал ее муж?

— Где он? — громко спросила Блейр, как только они остались одни в ярко освещенной библиотеке, заполненной дымом от огромного числа выкуренных трубок.

Рид молча стоял, и его лицо все больше приобретало сходство с бульдожьим.

— Он в опасности, да? — спросила Блейр. — Я так и знала. Если бы это был обычный вызов, он взял бы с собой меня, но тут что-то не так, — Рид молчал. — Телефонистка сказала, что он часто посещает мистера Смита. Думаю, я могла бы узнать, где живет этот человек, я могу пойти по домам, спрашивая, не видел ли кто этой ночью Лиандера. Насколько я его знаю, он умчался в обычной спешке, так что, уверена, кто-нибудь его да

видел.

Лицо Блейр начало принимать то же выражение, что и у Рида.

— Мой муж сознательно ввязался во что-то опасное, как тогда с перестрелкой, и пошел туда один. Я знаю, что могу помочь ему. Там может быть много раненых, а если и Ли ранят, — она запнулась, — ему тоже понадобится помощь. Если вы мне не поможете, я найду того, кто это сделает. — И она повернулась к выходу.

Рид растерялся только на мгновение. Ли она, скорее всего, не найдет, зато доставит массу хлопот, расспрашивая о нем. Люди догадаются, что произошло что-то из ряда вон выходящее, раз он оставил ее в брачную ночь. Естественно, потом все узнают, что на шахте были волнения, а там уже достаточно будет кому-то одному сложить два и два и соединить Лиандера и беспорядки. Он должен придумать что-то такое, что остановит ее, придумать быстро. Что-то настолько ужасное, что она вернется домой, а не будет ходить по городу и искать мужа. И почему только Ли не женился на Хьюстон? Она бы никогда не стала выяснять, где ее супруг.

— Тут замешана другая женщина, — выпалил Рид, прежде чем понял, что сказал.

Отрезвить его собственную жену смогла бы лишь мысль о том, что ее муж полюбил другую. И почему женщины чувствуют себя спокойно только тогда, когда думают, что их любят? Блейр должна это знать, потому что Ли приложил нечеловеческие усилия, чтобы доказать ей, как сильно он ее любит.

— Женщина? — повторила Блейр, поворачиваясь к нему. — Почему он должен поехать к другой женщине? Она больна? Кто такой мистер Смит и почему он всегда болен? Где мой муж?

— Эта... женщина попыталась покончить с собой из-за женитьбы Ли, — выдавил Рид, чувствуя, что его родственные отношения с сыном закончились, потому что Ли никогда ему этого не простит.

Блейр села, скорее, упала в кресло.

— Ах вот какая женщина, — прошептала она. «По крайней мере, я отвлек ее от мистера Смита», — подумал Рид, проклиная всех телефонисток в мире.

— А как же Хьюстон? Ведь он был помолвлен с ней. Как он мог любить кого-то еще?

— Ли... э, думал, что та женщина умерла. На с голе перед Ридом лежала газета, на первой странице которой была помещена статья о шайке грабителей, переместившейся из Денвера на юг. Возглавляла ее какая-то француженка.

— Он познакомился с ней в Париже, у них была большая любовь, но он думал, что она погибла. Думаю, она приехала в Чандлер, чтобы встретиться с ним.

— Когда?

— Что когда?

— Когда эта женщина приехала в Чандлер?

— Месяц назад, — на ходу придумывал Рид. — Может, пусть лучше Ли все объяснит тебе сам? Я и так уже сказал достаточно.

— Но если она приехала месяц назад, почему Лиандер не расторг помолвку с сестрой?

Рид отвел глаза, и опять в поле его зрения попала газета.

— Она, эта женщина, которую он любил, занималась... делами, которые Ли не одобрял. Он хотел отвлечься и забыть ее.

— И моя сестра стала этим отвлечением, а потом я, — она глубоко вздохнула. — Значит, он любил ту женщину и думал, что она погибла. Тогда он вернулся в Чандлер и

сделал Хьюстон предложение. Затем подвернулась я. Что одна сестра, что другая — какая разница, кроме того, честь не позволила ему оставить меня в сложившейся ситуации. Это объясняет, почему он решил жениться на женщине, которую на самом деле не любил. Это так?

Рид оттянул воротник сорочки, словно тот душил его.

— Что ж, возможно и такое объяснение, — сказал он вслух.

Затем пробормотал:

— А мне еще предстой г объясняться с сыном.

Блейр чувствовала себя абсолютно разбитой, расставшись со свекром. Она шла домой. Рид послал за конюхом, но Блейр отпустила его. Вот она — ее брачная ночь, которая могла стать самым большим счастьем ее жизни.

Она могла бы провести ее со своим мужем, она и в самом деле хотела провести ее только с ним. А счастье обернулось кошмаром.

Как, наверное, смеялся над ней Лиандер, когда она делилась с ним мечтами об их совместной жизни. Ему было все равно, на ком жениться. Хьюстон очень красива, из нее выйдет хорошая жена для врача, поэтому он сделал ей предложение. Но Хьюстон была с ним очень холодна, потому, когда Блейр прыгнула в его постель, он решил жениться на ней. Какое это имело значение, если его сердце уже было отдано другой женщине?

— Вот она! — раздался позади Блейр мужской голос.

Уже почти рассвело, и она увидела маленького человека верхом на лошади, он указывал на нее. На мгновение Блейр наполнилась гордостью от сознания того, что ее уже узнают на улицах как врача. Она остановилась и посмотрела на мужчину и трех его спутников.

— Несчастный случай? — спросила она. — У меня нет с собой моего медицинского чемоданчика, но, если вы отвезете меня домой, я захвачу его и поеду с вами.

Ковбой оторопел.

— Если вы больше доверяете моему мужу, то я не знаю, где он, — с горечью сказала она. — Боюсь, вам придется удовольствоваться мной.

— О чем это она, Кэл? — спросил один из тех троих. Кэл протянул руку:

— Нет, ваш муж мне не нужен. Вы как раз подойдете. Сядете ко мне?

Блейр ухватила за его руку и дала усадить себя впереди.

— Мой дом... — начала она, собираясь показать дорогу, но он не дал ей закончить.

— Я знаю, где ваш дом, высокочтимая мисс Чандлер. Или теперь, полагаю, миссис Таггерт.

— О чем вы? — ошарашенно спросила Блейр. — Я не...

Но ковбой зажал ей рот рукой, и больше она ничего не смогла произнести.

***

Лиандер заложил руку за спину, чтобы предохранить поясницу от ударов о жесткую спинку сиденья. Чувствовал он себя ужасно. Прошедшую ночь он должен был провести в объятиях своей молодой жены, в мягкой постели, заниматься любовью, наслаждаясь жизнью. Вместо этого ему пришлось спускаться по склону горы, затем взбираться наверх с

полубесчувственным человеком на плече.

Когда прошлой ночью он добрался до шахты, ворота были закрыты, охраны нигде не было видно. Но он услышал шум в поселке, крики взволнованных женщин. Он спрятал лошадь и экипаж среди деревьев и взобрался на гору, потом спустился в поселок с дальнего края.

Под покровом темноты Ли пробрался к дому одного из шахтеров, который, по его мнению, мог рискнуть и укрыть у себя профсоюзного деятеля.

В доме он застал жену шахтера. Женщина была в отчаянии, потому что охранники обыскивали каждый дом, а агитатор был спрятан в заднем чулане, он стонал, раны его кровоточили. Никто не осмелился встретиться с ним, потому что схваченным в обществе агитатора грозила смерть. А если охрана никого не найдет и не обнаружит следов проникновения в поселок кого-то чужого, шахтеры будут в безопасности. Но если его найдут...

Женщина закрыла лицо руками. Если его найдут здесь, она и ее семья будут выброшены из поселка на произвол судьбы.

Ли постарался утешить женщину, но времени у него было мало. Он пошел в чулан, взвалил низенького, плотного мужчину на плечо и пустился в опасное и трудное путешествие. Выбраться он мог, только вскарабкавшись на гору, другого пути не было.

Несколько раз он останавливался, чтобы отдохнуть и прислушаться. Шум внизу, похоже, утихал. В шахтерских поселках обычно было изрядное число салунов, где рабочие зачастую оставляли большую часть своей зарплаты. Сейчас Ли слышал пьяное пение возвращавшихся домой шахтеров. Они, возможно, и не подозревали, что в их домах был обыск — представители владельца шахты имели на это право.

На гребне Ли остановился и при свете луны попытался разглядеть раны мужчины. Они снова начали кровоточить, когда Ли пошевелил его. Он, как мог, перевязал раны, чтобы унять кровь, потом начал спускаться к спрятанному экипажу.

Он не смог спрятать агитатора под сиденьем, поэтому усадил его рядом с собой и со всей осторожностью поехал прочь от поселка.

Он свернул на север в сторону Колорадо-Спринте. Вернуться с раненым в Чандлер он не мог, слишком много вопросов последует — кто он, да что с ним случилось. Ли не мог рисковать. Если возникнут хоть малейшие подозрения, он больше уже никому не сможет помочь.

На окраине города жил его друг, тоже врач, не склонный проявлять излишнее любопытство. Ли перенес раненого на операционный стол и сказал, что нашел его на дороге. Старый доктор посмотрел на Ли и произнес:

— Ты, кажется, вчера женился. А оказывается, в брачную ночь ты занимался поисками полумертвых людей на дорогах?

Ли хотел ответить, но старый врач продолжал:

— Молчи, я ничего не хочу знать. Что ж, давай посмотрим, что тут можно сделать.

В Чандлер Ли вернулся в два часа дня. Он смертельно устал. Ему ничего не хотелось, только поесть, выспаться, увидеть Блейр. Последние несколько часов он сочинял оправдательную историю. Он решил, что скажет, что его вызвали в район перестрелки между бандитами, ограбившими банк, и он не хотел рисковать ее жизнью. Какая-то частичка правды во всем этом была, и он надеялся, что рассказ прозвучит убедительно. Он молил Бога, чтобы она не спросила, почему туда не смог поехать никто из других городских врачей. К тому же в газетах ничего не будет о перестрелке.

Если его выдумка не пройдет, он приготовился разыграть обиду из-за ее недоверия и попыток начать их совместную жизнь со скандала.

Войдя в дом и не застав там Блейр, Ли обрадовался. Он слишком устал, чтобы лгать вдохновенно. Соорудив сэндвич из куска ветчины и двух толстых ломтей хлеба, он поднялся в спальню. Там царил беспорядок: вещи Блейр были разбросаны, кровать не застелена. Он заглянул в гардероб, увидел, что ее медицинский костюм отсутствует, и понял, что она ушла в больницу. Нужно поговорить с членами совета, чтобы она могла и впредь работать в больнице. В последний раз он пообещал брать все дежурства, чтобы они разрешили ей работать в операционной. Он чуть не угробил себя непосильной нагрузкой, но игра стоила свеч: Блейр стала его женой.

Ли съел половину сэндвича, прилег на постель, зажал в руке брошенную Блейр атласную ночную сорочку и уснул.

Когда он проснулся, было восемь часов. И он сразу почувствовал, что дом пуст. И тут же его охватила тревога.

Где Блейр? Ей пора бы уже вернуться из больницы. Лиандер поднялся, стал доедать остатки заветрившегося сэндвича, лежавшего рядом с ним на постели, и тут увидел, что медицинский чемоданчик Блейр стоит на полу у гардероба.

На мгновение у него замерло сердце. Она никогда не выходила из дома без этого чемоданчика. Удивительно, как это она не захватила его на свадебную церемонию. Но сейчас он стоял здесь, на полу.

Он отшвырнул сэндвич и побежал по дому, зовя Блейр. Может, она вернулась, пока он спал, и дом только кажется пустым. Через несколько минут стало ясно, что ее нет ни внутри, ни снаружи.

Он снял трубку и попросил соединить его с больницей. Никто не видел там Блейр с воскресенья. Вынужденно пошутив, что Блейр уже осознала свою ошибку и сбежала от него. Ли повесил трубку.

Телефон тут же зазвонил.

— Лиандер, — это была Кэролайн, дневная телефонистка. — Мэри Кэтрин сказала, что Блейр звонила твоему отцу сразу после того, как ты ушел к несчастному мистеру Смигу. Может, он знает, где она.

Ли сдержался и не отругал Кэролайн за подслушивание, потому что в этот раз он имел все основания быть ей благодарным.

— Спасибо, — пробормотал он, побежал седлать своего жеребца и в рекордно короткий срок домчался до дома отца.

— Что ты ей сказал? — заорал Лиандер на Рида. Тот, казалось, уменьшился в размерах от крика сына.

— Я должен был быстро придумать что-нибудь подходящее. Единственное, что наверняка могло удержать ее от розысков, — это история о другой женщине. Зная, в какие переделки вы попадали с ней вдвоем последнее время, я понял, что пожар, война или беспорядки на шахте только лишь придадут ей решимости ринуться в самую гущу событий.

— Ты мог бы выдумать другую историю, любую другую историю, но только не о том, что здесь находится любовь всей моей жизни и что я женился на Блейр, потому что моя любимая погибла.

— Хорошо, если ты такой умный, скажи, что остановило бы ее?

Ли открыл рот, потом закрыл его. Если бы Рид сказал о катастрофе, Блейр, без сомнения, отправилась бы туда. Он знал, что даже пули не страшили ее.

— И что мне теперь делать? Сказать, что мой отец солгал и нет никакой другой женщины?

— Тогда где ты был в брачную ночь? Если не лазал по горам с агитатором на плече? И что предпримет твоя маленькая жена, когда тебя вызовут в следующий раз?

Ли зарычал:

— Возможно, какую-нибудь глупость, например, спрячется в моем экипаже и ввяжется во все неприятности. Что мне делать?

— Давай сначала найдем ее, — сказал Рид. — Нужно сделать это по возможности негласно. Нельзя, чтобы в городе узнали, что она ушла от тебя, иначе пойдут разговоры.

— Она не ушла, — отрезал Ли. — Она... Но он не знал, где она.

Лиандер с отцом искали Блейр всю ночь. Ли подумал, что она, может быть, уходит гулять, когда бывает расстроена, поэтому он прочесал все улицы. Но Блейр нигде не было.

К утру они решили распустить слух, что она уехала по вызову, не сказав куда, и Ли волнуется. Теперь хотя бы они могли расспрашивать о ней, не таясь.

Некоторые подшучивали над Ли, потерявшим жену на следующий день после свадьбы, но он делал вид, что ничего не слышит. Его заботила только Блейр. Она так решительна, а их совместная жизнь пока не имеет под собой никакой основы, поэтому Блейр вполне могла уехать к дяде в Пенсильванию и никогда больше не вернуться. Он прошел через все муки ада, добиваясь ее руки, и готов повторить этот путь, лишь бы убедить ее жить с ним.

К полудню он так намаялся, что повалился на все еще не убранную постель и заснул. Завтра утром ему придется послать доктору Генри Блейру телеграмму и попросить задержать там Блейр, пока он за ней не приедет.

Он проснулся от прикосновения тяжелой руки к своему плечу.

— Вестфилд! Проснитесь.

Ли повернулся и увидел стоящего над ним Кейна Таггерта, лицо его выражало гнев. В руке он держал листок бумаги.

— Где ваша жена?

Ли сел и пригладил рукой волосы.

— Боюсь, она меня бросила, — сказал он. Что проку скрывать правду. Скоро об этом узнает весь город.

— Я тоже так думал. Взгляните на это. Он сунул в руки Ли грязный, измятый листок.

Неуклюжими печатными буквами там было написано следующее:

ТВОЯ ЖЕНА У НАС. ОСТАВЬ ЗАВТРА У НАКЛОННОЙ ГОРЫ 50 (ДОЛЛАРОВ ЕСЛИ НЕТ

— ОНА УМРЕТ.

— Хьюстон? — спросил Лиандер. — Я беру ружье и иду с вами. Вы знаете, кто ее похитил? А шерифа известили?

— Подождите минуту, — сказал Кейн, присаживаясь на кровать. — С Хьюстон все в порядке. Мы с ней были вместе с момента свадьбы. Сегодня утром мы вернулись домой, и я нашел это у себя на столе среди другой почты.

Догадка осенила Ли — он вскочил:

— Значит, у них Блейр. Я к шерифу или... Он никогда ее не найдет. Я пойду сам и...

— Пойдите. Нужно все обдумать. Когда я вернулся сегодня утром, меня ждал человек из Денвера. По дороге сюда его ограбила новая банда, которая обосновалась где-то в окрестностях Чандлера. Этот человечек был так расстроен, говорил, что все жители Запада преступники, они даже похищают женщин. Он, кажется, слышал, как один из подъехавших во время ограбления сказал, что они «ее» заполучили. Наверное, это ваша жена.

Лиандер уже переодевался в подходящую одежду и доставал ружье. Первая ярость улеглась, и он начал соображать.

— Где они напали на этого человека? Я начну оттуда.

Кейн поднялся и оглядел Ли:

— Думаю, это и мое дело. Им были нужны мои деньги, и они думают, что схватили мою жену, — он скосил глаза в сторону Ли. — Когда я увидел записку и понял, что похищена Блейр, я подумал, что вы перевернули весь город, ища ее, но, как вижу, никто даже не знает, что она исчезла. Видимо, по каким-то причинам вы хотите сохранить это в тайне.

Ли сказал было, что ему не хотелось расстраивать многочисленных друзей и знакомых, но передумал.

— Да, — подтвердил он, кивая, — на это есть причины.

Он подождал, но Таггерт ничего больше не сказал.

— Вы умеете стрелять? А ездить верхом? Кейн фыркнул, это прозвучало, как рычание медведя.

— Ну уж до такой степени Хьюстон меня не цивилизовала. И не забывайте, что я вырос здесь. Я знаю эти места и догадываюсь, где они скрываются. В двадцати милях на север отсюда есть замкнутое ущелье, почти незаметное со стороны. Можно пройти рядом и не увидеть его. Однажды я застрял там из-за наводнения.

Ли колебался. Он не знает этого человека, не знает, можно ли ему доверять. Годами он слышал рассказы о том, что Кейн добыл свои деньги нечестным путем, что, кроме денег, его ничто не интересует. А сейчас он говорит, что хочет помочь и готов уважать право Ли держать в секрете все, что он считает нужным.

Ли привязал кобуру к бедру.

— Ружье у вас с собой?

— Там на лошади у меня достаточно оружия для маленькой армии, я захватил и пятьдесят кусков, которые они хотят получить. Я, скорее, отдам деньги, чем позволю стрельбу рядом с леди, — сказал он и ухмыльнулся. — В конце концов, пару дней назад она хотела выйти за меня.

Сначала Ли даже не понял, о чем речь, но потом улыбнулся в ответ:

— Я рад, что все получилось так, как получилось. Кейн провел рукой по подбородку и чему-то улыбнулся:

— Я тоже. Даже больше, чем вы представляете. Через пятнадцать минут лошади были оседланы, провизия уложена, и они направились за город. Ли попросил телефонистку передать его отцу, что он поехал по вызову к миссис Смит. Ли даже не выслушал сочувственное замечание телефонистки в адрес бедных Смитов.

Выехав из города, они поскакали быстрее. Большой конь Ли без усталости покрывал милю за милей. Кейн ехал на прекрасной лошади, несущей его две с половиной сотни фунтов с относительной легкостью. Ли думал только о Блейр и надеялся, что она цела и невредима.

***

Блейр пыталась развязать веревки, которыми была привязана к тяжелому дубовому стулу. Один раз ей уже удалось бежать, поэтому они привязали ее к стулу. Тогда она упала вместе со стулом, но отвязаться не успела — в комнату вошла та женщина. Она приказала

прибить стул к полу. Час за часом сидела Блейр на стуле и наблюдала, как женщина отдает мужчинам приказания.

Ее звали Франсуаза, и она была главарем банды. Высокая, стройная и привлекательная, с длинными черными волосами, она держалась гордо и с достоинством. При ней всегда было ружье, и она, вне всякого сомнения, была умнее, чем все ее подчиненные вместе взятые.

Блейр сразу же подумала, что это и есть возлюбленная Лиандера.

Все совпадало с рассказом Рида. Она была француженка и говорила с таким сильным акцентом, что временами мужчины понимали ее с трудом. И она занималась тем, что Ли никак не мог бы одобрить. Он сильно упал в глазах Блейр из-за того, что полюбил женщину, способную на бесчестную жизнь.

Блейр сидела на жестком стуле и следила за женщиной с неприкрытой враждебностью. Из-за нее она никогда не получит своего мужа целиком, она не сможет изгнать из его памяти воспоминания о прошлом. Может быть, мужчинам нравится любить преступниц. Может быть, Лиандер просто хотел залечить разбитое сердце.

Женщина остановилась перед Блейр и несколько мгновений глядела на нее. Глаза Блейр сверкали. Затем француженка вытащила из-под стола табурет и села напротив девушки.

— Джимми, отодвинь занавеску, — сказала она здоровенному телохранителю, не отходившему от нее ни на шаг.

Прозвучало это, как «Жими, отодвинь занавеску».

Он повиновался, потом она сделала знак, чтобы он оставил их одних.

— А теперь я хочу знать, почему ты смотришь на меня с такой ненавистью. На мужчин ты так не смотришь. Это потому, что я женщина, а тебе не нравятся умные женщины?

— Умная? Ты это так называешь? — спросила Блейр, двигая затекшей челюстью. — То, что эти люди настолько глупы, что не видят тебя насквозь, не означает, что и я так же глупа. Я знаю, что ты из себя представляешь.

— Я очень этому рада. Но что-то не совсем тебя понимаю.

— Для начала прекрати лгать мне. Я все о тебе знаю. — Она подняла голову и гордо произнесла:

— Я жена Лиандера.

Блейр пришлось признать, что эта женщина оказалась хорошей актрисой. На ее лице отразились разные чувства: от недоумения до недоверия. Завершилось все улыбкой.

Женщина поднялась и повернулась к Блейр спиной.

— А, Лиандер, — наконец проговорила она. — Милый Лиандер.

— Нечего ломать комедию, — огрызнулась Блейр. — Ты можешь думать, что заполучила его и он всегда будет с тобой, но я заставлю его забыть все, что было между вами.; Когда женщина повернулась к Блейр, лицо ее было серьезно.

— Как он сможет забыть то, что у нас было? Ни один человек не способен забыть подобное. Такое случается только раз в жизни. Значит, он женился на тебе. И давно?

— Два дня назад. Ты должна об этом знать, поскольку он провел нашу брачную ночь с тобой. Скажи, каким образом ты пыталась покончить с собой? Похоже, ты перенесла это легко. А может, ты просто пыталась сыграть на жалости и не хотела умирать по-настоящему. От Лиандера трудно отказаться просто так.

— Да, — мягко сказала женщина, — я не хотела терять Лиандера, но и не хотела, чтобы с ним была другая. Он рассказал тебе, почему мы расстались?

— Он не сказал мне о тебе ни слова. Узнав, кем ты стала, он, я уверена, даже и думать о

тебе не может. Мне рассказал Рид. Но, возможно, ты не знакома с отцом Лиандера, поскольку я уверена, что таких, как ты, не знакомят с родными. Ли думал, что ты умерла, и уехал из Парижа. Он вернулся в Чандлер.

Блейр вспомнила его рассказы о годах, проведенных в Европе. В них не было и намека на существование другой женщины. Но, может, для него это было слишком болезненным воспоминанием.

— Я собираюсь бороться за него, — сказала Блейр. — Он мой муж, ни ты, никто другой не отнимут его у меня. Он стал моим, ты даже можешь увидаться с ним, но у тебя ничего не выйдет.

— Париж? — улыбаясь, сказала женщина. — А может, этот Лиандер Таггерт и я...

— Таггерт? Лиандер не Таггерт. Хьюстон вышла за Таг...

Она замолчала. Что-то было не так, но она не понимала что.

Франсуаза близко наклонилась к Блейр:

— Как тебя зовут?

— Доктор Блейр Чандлер Вестфилд, — сердито сказала она.

Женщина тут же повернулась на каблуках и вышла из хижины.

Блейр обмякла на стуле. Она находилась здесь уже почти два дня. Она мало спала, еще меньше ела, а теперь перестала понимать, что происходит.

Схватив ее, они завязали ей глаза и заткнули рот, а потом, казалось, несколько часов куда-то везли.

Большую часть времени она отбивалась от шаривших по ее телу рук ковбоя, который сидел позади нее на лошади. Он все шептал, что она «принадлежит» ему. Блейр могла дать голову на отсечение, что никогда в жизни его не видела.

Она отодвигалась от него как можно дальше, и, когда лошадь забеспокоилась и начала взбрыкивать, один из мужчин приказал ковбою оставить Блейр в покое, сказав, что она принадлежит Фрэнки.

Блейр похолодела. Кто такой Фрэнки и что он хочет от нее? Она все еще надеялась, что им нужна медицинская помощь, но, скорее всего, нет, ведь они не дали ей взять чемоданчик с инструментами.

Когда ей развязали глаза, она обнаружила, что стоит перед маленькой покосившейся хижинкой, перила крыльца которой с одной стороны были сломаны. Ее окружили шестеро мужчин, все небольшого роста и туповатые на вид, как и те, что похитили ее. Справа от Блейр был небольшой загон для скота. Еще несколько строений дополняли картину, и все было окружено высокими гладкими скалами. Белая скала защищала — и скрывала — их подобно крепости. Сначала Блейр даже не увидела входа в каньон, но потом сообразила, что он, должно быть, настолько узкий, что увидеть его мешает хижина.

Но скоро она перестала интересоваться окружающим ее видом, потому что на крыльце появилась Фрэнки — француженка, бывшая самой большой любовью ее мужа. Ненависть, злость и ревность лишили Блейр способности говорить — она не сводила глаз с этой женщины, предводительницы банды отщепенцев.

Кто-то втолкнул Блейр в хижину: маленькое, грязное, темное строение с двумя комнатами. В одной стоял стол и несколько поломанных стульев, в другой — кровать. Различная утварь валялась на полу в первой комнате.

Первые сутки бандиты не слишком внимательно охраняли Блейр, но после четырех попыток бегства, одна из которых почти удалась, они привязали ее к стулу, а закончили тем,

что прибили стул к полу.

Теперь запястья ее ныли от жесткой веревки и от попыток высвободиться. Но Фрэнки решила, что ограничение в еде успокоит Блейр и удержит от новых попыток взобраться по скале.

Блейр испугалась, что разум ее начал мутиться. Она так давно не отдыхала и не ела, а еще эта ужасная женщина, бывшая любовница мужа. Она уже начала верить, что в похищении замешан и Ли, но что-то подсказывало ей, что Фрэнки затеяла это одна, потому что хотела снова увидеть Лиандера. И если они снова встретятся, вернется ли он к Блейр или уедет с женщиной, которую Рид назвал единственной любовью сына? Нет никаких сомнений, что в брачную ночь Лиандер оставил ее ради этой женщины. У нее есть над ним власть. И нет никакой уверенности в том, что Лиандер не прячется сейчас где-то рядом, что это не он все подстроил, чтобы соединиться с Фрэнки.

По щекам Блейр текли слезы, когда Фрэнки вернулась в комнату, ведя похитившего Блейр ковбоя за ухо, словно школьная учительница провинившегося ученика. На лице парня горели следы пощечин.

— Кто она? — спросила Фрэнки. — Ты сказал, что знаешь. Ты знаешь, или ты солгал, чтобы расплатиться со старым долгом?

— Это она. Клянусь. Ее муж втоптал меня в грязь, а он стоит миллионы.

Фрэнки с презрением оттолкнула парня:

— С моей стороны, глупо было посылать мальчишку выполнять мужскую работу. Ты видел это? — Она развернула измятую газету. — Они близнецы. Одна из них вышла замуж за богатого человека, а вторая... — она повернулась и внимательно посмотрела на Блейр, слушавшую их с широко открытыми глазами, — вторая — жена моего дорогого, любимого Лиандера.

Блейр была такой расстроенной, голодной и уставшей, что с готовностью поверила словам, казавшимся ей правдой, и не услышала сарказма в голосе женщины.

— Убирайся, — закричала француженка на парня. — Я должна подумать, что делать.

Она явно поторопилась бы, если бы знала, что в эту минуту на скале над их убежищем с винтовкой наготове распластался человек. Еще три винтовки лежали рядом. А у входа в каньон ждал его сигнала другой человек.

Блейр почувствовала, что впервые в жизни она пала духом. Может быть, сказались голод, жажда, страх, но, кроме того, она вдруг подумала, что за всю ее жизнь почти никто не любил ее по-настоящему. Отчим всегда ненавидел ее, единственный мужчина, проявивший к ней интерес, в конце концов бросил ее, а теперь оказалось, что и муж на самом деле любит другую женщину. И всегда любил. Она уже не верила, что сможет вернуть его. Вернуть? Да ничего и не начиналось.

— Мне нужно выйти, — запинаясь, обратилась она к Франсуазе, когда на рассвете вернулась в хижину.

Блейр терпела, сколько могла, потому что до этого Франсуаза послала с ней одного из своих бандитов, а он подсматривал за ней в щелку.

— На этот раз с тобой пойду я, — сказала француженка, развязывая узлы.

Поднявшись, Блейр почувствовала тошноту и покачнулась. Ей было очень холодно из-за того, что кровь не могла свободно циркулировать по телу.

— Иди, — сказала женщина, подталкивая Блейр. — Ты не казалась такой усталой, когда лазала по скалам.

— Наверное, поэтому я и устала, — ответила Блейр.

Женщина схватила ее за руку и почти вытащила на улицу.

Отхожее место находилось недалеко от входа в ущелье. Блейр вошла внутрь, а Франсуаза осталась снаружи на страже, на плече она держала ружье.

Только Блейр успела закрыть дверь, как услышала приглушенный вскрик. Из любопытства, но больше из страха при мысли, что случилось что-то ужасное, она прильнула к той самой щелке. В следующее мгновение дверь рванули и обнаружили, что она заперта. Удар огромного кулака разбил ее. Блейр отпрянула в сторону. Не успела она выпрямиться и поискать какой-нибудь предмет для защиты, как снаружи раздались выстрелы.

Сквозь дыру в двери просунулась рука, нащупала и отодвинула щеколду. Блейр приготовилась броситься на человека, собирающегося напасть на нее.

Когда дверь открылась, она прыгнула и наткнулась на мощную фигуру Кейна Таггерта — Прекратите! — приказал он, когда она принялась молотить его кулаками. — Пойдемте, надо отсюда выбираться. Еще минута, и ваше отсутствие обнаружат.

Блейр успокоилась и посмотрела на Франсуазу, которую Таггерт держал под мышкой, словно мешок с мукой.

— Она ранена?

— Удар в челюсть. Она скоро очнется. Бежим. Блейр побежала по открытому месту, пули летели, казалось, со всех сторон. Кейн прикрывал ее сзади, и она удивилась, кто же стреляет со скалы над ними? Во всяком случае, это точно не Хьюстон.

Кейн перекинул бесчувственное тело Франсуазы через седло своей лошади.

— Не думал, что вас будет двое. Забирайтесь сюда, — сказал он, подхватывая Блейр и сажая ее позади неподвижной француженки. — Скажите Вестфилду, что я останусь здесь и задержу их. А вы трое направляйтесь в мой лесной дом, я найду вас там.

С этими словами он хлопнул лошадь по крупу, и она двинулась вверх по горе.

Блейр не успела проехать и нескольких футов, как из-за деревьев выскочил Лиандер и схватил лошадь под уздцы. На лице его сияла радостная улыбка.

— Я вижу, что с тобой все в порядке, — сказал он и погладил ее по ноге.

— С ней тоже, — процедила Блейр со всем высокомерием, на какое была способна, затем передала ему слова Кейна. — Уверена, что ты уговорил Таггерта спасти ее для себя.

Лиандер издал рычание и поглядел на женщину, будто впервые видел ее.

— Не хочу спрашивать, но, похоже, эта та француженка, которая возглавляет похитившую тебя банду?

— Я уверена, что ты прекрасно знаешь, кто она такая. Скажи, это ты подстроил, чтобы меня украли? Ли вскочил на своего коня:

— Нет, но я могу подстроить летальный исход своему отцу. Не будем терять времени. Таггерт сказал, что где-то в горах у него домик. Мы побудем там, пока он приведет шерифа и отряд полиции. Поехали — и перестань бросать на меня убийственные взгляды.

Блейр прикладывала все усилия, чтобы следовать за Ли, но это оказалось трудным делом. Франсуаза начала приходить в себя и застонала, а когда ее движения стали беспокоить лошадь. Ли остановился и оглянулся. Увидев выражение лица Блейр, он раздраженно вздохнул и перетащил француженку на свою лошадь. Пристроив ее перед собой, он посоветовал ей вести себя тихо ради ее же собственного блага Блейр задрала нос и отъехала в сторону.

Кейн догнал их, срезав крутой участок горы, где лошади пройти не могли, и встретившись с ними недалеко от каньона.

Ли спешил, но остался рядом с лошадью и с Франсуазой.

— Ну что там?

— Они гонятся за нами, — сказал Кейн, отпивая из фляги. — Думаю, они не отстанут, пока не отобьют ее. — Он кивнул в сторону Франсуазы. — Без нее они — ничто.

Кейн посмотрел на женщину, уже выпрямившуюся на лошади.

— За ней нужно следить. Она весьма сообразительна.

— Я пригляжу за ней, — заверил Ли. — Мне кажется, они будут искать нас к югу, по дороге в Чандлер. Здесь мы почти в безопасности. Кстати, зачем ты прихватил ее? От нее будет больше беспокойства, чем пользы.

Кейн заткнул флягу и пожал мощными плечами.

— Я подобрался к ней сзади и сначала подумал, что она тоже пленница. Потом она повернулась, и я увидел у нее ружье, поэтому я уложил ее легким ударом в челюсть. Я решил, что она может быть нам полезна.

— Возможно, но мне не улыбается следить за ней до твоего возвращения. Я не возражал бы против дюжины мужчин, но две женщины...

Кейн положил руку Лиандеру на плечо.

— Да, тебе не позавидуешь. Увидимся через несколько часов, Вестфилд. Счастливо, Он помог Блейр слезть с лошади, вскочил в седло и в одну минуту скрылся из виду под горой.

— Почему мы не поехали с ним? — спросила Блейр.

— Мы не знали, как они с тобой обращались, поэтому решили, что мы с тобой переждем в его домике, пока он приведет шерифа. — Глаза Ли зажглись, и он шагнул к ней. — Я подумал, что ты и я, мы могли бы хорошо провести время.

Оба, казалось, забыли о присутствии Франсуазы, хотя Ли по-прежнему крепко держал под уздцы лошадь, на которой она сидела. Местность вокруг была слишком скалистой, труднопроходимой, чтобы попытаться бежать.

Француженка соскользнула с лошади и стала между Блейр и Лиандером, двигавшимся

друг к другу подобно двум магнитам.

— О, Лиандер, cheri, — проворковала она, обнимая его, и прильнула к нему всем телом. — Ты должен сказать ей всю правду. Мы больше не можем скрывать наши чувства. Скажи ей, что тебе нужна только я, что все это придумал ты. Скажи ей.

Блейр повернулась и стала спускаться по склону. Перед Лиандером встала двойная задача: освободиться от цепких рук женщины и удержать ревнивую жену, бегущую прямо в лапы ищущих их бандитов. Француженку он отпустить не мог, поэтому, схватив ее за руку и одновременно удерживая поводья, он пустился вдогонку за Блейр.

— Дорогой, — начала Франсуаза, которую Ли тащил за собой, — ты делаешь мне больно. Пусть она идет. Ты же знаешь, что она никогда ничего для тебя не значила. Она знает правду.

С каждым словом Блейр прибавляла скорость. Ли остановился и повернулся к Франсуазе:

— Я не бью женщин, но ты меня искушаешь. Блейр, — позвал он, — ты не сможешь бежать без конца. Нас ищут вооруженные люди.

Франсуаза уселась на большой камень, закрыла лицо руками и заплакала.

— Как ты можешь говорить мне такие вещи? Как ты мог забыть наши ночи в Париже? А Венеция? Флоренция? Помнишь Флоренцию лунной ночью?

— Я никогда не был во Флоренции, — отрезал Ли, хватая ее за руку и ставя на ноги.

Поскольку идти она не захотела, он взвалил ее на плечо, съехал с горы и успел поймать Блейр за подол юбки. Спасибо прекрасным портным фирмы «Кантрелл и сыновья» — ткань выдержала. Он тянул на себя, Блейр вырывалась, но в конце концов сдалась, он сел на камень, притянул ее к себе и зажал между ногами. Блейр начала подниматься, но Ли удержал ее.

— Блейр, — начал он, но она даже не глядела в его сторону, — никогда до сего дня я не видел этой женщины. Я не встречал ее в Париже. Я никого не любил, кроме тебя, и женился на тебе, потому что полюбил тебя.

— Полюбил? — спросила Блейр, поворачиваясь к нему. — Ты никогда мне этого не говорил.

— Говорил, но ты не слушала. Ты была слишком занята, убеждая меня, что я люблю Хьюстон. Я не любил ее и уж, конечно, не любил эту... эту...

Он покосился на свою ношу, уже начавшую отягощать плечо. Ли стряхнул женщину с плеча, но продолжал держать за запястье.

Блейр сделала движение в сторону Лиандера. Может быть, он говорит правду. Ей так хотелось верить ему.

— Красиво сочиняешь, Лиандер, — сказала Франсуаза. Никогда не замечала этого за тобой. Впрочем, мы знали друг друга только с одной стороны, — она прильнула к нему. — Но зато с какой! 0-ла-ла!

Блейр сделала попытку вырваться, но безуспешно. Взглянув на выражение лица жены, Ли тяжело вздохнул, взял обеих женщин за запястья и начал подниматься в гору.

Подъем был долгим и трудным. Им пришлось перелезть через упавшие деревья. Воздух становился все более разреженным, не хватало кислорода.

В продолжение пути Ли крепко держал Франсуазу и пытался помочь Блейр, но та отталкивала его руку.

Домик Таггерта так хорошо спрятался между двух отвесных скал, что они дважды

прошли мимо, прежде чем увидели его. Он появился перед ними неожиданно, словно возник из воздуха.

Свободного пространства перед домиком было немного, но вид открывался прекрасный. Усеянная трехцветными маргаритками и кустиками роз трава доходила до щиколотки.

Земля между деревьев была мягкой, поэтому они шли совершенно бесшумно.

Ли молча кивнул Блейр, чтобы она присматривала за Франсуазой, пока он проверит, нет ли кого внутри. Убедившись, что все спокойно, он знаком пригласил женщин войти.

Обычный небольшой домик — две комнаты и маленькая антресоль над дверью, многие годы, возможно, страдавший от вторжения диких животных и небрежения хозяина. Но это было, без сомнения, частное владение, что и требовалось им в данный момент.

Блейр без особого интереса следила за тем, как Ли привязывал Франсуазу к одной из внутренних стоек, оставив ей небольшую свободу движений и не заткнув рта.

В руке он держал цветной носовой платок, который собирался использовать вместо кляпа, но потом передумал:

— Сомневаюсь, что твои ребята доберутся сюда. Я буду караулить снаружи и, если что-нибудь услышу, я завяжу тебе рот.

— Cheri, не надо ничего скрывать. Она знает о нас. Она мне все рассказала.

— Не сомневаюсь, — ответил Ли, затягивая узлы. — Она рассказала тебе достаточно, чтобы ты состряпала свою ложь. Тебе-то что до всего этого?

Франсуаза только посмотрела на него.

Блейр же увидела, что эти двое пристально смотрят друг другу в глаза.

Ли повернулся к Блейр, собираясь что-то сказать, но выражение ее лица остановило его. Он взял винтовку.

— Если я тебе понадобится, я на улице. Еда в седельных сумках.

И с этим он оставил женщин одних.

Блейр начала медленно выкладывать провизию из седельных сумок, брошенных Ли на старый стул у стойки рядом с Франсуазой. В домике был камин, но одному Богу было известно, когда в последний раз прочищался дымоход, а кроме того, им вовсе незачем было оповещать о своем присутствии.

Блейр отрезала себе хлеба, сыра и ветчины и стала есть, а Франсуаза, не переставая, говорила о том, что они с Лиандером значат друг для друга.

— Ты знаешь, что он вернется ко мне, — говорила она. — Он всегда возвращался. Неважно, что он пытался бросить меня, он не смог. Он все простит мне и на этот раз соединится со мной навсегда. И мы уедем вместе и будем любить друг друга. Мы...

Блейр схватила сэндвич, флягу и выскочила из домика.

Ли поблизости не было, и спрятался он так хорошо, что Блейр не заметила его, пока он ее не окликнул.

— Что случилось? — спросил Ли, взял сэндвич и попытался погладить ее по руке.

— Не прикасайся ко мне, — сказала она, отдергивая руку, словно он мог сделать ей больно. Ли разозлился:

— С меня довольно. Почему ты не веришь, когда я говорю, что никогда ее раньше не видел? Почему ты веришь ей, а не мне, своему мужу?

— Потому что твой отец сказал мне о ней. Почему я не должна ему верить?

— Мой отец солгал, потому что я попросил его об этом! — повысил голос Ли. Она отступила.

— Солгал? Ты это признаешь? И что же заставило тебя бросить меня в первую брачную ночь? Не было никакого вызова. И я сомневаюсь, что твой таинственный мистер Смит вообще существует. Так где ты был?

Ли молча ел сэндвич и смотрел на лес. Ему не хотелось усложнять дело еще одной ложью.

— Я не могу тебе этого сказать, — негромко проговорил он.

— Ты не хочешь.

Она повернулась и направилась к домику.

Он поймал ее за руку.

— Нет, я не могу сказать, — в нем начала закипать ярость. — К черту, Блейр! Я не сделал ничего, чтобы заслужить твое недоверие. Я не был с другой женщиной. Боже, да я с трудом могу вынести одну женщину, не говоря о двух. Ты что, не можешь понять, что произошло что-то важное, крайний случай, который заставил меня покинуть тебя в такую ночь? Почему ты веришь моему отцу, который лгал от моего имени, и этой дряни, зарабатывающей себе на жизнь воровством?

Он отпустил ее руку.

— Иди, иди. Слушай ее больше. Ей только этого и надо. Уверен, она ждет не дождется, когда мы вцепимся друг другу в глотки. Ей будет гораздо легче сбежать от одного тюремщика, чем от двух. Если она продолжит в том же духе, а ты так и будешь верить ей, то через пару часов ты сама поможешь ей бежать, чтобы разлучить меня с ней.

Блейр почувствовала слабость и села на траву.

— Я не знаю, чему верить. Она, похоже, много о тебе знает, и тогда я не могу ждать от тебя полной честности. Изначально ты ведь не хотел на мне жениться. Это было просто состязание.

Лиандер схватил ее за плечо и рывком поставил на ноги.

— Иди в дом, — сказал он сквозь зубы и отвернулся.

Блейр не могла понять, что происходит. Повесив голову, она потащилась в домик. Тетя Фло однажды жаловалась своему мужу, что Блейр ничего не понимает в жизни.

— Если мужчина скажет, что она разбила ему сердце, — сказала тетя Фло, — Блейр станет рыться в учебниках, чтобы узнать, как его починить. Но медицина — это еще не вся жизнь.

Блейр остановилась, вернулась к Ли.

— Ты действительно никогда не был во Флоренции? — нерешительно спросила она, и звук ее голоса растаял в ночной тиши.

Он повернулся не сразу, посмотрел на нее — лицо его было сердитым.

— Никогда.

Блейр приблизилась на шаг.

— Она ведь не в твоём вкусе, правда? Я хочу сказать, что она слишком худая, и грудь и бедра у нее не очень.

— Даже близко не в моем.

Но выражение его лица не изменилось.

— И она не отличит грыжу от головной боли? Он смотрел, как она придвигается все ближе, пока не остановилась прямо перед ним.

— Я не стал бы строить из себя дурака перед всем городом, если бы любил кого-то другого.

— Думаю, нет.

Держа винтовку в одной руке, он протянул ей другую, и Блейр прижалась к Ли, положив голову ему на грудь. Его сердце стучало, как сумасшедшее.

— Ты должен мне брачную ночь, — прошептала она.

Внезапно он схватил ее за волосы, запрокинул голову и крепко поцеловал.

Но стоило Блейр просунуть колено между его ног, как он отпустил ее и нежно оттолкнул.

— Иди в дом, — проворчал он. — Я тут на страже, кроме того, мне нужно кое-что обдумать, а когда ты рядом, думать я не в состоянии.

Она нехотя отодвинулась от него.

— Блейр, — сказал он, — у меня есть план. Я его еще до конца не продумал. Не показывай ей, — он кивнул в сторону домика, — что знаешь, что она лжет. Притворись, будто веришь ее словам. Думаю, твоя ярость сослужит нам хорошую службу.

— Я рада быть полезной, — пробормотала она, возвращаясь в домик.

Ревность для Блейр была новым ощущением. Она никогда раньше ее не испытывала. Она сидела в маленькой грязной лачуге и слушала излияния Франсуазы о ее и Лиандера великой любви. С одной стороны, она безумно хотела верить Лиандеру, а с другой — ей казалось, что эта женщина говорит правду. Блейр села на свои руки, чтобы не выцарапать женщине глаза, и старалась думать о посторонних вещах.

Через некоторое время Блейр настолько овладела собой, что осознала, что Франсуаза произносит очень общие фразы.

— А твоя сестра... — начала она, — э, ее зовут...

— Шарлотта Хьюстон, — рассеянно подсказала Блейр, строя догадки, куда же ездил Ли в их брачную ночь, если не к другой женщине.

— Да, Шарлотта, — продолжила Франсуаза, — с ней мне пришлось сражаться много месяцев, но когда она вышла за Таггерта... Воображаю, что Ли почувствовал себя обязанным...

— Он, должно быть, обсуждал с тобой все подробности, — сказала Блейр, внезапно насторожившись.

—..когда оказался свободным. Беда в том, что я замужем, и мы думали, что мой муж никогда не даст мне развода. И знаешь, в тот день, когда вы поженились, я узнала, что свободна.

— Значит, он оставил меня ради тебя, — констатировала Блейр. — Ну а теперь я свободна, а ты привязана к стойке, но я уверена, все образуется. Извини, мне нужно подышать свежим воздухом.

Выйдя на улицу, она почувствовала себя легко и свободно, словно сбросила фунтов двадцать. Ей было весело. Неважно, что говорил Ли, какие-то сомнения у нее оставались. Но теперь Блейр знала, что он говорил правду.

Она стояла на крыльце и полной грудью вдыхала свежий, прохладный воздух. Подлетела переливающаяся всеми цветами радуги колибри и принялась исследовать красный крестик на рукаве. Блейр стояла очень тихо, разглядывая крошечную птичку, и улыбалась. Та поняла, что ничего съедобного здесь нет, и улетела. Продолжая улыбаться, Блейр направилась туда, где в траве прятался Ли.

Она молча села рядом с ним и прислушалась к ветру, шумевшему в осинах над их головами.

— Она не знала, как зовут Хьюстон, — сказала Блейр наконец и, когда он взглянул на нее с любопытством, продолжила:

— Я не всегда была частью твоей жизни, а Хьюстон была. Не представляю, чтобы кто-нибудь из твоих знакомых не слышал ее имени, хотя бы в связи с количеством присылаемых ею писем.

Ли обнял ее, улыбнулся и покачал головой:

— Ты не поверила мне, а ей поверила. Что ж, и на том спасибо.

Она прижалась к нему, и так они сидели рядом, слушали шум ветра и молчали. Блейр думала о том, что чуть не упустила свое счастье. Сделай она по-своему, она сейчас была бы в Пенсильвании вместе с Аланом. Алан, такой незначительный, он еще даже не врач и, возможно, никогда не станет таким прекрасным специалистом, как Лиандер. Алан, который не знает, каким концом держать ружье. Алан, скорей всего, пошел бы к шерифу, потому что не отважился бы сам спасти свою жену.

— Спасибо, что спас меня, — сказала она, имея в виду нечто большее, чем это похищение.

Ли заглянул ей в глаза и оттолкнул от себя, словно она превратилась в отраву.

— Я хочу, чтобы ты села вон под тем деревом, — сказал он, голос его дрогнул. — Я хочу с тобой поговорить, но не могу, когда ты так близко.

Блейр так обрадовалась, что встала на четвереньки и приблизила свое лицо к лицу Ли.

— Ты, кажется, сожалешь о той ночи, — проговорила она, почти касаясь его губ своими губами. Ли отпрянул.

— Отойди! — приказал он, и в его голосе прозвучала угроза. — Я не могу одновременно караулить и заниматься с тобой тем, чем хочу. Отодвинься туда и сиди спокойно.

Блейр послушалась, но от его слов по спине у нее побежали мурашки. Через несколько часов Таггерт приведет шерифа, они поймут бандитов. Ли сможет освободиться от Франсуазы и они останутся одни. Она вспомнила их самую первую ночь, взглянула на него сквозь ресницы и услышала, как он затаил дыхание.

Блейр обрадовалась, когда он отвел взгляд.

— Я составил план, который может сработать, — сказал он, глядя на лес. — От тебя требуется, чтобы ты помогла этой женщине бежать. Сегодня вечером я заведу разговор, который будет означать, что я хочу сбежать с Франсуазой, мы даже можем изобразить ссору. Уверен, ты с этим справишься, — добавил он, поворачиваясь к ней. — Что это значит? —

выдохнул он.

— У меня ослаб чулок, — невинно ответила Блейр. Она подняла стройную ножку и получше натянула черный хлопчатобумажный чулок, от всей души сожалея, что он не шелковый. У Хьюстон, наверное, есть такие. В свой медовый месяц она, без сомнения, носит только тончайший шелк.

— Блейр, — сказал Лиандер, — ты испытываешь мое терпение.

— М-м-м, — протянула она, опуская ногу. — Что ты говорил насчет ссоры?

Лиандер отвернулся, и Блейр заметила, что у него дрожит рука.

— Я сказал, что хочу, чтобы мы разыграли ссору, а потом ты должна всыпать что-то в мой кофе так, чтобы Франсуаза это видела. Пусть думает, что ты решила скорее усыпить меня, чем отпустить с ней.

— Ты ведь не сбежишь с ней, а?

— Я поберегу силы на потом, — сказал он таким тоном, что сердце Блейр заколотилось. Ли снова посмотрел на лес.

— Я хочу, чтобы она сбежала. Я завяжу узлы так, что она сможет развязать их, но на это у нее уйдет часа два. А пока она будет над ними трудиться, я планирую совершить маленькую вылазку.

— Пока ты якобы спишь?

— Насколько я понимаю, она очень осторожная женщина. Ей в жизни приходилось нелегко, поэтому я хочу, чтобы она почувствовала себя в полной безопасности: я сплю под влиянием снотворного, а ты хочешь, чтобы она исчезла. Она ведь даже не попыталась бежать, когда мы добирались сюда, — припомнил он.

— Слишком крутой склон. Она бы не смогла.

— А ты разве не пыталась выбраться из каньона? Блейр улыбнулась ему:

— Откуда ты знаешь?

— Предположение, основанное на твоей безрассудности и твоей уверенности, что с тобой ничего не случится. Ну как, ты согласна? Ты сможешь устроить настоящий спектакль?

Блейр ухмыльнулась:

— Мы с тобой находимся здесь исключительно в силу моих незаурядных актерских способностей.

Он, вернул ей улыбку.

— Тогда иди туда и слушай ее рассказы. Заставь ее думать, что ты веришь каждому ее слову. Заставь ее думать, что ты готова убить меня.

Блейр поднялась и посмотрела на него сверху вниз.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, пока не получу свою брачную ночь, — сказала она и, когда Ли начал подниматься, бросилась бежать к домику, высоко подняв юбки.

***

— Можешь убираться вместе с ней! — кричала Блейр. — Глаза бы мои тебя не видели! Надеюсь, вас обоих в конце концов повесят!

И она выскочила из домика, оставив Лиандера и Франсуазу вдвоем.

Не останавливаясь и не оглядываясь, она бежала вверх по склону горы, пока, по ее расчетам, не скрылась из поля зрения тех двоих. Тогда Блейр опустилась на землю, чтобы перевести дух. Сквозь деревья она видела, что Ли ищет ее.

Она улыбнулась, наблюдая за ним. Блейр была уверена, что он не ожидал такой правдоподобной игры, и подумала, что она и в самом деле верит тому, что кричала. Ссора была продолжительной и шумной. Блейр ругала его отца, припомнила, что Ли оставил ее в их брачную ночь, отвадил Алана и позволил своей сестре окрутить его. Это добило Лиандера. Он уже не знал, чему верить.

Блейр решила выждать подольше, чтобы ее злость выглядела правдоподобной. А кроме того, она хотела понять, куда Ли хочет отправиться ночью. Опять таинственная поездка? Интересно, неужели вся их совместная жизнь будет состоять из его внезапных непонятных исчезновений? И доверится ли он ей когда-нибудь?

Блейр, наблюдая за ищущим ее Лиандером, решила, что должна заставить его всецело ей довериться. Очень неприятно, что она так мало знает о жизни своего мужа — выдумки посторонней женщины смогли причинить столько вреда.

Блейр была так погружена в свои мысли, что не обратила внимания на звуки, шедшие откуда-то сзади. Когда же они коснулись ее слуха, она застыла от неожиданности, решив, что, возможно, банда Франсуазы нашла их. Медленно обернувшись, Блейр оглядела склон горы.

Увиденное парализовало ее. С гор спускались два больших бурых медведя — и они направлялись к ней.

Никто не среагировал бы быстрее. Блейр вскочила и бросилась бежать. В мгновение ока она уже была около домика. Блейр остановилась, осмотрелась и прислушалась. Слышны были только звуки леса, медведи не показывались. Она вернулась на опушку и поглядела вверх на гору. Разумеется, она убежала от реальной опасности, но игра-то продолжалась.

Постоянно осматриваясь, Блейр очень медленно взобралась по склону. Если медведи рыщут поблизости, она должна знать, чтобы предупредить Ли.

Совсем близко от того места, где Блейр присела отдохнуть в первый раз, она увидела маленькую пещеру. Следы вокруг говорили, что медведи здесь обитают постоянно.

— Так вот почему домик заброшен, — пробормотала она, спускаясь назад.

Солнце уже садилось, пора было разыграть сцену с усыплением Ли.

Поведение Блейр было настолько естественным, что Ли даже не заметил, как она всыпала ему в кофе порошок от головной боли. Это увидела только Франсуаза. У Блейр было искушение подсыпать ему также и рвотного корня, поскольку от ее взгляда не укрылось, как Ли смотрел на Франсуазу.

Выпив подогретый на костре кофе за домом. Ли уже через пару минут начал зевать и заявил, что идет спать. Он подробно объяснил Блейр, как охранять пленницу, и ушел в другую комнату. Они слышали, как он повалился на узкую грязную лежанку.

Франсуаза так посмотрела на Блейр, что той захотелось тут же разрезать веревки и вызвать женщину на кулачный бой. Но вместо этого она лишь проверила узлы.

— По крайней мере, эту ночь он проведет не с тобой, — сказала Блейр и оглядела привязанную француженку с ног до головы. — Надеюсь, тебе удобно.

— А что если я сбегу? Как ты ему это объяснишь?

— Очень просто, — ответила Блейр. — Какое мне дело до того, где ты, если ты

находишься вдали от моего мужа? Между прочим, я научилась вязать хорошие узлы в медицинской школе.

Блейр ушла в другую комнату, думая, что Ли был прав относительно того, что Франсуаза дорожит своей жизнью. Разве многие узники спрашивают разрешения бежать?

Ли в комнате не оказалось — он вылез в открытое окно. Она соорудила из нескольких одеял подобие лежащего тела и последовала за ним.

Блейр шла в течение нескольких минут, но ничего не было слышно. Ли, казалось, исчез. Она двигалась на восток, оставив домик за спиной и надеясь, что вот-вот его встретит. Конечно, он не счел нужным раскрывать ей все карты, но, по ее предположению, он должен был пойти в этом направлении. Она затаилась, услышав позади себя какой-то звук.

— Так, выходи оттуда.

Голос напоминал голос Ли, но обычно он звучал по-другому. На этот раз в нем слышались жесткие нотки, и его сопровождал щелчок взводимого курка. С покорным видом Блейр вышла из укрытия.

Выругавшись, Ли опустил ружье.

— Почему ты не в домике? Почему не охраняешь женщину?

— Мне хотелось узнать, куда ты пойдешь.

— Не к другой женщине. А теперь отправляйся назад. Мне нужно кое-что закончить, и у меня мало времени, а ты будешь мешать.

— Если ты не собираешься ни с кем встречаться, то куда ты идешь? Я думала, что мы будем ждать...

— Мне что, привязать тебя?

— Я была права. Ты все же как-то связан с грабителями и этой женщиной. Неужели нельзя сказать мне? О Лиандер, как ты можешь?

И она отвернулась, но он схватил ее за руку и развернул лицом к себе.

— Хорошо, я скажу тебе! Я собираюсь пробраться в один из шахтерских поселков — это меньше мили отсюда, взять там динамит и взрывом завалить вход в каньон. Уверен, что большая часть банды окажется в ловушке, особенно если я использую их даму-предводительницу в качестве приманки.

Блейр шагнула к Ли, глаза ее горели:

— Если ты возьмешь меня, то только сэкономишь время.

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

— Я могу помочь. Я умею лазать по горам. Я же почти вылезла из этого каньона. Пожалуйста, Лиандер, ну пожалуйста.

Она обняла его и принялась целовать.

— Я буду слушаться, я тебе не помешаю, а если кто-нибудь пострадает, я буду вдевать для тебя нитки в иглы.

Лиандер понял, что проиграл.

— Теперь я начинаю понимать, как хорошо было бы со скучной и послушной леди, вроде Хьюстон, — тихо заметил он.

Блейр вовремя прикусила язычок, чтобы не сказать, что ее сестра, переодевшись, разъезжает по шахтерским поселкам под видом старухи-торговки. Вместо этого она улыбнулась и быстро зашагала следом за ним по темному лесу в сторону шахты.

Лиандер выбрал такой трудный путь, что Блейр почти пожалела, что пошла с ним. Она сейчас могла спокойно спать вместо того, чтобы подвергать себя опасности на темных и крутых горных тропах Дважды, не удержавшись на ногах, она съехала вниз на спине, но оба раза сумела подняться. А Ли словно бы и не замечал ее — раз она захотела сопровождать его, то может сама о себе позаботиться.

В конце концов они добрались до гребня скалы, у подножия которой располагался шахтерский поселок, и посмотрели вниз.

— Полагаю, бесполезно просить тебя остаться?

— Совершенно верно, — был ее ответ.

— Хорошо, но, в таком случае, держись рядом. Не отходи от меня дальше, чем на два шага. Я хочу, чтобы ты постоянно была у меня в поле зрения. Ты поняла? И если я прикажу тебе бежать, значит, я хочу от тебя именно этого. Никаких вопросов и споров. И веди себя как можно тише.

Блейр кивнула в ответ на его предостережения и следом за ним начала спускаться к поселку.

Было уже поздно, и почти нигде не горел свет. Только несколько салунов еще работали, не страдая от отсутствия посетителей. Лиандер и Блейр перебежали от одного здания к другому. Сердце Блейр бешено колотилось.

— Нам придется проникнуть в магазин компании. Мне нужен лом, чтобы свернуть замок.

Они пробрались к большому сооружению почти в центре поселка. Раз три им пришлось пригнуться — кто-то проходил мимо.

— Блейр, — прошептал Ли, — мне нужно разбить стекло. Ты должна засмеяться, чтобы заглушить этот звук. Смех должен быть громким, как у прос... как у женщины легкого поведения. На этот знакомый звук никто не обратит внимания, а вот на звон разбитого стекла сбегутся все.

— Лиандер, — холодно сказала Блейр, — я не так опытна, как ты. Представления не имею, как смеются женщины легкого поведения.

— Зазывно. Вообрази, что ты хочешь заманить меня в лесок, чтобы доставить мне различные телесные удовольствия.

— Это легко, — ответила она.

Ли обернул руку носовым платком и приготовился к удару.

— Готова? Давай!

Блейр откинула голову, и воздух наполнился хриплым смехом. Когда Ли повернулся к ней, в глазах его читалось восхищение.

— Как только у нас будет возможность, я отвечу на это твое предложение, — заметил он, просовывая руку внутрь и открывая дверь. — Стой там и будь готова бежать, если нас кто-нибудь увидит.

Блейр встала у двери, следя за тем, как Ли передвигается по магазину в поисках лома. Рядом с ней высились стеллажи с консервами, стопы коробок печенья, лежали мешки с мукой. На одной из полок стояли шесть маленьких бочонков меда. Блейр улыбнулась — они напомнили ей о медведях.

Внезапно, повинувшись импульсу, из кучи на полу она взяла рюкзак, засунула туда два бочонка меда и надела рюкзак на спину. На прилавке она нашла рулон оберточной бумаги и карандаш, быстро оторвала кусочек и начала что-то писать.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Ли.

— Пишу расписку, естественно. Послезавтра весь город будет знать о взрыве в горах, и все узнают, что это мы украли динамит. Если только, на всякий случай, ты не носишь его с собой в медицинской сумке. Ты ведь не собираешься скрывать, что это твоих рук дело? А иначе обвинят кого-то другого.

Ли несколько мгновений смотрел на нее.

— Молодец, — наконец сказал он. — Завтра секретность уже будет не нужна. Но сегодня я не могу дать себя поймать. Идем. Подожди минутку. Что у тебя за спиной?

— Мед, — ответила она.

Блейр быстро вышла из магазина, не дав ему возможности продолжить расспросы. Он осторожно закрыл дверь, разбитое стекло, если не приглядываться, было незаметно.

Ли провел ее через поселок, и она отметила про себя: он очень хорошо знает это место. Но тут же вспомнила, что ему иногда приходится лечить пострадавших шахтеров.

Под ногами у них похрустывал шлак, а легкий ветерок бросал в глаза угольную пыль. За железнодорожными путями, за горами отработанной породы высотой в пятьдесят футов, за длинными рядами печей находится склад взрывчатки.

Блейр стояла в тени, протирая глаза, а Ли взламывал дверь склада. Он быстро нашел брикеты динамита, сунул их за пазуху и вышел, плотно прикрыв дверь. Он не хотел оставлять ее, явно открытой, чтобы кто-нибудь еще получил доступ к взрывчатке.

— Идем, — сказал он, и Блейр начала восхождение почти по отвесной скале. Временами ей приходилось ползти.

Ли ждал ее на вершине, они почти бегом припустили к домику.

— Я оседлаю свою лошадь и оставлю ее перед входом. Ты сделаешь вид, что поднялась, чтобы перекусить, и как бы ненароком оставишь на столе нож, чтобы она могла до него дотянуться. Я буду ждать снаружи и пойду за ней до каньона.

— Мы, — поправила Блейр и так взглянула на него, что он только вздохнул.

— Ладно, а сейчас иди туда и жди меня.

— Но сначала мне нужно удалиться на минуту в кусты, — сказала она и покраснела — то ли оттого, что сказала, то ли оттого, что солгала.

Ли даже не посмотрел ей вслед, а занялся лошадей. Блейр побежала к медвежьей берлоге. Со всей осторожностью, прислушиваясь к каждому звуку, она подобралась ко входу в нее. Затаив от страха дыхание, Блейр подняла камень и сбила им пробку с бочонка, потом снова прислушалась.

Перевернув бочонок, чтобы мед стекал на землю, она пошла к домику, оставляя на земле и листьях щедрый след.

Оседланная лошадь Ли стояла перед домиком. Блейр без шума удалось открыть и второй бочонок. Она привязала его к седлу. На мгновение ее охватило сомнение — правильно ли она поступает, потому что, если Франсуаза провозится и освободится не сразу, первыми почуют мед пчелы, затем вылезут медведи и спугнут лошадь без седока. Теперь все зависело от времени.

Блейр забралась в домик через окно и даже в темноте заметила, что Ли хмурится из-за ее долгого отсутствия. Она поспешила снять свой медицинский костюм, чтобы выглядеть

только что проснувшейся.

Франсуаза лежала на полу. На ее запястьях были видны раны от веревок — она пыталась освободиться от пут. Блейр стало нехорошо: она училась облегчать страдания, а здесь явилась их причиной.

Когда Блейр вошла, Франсуаза открыла глаза.

— Ты заставила меня голодать, — сказала Блейр, отрезая несколько ломтиков сыра от большого куска на столе. — Осталось уже недолго ждать, скоро здесь будет шериф.

— Что-то он запаздывает. А тот мужчина, что был с Лиандером, уже убит.

— Очень плохо, — безразлично заметила Блейр. — Это Таггерт, деньги у него.

Зевнув во весь рот, Блейр положила нож на стол и взяла отрезанный сыр.

— Я иду спать. Приятных сновидений, — засмеялась она, выходя из комнаты. Убедившись, что Франсуаза ее не видит, и не спуская с нее глаз, Блейр начала медленно одеваться. В свете луны было хорошо видно, как женщина схватила нож, разрешила веревки и в считанные секунды была на улице.

— Вперед, — сказал Ли, едва услышав топот копыт.

— Опять пешком, — с тоской произнесла уставшая Блейр.

— Когда все закончится, можешь не вылезать из постели хоть неделю, — ответил Ли. — Вместе со мной.

— С тобой отдохнешь, — с сарказмом ответила Блейр.

И опять Ли повел ее более чем крутой тропой. Блейр подумала, что при дневном свете она отказалась бы забираться по ней. С другой стороны, выбора у нее не было. Им необходимо было запереть Франсуазу в каньоне.

Ли резко остановился — они стояли над пропастью. Внизу, около маленькой хижины, царил тишина. Было непонятно, есть там кто-нибудь или нет.

— Они ждут ее. Думаю, без нее они и шага не в состоянии сделать.

— Ли, Таггерт что-то задерживается. Как ты думаешь, с ним ничего не случилось?

— Не знаю. Их было много против него одного. Они перебрались ко входу в каньон, и Ли принялся укладывать динамит.

— Как только мы их тут запечатаем, я поскачу в Чандлер за помощью.

— Поскачешь? Каким образом?

— Держи вот это, — сказал он, вручая ей запал и шнур. — Я покажу тебе потом. Так, все готово. Нам остается только сидеть и ждать нашу леди-преступницу.

Несколько минут они сидели молча.

— Скоро она будет здесь. Надеюсь, она не заблудилась.

— И не сбежала совсем, — добавила Блейр. — Ли, я должна тебе кое-что сказать. Насчет меда. Я...

— Тихо! Кажется, я что-то слышу.

Уже почти рассвело, и в свете туманного утра они смогли разглядеть силуэт всадника. Лошадь не слушалась седока, и хрупкой женщине приходилось прикладывать все усилия, чтобы управлять ею.

— Наверх! Быстро! — приказал Ли, и Блейр побежала под прикрытие более высоких скал.

В следующую минуту разверзся ад. Франсуаза закричала, внизу в каньоне забегали мужчины. Они начали стрелять, не разобравшись, в чем дело. Блейр остановилась в укрытии и оглянулась. Она увидела француженку верхом на крупном жеребце. Она пыталась

сдержатъ его, а за ней следовали два медведя. Косолапые бежали вприпрыжку, время от времени останавливаясь, чтобы облизать камни.

Ли издал придушенный крик и бросился вверх по скале. Он быстро догнал Блейр и обнял ее за талию. Все это время он почему-то поочередно насвистывал две коротенькие мелодии.

— Ложись, — скомандовал он и так толкнул Блейр, что та ободрала о камни локти.

Она подползла к краю обрыва, чтобы видеть, что делается внизу. Медведи уже были в каньоне, и лошади в загоне обезумели от страха. Люди метались, пытаясь пристрелить медведей и успокоить лошадей. Франсуаза натягивала поводья, кричала и отдавала приказания, указывая на вход в каньон и пытаясь заставить своих людей слушаться ее.

Жеребец внезапно встал на дыбы и сбросил ее на землю. Животное развернулось и побежало прочь от ущелья, не обращая внимания на находившихся на его пути медведей.

— Он попадет во взрыв, — сказал Ли, поднимаясь, чтобы лучше видеть происходящее внизу. В его голосе звучала глубокая печаль.

Конь продолжал свой путь, и медведи убрались с дороги.

Меньше чем через минуту раздался взрыв, закрыв вход в каньон и заперев в нем бандитов. Взрывной волной Ли сбило с ног, но не успела еще осесть пыль, как он уже бежал вниз. Он добрался только до середины спуска, когда к нему подскочил его жеребец с выпученными от ужаса глазами. Ли стал гладить его, заговорил с ним, пытаясь успокоить.

— Откуда здесь появились медведи? — заорал Ли на Блейр, спустившуюся следом за ним.

Из каньона были слышны крики и выстрелы, но пыль еще не улеглась, и видно было плохо.

— Я не сказала тебе, потому что ты стал бы охранять меня, а тогда это заняло бы слишком много времени, — ответила Блейр, почти крича, чтобы не показать, что боится его. — Таггерт уже давно должен был вернуться. Я знала, что бандиты смогут найти нас, и тогда мы оказались бы в ловушке против дюжины человек. И они могли бы легко выбраться из каньона. Но я подумала, что, если правильно рассчитать время, медведи их задержат. Я очень надеюсь, что с медведями ничего не случится. Все, что им нужно, — это мед.

Ли попытался что-то сказать, но не находил слов.

— В жизни не видел женщины, у которой отсутствует чувство опасности. Ты что, не понимаешь, что могла пострадать?

— Ты тоже, — ответила она, вздернув подбородок. Он схватил ее за руку:

— Пожалуй, я поддержку тебя вот так до прибытия шерифа.

Больше он ничего не успел сказать, потому что в этот момент шериф, а с ним еще шесть человек появились на скале. Подъем в гору бегом дался им нелегко — они совсем запыхались.

— С вами все в порядке, док? — часто дыша, спросил шериф.

Он был уже не молод, но поддерживал себя в хорошей форме и очень быстро добрался до каньона. Он легко нашел его по описанию Таггерта. И, как никто другой в городе, он прекрасно знал способность Лиандера брать инициативу в свои руки.

— Таггерт сказал, что вы попали в переделку. В следующее мгновение он глянул вниз, в каньон, и застыл с открытым от изумления ртом. Маленькие фигурки метались среди каменных стен ущелья, пытаясь выбраться.

— Это вы сделали, док?

— Я и ми-иссис, — ответил Ли, растягивая слова, что заставило Блейр хихикнуть.

Шериф отошел от края обрыва, а его люди продолжали смотреть вниз.

— Чтобы ни один не ушел, — бросил он через плечо, не отрывая взгляда от Блейр и Лиандера.

— Похоже, парень, ты нашел свою половину, — сказал он Лиандеру и сердито добавил:

— Вы что, не могли подождать меня? Решили самостоятельно вершить правосудие? А если бы с вами что-нибудь случилось? Эти люди убили не одного человека. А эта француженка — она хуже ядовитой змеи. Предупреждаю вас на будущее — держитесь от подобных вещей подальше, а то в другой раз вам уже не удастся выбраться целыми и невредимыми.

— О чем это он? — прошептала Блейр, никогда раньше не видевшая шерифа таким рассерженным. Она знала его с детства, и с ней он всегда был спокоен и вежлив.

— А почему вы задержались? — спросил Ли, не обращая внимания на вопрос Блейр. — Мы боялись, что с Таггертом что-то случилось.

— Пуля зацепила его, попала в голову, поэтому он не сразу добрался до нас. Отсюда и задержка. Мы узнали, что вы захватили эту женщину, всего несколько часов назад. Но, похоже, мы прибыли слишком поздно. Она сбежала?

— Она там, внизу, — сказал Ли.

— Уже нет, — сказал один из полицейских, — она взбирается по скале.

Блейр смотрела на говорившего и в эту минуту боковым зрением уловила движение. Один из людей шерифа, почти укрывшись за деревом, поднял к плечу винтовку и прицелился. «Он собирается застрелить ее», — подумала Блейр. И поняла, что не позволит убить человека, кем бы он ни был. Она прыгнула в сторону полицейского и приземлилась достаточно близко, чтобы ударить его по ноге и тем самым сместить прицел. Пуля пролетела как раз над головой Франсуазы.

Но Блейр не подумала о последствиях для себя, и в следующее мгновение она висела над пропастью, уцепившись за край скалы.

В ту же секунду шериф и Ли были около Блейр и втащили ее на твердую поверхность.

— Вы и в самом деле два сапога пара, — сказал шериф. — Следите за ней как следует.

— Я делаю все возможное, чтобы защитить ее от нее самой и от меня, — мрачно ответил Ли.

Блейр сидела на земле у их ног, отряхивала пыль и заглядывала в каньон, куда только что чуть не свалилась.

— Так, ребята, — сказал шериф, — доброволец остается здесь на посту, а мы поедem за подмогой. И чтобы все они были живы, когда я вернусь.

— Шериф, можно попросить вас не упоминать наши имена — и Таггерта — в связи с этим делом? И еще — : не могли бы вы послать кого-нибудь в магазин в поселке при шахте «Инэксспрессибл» за нашей распиской за лом и динамит? — Ли замолчал и улыбнулся. — И пошлите чек моему отцу. Он мой должник.

Ли повернулся и двинулся прочь, держа в одной руке поводья, другой взяв за руку Блейр.

— Куда вы теперь? — спросил их шериф.

— Проводить медовый месяц, — ответил Ли.

— Будьте осторожны. Француженка сбежала, и я не думаю, что она пылает любовью к вам обоим. Ли помахал шерифу и шепнул Блейр:

— А я думаю только о любви.

Блейр бодро зашагала рядом с Ли, но хватило ее ненадолго. Сказался недостаток пищи, сна, а больше всего — перевозбуждение. Когда она начала спотыкаться. Ли посадил ее на коня и повел его в поводу. Блейр клевала носом и пару раз чуть не упала. Ли вовремя подхватывал ее и снова усаживал в седле.

Блейр показалось, что они ехали несколько дней, что она никогда в жизни больше не увидит постели и уж тем более не поспит в ней.

Солнце клонилось к западу, когда они наконец остановились и Ли снял ее с лошади. Блейр молча открыла глаза и увидела большой бревенчатый дом на каменном фундаменте.

— Где мы? — спросила она, чувствуя, что, вообще-то, ей все равно. Ей хотелось только спать.

— Это охотничий домик моего отца. Мы проведем здесь несколько дней.

Блейр кивнула и закрыла глаза. Ли перенес ее внутрь, и она смутно ощутила, что он несет ее вверх по ступеням. Когда он положил ее на кровать, она уже глубоко спала.

Проснувшись Блейр от странного звука за окном. Она протерла глаза, чтобы прогнать сон. Звук заинтересовал ее. Она откинула одеяло и ахнула, обнаружив, что спала абсолютно обнаженной. На спинке кровати висела мужская рубашка, и Блейр надела ее. Выглянув в окно, она увидела вдалеке на лугу коров, а под самым окном паслись корова и теленок. Они-то и служили источником разбудившего ее звука.

Дом стоял на небольшом возвышении на опушке леса, вокруг высились горы и вековые деревья. Кусты диких роз, видневшиеся повсюду, только начинали цвести.

Звук на лестнице заставил ее повернуться. С подносом в руках вошел Ли, и от вкусных запахов у Блейр потекли слюнки.

Он поднял салфетку, прикрывавшую тарелки.

— К сожалению, у нас здесь одни консервы, но зато есть все, что душе угодно.

Тут были ветчина, бекон, сыр, персики, кукурузные оладьи и маленькая тарелочка с лесной земляникой.

— Настоящий пир, и я умираю от голода, — объявила Блейр и с удовольствием принялась за еду.

Облокотясь на спинку кровати. Ли так пристально смотрел на Блейр, что она покраснела. Она ясно сознавала, что все препятствия на пути к их брачной ночи наконец устранены.

— Сколько я спала? — спросила она с набитым ртом.

Ли медленно достал из кармана часы — Блейр даже перестала жевать. Он взглянул на них и положил на маленький прикроватный столик, словно не собирался убирать назад.

— Четырнадцать часов, — сказал он. Блейр так быстро запихнула в рот кукурузную оладью, что чуть не подавилась.

— Ты сказал, что это дом твоего отца. Ты часто здесь бывал?

Лиандер начал расстегивать рубашку, неторопливо занимаясь каждой пуговицей, затем вытащил ее из брюк.

— С детства, — ответил он.

Он смотрел на нее внимательно и серьезно, и под его взглядом она занервничала и принялась жевать еще быстрее.

— Вы охотились здесь на оленей?

Не сводя с Блейр глаз, Ли перешел к застёжке брюк.

С одного взгляда было видно, что белья на нем нет. У Блейр задрожали руки.

Брюки Ли упали на пол.

Блейр взглянула на него — глаза в глаза, неся ко рту кусок бекона. В этот момент Ли наклонился к ней, взял поднос, бекон и положил все это на пол.

— Теперь нет нужды разыгрывать роль Хьюстон, — сказал он.

На какой-то миг Блейр испугалась. Последние несколько недель она постоянно боролась с Ли, и чувство вины перед сестрой не отпускало ее, поэтому сейчас она не до конца верила, что имеет полное право быть — с ним.

Ли все наклонялся к ней, она откидывалась назад, пока ее голова не коснулась спинки кровати. Какая-то часть Блейр хотела бы убежать, но другая — большая — скорее умерла бы, чем двинулась с места.

Ли очень нежно коснулся ее губ. Красивый мужчина с великолепным обнаженным телом склонился над ней и целовал ее.

Блейр съехала с подушки и распростерлась на кровати. Ли склонялся все ниже, но потом потерял равновесие и упал на нее.

И с этого мгновения их охватило неистовство. Блейр приоткрыла губы навстречу его поцелуям, и Лиандер превратился в одержимого: он страстно целовал ее, гладил по волосам, ласкал ее тело, одновременно срывая с нее рубашку. Блейр отдалась его порыву. Она так долго желала его, и вот теперь он принадлежит ей. Она наслаждалась им, а он помогал ей избавиться от муки неудовлетворенного желания.

Не расцепляя объятий, они перекатились на постели, целуя друг друга, как безумные. Их руки, казалось, умножились в числе, потому что успевали ласкать каждый кусочек тела друг друга. В мозгу Блейр проносились воспоминания о всех ее встречах с Ли, когда она видела его, но не имела возможности прикоснуться к нему. Она вспомнила, как его руки аккуратно накладывают шов в операционной, и вот теперь они дарят ей наслаждение. Она ощущала движение его тела в унисон со своим и вспоминала его походку. Она провела руками по его спине и движением бедер дала понять, что страсть переполняет ее.

Он понял, что она готова, и вошел в нее. Она вскрикнула — он закрыл ей рот поцелуем. И Блейр с жадностью прильнула к его губам.

Движения Ли ускорились, она подстроилась под его темп, обхватив его руками и ногами. В ответ на все ускоряющиеся движения Блейр напряглась, прижала свои бедра к его, позволяя ему глубже проникнуть в свое тело.

Когда наступила кульминация, она опять вскрикнула, и судорога наслаждения свела ее тело. Ли, обессиленный, затих. Через несколько минут Блейр почувствовала полное расслабление, но стоило ей опять прикоснуться к его телу, как она прильнула к нему, не желая отпустить даже на секунду.

Так они лежали несколько минут, пока Блейр не ослабила мертвую хватку.

Она провела пальцами по влажным прядям у него на затылке, дотронулась до кожи. Ли был еще таким незнакомым, и в то же время казалось, что они уже давно-давно вместе. Она еще очень мало знала его и хотела восполнить этот пробел.

Он приподнялся на локте и посмотрел на нее:

— Внизу есть сидячая ванна, а на плите кипит вода. Хочешь искупаться?

Она молчала, любясь им, и думала о том, каким дорогим стал для ее этот человек. Ей

только так кажется, или он действительно самый красивый мужчина в мире?

— Если будешь так на меня смотреть, то не попадешь в ванну до следующего вторника.

Ли поднял бровь в ответ на сердитый взгляд Блейр, завернул ее в одеяло и отнес на первый этаж. Почти половину его занимал огромный, сложенный из камня камин, по обе стороны от которого находились два больших окна. Другая часть помещения была отдана под кухню. Заваленный грязной посудой стол свидетельствовал о кулинарной деятельности Ли. На три фута от пола стены были из камня, а дальше — из бревен. Еще несколько беспорядочно прорубленных окон дополняли картину.

У камина стояла жестяная ванна, один край у нее был выше другого. Сейчас ванна была частично наполнена холодной водой из соседнего ручья, как сказал Ли. Блейр почему-то смутилась, и Ли, налив в ванну горячей воды, подвел ее к ней, затем снял с Блейр одеяло и посадил в воду.

Ощущение было божественным, и Блейр тут же расслабилась. Она видела, что Ли стоит рядом и смотрит на нее. Он надел только брюки, и она не могла отвести взгляда от его обнаженного торса — от тугих мышц под смуглой кожей.

— Я вышла замуж за соседского мальчишку, — улыбаясь, пробормотала она.

Он опустился на колени около ванны.

— Почему ты так отравляла мне жизнь, когда мы были детьми?

— Я ничего подобного не делала, — ответила Блейр и принялась обмывать руки.

— А как назвать комья грязи и снежки, которыми ты в меня швыряла? А кто сказал Мэри Элис Пендергаст, что я в нее влюблен? Ее мать показывала моей матери любовные записки, которые принадлежали якобы мне.

— Потому что ты отнял у меня Хьюстон, — тихо ответила она. — Она была моей половиной, а тут внезапно появился ты и, по всей видимости, стал ей дороже меня.

Ли ничего не ответил, и Блейр подняла глаза. Он пристально смотрел на нее. Похоже, он ей не верил. Она очень давно не вспоминала о своих детских годах. Она действительно ненавидела его, ненавидела с того момента, как увидела. Но почему? Все вокруг любили его, Хьюстон — обожала, а она не могла даже стоять рядом с ним. Когда он входил в комнату, она ее покидала.

— Может быть... — прошептала она.

— Может быть — что?

— Может быть, я хотела подружиться с тобой.

— И не могла, потому что Хьюстон уже заявила на меня свои права, Он нащупал в воде ее ногу, поднял в воздух и намывивать, начав с пальцев и поднимаясь все выше и выше.

— Ты говоришь так, словно не имел к этому никакого отношения. Но между прочим, ты сделал ей предложение. — Блейр следила за его руками, чувствовала их прикосновения.

— Полагаю, я сделал ей предложение. Но иногда я словно забывал об этом, как будто я никому не говорил этих слов. Думаю, я сделал это из чувства мужской солидарности. Все мужчины Чандлера делали Хьюстон предложение.

— Да? — с интересом спросила Блейр. — Хьюстон даже и словом со мной об этом не обмолвилась. А мне сделал предложение только Алан. Все остальные мужчины...

— Дураки, — коротко сказал Ли, тщательно намывивая ступню.

— Но я ведь так не похожа на других, — сказала Блейр, и глаза ее начали наполняться слезами обиды. — Я всегда старалась походить на других женщин, на Хьюстон, быть спокойной и нежной. А вместо этого я стала врачом. И тогда я добилась самых больших

успехов по сравнению с другими студентами, мужчинами и женщинами. И замечала, как у мужчин менялся взгляд, когда они смотрели на меня. И...

— Тебе еще нужно поработать над швами, — заметил он, отпустил ее ногу и взял в руки другую.

— И если я в чем-нибудь превосходила мужчину, он... — Ее глаза расширились. — Что?

— Когда ты спешишь, то делаешь слишком большие стежки. Тебе нужно над этим поработать.

Блейр открыла рот и тут же закрыла его. Она хотела сказать, что ее стежки безупречны, но поняла, что дело тут не в них. Он не хотел, чтобы она жалела себя. Она с улыбкой посмотрела на него:

— Ты поможешь мне?

— Я помогу тебе во всем, — сказал он, и от его взгляда ей стало тепло. — Эти мужчины были дураками. Если мужчина уверен в себе, он не боится женщин. А вот тебе пришлось проделать долгий путь, чтобы соединиться со мной.

— С тобой. С женихом моей сестры, — вздохнула Блейр.

Ли молчал, он мыл ей руки, намыливал их, переплетая свои пальцы с ее.

— Если бы у меня был брат и все женщины охотились только за ним, я бы тоже стал ревновать.

— Ревновать! Но я... — Она никогда раньше об этом не думала, но, возможно, и в самом деле ревновала Хьюстон. — Я всегда хотела быть такой, как она. Я не хотела становиться врачом, но мне пришлось. А все, о чем я мечтала, — походить на Хьюстон и чтобы мои перчатки всегда оставались чистыми. У нее было так много друзей. У нее был ты.

Он даже не поднял глаз и стал намыливать ее правую руку.

— Нет, у нее никогда не было меня. Блейр продолжала:

— У Хьюстон все так хорошо получалось. Она легко заводила друзей. Все вокруг любили ее. Если бы она возглавила войска южан, они бы победили в Гражданской войне. Ей нет равных в организаторских способностях.

— Это точно. Она прекрасно организовала передачу меня в твои руки.

— Тебя! Нет, нет, это случайность. Это все я. Хьюстон здесь не виновата.

— Блейр, — тихо сказал он, — в ту ночь я собирался сказать Хьюстон, что расторгаю нашу помолвку.

— Расторгаешь? Ты сейчас специально так говоришь, но ты не думал об этом.

Он прервал процедуру омовения.

— Я совершенно не знаю Хьюстон. И, думаю, никогда не знал. Но в тебе я вижу некоторые черты, которые, как мне кажется, есть и у Хьюстон. Она просто прикрывает их своими белыми перчатками. Еще в детстве она почему-то решила, что станет моей женой. Я был для нее не личностью, а целью. Наверное, у тебя так было с медициной. Только тут цель оказалась верной. Полагаю, Хьюстон искала повода, чтобы разорвать помолвку, потому что начала понимать, что у нас с ней ничего не получится.

— Но ты не видел ее в тот вечер, когда мистер Гейтс объявил, что твоей женой стану я.

— А что почувствовала бы ты, отдав несколько лет изучению медицины и обнаружив, что падаешь в обморок при виде крови? Или что у тебя аллергия на карболку?

— Я бы... умерла, — наконец произнесла Блейр.

— Думаю, что у Хьюстон на меня была аллергия. Мы уже просто не выносили дру

друга. Мы никогда не беседовали, не смеялись, а если я хотел до нее дотронуться, она надувала губки.

— Невероятно! — с непритворным ужасом воскликнула Блейр.

Ли принялся за ее шею и щеки.

— Может быть, подсознательно она понимала, что мы с тобой подходим друг другу, и поэтому отправила тебя со мной.

— Но она же только хотела побывать в доме Таггерта и...

— Не смей меня! Прелестная ледяная принцесса Хьюстон Чандлер никогда в жизни не проявляла благосклонности ни к одному мужчине, и вот, в первый раз, она сама обратила на кого-то внимание — на Таггерта, растопившего ее лед. Вспомни, как мы встретились с ним в городе, и он с вожделением уставился на Хьюстон. Я только позже узнал, что должен был приревновать ее. Если бы я ее любил, так и было бы. Но меня, скорее, разобрало любопытство.

— Таггерт, — сказала Блейр. — Не представляю женщину, способную полюбить этого ужасного человека.

— А ведь он всерьез рисковал жизнью ради нас, — сказал Ли, его руки заскользили вниз, к ее груди. — Банда Фрэнки приняла тебя за Хьюстон. Они потребовали пятьдесят тысяч выкупа. Таггерт захватил не только оружие, но и деньги.

Блейр не слышала слов Ли, потому что его пальцы добрались до ее груди. Она ладонями прижала его руки к своей коже, чтобы полнее насладиться его прикосновениями.

Он поднялся и бережно вынул ее из воды.

— Я так долго ждал этого мгновения, — сказал он.

Ли, несомненно, был чемпионом по избавлению от одежды, потому что, одолев три шага до кушетки, он оказался полностью раздетым. Первый порыв страсти прошел, и ему хотелось показать ей нечто большее, чем просто иступление плоти. Блейр казалось, что ее пытаются. Он развел ее руки в стороны и касался ее тела только руками, губами, терся об ее кожу до тех пор, пока она почти не лишилась чувств от желания.

В момент разрядки ей показалось, что она умирает. Ее тело выгнулось дугой, извиваясь и сотрясаясь.

Ли отодвинулся и улыбнулся:

— Я знал, что мы составим отличную пару. Она посмотрела на него очень серьезно:

— Ты хотел жениться на мне только из-за постели? Он ответил не менее серьезно:

— Из-за этого и из-за твоих стежков.

— Ты! — выдохнула она и ткнула его кулаком под ребра.

Ли отодвинулся.

— Давай, вставай. Пойдем погуляем. Я хочу показать тебе окрестности.

Ей все еще непривычно было видеть его без одежды. Все другие обнаженные мужчины в ее жизни были трупами на холодных мраморных столах. А Ли выглядел самым живым из всех, кого она знала.

— О нет-нет, — засмеялся он, беря ее за руки и помогая подняться с кушетки. — Иди наверх и оденься. Там в сундуке на верхней площадке ты найдешь старую одежду. Подбери себе что-нибудь.

И шлепнул ее, когда она начала подниматься по лестнице.

Блейр открыла сундук и стала перебирать вещи, но зеркало на стене отвлекло ее, и она поднялась, чтобы взглянуть на себя. Кожа ее сияла, щеки были розовыми, а глаза лучистыми.

Волосы, обычно туго зачесанные назад, чтобы не мешать работе, напоминали сейчас львиную голову.

Неужели Лиандер действительно любит ее? Ему, кажется, и впрямь по душе ее общество, и он так старался завоевать ее. Или он просто нуждался в коллеге и подходящем партнере в постели?

— В твоём распоряжении три минуты, — крикнул снизу Ли, — И как ты меня накажешь, если я не буду готова? — крикнула она в ответ.

— Воздержанием!

Блейр, смеясь, натянула толстые холщевые штаны и фланелевую рубашу. Штаны были слишком короткими, но в целом ей удалось прикрыть тело. Они оказались еще и широки в талии, поэтому Блейр поддерживала их руками.

Внизу Ли укладывал в рюкзак еду.

— У тебя есть пояс? — спросила она. Когда он повернулся к ней, она с лукавой улыбкой позволила штанам упасть на пол. Стон Ли сполна вознаградила ее.

Он наклонился к вязанке дров, вытащил оттуда веревку.

Затем, встав около Блейр на колени, начал вдевать ее в шлевки, покрывая ее ноги поцелуями; И когда эта деталь ее одежды была водружена на место, Блейр едва держалась на ногах.

Ли направился к двери:

— Пойдем.

На этот раз лукавая улыбка играла на его губах. Едва справляясь с дрожью в коленях, Блейр последовала за ним.

Ли и Блейр прошли вдоль узкой оленьей тропы, потом через молодую дубовую поросль, пересекли луг и начали подниматься в гору. Олени объели кору на осинах, отчего многие из них погибли, поэтому пришлось перелезть через упавшие, деревья. Везде были видны следы животных, с наступлением лета ушедших на север.

Ли показал Блейр ястреба и назвал несколько цветков. Почувствовав, что идет слишком быстро, Ли замедлил шаг, отводя с ее пути в сторону ветви молоденьких дубков.

Наверху оказалась плоская площадка, второй склон горы зарос пихтами. И на много миль вокруг в голубой туманной дымке виднелись горы. Ли сел, прислонившись к поваленному дереву, и раскрыл Блейр свои объятия. Она благодарно свернулась рядом с ним клубочком, держа Ли за руки и перебирая его пальцы.

— Что имел в виду шериф, когда сказал, что ты нашел свою половину? — спросила она.

Ли сидел с закрытыми глазами, подставив лицо теплым солнечным лучам.

— В детстве у меня пару раз были неприятности. Полагаю, он не простил меня. Блейр выпрямилась:

— У тебя? У тебя были неприятности? Но ты всегда был образцом добродетели, мечтой любой матери.

Не открывая глаз, он улыбнулся и притянул ее к себе.

— Ты почти ничего обо мне не знаешь. Я совсем не такой, как тебе кажется.

— Тогда расскажи, что это были за неприятности и почему я ничего о них, не знаю. Я уверена, что подобное событие попало бы на первую страницу нашей газеты: «Святой Лиандер оказался несовершеннолетним».

Ли широко улыбнулся:

— Ты не слышала об этом, потому что моему отцу удалось замять происшествие, а кроме того, это произошло в Колорадо-Спрингс. А что я натворил? Получил две пули.

— Пули? — поразилась Блейр. — Но я не видела следов.

Ли хмыкнул:

— Ты меня еще не разглядывала. Как только я к тебе приближался, ты на меня налетала.

— Я ничего подобного... — Блейр замолчала, потому что слова Ли были правдой. — Как это получилось? — слабым голосом произнесла она.

— Как-то раз я поехал с отцом в Колорадо-Спрингс. Мне было тогда лет четырнадцать. Ему нужно было переговорить со свидетелем по делу его клиента, и встреча была назначена в гостинице недалеко от банка. Мы только что пообедали и собрались уходить, как внезапно началась стрельба и кто-то закричал, что грабят банк. Я выглянул на улицу и увидел с полдюжины мужчин, ехавших верхом в нашу сторону. Не успев даже подумать, я выскочил на улицу. Поблизости стояла подвода, нагруженная чем-то тяжелым и запряженная четверью лошадьми. Я впрыгнул в нее, стронул с места и поставил поперек улицы, преградив бандитам дорогу.

— И они стреляли в тебя.

— Я не смог соскочить с подводы, потому что иначе лошади двинулись бы вперед и освободили им проезд.

— Значит, ты просто сидел и сдерживал лошадей, — с благоговейным страхом проговорила Блейр.

— Я сидел там, пока шериф не схватил грабителей.

— И что потом? Он улыбнулся:

— Потом отец стащил меня с подводы и отвел к врачу, который вытащил пулю, вторая прошла через руку навывлет. Еще он позволил мне выпить, и, клянусь, похмелье оказалось куда хуже моих ран.

— Но благодаря тебе преступники были схвачены.

— И просидели в тюрьме много лет. Сейчас они вышли на свободу, и я даже повстречал одного из них.

— Когда? — спросила она.

— В тот вечер, когда мы ходили на прием. Помнишь, как мы ездили на Ривер-стрит? Попытка самоубийства? Помнишь того мужчину на улице? По-моему, он тебе не понравился.

— Игрок, — сказала она, вспомнив, как он на нее смотрел.

— И игрок тоже. Лего провел в тюрьме десять лет за то ограбление в Колорадо-Спрингс.

— Из-за тебя, — заметила Блейр. — Он должен тебя ненавидеть, раз ты помог поймать его.

Возможно, — равнодушно подтвердил Ли. Он открыл глаза и посмотрел на Блейр:

— Тогда ты тоже должна меня ненавидеть.

— Не совсем ненавидеть... — начала она, потом улыбнулась. — Куда ты ездил в нашу брачную ночь?

— Хочешь посмотреть мои шрамы?

Она начала было говорить, что он уходит от ответа, но сжала губы, так что они превратились в тонкую полоску, и промолчала.

Он взял ее за подбородок:

— Медовый месяц не время для обид и мрачных взглядов. Хочешь, я расскажу тебе, как принимал тройняшек?

Она молчала.

— У одного из них было не правильное положение. Молчание.

— Роды были преждевременные, младенцы выходили медленно, каждый — через час, и, чтобы сохранить им жизнь, нам пришлось...

— Пришлось — что? — спросила она после долгого молчания.

— О, ничего. Все было не так интересно. Правда, об этом написали в трех журналах. Или в четырех? — Он пожал плечами. — Неважно.

— А почему об этом написали?

— Потому что для спасения их жизни мы применили метод... Но тебе, возможно, это не будет интересно. Зевнув, он снова прислонился к поваленному дереву. Блейр бросилась на него, сжав кулаки.

— Скажи мне, скажи, скажи, — кричала она, а Ли смеялся и предпринимал попытки повалить ее на траву. Он успокоился, когда она оказалась на спине.

— Я расскажу, но ты тоже должна открыть мне какой-нибудь из своих секретов.

— У меня нет секретов, — пристально глядя на него, сказала Блейр, напоминая, что он отказался ответить, где был.

— Есть. Кто подложил ужа в мою коробку для завтраков? А кузнечиков в пенал? Блейр моргнула.

— Я не вполне уверена, но, скорее всего, это та же особа, которая положила тебе в ботинки ячменный сахар, которая зашивала рукава твоей куртки, которая насыпала жгучего перца в твои сэндвичи, которая...

— На вечеринке в саду у моей мамы!" — перебил он. — Я сидел и ел эти сэндвичи и думал, что и у всех остальных горит во рту и они готовы убить меня за такое угощение. Как это тебе удалось?

— Я дала Джимми Саммерсу пенни, чтобы он отвязал своего грязного пса, когда я уроню ложку. Пес побежал в сад, и ты — неутомимый спасатель — бросился за ним. Все смотрели на тебя, так что у меня было достаточно времени, чтобы заняться твоими сэндвичами. Я думала, что умру, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Ты был чуть жив, но съел все до последнего кусочка.

Он покачал головой:

— А сухая коровья лепешка в моей любимой шляпе для рыбалки? Она кивнула.

— А портрет мисс Эдисон на моей грифельной доске?

Она кивнула.

— И никто ни разу не поймал тебя?

— Твой отец — однажды. Хьюстон сказала, что ты собираешься на рыбалку, и я пробралась к твоему дому, высыпала из жестянки только что накопанных тобой червей и заменила их ужом. К сожалению, тут меня поймал твой отец.

— Воображаю, что он тебе сказал. Он и так уже был сыт по горло шалостями Нины.

— Он сказал, что я никогда не стану леди.

— И оказался прав, — мрачно сказал Ли, прижимаясь к ней. — Ты совсем не леди. Ты живая женщина, из плоти и крови, — он ухмыльнулся. — Плоти много, и как раз там, где нужно.

Она округлила глаза:

— Вы хотите похитить мою девственность, сэр? О, пожалуйста, сэр, это все, что у меня осталось.

— За содеянное вами вы не заслуживаете даже этого, юная леди, — хитро улыбнувшись и понизив голос, сказал он. — Вас судили и признали виновной, и теперь вы понесете наказание.

— Да? — она подняла бровь. — За ячменный сахар в твоих туфлях?

— Я склоняюсь к мысли о том, чтобы навсегда сделать вас рабыней своих любовных утех.

— Не слишком ли это жестоко за кусочек ячменного сахара?

— Это за жгучий перец и за... — Он замолчал, что-то вспоминая. — А это не ты посыпала мои крекеры нюхательным табаком? И сажай — бинокль отца, когда я принес его в школу?

Она кивнула, почувствовав себя виноватой перед лицом такого внушительного списка проказ.

Он смотрел на нее почти со страхом.

— Я знал, что часть их — твоих рук дело, но всегда считал, что в основном их устраивал Джон Лечнер.

Знаешь, четыре года назад я встретил его в Нью-Йорке и, вспомнив, что, как я считал, он вытворял, боюсь, обошелся с ним не слишком любезно.

— А ты не мстил?

— Да сто раз! Годами с меня не сходили синяки от драк с Джоном, — он ухмыльнулся. — Подумать только, он был ни при чем. А что я мог с тобой сделать, даже когда знал, что виновата ты? Ты была на шесть лет младше, а кроме того, меня сдерживало воспоминание об устроенной отцом порке, когда я однажды отлупил тебя. С тех пор я сначала думал, прежде чем ударить девочку.

— Так, значит, теперь мне придется расплачиваться за детские шалости, — преувеличенно горько вздохнула она. — Жизнь тяжела.

— Не так уж она и тяжела, — сказал он, улыбаясь.

— По счастью, я врач, и меня невозможно напугать.

— Меня привлекли не твои медицинские способности.

— Да? А что же тебя во мне привлекло?

— Твое настойчивое желание обратить на себя мое внимание. Я терпел долго, но всему есть предел.

— Ты так думаешь, — устало произнесла Блейр.

— Люблю покорных женщин, — пробормотал он, засунув руку ей под рубашку и ведя пальцами от живота к груди.

Блейр была потрясена, что опять хочет его так скоро, но, прикоснувшись к теплой коже Ли, запылала, как в первый раз. Она никогда не вспоминала о своих проделках. Тогда она считала, что делает все это из-за ненависти к нему, что она злится на него, потому что он забрал у нее Хьюстон. Но сейчас она задумалась, не было ли это на самом деле продиктовано желанием привлечь его внимание?

Он поднял голову и начал расстегивать пуговицы ее рубашки, она взяла его лицо в ладони.

— Я не понимаю, что ты значишь для меня, — прошептала она.

Ли нежно улыбнулся:

— Еще нет? Что ж, оставайся со мной и поймешь. Блейр смутилась. Она чувствовала растерянность. Большую часть ее жизни он был ее врагом. Она вредила ему, как могла. И тем не менее Ли сказал, что именно это помогло ей успешно расстроить свадьбу сестры. Почему? Почему она легла в постель с мужчиной, которого, она могла поклясться, ненавидела? Ли взял ее руки в свои и поцеловал ладони.

— Мы теряем время, пока ты пытаешься найти ответы на вечные вопросы, — и покончил с пуговицами на ее рубашке.

Они занимались любовью неспешно, почти осторожно. Ли внимательно следил за выражением ее лица. Он перецеловал кончики ее пальцев, посасывая их, и ощущение теплой, влажной внутренности его рта наполнило ее теплом. Он целовал ее грудь, гладил прекрасное тело.

Акт любви оказался нежным, сладостным, бесконечным.

Потом он не спешил отпустить ее, не разжимал рук, словно пытался обернуть свое тело вокруг нее, спрятать ее в себя.

Блейр лежала в кольце его рук, слушала трещание кузнечиков, тоненький свист колибри и шум ветра и чувствовала, как Ли заполняет собой все ее существо. И ей больше всего на свете хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно.

— Когда мы доберемся до дома, тебе придется нанять кого-нибудь приглядывать за моими носками, — нежно сказал он.

— Что? — рассеянно спросила она, по-прежнему держась за него, словно от этого

зависела ее жизнь.

— Мои носки и рубашки... а еще я люблю, когда мне чистят ботинки. Кроме того, нужно, чтобы кто-то наводил порядок, поддерживал чистоту, заправлял постель и готовил еду.

Блейр молчала, начав осознавать, о чем он говорит. С детства единственным ее интересом — и предметом изучения — была медицина. Она понятия не имела, как вести хозяйство.

Она тяжело вздохнула:

— Ты думаешь, кто-нибудь захочет на нас жениться? Ли рассмеялся:

— Мы можем узнать. Я познакомился с леди-преступницей, которая...

Он замолчал, потому что Блейр захватила зубами его кожу и приготовилась укусить.

— Да, — сказала она, отодвинувшись, чтобы видеть его, — я и вправду ничего не знаю о ведении хозяйства. Моя мама пыталась научить меня, но...

— Ты лазала по деревьям.

— Или куда-нибудь убегала. Тетя Фло тоже пробовала, но дядя Генри говорил, что еще успеется, и забирал меня с собой в операционную. Боюсь, что время упущено. В следующем году я собиралась пойти на курсы домоводства, чтобы подготовиться к жизни с Аланом.

— Курсы? Это там, где учат, как содержать в чистоте туалет и оттирать полы?

— Ты думаешь, это будет так скучно?

— Возможно, даже хуже.

Она положила голову ему на плечо.

— Я же отговаривала тебя от женитьбы на мне. Теперь ты видишь, почему мужчины сторонились меня. Хьюстон понимает в этих делах несравненно больше. Тебе следовало удержать ее.

— Может быть, — мрачно согласился он. — Уж она-то никогда не полезла бы в мою медицинскую сумку.

— Я никогда в нее не лазила, — вознегодовала Блейр. — У меня есть своя.

— Да, но Хьюстон знает, как вести хозяйство. Думаю, что носки ее мужа всегда будут в порядке и на своем месте.

Блейр оттолкнула его:

— Если тебе нужно только это, можешь отправляться к ней или к любой другой женщине. Если ты воображаешь, что я посвящу свою жизнь твоему белью, ты ошибаешься.

Она сердито начала натягивать брюки.

— Ну хотя бы одному носочку? — с мольбой в голосе попросил Ли.

Блейр взглянула на его и увидела, что он улыбается.

— Ты! — засмеялась она и упала в его объятия. — Ты не порассказал мне о тройняшках.

— Каких тройняшках?

— Ну ты принимал роды, о которых написали в четырех журналах.

Он посмотрел на нее, как на сумасшедшую:

— Я никогда не принимал тройняшек.

— Но ты сказал... Ах ты! — задохнулась от смеха Блейр.

Он провел рукой по ее уже прикрытым ногам и по голой спине.

— Прогуляемся к реке? Там и перекусим.

— И поговорим о клинике, — сказала она и надела рубаху. — Когда, по твоим расчетам, придет оборудование? Кстати, ты так и не сказал, что именно ты заказал. Ли, если ты не

сможешь работать там постоянно, я могла бы написать своей подруге, доктору Луизе Бликер. Она неплохой специалист, а Чандлер растет не по дням, а по часам, поэтому еще один врач нам не помешает.

— Я-то предполагал пригласить миссис Креббс. Блейр перестала застегивать пуговицы.

— Миссис Креббс! Как-то раз в больницу привезли мальчика, у которого в горле застряла куриная косточка. Так она предложила мне подождать, пока придет настоящий врач.

— И она до сих пор жива? — спросил Ли, округлив глаза.

Блейр сощурилась:

— Ты опять меня дразнишь?

— Я никогда не дразню женщин, похожих на тебя. Пойдем, — сказал он, не дав ей ответить. — Если мы хотим поговорить о делах, давай сделаем это во время прогулки.

Держась за руки, Лиандер и Блейр направились к дому. Они то и дело останавливались для поцелуя, пытаясь при этом стащить друг с друга одежду. Так что когда они почти дошли до дома, их рубахи были расстегнуты до пояса.

Но атмосфера забавы быстро улетучилась: у крыльца стоял Рид Вестфилд.

Ли моментально помрачнел, встал между Блейр и домом и стал застегивать на ней рубаху.

— Слушай меня, — тихо сказал он. — Боюсь, мне опять придется уехать. Не думаю, чтобы отец приехал просто так.

— Опять срочный вызов? Я могу... — Что-то в его глазах заставило ее замолчать и сжать зубы. — Снова такой же вызов? И меня опять отстраняют, потому что я не заслуживаю доверия? Срочный вызов только для мужчин?

Он положил руки ей на плечи:

— Блейр, ты должна мне доверять. Я бы все тебе рассказал, если бы мог, но для твоего же собственного благополучия...

— Для моего собственного благополучия мне следует пребывать в неведении. Я прекрасно тебя поняла.

— Ты ничего не поняла! — сказал Ли, сжимая ее плечи. — Тебе просто придется доверять мне. Если смогу, я расскажу.

Она вырвалась.

— Я прекрасно все понимаю. Ты точно такой же, как мистер Гейтс. Ты твердо знаешь, что женщине можно и чего нельзя и что на меня нельзя положиться до такой степени, чтобы сказать, куда ты так таинственно исчезаешь. Скажи, что ты собираешься мне разрешать теперь, когда мы поженились? Что, кроме домашнего хозяйства и постели? Я могу продолжить врачебную практику или и для этого я еще не доросла?

Ли возвел глаза к небу, словно ища там поддержки.

— Хорошо, думай как хочешь. Ты, кажется, считаешь меня чудовищем, таким я и буду. Мой отец приехал с важным сообщением, и мне придется сейчас уехать. Я не могу тебе сказать, куда я еду, или не хочу. От тебя же я хочу, чтобы ты вернулась в Чандлер с моим отцом, а я буду дома, как только смогу.

Ничего не сказав, Блейр обошла Ли и направилась к дому. Ей было трудно даже взглянуть на Рида. Она никогда ему не нравилась, и он знал о ее проделках, касающихся его драгоценного сына. Когда Ли объявил, что хочет жениться на Блейр, Рид участвовал в немилосердном допросе, учиненном Гейтсом, а потом в открытую лгал ей, сочинив о Ли и французенке.

Поэтому сейчас она не могла вести себя с ним тепло и сердечно. Она холодно поздоровалась и прошла в дом.

Даже оставшись одна, Блейр не могла позволить себе расслабиться. А что она еще ожидала? Ли сказал, что любит ее, но какой мужчина не полюбит женщину, которая с готовностью делит с ним постель? Просто чувство чести не позволило Ли бросить ее, поскольку она оказалась девственницей.

Блейр поднялась наверх и переоделась в свой медицинский наряд. В открытое окно ей были слышны голоса мужчин. Она выглянула — Ли с отцом стояли невдалеке и, судя по

жестам, вели не совсем дружескую беседу.

Ли присел на траву, жуя какой-то стебелек, а Рид угрожающе навис над ним всем телом. Блейр показалось, что Рид угрожает Ли.

Почти против своей воли она стала прислушиваться. До нее долетели лишь некоторые слова — «опасность», «...рискуешь своей жизнью...», «Пинкертон».

Она отодвинулась от окна.

— Пинкертон? — прошептала Блейр, застегивая последние пуговицы.

Что общего у Ли с детективным агентством Пинкертона?

С минуту она сидела на кровати. У нее так и не было времени, чтобы поразмыслить, куда Ли уезжал в их брачную ночь. Рид ей солгал, и она ему поверила. Уж лучше бы Ли действительно кого-нибудь любил. Пусть бы он и в самом деле отправился к бандитам, чтобы спасти их главаря от, скажем, заражения крови. Но Ли вовлечен во что-то другое, что-то... Она не хотела даже думать об этом. Может, он помогал агентству Пинкертона? Но, исходя из предостережений Рида, Блейр отбросила эту мысль.

Лиандер был связан с чем-то незаконным. Она так и знала, она чувствовала. И поэтому он не мог сказать ей, чем занимается. Он хотел, чтобы она осталась в стороне.

Едва передвигая ноги, Блейр спустилась по лестнице и подошла к двери как раз тогда, когда вошел Ли.

— Мне придется уехать, — сказал он, наблюдая за ее реакцией.

Блейр подняла на него глаза. Какое преступление совершил Ли? И почему? Ему нужны деньги? Она вспомнила о новом медицинском оборудовании, которое он заказал в Денвере. Оно, должно быть, стоит немалых денег, а все знают, что врачи зарабатывают очень скромно. Ли, конечно, унаследовал кое-что от матери, но, кто знает, сколько? Он делает это ради новой клиники? Чтобы иметь возможность помогать людям?

— Я знаю, — сказала она, беря его за руку. Он вздохнул с облегчением:

— Ты больше не сердишься?

— Нет, не сержусь.

Он поцеловал ее — она почувствовала боль и сладость.

— Я постараюсь вернуться как можно скорее. Отец отвезет тебя в город.

И без лишних слов он вышел, вскочил на жеребца и, быстро спустившись с горы, исчез из вида.

Блейр села на лошадь, приведенную для нее Ридом, и они молча отправились домой. Большую часть пути, пролежавшего между соснами и через ручейки, Блейр ломала голову над исчезновениями Ли, говоря себе, что она ошибается, и молясь за него.

За несколько миль до Чандлера, когда местность выровнялась и стала суше, Рид поехал рядом с Блейр.

— Я думаю, что оба мы погорячились в свое время, — сказал он.

— Да, — искренне ответила она. — Это случилось, когда мне было около восьми лет. Он озадаченно посмотрел на Блейр:

— А, да, твои проделки. Знаешь, я бы ничего и не узнал, если бы моя жена не раскрыла некоторые из них. Ли о них никогда и словом не обмолвился. Хелен сказала только, что подстраивала их девочка. Она сказала, что мальчики умны, но не так, как девочки, а подстроено все очень хитро. Она очень заинтересовалась тобой, после того как я сказал, что видел, как ты подменяла червяков змеей. «Блейр Чандлер, — сказала она, — я должна была догадаться, ведь она постоянно проявляет к Ли необыкновенный интерес». Не знаю, что она

хотела этим сказать, но помню, что она всегда очень смеялась над другими твоими проделками.

— Если Ли ничего не говорил, как она узнала?

— Иногда Нина говорила, иногда учительница Ли. Однажды Ли пришел домой из школы с резьбой в желудке. Хелен уложила его в постель и, вернувшись на кухню, увидела, что его коробка для завтраков медленно движется по столу. Она сказала, что чуть не умерла от страха, но все же приоткрыла ее и заглянула внутрь.

Там оказалась рогатая жаба, которую Хелен с удовольствием отнесла в сад.

— Ничего удивительного, что вы не почувствовали большой радости, когда Ли сказал, что собирается жениться на мне, — проговорила Блейр.

Рид немного помолчал, управляя лошадью.

— Я скажу тебе, что меня больше всего волнует относительно вас двоих, и это не имеет ничего общего с теми проделками. Все дело в том, что мой сын очень много работает. Еще совсем юным он работал сразу в трех местах. По некоторым причинам Ли считает, что несет ответственность за Несовершенство окружающей жизни. Я очень гордился, когда он сказал, что хочет стать врачом, но и беспокоился тоже. Я боялся, что он возьмет на себя слишком много — так и случилось. Он работает в больнице, он управляет ею, хотя администратором считается доктор Уэбстер. Ли всегда готов помочь остальным врачам города. Четыре ночи в неделю он ездит по вызовам. И кроме того, навещает пациентов за городом.

— И вы боитесь, что я буду ему обузой? — прошептала Блейр.

— Я не мог не заметить, что тебя всегда сопровождают разные бурные происшествия. Я хотел, чтобы Ли женился на девушке, совсем на него не похожей, как Хьюстон, например. Она ведь копия Опал, сидела бы дома, занималась бы хозяйством, шила. Я не хочу сказать, что имею что-то против тебя, но посмотри сама, сколько всего случилось с того времени, как ты вернулась в Чандлер.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — произнесла Блейр, перед мысленным взором которой пронеслись картины нескольких последних недель. — Боюсь, Ли жил, как на вулкане.

— Он чуть не погубил себя, пытаясь произвести на тебя впечатление своими профессиональными качествами. — Рид замолчал и улыбнулся Блейр. — Но я все же понял, что он действительно хотел добиться тебя.

— Я тоже поняла, — пробормотала она, подумав, что, может быть, из-за нее он и занимается своей незаконной деятельностью. Блейр и Рид въехали в Чандлер в молчании. Последний отрезок пути они проделали при свете звезд. Он оставил ее у дома, который она теперь делила с Ли, и Блейр вошла туда с тяжелым сердцем. Не наделал ли он долгов и из-за этого дома тоже?

Она быстро искупалась и устало забралась в пустую постель. Похоже, в этом доме она обречена проводить ночи в одиночестве.

В шесть утра она проснулась от телефонного звонка. Пошатываясь, она спустилась вниз. Телефонистка Кэролайн сказала:

— Блейр-Хьюстон, прибыли четыре фургона с грузом из Денвера, Лиандера ждут у старого склада на Арчер-авеню.

— Он не может прийти, но я буду там через пятнадцать минут.

— Но это медицинское оборудование, Лиандер должен объяснить, куда его ставить.

— Согласно моему диплому, я — врач, — ледяным тоном ответила Блейр.

— Да-да, конечно, я ничего такого не хотела сказать. Я всего лишь передаю, что мне ведено. — Она помолчала, не решаясь спросить. — А потому Лиандер не может прийти?

«Ну и любопытство!» — подумала Блейр. Само собой разумеется, она не собиралась говорить, что Ли уехал на очередной таинственный вызов.

— Потому что я его вымотала, — сказала она с улыбкой и повесила трубку. Пусть посплетничают.

Блейр слетела по ступенькам, а через пять минут уже мчалась по улице, на ходу закалывая волосы. Добежав до здания склада, она увидела там фургоны и нескольких мужчин, выказывающих признаки нетерпения.

— Здравствуйте, я доктор Вестфилд.

Один из мужчин, крупный тип, жующий табак, не спеша оглядел ее с ног до головы, остальные делали вид, что их нисколько не интересует это чудо природы. Мужчина выплюнул свою жвачку.

— Куда прикажете сложить?

— Внутрь, — сказала Блейр, указывая на склад. Тут же обнаружилось препятствие. У нее не было ни ключа, ни представления о том, где Ли может его хранить. Мужчины скептически поглядывали на нее, словно не ожидали ничего иного от женщины, называющей себя врачом.

— Очень плохо, что мы не можем туда попасть, — печально сказала Блейр, — потому что мой отчим держит пивоварню, и он пообещал тем, кто поможет мне с новым оборудованием, бочонок пива в качестве премии. Но наверное...

Звук разбитого стекла заглушил ее слова.

— Простите, мэм, — сказал один из мужчин, — я, кажется, слишком сильно нажал на стекло. Но, похоже, сквозь него мог бы пробраться кто-нибудь не слишком большой.

Минуту спустя Блейр очутилась внутри и открыла дверь. Солнечные лучи осветили помещение: из всех углов свисает паутина, пол завален разной рухлядью, потолок протек по меньшей мере в трех местах.

— Вон туда, — рассеянно указала она на угол, который казался если не слишком чистым, то хотя бы сухим.

Пока мужчины разгружали фургоны, она огляделась, прикидывая, как лучше все здесь устроить.

Мужчины внесли дубовые столы, высокие шкафы со стеклянными дверями, большие раковины, маленькие коробочки с инструментами, бинты и вату — все необходимое для лечебного учреждения.

— Ну как, всего хватает?

Она повернулась и увидела Ли, осматривавшего оборудование и мебель.

Он пристально глядел на Блейр, куря сигару. Одежда его была грязной, выглядел он усталым.

— Более чем, — ответила она и подумала о стоимости груза. — Ты выглядишь измученным. Тебе нужно поехать домой и поспать. А я собираюсь нанять женщин, чтобы отмыть это помещение.

Улыбнувшись, он бросил ей ключ.

— Вот возьми — это спасет все остальные окна. Поскорей приходи домой, — сказал он, подмигнув, и ушел.

На глаза Блейр навернулись слезы. Что бы он ни делал, он делает это из желания

помочь другим людям, в этом она была уверена. Сколько бы ни стоило это оборудование, он собирался заплатить за него — любым способом.

Закончив свою работу, мужчины подвезли Блейр до дома, и она позвонила матери, прося уладить вопрос с пивом. Опал сказала, что мистер Гейтс так доволен, что Блейр вышла замуж за достойного человека, что без сомнения выдаст обещанный бочонок пива.

После разговора с матерью Блейр позвонила Хьюстон. Хьюстон знает, кого нанять для уборки помещения. И к десяти часам целый отряд женщин, вооруженных щетками, швабрами и скребками, не жалея воды, наводил чистоту.

В одиннадцать Блейр переговорила с мистером Хитчманом, строившим Чандлер-хаус, и договорилась, что двое его сыновей приступят к перепланировке склада по чертежам Лиандера.

В два часа вернулся Ли, и, не обращая внимания на шум и пыль, она рассказала ему, что ей удалось проверить.

Блейр сопротивлялась и говорила, что не может оставить работу без присмотра, но все же позволила Ли усадить себя в экипаж и отвезти в кафе мисс Эмили. Взглянув на Блейр, мисс Эмили отослала ее в заднюю комнату с приказом отмыться от грязи. Когда Блейр вернулась, Ли ждал ее за столом, уставленным сэндвичами с курицей и пирожными с клубникой:

Проголодавшаяся Блейр набросилась на еду, успевая еще и говорить при этом:

—..этот высокий шкаф можно поставить в операционную, а большая раковина подойдет...

— Тише, тише. Невозможно сделать всю работу за один день.

— Я понимаю. Я спешу потому, что городу очень нужна женская клиника. Много лет назад мама водила меня посмотреть женскую лечебницу здесь, в Чандлере. Там все так же ужасно?

— Хуже, чем можно представить, — серьезно ответил Ли, потом взял ее руку и поцеловал. — Так что же мы тянем время? Вперед — за работу. Кстати, я Позвонил твоей сестре и попросил нанять для нас горничную и экономку.

— Двоих? — спросила Блейр. — Мы можем позволить двоих?

Он с удивлением посмотрел на нее:

— Если, конечно, ты не уничтожишь все запасы мисс Эмили.

Он совсем растерялся, когда в ответ на его слова она сразу же положила обратно на тарелку сэндвич, который было взяла.

— В чем дело, Блейр? Я, конечно, не так богат, как Таггерт, но вполне могу позволить пару горничных. Она поднялась:

— Идем? Еще должен прийти водопроводчик. Так и не оправившись от удивления, Ли вышел следом за Блейр.

Франсуаза с силой поставила стакан на стол и, к своему разочарованию, обнаружила, что стекло слишком толстое и прочное, чтобы разбиться.

— Это все из-за нее, — ругнулась она.

Позади раздался мужской голос, заставивший Франсуазу подпрыгнуть. Она обернулась и увидела Лего — высокого, худощавого, гибкого. Он имел обыкновение появляться и исчезать без звука. Сейчас он стоял, покручивая усы.

— Опять о ней?

Не потрудившись ответить, Франсуаза встала и подошла к окну. Ставни были закрыты, тяжелые плюшевые шторы задернуты. Никто не должен ее видеть, она прячется в этой комнате уже неделю. Члены ее шайки находятся кто в тюрьме, кто в больнице. Медведи, которых заманила в каньон эта женщина, создали такую панику, что одного из мужчин чуть не затоптала лошадь. Двое были застрелены, а нога еще у одного — изуродована разозленным зверем. К тому времени когда люди шерифа разобрали завал, бандиты умоляли арестовать их.

И все это из-за одной женщины.

— Я не могу не вспоминать о ней, — злобно сказала Франсуаза.

Больше всего ее приводило в ярость сознание того, что ее выставили душой. Это сборище идиотов даже не сумело найти ее, хотя она находилась у них под носом.

За эту, неделю Франсуаза имела время, чтобы вспомнить все происшедшее в мельчайших подробностях. И теперь ей было понятно, как эта женщина использовала ее. Она поняла, что Блейр только притворялась рассерженной на своего красивого мужа, только сделала вид, что усыпила его, и не случайно «забыла» на столе нож, чтобы помочь Франсуазе бежать.

— Надеюсь, ты не считаешь виновным доктора? — с усмешкой спросил Лего. — Виновата только женщина.

— Это все она подстроила, — дернулась Франсуаза. — Как бы я хотела с ней поквитаться.

— А я бы хотел поквитаться с Вестфилдом, — сказал Лего.

— А что он тебе сделал?

Лего потер запястья. Он старательно прятал рубцы — следы железных манжет, которые он носил в тюрьме, куда засадил его Вестфилд.

— Скажем, у меня есть достаточно оснований хотеть этого, — он помолчал. — Сегодня вечером я жду новостей. Надеюсь, я узнаю день отправки груза.

— Я тоже очень на это надеюсь, — с чувством сказала Франсуаза. — Как только дело будет сделано, я отправляюсь на Восток, в Техас.

— И бросишь свою дорогую, преданную тебе банду? — с издевкой спросил Лего.

— Идиоты! Им будем полезно посидеть в тюрьме несколько лет. Насчет сегодняшнего вечера: я могу поехать с тобой? Я бы все отдала, чтобы хоть ненадолго выйти отсюда.

— Все?

— Все, что не мешает нашему сотрудничеству, — сказала она с улыбкой, думая о том, что скорее прыгнет в яму с гремучими змеями, чем переспит с Лего. — Ночью меня никто не увидит. Я хочу подышать свежим воздухом и развеяться — ожидание сводит меня с ума.

— Конечно. Почему нет? Я встречаюсь с этим человеком далеко за городом, на горе позади шахты «Маленькая Памела». Но если тебя кто-нибудь узнает, не жди, что я брошусь к тебе на защиту. За мной сейчас ничего нет, и я не хочу менять это положение.

— За меня не волнуйся. Волнуйся о том, как вывезти добычу из Чандлера. Я-то и укрытии, а ты на виду.

— Не переживай. Я что-нибудь придумаю, — сказал он уже у двери. — Я приду за тобой в полночь.

Через несколько часов они выехали из города, избегая не только света, льющегося из окон домов, но даже фонариков на экипажах. Франсуаза надвинула шляпу на глаза и закуталась в толстую куртку, а вместо юбки на ней были брюки, так что никто, пожалуй, не принял бы ее за женщину.

Они встретились с посланцем, и новости их порадовали. Улыбаясь, они спустились с горы к тому месту, где спрятали лошадей.

— Тихо! Какой-то шум, — сказал Лего и одним прыжком спрятался за валун.

Франсуаза тоже спряталась, и они увидели, как из-за деревьев вышли двое мужчин. Их было хорошо видно в ярком лунном свете. Один — невысокий и полноватый — нервничал, а второй — высокий, стройный, с пистолетом, блеснувшим в лунных лучах, — был спокоен, но держался осторожно. Он подождал, пока его низенький спутник заберется в экипаж, спрятанный за пиниями, росшими тесной группой. Оглядевшись, он чиркнул спичкой и закурил сигару.

— Вестфилд! — изумилась Франсуаза, Лего шикнул на нее.

Они проследили, как высокий мужчина — Лиандер — тронул экипаж с места, но второго человека рядом с ним не было.

— Куда он делся? — спросила Франсуаза, когда экипаж уехал.

— Спрятался, — задумчиво произнес Лего. — Почему, интересно, такой правильный, такой добропорядочный врач прячет у себя в экипаже человека, да еще посреди ночи?

— А там внизу не шахта?

— Конечно, но какое это имеет значение? Думаешь, он собирается похитить пару тонн угля?

— Он и его потаскушка где-то стащили динамит, возможно на шахте.

Лего теребил кончики усов.

— Он очень хорошо знаком с угольными шахтами.

— Ты можешь сидеть и думать хоть всю ночь, но для меня тут слишком холодно. Нам еще многое надо продумать, а времени на это почти нет.

Лего молча шел за Франсуазой к лошадям.

— Эта женщина, на которой женился Вестфилд, — сказал он, берясь за луку седла, — она ведь Чандлер?

— Да, и город так называется.

— Верно. Самое уважаемое здесь имя.

— Что ты задумал?

— Ты видела Вестфилда и его жену вместе. Как ты думаешь, на что она пойдет ради него?

— На что? — Франсуаза вспомнила, какими глазами смотрела та женщина на врача — словно боялась, что он может исчезнуть, а если бы он начал таять в воздухе, схватилась бы за полы его одежды. — Уверена, ради него она пойдет на все.

Лего улыбнулся, показав великолепные, крепкие белые зубы.. — Не знаю, что мы тут сегодня видели, но я собираюсь это выяснить. А когда выясню, то подумаю, как это использовать. Нам нужно вывезти наш груз из Чандлера.

Франсуаза тоже начала улыбаться.

— А кто сделает это лучше, чем Чандлер?

***

Лиандер и Блейр не выходили из будущей клиники три дня подряд, руководя несколькими бригадами рабочих. Наконец все было готово. На третий день вечером Ли взобрался по лестнице и прибил большую вывеску: «Женская клиника Вестфилдов».

Спустившись на землю, он увидел на лице Блейр выражение, какое бывает у ребенка, который впервые попробовал мороженое.

— Пойдем внутрь, — сказал он. — Я кое-что приготовил, чтобы отпраздновать это событие.

Блейр не двинулась, тогда он взял ее за руку и втащил в помещение.

Под дубовой крышкой в оцинкованной раковине были спрятаны две бутылки шампанского во льду.

Блейр попятилась:

— Ли, ты знаешь, как на меня действует шампанское.

— И не собираюсь забывать, — сказал он, вынимая пробку. Потом наполнил хрустальный бокал и протянул ей.

Блейр сделала маленький глоток, посмотрела на Ли поверх края бокала, затем осушила его и протянула за новой порцией.

— Не очень расстраиваешься из-за больницы св. Иосифа? Ты ведь могла там работать.

Она не отводила взгляд от вина, льющегося в ее бокал.

— И не работать с любимым человеком? Эй! — вскрикнула она, потому что Ли перелил шампанское через край.

Она подняла глаза и встретила с его пылающим взором.

— Как долго? — прошептал он. Блейр постаралась казаться равнодушной, но слова вылетели сами по себе:

— Может быть, всегда. Может быть, я полюбила тебя с первого взгляда. Может быть, я перепробовала все, чтобы возненавидеть тебя из-за того, что Хьюстон первая заявила на тебя права, но, похоже, мне это не удалось. Что бы я ни придумывала, ты выходил победителем.

Ли и так стоял близко, но огонь в его глазах заставил ее сделать еще шаг.

— Значит, я прошел твои испытания? Как Геракл с его подвигами?

— Но ведь это было не настолько трудно.

— Да? Меня до сих пор спрашивают, не хочу ли я принять участие в соревнованиях по гребле. А подмена у алтаря в последнюю минуту — все хотят знать, знаю ли я, на ком из близнецов женат?

— Но ведь в твоей коробке для завтраков больше нет змей, — мрачно сказала она.

Лиандер поставил свой, потом ее бокал на край раковины и подошел к ней:

— Тебе придется многое делать для меня.

— Я всегда буду содержать твои инструменты в порядке, — сказала она, отступая на шаг.

Лиандер просто стоял и молча смотрел на нее. На улице уже совсем стемнело, — и тени в операционной сгустились. Не отводя от Блейр взгляда, Ли начал раздеваться, дюйм за дюймом обнажая смуглую кожу и движение крепких мускулов.

Блейр стояла как загипнотизированная и следила за его пальцами, переходящими от одной пуговицы к другой и открывающими ей его великолепное тело. Дыхание ее участилось, в горле пересохло, когда она увидела его во всем великолепии наготы и недвусмысленного желания.

По-прежнему не сводя с нее глаз, Ли сел на широкую, низкую скамью, готовый принять Блейр.

— Иди ко мне, — прошептал он.

Блейр не стала снимать одежду, а лишь ослабила завязки панталон — они упали, и она переступила через них. Она легко соединилась с Ли, и ее широкая плотная юбка накрыла их.

Блейр начала двигаться, сначала медленно, следя за Ли. По мере того как по его телу растекалось наслаждение, лицо его разглаживалось, становилось отрешенным, ангелоподобным. Тогда она немного изменила положение. Руки Ли скользнули под юбку, обхватили ее бедра, помогая ей передвинуться.

Ли закрыл на секунду глаза, открыл, потом откинул голову и осторожно лег на скамью. Блейр обняла его за шею, движения ее участились, мышцы напряглись.

В момент окончательного экстаза она застыла, до боли выгнувшись дугой. Ли поддержал ее, не дав упасть. По его телу волной прошла судорога наслаждения.

С минуту Блейр не могла понять, где она находится, потом прильнула к Ли. Он улыбнулся ей:

— Как приятно иметь общие интересы!

— Хелло. Есть здесь кто-нибудь?

— Это твой отец, — в ужасе прошептала Блейр.

Ли поставил Блейр на пол:

— Иди туда и отвлеки его, пока я оденусь.

— Но я не могу... — начала она, понимая, что по ее виду Рид сразу поймет, чем они тут занимались.

— Иди! — громко скомандовал Ли и подтолкнул ее к дверям.

— Вот ты где, — приветствовал ее Рид, затем пригляделся к раздурявшемуся лицу Блейр и улыбнулся:

— Полагаю, и Ли здесь.

— Да, — ответила она срывающимся голосом. — Он... сейчас придет. Хотите выпить?

Она замолчала, вспомнив, что, кроме шампанского, у них ничего нет.

Глаза Рида искрились.

— Выйдем на улицу. Я кое-что хочу тебе показать. Бросив взгляд назад и увидев, что Ли еще не готов, Блейр последовала за Ридом. Перед клиникой стоял хорошенький маленький экипаж черного цвета, с обитыми черной кожей сиденьями, с черным ящиком для необходимых мелочей. Блейр потрогала медные прутья, поддерживающие навес.

— Какая прелесть!

«Странно, — подумала она, — что Рид купил себе такой экипаж, он очень похож на

женский»).

— Осмотри его, — сказал Рид, его маленькие некрасивые бульдожьи глазки продолжали улыбаться ей.

Она оглянулась и увидела выходящего из дверей Лиандера. Он тоже с недоумением взирал на экипаж.

Блейр наклонилась и увидела под сиденьем табличку, гласившую: «Д-р Блейр Чандлер Вестфилд».

Блейр все поняла.

— Это мне? Это мой экипаж?

— Я не могу позволить, чтобы моя новая дочь передвигалась по улицам Чандлера пешком, а мой сын, насколько я его знаю, ни за что на свете не расстанется со своим старым экипажем, поэтому я решил, что ты должна иметь свой собственный. Он тебе нравится?

Блейр отступила и оглядела экипаж. Именно его ей не хватало, чтобы окончательно почувствовать себя врачом.

— Да! — воскликнула она. — О да!

Она подбежала к Риду, поцеловала его в щеку и, прежде чем он смог смутиться, забралась в экипаж, осматривая каждый его уголок. Она подняла сиденье.

— Ли, здесь совсем не так много места, как в твоём экипаже. Может, его можно расширить. Уверена, мне понадобится много места, я собираюсь перевозить уйму всяких вещей.

— Винтовки, например? Между прочим, если ты думаешь, что я позволю тебе разъезжать по всей округе одной в твоём новом экипаже, ты глубоко ошибаешься. Тебе, отец, следовало посоветоваться со мной. Дать ей свободу, — значит, выпустить на волю саморазрушающийся ураган. Она кончит тем, что угробит себя.

— Можно подумать, что ты ведешь себя намного лучше, — отпарировала она, глядя на него с высоты сиденья в экипаже. — Ты ввязываешься в перестрелки. Я, по крайней мере, попадаю в подобные ситуации по неведению.

— Что еще хуже, — сказал Ли. — Любому человеку достаточно сказать, что он нуждается в помощи, и ты срываешься с места. Ты совершенно не думаешь о себе. Вспомни о похищении. Ты села к человеку на лошадь и даже не спросила, куда он тебя везет.

— Минутку, — смеясь, вмешался Рид. — Я действительно об этом не подумал. Ли, ты ведь сам приучил меня не вмешиваться в твои действия. Возможно, Блейр в этом похожа на тебя.

— Она не имеет представления о том, что опасно, а что — нет, — сердито сказал Ли.

— А ты имеешь? — глаза Рида встретились с глазами сына.

Блейр смотрела на них, все больше убеждаясь, что Ли занимается чем-то опасным, но она так же была уверена, что делает он это ради других людей.

Рид посмотрел на гнедую лошадь, впряженную в экипаж:

— Я купил такую же лошадь, как у Ли, но она еще не прибыла. Я подумал, что ты захочешь, чтобы тебя тоже узнавали издалека.

— Они будут узнавать ее, потому что рядом буду я, — решительно сказал Ли.

Блейр не ответила, только подняла бровь и улыбнулась и тут же испугалась, что он сейчас запрыгнет к ней на сиденье. А что за этим последует — ей не хотелось об этом думать.

Рид расхохотался и стукнул сына по плечу:

— Надеюсь, она устроит тебе такую же жизнь, какую ты устроил нам с матерью. Может, тогда ты поймешь, через что нам пришлось пройти. — Он помог Блейр сойти на землю. — Я не рассказывал тебе, как Ли заменил крысиный яд на хлебные крошки? Пока мы поняли, в чем дело, к нам сбежались все окрестные крысы.

— Нет, не рассказывали, — сказала она, когда они вошли в клинику. — И я с удовольствием послушаю вас.

Не прошло и двух недель со дня свадьбы Блейр и Лиандера, как состоялось официальное открытие Клиники Вестфилдов. Правда, Блейр не закончила интернатуру, но оба они знали, что это всего лишь формальность. За плечами Блейр были годы работы в больницах.

В день открытия Блейр так нервничала, что разлила свой кофе и уронила кукурузную оладью на пол гостиной. Она виновато подобрала оладью и бросила взгляд в сторону кухни.

Ли накрыл ее руку своей:

— Она не кусается, ты же знаешь.

— Может быть, тебя она и не кусает, но насчет себя я не уверена.

Экономка-повариха, нанятая для них Хьюстон, появилась в доме несколько дней назад и сразу же нагнала страху на Блейр: маленькая, седые волосы отливают стальным блеском, черные глаза смотрят сурово, а вместо рта узкая щелочка. Миссис Шейнес едва доходила Блейр до плеча, но, когда та входила в комнату, Блейр казалось, что она словно уменьшалась в размерах. Эта хрупкая женщина заставляла Блейр чувствовать себя неуклюжей и неуверенной в себе. В первый же день она произвела осмотр небольшого гардероба своей хозяйки, ограничившись кратким замечанием, что выясняет, не нуждается ли одежда в починке или чистке. Вздохнув, она унесла часть вещей Блейр, и в последующие несколько часов весь дом пропах химикалиями.

В тот вечер, когда Блейр с мужем вернулись из клиники, миссис Шейнес отвела Ли в сторону для частного разговора. Потом Ли с улыбкой поведал Блейр, что миссис Шейнес не считает гардероб Блейр соответствующим ее положению и что завтра же она должна поехать к портному Хьюстон.

Блейр попыталась протестовать, но Ли ничего не хотел слышать. Волнуясь, что у него и так много долгов, она на следующий день ехала к портному с намерением заказать совсем-совсем немного, но оказалось, что Ли уже позвонил и заказал в два раза больше, чем, как считала она, ей понадобится за всю ее жизнь. Тем не менее она не могла устоять перед очарованием прекрасных тканей и, возвращаясь домой в новом экипаже, размышляла над тем, как отблагодарить Ли.

Когда она вошла в гостиную. Ли был погружен в чтение письма. При виде Блейр он смял листок, чиркнул спичкой и сжег его в камине.

Блейр не стала спрашивать о письме, потому что не хотела опять услышать, что она в этом ничего не понимает. Оживление, вызванное новой одеждой, покинуло ее, и она провела вечер в попытках подыскать разумное объяснение поведению Ли: он кому-то помогает; ему нужны деньги; он преступник; он работает на агентство Пинкертона.

Той ночью они занимались любовью неторопливо. Крепко обняв Ли, Блейр думала о том, что ей все равно, что он делает. Он может втайне владеть хоть всеми игорными домами на Ривер-стрит, ей на это наплевать.

В день официального открытия Клиники Вестфилдов Ли вызвали на шахту «Виндлас» — там завалило рабочих. Блейр хотела ехать с ним, но он отослал ее в клинику.

Когда в восемь часов утра она вошла туда, там уже были медсестра миссис Креббс и три пациентки. Миссис Креббс, как обычно сдержанная, слегка кивнула Блейр и прошла в кабинет, чтобы проверить инструменты.

— Сюда, пожалуйста, — сказала Блейр, проводя свою первую пациентку в кабинет.

— А где доктор? — спросила женщина, прижимая к груди сумочку, словно боясь, что кто-то отберет ее.

— Я — доктор. Ну а теперь, если вы присядете и расскажете мне, что вас беспокоит, я...

— Мне нужен настоящий врач, — сказала женщина, пятясь к двери.

— Уверяю вас, он дипломированный специалист. Если вы расскажете мне...

— Я здесь не останусь. Я думала, что это настоящая больница с настоящими врачами.

И не успела Блейр и рта раскрыть, как женщина заспешила к выходу. Блейр сдержала гнев и пригласила следующую пациентку.

Вторая женщина флегматично сказала, что вряд ли Блейр сможет ей помочь, потому что она пришла сюда не по поводу беременности. Сначала Блейр ничего не могла понять, потом до нее дошло, что женщина принимает ее за акушерку.

Она ушла прежде, чем Блейр смогла объяснить с ней. Третья удалилась, как только узнала, что очаровательный доктор Вестфилд, с которым она познакомилась прошлым летом в Денвере, не сможет ее осмотреть.

В течение нескольких часов после ухода третьей пациентки в клинику никто не заглядывал. Блейр представила, как от сплетен и слухов раскаляются и воспаляются телефоны. В четыре часа зашел торговец и попытался навязать розовую жидкость от всех «женских болезней». Блейр выпроводила его вежливо, но решительно. Она вернулась и поправила полотенца, и без того лежавшие в идеальном порядке.

— Им нужен мужчина, — сказала миссис Креббс. — Им нужен опытный врач, как доктор Лиандер.

— Я опытный врач, — процедила сквозь зубы Блейр.

Миссис Креббс фыркнула и ушла в другую комнату.

В шесть часов Блейр заперла клинику и пошла домой.

Она не рассказала Ли об отсутствии пациентов.

У него и так столько забот и расходов с этой клиникой, что не стоит беспокоить его еще и этим.

Она наполнила для него ванну и собралась уходить, едва он начал раздеваться.

— Не уходи. Останься, поговорим.

Сначала она почувствовала легкое смущение, наблюдая, как он снимает одежду и садится в ванну. Почему-то этот процесс показался ей более интимным, чем занятие любовью.

Лиандер вытянулся в ванне и, глядя куда-то вдаль, принялся рассказывать, как провел день. Он сказал, что вытащил из завала два тела, что одному шахтеру пришлось ампутировать ногу на месте, потому что ее зажало намертво. Она слушала, не перебивая, и он стал описывать свои ощущения от спуска под землю: давящая толща над головой, недостаток свежего воздуха, крошечная тьма, невозможно ни выпрямиться, ни сделать шага в нужном направлении.

— Я не понимаю, как они это выдерживают, как спускаются туда изо дня в день. В любой момент крепь может обрушиться. Каждый день они тысячу раз заглядывают смерти в лицо.

Намыливая его ногу, Блейр сказала:

— Хьюстон говорит, что шахтерам нужно объединиться в профсоюз, тогда они смогут

чего-то добиться.

— Откуда Хьюстон знает об этом? — резко бросил Ли.

— Она живет здесь, — с удивлением ответила Блейр. — И у нее есть уши. Она сказала, что кто-то проводит в поселки агитаторов и скоро будет революция. И...

Ли вырвал у нее из рук полотенце.

— Надеюсь, ты не слушаешь эту болтовню. Никому — ни шахтерам, ни хозяевам — война не нужна. Я уверен, что всего можно добиться миром.

— Хорошо бы. Не думала, что ты принимаешь положение шахтеров так близко к сердцу.

— Если бы сегодня ты была со мной, то отнеслась бы к этому так же.

— Я же хотела пойти с тобой. Может, в следующий раз...

Лиандер наклонился и поцеловал ее.

— Я не хотел тебя обидеть. Я не хочу, чтобы ты туда ездила, кроме того, у тебя много пациентов в клинике. Интересно, что наша милая маленькая экономка приготовила сегодня на ужин?

Блейр улыбнулась:

— Надеюсь, ты не считаешь, что у меня хватит смелости спросить? Я пойду с тобой в самую глубокую шахту и выдержу все обвалы, но увольь меня от посещений кухни, миссис Шейнес.

— Обвалы? Ты мне напомнила: вы поладили с миссис Креббс?

Блейр издала стон и, пока Ли одевался, пустилась в монолог о миссис Креббс.

— Она, возможно, ангел в операционной, но в остальном — ведьма.

К тому моменту, когда Ли оделся и приготовился спуститься в гостиную, он опять улыбался и шутливо защищал миссис Креббс, говоря, что ее хорошие качества перевешивают плохие.

В ту ночь они заснули, тесно прижавшись друг к другу.

Второй день в клинике оказался еще хуже: не пришел никто. А когда Блейр вернулась домой, раздался один из таинственных телефонных звонков для Лиандера. Он уехал и вернулся только к полуночи, повалился рядом с ней на постель, грязный, измученный, и она впервые вкусила всю прелесть мужского храпа. Пару раз она мягко тронула его за плечо, но это не помогло, тогда одним рывком она перевернула его на живот, и он затих.

***

Сидя на третий день за безупречно аккуратным столом, Блейр услышала, как на входной двери звякнул колокольчик, и вышла из кабинета. В коридоре стояла ее подруга детства Тайе Мэнкин. Она мучилась непрерывным сухим кашлем.

Блейр выслушала ее жалобы, прописала смягчающий сироп от кашля и широко улыбнулась, когда вошла следующая пациентка — еще одна подруга детства. В течение всего дня к ней шли ее подруги, невнятно жалуясь на разные недомогания, и Блейр не знала, плакать ей или смеяться. Ей было приятно, что эти молодые женщины все еще считают ее своей подругой, но ведь они были не настоящими больными.

Ближе к вечеру в своей маленькой прелестной коляске к клинике подкатила Хьюстон.

Она сказала Блейр, что, кажется, беременна, и попросила осмотреть ее. Хьюстон не была беременна, и после осмотра Блейр показала ей клинику. Миссис Креббс уже ушла домой, и близнецы остались одни.

— Блейр, я так тобой восхищаюсь. Ты такая смелая.

— Я? Смелая? Я совсем не смелая.

— Посмотри вокруг. Все это случилось, потому что ты знала, чего хочешь, и добилась этого. Ты хотела стать врачом и устранила все препятствия на этом пути. У меня тоже были мечты, но я была слишком труслива, чтобы осуществить их.

— Какие мечты? Я хочу сказать, кроме Лиандера? Хьюстон отмахнулась:

— Думаю, я выбрала Ли потому, что он был весьма уважаемой мечтой. Он так нравился маме и мистеру Гейтсу, что понравился и мне. — Она замолчала и улыбнулась. — Мне кажется, что в глубине души я одобряла все твои проделки в отношении Ли.

— Ты о них знала?

— По большей части... Потом я стала даже ждать их. И именно я намекнула Ли, что виноват во всем Джон Лечнер.

— Джон всегда был хулиганом. И получил от Ли по заслугам. Хьюстон, я и подумать не могла, что ты считаешь себя трусихой. А я безумно хотела быть такой же совершенной, как ты.

— Совершенной! Я просто боялась. Я боялась разочаровать маму, разозлить мистера Гейтса, боялась не соответствовать общим представлениям о семье Чандлер.

— А я только злила всех попытками исправиться. У тебя так много друзей, тебя все любят.

— Конечно любят, — сердито сказала Хьюстон. — Они бы и тебя «любили», если бы ты столько для них делала. Один говорит: «Давайте устроим то-то и то-то», а другой подхватывает: «Давайте позовем Блейр Хьюстон, чтобы она все сделала». А я боялась сказать «нет». Я организовывала мероприятия, которые не посещала. Я спала и видела, как отказываю им. Я мечтала о том, как укладываю сумку, вылезая из окна спальни, спускаюсь по дереву и убегаю из дома. Но я была слишком труслива. Ты сказала, что я вела бесполезную жизнь, и была права.

— Я ревновала, — прошептала Блейр.

— Ревновала? К кому? Не ко мне же.

— Я не осознавала этого, пока Ли не открыл мне глаза. Я завоевывала призы" была лучшей на всех экзаменах, добилась многого, но знала, что всегда буду одинокой. Мне было очень обидно, когда мистер Гейтс говорил, что я вам не нужна, что нужна только ты. Обидно, когда ты писала мне обо всех кавалерах, с которыми танцевала на вечеринках. Я штудировала главу об ампутации конечностей и откладывала книгу, в сторону, чтобы перечитать твое письмо. Я никогда не нравилась мужчинам так, как ты, и иногда я готова была пожертвовать медициной, лишь бы быть нормальной женщиной, от которой пахнет духами, а не карболкой.

— А сколько раз я жалела, что не способна ни на что более важное, чем выбор цвета моего очередного платья, — вздохнула Хьюстон. — Я нравилась мужчинам только потому, что они, как и Лиандер, считали меня податливым воском в своих руках. Им по душе мысль о том, что женщину можно запереть дома. Для большинства мужчин я была всего лишь чем-то вроде комнатной собачки, приносящей тапочки. Они хотели жениться на мне, потому что знали: Хьюстон Чандлер не доставит им хлопот.

— И ты считаешь, что поэтому Ли и сделал тебе предложение?

— Иногда я вообще сомневаюсь, что он делал мне предложение. После его возвращения мы виделись всего несколько раз, и, наверное, я так хотела выйти за него, что едва с его языка сорвалось слово «женитьба», как я сказала «да». На другое утро мистер Гейтс спросил, не пора ли поместить в газете объявление о помолвке. Я кивнула, и следующее, что я помню, — это толпы людей, пришедших поздравить меня и пожелать счастья на всю жизнь.

— Я знаю и жителей Чандлера, и их любопытство. Но ведь все эти годы ты любила Ли.

— Думаю, да. Но все дело в том, что нам с ним почти не о чем было говорить. Вы с Ли разговаривали больше, чем я.

Блейр долго молчала. Какая ирония судьбы: все эти годы она завидовала сестре, а та завидовала ей.

— Хьюстон, ты сказала, что у тебя были мечты, которые ты не осмелилась воплотить. Что это за мечты?

— Ничего особенного. Не сравнить с медициной. Но я думаю, что могла бы писать — не роман, нет, например статьи для женских журналов. Возможно, советы, как вывести пятна с шелкового платья или сделать хорошую очистительную маску для лица.

— Но мистер Гейтс и слышать об этом не хочет.

— Он сказал, что все женщины-журналистки — развратницы, вышвырнутые мужьями и вынужденные поэтому зарабатывать себе на жизнь.

Блейр округлила глаза:

— Он не стесняется в выражениях.

— Нет, и я многие годы позволяла так со мной обращаться.

Блейр провела пальцами по дверце шкафа.

— А как с тобой обращается твой муж? Я знаю, ты говорила, что любишь его, но сейчас... Я могу сказать, что после церемонии ты уехала с ним.

Неважно, сколько раз Хьюстон повторяла, что любит этого человека, Блейр все равно не могла в это поверить. Вчера она видела Таггерта около Национального банка Чандлера. Президент банка, весьма уступающий Таггерту по габаритам, смотрел на этого великана снизу вверх и что-то очень быстро говорил. Таггерт, казалось, скучал и смотрел на макушку президента с тем же интересом, что и на землю у себя под ногами. Потом он достал большие золотые часы, взглянул на них, затем на маленького человечка.

— Нет, — услышала Блейр.

Он был глух к мольбам взывавшего к нему.

Об этом сейчас и вспомнила Блейр: глух к мольбам. Как может Хьюстон любить такого человека?

Подняв глаза, Блейр увидела, что Хьюстон улыбается.

— С каждым днем я люблю его все больше и больше. А как у вас с Ли? На свадьбе ты сказала, что не веришь, что он тебя любит.

Блейр вспомнила сегодняшнее утро, их восхитительную любовную игру — они даже скатились на пол, а потом за завтраком Ли строил такие уморительные физиономии, что она не могла удержаться от глупого хихиканья.

— С Ли все в порядке, — сказала она наконец, заставив сестру рассмеяться.

Хьюстон стала натягивать перчатки.

— Я рада, что все случилось так, как случилось. Мне пора. Я нужна Кейну и моим родным. — Она помолчала. — Какое прекрасное слово. У меня нет медицинской степени,

но я нужна.

— Ты и мне нужна, — сказала Блейр. — Кто организовал моих пациентов — ты или мама? Глаза Хьюстон расширились.

— Не понимаю, о чем ты. Я пришла, потому что надеялась, что забеременела. Я собираюсь навещать сюда хотя бы раз в месяц.

— Если ты хочешь ребенка, тебе следует почаще навещать не меня, а своего мужа.

— Я слышала, ты выматываешь Ли каждую ночь?

— Я — что? — не поняла Блейр, затем вспомнила свой ответ телефонистке. Ну ясно, теперь об этом говорит весь город.

— Да, кстати, как тебе миссис Шейнес?

— Ужасно. Я ей не нравлюсь.

— Чепуха. Она всем хвалится своей леди-доктором. — Хьюстон поцеловала Блейр в щеку. — Я должна идти. Завтра я тебе позвоню.

Ранним утром следующего дня в кабинет Блейр вошла Нина Вестфилд.

— Привет, — умоляющий взгляд. — Подожди, — попросила она, увидев, что Блейр встает, — прежде чем ты скажешь все, что думаешь, позволь мне объясниться. Я только что с поезда и пришла прямо сюда. Я еще не видела ни отца, ни Ли, но, если ты скажешь, что даже мой вид тебе неприятен, я уеду следующим поездом, и ты никогда больше меня не увидишь.

— И не смогу всю оставшуюся жизнь благодарить тебя? — глаза Блейр сияли.

— Благодарить?.. — переспросила Нина и, поняв, что имеет в виду ее невестка, бросилась к ней, обняла и заплакала. — Ах, Блейр, я так переживала, что не могла даже полностью отдаваться своему счастью. Алан говорил мне, что, ты любишь Ли, только не подозреваешь об этом. Он сказал, что Ли подходит тебе больше, чем он. Но я не была уверена. Ли — мой брат. Я не могу представить, что кто-то может захотеть жить с ним. Я хочу сказать... — Она отвернулась и высморкалась, чихнув при этом.

Блейр улыбнулась:

— Я бы предложила тебе чаю, но здесь у меня его нет. Как насчет чашечки рыбьего жира?

Нина тоже улыбнулась и села на дубовый стул.

— Мне кажется, это счастливейший день в моей жизни. Я так боялась, что ты зла на меня, что весь город зол на меня.

— Но никто не знал, что мы с Аланом были помолвлены. Они просто узнали о нашей с Ли свадьбе — вот и все.

— Но ведь тебе был нужен Алан, — настаивала Нина. — Не отрицай. Я знаю, ты ждала его на станции.

Блейр не могла больше сдерживать свое любопытство.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне все — от начала до конца.

Нина посмотрела на свои руки.

— Мне очень не хочется рассказывать тебе все, — она подняла глаза, полные слез. — Я была такой неискренней. Я делала все, чтобы заполучить Алана. Ты бы все равно не смогла удержать его.

— Если я и подстрелю тебя, то обещаю, что собственноручно залечу твою рану.

— Ты шутишь, но, когда услышишь, что я предприняла, у тебя пропадет всякая охота смеяться, — она снова высморкалась и, глядя на свои руки, начала рассказ:

— Я познакомилась с Аланом в тот вечер, когда он собирался убить Ли.

— Что? Лиандера? Он собирался убить Лиандера?

Нина пожала плечами:

— Он был просто зол, и я прекрасно понимаю, что он чувствовал. Ли держался с ним весьма высокомерно. Когда я была маленькой, он сам решал, что для меня хорошо, а что плохо. Меня это так бесило, что я готова была удушить его.

— Мне знакомо это чувство, — сказала Блейр. — Он почти не изменился.

— Увидев Алана, я поняла, что он никого не убьет, ему просто нужна была эта мысль как отдушина. Я пригласила его в гостиную, легко вовлекла в разговор и выпытала, что происходит. Он сказал, что любит тебя, но я-то знала, что Ли уже решил жениться на тебе,

так что шансов у Алана, по существу, не было. Я знала, что Ли одержит верх.

— Как ты могла знать?

Нина посмотрела на нее с удивлением:

— Я прожила рядом с Ли всю жизнь. Он победитель. Он всегда побеждает. Если он решает играть в бейсбол, его команда выигрывает. Если он принимает участие в соревнованиях по фехтованию, то одерживает верх. Папа говорит, что Ли заставляет выжить умирающих пациентов. Поэтому, естественно, я знала, что он победит в их состязании, хочет того или не хочет. Но тем не менее, — продолжала она, не обращая внимания на изумление Блейр, — я понимала, что чувствует Алан, и мы принялись сочувствовать друг другу, приводя примеры выходов Ли. Потом пришел папа, я представила ему Алана, и мы засиделись допоздна, разговаривая о медицине, о жизни в Чандлере, сравнивали ее с жизнью в северо-западных штатах. Вечер оказался очень приятным. Нина сделала паузу.

— После этого Алан стал приходить ко мне после каждой стычки с Ли, особенно когда тот выставил его некомпетентным врачом. Алан будет очень хорошим врачом, ему просто не хватает опыта и практики.

— Я тоже так думаю, — мягко согласилась Блейр. — Итак, вы с Аланом влюбились друг в друга.

— Я влюбилась. Думаю, что и он тоже, сам того не зная. Я не хочу сказать ничего плохого, но после встречи с тобой здесь, в Чандлере, Алан стал тебя побаиваться. Он сказал, что в Пенсильвании все было совсем иначе: вы вместе занимались, гуляли в парке, держась за руки, но когда он приехал сюда... — Глаза Нины просветлели. — В самом деле, Блейр, скачки на лошадях, как в цирке, самозабвенное копание во внутренностях больных, победы в теннисе — не удивительно, что он обратил свои взоры в другую сторону.

— Ли не обратил, — защищаясь, вставила Блейр.

— Вот именно! Вы с Ли очень похожи — вас хватает на многое. Вы изматываете нас, простых смертных. Однако не думаю, что Алан осознал, что вам не следует жениться. После того как он поставил тебя перед выбором — уехать с ним или остаться, — он пришел ко мне и рассказал об этом. К этому моменту я уже не только любила его, но и полагала, что ты его не любишь. Но ведь ты была слишком упряма, чтобы признать это. Или, скорее всего, все вы были настолько поглощены вашим соревнованием, что уже не помнили, ради чего его затеяли. Нина глубоко вздохнула.

— Поэтому я решила взять инициативу в свои руки. Я подумала, что если мой брат не стесняется в выборе средств, чтобы получить желаемое, то чем я хуже. В три тридцать, за полчаса до вашей встречи на вокзале, я попросила Алана пойти со мной на кухню. Я разогрела патаку до жидкого состояния, но так, чтобы не обжечься, а он в это время сидел, вертя в руках эти проклятые билеты на поезд. Я «поскользнулась» и опрокинула патаку на него. Должна заметить, я отлично справилась со своей задачей. Он был залит с головы до ног.

На мгновение Блейр онемела.

— А я все это время сидела на станции, — выдавила она.

— Я... э... — Нина поднялась. — Если бы мама была жива, я больше никогда не смогла бы посмотреть ей в глаза. — Она взглянула на Блейр, залившись краской смущения, и выпалила на одном дыхании:

— Он пошел в ванную комнату и протянул мне из-за двери одежду, но я уронила его часы, они покатались в ванную комнату, я бросилась за ними, дверь захлопнулась, а ключ

выпал. Блейр представила эту картину и начала смяться:

— Ты заперлась в ванной комнате с обнаженным мужчиной?

Нина стиснула зубы, вздернула подбородок и коротко кивнула.

Блейр ничего на это не сказала, а подошла к шкафу и вынула оттуда бутылку виски и два бокала, плеснула в них по глотку и протянула один Нине.

— За сестер, — сказала Блейр и одним глотком выпила содержимое своего бокала.

Широко улыбнувшись, Нина последовала ее примеру.

— Ты правда не сердишься? Ты не жалеешь, что вышла за Ли?

— Ни минуты. А теперь садись и расскажи мне о ваших планах. Как там Алан? Ты счастлива с ним?

Начав говорить, Нина уже не могла остановиться. Ей не очень понравилось в Пенсильвании, и она уже почти уговорила Алана вернуться в Чандлер, когда он закончит интернатуру.

— Боюсь, что сейчас он не слишком-то дружески настроен по отношению к вам с Ли, но я постараюсь это уладить. Я приехала, чтобы получить твое прощение и убедить папу и Ли сменить гнев на милость.

— Не думаю, что Ли... — начала Блейр, но Нина перебила ее:

— Как раз наоборот. Поживи с ним с мое. Он ласков, пока доволен, но, если находящаяся под его опекой женщина сделает что-то, что ему не понравится, увидишь, что будет! Блейр, — она принялась теревить свой зонтик, — мне нужен кто-нибудь, чтобы пронести на шахты листовки.

Блейр немедленно насторожилась:

— Ты говоришь о таких листках, где шахтеров призывают к восстанию и забастовкам?

— Нет, они знакомят рабочих с их правами, доказывают, что если они объединятся, то смогут многого добиться. Хьюстон и остальные, кто ездит в поселки под видом торговков, провозят листовки вместе с овощами, но они бывают только на четырех шахтах, а их еще тринадцать. Нам нужен кто-нибудь, имеющий доступ на все шахты.

— Ты же знаешь, там все охраняется. Они проверяют даже экипаж Лиандера... Нина! Ты хочешь привлечь к этому Ли?

— Никогда! Если бы он узнал, что мне известно о существовании угольных шахт, он посадил бы меня под замок. Но я подумала, что ты, как врач, к тому же с фамилией Вестфилд, могла бы осматривать женщин в поселках.

— Я? — выдохнула Блейр, вставая.

Об этом не хотелось даже думать. Если в ее коляске обнаружат листовки, ее застрелят на месте. Но потом она вспомнила о нищих шахтерских поселках, о людях, отказывавшихся от всех прав американского гражданина, чтобы заработать на жизнь.

— Нина, я не знаю, — прошептала она. — Это серьезное решение.

— Это серьезная проблема, Блейр, ты снова дома. Ты больше не безымянный житель большого города. Ты — часть Чандлера, штата Колорадо, — она поднялась. — Подумай. Я иду домой к отцу, и, может быть, вы с Ли придете сегодня к нам на ужин. Алан отпустил меня всего на две недели. Я бы не обратилась к тебе, но я не знаю никого, кто имеет доступ на шахты. Дай мне поскорее знать о своем решении.

— Хорошо, — рассеянно сказала Блейр, полностью поглощенная мыслью о доставке запретного груза в поселки, охраняемые вооруженными людьми.

Весь день она слонялась по пустой клинике, пыталась читать данный Ли медицинский

журнал, но все время возвращалась мыслью к тому, о чем просила ее Нина. Эта просьба что-то тронула в душе Блейр, потому что она действительно не считала себя частью Чандлера. Покинув город, она думала, что сделала это навсегда. Она не собиралась сюда возвращаться, но жизнь повернулась по-другому, и теперь ей надо было решить, является ли она членом местной общины или нет. Она может сидеть в своей чистенькой клинике и периодически пытаться собрать по частям искалеченных людей, а может помочь предотвратить несчастные случаи. А если бы она сама оказалась искалеченной? Мысли кружились и кружились, и она никак не могла прийти к определенному решению.

Они с Ли поужинали в доме его отца. Когда Нина отозвала ее в сторону, Блейр сказала, что еще не решила. Нина улыбнулась и кивнула. От этого Блейр стало только хуже.

На следующее утро она проснулась с головной болью. В пустой клинике ее встретило эхо ее собственных шагов. Миссис Креббс сказала, что ей нужно пройтись по магазинам, и ушла. В девять часов звякнул колокольчик на двери, и Блейр поспешила встретить возможного пациента.

В коридоре стояла женщина с девочкой лет восьми.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Вы леди-врач?

— Я врач. — Пожалуйста, проходите в кабинет.

— Спасибо. — И, велев девочке сидеть и ждать, женщина пошла за Блейр.

— Что вас беспокоит?

Женщина села.

— Я что-то ослабла в последнее время, мне нужна помощь, совсем небольшая помощь.

— Нам всем бывает нужна помощь. И какую же помощь вы хотите получить?

— Ну, я скажу прямо. Некоторые из моих девочек, вы знаете, с Ривер-стрит, продавали плохой опиум. Я подумала, что раз уж вы доктор, то могли бы продать нам чистого опиума из Сан-Франциско. Я знаю, что врачи могут проверить, хороший он или нет, и потом, вы, наверное, можете купить сразу большое количество и продавать. Я могу найти вам покупателей и...

— Пожалуйста, покиньте мою клинику, — сдержанно сказала Блейр. Женщина встала.

— Ишь, выискалась. Думаешь, что ты слишком хороша для таких, как мы? А ты знаешь, что над тобой, смеется весь город? Называешь себя врачом, а сама сидишь тут одна, и никто к тебе не идет. Никто и не собирается приходить.

Блейр подошла к двери и распахнула ее. Задрав нос, женщина схватила девочку за руку и удалилась, так хлопнув дверью, что колокольчик сорвался и упал на пол.

С бесстрастным лицом Блейр села за стол и взяла лист бумаги. Это был список хозяйственных расходов, который мисс Шейнес дала ей утром. Блейр нужно было сложить двадцать две цифры, чтобы проверить подсчеты экономки.

Она смотрела на листок, затем внезапно почувствовала, как защипало в глазах, и в следующее мгновение уронила голову на стол и разрыдалась. Она плакала тихо, слезы лились рекой — она даже не успела достать носовой платок.

У Блейр перехватило дыхание, когда напротив себя на стуле она увидела Кейна Таггерта.

— Развлекаетесь, шпиона за людьми?

— Я в этом не специалист, — ответил он, с участием глядя на нее.

Блейр начала рыться в ящиках стола, пока Кейн не передал ей большой носовой платок.

— Он чистый. Хьюстон не выпускает меня из дома без тщательной проверки.

Она не отозвалась на его попытку пошутить, отвернулась и высморкалась.

Он дотянулся и взял листок с подсчетами.

— И из-за этого вы плакали? — Он мельком глянул на цифры. — Ошибка на семь центов, — сказал он и вернул листок на место. — Вы расстроились из-за семи центов?

— Чтобы вы знали, я оскорблена в своих чувствах.

Очень просто и старомодно — я оскорблена в своих чувствах.

— Хотите поделиться?

— Зачем? Чтобы и вы надо мной посмеялись? Я знаю таких, как вы. Вы бы тоже никогда не пошли к врачу-женщине. Вы как все мужчины и большинство женщин! Вы бы никогда не легли на операцию к женщине.

Лицо его приняло серьезное выражение.

— Я никогда не был у врачей, поэтому не знаю, кому бы я доверил разрезать меня. Но если бы дело было худо, думаю, отдал бы себя в руки кому угодно. Вы поэтому плачете? Потому что никто не идет?

Блейр положила руки на стол, злость и силы оставили ее.

— Ли как-то сказал мне, что все врачи начинают идеалистами. Боюсь, я оказалась даже хуже. Я думала, что жители города придут в восторг оттого, что у них теперь есть женская клиника. Так и было бы, если бы здесь принимал Лиандер. Они видят меня и спрашивают «настоящего» врача. Моя мама приходила сюда с разными жалобами три раза за два дня, зашли еще несколько женщин, которых я знаю с детства. И вдобавок ко всему, Больничный совет Чандлера внезапно решил, что у них и для одного-то врача нет работы.

Какое-то время Кейн сидел, внимательно глядя на Блейр. Он мало что знал о ней, но ему было доподлинно известно, что обычно ее энергии хватает на двоих, а сейчас она сидела с унылым лицом и потухшими глазами.

— Вчера, — начал он, — я был на конюшне без рубашки — только не говорите Хьюстон — и ободрал о стену спину. Заноз оказалось много, часть из них мне удалось вытащить, но до некоторых я дотянуться не смог. — Он увидел, что она подняла голову. — Немного, но это все, что я могу вам предложить.

Блейр заулыбалась.

— Хорошо, идемте в операционную, я посмотрю. Занозы были не очень длинными и сидели неглубоко, но Блейр действовала с большой осторожностью. Ложась на живот на длинный стол, Кейн спросил:

— А что это у вас оторван колокольчик? Кто это на вас разъярился?

Блейр рассказала о женщине и о ее словах, что весь город смеется над ней.

— А Ли так много сделал ради этой клиники. Он мечтал о ней много лет. Сейчас он занят на шахтах, а я так подвела его.

— По-моему, это больные вас подводят. Тем хуже для них.

Она улыбнулась его затылку.

— Спасибо, но и вы не пришли бы, если... А вы-то почему пришли?

— Хьюстон наводит порядок в моей конторе.

Он произнес это с такой обреченностью, что Блейр засмеялась.

— Нисколько не смешно. Она ставит там эти нелепые маленькие стульчики, а еще ей нравятся кружева. Если, вернувшись, я обнаружу, что мой кабинет оклеен розовыми обоями, я...

— Что вы сделаете?

Он повернул голову, чтобы видеть Блейр:

— Заплачу.

Она улыбнулась ему.

— Она наклеит розовые обои, а я приду завтра утром, и мы их поменяем. Ну как вам такая сделка?

— Лучшая за сегодняшний день.

— Ну вот и все, — минуту спустя сказала она и принялась мыть инструменты, а Кейн тем временем надевал рубашку.

Она повернулась к нему.

— Спасибо, — сказала она. — Благодаря вам, я чувствую себя гораздо лучше. Я знаю, что была к вам несправедлива, и приношу свои извинения.

Кейн пожал широкими плечами:

— Вы с Хьюстон близнецы, вы должны быть очень похожи. И если вы вполнину так же хороши в медицине, как она в ведении хозяйства, вы должны быть лучшей из врачей. И у меня такое чувство, что скоро все изменится. Вот увидите, очень скоро дамы будут ломиться в дверь вашей клиники. Главное, будьте на месте, и завтра, бьюсь об заклад, здесь будет тесно от посетителей.

Она не могла не улыбнуться в ответ.

— Спасибо вам. Вы сделали для меня так много хорошего.

И, повинувшись импульсу, она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

Он улыбнулся:

— Знаете, вы сейчас были так похожи на Хьюстон. Блейр засмеялась:

— Я в жизни не получала лучшего комплимента. Если спина будет вас беспокоить — приходите.

— Все свои сломанные кости я понесу к вам, доктор Вестфилд, и все розовые стены, — сказал он, покидая клинику.

Насвистывая, Блейр принялась прибираться на своем столе и тут же вспомнила, что не выяснила у Кейна, в какую сторону ошиблась на семь центов миссис Шейнес, и произвела подсчет сама. Вторую половину дня Блейр провела прекрасно: впервые за много дней она чувствовала себя так хорошо.

В какой-то момент она задумалась над тем, как добр был с ней Кейн, несмотря на ее прежнее к нему отношение. Возможно, именно за это качество Хьюстон и полюбила его.

***

Вернувшись домой и пройдя в обитый темными панелями кабинет, Кейн поинтересовался у своего помощника Эдена Найланда:

— Когда на прошлой неделе я купил Национальный банк Чандлера, они прислали нам документы?

— Целую грудку весом не меньше двадцати фунтов, — не поднимая головы, ответил Эден и указал в угол.

Кейн взял бумаги и просмотрел их.

— А куда ушла Хьюстон?

Этот вопрос пробудил в Эдене интерес.

— По-моему, к портному.

— Хорошо, — сказал Кейн. — Значит, остаток дня в нашем распоряжении, а может, и остаток недели. — И он вышел из комнаты с бумагами в руках.

Любопытство одолело Эдена, и он отыскал Кейна в библиотеке, где тот названивал по телефону. Поскольку местная сеть обслуживала только Чандлер, Эден никогда не видел, чтобы Таггерт пользовался этим средством связи.

— Вы поняли, — говорил Кейн кому-то на том конце провода, — срок вашей закладной истекает на следующей неделе, и я имею полное право предъявить ее к оплате. Правильно. Вы получите беспроцентную отсрочку на три месяца, если завтра ваша жена пойдет на прием в клинику Вестфилдов к доктору Блейр. Она вот-вот должна родить? Прекрасно! Если она родит в этой клинике, я дам вам шесть месяцев отсрочки. Абсолютно верно, вы можете послать и дочерей. Да, хорошо. Тридцать дней за каждую дочь, которая завтра пойдет на прием. Но если Блейр об этом узнает, я все отменю. Вы меня поняли?

— Проклятье! — ругнулся он, кладя трубку и поворачиваясь к Эдену. — Мне это обойдется в кругленькую сумму. Просмотри эту пачку и отбери тех, кто должен возвращать ссуду или кому было отказано в отсрочке, а потом посмотри, нет ли среди них владельцев чандлеровской больницы. Увидим, посмеют ли они отказать моей свояченице?

На следующее утро хорошее настроение Блейр куда-то улетучилось, и она пошла на работу через силу. «Еще один длинный день в безделье», — думала она, идя в клинику пешком. Она не дошла до нее полквартила, когда увидела бегущую навстречу миссис Креббс.

— Где вы были? Там столько пациентов!

Блейр остановилась, а потом со всех ног бросилась к своей клинике. В приемном покое стоял невообразимый шум: плакали дети, матери пытались их успокоить, а одна женщина стонала — похоже, у нее начинались роды.

Пятнадцать минут спустя Блейр перерезала новорожденной девочке пуповину.

— Сто восемьдесят, — пробормотала ее мать. — Мы назовем ее Мэри Стовосемьдесят Стивенсон.

Блейр ничего не успела спросить, потому что ввели новую больную.

***

А назавтра женщина принесла в клинику мальчика восьми лет, который выглядел на шесть и который уже два года проработал в угольной шахте. Он умер у Блейр на руках — его хрупкое тельце было раздавлено кусками угля, выпавшими из вагонетки. Блейр позвонила Нине и сказала:

— Я сделаю это. — И повесила трубку.

Блейр возвращалась в Чандлер с шахты «Инэкспрессибл». Нина не стала терять времени и быстро организовала доставку листовок на шахту, боясь, что Блейр передумает. Поэтому в это утро Блейр позвонила доктору Виверу, молодому врачу, с которым она познакомилась в городской больнице, и попросила его подежурить в клинике, так как с шахты поступил срочный вызов. Молодой человек был счастлив помочь ей.

В багажнике новой коляски Блейр Нина соорудила двойное дно и уложила туда листовки. Выслушав все инструкции, Блейр едва могла говорить от страха.

У въезда в поселок охрана стала шутить, что доктор Вестфилд сильно изменился со времени своего последнего визита, но пропустила Блейр без задержки. У нескольких покрытых угольной пылью ребятишек она спросила, как найти дом нужной ей женщины. Та лежала в постели, притворившись больной, и нервничала точно так же, как Блейр. Женщина спрятала листовки под половицу, и Блейр как можно скорее покинула поселок.

Охранники почувствовали, что она нервничает, но с присущим мужчинам тщеславию отнесли это на свой счет и сопроводили ее выезд удвоенным числом острот.

Отъехав от шахты на милю, Блейр задрожала, как в лихорадке. И минут двадцать ее трясло так, что она не могла даже держать поводья. Она съехала с дороги, поставила коляску между скал и вышла из нее. Ноги у Блейр подогнулись, она села на землю и заплакала, заплакала слезами облегчения от сознания того, что все позади.

Она еще дрожала, когда внезапно две сильные руки схватили ее за плечи и поставили на ноги.

Она встретилась взглядом с глазами Лиандера, сверкавшими от ярости.

Он чертыхнулся и прижал ее к груди. Блейр настолько обрадовалась его появлению, что даже не спросила, откуда он узнал о том, что она сделала. Она вцепилась в него и, хотя он и так уже чуть не сломал ей ребра, хотела, чтобы он обнял ее еще крепче.

— Мне было так страшно, — сказала она, уткнувшись ему в плечо, потом встала на цыпочки и прижалась лицом к его шее. — Мне было так страшно, — слезы струились по ее лицу, попадая в рот.

Ли обнимал ее, гладил по волосам и молчал. Наконец слезы Блейр иссякли, а тело перестало сотрясать дрожь. Тогда она осмелилась ослабить свою мертвую хватку и принялась искать по карманам носовой платок. Ли дал ей свой, и она высморкалась и промокнула лицо. После этого она подняла глаза на мужа и отступила под его взглядом.

— Ли, я... — начала она, сделала еще шаг назад и наткнулась на скалу.

Его глаза метали молнии. Веселый, остроумный, терпимый Ли, которого она знала, не имел ничего общего с этим разъяренным человеком.

— Я ничего не хочу слышать, — слова клокотали у него в горле. — Ни слова. Я хочу, чтобы ты поклялась, что никогда больше этого не сделаешь.

— Но я...

— Клянись! — приказал он, приблизившись и беря ее за локоть.

— Ли, пожалуйста, ты делаешь мне больно, — она хотела успокоить его и заставить понять всю необходимость ее поступка. — А как ты узнал? Ведь это секрет.

— Я бываю в поселках ежедневно, — сказал он, усмехнувшись. — И знаю, что там происходит. Блейр, когда я узнал, что это ты должна доставить листовки, то сначала не

поверил. — Он кивнул, указывая на мокрый платок, который она скомкала в руке:

— По крайней мере, ты осознала опасность. А ты знаешь, что сделали бы с тобой эти люди? Имеешь представление? Да ты умоляла бы их убить тебя. И закон на их стороне.

— Я знаю. Ли, — горячо сказала она. — У них есть все права делать то, что они делают. Поэтому кто-то должен рассказать шахтерам об их правах.

— Но не ты! — Ли наклонился к ней. Она сильно зажмурилась, как от вспышки, вжимаясь в скалу.

— Я имею доступ на шахты, у меня есть коляска, это так естественно.

Ли покраснел так, что, казалось, сейчас взорвется, руки его потянулись к горлу Блейр, но он опомнился и отодвинулся от нее. Отвернувшись, он несколько раз глубоко вздохнул. Это помогло ему взять себя в руки.

— А теперь я хочу, чтобы ты выслушала меня, и очень внимательно. Я согласен, что ты сделала очень хорошее дело и что шахтеры должны знать правду. Я высоко оценил твою готовность пожертвовать жизнью ради других людей, но я не могу позволить тебе заниматься этим. Я ясно выразился?

— Если не я, то кто?.

— Какое мне дело! — заорал Ли и опять несколько раз глубоко вдохнул. — Блейр, я за тебя отвечаю. Для меня ты важнее всех шахтеров в мире. Я хочу, чтобы ты поклялась не делать впредь ничего подобного.

Блейр посмотрела на свои руки. Она никогда в жизни ничего так не боялась, как этим утром, но в глубине души чувствовала, что совершила сегодня самый важный в своей жизни поступок.

— Вчера у меня на руках умер маленький мальчик, — прошептала она. — Его раздавило... Ли схватил ее за плечи:

— Мне не нужно ничего объяснять. Ты знаешь, сколько детей умерло у меня на руках? Сколько рук я ног мне пришлось отнять у заваленных в шахтах рабочих? Ты никогда не спускалась в шахту. Если бы тебе пришлось туда спуститься... Ты и представить себе не можешь этого ужаса.

— Значит, что-то нужно делать, — упрямо сказала она.

Он опустил руки, начал говорить, закрыл рот, снова попытался.

— Хорошо, попробуем по-другому. Ты не создана для этого. Несколько минут назад ты пребывала в шоке. У тебя нет способностей для подобного рода деятельности. Ты очень смела, когда дело касается спасения жизней, но когда ты попадешь в ситуацию, ведущую к войне или уничтожению жизней, ты просто развалишься на части.

— Но это нужно делать, — умоляюще произнесла она.

— Да, возможно, но для этого нужны другие люди.

По твоему лицу можно легко прочесть, что творится у тебя внутри.

— Но что же делать? Кто еще может посещать шахты, кроме тебя и меня?

— Не тебя и меня! — снова взорвался Ли. — Меня! У меня есть доступ на шахты, а не у тебя. Я не знаю, как вообще охрана пропустила тебя. Я не хочу, чтобы ты там появлялась. Я не хочу, чтобы ты спускалась в шахты. В прошлом году я просидел в завале шесть часов — подвела крепь. Я не могу позволить, чтобы что-то подобное случилось с тобой.

— Позволить? — переспросила она, чувствуя, что страх оставил ее. — Что еще ты собираешься мне "позволить"?

Он поднял бровь:

— Можешь понимать мои слова как угодно, но результат будет один: на шахтах ты больше не появишься.

— Значит, тебе можно исчезать посреди ночи, а я — нежная женушка — буду сидеть дома.

— Какая чушь! До этого я ничего не запрещал тебе. Ты хотела клинику для женщин — ты ее получила. И оставайся там.

— А ты будешь ездить на шахты, да? Ты считаешь, что я слишком труслива, чтобы спуститься в шахту? Ты думаешь, что я испугаюсь темноты?

С минуту Ли молчал, а когда заговорил, его голос звучал едва ли громче шепота.

— Не ты трусиха, Блейр, а я. Не ты боишься, что с тобой случится что-то ужасное, это я слишком боюсь потерять тебя, чтобы позволить тебе заниматься этим. Возможно, я был груб, но ты должна понять: тебе придется держаться подальше от шахтерских поселков.

Целая буря чувств охватила Блейр. Ее злила властность Ли... Как и говорила Нина, его запрет привел ее в ярость. Но, вместе с тем, она задумалась над его словами о том, что не подходит для этой работы. Хьюстон ездила в поселки, и если бы ее повозку обыскали, то не нашли бы ничего, кроме чая и детской обуви. А ее груз — совсем другое дело. Кроме того, Ли сказал, что листовки могут причинить вред. Она прочла одну из них, полную яркой ненависти: в таком состоянии люди сначала действуют, а потом осознают, что натворили.

Она подняла глаза и увидела, что Ли наблюдает за ней.

— Я... я не хотела напугать тебя, — запинаясь, проговорила она. — Я... — она не договорила, потому что Ли протянул к ней руки, и она бросилась к нему.

— Значит, ты даешь обещание? — спросил он, зарываясь лицом в ее волосы.

Блейр начала говорить, что она не может дать такого обещания, но потом подумала, что можно будет найти другой способ информировать шахтеров, более надежный, который не повлечет за собой человеческие жертвы.

— Я обещаю, что больше никогда не повезу в шахтерские поселки листовки. Он взглянул ей в лицо:

— А если меня срочно вызовут на шахту, и к телефону подойдешь ты?

— Ну, Ли, мне придется... Его рука сжала ей затылок.

— Чтобы ты знала, я очень люблю наш город, и мне не хотелось бы уезжать отсюда, но может так случиться, что придется переехать, скажем, в Техас. Куда-нибудь, где моя жена не сможет попадать в затруднительные ситуации, — он прищурился. — Я попрошу миссис Шейнес и миссис Креббс поехать с нами.

— Жестокое, бесчеловечное наказание. Хорошо. Пока я с тобой, я не подойду к шахтам. Но если я тебе понадобится...

Он закрыл ей рот поцелуем.

— Если ты когда-нибудь мне понадобишься, я хочу знать, где ты, — всегда. Каждый день и каждую минуту. Ты поняла?

— Я очень часто не знаю, где ты. По-моему, это несправедливо...

Он снова поцеловал ее.

— Когда я уходил из больницы, подъехали два фургона с покалеченными ковбоями. Кажется, они попали под копыта бегущего в панике стада. Мне пора...

Она оттолкнула его:

— Что же мы стоим? Поехали!

— Вот это моя девочка, — сказал Ли, идя за ней к коляске.

— Откройте ворота!

На двух охранников шахты «Маленькая Памела» с высоты лошади требовательно смотрела Памела Фентон Янгер.

Охранники не могли отвести от нее глаз. Вид женщины шести футов ростом верхом на черном жеребце семнадцати ладоней в холке производил устрашающее впечатление. Животное вставало на дыбы так высоко, что были видны подковы. И хотя тяжелые деревянные ворота отделяли его от мужчин, они попятились, когда конь вздернул голову и повернулся в их сторону.

— Вы что, не слышите? Откройте ворота!

— Подожди минуту... — начал один из охранников. Другой ткнул его в бок.

— Сию минуту, мисс Фентон, — сказал он, открывая перед ней ворота и отскакивая в сторону. — Дочь владельца шахты, — объяснил он первому охраннику.

Памела поскакала прямо ко входу в шахту, оставляя позади себя облако угольной пыли.

— Я хочу видеть Рафферти Таггерта, — сказала она, натянув поводья и остановив коня. — Где он?

— В забое, — ответил кто-то. — Туннель номер шесть.

— Послушайте... — выступив вперед, обратился к ней один из рабочих.

Другой мужчина, постарше, протолкнулся вперед к беспокойно приплясывавшей лошади.

— Доброе утро, мисс Фентон. Таггерт внизу, но я уверен, что для вас его кто-нибудь вызовет.

— Ну так вызывайте, — сказала она, еще больше натягивая поводья.

С брезгливым выражением Памела посмотрела вокруг себя — на грязь и нищету шахтерского поселка. Когда она была девочкой, отец настоял, чтобы она сопровождала его сюда и знала, где берет свое начало их богатство. Памела посмотрела тогда на все это и сказала:

— По-моему, мы бедны.

Она по-прежнему презирала эти места.

— Оседлайте для него лошадь, я буду ждать его на излучине Рыбачьей речки. — Развернув жеребца, Памела взглянула на управляющего шахтой:

— И если его оштрафуют хоть на пенни, вы за это заплатите.

С этими словами она прищорила коня и помчалась к воротам поселка с такой скоростью, что кусочки шлака разлетались из-под копыт.

Ждать ей пришлось недолго. Некоторые люди лишь неприязненно морщились при упоминании фамилии Фентон, но те, кто работал на компанию «Фентон Коул энд Айрон», со всех ног бросались исполнять приказание любого из Фентонов.

Рейф подъехал на шелудивом коньке, мелковатом для его крупной фигуры. Его лицо и одежда были черны от угольной пыли, глаза сверкали гневом.

— Твои желания всегда стоят на первом месте? Принцесса Фентон получает все, что

пожелает, — сказал он, спрыгнув на землю и глядя Памеле прямо в глаза.

— Мне не нравится там.

— Никому не нравится, просто некоторым приходится зарабатывать себе на жизнь.

— Я приехала не для ссоры с тобой. Мне нужно сообщить тебе кое-что важное. — Она вручила ему кусок мыла. — Что ты так удивляешься? Я знаю, что такое угольная пыль.

Еще раз впившись в нее взглядом, он взял мыло, встал на колени у воды и принялся намыливать лицо и руки.

— Ладно, что ты хочешь мне сказать? Памела села на плоский камень, вытянув длинные ноги. Ее высокая жесткая черная шляпа прибавляла ей росту, но короткая черная вуаль делала лицо загадочным и женственным.

— Когда мне было семь лет, мой отец потерял дубликат ключа от ящика своего личного стола. Я нашла его и положила в шкатулку с моими драгоценностями. Когда мне исполнилось двенадцать, я узнала, что можно открыть этим ключом.

— И с тех пор ты шпионишь.

— Я держу себя в курсе всех событий. Он подождал, но она больше ничего не сказала. Он повернулся, она подала ему полотенце.

— И что же ты узнала?

— Несколько месяцев назад мой отец нанял людей из агентства Пинкертона, чтобы узнать, кто провозит в поселки профсоюзных агитаторов.

Рейф не спеша вытирал руки, сильные и мускулистые после многих лет работы отбойным молотком.

— И что же обнаружили твои Пинкертоны?

— Не мои, а моего отца. — Она сорвала цветок и поиграла им. — Во-первых, они узнали, что четыре молодые женщины из Чандлера, все из уважаемых семей, переодеваются старухами и провозят в поселки незаконные товары. А незаконно все, что не приносит моему отцу прибыли, — она взглянула на него. — Одна из женщин — молодая жена твоего племянника.

— Хьюстон? Это маленькое хрупкое... — Он замолчал. — А Кейн знает?

— Сомневаюсь, иначе я ничего бы не узнала, не так ли?

Она внимательно наблюдала за ним. Когда Памела и Кейн были еще совсем молоды, у них был роман, который, как они считали, был их тайной любовью. На самом деле весь город обсуждал его. Когда несколько недель назад на свадьбе близнецов она познакомилась с дядей Кейна Рейфом, он показался ей воплощением всех тех качеств, что так нравились ей в Кейне. Но в Рейфе была еще и нежность, чего она никогда не замечала в его племяннике. Несколько дней после свадьбы она ждала, что он позвонит ей или пришлет записку, но он не сделал никакой попытки связаться с нею.

«Проклятая гордость Таггертов!» — ругалась она. Еще ее заинтересовало, почему такой человек, как Рейф, работает на шахте. Должна быть какая-то причина. Он не был женат, ему не нужно было содержать семью.

— Почему ты там работаешь? — спросила она. — Почему не бросишь все это? — она кивнула в сторону дороги, ведущей на шахту.

Рейф взял в руки камень и швырнул его в небольшой поток.

— Там работали мои братья, Шервин умирал, его жене и дочери неоткуда было ждать помощи, только от меня.

— Гордость Таггертов, — пробормотала Памела.

— Я пошел к твоему отцу, и мы условились, что я буду работать, а мою зарплату будут отдавать Шервину. Твоему отцу нравится унижать Таггертов за свои деньги.

Она сделала вид, что не заметила последней реплики.

— Таким образом, Шервин сохранил свою гордость, а тебе пришлось ему помочь. И что ты получил, кроме постоянной боли в спине, работая согнувшись в три погибели?

Он поднял на нее глаза:

— Это отняло всего лишь несколько лет — все уже позади. Брат с дочерью перебрались жить к Кейну и Хьюстон.

— Но ведь ты остался.

Рейф опять посмотрел на поток и промолчал.

— В отчете агентов говорится, что в связях с профсоюзами подозревают троих. Один из них — некто Джеффри Смит, второй — доктор Лиандер Вестфилд, а третий — ты.

Рейф никак не отреагировал, не посмотрел на нее, только пальцы его сжимались и разжимались.

— Ты ничего не хочешь сказать?

— Агенты работают шахтерами?

— Ну уж, наверное, они не ходят там в цивильном платье, — заметила она с сарказмом.

Он поднялся:

— Если это все, что ты хотела мне сообщить, то я должен вернуться в забой. Полагаю, ты не знаешь этих агентов?

— Даже мой отец этого не знает, — сказала она, вставая позади него. — Рейф, ты не можешь продолжать заниматься этим. У тебя больше нет необходимости оставаться на шахте. Давай подыщем тебе другую работу — любую другую работу. Прищурившись, он посмотрел на нее.:

— Назови это гордостью Таггертов, — сказал он и направился к своей лошади.

— Рейф! — Она схватила его за руку. — Я не хотела... — Она выпустила его руку и остановилась. — Я хотела предостеречь тебя. Тебе могло не понравиться то, как я это сделала, и, возможно, тебе не нравится моя фамилия, но я хотела дать тебе возможность решить, что делать. Когда мой отец чего-то захочет, он может стать жестоким.

Он стоял молча, не двигаясь. Она посмотрела на него, и от его взгляда сердце ее стремительно забилося. Она шагнула к нему и попала в его объятия.

Поцелуй был продолжительным и нежным. И Памела поняла, что ждала этого мужчину всю жизнь.

— Приезжай на это место сегодня ночью, — прошептал он. — В полночь. Надень что-нибудь, что легко снять.

С этими словами он вскочил на лошадь и уехал.

После утреннего ужаса и семи часов в операционной над покалеченными ковбоями Блейр почувствовала полное изнеможение. Она настолько устала, что даже не рассердились на Ли, уехавшего неизвестно куда после очередного таинственного звонка.

Уже в сумерках она отправилась домой, остановившись у телеграфа, чтобы вызвать в Чандлер свою подругу, доктора Луизу Бликер.

Дома, не обращая внимания на протесты миссис Шейнес, Блейр отказалась от ужина и прямо в одежде повалилась на кровать — было восемь часов.

Она проснулась оттого, что кто-то пытался войти в спальню.

— Ли? — позвала она.

Ответа не последовало. Она встала с постели, подошла к двери и открыла ее. За дверью стоял Лиандер, его рубашка была порвана, перепачкана грязью и кровью.

— Что случилось? — сразу насторожившись, спросила она. — Кого-то ранили?

— Меня, — хрипло ответил Ли и, пошатываясь, переступил порог комнаты.

На секунду Блейр ощутила приступ тошноты.

— Тебе придется мне помочь, — сказал он и начал стаскивать с себя рубаху. — Думаю, ничего серьезного, но сильно кровоточит.

Блейр пришла в себя. Она достала из гардероба свой медицинский чемоданчик, вынула ножницы и принялась разрезать рубашку мужа. Она положила его руку себе на плечо и осмотрела раны. С правой стороны на груди Блейр увидела две длинные кровоточащие царапины, в одном месте кожа была содрана до ребер. Блейр повидала немало огнестрельных ранений и не могла ошибиться на этот счет. Поскольку крови вытекло много, опасности заражения не было.

Еле ворочая языком в пересохшем рту, она заговорила.

— Раны нужно обработать, — произнесла она и стала выкладывать инструменты и дезинфицирующие средства. Руки дрожали ужасно.

— Блейр, — позвал Ли, о том, что он страдает от боли, говорило лишь прерывистое дыхание. — Тебе придется сделать не только это. Я думаю, что стрелявшие в меня знают, кто я. И они придут сюда арестовать меня.

Блейр была настолько занята ранами, что не вполне поняла, о чем он говорит. Она в первый раз оказывала помощь человеку, которого любила, и надеялась, что ей никогда больше не придется этого делать. Она вспотела, пряди волос прилипли ко лбу.

Ли взял ее за подбородок и заставил посмотреть на него.

— Ты слушаешь меня? Я полагаю, что через несколько минут сюда придут люди, и, я хочу, чтобы они подумали, что я провел в своем доме всю ночь. У них и мысли не должно зародиться, что я ранен.

— И что тебе больно, — из последних сил проговорила Блейр, заканчивая обрабатывать раны и бинтуя их. — А кто эти люди?

— Я... я бы не хотел говорить.

Хотя в настоящую минуту Блейр занимало только его состояние, она не могла не рассердиться на то, что он, попросив ее помощи, не хочет объяснить происходящее.

— Они из агентства Пинкертона, не так ли? По крайней мере, она почувствовала удовлетворение, когда на лице Ли отразилось полнейшее изумление.

— Ты можешь считать, что я ничего не знаю, но я знаю больше, чем ты думаешь. — Она закончила накладывать повязку. — Если ты будешь двигаться слишком энергично, опять пойдет кровь.

Не говоря больше ни слова, она подошла к гардеробу и извлекла оттуда ночную рубашку и пеньюар, которые надевала в свадебную ночь, и быстро переделалась в них. Ли сидел на кровати, наблюдая за ней и явно не понимая, что она собирается делать.

— Сколько у нас времени? — спросила она, подавая ему чистую рубашку. — Ты сможешь сам надеть ее? Мне нужно полежать вниз головой.

Испытывая сильную боль и пребывая в состоянии шока от сказанного Блейр, Ли, ни о чем не спрашивая, постарался одеться. А Блейр в это время лежала поперек кровати на животе, свесив голову вниз.

Они оба замерли, когда раздались удары во входную дверь.

Блейр встала:

— Соберись, Я задержу их как можно дольше.. — Она быстро взглянула на себя в зеркало и растрепала волосы. — Как я выгляжу? — спросила она, поворачиваясь к нему.

Лицо ее покраснело от прилива крови, волосы рассыпались по плечам в живописном беспорядке. Она выглядела, как любая женщина, только что занимавшаяся любовью.

Чувствуя себя на удивление спокойно, Блейр спустилась к двери и открыла ее. За ней стояли трое мужчин неприятного вида. Ничего не говоря, они прошли, в дом.

— Где он? — потребовал один из мужчин.

— Я могу пойти с вами, — сказала Блейр. — Я только возьму свою сумку.

— Вы нам не нужны, — сказал другой. — Нам нужен доктор.

Блейр поднялась на вторую ступеньку, чтобы мужчины не могли видеть ее глаз.

— Вам придется взять, что есть, — со злостью сказала она. — Я уже достаточно натерпелась от этого города. Верите вы или нет, но я такой же врач, как и мой муж. И если вам нужна помощь, я могу вам ее оказать. Лиандер очень устал, ему нужно отдохнуть. Уверяю вас, что я умею обращаться с больными так же хорошо, как и он. Так что я иду за своим чемоданчиком.

Она повернулась и начала подниматься по лестнице.

— Подождите, леди, нам не нужна медицинская помощь. Мы пришли, чтобы забрать вашего мужа в тюрьму.

— Да за что же?

— За то, что находился там, где не следует, вот за что.

Блейр сделала шаг вниз.

— А когда это случилось?

— Около часа назад.

Нарочито медленно Блейр стала приводить свои волосы в подобие порядка. Раньше она почти никогда не обращала внимания на свой внешний вид, но сейчас ей необходимо было выглядеть соблазнительно. Она позволила пеньюару слегка обнажить плечо и улыбнулась мужчинам:

— Господа, час назад мой муж был со мной.

— И у вас есть тому доказательства? — спросил один из них.

Двое других смотрели на Блейр, приоткрыв рот.

— Абсолютно никаких, — игриво улыбнулась она. — Я даю вам слово Чандлеров, кстати, этот город назван в честь моего отца. Но если вы мне не верите... — Она растерянно

заморгала, агенты смотрели на нее во все глаза.

— Я так не думаю, дорогая, — раздался у нее за спиной голос Ли. Лицо его покрывал румянец, он выглядел тоже очень усталым — как мужчина, только что занимавшийся любовью со своей женой. — Если я не ошибаюсь, вы сказали, что час назад я был где-то в другом месте?

Он подошел к Блейр. Стоявшим внизу могло показаться, что она прильнула к нему, ища опоры, но, на самом деле, это она поддерживала его.

На несколько минут воцарилась тишина. Блейр и Ли затаили дыхание. Наконец старший из пришедших сказал:

— Может, вы и думаете, что обманули нас, Вестфилд, но это не так. Мы еще до вас доберемся, — он перевел взгляд на Блейр. — Если хотите сохранить ему жизнь, не выпускайте его из дома.

Блейр и Ли молча смотрели, как уходят незваные гости. Хлопнула дверь. Блейр побежала запереть ее. Повернувшись, она увидела, что Ли побледнел. Она поспешила к нему и помогла добраться до постели.

В ту ночь Блейр больше не заснула. Уложив Ли, она села рядом, прислушиваясь к каждому его вздоху. При мысли о том, что он мог быть убит, ее начинала бить дрожь, и она крепче стискивала его руку.

Ли спал чутко. Раза два он открывал глаза и улыбался ей, затем снова проваливался в сон.

За ночь Блейр пережила все: от ужаса, что он мог погибнуть, до осознания всей полноты своей любви к нему и ярости, что он посмел подвергнуть себя смертельной опасности.

Когда в комнату просочился свет раннего утра. Ли проснулся окончательно и попытался сесть. Блейр раздвинула шторы.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Как тяжелое, ободранное, голодное бревно. Она постаралась улыбнуться, но губы ее не слушались. Все тело болело от напряжения бессонной ночи.

— Я принесу тебе поесть.

Она подобрала окровавленные тряпки и рубашку Ли и отнесла их вниз. В доме врача, по крайней мере, никто не обратит внимания на подобные вещи в мусорном ведре.

Миссис Шейнес обычно не приходила так рано, поэтому Блейр поджарила для них двоих с полдюжины яиц, нарезала хлеб ломтями в дюйм толщиной и наполнила две большие кружки холодным молоком. Поднявшись наверх с полным подносом, она обнаружила, что Ли встал и уже почти оделся. Блейр ничего не сказала и принялась накрывать завтрак на маленьком столике у окна.

Морщась от боли. Ли сел на стул и приступил к еде. Блейр устроилась напротив, ковыряя свою яичницу.

— Ну хорошо, — сказал Ли, — выкладывай, что у тебя на уме.

Блейр сделала глоток молока.

— Не понимаю, о чем ты. Он покачал головой.

— Посмотри на себя. Ты дрожишь, как вчера. Она спрятала руки.

— Полагаю, ты собираешься пойти сегодня в больницу.

— Мне нужно показаться на людях. Я должен сделать вид, что ничего не произошло. Нельзя, чтобы кто-нибудь догадался, где я был этой ночью.

— Ну еще бы! — закричала она, стукнув кулаком по столу, и вскочила на ноги. — Посмотри на себя, ты едва сидишь, а собираешься весь день простоять на ногах в операционной. А как же твои пациенты? Ты же не сможешь удержать скальпель. Где ты был этой ночью? Ради чего ты рискуешь жизнью?

— Я не могу тебе этого сказать, — ответил он, возвращаясь к яичнице. — Я хочу, но не могу. К глазам Блейр начали подступать слезы.

— Вчера ты пришел в ярость, потому что я рисковала своей жизнью, и запретил мне делать это. Теперь ситуация изменилась, но мои права остались все те же. Те же! Мне даже не позволено знать, из-за чего я могу потерять мужа. Я должна быть хорошей девочкой, сидеть дома и ждать, когда он вернется домой весь в крови, а я его залатаю. Мне позволено неизвестно почему флиртовать среди ночи с агентами Пинкертон. Мне позволено видеть твои страдания, но не позволено знать, ради чего все это. Скажи мне, Ли, отчего ты был ранен? Ты сам создал эту ситуацию? Ты что, убил столько же людей, сколько и вылечил?

Опустив голову. Ли тщательно и медленно пережевывал пищу.

— Блейр, я сказал тебе все, что мог. Ты должна мне доверять.

Она отвернулась, пытаясь совладать со слезами.

— Это все, что остается милой маленькой жenuшке? Сидеть дома, ждать и не задавать вопросов. Только я не маленькая хорошая девочка! Я всегда была непослушной. Я всегда действовала, а не наблюдала. И я хочу знать, в чем я принимаю участие на этот раз.

— К черту, Блейр, — заорал Ли и закрыл глаза от пронзившей его боли, потом снова посмотрел на Блейр. — Возможно, впервые тебе придется стать наблюдателем. Я сказал тебе все, что мог. Я не хочу глубже вовлекать тебя в это дело.

— Чтобы я ничего не знала, правильно? На суде я смогу честно сказать, что ничего не знаю, что, даже когда мой муж явился домой с двумя огнестрельными ранениями, я пребывала в полном неведении.

— Что-то в этом роде, — подтвердил Ли, положил вилку и посмотрел на Блейр. — Ты говоришь, что любишь меня, что, возможно, любила меня все эти годы. Наступил момент испытания. Если ты действительно меня любишь, ты должна мне поверить. Единственный раз в жизни ты должна забыть о присущем тебе неповиновении и жажде участия во всех событиях. Сейчас ты мне нужна не как коллега, а как жена.

Блейр долго стояла и глядела на него.

— Думаю, ты прав. Ли, — мягко произнесла она. — По-моему, до сих пор я не понимала, что такое — быть женой, — она понизила голос. — Но я собираюсь научиться. Я доверюсь тебе и больше никогда не спрошу, где ты был. А если ты захочешь рассказать — выслушаю тебя.

Гримаса боли покинула лицо Ли. Он оперся о стол левой рукой и встал. Блейр подошла помочь.

— Ли, — сказала она, — почему бы тебе не поехать сегодня в клинику? Там не нужно делать операции, и миссис Креббс поможет тебе. Так будет проще. К тому же агент Пинкертон будет выглядеть подозрительно среди пациенток-женщин.

— Прекрасная мысль, — согласился Ли, целуя ее в лоб. — Такой разговор мне нравится гораздо больше.

— Всего лишь пытаюсь быть хорошей женой. Помочь тебе одеться?

— А ты? Ты не хочешь одеться?

— По правде говоря, я чувствую себя немного усталой. После ужасного испытания

вчера утром и событий этой ночи мне бы хотелось остаться дома и прийти в себя.

— Конечно, конечно, — сказал Ли. Она говорила разумно, но он никогда раньше не слышал от нее ничего подобного. — Оставайся дома и отдохни. А я позабочусь о клинике.

Блейр улыбнулась, глядя на него из-под ресниц.

— Ты самый добрый из мужей. Пять минут спустя Ли покинул дом. Блейр тут же побежала к телефону.

— Хьюстон, где можно купить соль для ванны? А куда пойти сделать маникюр? И еще — мне нужна большая коробка шоколадных конфет и шелковые нитки. Не смейся. К сегодняшнему вечеру я собираюсь стать образцовой женой. Я дам Ли то, что, как он считает, ему нужно. Ты что, собираешься хихикать весь день или все же ответишь на мои вопросы?

Вернувшись домой в шесть часов, Ли нашел Блейр лежащей на диване в гостиной. Рядом на полу он увидел коробку шоколадных конфет и стопку журналов. Блейр, по всей видимости, не заметила прихода мужа. Она жевала конфету и увлеченно читала какой-то роман. Подойдя ближе, Ли заметил в названии слово «соблазн».

— Это что-то новенькое, — заметил он, улыбаясь.

Блейр медленно подняла голову и посмотрела на него с легкой улыбкой.

— Привет, дорогой. День прошел хорошо?

— До этого момента — так себе, — ответил он, склоняясь над ней.

Как только его губы приблизились к ее, она отвернулась, и поцелуй пришелся на щеку.

Блейр отправила в рот новую конфету и с трудом стала ее жевать — судя по всему, под шоколадом скрывалась карамель.

— Будь так добр, принеси мне еще лимонаду, а я пока закончу главу. А потом переоденюсь к обеду: мы с миссис Шейнес приготовили тебе что-то очень вкусное.

Он стоял, держа в руках пустой бокал, который она ему вручила.

— С каких это пор вы с экономкой нашли общий язык?

— Она на самом деле очень милая женщина, если знаешь, как к ней подойти. А теперь, пожалуйста, иди, Лиандер. Я умираю от жажды, нельзя заставлять леди ждать, не так ли?

С озадаченным видом он повернулся:

— Разумеется, сейчас принесу.

Когда он вышел, Блейр наконец-то прожевала конфету и, улыбаясь, продолжила чтение. Она надеялась, что героиня сломает-таки стул о голову героя и пожелает последнему пойти и утопиться.

— Ли, — протянула она, когда он появился с лимонадом, — ты еще не переоделся к обеду.

— Я занимался твоим лимонадом, чтобы избавить тебя от страданий, — отрезал он.

В ту же секунду глаза Блейр наполнились слезами, и она стала прикладывать отделанный кружевом платочек к уголкам глаз.

— Извини, что я накинулась на тебя, Лиандер.

Я просто подумала, раз ты на ногах, а я... О, Ли, я много трудилась сегодня и...

Проложив дорогу к дивану через стопу журналов, Ли встал около Блейр на колени и взял ее за руку:

— Извини, что я сорвался. Но плакать не из-за чего.

Блейр тихонько шмыгнула носом:

— Не знаю, что происходит со мной в последнее время. Такое впечатление, что все меня огорчает.

Ли поцеловал ей руку, погладил ее и ласково сказал:

— Ничего страшного. Это бывает со всеми женщинами.

Он наклонил голову и не видел, как засверкали глаза Блейр.

— Наверное, ты прав. Я уверена, что это просто женские проблемы, фантазии или что-то в этом роде.

— Возможно, — улыбаясь, согласился он и погладил ее по голове. — Отдохни, пока я переоденусь. Хороший обед поправит твоё настроение.

— Какой ты мудрый, — пробормотала Блейр. — У меня самый мудрый в мире муж.

Он поднялся, улыбнулся ей, затем подмигнул и вышел из комнаты.

Услышав, что он поднимается в спальню, она вскочила с дивана и встала спиной к камину, подбоченясь и пристально глядя в сторону их спальни.

— Из всех тщеславных и самодовольных... — громко произнесла она. — «Это бывает со всеми женщинами!» Он еще хуже, чем я думала. — От злости она не могла устоять на месте и принялась шагать по гостиной. — Я покажу тебе «женские проблемы», Лиандер, — сказала она. — Я не буду я, если не сделаю этого. Тебе и во сне не приснится, насколько я стану женщиной.

К тому времени, как Ли принял ванну и переоделся к обеду, Блейр удалось успокоиться, и она снова улыбалась. Он сгорал от желания, отодвигая для нее стул, нарезаая мясо и накладывая ей еду. Блейр сидела тихая и спокойная, говорила мало и загадочно улыбалась, разрезая свой кусок мяса на маленькие, аккуратные кусочки.

— В клинике сегодня был один интересный случай, — начал рассказывать Ли. — Пришла женщина, которая считает, что она беременна, а я подозреваю, что у нее киста. Я хотел бы, чтобы ты посмотрела ее завтра.

— Нет, Ли, я не могу. Хьюстон договорилась о моем визите к портному, потом мы с Ниной встречаемся за ланчем, а во второй половине дня я должна быть дома, чтобы заняться хозяйством. У меня совсем не останется времени.

— Что ж, это может подождать до конца недели.

Значит, завтра тебя в клинике не будет?

— Боюсь, что нет, — она взглянула на него из-под ресниц. — Быть настоящей женой требует больше времени, чем я предполагала. Оказывается, нужно столько всего сделать. А кроме того, я снова собираюсь принимать участие в жизни города. Я хочу заняться благотворительностью. Существует «Общество помощи», и «Христианская миссия», и...

— Клиника Вестфилдов, — добавил Ли. — По-моему, работа там как нельзя лучше отвечает твоим намерениям.

— Да, конечно, — холодно сказала она, — если ты настаиваешь, я пойду в клинику завтра же. Я отменю встречу с портным и уверена, что другие жены обойдутся без меня. Думаю, я смогу объяснить им положение женщины, которой приходится отрабатывать свою еду.

— Отрабатывать!.. — задохнулся Ли. — Когда это я заставлял тебя платить за что-либо в этом доме? Укажи мне, где я нарушил свои обязательства по отношению к тебе? Тебе не нужно работать ни завтра, ни когда-нибудь в будущем. Я думал, что ты хотела работать!

Блейр чуть не заплакала.

— Я хотела, я хочу. Но я не знала, что ведение хозяйства отнимает так много времени. Сегодня мне пришлось продумать меню, потому что новая служанка оказалась не в состоянии этого сделать, а когда принесли ленты для моего нового платья, они оказались не того цвета! Я всего лишь хочу хорошо выглядеть для тебя, Ли. Я хочу, чтобы у нас был хороший дом, а я — лучшей, самой милой из жен. Я хочу, чтобы ты мною гордился, а это так трудно, когда я целый день провожу в клинике. Я не знала...

— Хорошо, — перебил Ли, швыряя на стол салфетку. — Я не хотел кричать на тебя. Я просто тебя не понял. Можешь никогда больше не ходить в клинику.

Он взял ее руку и начал перебирать кончики пальцев. Она вырвала руку и стала складывать свою салфетку.

— Утром звонил Джон Силверман и просил передать тебе, что сегодня вечером в твоём клубе важная встреча. Он не объяснил, а я не спросила, в чём там дело.

— Я знаю, что там будет, они обойдутся и без меня. Я действительно хотел поговорить с тобой о двух пациентах. В больнице лежит мужчина с нарывом на руке. Я подумал, что ты могла бы взглянуть на него. Мне бы очень хотелось посоветоваться.

— Со мной? — подняла ресницы Блейр. — Ты мне льстишь. Ли. Я ведь даже не закончила обучение. Что я могу тебе посоветовать, у тебя такой опыт...

— Но раньше...

— Раньше я не была женой. И не знала никакой ответственности. Ли, мне кажется, ты обязательно должен пойти в клуб. Я буду чувствовать себя ужасно, если ты отделишься от друзей. И кроме того, мне бы хотелось дочитать роман.

— О, — безрадостно протянул Ли. Я, пожалуй, пойду.

— Очень хорошо, дорогой, — сказала она, вставая. — Я ни за что не хотела бы вмешиваться в твою жизнь. Жена должна поддерживать мужа во всех его делах и не подводить его.

Ли отодвинул стул и начал подниматься. Бок у него болел, и ему хотелось остаться дома и почитать газету, но он и в самом деле не заглядывал в клуб после женитьбы. Может, Блейр права, и ему следует пойти. Он может с равным успехом посидеть и там. Кстати, послушает, что известно о стрельбе на шахте прошлой ночью.

— Ладно. Я пойду, но не задержусь там. Может нам удастся поговорить, когда я вернусь.

— Одна из обязанностей жены — выслушивать мужа, — улыбаясь, сказала Блейр. — Поезжай, дорогой. А мне ещё нужно кое-что дошить и пораньше лечь спать. — Она поцеловала его в лоб. — Увидимся завтра утром.

И Блейр выскользнула из комнаты, не дожидаясь ответа.

Она наблюдала за ним сверху из окна гостевой комнаты. Ли двигался неловко, и она поняла, что рана по-прежнему болит, но почти не испытывала сожаления, что отправила его одного. Он заслуживает хорошего урока.

Когда экипаж скрылся из виду, Блейр спустилась вниз и позвонила Нине.

— Давай поедem завтра на прогулку верхом, — предложила Блейр, — а то я сойду с ума от недостатка движения. Как ты думаешь, твой отец сможет провести меня завтра в больницу, чтобы осмотреть пациента? По секрету от всех? Чтобы никто об этом не знал?

Нина помолчала.

— Уверена, что сможет. Как хорошо вернуться домой, — улыбаясь, сказала она. — Встретимся в девять у реки.

Услышав, что Нина повесила трубку, Блейр резким тоном сказала:

— Мэри Кэтрин, если хоть одно слово из моего разговора станет известно, я буду знать, кто это сделал.

— Что вы, Блейр-Хьюстон, — заговорила телефонистка, — я не под... — Сообразив, что выдаёт себя, она отключилась.

Блейр прошла на кухню и сделала себе шесть сэндвичей с жареной говядиной. За обедом она ограничила себя подобающей леди порцией и сейчас умирала от голода. Когда Ли вернулся, она уже лежала в постели и притворялась спящей. В ответ на его поглаживания и попытки снять с нее ночную рубашку, она умоляюще попросила оставить ее в покое, сославшись на жуткую головную боль. Когда он отвернулся, она на секунду задумалась над

тем, что делает. Его или себя она наказывает?

***

— Это остеомиелит, — сказала Блейр Риду, тщательно осмотрев руку больного. — Когда вы в следующий раз дадите кому-нибудь в зубы, сначала выясните, чистил ли он их, — повернулась она к пациенту.

— Ли поставил такой же диагноз, — сказал Рид. — Но он хотел услышать мнение другого врача, Она закрыла свой чемоданчик и пошла к двери.

— Мне очень лестно, что он обратился ко мне. Но мы с вами договорились, что вы не скажете ему о моем визите.

Рид нахмурился, его некрасивое лицо собралось глубокими складками.

— Договорились, но мне это не нравится.

— Так же как вы договорились помогать Ли в чем-то таком, что приводит его домой с огнестрельными ранами.

— В Ли стреляли? — потрясение спросил Рид.

— Несколько дюймов левее — и пули попали бы в сердце.

— Я не знал. Он не сказал...

— Похоже, он мало о себе рассказывает. Куда это он ездит, что возвращается домой весь в крови?

Рид посмотрел на свою невестку, увидел огонь в ее Глазах и понял, что не может рассказать о путешествиях Ли на шахты. И не только потому, что уважал желания сына. Он не доверял Блейр с ее настроением спасти весь мир. На нее так похоже — сотворить какую-нибудь глупость, может, такую же, как то, что делал Ли.

— Я не могу сказать, — наконец проговорил он.

Блейр только кивнула и вышла из палаты. На улице ее ждала оседланная лошадь. Блейр быстро поскакала к реке Тиджерас, где должна была встретиться с Ниной.

Нина взглянула на Блейр, потом на лошадь. Обе устали.

— Все из-за моего братца?

Блейр спешила.

— Он самый невыносимый и самый скрытный человек на свете.

— Согласна, но что конкретно он сделал?

Блейр стала расседлывать лошадь, чтобы дать бедному животному отдохнуть.

— Ты знаешь, что твой отец звонит ему и днем, и ночью, где бы он ни был, после этого Ли исчезает на несколько часов и отказывается говорить, где был? Два дня назад он вернулся домой с ранами от двух пуль в боку, а за ним по пятам шли люди Пинкертона. Это они стреляли в него. Чем он занимается? — выкрикнула она, бросив одеяло на землю. Нина смотрела на нее во все глаза.

— Не представляю. И давно это продолжается?

— Я не знаю. Меня считают слишком недалекой для этого. Мне позволено лишь залечивать его раны — и никаких вопросов. О, Нина, что мне делать? Я не могу просто смотреть, как он уходит, и не знать, вернется ли?

— В него стреляли люди Пинкертонa? Тогда то, чем он занимается, должно быть...

— Незаконным? — спросила Блейр. — По крайней мере, на самой грани законности. Знаешь, иногда мне это безразлично. Я только хочу, чтобы он был цел и невредим. Боюсь, мне все равно, даже если он грабит банки в свободное от работы время.

— Грабит?.. — Нина села на камень. — Блейр, я действительно не знаю, чем он занимается. Папа и Ли всегда ограждали меня от всех неприятностей." Мама и я всегда были защищены от любых трудностей.

Может, мы с мамой были настолько увлечены нашими тайнами, что не думали, что они есть и у наших мужчин. Блейр со вздохом села рядом с ней.

— Ли узнал, что я провезла на шахту листовки.

— Рада, что твоя голова по-прежнему на месте. Ты в первый раз испытала на себе его гнев?

— Надеюсь, в последний. Я попыталась объяснить ему, что была так же огорчена его исчезновениями, как и он моим поступком, но он даже не слушал.

— Он непробиваем, — согласилась Нина. — Ну так что мы будем делать? Больше ни у кого нет доступа на шахты, и, если Ли так легко узнал об этом, я боюсь посылать листовки с Хьюстон или с другими девушками.

— Вчера у меня было время подумать, и одно высказывание Хьюстон навело меня на мысль. Она сказала, что всегда хотела писать для женского журнала. Что, если в благотворительных целях мы издадим журнал и будем бесплатно распространять его в поселках среди жен шахтеров? Мы покажем несколько экземпляров управляющим шахтами, и я уверена, нам разрешат раздавать его. В журналах будут совершенно невинные статьи.

— О модных прическах? — вспыхнули глаза Нины.

— Нашим самым воинственным призывом будет требование прекратить отлов колибри в Южной Америке ради перьев для дамских шляпок.

— И ни одного слова о профсоюзах?

— Ни одного, видного простому глазу. Нина улыбнулась:

— Мне нравится твое предложение. Но как же мы будем передавать наши сообщения? «О, Алан, пожалуйста, заканчивай скорей учебу, чтобы мы могли вернуться домой», — подумала она.

— С помощью кода. Я читала, что кодами пользовались во время Американской революции. Они представляют собой ряд чисел и букв, указывающих на определенные страницы определенной книги. Числа указывают на буквы, и путем несложных расчетов ты вычисляешь послание. Я не сомневаюсь, что Библия есть в каждом доме.

Нина встала, сцепив от волнения руки.

— Мы могли бы сослаться на один из псалмов на первой странице, а потом... А как мы замаскируем числа? Боюсь, что страница чисел в женском журнале вызовет подозрения совета управляющих шахтами.

Ведь леди ничего не смыслят в математике.

Выражением лица Блейр напоминала кошку, только что наевшуюся сливок.

— Образцы вязания, — сказала она. — Мы заполним образцами вязания не одну страницу. Будем периодически вставлять слова типа, «чтобы связать левый рукав», но истинным содержанием будет шифр, позволяющий шахтерам узнать о профсоюзном движении в стране.

Нина закрыла глаза и откинула голову.

— Блестяще, Блейр, но, что еще важнее, я думаю, это сработает. Ты все время в клинике, так что я пойду в библиотеку и займусь кодом, а...

— Несколько дней меня не будет в клинике, — без улыбки ответила Блейр.

— Но я слышала, что к тебе так много желающих попасть, что им приходится ждать на улице.

Блейр отвернулась к реке.

— Да, верно, — тихо сказала она и вдруг резко встала. — Когда-нибудь я удушю твоего брата! — страстно воскликнула она. — Я пытаюсь преподать ему урок, но, по-моему, он слишком туп, чтобы понять. Он воображает себя моим отцом! Он дарит мне подарки — женскую клинику, отдает приказания, контролирует все мои действия, а когда я задала ему несколько вопросов, он так оскорбился, словно взрослый, которого ребенок спросил о его доходах. Я так мало знаю о Лиандере, а он ничего мне о себе не рассказывает. И в то же время я и шагу не могу ступить за порог, чтобы не отчитаться перед ним. Мне не нужен еще один отец, я вполне довольна тем, который у меня был. Но как заставить его понять, что я не маленькая девочка?

— Мне это не удалось, — сказала Нина. — Между прочим, мой отец все еще дарит мне на день рождения кукол. Ты сказала, что пытаешься преподать Ли урок. Каким образом?

— Я... э... — Блейр посмотрела в сторону. — Он твердит, что ему нужна леди, я и стараюсь быть ею. Нина с минуту раздумывала.

— Ты имеешь в виду уход за собой — ванны с пеной и все такое прочее, беспомощность и слезы над разбитой тарелкой?

Блейр с ухмылкой повернулась к ней:

— И бесконечные коробки шоколада, а ночью — головная боль.

Нина начала смеяться.

— Хочу тебя предостеречь, что может пройти десять лет, прежде чем Ли поймет, что ему преподают урок. Тебе следует делать это более явно. Плохо, что ты не можешь упасть в обморок при виде заусенца.

Блейр вздохнула:

— Между прочим, ему нравится все, что я делаю, за исключением головной боли. Он не против, что я целый день сижу дома и отдаю распоряжения миссис Шейнес.

— И сходишь при этом с ума, я права?

— Уже нет, — улыбнулась Блейр. — Сегодня же я начну работать над кодом. Буду хоть чем-то занята. Если я так и буду сидеть дома, мама начнет присылать мне ягоды для консервирования.

— У меня есть такой рецепт варенья из чернослива...

—..что язык проглотишь, — закончила Блейр. — Я слышала о нем, — пояснила она, седлая лошадь. — Я еще не готова собирать рецепты, но, если я взгляну еще на один образчик ткани, я действительно могу упасть в обморок. Я позвоню тебе завтра и сообщу, как продвигается работа над образцом вязания. Я хочу закончить его до начала работы над журналом в целом и до того, как мы посвятим кого-либо в наши планы. Сначала все печатаем, а потом объясним остальным, в чем дело. Когда тебе нужно возвращаться в Филадельфию?

— Через десять дней. Пройдет целая вечность, пока Алан закончит учебу.

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с моими тетей и дядей в Пенсильвании. Я дам тебе их адрес и напишу им о тебе. И друзья у меня там есть. Ты не будешь чувствовать себя так

одинок.

— Спасибо. Может быть, с их помощью время пробежит быстрее. Удачи тебе с Ли, — крикнула она вслед Блейр, уже скакавшей прочь.

Четыре дня в роли образцовой леди заставили Блейр задуматься, выдержит ли она это напряжение. Она уставала и раздражалась от одного лишь присмотра за хозяйством. Но самым тяжким оказалось то, что Лиандер и не подозревал, что ему преподают урок. Уже четыре дня, как его жена превратилась в полуинвалидку, отказывающуюся от выполнения супружеских обязанностей, а он лишь бормотал: «Похоже, медовый месяц закончился».

Целый день до рези в глазах она работала над кодом: считала слова, делала пометки, преобразуя сочиненный Ниной памфлет загадочную комбинацию слов и чисел. К утру пятого дня Блейр почувствовала, что больше не выдержит. Она отправилась за покупками, намереваясь приобрести какую-нибудь легкомысленную вещичку, чтобы показать ее Ли, а вместо этого оказалась в книжном магазине мистера Пендергаста в поисках медицинской литературы.

Она так увлеклась, что не замечала никого вокруг, пока рядом не раздался мужской голос:

— Он должен перевезти товары в четверг ночью. "

Блейр подняла глаза и увидела человека, которого Ли назвал Лего. Ей удалось сдержать дрожь неприязни. Когда истекающий кровью мужчина лежит на койке, она не боится до него дотронуться, но этот, живой и здоровый, вызвал только одно желание — держаться от него подальше. Едва кивнув ему, Блейр отошла в сторону.

Она взяла экземпляр книги Хаггарда «Она» и тут, словно очнувшись, подняла голову. Что он ей сказал?

Блейер огляделась и увидела, что Лего направляется к выходу.

— Сэр, — окликнула она его и заметила устремленные на нее полные любопытства взгляды владельца магазина и двух покупательниц, — я нашла книгу, которую вы ищете.

Лего улыбнулся.

— Большое спасибо, — громко сказал он. Блейр понимала, что она должна соображать очень быстро. Она не хотела, чтобы этот человек понял, что она ничего не знает. В то же время ей нужно было узнать как можно больше.

— Он должен доставить товары в то же место, что и последний раз? — спросила она.

— Совершенно верно, — он, не отрываясь, рассматривал книгу. — Надеюсь, затруднений не будет?

— Никаких, — Блейр колебалась. — Только вот на этот раз я буду вместо него.

Лего положил книгу на полку:

— Это все-таки не то, что я искал. Всего доброго, мэм.

Он приподнял шляпу и покинул магазин. Блейр подождала, сколько позволяли обстоятельства, и вышла следом. Поскольку все, что делали чандлерские близнецы, тут же становились новостью номер один, она физически ощутила прожигавшие ей спину взгляды.

Натягивая перчатки, она помедлила у магазина, краем глаза следя за Лего, который направлялся в сторону Второй улицы к магазину дамской одежды Паркера. Блейр повернула на север, прошла за гостиницей «Денвер», пересекла Лид, обогнула Раскин-билдинг и вышла на Вторую улицу — подальше от наблюдательных глаз посетителей книжного магазина мистера Пендергаста.

Легко неторопливо шел по улице, повесив трость на руку. Казалось, он был полностью

поглощен разглядыванием витрин и до окружающего мира ему не было никакого дела. Блейр перешла через улицу и подошла к витрине магазина Паркера.

Она понимала, что времени на длинный разговор нет.

— Я знаю все.

— Я так и думал, иначе я не обратился бы к вам, — он глядел исключительно на витрину. — Но эта работа — не для женщины.

— Могу себе представить, что и для мужчины она не подходит.

Он посмотрел на Блейр:

— Представить? Я думал, вы знаете.

— Знаю. Я также знаю, что мой муж сделает это в последний раз. Он еще не оправился от своих ран, поэтому-то я и поеду вместо него. После этого вам придется все делать самому. Мы с ним не собираемся больше в этом участвовать.

Он, казалось, обдумывал ее слова.

— Что ж, договорились. В четверг вечером в десять. Ждите нас в обычном месте. Он собирался отвернуться.

— А где мне оставить коляску? Я не хочу, чтобы ее узнали.

Он снова повернулся к ней:

— Я начинаю сомневаться в успехе предприятия. Вы уверены, что справитесь? Вы знаете, в чем вы принимали участие?

Блейр решила, что лучше промолчать, и ограничиться кивком.

— Нам понадобится ваша коляска, поэтому поставьте ее за салуном «Ацтек» на Белл-лейн. Ждите там. Кто-нибудь подойдет и передаст вам чемодан. Не подведите меня. Если вы не сможете, то пришлите мужа.

— Поняла, — прошептала она.

Два оставшихся до четверга дня Блейр была Сама не своя. Она ничего не помнила, ничего не могла делать или думать о чем-нибудь другом, кроме того, что должна сделать в четверг ночью. В эту ночь она наконец-то выяснит, чем занимается ее муж. Она сказала Нине, что ей безразлично, преступник он или нет, что она все равно любит его. Но скоро наступит момент, когда она наконец все узнает. Блейр была уверена, что Ли связан с незаконной деятельностью. Так что теперь и она примет в этом участие, чтобы вывести его из игры. Она надеялась, что ее поступок заставит его навсегда покончить с тем, чем он занимается.

В четверг вечером она надела свой медицинский костюм. Ли вызвали в больницу к трем бандитам, ранившим друг друга где-то около мексиканской границы, поэтому Блейр была одна. Спускаясь по лестнице, чтобы идти в конюшню, она тряслась от страха, нервы ее были на пределе.

Только раз в жизни она находилась в той части города, где должна была сегодня встретиться с Лего, — это случилось в ту ночь, когда они с Ли ездили на вызов к проститутке, пытавшейся покончить с собой. Не обращая внимания на свист, сопровождающий появление женщины в этом районе, она остановилась за салуном «Ацтек» и стала ждать.

Кейн Таггерт проснулся, чувствуя, что что-то не так, но еще не понимая, в чем дело. Вздрогнув, он повернулся к Хьюстон. Ее тело сотрясала сильная дрожь, и, несмотря на все одеяла, она была холодна как лед. Он обнял ее и, к своему ужасу, увидел, что она спит.

— Хьюстон, родная, — нежно прошептал он, однако в его голосе слышалась озабоченность, — проснись. Очнувшись от сна, Хьюстон начала дрожать еще сильнее.

— Моя сестра в опасности. Моя сестра в опасности, — повторяла она. — Моя сестра...

— Хорошо, — сказал Кейн, выбираясь из постели. — Оставайся здесь, я позвоню ей и узнаю, что там происходит.

Кейн сбежал вниз через две ступеньки и помчался в библиотеку. В доме Вестфилдов на звонок никто не ответил. Телефонистка сказала, что Лиандера вызвали в больницу к раненым в перестрелке. Кейн попросил соединить его с больницей. Медсестра не хотела звать Ли к телефону.

— Меня не интересует, что он там делает, все это неважно. Передайте ему, что его жена в опасности. Через минуту Лиандер был у аппарата.

— Где Блейр?

— Не знаю. Хьюстон наверху дрожит так, что, боюсь, сломает кровать, и она холодная, как труп. Она все время повторяет, что Блейр в опасности. Больше ничего не знаю, но я подумал, что тебя следует предупредить. Когда Блейр была у француженки, с Хьюстон ничего подобного не происходило. Может, на этот раз, опасность настоящая.

— Я выясню, — сказал Ли и положил трубку, чтобы разъединить связь, потом снова взял ее. — Мэри Кэтрин, — сказал он телефонистке, — я хочу, чтобы ты нашла мою жену. Звони куда хочешь, но найди ее как можно скорее. И чтобы никто не догадался, что ты разыскиваешь ее.

— Не знаю, стоит ли мне это делать после того, как на прошлой неделе она обвинила меня в подслушивании.

— Найди ее, Мэри Кэтрин, и я прослежу, чтобы она бесплатно приняла у тебя все роды... и у твоей сестры. А я сведу тебе с правой руки бородавке.

— Дайте мне час, — сказала телефонистка отключилась.

Этот час показался Ли самым долгим в его жизни. Он пошел в операционную и с облегчением увидел, что миссис Креббс закончила накладывать швы без него. Она попыталась что-то сказать по поводу его отлучки, но он даже не слышал. Он думал только о том, что задушит Блейр, едва доберется до ее шеи. Ничего удивительного, что последнее время она была такой смирной: возможно, как раз задумывала опасное предприятие.

Он вернулся в большой больничный вестибюль, где стоял телефон, и курил одну сигару за другой, пока медсестры не начали жаловаться на дым. Он так зарычал в ответ, что они сочли за благо тихо ретироваться. Ли не позволял никому даже дотрагиваться до телефона: какой-то молодой человек, только что ставший счастливым отцом, потянулся к трубке — Ли остановил его под страхом смерти всех его потомков. Каждые две-три минуты он спрашивал у Мэри Кэтрин, что слышно. На пятнадцатый раз она сказала, что ничего не сможет сделать, если он будет отвлекать ее.

Ли смог продержаться целых пять минут и опять потянулся к трубке. В этот момент телефон зазвонил.

— Где она? — потребовал он.

— Можно было догадаться. Некто — я не могу назвать имени этого человека, чтобы

навсегда не погубить его репутацию, — сказал, что видел, как она поехала за железнодорожную линию и остановилась позади салуна «Ацтек». Я точно не знаю, где это, потому что, естественно, никогда там не была, и Блейр не следует там бывать...

— Мэри Кэтрин, я тебя люблю, — сказал Ли, роняя трубку на стол и выбегая из больницы.

Лошадь Ли была быстрым животным, и жители города давно привыкли давать дорогу экипажу Ли, но в тот вечер он превзошел самого себя, подобно вихрю промчавшись по улицам и через реку в тот район, где Блейр совсем не стоило находиться. Он решил, что кто-то пришел к ним с просьбой о помощи, и Блейр, не думая, отправилась с этим человеком. Но внутреннее чутье подсказывало Ли, что это не просто вызов.

У салуна он спрыгнул на землю и, не привязывая лошадь, потому что она была обучена ждать его, вошел в заведение. Одно из преимуществ его профессии заключалось в том, что его хорошо знали, и если кто-то и не был ему обязан в настоящий момент, то очень скоро ситуация могла измениться.

— Мне нужно поговорить с тобой, — обратился Ли к крупному мужчине за стойкой.

Пропустив мимо ушей требование посетителя подать еще пива, мужчина вышел из-за стойки и кивком пригласил Ли следовать за собой в заднюю комнату.

— Минуту! — крикнул ковбой, расстегивавший, штаны. На засаленном матрасе с утомленным видом лежала грязная женщина.

— Убирайся, — приказал бармен. — Ты тоже, Бесс.

Женщина с трудом поднялась и направилась к двери.

— А я-то думала, что счастье мне улыбнулось и вы ко мне, — с улыбкой обратилась она к Ли, потрепала его по подбородку и вышла.

Когда они остались одни, Лиандер повернулся к бармену:

— Я слышал, что сегодня вечером моя жена ждала кого-то за салуном. Я думаю, ты знаешь, в чем тут дело. Мужчина провел рукой по трехдневной щетине, потеревил один из множества своих подбородков.

— Мне не хотелось бы ввязываться в это. Лего и эта его женщина...

— Какое отношение к моей жене имеет этот подонок? — спросил Ли.

— Она ждала его.

Ли на мгновение отвернулся. Он надеялся, что ошибается и Блейр всего лишь поехала на вызов к больному, но если она встречалась с Лего...

— У тебя нет выбора, — повернулся он к толстяку. — Я не хочу тебя шантажировать или вызывать шерифа, но я любой ценой хочу найти свою жену.

— Шериф уже идет по следу Лего и этой женщины. Но они вне подозрений, потому что ваша прыткая женушка делает за них всю грязную работу.

Ли угрожающе навис над мужчиной:

— Тебе лучше рассказать мне все, и побыстрее.

— Меня их дела не касаются. Я продал им немного виски и занимаюсь своими делами. Ладно, не горячитесь, я расскажу вам. Лего снял у меня комнату, чтобы спрятать там женщину. Я не знаю, кто она, я видел ее только раз. Говор у нее забавный. Иностранка.

— Француженка? — спросил Ли.

— Может быть. Красотка, между прочим.

— Значит, Лего замыслил что-то вместе с Фрэнки, — задумчиво произнес Ли. — Что еще ты знаешь?

— Я слышал, как они говорили что-то о вывозе из города товаров и искали для этого кого-нибудь, не внушающего подозрений. Они об этом много говорили.

Ли отвернулся и саданул кулаком по деревянной стене. Боль помогла ему.

— Да, они нашли кое-кого достаточно глупого. Куда они поехали и что хотели вывезти из города?

— Не знаю. Вы можете спросить Лего. Он сидит в баре дальше по улице. Я велел ему убраться отсюда, потому что мне тут женщины не нужны — от них одни неприятности.

Ничего не сказав, Ли покинул комнату и вышел на улицу. Он заглянул в три бара, прежде чем нашел Лего. Ни слова не говоря, он подошел к нему, схватил за грудки и сдернул со стула.

— Пойдешь сам или применить силу? Карты выпали из рук игрока, он старался удержать равновесие.

Лего быстро кивнул, и Ли потащил его к задней двери на улицу. Никто за ними не последовал. Было ли им все равно, или они боялись попасть к доктору в немилость, осталось неясным.

Лиандер был так сильно разъярен, что едва мог говорить.

— Где она?

— Уже слишком поздно. Тебе нужно было приехать часа два назад.

Ли опять схватил Лего за грудки и ударил спиной о стену салу на.

— Я никого в жизни не убил, я дал клятву, что буду спасать человеческие жизни. Поэтому помоги мне, Лего. Если ты не ответишь мне прямо сейчас, я сломаю твою тощую шеенку.

— В настоящий момент она уже в руках шерифа и, без сомнения, под арестом за кражу миллиона долларов в ценных бумагах.

Ли был настолько потрясен, что выпустил рубашку Лего и отступил на шаг.

— Где? Как? — выдавил он из себя.

— Я говорил тебе, что расплачусь за годы, проведенные в тюрьме. Это было нетрудно. Она думает, что спасает твою жизнь, но вместо этого вывозит из города ворованное. Шерифу дали знать, что она делает, и сейчас она уже в тюрьме. Надеюсь, тебе доставит удовольствие лицезреть ее в камере.

Ли замахнулся, чтобы ударить, но Лего с издевкой заметил:

— На твоем месте я бы не стал этого делать. Мой пистолет направлен тебе в живот. А теперь — почему бы тебе, как хорошему мальчику, не навестить в тюрьме свою очаровательную жену? Уверен, что это будет не последнее свидание.

Ли не хотел тратить на Лего время. И хотя он полагал, что тот не осмелится выстрелить, все-таки не стал поворачиваться к нему спиной, пока не завернул за угол.

Лиандер бросился бежать к тому месту, где оставил свой экипаж, но в следующую секунду, увидев у коновязи крупного вороного мерина, вскочил в седло и рванул на восток из города. Единственным местом, где могли быть ценные бумаги на миллион долларов, была железнодорожная станция.

Он приподнялся в седле и впереди справа различил коляску, а слева — вооруженный отряд. Похоже, Блейр ехала прямо на собиравшихся арестовать ее людей, а он был от них в полумиле.

Лиандер ударил коня каблуками, начав кричать и стрелять из пистолета, вытащил из кобуры у седла винтовку и разрядил ее в воздух. Несчастное животное, напуганное странным ездоком, шумом и пороховым дымом, рванулось вперед с головокружительной скоростью. Ли хотел обратить внимание людей шерифа к себе и отвлечь их от своей жены.

Ему это удалось.

Когда несколько «случайных» пуль взметнули фонтанчики земли в футах от возглавлявшего отряд всадника, мужчины остановились, сдерживая лошадей и давая Ли драгоценные мгновения: ему нужно было добраться до Блейр раньше них.

В итоге они все съехались одновременно. Одного взгляда на мрачное лицо шерифа было достаточно, чтобы убедиться в правдивости слов Лего: представители закона собирались выяснить, действительно ли одна из Чандлеров замешана в ограблении.

— Черт побери! — заорал Ли, обращаясь к Блейр, соскочил на землю и хлопнул коня по крупу, направляя его в сторону города. — Тебя нельзя оставить ни на минуту! — Он забрался в коляску, взял в руки поводья и посмотрел на шерифа:

— Только дай женщине экипаж, хлопот не оберешься. Но что самое ужасное, она всегда делает все за других и не думает о собственной безопасности.

Шериф довольно долго смотрел на Ли, так долго, что на лбу у последнего выступил пот.

— Тебе, парень, следовало бы приглядывать за своей женой, — мрачно проговорил шериф. — А то это сделает кто-нибудь другой.

— Да, сэр, — сказал Ли, — я начну приглядывать за ней с утра.

— Шесть часов, Лиандер. Я даю тебе шесть часов, иначе этим кем-то стану я.

— Да, сэр, — ответил Ли, чувствуя, что сейчас заплачет слезами благодарности. — Это не займет у меня так много времени.

Он хлестнул лошадь поводьями и выехал на дорогу, направляясь к багажной конторе вокзала.

Только когда они очутились на дороге, Блейр заговорила:

— Ты все-таки приехал. Как ты узнал, что отправка состоится сегодня? Ли не смотрел на нее.

— Помолчи, если желаешь себе добра. Иначе я как следует выпорю тебя и запру дома до конца твоих дней.

— Меня? Меня! — У нее перехватило дыхание. — Я просто заменила тебя. Я надеялась, что, если хоть раз пройду через это, ты поймешь, какому унижению подверг меня.

— Заменяла меня! — Он повернулся к ней — глаза его метали молнии. — Ты что, считаешь, что это я украл ценные бумаги? Что я работаю на Лего?

— А что еще ты мог делать? Как врач, ты зарабатываешь немного, но можешь позволить себе оборудовать клинику, купить дом, тратить деньги на меня, ты пришел домой с огнестрельными ранами... — Она замолчала, потому что Ли остановил коляску рядом с темным зданием конторы.

Он спрыгнул на землю:

— Слезай и посмотри, что повесил на тебя Лего. Пока Блейр спускалась. Ли достал из-под сиденья небольшую деревянную шкатулку и открыл ее. Она была полна бумаг. Лиандер вынул несколько и поднес их к фонарям коляски.

— Дело даже не только в том, что ты оказалась бы воровкой, все это принадлежит Таггерту и Национальному банку Чандлера. Ты могла разорить половину города.

Осознав сказанное, Блейр пошатнулась и села на подножку.

— О, Ли, я не знала. Я думала только... Он схватил ее за плечи и поставил на ноги.

— Сейчас у нас нет времени на объяснения. Нужно посмотреть, что натворил Лего. Возьми свой чемоданчик.

Он снял с коляски один из фонарей и побежал к двери, Блейр за ним — с тяжелым медицинским чемоданчиком в руке.

Вход в контору был только один. Войдя туда, они увидели, что большой сейф открыт и пуст, а перед ним лежит тело. Поскольку ни электричество, ни телефонная связь сюда не доходили, оставался только свет фонаря.

Ли первым подбежал к лежавшему мужчине:

— Это Тед Хинкель. Он жив, но его здорово стукнули по голове.

Блейр открыла чемоданчик и достала нюхательную соль.

— Если ты не работал на Лего, куда ты ездил? Ли тяжело вздохнул, беря у нее соль:

— Я думал, что смогу спасти тебя от тебя самой, но, похоже, мне это не удастся. Я не говорил тебе, чем занимаюсь, потому что боялся, что ты совершишь какой-нибудь необдуманный поступок, вроде этого. А что касается меня, то в течение некоторого времени я провожу в шахтерские поселки профсоюзных агитаторов.

— Профсоюзных агитаторов? — растерянно переспросила она. — Но Лего...

— Как ты могла поверить, что я имею дело с этим преступником? Ты сама сказала, что он должен ненавидеть меня. Думаю, он узнал про агитаторов, выведал, что тебе я ничего не говорил, и использовал свое знание, чтобы заставить тебя поработать на него. Если бы ты вывезла бумаги из города — прекрасно; если нет — еще лучше; он сполна расплатился бы со мной за тюрьму.

— Но деньги... — начала Блейр, поднося фонарь поближе к голове Теда. Услышанное не укладывалось у нее в голове.

Ли хмурился, пытаясь вернуть к жизни неподвижное тело.

— И как мог такой человек, как я, влюбиться в такую, как ты? Меня воспитали с мыслью, что заработки мужчины — это его личное дело, и только его. Моя мать из очень богатой семьи, я, конечно, не могу сравниться с Таггертом, но денег у меня больше чем достаточно. Я даже говорил тебе об этом.

— Да, но клиника стоит очень дорого.

Сжав зубы, Ли приподнял Теда.

— Если мы из этого выберемся, я покажу тебе свои бумаги. Я могу позволить себе двадцать клиник.

— О, — ответила Блейр и вручила ему карболку и кусок ткани, чтобы продезинфицировать рану Теда. — Значит, я только что украдала... Сколько я украдала?

— Миллион долларов.

Бутылочка с карболкой выпала у нее из рук, но Ли успел подхватить ее.

— А как ты узнал и почему там был шериф? И что это за шесть часов?

— Хьюстон почувствовала, что ты в опасности, а Мэри Кэтрин выяснила, где тебя видели в последний раз. Лего выдал тебя шерифу, а шериф дал мне шесть часов, чтобы вернуть бумаги на место и чтобы никто не догадался, что они были украдены. Эй, Тед, очнись! Блейр закрыла лицо руками:

— О, Ли, что я натворила!

Он едва взглянул на нее, сейчас его заботил только молодой человек.

— Вот именно, моя радость.

— Ты считаешь, что меня посадят в тюрьму?

— Нет, если мы вернем бумаги.

— А как ты собираешься это сделать? Скажешь:

«Кстати, Тед, я нашел это неподалеку»?

— Нет, я... — Глаза его загорелись. — Он приходит в себя. Дай мне свои панталоны.

— Ли! Сейчас не время...

— У меня есть кусок веревки, я надставлю ее панталонами и спущу шкатулку через дымоход. А ты должна убедить Теда, что это он ее спас и мошенники даже не выносили ее отсюда.

Без единого слова Блейр встала, освободилась от панталон и передала их Ли. Затем села и положила голову Теда себе на колени. Ли тем временем вышел на улицу.

— Тед! Что случилось? — сказала она, поднося к его носу соль.

— Ограбление, — сказал он и сел, держась за голову. — Я должен позвонить мистеру... — Тебе нужно сесть, — сказала она, почти насильно усаживая на стул. — Я должна осмотреть рану.

— Но я должен передать...

— Потерпи! — Блейр приложила к ране едкий антисептик, новая боль ослабила молодого человека, и он откинулся на стуле. — Расскажи, что тут Произошло, — сказала она.

Краем глаза Блейр заметила, что в камине показалось что-то белое.

— Повернись к свету. Так что произошло?

— Я просто стоял и смотрел, как один из двух, такой маленький, открыл сейф и достал шкатулку. Я не знаю, что в ней было. Потом кто-то ударил меня по голове, и следующее, что я увидел, — это ты, Блейр-Хьюстон. Мне нужно позвонить...

— Ты не все рассказал. Ты, должно быть, боролся с ними.

— Нет, я...

— Тед, прошу тебя, ляг на пол на пару минут, мне не нравится твоя рана. Ты потерял много крови. Так, хорошо, вот здесь, за шкафом. Мне нужно убрать инструменты.

Блейр подбежала к камину, схватила веревку, панталоны и запихала их в свой чемоданчик.

— Я думаю, тебе скоро полегчает, Тед. Хочешь, я отвезу тебя к шерифу?

Держась за голову и спотыкаясь, Тед обходил комнату, потом вдруг остановился, не веря своим глазам:

— Вот она.

— Ты о чем?

— Шкатулка, которую они украли. Вот она. Она уже давно здесь?

— Она была здесь, когда я вошла. Ты хочешь сказать, что бандиты так и не унесли ее?

Эй, Тед, я знаю, что ты дал им бой, но ты явно поскромничал. Так ты не дал им унести шкатулку?

— Я... я не знаю. Я думал...

— Но вот же подтверждение. Ты в самом деле отстоял ее. Тед, ты герой.

— Я в этом не уверен. Мне кажется я помню...

— С такой раной на голове ты, конечно же, толком ничего не помнишь, но вот свидетельство — оно перед нами. Давай запрем ее в сейф, а я доеду до ближайшего телефона и вызову сюда шерифа. И в газету нужно позвонить. Они захотят узнать все из первых рук.

— Да... пожалуй, да, — он расправил плечи. — Конечно, почему нет?

Блейр положила шкатулку в сейф, заперла его, помогла Теду сесть на стул и выбежала на улицу. Ли схватил ее за руку, и они вместе забрались в коляску. До ближайшего телефона была всего миля, и шериф явно сидел и ждал звонка.

Ли положил трубку, поблагодарил бармена за то, что он разрешил воспользоваться телефоном, и вышел на улицу, где в коляске его поджидала Блейр.

— Неужели все позади? — спросила она, откидываясь назад.

— Шериф сказал, что Лего и маленький человек — думаю, это Франсуаза — час назад сели в поезд до Денвера. Полагаю, мы не скоро о них услышим.

— Значит, это были профсоюзные агитаторы, — пробормотала она. — Знаешь, Ли, я тут кое-что придумала насчет профсоюзов на шахтах. Может, вместе мы могли бы...

— Только через мой труп! — воскликнул он, хлестнув лошадь.

— А мне что прикажешь делать? Сидеть дома и штопать твои носки?

— У тебя это хорошо получается, и мне приятно знать, где ты находишься.

— Как последние две недели?

— Ну, мне больше нравится жена, которая...

— Вот что я скажу вам, доктор: если вы думаете, что я прочту еще хоть один подобный роман или составлю меню еще одного обеда, то вы сошли с ума. В субботу утром я собираюсь вернуться в свою клинику к своим пациентам.

— В субботу? А почему не сегодня? Может, отвезти тебя прямо туда, чтобы ты сразу приступила к работе?

— Потому что сегодняшней день я проведу в постели со своим мужем. Я упустила много времени.

Ли бросил на нее быстрый, удивленный взгляд и ухмыльнулся.

— Хей-я! — подстегнул он лошадь. — Занятия в школе закончились, теперь учитель хочет поиграть. Настал черед Блейр удивиться.

— Так ты знал!

В ответ Ли улыбнулся и подмигнул ей.

КНИГА ВТОРАЯ

ПРОЛОГ

Толстая старуха, с выбившимися из-под изношенной шляпы редкими седыми волосами и с почерневшими зубами, на удивление легко взобралась на сиденье большой повозки. Сзади лежали овощи, накрытые сырой холстиной.

— Сэйди!

Она повернулась и увидела по левую сторону пре подобного Томаса, высокого красивого мужчину, озабоченно нахмурившего брови.

— Вы будете соблюдать осторожность? Не выкинете какой-нибудь глупости? Не будете привлекать к себе внимание?

— Обещаю, — произнесла Сэйди неожиданно молодо звучащим голосом, — я долго не задержусь.

С этими словами она тронула поводья, и повозка громыхая двинулась в путь.

Дорога, ведущая из города Чандлер, штат Колорадо, к шахтам — а туда и направлялась Сэйди — была долгой, лошади то и дело спотыкались о выбоины. Однажды ей пришлось ждать на одной из веток Южной железной дороги, пока пройдет поезд. К каждому из семнадцати шахтерских поселков была проведена железнодорожная линия.

Миновав поворот к шахтам Фентона, Сэйди поравнялась с торговой повозкой, в которой тоже сидела старуха. Сэйди придержала лошадей и осмотрела местность вокруг — настолько, насколько хватало глаз.

— Что-нибудь случилось? — тихо спросила Сэйди старуху.

— Нет, но разговоры о создании профсоюза не утихают. А как у тебя? Сэйди коротко кивнула.

— На прошлой неделе случился обвал в туннеле номер шесть. Они не хотят тратить время на сооружение подпорок и продолжают копать. У тебя нет мяты?

— Брось ты все это, Сэйди, — сказала женщина, наклоняясь поближе. — Будь осторожна. «Маленькая Памела» — самая опасная. Я боюсь Рейфа Таггерта.

— Его многие боятся. А вот и еще одна повозка, — ее голос стал ниже. Она подхлестнула лошадей. — До следующей недели, Эгги.

Сэйди проехала мимо еще одной повозки, в которой сидели мужчины, и подняла руку в знак приветствия. Несколько минутами позже она свернула на дорогу, ведущую в поселок «Маленькая Памела». Подъем в каньон был непомерно крутым, и охранников не было видно до того самого момента, когда она подъехала к ним вплотную. Как она ни старалась оставаться спокойной, сердце ее учащенно забилося.

— Доброе утро, Сэйди. Репа у тебя есть?

— Да, и преотменная, — она широко улыбнулась, отчего ее лицо еще больше сморщилось и стали видны испорченные зубы.

— Оставь мне мешок, — сказал охранник, отпирая ворота.

Об оплате не было и речи. То, что он отпер ворота и впустил чужого человека в закрытый поселок, уже и так много стоило.

Охрана была поставлена здесь для того, чтобы в поселок не могли проникнуть

организаторы различных революционных объединений. Если у охранников закрадывалось хотя бы малейшее подозрение, что кто-то пытается подстрекать шахтеров к забастовкам, они сначала стреляли, а потом уже задавали вопросы. Власть, которой обладали охранники, давала им возможность оправдаться, даже если они убивали человека. Все, что от них требовалось, это обвинить его в подстрекательстве, и их оправдывал как местный суд, так и государственный. У владельцев шахт было право охранять свою собственность.

Сэйди приходилось маневрировать большой повозкой, запряженной четверкой лошадей, продвигаясь по узким, засыпанным углем улицам. По обе стороны от нее стояли срубы в виде коробок, которые владельцы шахт называли домами: с четырьмя-пятью крошечными комнатенками, с уборной и навесом для угля во дворе. Воду носили ведрами из общего колодца, вода в котором была черной из-за угля.

Сэйди проехала магазин и холодно поприветствовала его владельца. Не было ничего противоестественного в том, что они недолго любили друг друга. Шахтерам незаконно платили бумажными деньгами, действительными лишь на территории поселка, с той целью, чтобы их семьи могли покупать необходимые товары только в магазине, принадлежащем компании. Поговаривали, что владельцы шахт выручали больше денег на магазине, чем на добываемом угле.

Справа от нее, между железнодорожной колеей и крутым склоном горы, тянулся — Солнечный Ряд — неровная линия сдвоенных домов, выкрашенных в ядовито-желтый цвет. Дворов не было вообще, и лишь пять метров отделяли дома от уборных. Сэйди уже успела не раз ощутить смесь паровозного дыма с другими запахами. И это было местом, где жили шахтеры.

Сэйди привязала лошадей рядом с одним из самых больших домов в поселке.

— Сэйди! Я думала, ты уже не приедешь, — сказала молодая хорошенькая женщина, выходя из дома и вытирая руки о тонкое полотенце.

— Ты же меня знаешь, — ответила Сэйди хриплым голосом, с трудом вылезая из повозки. — Я проспала сегодня утром, а моя горничная забыла меня разбудить. Как поживаешь. Джин?

Джин Таггерт широко улыбнулась старухе. Сэйди была одной из немногих людей, которых пускали в поселок, и каждый раз, когда Сэйди приезжала. Джин боялась, как бы полиция на шахтах не обыскала ее повозку.

— Что ты привезла? — шепотом спросила Джин.

— Лекарство от кашля, мазь, немного морфия для миссис Карсон, двенадцать пар обуви. Мало что можно спрятать в кочане капусты. Да, и еще кружевные занавески для невесты Эзры.

— Кружевные занавески! — удивилась Джин, но вдруг рассмеялась. — Возможно, ты и права. Кружево подойдет ей лучше всего. Ладно, давай начинать.

Джин и Сэйди понадобилось три часа, чтобы раздать овощи. Платили им бумажными деньгами, действительными только на Территории поселка, которые Джин потом втайне отдавала обратно. Ни владельцы шахт, ни полиция поселка, ни даже большинство самих шахтеров и понятия не имели о том, что овощи и спрятанные продукты Сэйди раздавала бесплатно. Шахтеры были гордыми людьми и никогда бы не приняли милостыни, но женщины готовы были сделать все, что могли для своих детей и изнуренных работой мужей.

Было уже достаточно поздно, когда Сэйди и Джин вернулись с пустой повозкой к дому Джин.

— Как Рейф? — спросила Сэйди.

— Слишком много работает, так же, как отец. А дядя Рейф к тому же сам нарываяется на неприятности. Тебе пора. Мы не должны рисковать, — сказала она, беря Сэйди за руку. — Такая молодая рука.

— Рисковать?.. — начала Сэйди в замешательстве. Она резко отдернула руку, на что Джин рассмеялась.

— До следующей недели. И не волнуйся из-за меня, Сэйди. Я уже давно обо всем знаю.

От смущения Сэйди не могла вымолвить ни слова. Она молча взобралась в повозку и дернула поводья.

Часом позже она остановила повозку на заднем дворе старого дома пастора в Чандлере. В вечерних сумерках она вбежала в дом через незапертую дверь и, миновав небольшой холл, оказалась в ванной комнате, где на крючке висела чистая одежда.

Она торопливо стянула с головы парик, смыла театральный грим с лица, соскребла черную резину с зубов. В следующую секунду она сбросила с себя жаркую, подбитую ватой одежду, в которой выглядела такой толстой, натянула панталоны и нижние юбки из превосходного батиста, белый льняной корсет, который она зашнуровывала спереди, а затем сшитую на заказ юбку из голубого сержа, отделанную черным бисером. На светло-зеленую шелковую блузку она накинула жакет из голубого сержа, отделанный зеленым блестящим бархатом.

Когда она завязывала темно-синий кожаный пояс, в дверь постучали.

— Войдите, — крикнула она.

Преподобный отец Томас открыл дверь и остановился на пороге, глядя на стоящую перед ним женщину. Мисс Хьюстон Чандлер была высокой, стройной и красивой молодой женщиной, с темно-каштановыми волосами с рыжеватыми прядями, широко посаженными голубовато-зеленоватыми глазами, прямым аристократическим носом и небольшим ртом безупречной формы.

— Итак, Сэйди пропала до будущей недели, — улыбнулся преподобный отец:

— А теперь, Хьюстон, вам пора. Ваш отец...

— Отчим, — поправила она.

— Да, отчим, но, его гнев будет не меньшим, как бы мы его ни называли.

— Энн и Тайя уже вернулись со своими повозками?

— Давно. А теперь уходите отсюда.

— Да, сэр, — она улыбнулась. — До следующей среды, — бросила она, выходя через парадную дверь, и торопливо направилась домой.

Глава 1

Май 1892 года

Хьюстон Чандлер прошла почти полтора квартала, стараясь выглядеть как можно более спокойной, и остановилась перед трехэтажным домом в викторианском стиле, который в городе называли Особняком Чандлеров. Приведя себя в порядок и поправив прическу, она поднялась по ступеням.

Она оставила свой зонтик в маленькой прихожей и, направляясь в комнату, услышала, как отчим закричал на ее сестру:

— У себя дома я не потерплю таких выражений! Ты называешь себя врачом и думаешь, что это дает тебе право вести себя неприлично, — но не в моем доме! — кричал Дункан Гейтс.

Блейр Чандлер, похожая как две капли воды на свою сестру-близняшку, смотрела на мужчину, который был на несколько дюймов ниже ее, но был крепок как камень.

— С каких это пор это ваш дом? Отец мой... Хьюстон вошла в гостиную и встала между сестрой и отчимом.

— Не пора ли обедать? Думаю, нам надо идти. Повернувшись спиной к отчиму, она умоляюще взглянула на сестру.

Блейр отвернулась от них, явно раздраженная. Дункан взял Хьюстон под руку и провел ее по лестнице в столовую.

— У меня есть по крайней мере одна порядочная дочь.

Хьюстон поморщилась, услышав это часто повторяемую фразу. Она не любила, когда ее сравнивали с Блейр, но еще меньше она любила, когда сравнение было в ее пользу.

Они сели за большой обеденный стол красного дерева, уставленный хрусталем, фарфором и серебряными приборами. Дункан сидел во главе. Опал Гейтс в конце, а сестры напротив друг друга по сторонам стола. Мистер Гейтс тут же принялся за свое.

— Тебе необходимо подумать, как бы порадовать свою мать, — сказал Дункан, пристально глядя на Блейр, в то время как перед ним ставили одиннадцатифунтовый кусок жареного мяса. Он взял нож и вилку. — Неужели ты такая эгоистка, что больше ни о ком не заботишься? Значит ли для тебя что-нибудь мать?

Крепко сжав губы, Блейр посмотрела на мать. Опал была лишь бледной копией своих прекрасных дочери. Было ясно, что если у нее и был когда-то дух, то он либо весь вышел, либо был глубоко похоронен.

— Мама, — сказала Блейр, — ты хочешь, чтобы я вернулась в Чандлер, вышла замуж за какого-нибудь толстого банкира, родила дюжину детей и бросила медицину?

Опал нежно улыбнулась дочери и взяла порцию баклажанов с блюда, которое держала перед ней служанка.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, дорогая, и я считаю, что твое желание спасти жизни людей очень благородно.

Блейр с торжеством перевела взгляд на отчима.

— Хьюстон махнула рукой на свою жизнь, только чтобы угодить вам. Этого вам недостаточно? Вы и меня хотите сломать?

— Хьюстон! — взорвался Дункан, сжимая большой столовый нож, так что суставы его

пальцев побелели. — И ты позволяешь своей сестре говорить такие вещи?

Хьюстон посмотрела сначала на сестру, а потом на отчима. Ни при каких обстоятельствах не собиралась она становиться на чью-либо сторону. После свадьбы Блейр вернется обратно в Пенсильванию, а Хьюстон останется здесь со своим отчимом. К счастью, она услышала, как внизу служанка объявила о прибытии доктора Лиандера Вестфилда.

Хьюстон поспешила встать.

— Сьюзен, — сказала она прислуживающей девушке, — поставь еще один прибор.

Лиандер вошел в комнату большими, уверенными шагами. Он был высок, строен, смугл и необычайно красив — с зелеными глазами, «за которые стоит умереть», как выразилась однажды одна из подруг Хьюстон, и имел столь самоуверенный вид, что женщины на улице останавливались и смотрели ему вслед. Он поздоровался с мистером и миссис Гейтс.

Потом Лиандер наклонился через стол и поцеловал Хьюстон в щеку. Публично поцеловать женщину, пусть даже свою жену, и уж, конечно, свою невесту, считалось возмутительным, но Лиандер распространял вокруг себя некую атмосферу, которая позволяла ему безнаказанно делать вещи, непозволительные для других мужчин.

— Ты пообедаешь с нами? — вежливо спросила Хьюстон, указывая на место около себя.

— Я уже ел, но, пожалуй, я выпил бы с вами чашечку кофе. Здравствуй, Блейр, — сказал он, садясь напротив.

Вместо ответа Блейр только взглянула на него, продолжая ковырять вилкой в тарелке.

— Блейр, ты будешь разговаривать с Лиандером как положено! — приказал Дункан.

— Все в порядке, мистер Гейтс, — ответил Лиандер любезно, но глядя на Блейр в замешательстве. Он улыбнулся Хьюстон. — Ты сегодня красивая, как невеста.

— Как невеста! — выдохнула Блейр и чуть не опрокинула стул, выбегая из комнаты.

— Что это еще за... — начал Дункан, кладя вилку и пытаясь встать.

Но Хьюстон остановила его.

— Пожалуйста, не надо. Что-то ее сильно беспокоит. Может быть, она скучает по своим друзьям в Пенсильвании. Лиандер, кажется, ты хотел поговорить со мной по поводу свадьбы? Не могли бы мы пойти сейчас?

— Конечно.

Лиандер в молчании проводил ее до ожидавшей его коляски, взял вожжи, и они поехали вверх по крутому подъему Второй улицы, пока не остановились в одном из многочисленных тупичков Чандлера. Уже темнело, и горный воздух становился все прохладнее. Хьюстон отодвинулась в угол экипажа.

— А теперь скажи мне, что происходит, — сказал он, привязывая вожжи. Он поставил коляску на тормоз и повернулся к девушке. — Мне кажется, что ты расстроена не меньше Блейр.

У Хьюстон навернулись слезы, и она заморгала. Было так хорошо наедине с Ли. Он был таким родным и надежным. Он был оазисом здравого смысла в ее жизни.

— Это все мистер Гейтс. Он постоянно цепляется к Блейр, говорит, что она никуда не годится и даже еще ребенком не подавала никаких надежд. И он постоянно настаивает на том, чтобы она бросила медицину и осталась в Чандлере. И вот еще. Ли, он все время повторяет Блейр, насколько я совершенна.

— Да, любимая, — сказал Ли, притягивая ее к себе, — ты действительно совершенна. Ты милая, и добрая, и мягкая, и...

Она отодвинулась от него.

— Мягкая! Ты имеешь в виду, как помадка?

— Нет, — улыбнулся Ли. — Я просто имел в виду, что ты красивая, милая женщина, и я думаю, очень хорошо, что ты так беспокоишься за свою сестру, но я также думаю, что Блейр должна быть готова к некоторой доле критики, когда она станет врачом.

— Ты ведь не думаешь, что она должна бросить медицину?

— Я не знаю, что должна делать твоя сестра. Я за нее не в ответе, — он снова потянулся к ней. — Почему мы говорим все о Блейр? У нас есть наша собственная жизнь, о которой стоит позаботиться.

Пока он говорил это, его руки сомкнулись вокруг нее, и он начал нежно тереться о ее ухо.

Эту часть его ухаживаний Хьюстон всегда ненавидела. Ли был все время рядом, она так хорошо его знала. В конце концов, они стали «парой», когда ей было шесть лет, а ему двенадцать. Теперь, к двадцати двум годам, она провела с Лиандером Вестфилдом огромное количество времени и всегда знала, что скоро станет миссис Вестфилд. Все ее образование, все, чему ее учили, было подготовкой к тому дню, когда она станет женой Ли.

Но несколько месяцев назад, после того, как он вернулся с учебы из Европы, начались эти поцелуи, объятия на сиденье его экипажа и ощупывания под одеждой; и все, что она чувствовала, было желание, чтобы он прекратил свою возню. Тогда Ли становился злым, снова называл ее ледяной принцессой и, отвозил домой.

Хьюстон знала, как она должна была бы реагировать на прикосновения Ли. Несмотря на всю свою внешнюю добропорядочность, Чандлер был городом просвещенным — по крайней мере, что касается женщин — однако Хьюстон ничего не чувствовала при прикосновениях Ли. Не раз она долго плакала по ночам. — Она не могла представить себе, что можно кого-то любить больше, чем она любила Лиандера, но просто его прикосновения никак ее не возбуждали.

Казалось, он почувствовал, о чем думает Хьюстон, и с раздражением отодвинулся от нее.

— Осталось меньше трех недель, — сказала она с надеждой в голосе. — Скоро мы поженимся и тогда...

— И что тогда? — сказал он, косо посмотрев на нее. — Никто так не ждет этого, как я. На минуту они замолчали.

— Ты готова к завтрашнему приему у губернатора? — спросил Ли, вынимая длинную сигару и прикуривая ее.

Хьюстон слабо улыбнулась ему. Эти первые минуты после того, как она отказывала ему, всегда были самыми неприятными.

— Мое платье от Ворта отпарено и подготовлено.

— Ты понравилась губернатору, ты ведь знаешь? — он улыбнулся ей, но она почувствовала, что улыбка далась ему с трудом. — Когда-нибудь у меня будет самая прекрасная жена в штате.

Она попыталась расслабиться. Прием у губернатора ее не волновал. Это было то, чему ее учили. Может быть, ей следовало поучиться тому, как не быть холодной, бесполой супругой. Она знала, некоторые мужчины считали, что их женам не обязательно получать удовольствие от близости, но она также знала, что Лиандер был ни на кого не похож. Он объяснил ей, что может доставлять ей это удовольствие, и Хьюстон решила, что так оно и

будет; но когда Лиандер целовал ее, она только раздражалась.

— Я должен буду поехать в город завтра, — сказал он, прерывая ее мысли. — Не хочешь со мной?

— С удовольствием. Ох! Блейр необходимо заглянуть на почту. Я думаю, кто-то прислал ей новые журналы по медицине из Нью-Йорка.

Он тронул лошадь, и Хьюстон откинулась на сиденье. Она думала о том, что бы сказал Лиандер, узнай он, что его мягкая и уступчивая невеста раз в неделю совершает нечто не вполне законное.

***

Блейр лежала на затейливо украшенной, покрытой балдахинном кровати из орехового дерева, облокотившись на спинку и подогнув под себя ногу. Из ее комнаты бело-голубых тонов на третьем этаже открывался изумительный вид на пик Айерс, возвышающийся к западу от города. Раньше у нее была комната на втором этаже вместе со всей семьей, но после того, как в двенадцать лет она уехала из Чандлера, Опал забеременела, и мистер Гейтс переделал ее комнату в ванную и детскую. Опал потеряла ребенка, и комнатка теперь не использовалась, но так и стояла, заполненная куклами и игрушечными солдатиками, купленными мистером Гейтсом.

— Я действительно не понимаю, почему мы должны ехать с Лиандером, — сказала Блейр, выпрямившись. — Я столько лет тебя не видела и хочу теперь больше времени проводить с тобой.

Хьюстон улыбнулась своей сестре:

— Лиандер попросил нас сопровождать его, а не наоборот. Иногда мне кажется, что он тебе не нравится. Но я не представляю себе, как такое возможно. Он добрый, заботливый, у него есть вес в обществе, и он...

— И он всецело владеет тобой! — взорвалась Блейр, вскакивая с постели. Такая вспышка испугала Хьюстон. — Разве ты не понимаешь, я работала с такими женщинами, как ты, с женщинами, которые были настолько несчастны, что снова и снова пытались покончить жизнь самоубийством?

— Самоубийством? Блейр, я понятия не имею, о чем ты говоришь. Я совершенно не собираюсь убивать себя.

Хьюстон инстинктивно сжалась под напором сестры.

— Хьюстон, — сказала Блейр спокойно, — мне жаль, что ты не замечаешь, насколько ты изменилась. Раньше ты смеялась, а теперь ты такая сдержанная. Я понимаю, тебе пришлось приноравливаться к Гейтсу, но почему ты решила выйти замуж за человека, во всем на него похожего?

Хьюстон стояла, положив руку на туалетный столик из орехового дерева, и лениво поигрывала серебряной щеткой для волос.

— Лиандер не похож на мистера Гейтса. Он действительно очень необычный. Блейр... — она взглянула на Блейр в зеркало. — Я люблю Лиандера, — мягко закончила она. — И я люблю его много лет, и все, чего я когда-либо желала, это выйти замуж, иметь

детей и заботиться о собственной семье. У меня никогда не было желания совершить что-либо великое или благородное, о чем, кажется, мечтаешь ты. Разве не видно, что я счастлива?

— Хотелось бы тебе верить, — искренне сказала Блейр. — Но иногда что-то мешает мне так думать. Может быть, я не выношу того, как Лиандер обращается с тобой — как будто ты уже полностью его. Я смотрю на вас двоих, и вы кажетесь мне парой, прожившей вместе лет двадцать.

— Мы давно уже вместе, — Хьюстон снова повернулась к сестре. — Главное, чтобы мы подходили друг другу, не так ли?

— Мне кажется, что самые крепкие браки заключаются между людьми, которые находят друг друга интересными. Вы с Лиандером слишком похожи. Если бы он был женщиной, из него бы получилась настоящая леди.

— Как я, — прошептала Хьюстон. — Но я не всегда бываю леди. Есть вещи, которые я делаю...

— Как в случае с Сэйди?

— Откуда ты об этом знаешь? — спросила Хьюстон.

— Мне сказала Мередит. Так вот, как ты думаешь, что скажет твой дорогой Лиандер, когда обнаружит, как ты подвергаешь себя опасности каждую среду? И каково врачу с его положением оказаться женатым на преступнице?

— Я не преступница. Я делаю что-то полезное для всего города, — пылко возразила Хьюстон, однако быстро остыла. Она незаметно воткнула еще одну шпильку для волос в изящный шиньон. Аккуратно уложенные локоны обрамляли ее лоб под шляпкой, украшенной переливчатыми голубыми перьями. — Я не знаю, что скажет Лиандер. Возможно, он и не узнает об этом.

— Х-ха! Этот напыщенный, избалованный мужчина запретит тебе участвовать в любого рода делах, связанных с какими-то там углекопами, и будь уверена, Хьюстон, ты настолько привыкла подчиняться, что сделаешь точно так, как он скажет.

— Возможно, мне придется забыть о Сэйди после свадьбы, — сказала она со вздохом.

Неожиданно Блейр упала на колени перед Хьюстон и взяла ее за руки.

— Я беспокоюсь за тебя. Ты больше не та сестра, с которой я вместе росла. Гейтс и Вестфилд опустошают твою душу. Когда мы были детьми, ты играла, бывало, в снежки наравне с нами, но сейчас ты как будто боишься жизни. Даже когда ты делаешь что-нибудь замечательное — например, едешь на телеге лавочника — ты делаешь это тайно. О, Хьюстон...

Она внезапно замолкла, так как в дверь постучали.

— Мисс Хьюстон, доктор Лиандер приехал.

— Да, Сьюзен, я уже спускаюсь. Хьюстон оправила юбку.

— Я сожалею, что у тебя сложилось обо мне столь невысокое мнение, — чопорно сказала она, — но и у меня есть голова на плечах. Я хочу замуж за Лиандера потому, что я его люблю.

С этими словами она гордо покинула комнату и пошла вниз.

Хьюстон изо всех сил старалась выкинуть слова Блейр из головы, но не могла. Она рассеянно поздоровалась с Лиандером и почти не прислушивалась к спору, который разгорелся между Ли и Блейр, но она действительно не слышала ничего, кроме собственных мыслей.

Блейр была ее близняшкой, они были ближе друг к другу, чем обычные сестры, и забота Блейр о ней была неподдельной. Тем не менее, как могла Хьюстон даже подумать о том, чтобы не выйти замуж за Лиандера? Когда Лиандеру было восемь лет, он решил стать доктором, врачом, спасающим людям жизни; к тому времени, когда Хьюстон с ним познакомилась, Ли было двенадцать лет, и он уже всюду читал учебники, позаимствованные им у дальней родственницы. Хьюстон же решила научиться быть женой доктора.

Оба были непоколебимы в своем решении. Ли поехал в Гарвард изучать медицину, затем в Вену для продолжения учебы, а Хьюстон заканчивала школу в Вирджинии и Швейцарии.

Хьюстон до сих пор вздрагивала, вспоминая о споре между ней и Блейр по поводу выбранных ею школ. («Ты собираешься бросить образование, выучившись только тому, как накрывать на стол или как войти в комнату, одетой в пятьдесят ярдов тяжелого сатина, и при этом не грохнуться лицом вниз?») Блейр поехала в Ваззар, потом в медицинскую школу, в то время как Хьюстон уехала в школу для молодых леди мисс Джоунз, где за несколько лет сурового обучения она узнала обо всем, начиная с того, как составить букет цветов, и кончая тем, как остановить спорящих за обеденным столом мужчин.

Сейчас же Ли взял ее под руку, чтобы помочь ей сесть в экипаж.

— Ты выглядишь, как всегда, прекрасно, — проговорил он над самым ухом.

— Ли, — сказала Хьюстон, — как ты думаешь, мы друг другу... интересны?

Он с улыбкой посмотрел на ее фигуру, окинув взглядом платье, плотно облегавшее ее туго затянутую в корсет, необыкновенно тонкую талию.

— Хьюстон, я на ходу тебя очаровательной.

— Нет, я имею в виду, есть ли у нас о чем поговорить?

Он поднял брови.

— Удивительно, как я вообще не теряю дар речи, когда я с тобой, — ответил он, посадив ее в коляску, и они поехали в самое сердце Чандлера.

Городок Чандлер, штат Колорадо, с населением всего в восемь тысяч жителей был хотя и маленьким, но богатым, благодаря угольным шахтам, скотоводству и пивоварне мистера Гейтса. Здесь уже провели электричество и телефонную связь, а с помощью трех железнодорожных линий, проходивших через Чандлер, можно было без труда добраться до самых крупных городов Колорадо — Спрингса и Денвера.

Одиннадцать кварталов, занимающих центр Чандлера, были почти целиком застроены новыми домами, выполненными из камня с городской каменоломни. Зеленовато-серый камень часто дробили на замысловатые по форме куски и украшали ими карнизы зданий в западно-викторианском стиле.

За пределами Чандлера были разбросаны дома в поздневикторианском стиле и стиле королевы Анны. В самой северной части города на невысоком холме стоял дом Джекоба Фентона, громоздкое кирпичное сооружение, еще несколько лет назад считавшееся самой крупной постройкой в Чандлере.

В западном конце, совсем недалеко от дома Фентона, на плоской возвышенности, которую большинство жителей считало частью горного массива, стоял дом Кейна Таггерта. Дом Фентона с легкостью мог бы поместиться в его винном погребе.

— Весь город все еще пытается попасть внутрь? — спросила у Хьюстон Блейр, кивнув в сторону едва различимого за деревьями дома. Выступавшая, однако, едва различимая часть была достаточно велика, чтобы просматриваться почти с любой точки города.

— Да, все, — улыбнулась Хьюстон. — Но с тех пор, как мистер Таггерт игнорирует все приглашения и не делает их сам, боюсь, люди начали распространять о нем ужасные слухи.

— Я не уверен, что все, что о нем говорят, только слухи, — сказал Лиандер. — Джекоб Фентон говорил...

— Фентон! — взорвалась Блейр. — Фентон трусливый, жуликоватый...

Хьюстон надоело слушать, она откинулась на сиденье и стала смотреть в окно экипажа. Ли остановил коляску, пропуская вагончик на конной тяге — недавнее изобретение, и продолжал спорить с Блейр.

Хьюстон понятия не имела, было ли правдой то, что говорили о мистере Таггерте, но сама она считала, что по крайней мере его дом был самым красивым из всех, которые ей доводилось видеть.

Жители Чандлера мало что знали о Кейне Таггерте. Пять лет назад в город приехали более ста рабочих с восточного побережья в сопровождении целого поезда строительных материалов и сразу же принялись за сооружение того, что вскоре оказалось прекрасным домом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Всем было любопытно — даже более чем любопытно. Кое-кто поговаривал, что ни один рабочий ни разу не заплатил за еду, поскольку женщины Чандлера кормили их бесплатно в надежде выманить какие-нибудь сведения. Однако все было напрасно. Никто не знал, кто строит этот дом, и зачем ему понадобилась земля в провинциальном городишке штата Колорадо.

Три года ушло на строительство белоснежного двухэтажного здания с красной черепичной крышей. Его размеры казались колоссальными для жителей Чандлера. Владелец

одного местного магазина любил рассказывать, что все гостиницы города можно спокойно поместить на первом этаже, а если принять во внимание то, что Чандлер находился на перекрестке между севером и югом Колорадо и насчитывал достаточное количество гостиниц, это что-нибудь да значило.

В течение года после завершения строительства в дом доставлялись по железной дороге деревянные ящики. Судя по этикеткам, они приходили со всего света: из Франции, Англии, Испании, Португалии. О владельце все еще не было ни слуху, ни духу. Но однажды с поезда сошли два человека, оба высокие и статные: один блондин приятной наружности, другой темноволосый, бородатый и сердитый. И тот, и другой были одеты, как простые рабочие: брезентовые штаны на подтяжках и полотняные голубые рубашки. Когда они проходили по улице, женщины сторонились и подбирали юбки.

Темноволосый направился к Джекобу Фентону, и все решили, что он собирается просить работу на одной из шахт Фентона. Но все оказалось совсем не так.

— Ну вот, Фентон, я вернулся. Как тебе мой дом? — сказал незнакомец.

До того момента, как он, пройдя по центру города, подошел к только что построенному дому и отпер парадную дверь, никому не приходило в голову, что он имеет в виду этот дом.

Следующие шесть месяцев, по свидетельству Дункана Гейтса, Чандлер был охвачен настоящей войной. Вдовы, незамужние женщины и мамы молодых девиц предпринимали решительные наступления, чтобы добиться руки человека, хотя раньше брезговали коснуться его подолом юбки.

Портные из Денвера приезжали дюжинами. За неделю женщинам Чандлера удалось узнать его имя, и теперь они осаждали мистера Таггерта. Большинство пыталось привлечь его внимание банальными способами. Забавно, например, было наблюдать, как многие женщины теряли в его присутствии сознание, однако некоторые жительницы Чандлера проявляли редкостную изобретательность. Все сходились на том, что пальма первенства принадлежит Керри Джонсон, вдове, которая к тому же была в положении. Когда у нее начались предродовые схватки, она спустилась по канату в спальню мистера Таггерта, будучи уверенной в том, что он примет ее малыша и, страстно влюбившись, будет умолять ее выйти за него замуж. Но Таггерта не оказалось дома, и единственной, кто ей помог, была проходившая мимо прачка.

По истечении шести месяцев почти все женщины Чандлера оказались в дураках и за неимением ничего лучшего начали распускать глупые сплетни. Кому нужен богач, который не знает, как положено одеваться? А его речь? Как у последнего ковбоя! Горожан начали интересоваться некоторыми вопросами. Что он имел в виду, когда сказал: «Я вернулся»?

Кто-то разыскал старого слугу Джекоба Фентона, который помнил, что Кейн Таггерт работал у Фентона на конюшне, пока не связался с Памелой Фентон, младшей дочерью Джекоба. Джекоб тут же выкинул его из поместья — и правильно сделал.

Это дало горожанам новую тему для разговоров. Кем вообще возомнил себя Таггерт? Кто дал ему право строить этот диковинный яркий дом, возвышающийся над мирным симпатичным городком Чандлер? И собирается ли он мстить славному малому Джекобу Фентону?

Женщины снова стали отворачиваться, когда он проходил мимо.

Но Таггерт, казалось, ничего не замечал. Он почти все время сидел дома, лишь раз в неделю выезжая на своей старой повозке в бакалейную лавку. Иногда на поезде приезжали какие-то люди, спрашивали, как добраться до его дома, и уезжали из города еще до заката.

Кроме них единственными, кто ступал за порог большого дома, были сам Таггерт и человек по имени Эден, не отходивший от него ни на шаг.

— Этот дом — мечта Хьюстон, — сказал Лиандер, когда прогремел вагончик, возвративший Хьюстон к действительности. — Если бы у Хьюстон не было меня, думаю, она бы ввязалась в драку за Таггерта и этот его дом.

— Мне бы хотелось посмотреть, что там внутри, — сказала Хьюстон. Испугавшись, что раскроет свои чувства, она поспешила сменить эту щекотливую тему. — Высади меня здесь, у Вильсона. Через час встретимся у магазина Фаррелла.

Выйдя из экипажа, она поняла, что рада избавиться от их постоянных перебранок.

Торговый дом Вильсона был одним из четырех крупных магазинов города. Большинство жителей делало покупки в новом, более современном магазине под названием «Феймос», однако мистер Вильсон знал еще отца Хьюстон.

Вдоль стен тянулись высокие стеллажи из орехового дерева со стеклянными дверцами, перемежаясь с мраморными прилавками, заставленными товарами.

За одним из прилавков сидел сам Дэви Вильсон с раскрытым гроссбухом и замершей в руке чернильной ручкой.

Три покупателя и четверо служащих, находящихся в магазине, тоже, казалось, замерли. Вокруг было неестественно тихо. Хьюстон сразу поняла, почему: у одного из прилавков спиной к немногочисленным посетителям стоял Кейн Таггерт.

Хьюстон бесшумно подошла к прилавку и стала рассматривать патентованные лекарства, которые и не думала покупать. Чувствовалось, что назревает скандал.

— Мама, нет, — ныла Мэри Элис Пендергаст писклявым голосом. — Я не смогу это носить, я же буду похожа на невесту какого-нибудь шахтера. Люди могут подумать, что я служанка или — еще хуже — посудомойка, возомнившая себя невесть кем. Нет, нет, мама, я не смогу это носить.

Хьюстон сжала зубы. Эти две дамы просто издевались над мистером Таггертом. С тех пор, как он отверг всех женщин в городе, те, казалось, решили, что для их гадких игр открылась зеленая улица. Она взглянула в сторону Таггерта и увидела его отражение в зеркале позади прилавка. Его черты с трудом различались на заросшем лице, видны были одни глаза. Должно быть, он слышал комментарии Мэри Элис, и, что еще хуже, они его задевали.

Отец Мэри Элис был мягким, забитым человеком, никогда не повышавшим голос. Но Хьюстон, живя рядом с мистером Гейтсом, могла себе представить, на что способен рассерженный мужчина. Она не была знакома с мистером Таггертом, но ей показалось, что он рассержен.

— Мэри Элис, — сказала Хьюстон, — как ты себя чувствуешь? Ты сегодня что-то бледна.

Мэри Элис с удивлением подняла на нее глаза, как будто только что заметила.

— Я прекрасно себя чувствую, Блейр-Хьюстон. Все в порядке.

— Надеюсь, ты не упадешь в обморок... на этот раз, — сказала Хьюстон, сверля взглядом Мэри Элис: когда Таггерт только появился в городе, она дважды теряла сознание в его присутствии.

— Ты что! Да как ты смеешь! — прошипела Мэри Элис.

— Пойдем, дорогая, — сказала ей мать, подталкивая дочь к двери. — Мы знаем, кто наши настоящие друзья.

Как только Мэри Элис и ее мать ушли, Хьюстон разозлилась на саму себя. Теперь ей придется извиняться. Она торопливо натянула лайковые, перчатки, собираясь выйти из магазина, как вдруг, взглянув в сторону мистера Таггерта, заметила, что он наблюдает за ней в зеркало.

Он повернулся к ней лицом:

— Вы ведь Хьюстон Чандлер?

— Да, — ответила она сухо. Она не собиралась заводить разговор с незнакомым мужчиной. С какой стати она вообще заступилась за незнакомца, посадив в лужу свою давнюю подругу?

— А почему эта женщина назвала вас Блейр? Разве не так зовут вашу сестру?

Сидевший в отдалении Дэви Вильсон ухмыльнулся. Теперь кроме Хьюстон и Кейна в магазине находились только четверо служащих, которые не двигались с места.

— Мы в сестрой близнецы. Все в городе зовут нас Блейр-Хьюстон, потому что никто не может нас различить. Извините, я должна идти.

Она повернулась к дверям.

— Вы не похожи на свою сестру. Я ее видел — вы красивее.

От изумления Хьюстон встала как вкопанная. Никогда никто не мог их отличить друг от друга. Придя в себя, она снова направилась к выходу.

Но как только она взялась за дверную ручку, Таггерт молниеносно пересек зал и схватил ее за руку.

Всю свою жизнь Хьюстон провела в городе, полном углекопов, ковбоев и обитателей тех кварталов, о существовании которых она не должна была даже догадываться. Многие женщины в целях самозащиты носили с собой зонты, чтобы в случае чего не задумываясь обрушить их на мужские головы. Однако Хьюстон могла одним своим взглядом остановить любого мужчину.

Она подняла глаза на Таггерта.

Он отдернул руку, но продолжал стоять вплотную к ней. Рядом с ним Хьюстон чувствовала себя крошечной.

— Я хотел вас спросить, — проговорил он низким голосом. — Само собой, если вы не возражаете, — добавил он с легкой усмешкой.

Она едва заметно кивнула, не желая поощрять его.

— Послушайте, вот вы настоящая леди и все такое; если б вы выбирали материал на шторы для моего дома, ну знаете, тот белый, на холме, какую бы ткань из этих вы взяли?

Она и не подумала взглянуть на полки с рулонами тканей, которые он имел в виду.

— Сэр, — сказала она несколько высокомерно, — если бы у меня был такой дом, как у вас, я бы специально заказала ткань во Франции, в Лионе. Всего доброго.

Она торопливо вышла из магазина и очутилась под полосатыми тентами, тянувшимися по южной стороне улицы, ее каблуки застучали по тротуару. Город в этот день был особенно оживленным, и она несколько раз останавливалась поговорить со знакомыми.

Завернув за угол Третьей улицы, она открыла зонт, защищаясь от яркого солнца, и направилась к магазину скобяных товаров Фаррелла. Коляска Лиандера уже стояла у входа.

Только миновав аптеку Фрейера, она смогла наконец расслабиться и подумать о неожиданной встрече с загадочным мистером Таггертом.

Ей не терпелось рассказать друзьям об этой встрече и о том, как он спросил, знает ли она его дом. Может быть, ей следовало вызваться обмерить его окна и заказать шторы. Так

она смогла бы увидеть, что там внутри.

Хьюстон улыбалась своим мыслям, как вдруг кто-то схватил ее за локоть и резко втащил в тенистую аллею позади Оперного театра. Прежде чем она успела крикнуть, ей зажали рот и прижали ее к каменной стене. В испуге она подняла глаза и увидела перед собой Кейна Таггерта.

— Я не собираюсь обижать вас. Просто хотел поговорить, но понял, что вы ничего не скажете перед этими — остальными. Кричать не будете?

Хьюстон покачала головой, и он убрал руку, но отодвинуться и не подумал. Ей хотелось казаться спокойной, но она все еще тяжело дышала.

— А вы вблизи красивее, — он скользил взглядом по ее облегающему зеленому шерстяному костюму. — Выглядите как настоящая леди.

— Мистер Таггерт, — она собрала в кулак все свое хладнокровие, — я возмущена тем, что вы втащили меня на, эту аллею и не отпускаете. Если у вас есть, что мне сказать, то говорите, пожалуйста, побыстрее.

Продолжая стоять вплотную к Хьюстон, он уперся рукой в стену над ее головой. У него были, едва заметные морщинки в уголках глаз, небольшой нос и пухлая нижняя губа, выглядывавшая из густой бороды.

— Почему вы заступились за меня в магазине? Почему напомнили этой женщине, как она передо мною падала в обморок?

— Я... — Хьюстон запнулась. — Думаю, мне не нравится, когда кого-нибудь обижают. Мэри Элис растерялась, потому что поставила себя в дурацкое положение перед вами, а вы и не заметили.

— Я-то как раз заметил, — сказал он, и Хьюстон увидела, как его нижняя губа растянулась в улыбке. — Мы с Эденом обхохотались над всеми ними.

Хьюстон напряглась.

— Это не слишком вежливо с вашей стороны. Джентльмену не позволительно смеяться над дамами.

Он усмехнулся ей в лицо, и Хьюстон поймала себя на мысли, что у него какое-то особенное сладковатое дыхание. Ей стало интересно, на кого он похож, когда он не такой заросший.

— Если я правильно понимаю, эти бабы вытворяли черт знает что из-за того, что я богат. Другими словами, вели себя как шлюхи, а не как леди. Зачем же мне было вести себя по-джентельменски и подбирать их?

Хьюстон постаралась не обращать внимания на его манеру разговаривать. Ни один мужчина не позволял себе употреблять такие выражения в ее присутствии.

— А вы-то что не пытались привлечь мое внимание? Вам что, деньги не нужны?

Хьюстон моментально пришла в себя. Она вдруг поняла, что стоит, буквально подпирая стену.

— Нет, сэр, мне не нужны ваши деньги. А теперь мне надо идти. И не приставайте ко мне больше подобным образом.

С этими словами она повернулась на каблуках и, покидая аллею, услышала, как он посмеивается у нее за спиной.

Хьюстон поняла, что сердится, только когда переходила широкую пыльную улицу, и ее чуть не задавил грязный фургон, нагруженный шкурами. Без сомнения мистер Таггерт счел, что ее сегодняшние действия были очередной попыткой заполучить его деньги.

Лиандер что-то сказал, когда она подошла, но Хьюстон была, слишком увлечена своими мыслями, чтобы расслышать его слова.

— Извини, — проговорила она.

Ли взял ее под руку и проводил к экипажу.

— Я сказал, что тебе лучше сейчас поехать домой, чтобы успеть подготовиться к приему у губернатора.

— Да, конечно, — ответила она рассеянно.

Хьюстон даже обрадовалась, когда Блейр и Ли снова принялись спорить. Теперь у нее было время подумать о сегодняшнем происшествии. Иногда ей казалось, что всю свою жизнь она была мисс Блейр-Хьюстон. Даже когда Блейр уезжала, Хьюстон продолжали называть так по привычке. И вдруг ей говорят, что она совсем не похожа на свою сестру. Конечно, он просто бахвалился. На самом деле он не смог бы отличить их друг от друга.

Когда они выезжали из центра, им навстречу попались мистер Таггерт и Эден в своем старом ветхом фургоне. Хьюстон поймала себя на том, что выпрямляется при виде них.

— Вестфилд! — закричал Кейн, натягивая поводья. В изумлении Лиандер остановил лошадей.

— Я только хотел поздороваться с дамами. Мисс Блейр, — Кейн повернулся к Блейр, сидевшей в дальнем конце экипажа. — И мисс Хьюстон, — сказал он, и его голос прозвучал заметно мягче, когда он посмотрел ей в глаза. — Доброе утро. — И он взмахнул кнутом, понукая четверку лошадей.

— Что это? — спросил Лиандер. — Я не знал, что вы знакомы с Таггертом.

Прежде чем Хьюстон успела ответить, Блейр сказала:

— Это и есть хозяин того самого дома? Не удивительно, что он никого не приглашает. Он прекрасно понимает, что к нему никто и не пойдет. А между прочим, как ему удалось нас различить?

— По одежде, — торопливо отозвалась Хьюстон. — Я встретила его в магазине.

Блейр и Лиандер возобновили разговор, но Хьюстон не слышала ни слова из того, что они говорили. Она думала о своей сегодняшней встрече.

Дом Чандлеров стоял на участке в пол-акра земли, с кирпичным сараем на задворках и зарослями винограда на широкой террасе, окружающей с трех сторон дом. Опал потратила многие годы на то, чтобы превратить эту землю в великолепный сад. Вязы, посаженные, когда дом был еще только-только построен, теперь выросли и заслоняли от палящего солнца цветущие газоны и клумбы.

— Ну хорошо, — сказала Блейр, когда Хьюстон наклонилась над розовым кустом в садике на северо-западе их владений. — Я хочу знать, что происходит.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— О Кейне Таггерте. Хьюстон ответила не сразу.

— Я встретила его в галантерее Вильсона, а потом он с нами поздоровался — это ты и сама видела.

— Ты что-то скрываешь. Хьюстон повернулась к сестре.

— Наверное, мне не следовало этого делать, но мистер Таггерт казался очень рассерженным, и я пыталась предотвратить скандал, К сожалению, я задела при этом Мэри Элис.

Она рассказала Блейр о комментариях мисс Пендергаст.

— Мне не нравится, что ты в это ввязываешься.

— Ты говоришь, как Лиандер.

— В данном случае он прав. Хьюстон рассмеялась:

— Стоит отметить этот день в семейной Библии. Клянусь тебе, Блейр, что с завтрашнего дня я даже имени мистера Таггерта не упомяну.

— Почему с завтрашнего?

Хьюстон достала спрятанный в рукаве листок бумаги.

— Посмотри, — нетерпеливо проговорила она. — Это принес посыльный. Мистер Таггерт приглашает меня сегодня к себе на ужин.

— Но ты ведь сегодня идешь куда-то с Лиандером, разве не так?

Хьюстон пропустила мимо ушей ее замечание.

— Блейр, ты, похоже, не понимаешь, какой переполох в городе вызвал этот дом. Нет человека, который не пытался получить приглашение посетить его. Со всего штата приезжали посмотреть на него, но никого так и не пригласили. Однажды мистеру Таггерту сказали, что проезжающий мимо английский герцог хотел бы остановиться в его доме, но мистер Таггерт даже и слушать не стал. И вдруг он приглашает меня.

— Но ты ведь уже приглашена на сегодня. Там будет губернатор. Это ведь гораздо важнее, чем любой дом.

— Ты не понимаешь, — сказала Хьюстон, глядя вдаль. — Год за годом мы наблюдали, как на поезде привозили вещи. Мистер Гейтс говорил, что владелец не подвел к дому линию железной дороги только для того, чтобы все это носили к нему в дом на глазах у всего города. Ящики со всего мира. Блейр, я уверена, что там была мебель" И ковры! Ковры из Брюсселя.

— Хьюстон, ты не можешь находиться в двух местах одновременно. Ты обещала пойти на прием и должна сдержать обещание.

Хьюстон вертела в руках розу.

— В детстве мы могли находиться в двух местах одновременно.

Блейр не сразу поняла, что имела в виду Хьюстон.

— Ты хочешь поменяться местами? — изумленно спросила она. — Ты хочешь, чтобы я провела вечер с Лиандером, притворяясь, что хорошо к нему отношусь, а ты в это время пойдешь в гости к какому-то распутнику?

— Что ты знаешь о Кейне, чтобы называть его распутником?

— Уже Кейн? А мне казалось, что вы едва знакомы.

— Не уходи от разговора. Блейр, пожалуйста, давай поменяемся местами. Всего на один вечер. Я бы пошла в другой раз, но боюсь, мистер Гейтс не позволит, да и Лиандер будет против, а больше такого случая не представится. Последнее безумство перед замужеством.

— В твоих устах это звучит, как «перед смертью». Кроме того, Лиандер сразу догадается.

— Не догадается, если ты будешь правильно себя вести. Не забывай, что мы обе хорошие актрисы. Посмотри, как я каждую среду изображаю старуху. Все, что тебе нужно, это вести себя тихо, не спорить с Лиандером, не говорить о медицине и двигаться, как леди, а не делать вид, будто ты бежишь на пожар.

Блейр задумалась, и Хьюстон поняла, что сестра сдается.

— Ну пожалуйста, Блейр. Я редко тебя о чем-либо прошу.

— Если не считать того, что я по твоей милости месяцами торчу в доме отчима, которого не выношу. Что неделями терплю компанию этого самодовольного человека, за которого ты, похоже, все-таки выйдешь замуж. Что...

— Блейр, пожалуйста, — прошептала Хьюстон. — Я так хочу посмотреть его дом.

— Тебя интересует только его дом? Не сам Таггерт?

Хьюстон поняла, что выиграла. Блейр делала вид, что ей не хочется идти на то, о чем ее просят, но Хьюстон видела, что по каким-то ей одной известным причинам она готова согласиться.

— Господи, Боже мой, — сказала Хьюстон. — Я же была на сотне приемов, и со мной еще ни разу не случалось, чтобы хозяин вел себя не по-джентельменски. К тому же, там будут и другие гости.

По крайней мере, она надеялась на это. Ей не хотелось снова быть прижатой к стене.

Блейр неожиданно улыбнулась:

— Ты не против, если после вашей свадьбы я расскажу Лиандеру, что он провел вечер со мной? Я готова на что угодно ради того, чтобы увидеть выражение его лица в этот момент.

— Пожалуйста. Лиандер не лишен чувства юмора. Думаю, он сможет оценить эту шутку.

— Не уверена, но во всяком случае, ее смогу оценить я.

Хьюстон обняла сестру.

— Пойдем собираться. Я хочу надеть что-нибудь соответствующее этому дому, а ты надень голубое атласное платье от Ворта.

— Я бы надела свои бриджи, но это все испортит, как ты думаешь? — лукаво спросила Блейр, входя в дом следом за сестрой.

Поднявшись к себе, Хьюстон перевернула весь гардероб, изрядно пополнившийся в преддверии свадьбы, пытаясь выбрать что-нибудь подходящее.

Наконец она остановилась на платье из розовато-лиловой и серебряной парчи,

отороченном горностаем, с открытым квадратным вырезом и короткими рукавами с буфами из такого же розовато-лилового шифона. Она решила спрятать платье в кожаный саквояж — он не привлечет бы внимания, так как Блейр всегда носила с собой футляры, набитые странными по форме медицинскими инструментами, — и переодеться у Тайи, Она не стала звонить по телефону, опасаясь, как бы ее не подслушали, а заплатила пенни одному из мальчишек Рэндольфа, чтобы тот отнес записку ее подруге Тайе Мэнкин, чей дом стоял недалеко от подъездной аллеи Кейна. В записке она просила Тайю говорить всем, кто будет спрашивать, что Блейр у нее.

Блейр снова начала сетовать на то, что Хьюстон задумала невыполнимый план. Двадцать минут она жаловалась на слишком узкий корсет, которым ей пришлось затянуть талию, чтобы влезть в платье от Ворта. Но когда Блейр взглянула на себя в зеркало, Хьюстон увидела, как заблестели ее глаза, и она поняла, что сестра осталась довольна своим внешним видом.

Несколько минут, проведенные в гостиной с матерью и мистером Гейтсом, доставили Хьюстон огромное удовольствие. В удобной одежде Блейр она чувствовала себя мальчишкой-сорванцом и без конца подкалывала мистера Гейтса.

Когда вошел Лиандер, она принялась изводить и его. Сохраняемое им хладнокровие злило Хьюстон. Создавалось впечатление, что ничего из сказанного ею не может нарушить его самодовольного спокойствия.

К тому моменту, как они подъехали к дому Тайи, Хьюстон была рада избавиться и от Лиандера, и от Блейр.

Тайя ждала ее в тени тополя. С черного хода они поднялись в ее комнату.

— Блейр, — прошептала Тайя, помогая Хьюстон переодеваться. — Я и понятия не имела, что ты знакома с нашим загадочным мистером Таггертом. Как бы я хотела пойти с тобой! Бьюсь об заклад, Хьюстон бы тоже не отказалась. Она обожает этот дом. Она тебе не рассказывала, как... Наверное, мне не стоит говорить об этом.

— Наверное, — сказала Хьюстон. — Мне нужно идти. Пожелай мне ни пуха, ни пера.

— Обещай, что завтра расскажешь обо всем. Я хочу знать все детали, — сказала Тайя, провожая подругу к выходу.

— Хорошо, — крикнула Хьюстон уже с подъездной аллеи Таггерта.

Неприятно было подходить к дому пешком, как беженка или нищая, вместо того, чтобы подъехать в роскошном экипаже. Но Хьюстон не могла рисковать.

Круговая подъездная аллея вела к парадному входу, по обеим сторонам которого поблескивали высокие белые флигели. Крышу окаймляла ограда, и Хьюстон подумала, что там, возможно, располагались террасы.

Парадная дверь была белого цвета, с двумя длинными стеклянными вставками. Всматриваясь внутрь, она поспешно оправила платье, постаралась унять охватившее ее волнение и постучала. Через минуту послышались тяжелые шаги, отзывающиеся по всему дому.

Кейн Таггерт, все еще в той же грубой одежде, улыбаясь, открыл дверь.

— Надеюсь, я не слишком рано, — сказала Хьюстон, стараясь смотреть на него, а не на интерьер.

— Как раз вовремя. Ужин готов, — он отступил назад, и Хьюстон впервые увидела внутреннее убранство дома.

Прямо перед ней возвышалась великолепная двойная лестница черной стали, с

медными изящно изогнутыми перилами. Поддерживающие ее белые колонны, украшенные сверху замысловатой лепкой, упирались в высокий обшитый панелями потолок.

Холл был бело-золотых тонов, и мягкий электрический свет окутывал его золотистой дымкой.

— Вам нравится? — спросил Кейн и рассмеялся, увидев изумленное выражение ее лица. Хьюстон взяла себя в руки.

— Никогда еще не видела подобной красоты, — прошептала она.

Кейн самодовольно выпятил широкую грудь.

— Вы как, хотите оглядеться, или пойдем ужинать?

— Оглядеться, — сказала она, пытаясь охватить взглядом самые отдаленные уголки холма.

— Тогда пошли, — сказал Кейн. — Эта комнатенка — мой кабинет, — он рывком распахнул дверь в комнату, равную по размеру первому этажу всего дома Чандлеров. Она была отделана ореховым деревом, вдоль стены тянулся мраморный камин. Но в центре стоял дешевый дубовый стол и две табуретки. И на столе, и на паркетном полу в беспорядке валялись бумаги.

— А там библиотека.

Не дав ей оглядеться, он повел ее в огромную пустую комнату со стенами, украшенными золотистыми вставками, и пустыми книжными шкапами. Ансамбль нарушали три пустых отрезка стены, покрытые простой штукатуркой.

— Здесь должны быть ковры, но я их все никак не повешу, — сказал он, выходя из комнаты. — А вот это мы называем большой гостиной.

Хьюстон успела только заглянуть в большую белую комнату без мебели перед тем, как он повел ее в малую гостиную, светло-зеленую столовую, а потом вниз по коридору в подсобные помещения.

— Это кухня, — сказал он, хотя объяснения были излишни. — Садитесь, — он кивнул в сторону большого дубового стола и стульев, которые, должно быть, были привезены отсюда же, откуда и письменный стол в его кабинете.

Присев к столу, она заметила, что его край испачкан жиром.

— Вы, наверное, покупали этот стол вместе с тем — из кабинета, — осторожно сказала она.

— Ага, я заказал все это в «Сирс энд Робак», — отозвался он, разливая в миски содержимое огромного котла на чугунной плите. — Наверху у меня еще кое-что имеется. Вам понравится. Например, есть там одно кресло из красного бархата с желтыми кисточками.

— Очень интересно.

Он поставил перед ней миску, доверху наполненную тушеным мясом, плавающим в жире.

— Ешьте, а то остынет.

Хьюстон взяла ложку и помешала ею в миске.

— Мистер Таггерт, а кто проектировал ваш дом?

— Один япошка, а что? Вам ведь нравится?

— Да, очень. Мне просто интересно...

— Что интересно? — спросил он с полным ртом.

— Почему в комнатах почти нет мебели? Мы, ну то есть жители Чандлера, видели, как

вам привозили деревянные ящики. Мы все думали, что там мебель.

Он наблюдал, как она возит ложкой по дну миски.

— Я накопил уйму и мебели, и ковров, и даже статуй. Вернее, заплатил кой-кому, чтоб купили. Все это на чердаке.

— На чердаке? Но почему? У вас такой красивый дом, а вы живете, как видно, без единого стула. Ну кроме тех, конечно, что вы купили в «Сирс энд Робак».

— Вот поэтому-то я и пригласил вас, юная леди. Вы будете есть или нет? — он взял ее миску и стал есть сам.

Хьюстон наклонилась вперед, положив локти на стол.

— Почему вы меня пригласили, мистер Таггерт?

— Думаю, вы знаете, что я богат, по-настоящему богат, и умею делать деньги — после первых пяти миллионов они сами плывут в руки, но на самом деле я не знаю, как их тратить.

— Не знаете, как... — пробормотала Хьюстон.

— Нет, ну я могу сделать заказ у Сирса, но когда речь заходит о миллионах, мне приходится кого-нибудь нанимать. Дом этот был построен после того, как я попросил жену одного знакомого найти мне специалиста. Она назвала мне одного, я позвал его к себе и сказал, что хочу что-нибудь красивое, а он уж и построил мне вот это. Он же нанял людей, чтоб купить мебель. Я ведь даже не видел, что они купили.

— А почему вы не наняли людей, чтобы расставить мебель?

— Потому что моей жене может что-нибудь не понравиться, и придется все переставлять. Зачем заниматься этим дважды?

Хьюстон откинулась на спинку стула:

— Я не знала, что вы женаты.

— Пока нет. Но я уже выбрал.

— Поздравляю.

Кейн усмехнулся в бороду.

— Мне нужна не какая-нибудь простая женщина. Моя жена должна быть искренней, верной, в общем, леди до кончиков ногтей. Однажды мне сказали, что настоящая леди — всегда лучше всех, она отстаивает свои интересы, защищает обиженных и всегда сохраняет достоинство. А еще настоящая леди может одним своим взглядом пригвоздить мужчину к месту. Вы это сделали сегодня.

— Простите, я не понимаю... Он отодвинул вторую пустую миску и наклонился к ней.

— Когда я вернулся в этот город, все женщины сходили по мне с ума. А увидев, что я не обращаю на них никакого внимания, стали вести себя как последние суки. Все мужчины смеялись за моей спиной или безумно злились. Но никто не вел себя со мной по-человечески. Кроме вас.

— Мистер Таггерт, другие женщины, конечно же...

— Никто из них никогда не заступился за меня, как вы сегодня. А как вы посмотрели на меня, когда я схватил вас за руку! Я чуть не умер.

— Мистер Таггерт, думаю мне пора.

Ей не понравилось, какой оборот принял их разговор. Она была наедине с этим огромным невоспитанным мужчиной, и никто даже не знал, где она.

— Вы не можете уйти, я должен вам кое-что сказать.

— Лучше напишите это в письме. Мне действительно нужно идти.

— Давайте выйдем во двор. У меня там уйма всяких растений, — с умоляющим видом

попросил он.

Хьюстон подумала, что, возможно, под «уймой растений» он подразумевает сад, и понадеялась, что впоследствии не пожалеет о том, что согласилась.

Это действительно был сад: целые акры, засаженные благоухающими розовыми кустами и различными деревьями.

— Такой же красивый, как дом, — сказала она, сожалея, что нельзя посмотреть аллею, освещенную лунным светом.

— Что вы еще хотели сказать, мистер Таггерт? — добавила она. — Мне действительно пора идти.

— Знаете, я помню вас маленькой девочкой. Вы играли с Марком Фентоном. Само собой, вы меня не замечали. Я был простым конюхом, — сказал он сухо. — Мне было интересно, какой вы будете, когда вырастете. Что получится из дочери Чандлеров, играющей с одним из Фентонов. Но вы выросли по-настоящему хорошим человеком.

— Спасибо.

Она никак не могла понять, куда он клонит.

— Я хочу сказать, что мне тридцать четыре года и у меня столько денег, что я не знаю, куда их девать. У меня огромный пустой дом и чердак, забитый мебелью, которую надо бы расставить внизу. И хотелось бы, чтобы кто-нибудь нанял повара, и нам с Эденом не пришлось бы больше есть собственную стряпню. Мне нужна жена, мисс Хьюстон Чандлер. И я выбрал вас, — торжественно закончил он.

В первую минуту Хьюстон не могла вымолвить ни слова.

— Меня? — прошептала она.

— Да, вас. Думаю будет справедливо, если представительница Чандлеров поселится в самом большом доме города. К тому же, я кое-что о вас разузнал. Вы учились в хороших школах и знаете, как делать покупки, знаете, как организовывать приемы — такие, как дает жена Джея Гульда. Я даже куплю вам золотую посуду, если захотите.

Хьюстон начала приходить в себя. Она повернулась на каблуках и зашагала прочь.

— Подождите, — сказал он, идя за ней следом. — Как насчет даты свадьбы?

Она остановилась и повернулась к нему.

— Мистер Таггерт, давайте расставим точки над "i". Во-первых, я уже обручена. Во-вторых, я ничего не знаю о вас. Нет, я не выйду за вас замуж, даже если вы сделаете предложение как полагается, вместо того, чтобы ставить меня перед фактом, — она снова повернулась к нему спиной.

— Так вы хотите, чтоб я за вами поухаживал? Ладно, я буду до свадьбы каждый день посылать вам розы.

Она сделала глубокий вздох и обернулась к нему:

— Я не хочу, чтобы вы за мной ухаживали. Я даже не уверена в том, что захочу вас когда-нибудь снова увидеть. Я пришла посмотреть па ваш дом и благодарна вам за то, что вы мне его показали. Теперь, мистер Таггерт, я хочу вернуться домой, а если вам нужна жена, вам, пожалуй, стоит поискать среди многочисленных незамужних женщин города. Уверена, что среди них вы найдете, как вы говорите, «леди до кончиков ногтей».

С этими словами Хьюстон повернулась и почти бегом бросилась к выходу.

— Черт! — произнес Кейн, когда она исчезла, и пошел в дом.

У лестницы стоял Эден.

— Ну? — спросил он.

— Она мне отказала, — ответил Кейн с отвращением в голосе. — Ей нужен этот ничтожный Вестфилд. И не говори, что ты меня предупреждал. Я пока не сдался. Я заполучу в жены леди Чандлер. Есть что-то хочется. Пойдем поищем чего-нибудь.

Хьюстон незаметно пробралась в дом и на цыпочках поднялась по лестнице, стараясь не скрипеть половицами.

Мистер Гейтс полностью доверял Лиандеру, и поэтому, находясь с ним, Хьюстон была избавлена от надзора.

Она проскользнула в свою комнату. Из спальни выглянула мать и нахмурившись проводила дочь взглядом. Закрыв дверь, Хьюстон подумала, что она, вероятно, догадалась об их игре, потому что Блейр, которой на самом деле была Хьюстон, вошла в комнату своей сестры. Хьюстон постаралась не думать о том, что мать не одобряет ее поступок. Опал Гейтс обожала дочерей, потакала им и никогда бы не стала жаловаться мистеру Гейтсу.

Переодеваясь, Хьюстон думала о сегодняшнем вечере. Этот прекрасный дом, такой пустой и неухоженный. И владелец предложил его ей! Конечно, он и себя предложил в придачу, но на каждую бочку меда найдется своя ложка дегтя.

Сидя за туалетным столиком в корсете и панталонах, она накладывала на лицо крем.

Ни один мужчина никогда не вел себя с ней так, как Кейн Таггерт сегодня. Она жила в этом маленьком городке с детства, и все знали, что она наследница рода, основавшего Чандлер. Она выросла с сознанием того, что является вкакой-то степени собственностью города — ведь ни один прием не будет считаться удавшимся без Чандлеров. Когда с Востока приехали знаменитые и богатые Вестфилды, Хьюстон была еще ребенком, но все считали само собой разумеющимся, что Чандлеры и Вестфилды породнятся.

Хьюстон всегда делала то, что от нее требовалось. Блейр пошла наперекор всем, Хьюстон же такое и в голову не могло прийти. Она годами училась делать то, что от нее ожидали. Все вокруг считали, что ей следует выйти замуж за Лиандера Вестфилда, и она решила, что выйдет за него. Будучи представительницей Чандлеров, она должна была быть настоящей леди, и она была ею.

Единственное, чего не подобало делать леди, так это переодеваться толстой старухой и пробираться на шахты, но это делалось тайно.

Она содрогнулась при мысли о том, что сказал бы Лиандер, узнай он о Сэйди. Лиандер четко сознавал, что на роль его жены годится только та женщина, от которой не приходится ждать неожиданностей.

Поднявшись, она принялась расшнуровывать корсет. Сегодняшний вечер был необычным событием, последним, которое она позволила себе перед тем, как стать миссис Лиандер Вестфилд.

Сняв корсет, она сделала глубокий вдох и подумала, как бы реагировал Кейн Таггерт, обнаружив, что его жена каждую среду возит торговый фургон.

— Милая, — произнесла Хьюстон, понизив голос. — Главное, сохраняй достоинство. Настоящие леди всегда сохраняют достоинство, ты же знаешь.

С трудом сдерживаясь, чтобы не засмеяться, Хьюстон повалилась на кровать. Весь город умер бы от удивления, прими она предложение Таггерта.

Она села на кровати. Интересно, что бы он надел на свадьбу? Может быть, красный костюм с золотыми кисточками.

Все еще посмеиваясь себе под нос, она надела ночную рубашку. Приятно, что ей сделали еще одно предложение, во всяком случае, не все считают ее собственностью

Лиандера. Все, в том числе и сама Хьюстон, знали, что ее ждет в будущем. Они с Лиандером уже так давно были вместе, что Хьюстон даже знала, что он ест на завтрак и как нужно гладить его рубашки.

Единственное, что было непредсказуемо, это первая брачная ночь. Но возможно, после первой ночи Лиандер какое-то время не будет требовать от нее этого. Не то, чтобы она не любила мужчин, тем более после того, что случилось накануне свадьбы ее подруги Элли, но иногда, прикасаясь к Лиандеру, она чувствовала, что это кровосмешение. Она любила Лиандера, знала, что с ним будет легко, но при мысли, что с ним нужно ложиться в постель...

Она взобралась на кровать и нырнула под одеяло. «Интересно, как там у Блейр дела с Лиандером?» — подумала она мимоходом. Разумеется, завтра у него будет плохое настроение, потому что они, конечно же, поссорились с Блейр. Невозможно, чтобы они провели вместе столько времени и не поругались.

Вздыхнув, она закрыла глаза. Сегодня случилось нечто необычное, а завтра опять нужно будет возвращаться к скучным будням.

***

Хьюстон пришлось буквально отбиваться от Лиандера, когда тот подсаживал ее в экипаж, и она снова подумала, как странно все себя ведут. Все утро Блейр ее избегала, Хьюстон даже показалось, что сестра плакала. Хьюстон не хотела думать о том, что Блейр и Лиандер могли серьезно поругаться, и Лиандер догадался, что сестры поменялись местами. Хьюстон пыталась поговорить с Блейр о вчерашнем вечере, но Блейр взглянула на нее так, как будто ее жизнь кончена, и выбежала из комнаты.

В одиннадцать заехал Лиандер, чтобы забрать ее на пикник — приятный сюрприз — и Хьюстон услышала, как Блейр переговаривается с ним у парадного входа. К еще большему смущению Хьюстон, Лиандер стал распускать руки посреди улицы, и ей захотелось надавать ему пощечин.

Сидя рядом с Лиандером в экипаже, она чувствовала себя так, будто вошла на середине спектакля и теперь не понимает, что происходит на сцене. Он управлял лошадьми, не говоря ни слова, но вид у него был довольный. Хьюстон немного успокоилась. Судя по всему, ничего страшного вчера не произошло.

Он привез ее в незнакомую уединенную скалистую местность с высокими деревьями, удаленную от города.

Лиандер едва помог ей выйти из экипажа — так торопливо, что она чуть не упала, и сгреб ее в объятия.

Она чуть не задохнулась и не сразу услышала, что он говорит.

— Я всю ночь думал о тебе, — сказал он. — Чувствовал запах твоих волос, вкус твоих губ и... Хьюстон наконец удалось высвободиться.

— Что? — изумленно спросила она. Он провел рукой по ее волосам и странно посмотрел на нее.

— Ты ведь не будешь сдерживать себя сегодня? Не будешь вести себя со мной, как до

вчерашнего вечера?

Хьюстон старалась понять смысл его слов, но никак не могла поверить в то единственное объяснение, которое приходило ей в голову. Разве Блейр могла?.. Могла поддаться Лиандеру? Конечно нет. Это невозможно.

— Хьюстон, ты доказала мне, что можешь быть другой, не нужно опять изображать ледяную принцессу. Теперь я знаю, какая ты на самом деле, и буду счастлив, если никогда больше не увижу той холодной женщины, которой ты была раньше. А теперь поцелуй меня, как вчера вечером.

Хьюстон вдруг осознала, что было в его словах, кроме восхищения Блейр. Он не только был без ума от нее, но и не хотел возвращения той холодной женщины, с которой был обручен. Она оттолкнула его.

— Ты хочешь сказать, что вчера я была не такой как обычно? Что я была... лучше?

Он глупо улыбнулся, не переставая восхищаться ею — то есть Блейр.

— Ты же сама знаешь, что да. Я никогда тебя такой не видел. Не думал, что ты можешь быть такой. Ты будешь смеяться, но я уже решил, что ты вообще не способна на настоящую страсть, что у тебя ледяное сердце. Но если твоя сестра взрывается по малейшему поводу, то ты просто хорошо скрываешь свои чувства.

Она не успела возразить, как вдруг он снова схватил ее и неприятно поцеловал — взасос, так что ей стало больно. Когда Хьюстон удалось вырваться, он рассердился.

— Ты слишком далеко заходишь в своей игре, — сказал он. — Один и тот же человек не может быть безумно страстным и холодным как лед.

Хьюстон хотелось крикнуть, что он ошибся сестрой, что он обручен с холодной и равнодушной, а не с той пылкой, от которой он без ума.

Лиандер казалось, прочел ее мысли, потому что выражение его лица вдруг изменилось.

— Но это невозможно, ведь так, Хьюстон? — сказал он. — Скажи, что это не так. Никто не может быть двумя людьми одновременно.

Хьюстон поняла, что игра зашла слишком далеко. Как могла Блейр так поступить с ней?

Лиандер отошел от нее и тяжело опустился на каменный выступ.

— Вы что, поменялись местами вчера вечером? — тихо спросил он. — Я провел вечер с Блейр, а не с тобой?

— Да, — с трудом ответила она.

— Я должен был сразу догадаться. Она даже не знала, что этот дом был куплен для нее — то есть для тебя. И как она справилась с тем самоубийцей! Наверное, я просто не хотел ничего замечать. С того момента, как она захотела подняться со мной к пациенту, сказав, что хочет хоть как-то помочь, я был так рад, что ни о чем не спрашивал. Но я должен был все понять, когда поцеловал ее... Черт бы побрал вас обоих! Радовались, наверное, что одурачили меня.

— Лиандер, — сказала она, взяв его за руку. Она не знала, что принято говорить в таких случаях.

Он повернулся к ней, и она испугалась, увидев выражение его лица.

— Лучше не говори ничего. Я не знаю, ради чего вы пошли на этот отвратительный обман, но мне не нравится, когда со мной так шутят. Теперь, после того, как вы со своей сестрой посмеялись надо мной, я должен решить, что делать.

Лиандер отвез ее домой и буквально вытолкнул из коляски, перед тем как уехать. Блейр стояла на крыльце.

— Нам нужно поговорить, — сказала Хьюстон сестре, но та только кивнула и молча последовала за ней в небольшую оранжерею в отдалении от дома.

— Как ты могла так поступить со мной? — начала Хьюстон. — Что у тебя за принципы, если, впервые выезжая с мужчиной, ты можешь сразу же переспать с ним? Или я ошибаюсь? Ты ведь спала с ним?

Блейр молча кивнула.

— В первый же вечер? — скептически спросила Хьюстон.

— Но я же была тобой, — сказала Блейр. — Я была обручена с ним. Я думала, в всегда... После того как он меня так поцеловал, я решила, что вы оба...

— Что мы оба? — удивленно переспросила Хьюстон. — Ты хочешь сказать, ты решила, что мы... занимаемся любовью? Ты что, думаешь, я бы попросила тебя поменяться со мной местами, если б это было так?

Блейр закрыла лицо руками.

— Ничего я не думала, я была не в состоянии думать. После приема он отвез меня к себе домой и...

— К нам домой, — сказала Хьюстон. — Я потратила несколько месяцев, чтобы обставить этот дом, готовясь к своей свадьбе.

— Там были свечи, и икра, и жареная утка, и шампанское, много шампанского. Он поцеловал меня, а я все пила и пила шампанское. И эти свечи, и его глаза. Я не могла остановиться. Прости меня, Хьюстон. Я уеду из города. Вы меня больше никогда не увидите. Лиандер через какое-то время простит нас.

— Он поцеловал тебя, и ты, разумеется, увидела небо в алмазах? — саркастически спросила Хьюстон.

— С золотыми и серебряными искорками, — ответила Блейр серьезно.

Хьюстон изумленно посмотрела на сестру. О чем она вообще говорит? Шампанское и свечи? Лиандер что, пытался соблазнить свою невесту? Задумал что-то, а получил не ту сестру?

А была ли Блейр не той сестрой?

— Как он тебя поцеловал? — тихо спросила Хьюстон.

Блейр была поражена.

— Не мучай меня. Я сделаю все, что ты хочешь, Хьюстон, клянусь тебе. Я...

— Как он тебя поцеловал? — спросила Хьюстон уже громко.

Блейр шмыгнула носом, и сестра протянула ей платок.

— Ты знаешь — как.

— Не знаю. Блейр икнула.

— Ну-у, это... это было замечательно. Никогда не думала, что такой холодный мужчина, как Лиандер, может быть таким страстным. Когда он обнял меня... — она взглянула на сестру. — Хьюстон, я пойду к нему и объясню, что все это по моей вине, что это была моя идея поменяться местами, и ты тут ни при чем. Думаю, никто кроме нас троих не должен знать, что случилось. Мы все вместе сядем и поговорим, и он все поймет.

Хьюстон чуть наклонилась вперед.

— Поймет ли? Как ты объяснишь, что я захотела провести вечер с другим мужчиной? И ты собираешься рассказать Лиандеру, что одного его прикосновения было достаточно, чтобы ты забыла обо всем на свете? Вот уж что действительно никак не похоже на холодную мисс Хьюстон Чандлер.

— Ты не холодная! Хьюстон промолчала.

— Лиандер только и говорил о том, как ты была великолепна вчера вечером. Зачем ему теперь какая-то неопытная...

Блейр подняла голову:

— У меня никого не было до Лиандера. Он первый.

Хьюстон не знала, смеяться ей или плакать. Она до смерти боялась первой брачной ночи и была уверена, что, сколько она ни выпей шампанского, все равно не сможет тягаться с Блейр. Поцелуи Лиандера не могла заставить ее забыть что бы то ни было.

— Хьюстон, ты меня ненавидишь? — тихо спросила Блейр.

Хьюстон задумалась. Странно, но она даже не ревновала. Единственное, что ее беспокоило, так это то, что Лиандер теперь будет требовать от нее того же. А как она сможет быть такой же, как Блейр? Возможно, Блейр научилась этому в медицинской школе, но в школе для молодых девиц мисс Джоунз учили, что место женщины в гостиной, а о том, что происходит в спальне, не было сказано ни слова.

— Ты как-то странно смотришь. Хьюстон так и подмывало спросить Блейр о деталях, но язык не поворачивался.

— Я не сержусь. Просто мне нужно время, чтобы прийти в себя, — сказала она. — Ты ведь не влюблена в Лиандера?

Блейр в ужасе посмотрела на нее:

— Конечно нет! Ни в коей мере. Он..; он много обо мне говорил сегодня?

Хьюстон сжала зубы при воспоминании о том, как он сказал, что Хьюстон, обычно невыносимо холодная, вчера была такой...

— Давай забудем об этом. Если сможем. Я поговорю с Лиандером, когда он успокоится, и это останется между нами. Сначала будет трудно, но я уверена, что мы найдем правильное решение. Мы не должны позволить этому происшествию встать между нами. Важнее всего то, что мы сестры.

— Спасибо, — Блейр порывисто обняла сестру. — Ни у кого нет такой сестры, как у меня. Я очень тебя люблю.

Блейр, похоже, немного успокоилась, но Хьюстон продолжали мучить сомнения, хотя она и уверяла себя, что все это глупости. Она любила Лиандера и еще ребенком приняла решение выйти за него замуж. Не может же такой пустяк, как эта ночь с ее сестрой, все перечеркнуть?

— Конечно нет, — произнесла она вслух, расправляя юбку, и направилась к дому. Одна единственная ночь не могла уже ничего изменить.

Было около четырех часов дня. Хьюстон, Блейр и их мать сидели в гостиной. Блейр читала медицинский журнал, а две другие женщины шили, как вдруг входная дверь шумно отворилась и в комнату ворвался мистер Гейтс.

— Где она? — проревел он так, что закачалась люстра. — Где эта шлюха?

Мистер Гейтс был в бешенстве. Он схватил Блейр за руку, вытащил ее из кресла и поволок к выходу.

— Мистер Гейтс! — Опал вскочила. — Что это значит?

— Эта... дочь дьявола провела ночь с Лиандером, и, несмотря на то, что она опорочила себя, он собирается поступить с ней как с честной женщиной. — Что?! — воскликнули все три женщины.

— Я говорю, что Лиандер собирается жениться на этой шлюхе.

С этими словами он выволок сопротивлявшуюся Блейр из дома.

Хьюстон тяжело опустилась в кресло, не в состоянии понять, что происходит.

— Хьюстон, — сказала ее мать. — Вы вчера с Блейр поменялись местами?

Хьюстон молча кивнула и снова принялась за шитье, как будто ничего не произошло.

Солнце село, в комнате стало темно, и горничная включила свет, а мать с дочерью все еще не произнесли ни слова. Только одна мысль крутилась у Хьюстон в голове: «все кончено».

В полночь отворилась парадная дверь, и Дункан втолкнул в гостиную Блейр.

— Все решено, — произнес он охрипшим от крика голосом. — Блейр и Лиандер поженятся через две недели. В воскресенье об этом объявят в церкви. Хьюстон молча поднялась с кресла.

— Дочка, — тепло сказал Дункан. — Мне очень жаль, что так вышло.

Хьюстон едва заметно кивнула и направилась к лестнице.

— Хьюстон, ну пожалуйста, — прошептала Блейр.

Но в этот момент Хьюстон не испытывала ни капли сострадания к сестре, и, даже услышала, как та всхлипывает, она не оглянулась.

Уже войдя в свою комнату, она все еще продолжала находиться в оцепенении. Ее жизнь была кончена из-за одной единственной ночи. Она потеряла все.

На стене в рамочке висел диплом об окончании школы мисс Джоунз для молодых девиц. Она яростно сорвала его со стены и швырнула на пол, но, когда стекло вдребезги разлетелось, легче не стало.

Одеревеневшими пальцами она принялась расстегивать пуговицы на платье. Минутой позже она стояла посреди комнаты в ночной рубашке, не замечая, что к ней вошла мать.

— Хьюстон? — сказала Опал, положив руку на плечо дочери.

— Иди к ней, — проговорила Хьюстон. — Ты сейчас нужна Блейр. Если она останется здесь и выйдет замуж за Лиандера, то будет потом жалеть. Она много потеряет.

— Но ты тоже много потеряла сегодня.

— Это случилось гораздо раньше. Правда, иди к ней. Со мной все будет в порядке.

Опал подняла с пола диплом в разбитой рамке.

— Ложись в постель.

Хьюстон послушно забралась в кровать.

— Какая я послушная, да, мама? Всегда подчиняюсь. Если не родителям, то Лиандеру. Я всегда была такой хорошей девочкой, и что из этого вышло? Я такая верная. Леди до кончиков ногтей. А моя сестра с ее бриджами и поцелуями получает все то, над чем я трудилась с первого класса.

— Хьюстон, — умоляюще произнесла Опал.

— Оставь меня в покое! — пронзительно крикнула Хьюстон. — Просто оставь в покое! Потрясенная Опал вышла из комнаты.

***

Воскресное утро было безоблачным и теплым, солнце освещало красовавшийся на западе Чандлера пик Айерс. В городе было много церквей, и все они в это утро были заполнены людьми.

Но даже солнце не могло растопить лед между близняшками из семьи Чандлеров, шедших по правую и левую руку от своего отчима. Их мать неожиданно слегла в постель и не смогла присутствовать на "процедуре, публично унижающей ее дочь. Лиандер ждал их у церковной скамьи, его взгляд был обращен к Хьюстон. Когда они подошли ближе, он взял ее за руку и прошептал:

— Хьюстон.

Она подумала, что теперь он может их различить, но ничего не сказала, только убрала руку и отодвинулась от него.

Дункан буквально толкнул Блейр к Лиандеру, и они наконец сели: Блейр рядом с Лиандером, затем Дункан и Хьюстон в конце семьи.

Казалось, что служба продолжалась несколько секунд, потому что Хьюстон знала, что в конце будет объявлена помолвка Блейр и Лиандера.

Служба закончилась слишком быстро.

К сожалению, службу в этот день вел не преподобный Томас, а преподобный Смитсон, который не отличался особой тактичностью.

— А теперь мне предстоит объявить помолвку, — сказал он веселым тоном. — Похоже, что наш дорогой Лиандер решил взять в жены другую сестру, и теперь он помолвлен с Блейр. Надо сказать, я бы тоже на его месте не мог решить, какую сестру выбрать. Снова прими наши поздравления, Лиандер.

На минуту в церкви воцарилась гробовая тишина. Потом мужчины начали посмеиваться, а женщины в изумлении переглядываться. Все стали подниматься со своих мест.

— Хьюстон, ты должна меня выслушать, — сказал Лиандер, поймав ее за руку. — Я должен объяснить.

— Ты уже объяснил, — прошипела она в ответ. — Объяснил все, когда рассказал, как великолепна была Блейр и как ты не хочешь возвращения ледяной принцессы... Доброе утро, — улыбнулась она проходившему мимо знакомому.

— Здравствуй, Хьюстон, или ты Блейр? — спросил кто-то.

— Поздравляю, Лиандер, — какой-то мужчина хлопнул его по плечу и отошел,

посмеиваясь.

— Хьюстон, давай отойдем.

— Ты можешь идти к... к своей невесте, — она зло посмотрела на него.

— Хьюстон, — умоляюще произнес Лиандер, — пожалуйста.

— Если ты не уберешь руку, я закричу, и мне не будет стыдно, потому что" трудно опозорить меня больше, чем это сделал ты.

— Лиандер, — сказал Дункан. — Тебя ждет Блейр. Лиандер неохотно отвернулся от Хьюстон, схватил Блейр за руку, втолкнул ее в коляску и уехал как-то слишком быстро.

Как только Хьюстон осталась одна, на нее обрушились присутствующие женщины, не обращая внимания на протесты Дункана. Многочисленные лица выражали беспокойство, любопытство, некоторые сочувствие. В основном же, все женщины были заинтригованы.

— Хьюстон, что случилось? Мне казалось, вы с Лиандер были так счастливы.

— Как Лиандеру могла понадобиться Блейр? Они же постоянно ссорились?

— Когда было принято это решение?

— Хьюстон, у тебя есть кто-то другой?

— Вы чертовски правы, милые леди, — раздался громкий голос, и, оглянувшись, все увидели Кейна Таггерта. Никто в городе особо с ним не разговаривали и, похоже, он никогда не знал, что происходит в Чандлере.

Женщины в изумлении оглядывали этого огромного человека в грубой одежде с неопрятной бородой. Но больше всех была удивлена Хьюстон.

— Прости, что я не пришел сегодня на службу, а то я бы посидел с тобой рядом, — сказал он, подойдя к Хьюстон. — Ну что ты так удивляешься, дорогуша? Я, конечно, обещал еще какое-то время сохранять все в тайне, но после того, как Лиандер рассказал всем, я ж не могу молчать.

— В тайне? — переспросила одна из женщин. Кейн обнял Хьюстон за плечи. Трудно было найти более нелепую пару: он нестриженный, взъерошенный, она — само совершенство.

— Хьюстон расторгла свою помолвку с Лиандером потому, что чертовски в меня втюрилась. Она просто не могла сдерживать себя, милые леди.

— Когда это случилось? — опомнилась какая-то из женщин.

Хьюстон начала приходить в себя.

— Это случилось, когда мы с мистером Таггерт ужинали у него дома, — прошептала она, понимая, что потом будет жалеть обо всем, что сейчас скажет, но в этот момент приятно было отвлечься от мысли, что ее бросили.

— А что Лиандер?

— Лиандер утешился любовью милой сестрички, Блейр, — с улыбкой сказал Кейн. — А теперь, милые леди, нам пора. Надеюсь, что вы все придете на свадьбу — двойную свадьбу — через две недели.

Он положил руку Хьюстон на талию и подтолкнул ее к своей старой коляске.

Всю дорогу Хьюстон не двигалась с краешка сиденья. Он остановил коляску на границе своих владений. Перед ними раскинулись просторы его земли, а в глубине сада виднелся его дом. Он дал ей руку, чтобы помочь выйти из коляски.

— Поговорим?

Хьюстон "находилась в таком оцепенении, что не могла возразить.

— Я бы пришел в церковь посидеть с вами, но у меня были кой-какие дела. Однако,

похоже, я появился вовремя Еще минута — и эти склочницы сожрали бы вас живьем.

— Простите? — Хьюстон слушала краем уха. До сегодняшнего утра она все еще надеялась, что это был только кошмарный сон, что она проснется и увидит, что они с Лиандером обручены, как и раньше.

— Вы меня вообще не слушаете? Что с вами?

— Если не считать публичного унижения, то ничего, — она замолчала. — Извините. Я не хотела обременять вас своими проблемами.

— Вы что, не слышали ни единого слова из того, что я говорил? Вы слышали, что я сказал им, что мы с вами поженимся? Я же всех пригласил на двойную свадьбу.

— Я благодарю вас за это, — сказала Хьюстон, пытаясь улыбнуться. — Было очень мило с вашей стороны прийти мне на помощь. Из вас получится отличный рыцарь. А теперь, думаю, мне пора идти.

— Никогда не встречал такой ужасной женщины, как вы! Если вы не выйдете за меня, то что вы будете делать? Вы что, думаете, кто-нибудь из так называемых светских мужчин захочет взять вас в жены? Они же до смерти боятся Вестфилдов. Вы, может, думаете, Марк Фентон на вас женится?

— Марк Фентон, — удивилась она. — При чем тут Марк?

— Я просто привел пример, ничего больше, — он приблизился к ней. — Почему это вы не хотите за меня замуж? Я богат, и у меня большой дом, а вас только что бросили, и вам ничего другого не остается.

Она взглянула на него, чувствуя себя не в своей тарелке из-за его огромного роста, но ни капли не боясь его. Она вдруг и думать перестала о Блейр и Лиандере.

— Потому что я не люблю вас, — твердо сказала она. — И я ничего о вас не знаю. Может, вы были женаты десять раз, и все ваши жены теперь томятся где-нибудь в подzemелье. Судя по вашему виду, вы на такое способны, — сказала она переводя взгляд с его небритого лица на грубую рубашку, разорванную на плече.

Кейн смотрел на нее, открыв рот от удивления.

— Так вот что вы обо мне думаете? Послушайте, леди, — он придвинулся еще ближе. — Да у меня и времени-то не было, чтобы жениться. С восемнадцати лет, когда Фентон вышвырнул меня, как последнего дурака, я только и делал, что зарабатывал деньги. Первые три года я почти не спал. А вы тут говорите, что у меня было время жениться на десяти женщинах.

К тому времени, как он закончил говорить, Хьюстон стояла, наклонившись назад, а Кейн склонился над нею.

— По-видимому, я ошибалась, — проговорила она с нежной улыбкой.

Кейн не шелохнулся.

— Знаете, вы самая красивая женщина из тех, кого я видел.

С этими словами он одной рукой обнял ее за талию, а другой притянул к себе, зарывшись в ее тщательно уложенную прическу, и поцеловал ее.

Хьюстон сотни раз целовалась с Лиандером. Она знала, чего от него можно ожидать, но поцелуй Кейн не был похож ни на что на свете. Он целовал ее так, как будто имел на это полное право, и отнюдь не так изысканно, как целует джентльмен. Скорее, это напоминало поцелуй конюха. Во всяком случае, Хьюстон казалось, что так целуются именно конюхи.

Он отпустил ее так резко, что она чуть не упала. В течение секунды они смотрели друг на друга.

— Милая леди, если вы можете целовать меня так, все еще любя своего Вестфилда, я как-нибудь обойдусь и без вашей любви.

Хьюстон нечего было ответить. Он взял ее под локоть.

— Сейчас я отвезу вас домой, и можете начинать готовиться к свадьбе. Купите все, что нужно. Я положу деньги на ваш счет в банке. Я хочу, чтоб на свадьбе было много цветов, поэтому выберите какие-нибудь и пошлите сюда. Можете, если хотите, заказать их в Калифорнии или выберите в моей оранжерее. Свадьба будет в моем доме. На чердаке есть стулья. Я хочу, чтобы на свадьбу пришел весь город.

— Подождите! Пожалуйста, — сказала она, поправляя прическу, пока он вел ее к воротам. — Я еще не дала своего согласия. Пожалуйста, мистер Таггерт, дайте мне время подумать. Я еще не оправилась после потери жениха.

Она дотронулась до его руки повыше локтя, — ощутив мускулы под грубой рубашкой.

Он взял ее ладонь, и на секунду она подумала, что он собирается ее целовать.

— Я куплю вам кольцо. Какое вы хотите? С бриллиантами? С изумрудами? Или с этими, как они называются — голубые такие?

— Сапфиры, — с отсутствующим видом сказала она. — Пожалуйста, не покупайте мне кольцо. Люди женятся на всю жизнь. Я не могу взять и так сразу решиться.

— У вас будет время. Целых две недели до свадьбы, чтобы привыкнуть к мысли, что вы моя жена.

— Мистер Таггерт, — раздраженно сказала она, — вы когда-нибудь слушаете, что говорят вам другие? Он усмехнулся:

— Нет, никогда. Вот почему я разбогател. Если я что-нибудь хотел, я добивался этого.

— А я очередная вещь в списке того, что вы хотите? — мягко спросила она.

— Вы в самом начале. Вместе с домом в Нью-Йорке, которым владеет Вандербильт, и который я хочу заполучить. Теперь я отвезу вас домой, и вы сможете рассказать обо мне вашим родителям и забыть о Вестфилде. Он еще пожалеет! Он, конечно, получил одну из сестер Чандлер, но у меня-то будет настоящая леди.

Он натянул поводья, и коляска так резко двинулась с места, что Хьюстон повалилась на сиденье, не успев сказать ни слова.

У дверей ее дома он выпрыгнул из коляски и буквально вытряхнул ее на землю.

— Мне нужно возвращаться. Вы расскажете своим родителям обо мне, ведь так? А завтра я пришлю вам кольцо. Если что-нибудь понадобится, скажите мне или Эдену. Я постараюсь завтра заехать. А сейчас мне пора, — он мельком взглянул на ее дом и прыгнул в коляску.

Хьюстон стояла у невысокой каменной ограды перед своим домом и смотрела на быстро удаляющуюся коляску, почти уже скрывающуюся из глаз в клубах пыли. Казалось, по двору только что промчался смерч.

Дома ее ждали Опал и Дункан. Опал сидела в кресле, ее глаза были красными от слез. Дункан ходил из угла в угол, скрестив на груди руки.

— Добрый день, мама. Добрый день, мистер Гейтс.

— Где ты была? — Дункан задыхался от гнева.

— Хьюстон, — заплакала Опал, — тебе не нужно выходить за него замуж. Ты найдешь кого-нибудь другого. Ты не должна этого делать только из-за того, что Лиандер совершил ошибку.

До того как Хьюстон успела что-либо сказать, Дункан стал наседать на нее.

— Хьюстон, ты же всегда была разумной. Это у Блейр никогда не было царя в голове. Она с детства сломя голову бросалась из крайности в крайность. А ты еще девочкой была разумна, как взрослая женщина. Ты собиралась выйти замуж за Лиандера и...

— Лиандер не собирается на мне жениться, — заметила Хьюстон.

— Но только не Кейн Таггерт! — застонала Опал и спрятала лицо в мокрый носовой платок. Хьюстон стало обидно за Кейна.

— Боже мой, чем же этот человек заслужил такую враждебность? Я еще не согласилась выйти за него замуж, но я не вижу причин отказывать ему.

Вскочив с кресла. Опал подбежала к дочери.

— Это же чудовище. Посмотри на него. Ты не сможешь жить с этим громадным смердящим медведем. От тебя же отвернутся все друзья. И кроме того, о нем ходят ужасные слухи.

— Опал! — прервал ее Дункан, и она, всхлипывая, смиренно вернулась на свое место. — Хьюстон, я буду говорить с тобой, как если бы говорил с мужчиной. Мне абсолютно все равно, принимал ли этот человек хоть раз в жизни ванну. Это меня не волнует. Но есть вещи... — он посмотрел на нее тяжелым взглядом. — Среди мужчин ходят слухи, что Таггерт кого-то убил, чтобы заработать свое состояние.

— Убил? — прошептала Хьюстон. — Кто это сказал?

— Не важно кто...

— Нет, важно, — перебила его Хьюстон. — Разве вы не понимаете? Женщины нашего города злятся, потому что он не обращает на них внимания, и распускают о нем слухи. Почему бы мужчинам не делать того же самого? Лиандер рассказывал мне о людях, которые пытались продать мистеру Таггерту отработанные прииски. Возможно, кто-то из них и распустил эти слухи.

— Эти сведения исходят из достоверных источников, — мрачно сказал Дункан. Хьюстон помолчала.

— Джекоб Фентон, — мягко произнесла она через минуту и по выражению лица Дункана поняла, что угадала. — Судя по тому, что я слышала, — продолжила она, — мистер Таггерт осмелился ухаживать за драгоценной дочерью Джекоба Фентона, Памелой. В детстве я слышала разговоры о том, как отец баловал и лелеял ее. Конечно, он будет ненавидеть человека, который, работая в его конюшнях, набрался смелости просить руки его дражайшей дочери.

— Ты хочешь сказать, что Фентон лжет? — резко спросил Дункан. — Ты веришь этому проходимцу, а не семье, которую знаешь всю жизнь?

— Если я выйду замуж за Кейна Таггерта — я говорю «если», — то да, я буду верить ему, а не Фентонам. А теперь простите, я очень устала и хотела бы прилечь.

Она выскользнула из комнаты и, несмотря на то, что творилось у нее в душе, старалась держаться грациозно. Войдя в комнату, она без сил упала на кровать.

Выйти замуж за Кейна Таггерта? Выйти замуж за человека, который говорит и ведет себя хуже последнего головореза с улицы Ривер? Выйти за человека, который не испытывает к ней ни капли уважения, который втаскивает и вытаскивает ее из экипажа, как будто она мешок с картошкой? Выйти за того, кто целует ее, как будто она какая-то посудомойка?

Она села на кровати.

— Выйти замуж за человека, целуя которого, как говорит Блейр, я вижу небо в алмазах с золотыми и серебряными искорками? — произнесла она вслух. — А почему бы и нет? —

прошептала она, облокотившись на спинку кровати, и впервые представила себе миссис Кейн Таггерт.

На утро Хьюстон убедила себя, что ни при каких обстоятельствах не может выйти за мистера Таггерта. Ее мать за завтраком не переставала всхлипывать и повторять: «Мои прекрасные дочери, что с вами будет?», а Блейр и Дункан спорили, кто кому разрушил жизнь. Хотя вряд ли это можно было назвать спором, потому что у обоих была одна и та же точка зрения.

Хьюстон решила было вмешаться в разговор в тот момент, когда кто-то сказал, что Кейн Таггерт будет наказанием, которому Хьюстон сама себя подвергает за то, что потеряла Лиандера. Но ее, казалось, никто не услышал — Блейр так увлеклась своими страданиями и переживаниями за свою сестру, что уже ничего не замечала вокруг — и Хьюстон просто перестала прислушиваться к их разговору. Но будучи причиной всех этих рыданий, она решила, что не сможет выйти замуж за мистера Таггерта.

Сразу же после завтрака к ним стали заходить знакомые.

— Я задумала испечь яблочный пирог. Знаю, как ты его любишь. Опал, так что сделала специально для тебя еще один и вот принесла. Как там поживают сестрички?

Скоро дом был полон еды и гостей. Мистер Гейтс ушел на пивоваренный завод и попросил горничную принести ему ланч туда, а потому все нападки гостей пришлось отражать Хьюстон, Блейр и Опал.

— Хьюстон, ты что, правда влюбилась в мистера Таггерта?

— Съешьте еще пирога, миссис Триздэйл, — ответила Хьюстон.

В одиннадцать Блейр удалось улизнуть, и Хьюстон с Опал пришлось справляться с наплывом гостей вдвоем. Блейр вернулась только в три часа.

— Они все еще здесь, — поразилась она, увидев толпу на лужайке.

В половине четвертого к дому Чандлеров подъехал экипаж, красивее которого никто из жителей города ни разу в жизни не видел. Он был белым, с белыми колесами, кремовым откидным верхом и блестящей бронзовой отделкой. Переднее сиденье, было обтянуто красной кожей, а сзади было сделано сиденье для лакея.

Люди, находящиеся на лужайке, на веранде и в саду, перестали разговаривать и вытаращили глаза от изумления.

Из экипажа вышел пестро одетый мужчина и направился прямо в гущу толпы.

— Кто" здесь мисс Хьюстон Чандлер? — спросил он.

— Я, — выступила вперед Хьюстон. Мужчина полез в карман, достал листок бумаги и начал читать:

«Этот вот экипаж дарит Вам человек, за которого Вы собираетесь выйти замуж, мистер Кейн Таггерт. Это специальный дамский фаэтон, да и лошадь недурна».

Он свернул листок, положил обратно в кардан и уже собирался уходить, как вдруг что-то вспомнил.

— Да, мистер Таггерт посылает вам еще вот это, — он бросил ей небольшой сверток в коричневой бумаге, который Хьюстон удалось поймать.

Мужчина, насвистывая, спустился по тропинке. Все смотрели ему вслед, пока он не скрылся за углом.

— Ну же, Хьюстон, — сказала Тайя. — Ты не хочешь посмотреть, что тебе подарили? Хьюстон сомневалась, стоит ли разворачивать сверток. Она знала, что там внутри. Если она

примет его кольцо, это будет означать, что она принимает и его предложение.

В коробочке лежал невероятного размера бриллиант, окруженный девятью квадратными изумрудами.

Женщины одновременно издали вздох изумления.

Хьюстон решительно захлопнула голубую бархатную коробочку и направилась прямо к экипажу. Не колеблясь и не отвечая на вопросы, которые посыпались на нее со всех сторон, она взяла вожжи, и великолепная пегая лошадь тронулась с места.

Она поехала по улице Шэлдон, пересекла по мосту реку Тайджерас, отделяющую северную часть города от южной, и по обрыву поднялась к дому Таггерта. Она постучала, но никто не ответил. Тогда она вошла внутрь, повернула налево и остановилась в дверях кабинета Кейна.

Он сидел, согнувшись над столом, курил какую-то отвратительную сигару, делал заметки и отдавал короткие распоряжения Эдену, который развалился в кресле, положив ноги на стол" и курил такую же огромную сигару.

Эден заметил ее первым. Крупный светловолосый мужчина мгновенно вскочил с кресла и толкнув Кейна в плечо.

Кейн недовольно поднял голову.

— Вы, должно быть, Эден, — сказала Хьюстон, входя в комнату и протягивая ему руку. Она не была уверена, слуга он или друг Кейна. — Я Хьюстон Чандлер.

— Здравствуйте, Хьюстон, — сказал он. Нет, он не был слугой — слишком уверен в себе.

— Я хочу поговорить с вами, — повернулась Хьюстон к Кейну.

— Если это насчет свадьбы, я сейчас очень занят. Если вам нужны деньги, скажите Эдену, он выпишет вам чек.

Отмахиваясь от дыма, она подошла к окну и распахнула его.

— Не стоит сидеть в таком дыму. Это вредно.

Кейн холодно взглянул на нее:

— Кто вы такая, чтобы отдавать мне распоряжения? То, что вы выходите за меня замуж, еще не значит...

— Насколько я помню, я еще не дала своего согласия стать вашей женой, и, если вы не можете выкроить время на то, чтобы поговорить со мной наедине, не думаю, что я ею стану. До свидания, мистер Таггерт. До свидания, Эден.

— До свидания, Хьюстон, — сказал Эден с едва заметной улыбкой.

— Ох уж эти женщины! — сказал Кейн ей в спину. — Только и делают, что отнимают время. Он догнал ее у дверей.

— Я немного вспылал, — признался он. — Просто не люблю, когда мне мешают работать. Привыкайте.

— Я бы не стала вас беспокоить, если бы это не было очень важно, — холодно ответила она.

— Хорошо. Пошли поговорим, — он кивнул в сторону пустой библиотеки. — Я бы предложил вам сесть, но единственные стулья, которые здесь есть, стоят у меня в спальне. Хотите подняться? — он вожделенно ухмыльнулся.

— Разумеется, нет. Я хотела поговорить с вами о том, серьезно ли вы настроены относительно предложения мне руки и сердца.

— Вы что, думаете, я бы тратил время на ухаживания, если б я относился к этому

несерьезно?

— Ухаживания? — переспросила она. — Под ухаживанием вы, наверное, подразумеваете воскресное утро. Я бы хотела задать вам один вопрос, сэр. Вы когда-нибудь совершали убийство или нанимали кого-нибудь, чтобы убить человека?

Кейн открыл рот от удивления, его глаза гневно засверкали, но уже через несколько секунд он, казалось, даже развеселился.

— Нет, я в жизни никого не убивал. Что еще вы хотите обо мне знать?

— Все, что вы сочтете нужным мне рассказать, — серьезно ответила она.

— Да, в общем, нечего-то и рассказывать. Я вырос на конюшне у Джекоба Фентона, — он заиграл желваками. — Тот вышвырнул меня за то, что я крутился вокруг его дочери, и с тех пор я занимаюсь тем, что зарабатываю деньги. Я никого не убивал, не грабил, не надувал, ни разу не ударил женщину, только побил энное количество мужиков. Что-нибудь еще?

— Да. Делая мне предложение, вы сказали, что хотите чтобы я обставила ваш дом. А что мне делать с вами?

— Со мной? — усмехнувшись, он засунул большие пальцы рук у пустые петли для ремня у себя на брюках. — Я ничего не собираюсь от вас прятать, если вы это имеете в виду.

— Разумеется, я не имею в виду ничего из того, что подразумеваете вы, — чопорно ответила она. — Мистер Таггерт, — продолжила она, оглядывая его с ног до головы. — Я знаю мужчин, которые, работая на рудниках, одеваются лучше, чем вы. А ваша речь просто отвратительна, впрочем так же, как ваши манеры. Моя мама до смерти боится, что я выйду замуж за такого дикаря. А так как я не могу всю жизнь пугать собственную мать, вам придется кое-чему поучиться.

— Поучиться, — проговорил он, сузив глаза. — Чему вы можете меня научить?

— Как правильно одеваться, как нужно есть...

— Есть? Я много ем.

— Мистер Таггерт, вы все время упоминаете таких людей, как Вандербильт или Гульд. Скажите, вас когда-нибудь приглашали в дом к какой-нибудь из этих семей, когда там присутствовала дамы?

— Нет, но, — начал он, и вдруг отвел взгляд. — Было дело однажды, но там случайно разбилось несколько блюд.

— Понятно. Интересно, как вы представляете меня своей женой, управляющей таким роскошным домом, устраивающей приемы, тогда как вы сидите во главе стола и едите с ножа горох. Я почти уверена, что вы едите горох с ножа.

— Я вообще не ем гороха. Мужчине нужно мясо, и женщине не к чему лезть...

— До свидания, сэр, — она повернулась и успела сделать два шага, прежде чем он схватил ее за руку.

— Вы не пойдете за меня, если я не позволю вам учить меня?

— И одевать вас, и брить.

— Не терпится увидеть мое лицо, а? — ухмыльнулся он, но осекся, заметив, насколько Хьюстон была серьезна. — Сколько времени у меня есть, чтобы решить?

— Около десяти минут... Он скорчил рожу.

— Откуда вы только знаете, как ведут дела? Я должен подумать.

Он подошел к окну и простоял там несколько минут.

— У меня к вам просьба, — сказал он, снова подойдя к ней. — Я знаю, что вы выходите

за меня из-за моих денег, — он поднял руку, когда она стала возражать. — Нет смысла отрицать это. Разве вы б пошли за этаким дикаря, не будь у меня большого дома? Такая леди, как вы, и разговаривать бы не стала с конюхом. Что я хочу от вас, так это того, чтобы вы делали вид и говорили всем, что вы... — он опустил взгляд на паркетный пол. — Я бы хотел, чтобы люди думали, что вы, ну это, влюбились в меня, и что вы идете за меня не только потому, что сестра перебежала вам дорожку, а я оказался под рукой. Я хочу, чтобы даже ваша сестра, — это он произнес особенно выразительно, — думала, что вы без ума от меня, как я сказал всем в церкви. И я хочу, чтобы ваша мать тоже так думала. Я не хочу, чтоб она меня боялась.

Хьюстон ожидала чего угодно, но только не этого. Так вот каким был этот огромный грозный мужчина, который чуждается всего города. Как ужасно, должно быть, стоять в стороне от всех городских дел. Конечно, какой женщине захочется принимать его у себя, если при этом «случайно» бьется фарфор! На данный момент он не вписывался ни в мир бедных, которому соответствовали его манеры и речь, ни в мир богатых, которому соответствовали его деньги.

Она подумала, что нужна ему. Нужна так, как никому до этого. Для Лиандера она была роскошью: милой, но бесполезной. Но для этого человека все то, чему она выучилась, было жизненно важным.

— Я буду притворяться самой любящей женой, — мягко сказала она.

— Значит, вы пойдете за меня?

— Ну да. Думаю, да, — сказала она, удивляясь сама себе.

— Черт побери! Эден! — взревел он, выбегая из комнаты. — Леди Чандлер выйдет за меня!

Хьюстон присела на подоконник. Он брал в жены леди Чандлер. А вот за кого выходит замуж она?

***

Был уже вечер, когда Хьюстон собралась возвращаться домой. Она чувствовала себя вымотанной, в эту минуту она бы предпочла никогда не слышать о Кейне Таггерте. Казалось, он считал возможным то, что он будет сидеть дома и работать, пока его невеста будет в одиночестве посещать приемы, рассказывая всем, как она его любит, и все будет замечательно.

— До тех пор пока они не увидят нас вместе, никто даже не поверит, что мы знаем друг друга, — сказала она ему через заваленный бумагами стол. — Вам придется пойти на прием послезавтра, а до этого нужно подобрать вам соответствующий костюм и побрить вас.

— Я покупаю землю в Вирджинии, и завтра придет ради этого один человек. Мне нужно быть дома.

— Вы можете обсуждать свои дела во время примерки.

— Вы имеете в виду, что какой-то маленький человечико будет в это время лазить по мне своими ручонками? Ну уж, нет. Пусть кто-нибудь привезет несколько костюмов, а я выберу какой-нибудь.

— Красный или фиолетовый? — быстро спросила она.

— Красный. Я однажды видел костюмы из красной шотландки...

Хьюстон чуть удар не хватил.

— Вы закажете костюм у портного, и ткань выберу я. И вы пойдете со мной на прием, и на другие торжества, которые состоятся до нашей свадьбы.

— Вы уверены, что настоящие леди такие ершистые? Я думал, настоящие леди никогда не повышают голоса.

— Они не повышают голос на джентльменов, а с людьми, которые предпочитают носить костюмы из красной шотландки, позволительно вести себя грубо. Кейн помрачнел, но все же сдался.

— Ну ладно, пусть шьют костюм, как вы хотите, и я пойду на ваш чер... ваш замечательный, изысканный прием, — поправился он, заставив ее улыбнуться. — Но не знаю, как насчет всяких других «торжеств».

— Поживем — увидим, — сказала она, вдруг почувствовав, что очень устала. — Мне пора возвращаться. Родители, наверное, волнуются.

— Подойдите сюда, — сказал он.

Думая, что он хочет ей что-то показать, она сделала, как он просил. Но он резко схватил ее за талию и посадил к себе на колени.

— Раз вы будете моей учительницей, я тоже должен научить вас кой-чему.

Он прижался губами к ее шее и начал целовать, слегка покусывая кожу. Она хотела было сопротивляться, но почувствовала, что слабеет.

— Кейн, — сказал с порога Эден, — извини. Не церемонясь, Кейн столкнул ее со своих колен. — Потом закончим, крошка, — сказал он, как будто она была уличной девкой. — Поезжайте домой, мне нужно братья за работу.

Хьюстон сдержалась, чтобы не высказать ему все, что она думала по этому поводу, и, покраснев от смущения, пожелала спокойной ночи и вышла из дома.

По дороге домой, уставшая, голодная, разгневанная и смущенная одновременно, Хьюстон, наконец, осознала, что ей придется объяснять своей семье, почему она согласилась выйти замуж за пресловутого Кейна Таггерта.

«Почему?» — спрашивала она себя, переводя лошадь на шаг. Почему она соглашается выйти замуж за человека, которого не любит, который не любит ее, за человека, который постоянно вызывает у нее раздражение, человека, который обращается с ней так, как будто она вещь, купленная им в магазине?

Она быстро нашла ответ. Потому что благодаря ему она ожила. Потому что он нуждался в ней.

Блейр говорила, что в детстве Хьюстон лучше всех играла в снежки, но потом Дункан и Лиандер сломали ее характер. Еще очень давно она поняла, что гораздо легче уступать мужчинам, быть тихой, женственной, бесхарактерной леди, которую они все хотели в ней видеть.

Но были минуты — на банкетах, на званых обедах, когда она чувствовала себя нарисованной на стене, очаровательной и милой — приятно иметь такую рядом, — но не представляющей ни для кого насущной необходимости. Однажды она даже высказала подобные мысли Лиандеру, но он ответил, что без предметов искусства жизнь была бы скучна.

Но в конце концов он предпочел спокойной, ясной красоте Хьюстон женщину,

разжигающую в его теле страсть.

Ни с кем она не чувствовала себя так, как с Кейном Таггертом. Лиандер обладал безупречным вкусом в одежде и мебели. Он вполне мог бы сам обставить дом, купленный к свадьбе. Но мистер Таггерт был абсолютно беспомощным, без нее он не мог расставить мебель, не говоря уже о том, чтобы купить что-нибудь.

Хьюстон думала о всех тех годах, которые она провела в школе. Блейр, похоже, считала, что сестра ничего не делала, кроме того, что пила чай и составляла букеты, но Хьюстон помнила, какая железная дисциплина там царила, и как линейка мисс Джоунз больно ударила о нежные ладони, когда девочки не слушались.

Находясь рядом с Лиандером, ей приходилось постоянно себя контролировать, чтобы не упустить ничего из того, чему ее учили — Лиандер моментально бы заметил любую оплошность. Но с мистером Таггертом она чувствовала себя свободно. Сегодня она почти накричала на него. За четырнадцать лет знакомства с Лиандером она ни разу не повысила на него голоса:

Она глубоко вдохнула прохладный вечерний воздух. Сколько впереди работы! Подготовка к свадьбе, исследование чердака и распределение мебели по дому в соответствии с ее вкусом. И невероятно сложная задача по превращению мистера Таггерта во что-то, хотя бы отдаленно напоминающее, джентльмена!

Подъезжая к дому, она буквально лопалась от возбуждения. Она выходит замуж за человека, которому она нужна.

Она оставила лошадь и экипаж на попечение конюха, расправила плечи и приготовилась отражать натиск своей семьи.

К ее величайшему удивлению — и облегчению — в доме было тихо. Пройдя через кухню, она заметила только повара и Сьюзен, которые мыли посуду.

— Все уже легли спать? — спросила она, оперевшись на большой дубовый стол, который занимал почти все помещение целиком.

— Да, мисс Блейр-Хьюстон, — ответила Сьюзен, прочищая кофемолку. — Более или менее.

— Хьюстон, — сказала она автоматически, пропустив мимо ушей последнее замечание горничной. — Принесите ужин на подносе в мою комнату, Сьюзен.

Когда она проходила по дому к лестнице, ей в глаза бросились несколько букетов недавно срезанных цветов, но эти цветы не были из сада ее матери. Она заметила приложенную карточку:

«Моей будущей жене, Блейр, от Лиандера».

Ни разу за все месяцы их помолвки Лиандер не посылал ей цветов.

Высоко держа голову, она поднялась к себе. Обои в спальне Хьюстон были светло-кремовых и белых тонов; мебель покрашена в белый цвет, а на окнах висели ручной работы шторы из багтенбергского кружева. Низкие столики и спинки двух стульев тоже были украшены воздушным кружевом. Полог кровати с внутренней стороны был задрапирован светло-коричневым шелком, а белоснежное покрывало отделано изысканной вышивкой.

Когда Хьюстон сняла платье, в комнату вошла с подносом Сьюзен.

— Я знаю, что уже поздно, но Вилли придется отнести записку мистеру Бэгли, портному с Лид-авеню. Пусть он даже поднимет его с постели, но записку необходимо отдать мистеру Бэгли лично. Завтра в восемь утра он должен прийти к мистеру Таггерту.

— К мистеру Таггерту? — переспросила Сьюзен, убирая платье Хьюстон. — Значит, это правда, мисс, что вы собираетесь выйти за него замуж?

Хьюстон сидела за своим маленьким письменным столом из красного дерева. Она оглянулась на Сьюзен:

— Хотела бы на меня и дальше работать? В доме мистера Таггерта?

— Не знаю, мисс. Мистер Таггерт на самом деле такой, как о нем говорят люди?

Хьюстон задумалась. Опыт подсказывал ей, что слуги часто знают о человеке больше, чем равные ему по положению. Даже несмотря на то, что Кейн жил один, камердинер, лакеи, без сомнения, знали о нем то, чего не знал никто.

— Что ты о нем слышала?

— Что у него ужасный характер, что он постоянно орет и все ему не нравится.

— Боюсь, что так оно и есть, — вздохнула Хьюстон и снова оглянулась:

— Но, по крайней мере, он не бьет женщин и никого не «надувает».

— Если вы не боитесь жить с ним, мисс Хьюстон, то я тоже смогу. Не думаю, что в нашем доме можно будет оставаться после того, как вы с сестрой уедете.

— Боюсь, что это правда, — отсутствующе сказала Хьюстон, отмечая у себя в блокноте, что завтра нужно будет позвать к девяти часам утра парикмахера, мистера Эпплгейта с Коул-авеню. Она подумала, сколько времени можно было бы сэкономить, если бы у каждого в городе установили телефон.

— Сьюзен, у тебя ведь два брата?

— Да, мисс.

— На весь завтрашний день мне нужно шесть крепких мужчин. Они будут спускать вниз мебель. Им хорошо заплатят, да и накормят тоже. Они должны прийти к половине девятого. Ты сможешь найти шестерых мужчин?

— Да, мисс.

Хьюстон написала еще одну записку.

— Пусть Вилли отнесет это миссис Мерчисон. Она гостит у преподобного Томаса, пока Конрады в Европе. Я бы хотела, чтобы она готовила в доме у мистера Таггерта, пока они не вернутся. Надеюсь, она будет рада немного подработать. Вилли надо будет подождать ее ответа, потому что я написала, что кухня совершенно пуста, и попросила ее купить все необходимое и прислать счет мистеру Таггерту. Вилли может заехать за ней утром в экипаже. Лучше всего подойдет большой экипаж Оклейзов, не сомневаюсь, что они не откажут.

Она откинулась на спинку стула.

— Завтра предстоит большая работа. Нужно одеть и побрить мистера Таггерта, а кроме того, накормить всех.

Сьюзен вытащила шпильки из прически Хьюстон и начала расчесывать ей волосы.

— Как приятно, — протянула Хьюстон, закрыв глаза.

Через несколько минут она уже лежала в постели, и впервые за последнее время ей не хотелось плакать. Она даже чувствовала себя счастливой. Она поменялась местами с сестрой, чтобы хотя бы раз в жизни испытать что-то необычное, а теперь это необычное продлевается на целые недели.

***

Когда в шесть часов на следующее утро Сьюзен постучала в дверь, Хьюстон была уже почти одета. Для работы она выбрала белую хлопчатобумажную блузку, черную вельветовую юбку до пола и широкий кожаный пояс. Небольшой жакет и шляпка дополняли костюм.

Спустившись на цыпочках по лестнице, чтобы не разбудить спящий дом, она оставила матери записку на обеденном столе, объясняющую, где она будет находиться весь день, наскоро позавтракала на кухне и растолкала заснувшего во дворе Вилли, потребовав, чтобы тот впряг лошадь в великолепный новый экипаж, подаренный Кейном.

— Ты отдал все записки, Вилли?

— Все. Миссис Мерчисон обрадовалась, что ей есть чем заняться. Я ее встречу с коляской в половине седьмого и захвачу мистера Рэндольфа у бакалейной лавки. Миссис Мерчисон вчера поздно вечером позвонила ему и заказала уйму всякой всячины для кухни. Ну а потом мы поедем к Конрадам. Да, она хотела знать, сколько народу ей придется кормить.

— Там будет около двенадцати человек, но в основном это мужчины, так что скажи ей, что готовить надо на тридцать человек. Этого должно хватить. И попроси ее принести с собой посуду. Сомневаюсь, что у мистера Таггерта найдется то, что надо. Возвращайся как можно скорее, Вилли.

У дома Кейна Таггерта все было тихо. Хьюстон распрягла лошадь и привязала ее под деревом. Она постучала в боковую дверь, но никто не ответил. Дверь была не заперта. Хьюстон вошла и оказалась на кухне. Чувствуя себя немного вором, она стала заглядывать в шкафчики. Если через две недели в этом доме будет устроено свадебное торжество с огромным числом гостей, ей нужно знать, чем она располагает.

Шкафчики были пусты, если не считать банок с консервированными персиками, — никакой посуды, кроме дешевых эмалированных мисок.

«Опять Сирс», — подумала она, обходя подсобные помещения. Большая буфетная отделяла столовую от кухни, а за кухней находилось крыло с кладовой, комнатой для мытья посуды, комнатами для трех слуг с ванной, комнатой управляющего и его кабинетом.

Выйдя в коридор, Хьюстон заметила лестницу и поднялась на второй этаж. Остановившись, она поглядела вниз, но не увидела ничего, кроме теней на дубовом полу и панельных стенах. Она решила подняться на чердак.

Как она и предполагала, чердак на самом деле был помещением для прислуги, которое использовалось под склад. Там находились две ваннх комнаты, а остальная площадь была разделена на маленькие комнатки, каждая из которых была до потолка забита ящиками и коробками. В некоторых стояла мебель в пыльных чехлах.

Хьюстон осторожно сняла один из них. Под ним оказалось два позолоченных стула, завернутые в гобелены с херувимами. Хьюстон заметила этикетку и затаив дыхание прочла:

"СЕРЕДИНА ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА
ГОБЕЛЕНЫ ВЫТКАНЫ НА ФАБРИКЕ «ГОБЕЛЕН»
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАЛО МАДАМ ДЕ ПОМПАДУР
КОМПЛЕКТ ИЗ ДВЕНАДЦАТИ СТУЛЬЕВ И ДВУХ ДИВАНОВ".

— Бог ты мой! — выдохнула Хьюстон, выпустив из рук чехол.

У стены стоял свернутый ковер. Этикетка гласила:

"КОНЕЦ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА
СДЕЛАНО НА ФАБРИКЕ «САВОНРИ» ДЛЯ ЛУИ XIV".

На одном из деревянных ящиков, в котором находились, очевидно, картины, было просто написано: «Гейнсборо». За ним стоял еще один, с надписью «Рейнолдс».

Хьюстон медленно сняла гобелен со стульев мадам де Помпадур, взяла верхний стул и села. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями. Осматриваясь, она заметила выглядывающие из чехлов золотые ножки и поняла, что вся собранная здесь мебель, так же как и предметы искусства, представляет из себя музейную ценность. Она рассеянно сняла еще один чехол. Под ним оказалась люстра, сверкающая так, будто была сделана из бриллиантов. На этикетке стояло: 1780 год.

Она все еще сидела, ошеломленная перспективой проводить каждый день в окружении таких сокровищ, как вдруг услышала шум подъезжающего экипажа.

— Мистер Бэгли! — восторженно вскрикнула она, бегом спустилась по лестнице и успела оказаться у парадной двери как раз в тот момент, когда мистер Бэгли и его помощник

выходили из экипажа.

— Доброе утро, Блейр-Хьюстон, — сказал он. Мистер Бэгли отличался невероятной худосочностью и бледностью, что не мешало ему, однако, быть настоящим тираном. Все относились к нему с большим уважением, потому что он был первым портным в Чандлере.

— Доброе утро, — ответила Хьюстон. — Проходите, пожалуйста. Не знаю, в курсе ли вы, мистер Бэгли, но мы с мистером Таггертом собираемся пожениться через две недели, и ему нужно составить гардероб. А к завтрашнему приему ему необходим шерстяной костюм: пиджак на трех пуговицах, серые брюки и кашемировый жилет. Этого достаточно. Как вы думаете, он будет готов завтра к двум часам?

— Не знаю. У меня есть и другие клиенты.

— Уверена, что они находятся в лучшем положении, чем мистер Таггерт, и могли бы подождать. Наймите столько швей, сколько понадобится. Все будет оплачено.

— Хорошо, я постараюсь. А сейчас, чем быстрее я сниму мерки с мистера Таггерта, тем быстрее можно будет приступить к костюму.

— Думаю, он в спальне.

Мистер Бэгли посмотрел на нее тяжелым взглядом.

— Блейр-Хьюстон, я знаю вас с детства, я согласился отложить все дела, чтобы выполнить для вас эту работу, приехать сюда рано утром, чтобы снять мерки с вашего жениха, но я не собираюсь подниматься наверх и искать его. Возможно, нам лучше вернуться, когда он проснется.

— Но тогда вы не успеете сшить костюм! Ну пожалуйста, мистер Бэгли.

— Нет, даже если вы станете передо мной на колени. Мы подождем здесь полчаса. Если за это время мистер Таггерт не спустится вниз, мы уедем.

Хьюстон была почти рада, что в гостиной, где они собирались подождать, не было стульев. Набравшись смелости, она поднялась по лестнице.

Второй этаж был таким же красивым, как и первый, с выкрашенными в белый цвет панельными стенами, прямо перед ней находилась открытая широкая комната, задняя стена которой была покрыта зеленой плиткой.

— Вольер для птиц, — прошептала она с восхищением.

Вздохнув, Хьюстон вспомнила, зачем она здесь. Вокруг нее тянулся длинный коридор закрытых дверей, за одной из которых был Кейн.

Она открыла ближайшую дверь, и в тусклом свете увидела светлые волосы на смятой подушке. Не желая будить Эдена, она тихо прикрыла дверь.

Она прошла четыре комнаты, прежде чем отыскала спальню Кейна. Пестрые шторы, закрепленные на красивом карнизе у самого потолка, преграждали путь солнечному свету. Мебель состояла из дубовой кровати, небольшого заваленного бумагами столика, на котором стоял глиняный кувшин, и трех стульев, обитых отвратительным красным плюшем с ярко-желтыми кисточками на сиденьях.

Хьюстон взглянула вверх, где должен был находиться чердак.

— Простите его, мадам де Помпадур, — прошептала она.

Хьюстон решительно подошла к окну, раздвинула шторы и завязала их толстым узлом, чтоб они оставались на месте. В комнату ворвался солнечный свет.

— Доброе утро, мистер Таггерт, — громко сказала она, подойдя к его кровати.

Кейн перевернулся на другой бок, продолжая спать. Одеяло укрывало его только по пояс, обнажая голую грудь. Хьюстон подумала, что спит он, вероятно, абсолютно голым.

Она несколько раз до этого видела голую мужскую грудь. Кейн был сложен как боксер-профессионал: крупный, мускулистый, с очень волосатой грудью. Его смуглая кожа, казалось, должна была быть теплой на ощупь.

Хьюстон стояла у кровати, как вдруг сильная рука обвила ее бедра и втащила на постель.

— Что, не терпится? — спросил Кейн, жадно целуя ее шею, его руки скользили по ее телу. — Всегда любил повозиться с утра пораньше.

Пытаясь высвободиться, Хьюстон поняла, что своими силами ей этого сделать не удастся. Она нащупала на столе кувшин и одним махом обрушила его на голову Кейн.

Хрупкая глина разлетелась вдребезги, Хьюстон успела спрыгнуть с кровати и отскочить подальше, пока Кейн отряхивался от воды и осколков кувшина.

— Какого черта... — начал он, потирая затылок. — Вы ж могли меня убить.

— Вряд ли, — сказала Хьюстон. — Качество ваших туалетных принадлежностей вполне соответствует качеству этой мебели.

— Послушайте, вы маленькая сучка, я...

— Нет, мистер Таггерт, это вы меня послушайте. Если вы собираетесь взять меня в жены, то извольте вести себя со мной уважительно. Я не позволю обращаться с собой, как с какой-нибудь шлюхой, которую вы... которую вы снимаете на ночь, — она покраснела, но продолжила:

— Я пришла в вашу спальню не потому, что, как вы сказали, мне не терпелось разделить с вами постель. Вы меня хотели принудить к этому. Внизу ждет портной, чтобы снять с вас мерки, в любую минуту могут прийти люди перетаскивать мебель и повар с целым фургоном продуктов, и уже раньше, чем через час парикмахер сострижет с вас всю эту массу волос, которой вы щеголяете. Если я буду готовить вас и этот дом к свадьбе, то мне, к сожалению, понадобится ваше присутствие, и поэтому я не позволю вам целый день напролет валяться в постели. Кейн взглянул на нее впервые за время ее речи.

— У меня идет кровь? — спросил он. Хьюстон со вздохом подошла к нему и обследовала его голову, пока он не поймал ее за талию и не прижал лицо к ее груди.

— Вы что-нибудь подкладываете сюда? — спросил он.

Хьюстон с отвращением оттолкнула его.

— Поднимайтесь с постели, одевайтесь и спускайтесь вниз как можно быстрее, — сказала она, прежде чем повернуться на каблуках и выйти из комнаты.

— Чертовски ершистая баба, — сказала он ей вдогонку.

Внизу царил хаос. Шестеро мужчин, которых прислала Сьюзен, слонялись взад-вперед как у себя дома, отпуская непристойные замечания. Вилли и миссис Мерчисон ждали ее распоряжений, а мистер Бэгли решил уехать.

Хьюстон принялась за работу.

Около девяти часов она пожалела, что не умеет обращаться с кнутом. Она сразу выгнала двоих грузчиков за дерзость и спросила остальных, хотят ли они получить плату за целый день работы.

Кейну не нравилось, что мистер Бэгли дотрагивается до него, и что Хьюстон решает, что ему носить.

Миссис Мерчисон была вне себя, пытаясь приготовить что-нибудь в пустой кухне.

Когда приехал парикмахер, Хьюстон выскользнула в боковую дверь и бегом бросилась в уединенную просторную оранжерею, которую ей давно хотелось осмотреть. Она закрыла

дверь и углубилась в созерцание цветочных клумб, тянущихся на сто метров в длину. Тишина и аромат действовали успокоительно.

— Устали от шума?

Она обернулась и увидела Эдена, сажающего азалии. Он был почти такой же огромный, как Кейн, красивый, светловолосый и, как ей показалось, моложе Кейна.

— Мы, наверное, вас разбудили, — сказала она. — Сегодня было слишком много крика.

— Когда рядом Кейн, люди обычно кричат, — сказал он ничего не значащим тоном. — Давайте я покажу вам свои растения.

— Это ваши?

— Более-менее. За оранжереей есть домишко, там живет японская семья. Они ухаживают за садом, а за оранжереей ухаживаю я. У меня растения со всего мира.

Хьюстон знала, что у нее нет времени, но ей хотелось немного побыть в тишине.

Эден с гордостью показал ей выращенные им цикламены, примулы, древесные папоротники, орхидеи и еще какие-то экзотические цветы, названий которых она даже никогда не слышала.

— Вы, наверное, любите уходить сюда, — сказала она, дотрагиваясь до орхидеи. — Сегодня утром я разбила об его голову кувшин.

Эден открыл рот от изумления, а потом усмехнулся:

— Я не разбросался на него с кулаками. Вы действительно думаете сделать из него цивилизованного человека?

— Надеюсь, что мне это удастся. Но я не могу постоянно с ним биться. Должны быть какие-нибудь другие способы.

Она подняла на него глаза:

— Я ничего не знаю о вас, или о том, какое вы имеете к нему отношение.

Эден начал пересаживать переросший страстоцвет. — Он подобрал меня в одном из переулков Нью-Йорка, где я не умер с голоду только потому, что питался объедками. Мои родители и сестра за несколько недель до этого задохнулись дымом во время пожара. Мне было семнадцать, я потерял работу, потому что все время боролся, — он улыбнулся своим воспоминаниям. — Я умирал с голоду и решил ступить на преступную стезю. К несчастью, а может, и к счастью, первым человеком, которого я задумал ограбить, был Кейн.

Хьюстон кивнула:

— Возможно, его размеры послужили для вас вызовом.

— Или, может быть, я надеялся на неудачу. Он выгнал меня на улицу, но вместо того, чтобы отправить в полицию, он привел меня к себе домой и накормил. Мне было семнадцать, ему двадцать два, и он был уже наполовину миллионером.

— И вы с тех пор всегда с ним.

— И зарабатываю себе на жизнь, — добавил Эден. — Он заставил меня целый день работать на него, а по ночам посылал в бухгалтерскую школу. Он не признает сон. Мы сидели вчера до четырех часов утра, поэтому еще спали, когда вы приехали. — Однако, — сказал вдруг Эден, широко улыбаясь и глядя сквозь стеклянную стену оранжереи, — мне кажется, у нас побывал парикмахер.

Хьюстон с любопытством посмотрела сквозь стекло. По тропинке спускался большой мужчина в одежде Кейна, но был чисто выбрит и подстрижен.

Хьюстон с удивлением посмотрела на Эдена, а тот засмеялся, когда Кейн вошел в дверь.

— Хьюстон! — взревел он. — Вы здесь? Хьюстон выступила вперед из-за слонового

дерева посмотреть на него.

— Неплохо, а? — сказал он счастливым голосом, потирая выбритый подбородок. — Я так давно себя не видел, что уже забыл, насколько я хорош собой.

Хьюстон не могла не рассмеяться, потому что он был действительно красив: с квадратной челюстью, отличными губами, глазами, обрамленными черными бровями, — он был великолепен.

— Если вы уже закончили с этими растениями, Эден, то пошли обратно в дом. Там эта леди на кухне столько всего наготовила, а я умираю от голода.

— Хорошо, — сказала она, выходя из оранжереи. Оказавшись снаружи, он схватил ее за руку.

— Я должен кое-что сказать, — проговорил он мягко, глядя на носки своих ботинок, а потом куда-то влево от нее. — Я не хотел на вас наскакивать сегодня утром. Просто я спал, потом проснулся и увидел перед собой красивую девушку. Я не хотел вас обидеть. Просто, наверное, я не умею обращаться с леди, — он потер затылок и улыбнулся ей, — но мне кажется, я скоро выучусь.

— Сядьте, — сказала она, показывая на стоящую под деревом скамейку. — Дайте я посмотрю ваш затылок.

Он сидел спокойно, пока она искала у него в волосах шишку.

— Очень больно?

— Сейчас уже нет, — ответил он и поймал ее руки. — Вы все еще собираетесь за меня замуж?

Она вдруг подумала, что он гораздо красивее Лиандера, а когда он так смотрит, с ее коленками творится что-то странное.

— Да, я все еще собираюсь выйти за вас замуж.

— Хорошо! — резко сказал он и поднялся со скамейки. — А теперь пошли есть. Нам с Эденом надо работать, и меня ждут. А вам надо смотреть за этими идиотами с мебелью.

Он направился к дому.

Хьюстон пришлось почти бежать, чтобы не отстать от него. Торопливо надевая шляпку, она подумала, что настроение у него меняется слишком быстро.

К полудню в трех комнатах были постелены ковры и две комнаты на чердаке освобождены. Мебель стояла внизу в беспорядке, и ей надо было решить, как ее расставить. Кейн и Эден заперлись в кабинете с посетителем. Она то и дело слышала голос Кейна, перекрывающий шум передвигаемой мебели. Один раз он заглянул в библиотеку.

— Эти стульчики выдержат? — сказал он, посмотрев на позолоченные стулья.

— Им больше двухсот лет, — ответила она. Кейн усмехнулся и ушел обратно в кабинет. В пять часов она постучала в дверь кабинета и, когда Эден ответил, вошла, продираясь сквозь табачный дым, чтобы сказать Кейну, что уезжает, но завтра вернется. Он едва взглянул на нее поверх своих бумаг.

Эден вышел ее проводить.

— Большое спасибо за все, что вы сделали сегодня. Уверен, что когда вы закончите, дом будет таким, каким он должен быть.

Она остановилась на пороге:

— Скажите ему, пожалуйста, что завтра я приеду в полдень с его новым костюмом, и мы поедем к двум часам на прием.

— Надеюсь, что он согласится поехать.

— Он согласится, — сказала она с преувеличенной уверенностью.

За завтраком в доме Чандлеров царил мрачная атмосфера, лишь Дункан и Хьюстон отдавали должное бифштексу, окороку, яйцам, пирогу с персиками и гречишным оладьям. Опал выглядела так, как будто сбросила за ночь килограмма три. Блейр зло поджала губы, а Дункан, казалось, никак не мог решить, гневается он или просто недоумевает.

Хьюстон размышляла о том, что сказала ей сегодня утром Сьюзен о Блейр и Лиандере. Вчера Блейр плавала на лодке по озеру в парке Фентонов с красивым светловолосым незнакомцем, как вдруг к ним подплыл Лиандер — и в следующую секунду незнакомец барахтался в воде, а Лиандер, перетащив Блейр в свою лодку, погреб к берегу. Пока все наблюдавшие за этой сценой от души смеялись, Блейр спихнула Лиандера в тину веслом, вытащила из воды незнакомца и отвезла его на лодочную станцию.

Хьюстон понимала, что должна была бы завидовать их любовным играм, злиться на то, что Лиандер публично рассказывает о том, что предпочитает Блейр, завидовать, что Лиандер преподносит Блейр такое огромное количество цветов. Однако ее мысли были заняты размышлениями, куда поставить маленький письменный стол семнадцатого века и кого попросить помочь ей повесить шторы, которые она обнаружила в свертках на чердаке. Да еще и сам мистер Таггерт. Она надеялась, что сегодня он не доставит ей слишком много хлопот.

— Я хочу поговорить с тобой, Хьюстон, — сказал после завтрака Дункан так неожиданно, что Хьюстон вздрогнула, и направился на центральную террасу, где обычно принимали гостей или устраивали семейные советы.

Не говоря ни слова, она опустилась в кресло. Этот человек был ее отчимом с самого детства, и она всегда делала то, что он считал нужным, вела себя в соответствии с его представлениями о том, как должна вести себя леди, и поэтому у них никогда не было разногласий.

— Слышал, что ты согласилась выйти за него замуж, — начал он, стоя лицом к окну, которое выходило на улицу.

— Да, — ответила она, готовясь выдержать надвигающуюся бурю.

Как ей оправдать себя? Сказать, что она спросила Кейна, и он ответил, что никогда никого не убивал? Или постараться объяснить, как она ему нужна?

Дункан тяжело опустился на сиденье.

— Хьюстон, — сказал он чуть ли не шепотом. — Я знаю, что обстановка в доме теперь совсем не та, какой она была при твоём отце, но я никогда не думал, что ты примешь такие крайние меры, чтобы выбраться отсюда.

Этого Хьюстон не ожидала.

— Вы считаете, что я выхожу за мистера Таггерта, чтобы уйти из вашего дома? Он поднялся с места:

— По этой и еще некоторым причинам. Он опять подошел к окну:

— Я знаю, что Лиандер унизил тебя, а в твоём возрасте это представляется концом света. Он обернулся к ней:

— Но поверь мне, Хьюстон, это не конец света. Ты самая красивая девушка в городе, может быть даже во всем штате. Ты найдешь себе другого. Если хочешь, я свожу тебя в Денвер и представлю некоторым молодым людям.

Хьюстон поднялась, подошла к нему и поцеловала его в щеку. До этого момента она не знала, что он на самом деле любит ее. Несмотря на то, что они жили в одном доме, их отношения никогда не выходили за рамки формальных и она никогда не целовала его до этого.

— Я очень благодарна вам за вашу доброту, — сказала она, когда Дункан в замешательстве обернулся. Она отступила чуть назад. — Не думаю, что я выхожу за мистера Таггерта только потому, что он единственный претендент.

Дункан взглянул на нее:

— Ты уверена? Может быть, ты хочешь продемонстрировать его всему городу, как бы говоря: «Посмотрите, я могу подцепить мужчину, как только захочу». Ты действительно можешь завести другого мужчину. Возможно, не такого богатого или не с таким домом, как у Таггерта, но из знакомой тебе семьи. Откуда ты можешь знать, а вдруг у Таггерта в роду есть умалишенные? Я слышал, что его дядя — настоящий смутьян.

Хьюстон подняла голову:

— Дядя?

— Рейф Таггерт с рудников. Этот человек — бельмо на глазу у Фентона, но Джекоб держит его независимо ни от чего.

Хьюстон отвернулась. Фамилия Таггерт была ей знакома, но она никогда не думала, что ее подруга Джин имеет к Кейну какое-то отношение. Возможно, Джин знает Кейна. И если они родственники, она могла бы подтвердить, что в семье Кейна нет сумасшедших.

Она снова повернулась к Дункану:

— Не думаю, чтобы у них в роду были умалишенные.

На лице Дункана появилось разочарование.

— Как можно так быстро измениться? С Лиандером ты была так разумна, говорила, что необходимо время, прежде чем принять такое серьезное решение, а этого человека ты знаешь всего несколько дней и тем не менее согласна провести с ним всю оставшуюся жизнь.

Хьюстон не знала, что ответить. Он был абсолютно прав. Умом она понимала, что нельзя выходить замуж за этого, едва знакомого человека. Но ей чертовски этого хотелось! Она прикрыла рот ладонью, чтобы скрыть улыбку. Нельзя употреблять выражения мистера Таггерта!

— Замужество — это очень серьезный шаг, — продолжал Дункан. — Подумай о том, что ты делаешь.

— Я уже дала согласие выйти за него замуж, — сказала она, как будто это было ответом на все вопросы.

— Блейр доказала, что до того момента, пока женщина не надела обручальное кольцо, может случиться все, что угодно, — с горечью сказал он. — Не позволяй ее... капризам разрушить твою жизнь. Разузнай, что можно, о Кейне Таггерте. Поговори с людьми, которые его знают. Поговори с Марком Фентоном. Он, возможно, помнит Таггерта, когда тот работал на конюшне его отца. Я пытался встретиться с Джекобом, но он и слышать не хочет о Таггерте. Хьюстон, от этого зависит вся твоя жизнь. Разузнай все, что только сможешь, до того, как привяжешь себя к нему.

Хьюстон понимала, что его просьба разумна, но сомневалась, соглашаться ли ей. Возможно, она не хотела узнавать ничего о Кейне; возможно, ей нравилось думать о нем, как о таинственном мужчине, вскружившем ей голову.

Возможно, она была просто не готова подвести черту под своим приключением. Но Дункан говорил разумные вещи, а Хьюстон привыкла подчиняться. Она подумала, что бы сделал Дункан, узнай он, как Кейн набросился на нее вчера утром, и как она разбила об его голову кувшин. Без сомнения, запер бы ее в комнате.

Она вздохнула.

— Хорошо, я поспрашиваю, — прошептала она. — Я узнаю все, что смогу, и, если ничего ужасного не обнаружится, я выйду за него двадцатого числа. Дункан тяжело вздохнул.

— Это единственное, о чем я могу просить тебя. Хьюстон, скажи мне, тебе всегда так хотелось денег? Ты считала, что живешь в нищете?

— Вы думаете, его деньги — одна из тех причин, по которым я выхожу за него?

— Конечно, — он посмотрел на нее с удивлением. — Почему бы еще ты согласилась выйти замуж за этого огромного уroda? Если бы не его деньги, с ним бы никто и не разговаривал. Он был бы таким же шахтером, как и вся его родня, и с ним бы никто даже не поздоровался.

— Только шахтером? — спросила она. — Он начинал конюхом и вот заработал миллионы. Никто их ему на блюдечке с золотой каемочкой не подносил. Наверное, мне нравится его характер, то, что он смог выбраться из грязной конюшни и достичь чего-то в жизни. Все, что я сделала в своей жизни, так это только научилась правильно одеваться.

Внезапно она подумала, что как раз это-то знание ей сейчас и необходимо, и почувствовала невольный трепет.

— А что еще нужно знать леди? — спросил Дункан.

— В наше время женщины пишат книги, к тому же... — она осеклась и махнула рукой, показывая тем самым, что не хочет обсуждать эту тему. — Странно, почему никого не удивляет то, что человек с таким состоянием, как у мистера Таггерта, женится на женщине откуда-то с Колорадских гор. Он мог бы найти себе принцессу.

— Ты и есть принцесса, — огрызнулся Дункан. Хьюстон улыбнулась и направилась к двери.

— Я должна идти. Мне нужно зайти к мистеру Бэгли и выбрать гардероб для моего будущего мужа, а потом нужно заказать второе свадебное платье такого же фасона, как первое. Уверена, что Блейф не придет в голову этим заняться.

— Я тоже так думаю, — сказал Дункан и полез в карман. — Вчера приезжал президент банка и привез вот это, — он протянул ей листок бумаги.

Это был депозитный бланк, удостоверяющий, что на ее имя положена сумма в двести пятьдесят тысяч долларов.

Ладонь Хьюстон на дверной ручке слегка дрогнула.

— Спасибо, — пробормотала она. — Спасибо за все. Я сделаю так, как вы просили.

Улыбнувшись, она вышла из комнаты.

Свободно вздохнуть Хьюстон смогла только на лестнице. Она остановилась и развернула депозитный бланк. Кейн сказал, что положит на ее счет «немного денег». Какими бы недостатками он ни обладал, скупость не входила в их число. Подавляя желание рассмеяться от восторга, она бегом поднялась по ступенькам в свою комнату, чтобы переодеться для выхода.

Через час она сидела в салоне мистера Бэгли и рассматривала образцы тканей. Кроме всего прочего, в школе им преподавали, как подбирать одежду мужчине, если по этому

поводу возникают расхождения с точкой зрения камердинера мужа.

— Ему нужно около дюжины деловых костюмов, — диктовала она мистеру Бэгли, в то время как один из служащих неистово скрипел пером. — Возьмем эту светлую шерсть, ткань в стальную клетку, ангорку и вот ту плотную синюю шотландку. Пока хватит.

— А на вечер? — спросил мистер Бэгли.

— Вот та черная камвольная ткань. Теперь для верховой езды.

Она выбрала спортивную одежду, отвергнув бриджи для гольфа, а затем одежду для званых обедов. Для его собственной свадьбы она выбрала черную визитку, за ней — рубашки, галстуки, перчатки. После этого она отобрала большое количество комплектов нижнего белья, льняных носовых платков и трикотажных носков.

— Шляпы оставим на потом?

— Да, — ответила Хьюстон, — и трости тоже. Она взглянула на маленькие часики, приколотые у нее на груди.

— Мне пора. Могу я забрать готовый костюм? После того как мистер Бэгли принес новый костюм и все необходимые аксессуары, в том числе и туфли, Хьюстон договорилась, что он снимет мерки и с Эдена — для костюма к свадьбе.

— Удачи, — крикнул он вслед быстро удаляющемуся изысканному экипажу. «Она вам понадобится», — подумал он про себя.

Через час Хьюстон была одета для приема. На ней было подчеркивающее фигуру платье из белого муслина и желтого атласа и широкая желтая лента наискосок, завязанная бантом на бедре. Этим утром Сьюзен удалось затянуть корсет Хьюстон на целых полтора сантиметра туже, чем обычно. Дышать теперь Хьюстон могла только верхней частью легких, но разве имеет значение такое маленькое неудобство? Она хотела выглядеть как можно лучше во время первого выхода в свет со своим женихом.

Со вздохом она остановила лошадь у дома мистера Таггерта и поняла, что скоро придется нанимать слуг. Сейчас, например, некому было помочь ей выйти из экипажа. Осматриваясь по сторонам, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, она подняла юбку почти до колен и спрыгнула вниз.

Слева от нее раздался слабый свист.

— Самое приятное зрелище за сегодняшний день, — сказал Кейн, выходя из-за угла дома. — Знаете, ноги у вас лучше, чем у одной танцовщицы из Нового Орлеана.

Хьюстон всеми силами старалась не покраснеть.

— Я привезла вам костюм. Если не будете медлить, то успеете подготовиться.

— Подготовиться к чему?

Она все еще не могла привыкнуть к нему без бороды. Этим утром его лицо покрывала легкая щетина, но она не могла испортить его великолепную внешность. Как удачно, подумала Хьюстон, согласиться выйти замуж за медведя, который потом превращается в красивого принца.

— К приему в два часа, — ответила она.

— А, это, — кивнул он через плечо, направившись к дому и оставив ее стоять одну.

— Да, это, — она подобрала юбки и вошла за ним в дом, а затем в его кабинет. — Я подумала, что можно выкроить минутку для пары уроков, просто чтобы вы чувствовали себя спокойней. И конечно, вам понадобится время, чтобы одеться.

Он остановился у своего письменного стола, взял листок бумаги.

— Мне, правда, очень жаль, но у меня нет времени. Слишком много работы. А вы

поезжайте. Вы же уже одеты подобающе и вообщем. Можете отвезти от меня цветы.

Хьюстон глубоко вздохнула:

— Возможно, мне стоит просто дать им денег от вашего имени. — Он удивленно посмотрел на нее поверх бумаг:

— А что, так можно? Это им подойдет?

— Нет, — спокойно ответила она. — Им — нет, но я уверена, что это подойдет вам. Таким образом вам не придется с ними встречаться.

— Вы что, хотите сказать, что я боюсь кучки разодетых, распивающих чай снобов? Да я мог бы купить и продать...

Она взглянула на него так, что он осекся.

— Не поеду я, — сказал он упрямо и сел. Она подошла к нему и встала рядом, подавляя желание положить руку ему на плечо.

— Ничего страшного не будет. Вы сталкивались только с худшими людьми города. А я бы, хотела познакомить вас со своими друзьями, и обещаю, что никто из них не упадет в обморок при виде вас.

Он поднял на нее глаза:

— Ни одна леди не упадет в обморок, увидев меня без бороды?

Улыбнувшись, она отошла от него:

— Вы хотите, чтобы я сказала, что вы будете там самым красивым мужчиной?

Он попытался схватить ее за руку, но она успела отскочить.

— Давайте останемся здесь, — сказал он. — Мы найдем, чем заняться. Мне нравится это платье.

— Ну уж нет, мистер Таггерт, — рассмеялась она и подумала про себя, можно ли было затянуть корсет еще на полсантиметра туже. — Я не позволю соблазнить себя... что бы там ни было у вас в голове. Вам пора одеваться к приему, — она пятилась, пока не уперлась спиной в стену.

Кейн вплотную приблизился к ней и уперся обеими руками в стену.

— Мы же друг друга и узнать-то как следует не успели, не так, ли? Я хочу сказать, что прежде чем пожениться, люди должны проводить время наедине, я не прав?

Хьюстон проворно выскользнула из-под его руки.

— Мистер Таггерт, — твердо сказала она, — не заговаривайте мне зубы. Думаю, что вы просто боитесь идти, а если вы относитесь к тому типу людей, которых пугает общество, то я не уверена, что вы тот мужчина, за которого я хотела бы выйти замуж.

Рассерженно взглянув на нее, он вернулся к письменному столу.

— Подлости в вас черт знает сколько. Не боюсь я этого чертова приема.

— Тогда докажите мне это. Одевайтесь и поедem. Она видела, что он борется сам с собой, и чуть не сказала, что остается с ним дома. "Держись, Хьюстон, — велела она себе самой, — для это «о ты ему и нужна».

Он швырнул бумаги на стол.

— Я поеду, — сказал он с отворачиванием. — И надеюсь, вы не пожалеете об этом.

Он с шумом вышел из кабинета.

— Я тоже на это надеюсь, — вздохнула она, побежав за костюмом, который все еще лежал в экипаже.

Пока Кейн одевался, Хьюстон размышляла, куда она поставит мебель, в беспорядке разбросанную по дому. После полутора часов она заподозрила, что Кейн сбежал через окно

на втором этаже, но тут он появился на пороге — в темном сюртуке, белой льняной рубашке и голубовато-серых брюках, держа в руках белый галстук.

— Я не знаю, как его завязывать.

Секунду Хьюстон не могла двинуться с места. Хорошо сшитый костюм подчеркивал невероятную разницу между широкими плечами и узкой талией, а темная ткань очень выгодно гармонировала с его бровями и волосами. С гордостью она представила, как появится с ним на приеме рука об руку. Может быть, в глубине души она и хотела продемонстрировать всему городу, что в состоянии заполучить другого мужчину. И конечно, ей мог бы попасться кто-нибудь в сто раз хуже Кейна. Это уж точно.

— Вы знаете, как его завязывают? — настаивал он.

— Да, конечно, — сказала она, приходя в себя. — Сядьте, чтобы я могла достать до вашей шеи.

Он опустил на маленький позолоченный стульчик так, как будто был заключенным.

Завязывая галстук, Хьюстон проинструктировала Кейна.

— Прием устраивается в доме моей подруги Тайи Мэнкин. В саду будут стоять столы с едой и напитками. Все, что вам нужно делать, это прогуливаться вокруг и разговаривать с людьми. Я буду находиться рядом столько, сколько смогу.

Кейн ничего не ответил.

Завязав галстук, Хьюстон взглянула Кейну в глаза. Неужели это был тот самый человек, о чью голову она разбила кувшин?

— Это ненадолго. Потом мы вернемся сюда и поужинаем.

Неожиданно он крепко обнял ее и поцеловал — так, как будто хотел, чтобы она поделилась с ним своим мужеством. В следующую секунду он уже стоял рядом с ней.

— Давайте покончим с этим побыстрее, — сказал он и пошел к двери.

Хьюстон стояла как громом пораженная. Те несколько поцелуев, которыми они обменялись, для него, казалось, ничего не значили, тогда как она после каждого из них с трудом приходила в себя.

— Вы идете? — нетерпеливо спросил он у двери.

— Да, конечно, — ответила она, почувствовав себя ожившей.

По дороге к дому Тают, Хьюстон дала Кейну некоторые наставления.

— Если мы хотим, чтобы люди поверили в нашу помолвку, вам, наверное, следует быть ко мне внимательным, — осторожно сказала она. — Стойте рядом со мной, берите под руку, ну и так далее. И, пожалуйста, помогите мне выйти из экипажа.

Он кивнул, не поворачивая к ней головы.

— И улыбайтесь, — попросила она. — Женитьба не такая противная штука.

— Если мне удастся до нее дожить, — мрачно ответил он.

Люди, собравшиеся в саду Тайи Мэнкин, умирали от любопытства. Всеми силами стараясь держаться достойно, они буквально бегом бросились к экипажу Кейна и Хьюстон, но вдруг остановились в изумлении. Вместо обросшего волосами шахтера они увидели перед собой джентльмена.

Кейн, судя по всему, не заметил реакции присутствующих, зато ее заметила Хьюстон и с гордостью положила руки на его широкие плечи, когда он помогал ей выйти из экипажа. Взяв его под руку, она повела его к остановившейся в ожидании группе людей.

— Позвольте представить вам моего жениха, мистера Таггерта, — начала она.

Через двадцать минут, когда он был представлен всем гостям, она почувствовала, что он

перестал нервничать.

— Не так страшно, как вы думали?

— Не-а, — ответил он немного самодовольно. — Хотите чего-нибудь поесть?

— Я бы выпила немного пунша. Я отойду на минуту, вы не против? Нужно поговорить кое с кем.

Некоторое время она наблюдала, как он идет к столу, и заметила, что многие женщины останавливаются, чтобы посмотреть на него. Мередит Лечнер опередила всех и заговорила с ним, предварительно улыбнувшись Хьюстон, как будто прося ее разрешения.

«Мой, — подумала Хьюстон. — Мой собственный: лягушонок, превратившийся в принца. И ценой всего одной шишки на затылке!» Она кашлянула, чтобы скрыть усмешку.

Пока Кейн был занят, она подошла к преподобному Томасу, стоявшему в одиночестве в отдалении от толпы.

— Вам удалось изменить его, — кивнул он в сторону Кейна, вокруг которого теперь находились уже три женщины.

— Внешне, возможно, — сказала она и понизила голос. — Мне нужно поговорить с вами. На прошлой неделе в шахтерском поселке Джин Таггерт сказала, что знает все обо мне. Что конкретно ей известно?

— Все, — ответил преподобный отец.

— Но как?.. — начала Хьюстон.

— Я рассказал ей. Мне пришлось это сделать. Я хочу, чтобы у вас был друг — там. Настоящий друг.

— Но если меня поймают? Джин может попасть в еще худшее положение, если будет знать, кто я такая.

Это уже достаточно плохо.

— Хьюстон, — сказал преподобный отец, глядя ей прямо в глаза. — Вы не можете брать всю ответственность на себя. Джин сама пришла ко мне несколько месяцев назад и сказала, что хочет знать правду. Я был рад рассказать ей.

Минуту Хьюстон молча наблюдала за тем, как Кейн смеялся над какой-то шуткой одной из женщин, и заметила, что женщины обступили его теснее. Она подумала, что он очаровывает не только ее.

— Вы знали, что Кейн и Джин — родственники? — спросила она.

— Двоюродные брат и сестра, — улыбнулся он, заметив ее испуганный взгляд. — Как только я узнал о вашей помолвке, я сразу же пошел к Джин. Охрана не хотела меня пускать, но их босс стоит ниже моего. Ни Джин, ни кто другой из ее семьи не общаются с Кейном. Имя его матери держится в тайне. Джин считает, что она была... женщиной на одну ночь, и отец Кейна не был уверен, что ребенок его. Это объясняет тот факт, что Кейна отправили работать к Фентону вместо того, чтобы воспитывать в семье Таггертов.

— Вы не знаете, что стало с его родителями?

— Джин уверена, что они оба умерли. Хьюстон, — преподобный Томас взял ее под локоть, — вы уверены, что хотите выйти замуж за этого человека? Я знаю, что поступок Лиандера ранил вас, но...

Хьюстон не хотела слушать еще одну лекцию, независимо от того, с какими намерениями она читалась.

— Я уверена, — твердо сказала она. — А теперь мне пора к моему жениху, пока его не украли.

— Хорошо, но если вы захотите поговорить, Хьюстон, я всегда к вашим услугам. Пока Хьюстон шла к Кейну, ее несколько раз останавливали.

— Он выглядит очень мило. Ты творишь чудеса.

— Ты действительно влюбилась в него, когда была помолвлена с Лиандером?

— Лиандер очень страдал, когда ты ему все рассказала?

— Ты танком встречалась с мистером Таггертом?

— Хьюстон, ты должна нам все рассказать! В конце концов ей удалось подойти к Кейну, и она взяла его под руку.

— Вас чертовски долго не было, — сказал он вполголоса и потрясенно добавил:

— вы знаете, о чем спрашивали эти дамы?

— Могу догадаться, — рассмеялась она. — Вы поели что-нибудь?

— Только пару тех вон малюсеньких бутербродиков. Можно съесть их все и все равно остаться голодным. Нам еще долго здесь торчать? С кем это вы там разговаривали?

— С преподобным Томасом.

— А, ну да. Вы даете ему уроки по средам, — он с улыбкой щелкнул ее по носу. — Не удивляйтесь. Я много чего знаю о вас. Почему бы вам не сесть, а я бы принес вам тарелку с едой. Я видел, так делают другие мужчины.

Если бы сейчас она была с Лиандером, то уж он бы знал, что следует делать, подумала она. И им надо было бы уезжать уже в пятнадцать минут четвертого, потому что по четвергам он...

— Вам жалко, что с вами нет мужчины, который знал бы, как нужно себя вести? — раздался над ее головой голос Кейна. Он стоял перед ней с тарелкой в руках, его огромная тень загоразживала солнечный свет.

— Ничего подобного, — ответила она, но кроме этого ничего больше сказать не успела, потому что ей на колени упала порция какого-то блюда, обильно политого соусом.

Кейн не двинулся с места, но на его лице читалось, что все, чего он так боялся, только что произошло.

Хьюстон смогла прореагировать только тогда, когда услышала сдавленный женский смехок и увидела, что все гости встали и смотрят на них.

Она торопливо встала, и еда упала с ее колен на землю.

— Поднимите меня, — прошептала она, но он только уныло смотрел на нее. — Возьмите меня на руки, отнесите к экипажу и отъезжайте, — тихо скомандовала Хьюстон.

Кейн не привык слепо подчиняться приказам, но этот он выполнил. Он легко поднял ее на руки и зашагал к воротам.

Пока он нес ее к экипажу, Хьюстон устраивалась поудобнее у него на руках. По четвергам Лиандер брал уроки фехтования, а мистер Таггерт решил в это время свести с ума свою невесту.

Пока они не сели в экипаж и не поехали к дому Чандлеров, Кейн не произнес ни слова.

— Почему? — спросил он наконец. — Чем помогло то, что я донес вас на руках?

— Дело в том, что мало кто из присутствовавших там мужчин имеют настолько сильные мышцы, что могут носить своих жен. Думаю, любая женщина согласилась бы, чтобы на нее опрокинули полную тарелку, если после этого мужчина отнес бы ее домой на руках.

— Да вы легкая как пушинка. Улыбнувшись, она придвинулась к нему и поцеловала его в щеку.

— Это я для вас легкая, как пушинка, — мягко проговорила она.

Он остановил экипаж и с удивлением посмотрел на нее.

— Вы ведь настоящая леди, мисс Чандлер, так ведь? Настоящая леди.

— Надеюсь, что это так, — пробормотала она и подумала, что вполне возможно, стала бы кем угодно, если бы этого захотел Кейн Таггерт.

Хьюстон ворвалась в спальню матери, где Опал вышивала манжеты.

— Мама! Ты должна мне помочь, — сказала Хьюстон.

— Посмотри на свое платье, — сказала Опал, поднимаясь с места. — Ты думаешь, оно отстирается?

— Не знаю. Мама, он ждет меня внизу, и ты должна занять его, пока я переодеваюсь. Если ты не поговоришь с ним, боюсь, он уедет.

Опал отступила на шаг:

— Неужели ты имеешь в виду мистера Таггерта? Он ждет тебя внизу?

Хьюстон взяла мать за руки:

— Он очень расстроен. Он случайно опрокинул на меня полную тарелку, и все стали над ним смеяться. Если б ты видела его лицо! Он был так унижен. Пожалуйста, спустись и поговори с ним немного. Не отпускай его.

Опал смягчилась:

— Если это случилось случайно, никто не должен был над ним смеяться.

— Спасибо, — проговорила Хьюстон, быстро целуя мать в щеку, перед тем как выбежать из комнаты.

Она не обратила внимания на крик Опал: «А о чем мне с ним говорить?»

Сьюзен ждала Хьюстон в ее комнате и помогла ей расстегнуть застёжки на платье.

— Испачкана только вставка спереди, — сказала Хьюстон, рассматривая платье. — Сьюзен, скажи миссис Томас, чтобы она потеряла его порошком жженой магнезии, может быть, тогда жир отойдет, и... О Боже, сколько пятен! Подержи вставку над паром, если и тогда они "не отойдут, то я попробую оттереть керосином. Но, это я сделаю сама. Не хочу, чтобы кухня взлетела на воздух. А теперь поспеши, пока жир окончательно не впитался.

Когда Сьюзен вернулась, Хьюстон сидела за столом и что-то писала.

— Отдай потом эту записку Вилли и скажи, чтобы он отнес ее миссис Мерчисон. И пусть объяснит ей, что мне нужно, чтобы потом не было недоразумений.

Рассказывая, она продолжала писать.

— В доме Таггерта Вилли должен подняться по лестнице — той, которая у кухни, до чердака, потом повернуть налево, там он увидит длинный коридор. За второй дверью налево будет маленькая комнатка с мебелью. У стены лежит свернутый красный ковер и большая сумка с декоративными подушками. Сумка такая большая, что пропустить ее невозможно. Пусть отнесет ковер и подушки вниз в маленькую гостиную. Миссис Мерчисон покажет ему, где это. Ковер нужно развернуть и положить подушки по краям. Из соседней гостиной пусть принесет большой серебряный канделябр с тремя свечами и поставит его посередине ковра.

Она подняла глаза на Сьюзен:

— Ты запомнила, что надо передать Вилли?

— Да, мисс. Пикник в помещении. Правда, что мистер Таггерт опрокинул на гостей накрытый стол?

— Кто это тебе сказал?

— Элли, она работает у соседей Мэнкинов.

— Все было совсем не так. А теперь иди вниз, объясни все Вилли и попроси его передать эту записку миссис Мерчисон. И пожалуйста, побыстрее. Мне нужна будет твоя

помощь. Да, и пусть он скажет миссис Мерчисон, что я постараюсь задержаться подольше, чтобы она успела все приготовить.

Когда Сьюзен ушла, Хьюстон с ужасом обнаружила, что жир впитался и в ее нижнее белье. Торопливо осмотрев пятна, она решила, что все отойдет при кипячении, и начала переодеваться.

Она достала из шкафа бледно-зеленое батистовое платье с короткими рукавами с буфами, лифом с закрытым вырезом, отделанным гипюром. К сожалению, платье застегивалось сзади на тридцать шесть крошечных зеленых пуговичек. Она пыталась справиться с ними сама, но тут вошла Сьюзен.

— Что слышно внизу?

— Ничего, мисс, — ответила Сьюзен, застегивая пуговицы маленьким медным крючком. — Посмотреть? Мне кажется, что дверь на веранду открыта.

— Нет, — сказала Хьюстон, начиная беспокоиться. Опал Гейтс была женщиной беззащитной, и ее легко можно было шокировать. Хьюстон так и видела, как Кейн с его отвратительной манерой говорить доводит Опал до обморока, а когда та падает без чувств, не видит необходимости «ее поднимать».

— Больше никого нет в доме, Сьюзен?

— Нет, мисс.

— Хорошо. Тогда я могу спуститься вниз и посмотреть в щелочку. Ты можешь застегнуть мне платье там, внизу.

Хьюстон на цыпочках спустилась по лестнице, Сьюзен за ней, и они притаились за дверью на веранду.

Кейн и Опал сидели рядом на диване и оба смотрели в стереоскоп.

— Я сама его никогда не видела, — говорила Опал. — Но слышала, что это очень впечатляюще.

— Я много лет жил в Нью-Йорке, но никогда не слышал об этом месте, — сказал Кейн. — Еще раз, как это называется?

— Ниагарский водопад.

Кейн опустил окуляр стереоскопа и посмотрел на нее.

— Вы хотели бы поехать поглядеть на него, так ведь?

— Ну да, мне хотелось бы. На самом деле, мистер Таггерт, у меня всегда была тайная мечта — путешествовать. Я бы хотела нанять небольшой поезд и проехать по Соединенным Штатам.

Кейн взял Опал за руку:

— Я осуществлю вашу мечту, миссис Чандлер. Какого цвета железнодорожный вагон вы хотите? Я хочу сказать — внутри. Красный пойдет?

— Но-о мне, право, неловко, — начала Опал. Кейн наклонился поближе к ней.

— Знаете, леди-это моя слабость, — мягко сказал он. — А вы, миссис Чандлер, такая же настоящая леди, как и ваша дочь.

На минуту они замолчали, и Сьюзен выглядывающая из-за плеча Хьюстон, перестала застегивать пуговицы.

— Розовый, — сказала Опал. — Должно быть, мне понравился бы вагон в розовых тонах.

— Он у вас будет. Может, еще что-нибудь?

— Лучше, если вы будете называть меня Опал. Боюсь, моему мужу, мистеру Гейтсу, не

понравится, если его жену будут называть по фамилии ее бывшего мужа.

Хьюстон затаила дыхание. Интересно, как Кейн воспримет это исправление?

Кейн поднес лежащую в его руке ладонь Опал к губам и от всего сердца поцеловал, совсем не как джентльмен.

— Не удивительно, что ваша дочь — леди.

— Думаю, что ваша мама выйдет за него замуж, если этого не сделаете вы, — заметила Сьюзен.

— Помолчи и заканчивай быстрее застегивать.

— Уже готово, — сказала Сьюзен, и Хьюстон вышла на веранду.

— Надеюсь, я не очень задержалась? — спросила она, мило улыбаясь. — Вы хорошо провели время, мистер Таггерт?

— Ага, — сказал Кейн, ухмыляясь. — Очень хорошо. Только мне пора уже. У меня работа.

— Мистер Таггерт, — проговорила Хьюстон. — Вы не могли бы отвезти меня в город к портнихе? Мне нужно заказать кое-что.

Кейн нахмурился, но когда Хьюстон сказала, что это займет не больше пятнадцати минут, согласился.

— К ужину меня не ждите, — прошептала она матери, целуя ее в щеку и одновременно хватая зонтик.

— Ты в надежных руках, — сказала Опал, нежно глядя на Кейна.

Уже находясь в экипаже, Хьюстон повернулась к Кейну:

— Вы приятно поболтали с моей мамой?

— У вас хорошая мать, — сказал он. — Где это ателье, куда вам нужно? Вы уверены, что это займет только десять минут?

— Пятнадцать, — ответила она. — Мое... Платье к моей предыдущей свадьбе шилось в Денвере, но я собираюсь заказать такое же здесь.

— Такое же? А, ну да, двойная свадьба. Кстати, а когда она будет?

— В понедельник, двадцатого. Надеюсь, вы придете. Или у вас опять будет слишком много работы? Он искоса посмотрел на нее, а потом улыбнулся.

— Я, пожалуй, появлюсь на свадьбе, если вы не сбежите с первой брачной ночи, — засмеялся он, увидев, что Хьюстон краснеет и отворачивается.

Они проехали вниз по Коул-авеню к Вестфилдским рядам — длинному двухэтажному зданию, тянущемуся от Второй до Третьей улицы. На первом этаже находились магазины, на втором — офисы.

Кейн привязал лошадь и помог Хьюстон выйти из экипажа.

— Я пока пропущу стаканчик, — сказал он, кивая в сторону одной из разбросанных по городу многочисленных пивных. — Надеюсь, мужем быть легче, чем женихом.

Он повернулся и зашагал прочь, оставив Хьюстон среди пыльной улицы. Она подумала, что временами ей не хватает Лиандера с его воспитанием.

У портнихи она провела всего семь минут. Та всплеснула руками, поняв, что ей придется сшить столь изысканное платье за такое короткое время. Как громом пораженная, она опустилась на скамейку, когда Хьюстон попросила ее сшить платье и для Джин Таггерт. Мечась по комнате, она вытолкала Хьюстон из ателье со словами «дорога каждая минута». Хьюстон сделала вывод, что она ждет не дождется, чтобы приступить к работе.

Хьюстон стояла на улице с открытым зонтом и смотрела в сторону пивной, где

находился Кейн. Она надеялась, что ждать ей придется не слишком долго.

— Х-ха, взгляни-ка сюда, — раздался мужской голос. — Ты не нас случайно, ждешь?

Ее окружили трое молодых ковбоев, и, судя по запаху, исходившему от них, они провели не одну неделю в пути.

— Пошли, Кэл, — сказал один из ковбоев. — Она же леди.

Хьюстон сделала вид, что не замечает их, но в глубине души молилась, чтобы наконец появился Кейн.

— А мне нравятся леди, — сказал Кэл. Хьюстон повернулась и взялась за ручку двери художественного салона «Сайла». Кэл положил свою руку на ее.

— Прошу прощения, — проговорила Хьюстон, отступая назад и презрительно окидывая его взглядом.

— Говорит, как леди, — сказал Кэл. — Крошка, как насчет того, чтобы пойти со мной в пивную и пропустить кружечку пивка?

— Кэл, — сказал другой ковбой с предупреждением в голосе.

Но Кэл наклонился поближе к Хьюстон:

— Не пожалеешь, крошка.

— Зато ты пожалеешь, — раздался голос Кейна. Он схватил ковбоя одной рукой за шиворот, а другой за ремень и швырнул его со всего маху прямо на мостовую лицом в грязь.

Когда ковбой, который был в два раза меньше Кейна, поднялся, встряхивая головой, чтобы прийти в себя, высившийся над ним Кейн заревел:

— У нас здесь порядочный город. Тебе нужна женщина — поезжай в Денвер, а мы здесь своих женщин в обиду не даем, — он еще ниже склонился над ковбоем, — и уж подавно, черт возьми, я не дам в обиду свою женщину. Понял?

— Да, сэр, — пробормотал он. — Я не хотел... — начал он, но осекся. — Да, сэр, я уже еду в Денвер.

— Хорошая мысль, — сказал Кейн, отходя от него, схватил Хьюстон за руку и втащил ее в экипаж.

Он молча подъехал к своему дому и остановился.

— Черт! Вам же нужно домой, — он снова взялся за вожжи. — Этот парнишка вас не тронул?

— Нет, — мягко ответила она. — Спасибо, что пришли мне на помощь.

— Да не за что, — сказал он, почему-то хмуря брови, как будто его что-то беспокоило. Хьюстон взяла его за руку:

— Возможно, я поспешила, но я послала миссис Мерчисон записку с просьбой приготовить нам ужин. Если вы, конечно, не против поужинать со мной.

Он быстро окинул ее взглядом:

— Я не возражаю, только я надеюсь, что вам хватит платьев, раз уж я их так часто пачкаю.

— Платьев у меня более чем достаточно.

— Ну, хорошо, — с неохотой ответил он. — Но мне надо все-таки сегодня поработать. Вы идите в дом, а я привяжу вашу лошадь.

Войдя в дом, Хьюстон побежала на кухню.

— Все готово? — спросила она.

— Все, — улыбнулась миссис Мерчисон. — Кроме того, вас ждет охлажденное шампанское.

— Шампанское? — воскликнула Хьюстон, вспомнив, как Блейр, выпив слишком много шампанского, оказалась в постели с Лиандером.

— И я приготовила все, что любит мистер Кейн, — продолжала миссис Мерчисон.

— Говяжий бифштекс, разумеется, — пробормотала Хьюстон. — И еще одна покоренная им женщина.

— Что, мисс Хьюстон?

— Ничего. Уверена, что все будет очень вкусно, как и все, что вы готовите.

Хьюстон вышла из кухни и направилась в малую гостиную. Все было так, как она себе и представляла. Свечи уже горели, шампанское охлаждалось, крекеры и паштет лежали на большом серебряном блюде. Комната светилась в лучах заходящего солнца.

— Это вы все устроили?

— Я подумала, что вы, наверное, будете голодны, — начала она, слегка нервничая.

Устроить ужин было хорошей идеей, но сейчас все выглядело, как сцена обольщения.

— К тому же вы сказали, что хотели поговорить, — прошептала, она, опустив глаза.

Кейн хмыкнул и прошел мимо нее в комнату.

— Если б я не знал наверняка, я б подумал, что вы хотите большего, чем просто поговорить. Садитесь и давайте есть. Мне...

— Нужно работать, — перебила она немного обиженно. В конце концов, она придумала все это только потому, что он казался таким расстроенным после того, как опрокинул на нее тарелку.

Кейн подошел к Хьюстон и взял ее за подбородок.

— Вы ведь не собираетесь разреветься?

— Конечно нет, — твердо сказала она. — Давайте поужинаем, и я поеду домой. У меня тоже много дел, и...

Кейн схватил ее за талию и притянул к себе. Хьюстон почувствовала, что ее тело слабеет, а обида улетучивается. Возможно, этого она и добивалась. Ей так нравилось, когда он прикасался к ней.

— От вас хорошо пахнет, — сказал он, зарываясь лицом в ее шею и крепко прижимая к себе. В его объятиях она чувствовала себя одновременно и защищенной, и беспомощной.

— Вы сегодня были очень милы, — он начал покусывать ее вдоль шеи. — Вы ведь не будете очень уж возражать против того, чтобы выйти за конюха вроде меня, так ведь?

Хьюстон не ответила, почувствовав, что у нее начинают подкашиваться ноги, но Кейн легко держал ее на весу, перейдя теперь к ее левому уху.

— Вы сегодня были там самой красивой леди, — прошептал он, своим легким дыханием заставив ее всю затрепетать. — И мне понравилось носить вас на руках. Знаете, я бы сейчас с удовольствием отнес вас наверх в свою спальню.

Хьюстон очень хотелось ничего не отвечать, и, говоря по правде, она вообще усомнилась в возможностях своего голоса.

— Хм, — раздался с порога громкий звук.

— Уходите, — сказал Кейн, на этот раз покусывая ее подбородок.

Однако годы обучения оставили слишком глубокий след на характере Хьюстон, и в эту минуту они дали о себе знать. Хьюстон попробовала оттолкнуть Кейна, но тот даже не пошевелился.

— Пожалуйста, — умоляюще попросила она, глядя в его темные глаза.

Он скривил физиономию и выпустил ее так неожиданно, что она чуть не упала.

В дверях стояла миссис Мерчисон с громадной фарфоровой супницей в руках. На обратном пути она укоризненно посмотрела на Хьюстон, заставив ту покраснеть.

Немного успокоившись, Хьюстон осознала, что чуть было не оказалась в постели со своим женихом. Но она обещала отчиму, что узнает о Кейне, что сможет, прежде чем выйдет за него. А что если выяснится, что он преступник? Выйдет она за него тогда или нет? Во всяком случае, ей придется это сделать, если она с ним переспит.

Глядя на него сейчас, когда он сидел на полу без пиджака, с закатанными до локтей рукавами, открывавшими его сильные, загорелые руки, и откупоривал бутылку шампанского, она подумала, что, возможно, стоит позволить ему заняться с ней любовью, и тогда придется выйти за него замуж, независимо от того, что она о нем узнает.

Но это было бы нечестно.

Аккуратно расправив юбки, она села на подушку по диагонали от него.

— Я бы хотела попросить вас об одолжении, — начала она.

— Конечно, — сказал он с полным ртом паштета.

— Мне бы хотелось до свадьбы оставаться девственницей.

Кейн так закашлялся, что Хьюстон испугалась, как бы он не задохнулся, но он опрокинул в себя полбутылки шампанского и пришел в себя.

— Приятно слышать, что вы девственница, — в конце концов сказал он со слезами на глазах. — Я имею в виду, что у вас там было с Вестфилдом.

Хьюстон онемела.

— Ну-ну, вы как будто аршин проглотили. Выпейте вот, — он протянул ей бокал шампанского. — Вам это пойдет на пользу. Итак, вы бы хотели остаться девственницей, так? — спросил он, опуская устричный садок в фарфоровые чашки. — Думаю, имеется в виду, что вы хотите, чтобы я держал руки подальше от вас.

Он смотрел на нее как-то странно, задумчиво.

— Наверное, так будет лучше, — сказала она, подумав, что, если он будет продолжить в том же духе, как минуту назад, ей не удастся остаться девственницей, да и не захочется ею оставаться.

— Хорошо, — заключил он холодно. Хьюстон от удивления широко раскрыла глаза. Он, без сомнения, решил, что причина в том, что раньше Он был конюхом, и она считает, что он ее не стоит.

— Нет, — начала она, — это совсем не то, что вы думаете. Я... — она не могла рассказать ему то, что она обещала своему отчиму, или то, что его прикосновения заставляли ее чувствовать себя далеко не леди.

Она взяла его за локоть.

Кейн отодвинулся от нее.

— Вы приняли решение. Слушайте, мы заключили соглашение, контракт, что ли, а я его нарушаю. Вы обещали, что будете притворяться, что... влюблены в меня, я так понимаю, на людях. Вы сдержали обещание. Наедине можете вообще не обращать на меня внимания. Я буду держать руки при себе. На самом деле, думаю, будет лучше, если я уйду сейчас. А вы оставайтесь, поешьте, а я пойду работать.

Прежде чем Хьюстон смогла вымолвить хотя бы слов, Кейн поднялся и собирался уже выйти из комнаты.

— Пожалуйста, не уходите, — закричала она, кинувшись за ним, но запуталась в длинных юбках и начала падать.

Он подхватил ее прежде, чем она успела удариться о твердый пол, но отпустил сразу же, как только она встала на ноги.

— У меня и в мыслях не было оскорбить вас, — начала она. — Я не имела в виду, что мне не нравятся ваши прикосновения... — она осеклась и, покраснев, опустила глаза. — Я хочу сказать, что... Просто я никогда... И мне бы хотелось оставаться... Если это возможно, — закончила она, подняв на него глаза.

Кейн смотрел на нее тяжелым взглядом.

— Ерунда какая-то. Вы хотите, чтоб я вас не трогал или что? Все, что я хочу от этого брака, это чтобы на людях рядом со мной была леди. Во всех остальных случаях вам не придется даже, видеть мое безобразное лицо. Дом достаточно велик для этого. Ваше дело, леди, Леди должна вести себя уверенно — это Хьюстон помнила, еще со школы. Она выпрямилась и расправила плечи.

— Я хочу быть вашей женой как на людях, так и наедине с вами, но до свадьбы я хочу оставаться девственницей.

— А кто вам мешает-то? — с удивлением взглянул на нее Кейн. — Я что, за волосы вас в спальню волоку? Принуждаю вас спать со мной?

— Нет, но у вас убедительные доводы, мистер Таггерт, — вырвалось у нее.

В его взгляде мелькнуло понимание.

— Будь я проклят, — сказал он с удивлением в голосе. — Кто бы мог подумать? Хотя, может быть, леди любят конюхов. Давайте сядем и поедим, — весело добавил он. — Хорошие доводы, говорите? — он усмехнулся, когда она села напротив него.

Всей душой Хьюстон пожалела, что подняла эту тему.

Скромный ужин наедине с Кейном, который задумала Хьюстон, обернулся полнейшим хаосом. Не успели они приступить ко второму блюду, как вошел Эден и протянул Кейну бумаги, которые тот должен был прочесть и подписать. Кейн пригласил его поужинать с ними, и они ни на минуту не переставали говорить о делах.

Хьюстон молчаливо наблюдала, как за окнами садится солнце. Миссис Мерчисон входила и выходила из комнаты, принося с собой огромное количество вкуснейших блюд, которые съедались до последней крошки.

Кейн не уставал говорить ей комплименты, варьирувавшиеся от «чертовски вкусно» до предложения убежать с ним и жить во грехе. Миссис Мерчисон захихикала и залилась краской, как гимназистка.

Вспомнив, что к сегодняшнему ужину были приготовлены все любимые кушанья мистера Кейна, Хьюстон задала ему вопрос.

— Что вы больше всего любите, мистер Таггерт?

Он взглянул на нее поверх бумаг:

— Все, что вкусно, включая хороших леди.

Слегка покраснев, Хьюстон отвернулась.

В девять часов она поднялась со своего места.

— Мне уже пора. Большое спасибо за ужин, мистер Таггерт.

Ей показалось, что он вообще не замечает ее присутствия.

Неожиданно Кейн поймал ее за подол платья.

— Вы пока не можете уйти. Я хочу поговорить с вами.

Для того, чтобы уйти, ей надо было выдернуть юбку, поэтому ничего не оставалось, как стоять, уткнувшись взглядом в стену над головами двоих сидевших у ее ног мужчин.

— Думаю, я здесь лишний, — сказал Эден, собирая бумаги.

— Мы еще не закончили, — возразил Кейн.

— Тебе не кажется, что нужно уделить немного времени своей невесте? — многозначительно спросил Эден. — Я скажу миссис Мерчисон, что она свободна.

Он встал:

— Хьюстон, спасибо за ужин. Все было замечательно.

Эден вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Не шелохнувшись и не взглянув вниз на Кейна, Хьюстон продолжала стоять на месте.

Он несколько раз дернул ее за подол платья, но, увидев, что она никак не реагирует, он поднялся и посмотрел ей в глаза.

— Думаю, вы от меня без ума. Хьюстон отвела взгляд:

— Это невероятно смешно. Уже поздно, мистер Таггерт, мне пора домой. Родители будут волноваться. Кейн взял ее лицо в свои ладони:

— Было очень мило с вашей стороны устроить этот ужин со свечами и всем таким.

— Я рада, что вам понравилось. А теперь я должна...

Он притянул ее к себе.

— Я весь вечер думал о том, что, как вы выразились, у меня есть убедительные доводы, — сказал он, целуя ее в шею.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала она, безрезультатно пытаясь оттолкнуть его.

Он запустил ладонь в ее аккуратно уложенные волосы, и они упали на плечи. Кейн пробежал пальцами по густой массе ее мягких волос.

— Красиво, — пробормотал он, приблизив ее лицо и не отрывая взгляда.

В следующую секунду он наклонил ее голову и принялся целовать ее так, что она почувствовала, что тает. Он играл с ее губами, оттягивая нижнюю губу зубами, проводя кончиком языка по контуру ее рта.

Хьюстон не двигалась, тогда как чувства уже переполняли ее. Отдавшись нахлынувшей страсти, она обеими руками обняла его за шею и крепко прижалась к нему. Кейн не замедлил ответить, притянув ее еще ближе к себе, наклонив ее так, чтобы их тела как можно плотнее прикасались друг к другу.

Когда он стал опускаться на ковер, она даже не подумала возразить, только прильнула к нему, как к животворящей силе. Пока они опускались на ковер, его губы не оставляли ее губ.

Кейн провел ладонью по ее бедру, покрывая поцелуями ее шею.

— Кейн, — прошептала она, запрокинув голову.

Его ноги сжимали ее ногу.

— Да, моя хорошая, я здесь, — также шепотом сказал он. Его голос заставлял ее трепетать.

Рука Кейна проникла под ее платье и, проскользнув по бедру, нащупала открытый участок тела между закрепленными подвязками и длинными свободными панталонами.

Хьюстон ни о чем не думала, только наслаждалась неземными ощущениями от прикосновений его ладоней к ее коже, его губ к ее лицу. Инстинктивно она, придвинулась еще плотнее к нему, ее нога еще сильнее втиснулась между его ног.

Кейн со стоном оттолкнул ее, лишь секунду оставаясь лежать рядом, глядя на нее, а затем поднялся.

— Вставайте, — холодно сказал он, отошел и встал к ней спиной у темного окна.

Хьюстон лежала на ковре с поднятыми до талии юбками, чувствуя себя опозоренной,

униженной, обманутой. Когда она медленно поднялась, стараясь вернуть самообладание, на глаза ей навернулись слезы.

— Пойдите приведите в порядок волосы, — сказал Кейн, не оборачиваясь. — Приведите в порядок волосы, и я отвезу вас домой к матери.

Хьюстон вылетела из комнаты так быстро, как только могла, прикрывая рот ладонью, чтобы не дать вырваться всхлипываниям.

Обе ванны внизу были между кабинетом Кейна и кухней. Она боялась столкнуться с Эденом или с миссис Мерчисон, поэтому она поднялась наверх, в ванную, находившуюся рядом со спальней Кейна.

Очутившись внутри мраморной ванной комнаты, она дала волю слезам. Он хотел жениться на леди, и ему стало противно, что она ведет себя как шлюха. Но тем не менее, это было то, что имела в виду Блейр, сказав, что видела искорки, когда Лиандер поцеловал ее. Поцелуи Лиандера никогда не вызывали в ней никаких чувств, но поцелуи Кейна...

Она посмотрела на себя в зеркало и увидела живые сверкающие глаза, немного вспухший рот, румяные щеки, волосы, в беспорядке рассыпавшиеся по плечам. Это была не та леди, которую он хотел взять в жены. Не удивительно, что он оттолкнул ее.

Слезы снова покатались по ее щекам.

Как только Хьюстон выбежала из гостиной, Кейн прошел в кабинет, где за письменным столом, уткнувшись в бумаги, сидел Эден.

— Хьюстон уехала? — спросил Эден отсутствующим голосом.

Кейн не ответил, и Эден поднял голову. Он увидел Кейна с трясущимися руками, залпом заглатывающего полстакана виски.

— Что ты с ней сделал? — спросил Эден, едва сдерживая гнев. — Я говорил тебе, что она не похожа на других женщин.

— Да что ты о ней знаешь, черт возьми? Ты лучше спроси, что она сделала со мной. Я хочу, чтобы ты запряг лошадь и отвез Хьюстон домой.

— Что случилось?

— Женщины! — с отвращением проговорил Кейн. — Никогда не знаешь, чего от них ожидать. Только по одной причине я хотел жениться на леди и...

— Опять Фентон, — устало сказал Эден.

— Да, черт побери, Фентон! — чуть не закричал Кейн. — Все, для чего я работал, что делал, было ради мести Фентону. Все эти годы я по крохам собирал состояние, и у меня была одна мечта: устроить для него однажды званый ужин. Мой дом будет в четыре раза больше его, а напротив меня за столом будет сидеть моя жена, та женщина, которую он когда-то отнял у меня, его драгоценная дочь Памела.

— Но тебе пришлось обойтись другой женщиной, — сказал Эден. — Разве Хьюстон тебе не нравится?

Кейн сделал большой глоток виски.

— Она чертовски здорово притворяется, — сказал он. — Должно быть, она на самом деле до смерти хочет моих денег.

— А что, если ей не нужны твои деньги? Что, если она хочет семью, детей? Кейн пожал плечами:

— У нее это может быть и потом. Все, чего я хочу, это вывести на чистую воду Фентона. Я хочу сидеть в собственной гостиной с одной из этих Чандлер в качестве жены.

— А после этого? Что ты собираешься делать с Хьюстон после этого? Она же не пара

ботинок, которую можно взять и выбросить.

— Я как раз подбираю ей драгоценности. Она может оставить их себе, а если я не смогу найти покупателя, я отдам ей и этот дом.

— И все? — спросил Эден. — Ты собираешься сказать ей, чтоб она уходила, что больше она тебе не нужна?

— Она будет рада отделаться от меня. Он выпил виски до дна.

— И у меня нет времени на женщин. Отвезешь ее домой, ладно? — и с этими словами он вышел из комнаты.

Хьюстон проплакала всю ночь. Ей было стыдно, и из-за этого она чувствовала себя несчастной. Всю свою сознательную жизнь она следовала правилам своего отчима, а у Дункана Гейтса было непоколебимое мнение о том, что следует и чего не следует делать леди. Хьюстон всегда старалась жить в соответствии с этими правилами. А если она и нарушала их, то всегда делала это втайне.

С Лиандером она всегда вела себя очень сдержанно. Ему нужна была леди, и она ею стала. Как на людях, так и наедине с ним она была леди. Ее поведение всегда было безупречным.

А на самом деле Лиандеру, оказывается, нужна была далеко не леди. На сердце у Хьюстон огнем были выжжены его слова о том, как великолепно была Блейр.

Потом появился Кейн, совсем непохожий на Лиандера с его лоском и самовлюбленностью. Но Кейну нужна была леди, и когда Хьюстон повела себя не как леди...

Она никогда не сможет забыть выражение отвращения у него на лице после того, как она каталась с ним по полу.

Что еще она могла сделать, чтобы угодить мужчине? Ей казалось, Лиандеру нужна была леди, но на самом деле это было не так. Она думала, что теперь поняла, что мужчинам необходима страстная женщина. Но с Кейном все оказалось по-другому. Ему нужна была леди.

Чем больше она думала, тем больше плакала.

Днем в ее комнату зашла Блейр и, увидев, что у сестры покраснели от слез глаза и опухли веки, нырнула к ней в постель. Некоторое время они не разговаривали, потом Хьюстон снова начала плакать.

— Все так ужасно? — спросила Блейр. Хьюстон кивнула, шмыгнув носом.

— Таггерт? — спросила Блейр. Хьюстон опять кивнула.

— Я не понимаю, что он от меня хочет.

Скорее всего, все, что можно от тебя получить, — сказала Блейр. — Тебе не нужно выходить за него замуж. Тебя никто не принуждает. Если бы ты дала понять, что тебе нужен Лиандер, думаю, можно было бы вернуть его.

— Лиандеру нужна ты, — сказала Хьюстон, садясь на кровати — Я ему нужна только потому, что я дала ему то, чего 1Ы бы не дала, — возразила Блейр. — Хьюстон, ты любишь Лиандера. Бог знает, почему, но это так. Ты любила его все эти годы. Подумай, что значило бы выйти за него. Ты жила бы в доме, который строился для тебя, растила бы детей...

— Нет, — сказала Хьюстон, доставая из тумбочки носовой платок. — Лиандер принадлежит тебе так, как никогда не принадлежал мне. Ему намного больше нужна ты.

— Нет, это не так! Ты сама не знаешь, что говоришь. Я совсем не в его вкусе. Сегодня утром в больнице он сказал, что врач из меня никудышный, что я больше калечу, чем лечу и... — она закрыла лицо руками.

— Может быть, ему не нравится, как ты лечишь, но он без ума от твоих поцелуев, — сказала Хьюстон со злостью. — Блейр, прости. Я просто очень устала и расстроена. Возможно, я нервничаю перед свадьбой.

— Что тебе сделал Таггерт?

— Ничего, — сказала Хьюстон, пряча лицо в носовой платок. — Он всегда честен со мной. Думаю, я, наверное, сама себя обманываю.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. У меня дела, — ответила она, встав с кровати. — Нужно многое сделать перед свадьбой.

— Ты все-таки собираешься выйти за него? — мягко спросила Блейр.

— Если он меня возьмет, — прошептала Хьюстон, стоя спиной к сестре. Хьюстон думала, что после вчерашнего вечера он мог и передумать, а перспектива жить без выходов Кейна — как и без его поцелуев — окрашивала будущее в серые тона. Она представляла, как сидит в тишине и спокойствии в кресле-качалке с вязальным крючком.

— Ты не хочешь помочь мне в подготовке к свадьбе? — спросила Хьюстон, оборачиваясь к сестре. — Или доверишь все мне?

— Я даже думать о свадьбе не хочу, ни о моей с Лиандером, ни тем более с Таггертом. Лиандер злится из-за того, что случилось, и я уверена в том, что если ты...

— Мы с Лиандером умерли друг для друга, — перебила ее Хьюстон. — Неужели ты не видишь? Лиандеру нужна ты, а не я. Кейн... — она отвернулась. — Через десять дней я выйду замуж за мистера Таггерта.

Блейр спрыгнула с кровати.

— Можешь думать, что у тебя с Лиандером все кончено, но это не так. И тебе не нужно наказывать себя этим властным уродом. Он даже тарелку не может удержать, а уж тем более...

Блейр осеклась, потому что Хьюстон дала ей пощечину.

— Я выхожу замуж за этого человека, — сказала Хьюстон со злостью. — Я не позволю ни тебе, ни кому бы то ни было другому чернить его.

Блейр прикрыла щеку ладонью, а на глаза ей навернулись слезы.

— То, что я сделала, встало между нами, — прошептала она. — Ни один мужчина не может значить больше, чем сестры друг для друга, — сказала Блейр перед тем, как выйти из комнаты.

Некоторое время Хьюстон сидела на кровати. Она хотела успокоить Блейр, но не знала как. Что творилось с ней из-за Кейна, если она могла дать пощечину собственной сестре?

— А другой вопрос заключался в том, собирается ли Кейн жениться на ней?

Она села за письменный стол и дрожащими руками написала записку своему жениху:

"Уважаемый мистер Таггерт! Вчера вечером я вела себя непростительно. Вы имеете полное право потребовать назад свое кольцо.

Мисс Хьюстон Чандлер"

Она запечатала и отдала записку Сьюзен, чтобы Вилли отнес ее по адресу.

Получив записку, Кейн фыркнул.

— Плохие новости? — спросил Эден:

Кейн хотел показать записку Эдену, но вместо этого положил ее в карман.

— Это от Хьюстон. Знаешь, я никогда не встречал никого похожего на нее. Ты не собираешься ехать в город?

Эден кивнул.

— Зайди в какой-нибудь ювелирный магазини купи дюжину колец, разноцветных, и пошли их Хьюстон.

— Что-нибудь написать? Кейн улыбнулся:

— Нет, колец достаточно. Где мы остановились?

В четыре часа мистер Уэзерли из магазина «Ювелирные изделия и подарки Уэзерли» взбежал по ступеням дома Чандлеров.

— У меня пакет для мисс Хьюстон, — возбужденно сказал он Сьюзен, которая открыла ему дверь.

Сьюзен провела его на террасу, где сидели Опал и подавленная Хьюстон, окруженные списками всего необходимого к свадьбе.

— Добрый день, мистер Уэзерли, — сказала Опал. — Могу я предложить вам чаю?

— Нет, спасибо, — отказался он, глядя на Хьюстон сверкающими глазами. — Это вам.

Он подошел к ней и подал большую плоскую бархатную коробку.

Озадаченная, но с растущей в глубине души надеждой, Хьюстон взяла коробку. Весь день она чувствовала себя несчастной, готовясь к свадьбе, которая могла не состояться. В довершение всего, мистер Гейтс, пришедший домой обедать, сообщил ей по секрету, что назначил для нее завтра утром встречу с Марком Фентоном. Он настаивал на том, чтобы она выполнила свое обещание узнать о Кейне все, что сможет.

Когда Хьюстон открыла коробку и увидела кольца, то чуть не расплакалась от облегчения.

— Как мило, — сказала она, сохраняя внешнее спокойствие, глядя по очереди на каждое из колец: два изумруда, жемчуг, сапфир, рубин, три бриллиантовых кольца, аметист, кольцо с тремя опалами, коралловое кольцо и кольцо с жадеитом.

— Я был ошеломлен, — говорил мистер Уэзерли. — Этот светловолосый мальчик, который все время следует за мистером Таггертом, час назад зашел к нам и попросил двенадцать колец, все для мисс Хьюстон.

— Их выбирал не мистер Таггерт? — спросила Хьюстон.

— Идея была его. Так сказал этот светловолосый человек.

Очень спокойно Хьюстон поднялась с места, держа в руках закрытую коробку с кольцами.

— Большое спасибо, мистер Уэзерли, что вы пришли самолично, чтобы принести кольца. Наверное, ты хочешь посмотреть их, мама, — сказала она, протягивая коробку Опал. — Их надо будет померить. До свидания, мистер Уэзерли.

Когда Хьюстон поднималась вверх в свою комнату, на душе у нее стало легче. Дело было не в кольцах, а в том, что он прочел ее записку и все еще собирается жениться на ней. Важно было именно это. Конечно, он не просил о встрече с ней, но скоро они поженятся и будут видеться каждый день.

Поднявшись в свою комнату, она стала переодеваться к обеду.

***

Хьюстон улыбнулась Марку Фентону, сидящему напротив нее в «Чайном магазине» мисс Эмили, где царили тишина и покой. Недалеко от них сидела Опал, стараясь не мешать им. Мистер Гейтс настоял на том, чтобы Опал сопровождала Хьюстон, потому что, как он сказал, больше не верит в нравственность молодых американцев.

Марк был симпатичным молодым человеком, низкого роста, коренастым, светловолосым, с широко расставленными голубыми глазами и заразительным смехом.

— Слышал о твоей добыче, Хьюстон. Это просто событие сезона-, — сказал Марк кладя на тарелку следующий кусок пирога с изюмом. — Весь город перешептывается о том, какой он наполовину дикарь, а наполовину рыцарь на белом коне. Который же из них настоящий Кейн Таггерт? — спросил он, подмигивая.

— Я подумала, может быть, ты мне расскажешь об этом. Мистер Таггерт когда-то работал на вас.

— Он ушел, когда мне было семь лет! Я почти не помню этого человека.

— А что ты помнишь?

— Я боялся его до смерти, — рассмеялся Марк. — Он управлял этой конюшней, как будто она была его собственностью, и никто, в том числе и отец, туда не вторгался.

— Даже твоя сестра Памела? — спросила Хьюстон, поигрывая чашкой.

— Так вот о чем ты хочешь узнать, — он снова рассмеялся. — Я ничего не знал о том, что происходит. Однажды оба — и Таггерт, и моя сестра — уехали. Знаешь, я до сих пор немного нервничаю, когда беру лошадь, не спросив разрешения.

— Почему уехала твоя сестра? — настаивала Хьюстон.

— Отец сразу же выдал ее замуж. Не думаю, чтоб ему хотелось стать свидетелем того, как его дочь снова заводит роман с каким-нибудь конюхом.

— А где сейчас Памела?

— Я ее редко вижу. Они с мужем переехали в Кливленд, у них родился ребенок, и они остались там. Муж умер несколько месяцев назад, а ребенок долгое время болел. Ей пришлось нелегко в прошлом году.

— Она?..

Марк наклонился к ней поближе с заговорщицким выражением на лице:

— Если ты хочешь узнать больше о том человеке, за которого собираешься замуж, тебе нужно поговорить с Лавинией Ларуа.

— По-моему, я с ней не знакома."

Марк откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Конечно нет. Это его подстилка.

— Его что?

— Его любовница, Хьюстон. Мне пора идти. — сказал он, поднимаясь и кладя на стол деньги.

Хьюстон тоже встала и коснулась ладонью его руки.

— Где мне найти мисс Ларуа?

— Ларуа, Лавиния Ларуа, спроси на Кресент-стрит.

— Кресент? — Хьюстон широко раскрыла глаза. — Никогда там не было.

— Пошли Вилли. Он-то уж там точно бывал. Встреться с ней где-нибудь наедине. Не следует тебе показываться на людях в обществе таких, как она. Удачи тебе в замужестве, Хьюстон, — сказал он, выходя из магазина.

— Ты выяснила то, что хотела? — спросила Опал дочь.

— Думаю, даже больше того, что хотела. Оставшуюся половину пятницы и всю субботу Хьюстон провела в подготовке к двойной свадьбе, заказывала цветы и готовила меню.

— Дорогая, сколько дней ты не видела Кейна? — спросила Опал.

— Не дней, а часов, — ответила Хьюстон, пряча от матери лицо. Она не собиралась

снова набрасываться на Кейна. Она одни раз уже оказалась в дураках и не хотела, чтобы это повторилось.

В субботу нашлись другие дела. Мистер Гейтс своими криками в пять часов утра разбудил в доме всех до одного и сообщил, что Блейр не ночевала дома. Опал уверила его, что Блейр была с Лиандером, но это еще больше рассердило мистера Гейтса. Он закричал, что репутация Блейр загублена окончательно, и Лиандеру придется жениться на ней сегодня же.

Хьюстон и Опал удалось успокоить его, во всяком случае до такой степени, чтобы он смог позавтракать, и как раз во время завтрака в комнату вошли Блейр и Лиандер.

Вид у них был ужасен! Блейр в каком-то странном одеянии светло-голубого цвета, с юбкой, едва доходящей до лодыжек. Волосы у нее растрепались по плечам, а сама она вся была в грязи, репейнике и в чем-то еще, похожем на запекшуюся кровь. Лиандер выглядел не лучше, на нем были только брюки и рубашка с дырками на штанинах и рукавах.

— Лиандер, — с трудом выговорила Опал. — Это что, следы от пуль?

— Возможно, — ответил он, блаженно улыбаясь. — Возвращаю вам ее целой и невредимой. Мне нужно пойти домой и немного поспать. Сегодня днем у меня дежурство, — он повернулся к Блейр и погладил ее по щеке. — Спокойной ночи, доктор.

— Спокойной ночи, доктор, — сказала она, и Лиандер вышел.

Какое-то время никто не мог сдвинуться с места, все смотрели на измазанную в грязи Блейр. Несмотря на то, что выглядела она так, будто побывала в трех катастрофах подряд, глаза ее светились бешеным огнем.

Хьюстон встала из-за стола и подошла к сестре, почувствовав вдруг, какой от нее исходит запах.

— Господи! Что это у тебя в волосах? Блейр глупо улыбнулась:

— Конский навоз, должно быть. По крайней мере, он у меня в волосах, а не на лице, как у него.

Хьюстон услышала, как позади нее мистер Гейтс вскакивает со своего места. Он крепко схватил Блейр за руку.

— Быстро навверх, — скомандовал он. — Хьюстон отвела Блейр в ванную, включила воду и помогла сестре раздеться.

— Откуда у тебя этот невероятный костюм? Как только Блейр начала свой рассказ, ее, казалось, уже невозможно было остановить... Хьюстон расстегивала пуговицы, расшнуровывала одну туфлю, пока Блейр занималась другой, намыливала волосы сестре, пока та оттирала грязь с кожи, — и все это время Блейр не перестала говорить, как великолепно они с Лиандером провели день, рассказывать жуткие истории о сумасшедших, стрельбе, вскрытых венах и женских потасовках. В каждой истории присутствовал Лиандер, спасая одну жизнь за другой, а в одной даже жизнь самой Блейр.

Хьюстон с трудом верилось, что этим Лиандером, о котором, захлебываясь, говорила Блейр, был тот обиденный человек, которого она знала на протяжении многих лет. Судя по рассказам Блейр, Лиандер творил чудеса в области медицины.

— Представляешь, у этого мужчины было четырнадцать дыр в кишечнике! И Лиандер все их зашил, — задыхалась от восторга Блейр, пока Хьюстон промывала и снова намыливала ей голову. — Четырнадцать!

Чем дальше говорила Блейр, тем хуже чувствовала себя Хьюстон. Лиандер никогда не смотрел на нее так, как он смотрел сегодня утром на Блейр, никогда не брал ее с собой на

вызовы — не то, чтобы ее интересовали чужие пищеварительные тракты, но ей хотелось, чтобы с ней делились своими проблемами.

Блейр провела с Лиандером всего лишь несколько дней, но он уже принадлежал ей, как никогда не принадлежал Хьюстон, у которой теперь не было и Кейна тоже. Может быть, пойти к нему? Вообще-то им следует увидеться, чтобы обсудить детали свадьбы. Хьюстон представила, как появится в его доме. Он, без сомнения, скажет: «Я заранее знал, что вы сдадитесь. Вы не могли бы долго находиться вдалеке от меня».

Весь субботний день, пока Блейр спала, она надеялась, что Кейн навестит ее, но он не пришел.

В воскресенье утром она надела серую саржевую юбку, темно-зеленую блузку из плиссированного шелка, серый жакет и спустилась вниз, где ее ждали родственники, чтобы идти в церковь на службу.

Когда в церкви все расселись по местам и раскрыли церковные гимны, воцарилась тишина.

— Подвиньтесь, — сказал Хьюстон Кейн. Обескураженная, она подвинулась, чтобы он смог сесть рядом. На протяжении службы он сидел тихо, скучающе глядя на преподобного Томаса. Сразу же по окончании он поймал Хьюстон за руку:

— Мне надо говорить с вами. Он почти силком вытащил ее из церкви, не обращая внимания на чьи-то попытки заговорить с ним, и поднял на сиденье своей старой коляски. Усевшись сам, он дернул вожжи, и четверка лошадей рванула с места так внезапно, что Хьюстон пришлось придержать шляпу.

— Ну ладно, — сказал он, резко остановившись на южном краю города, под тополями недалеко от водопроводной станции. — Что это вы делали с Марком Фентоном?

Вне зависимости от того, каким представлялся Хьюстон Кейн, на самом деле он превосходил все ожидания.

— Я знаю Марка с детства, — холодно сказала она. — И могу видеться, с кем захочу. А кроме того, со мной была мама.

— Вы думаете, я не знаю? По крайней мере, ваша мать — разумная женщина.

— Понятия не имею, что вы хотите этим сказать, — она начала теревить зонт.

— Что вы делали с Марком Фентоном? — он угрожающе наклонился над ней.

Хьюстон решила, что лучше сказать ему правду.

— Я обещала своему отчиму узнать о вас как можно больше от разных людей. Мистер Гейтс устроил эту встречу с Марком, чтобы я спросила его о вас. Я бы поговорила о вас с мистером Фентоном, но он отказался, — она подняла на него глаза. — И возможно, я поговорю с мисс Лавинией Ларуа.

— Винни? — спросил он и улыбнулся. — Это вам Гейтс посоветовал? Неплохо. Интересно, как он умудрился с ею способностями не нажить денег? Подождите-ка, а что, если вы спросите кого-нибудь, и он — ну или она — скажет что-нибудь плохое обо мне?

— Тогда придется пересмотреть нашу свадьбу, — ответила она.

Хьюстон не была готова к взрыву его гнева.

— Завтра до нашей свадьбы останется неделя, а вы можете в любой момент ее отменить?! Потому что кто-то там может сказать, что ему не нравится покрой моей рубашки. Я вам скажу кое-что, мисс Чандлер. Вы можете спросить любого мужчину, с кем я имел дело, и любую женщину из тех, с кем я спал, и если они будут честны с вами, то вы поймете, что я ни разу в жизни никого не надул.

Он вышел из коляски и встал под деревом, глядя вдаль, за горизонт.

— Проклятье! Эден говорил мне, что с леди у меня не будет ничего, кроме неприятностей. Он сказал:

«Кейн, женись на какой-нибудь деревенской девушке, переезжай в деревню и выращивай лошадей». Он предупреждал меня, что не надо связываться с леди.

Хьюстон удалось самой выбраться из высокой коляски.

— Я совсем не хотела вас расстраивать, — тихо проговорила она.

— Расстраивать! — заревел он ей прямо в лицо. — У меня не было ни минуты покоя с тех пор, как я вас встретил. Я богат, не урод, я сделал вам предложение, а вы меня отшили. От вас ничего не слышно, потом я узнаю, что ваша сестра выходит замуж за человека, в которого так безумно влюблены вы. Но вы все еще не хотите за меня замуж. Потом выясняется, что, возможно, вы пойдете за меня. А потом — что, может быть, и нет. Целыми днями вы ходите по моему дому и распоряжаетесь всеми, в том числе и мной самим, а потом ведете себя так, как будто ничего не было, и близко не подходите ко мне. Однажды утром я просыпаюсь, а вы смотрите на меня, словно умираете от страсти, а стоит мне дотронуться до вас, вы разбиваете мне об голову кувшин с водой и требуете от меня уважения. Но в следующий раз вы стаскиваете меня на пол и чуть ли не срываете с меня одежду. Но я отношусь к вам с уважением и, черт возьми, оставляю вас, как вы просите, девственницей. И что я с этого имею? На следующий день я узнаю, что вам в голову пришла мысль, не хочу ли я получить назад кольцо, и вы хотите вернуть его потому, что, возможно, и не пойдете за меня замуж. А этим утром ко мне приходит ваша мать, говорит, какой костюм надеть в церковь, — он с упреком взглянул на нее, — и приглашает меня на ужин. Он остановился и посмотрел на нее.

— И вот я здесь, весь разодетый, а вы мне говорите, что, может быть, выйдете за меня, а может быть, и не выйдете, и зависит все, от того, что обо мне говорят. Хьюстон, все это у меня уже было. А сейчас вы скажете мне «да» или «нет» и не будете больше менять своих решений. Если вы сейчас скажете «да», а в день свадьбы — «нет», то клянусь, я протащу вас по церкви за волосы. Ну, что вы скажете?

— Да, — мягко сказала она и ощутила растущую радость.

— А если кто-нибудь скажет, что я ломаного гроша не стою? Или, что я убийца — спросил он с некоторой враждебностью.

— Все равно, я выйду за вас замуж. Он отвернулся.

— Вы так сильно боитесь? Я хочу сказать, что вы хотели выйти за Вестфилда, и я вел себя далеко не как джентльмен, ухаживая за вами, но вы выполнили свою часть сделки. На людях вы всегда ведете себя так, как будто не против выйти за меня.

Хьюстон почувствовала такое огромное облегчение оттого, что не отвергла его, что даже задрожала. Ее жизнь не будет посвящена вязанию крючком, она проведет ее рядом с человеком, не похожим ни на кого другого.

Она подошла и встала рядом с ним.

— В воскресенье после ужина многие молодые пары ходят в пар Фентонов погулять, поговорить, ну и чтобы просто провести время вместе. Возможно, вы захотите составить мне компанию.

— У меня... — начал он. — Ну если у вас не пропадет желание показываться со мной на людях после ужина в кругу вашей семьи, то я с удовольствием.

Она взяла его под руку.

— Просто наблюдайте, как я себя веду за столом, не разговаривайте с полным ртом, ни на кого не кричите и, конечно, не ругайтесь.

— А не многого ли вы требуете, а? — сказал он мрачно.

— Представьте себе, что от того, как пройдет этот ужин, зависит покупка дома мистера Вандербильта. Возможно, это поможет вам помнить об этикете.

Он изумленно посмотрел на нее.

— Вы мне напомнили. Мне надо... — он взглянул на нее сверху вниз. — Хотя знаете, наверное, я с большим удовольствием проведу вечер в парке. У меня сто лет не было выходных.

Кейну, судя по всему, очень понравился ужин. Опал не переставала любезничать с ним, а Дункан спрашивал его совета. Хьюстон наблюдала за ним?.. Они ожидали увидеть чудовище, а встретили приятного человека.

Блейр молчала на протяжении всего ужина, а Хьюстон была довольна, что сестра наконец познакомилась с Кейном и увидела, какой это благородный человек. Кейн даже предложил мистеру Гейтсу купить вместе с ним какую-то землю, как поняла Хьюстон, но по сниженной цене.

Когда они уходили, Кейн сказал:

— Ваша сестра совсем на вас не похожа.

Хьюстон спросила, что он имеет в виду, но тот не стал объяснять.

В парке она представила Кейна другим помолвленным парам. В первый раз Кейн так увлекся, что забыл об отложенной работе. Когда одна женщина вспомнила о той опрокинутой на приеме тарелке, он напрягся, но после того как та со вздохом отметила, насколько романтичен был его жест, когда он нес Хьюстон на руках, Кейн принялся нарочито отрицать необычность своего поступка.

Кафе-мороженое в парке в воскресенье открывалось на несколько часов, и Кейн угостил всех газированной водой и пивом.

На закате Хьюстон вернулась домой с поблескивающими от удовольствия глазами. Ей никогда не приходило в голову, что он может быть настолько очаровательным.

— У меня на такие вещи никогда не хватало времени. Я всегда считал, что это пустая трата времени, но на самом деле это очень приятно. Как вы считаете, я правильно вел себя с вашими друзьями? Я не был похож на конюха?

— Нисколько.

— Вы ездите верхом?

— Да, — ответила она с надеждой в голосе.

— Я заеду за вами завтра утром, и мы покатаемся верхом. Как вы на это смотрите?

— Замечательно.

Не говоря больше ни слова, Кейн засунул руки в карманы и, насвистывая, направился вниз по аллее от дома Чандлеров.

В понедельник Кейн появился в пять утра, когда все еще спали. Услышав шум внизу, Хьюстон сразу поняла, что это может быть только один-единственный человек. Она быстро натянула на себя костюм для верховой езды.

— Что-то вы долго, — сказал Кейн, подводя ее к двум нагруженным седельными вьюками лошадям. — Еда, — это было единственное, что сказал Кейн перед тем, как они начали подниматься в горы.

Пару часов спустя, взбираясь на гору вслед за Кейном, она подумала, как хорошо, что она действительно умеет ездить верхом.

Они повернули на запад, миновали имение Таггерта и направились к подножию Скалистых гор, тянущихся по одной из сторон Чандлера. Проехав по плоской местности, заросшей колючками, они оказались у поросших соснами холмов.

Кейн первым стал подниматься вверх и остановился только на том месте, где росли сосны. Он привязал свою лошадь к стволу дерева, перед тем как взглянуть вниз, где раскинулся Чандлер.

— Как вам здесь нравится? — прошептала она.

— Когда вы играете, катаетесь на велосипеде и распиваете чай с гостями, я поднимаюсь сюда, он кивнул в сторону поднимающегося над ними пика. — У меня там хижина, только подъем очень крутой, не для леди.

Он принялся выгружать продукты из седельных вьюков, а Хьюстон пришлось спешиться самой.

Расположившись прямо на земле, они приступили к еде. Хьюстон завела разговор.

— Как вы нажили свое состояние? — спросила она.

— Когда Фентон выкинул меня, я поехал в Калифорнию. Пам дала мне пятьсот долларов, и я купил на них использованный золотой прииск. Мне удалось выжать из него золота на пару тысяч долларов, и я купил на эти деньги землю в Сан-Франциско. Через два дня я продал эту землю в полтора раза дороже. Я купил еще землю, продал ее, купил завод по производству гвоздей, продал его, купил небольшую железнодорожную линию... Ну вот, теперь вы имеете какое-то представление.

— Вы слышали, что Памела Фентон овдовела? — спросила Хьюстон так, будто это ее вовсе не интересовало.

— Когда?

— Мне кажется, ее муж умер несколько месяцев назад.

Кейн смотрел на Хьюстон на протяжении нескольких минут, словно впервые ее видел.

— Забавно, как все складывается, а?

— Что вы имеете в виду?

— Если б я не пригласил вас тогда на ужин, ваша сестра не провела бы вечер с Лиандером, и вы бы сейчас вышли за него замуж.

Она затаила дыхание.

— А если бы вы знали, что Памела свободна, вы бы не пригласили меня на ужин. Мистер Таггерт, вы свободны и имеете право расторгнуть нашу помолвку в любой момент. Если вы предпочитаете...

— Не начинайте по новой, а? — сказал он, поднимаясь на ноги. — Почему бы вам не

говорить по-другому хотя бы иногда?

Испытав огромное облегчение, Хьюстон встала:

— Я просто подумала, что, возможно... Кейн повернулся к ней и сгрэб ее в объятия.

— Чертова женщина, заткнитесь, сделайте милость, — сказал он и поцеловал ее.

Хьюстон и не думала протестовать.

***

Во вторник рано утром Вилли сообщил Хьюстон, что мисс Лавиния Ларуа может встретиться с ней в девять часов утра рядом с зеленым театром в парке Фентонов.

Когда Хьюстон пришла на место встречи, ее уже ждала женщина в пестром платье, приземистая, темноволосая, с невероятных размеров грудью.

«Интересно, сколько подложено туда?» — подумала Хьюстон.

— Доброе утро, мисс Ларуа. Очень любезно с вашей стороны встретиться со мной так рано.

— Для меня это поздно. Я еще не ложилась. Так вы та самая, на которой женится Кейн. Я говорила, что если он захочет, сможет купить себе любую леди.

Хьюстон одарила ее ледяным взглядом.

— Ну ладно, — сказала Лавиния. — Вы же не ждали, что я брошусь к вам на шею, так ведь? Вы же отбираете у меня источник дохода.

— Мистер Таггерт для вас только источник доходов?

— Он хорош в постели, если вы это имеете в виду, но, честно говоря, я его побаиваюсь. Никогда не знаю, что он от меня хочет. Временами ведет себя так, будто не выносит меня, а потом ему все мало.

Хьюстон поняла, что чувствует то же самое, но вслух ничего не сказала.

— Зачем я вам понадобилась?

— Я подумала, что, возможно, вы сможете рассказать мне что-нибудь о нем. Я его действительно очень мало знаю.

— Вы хотите сказать, что ему нравится в постели?

— Нет! Конечно нет, — ей не хотелось думать о Кейне и другой женщине. — Какой он человек? Что вы можете сказать о нем, как о человеке?

Лавиния отступила назад и повернулась к Хьюстон спиной.

— Знаете, мне кое-что приходило в голову, но это все глупости.

— А что?

— Чаще всего он ведет себя так, как будто ему все равно, но однажды он увидел из окна своего друга, Эдена, прогуливающегося с женщиной, и Кейн спросил меня, нравится ли он мне. То есть, нравится ли мне он, Кейн. Он ушел, не дождавшись ответа, но я тогда подумала, что это человек, которого никто никогда не любил. Конечно, это ерунда, в него-то, с его деньгами, должно быть влюблено бешеное количество женщин.

— А вы его любите? Не его деньги, а его самого. Если бы у него не было денег.

— Если б у него не было денег, я бы близко к нему не подошла. Я ж говорю, что боюсь его. Хьюстон достала из бумажника чек.

— Президент банка выдаст вам на него наличные, только убедившись, что вы купили железнодорожный билет в другой штат.

Лавиния взяла чек.

— Я беру его только потому, что решила уехать из этого городишка. Но если б я не хотела уехать, никакие бы деньги меня не заставили.

— Конечно. Еще раз спасибо, мисс Ларуа. Во вторник днем, когда Хьюстон была вконец измотана подготовкой к свадьбе, а количество невыполненных планов только увеличивалось, у дома Чандлеров остановились Леора Ван и ее жених Джим Майкелсон проезжавшие мимо на велосипеде-тандеме. Они поинтересовались, сможет ли Хьюстон убедить Кейна взять напрокат двойной велосипед, чтобы они могли все вместе покататься в парке.

Хьюстон переделалась в одолженные у Блейр шаровары и села на раму велосипеда. Все вместе они поехали к дому Кейна.

— Чертов Гульд, — неслись из открытого окна крики Кейна.

— Я спрошу его, — сказала Хьюстон.

— Как ты думаешь, он не будет возражать, если мы подождем внутри, — спросила Леора, поедая глазами фасад дома.

— Думаю, он будет только рад.

Хьюстон никогда не знала, как Кейн встретит ее, но на этот раз, похоже, он был рад сделать передышку. Он немного сомневался по поводу велосипеда, потому что не умел на нем ездить, но сумел научиться буквально за несколько минут — и уже вызывал на соревнование других катающихся по парку мужчин.

К вечеру, когда они возвращали взятые напрокат велосипеды, Кейн уже намеревался купить велосипедный завод.

— Возможно, денег я на этом и не заработаю, — сказал он, — но иногда я люблю рисковать. Например, недавно я купил акции одной компании, которая производит напиток под названием «кока-кола». Может быть, я и проиграю, — он пожал плечами, — невозможно же все время выигрывать.

Вечером они пошли в гости к Саре Окли.

Кейн был самым старшим среди гостей, но все игры и развлечения были ему в новинку, и ему, казалось, было веселее всех. Судя по всему, он был немного удивлен тем, что эти молодые светские люди его приняли в свой круг.

А это было не так уж легко. Он был слишком прямым, нетерпимым к тем точкам зрения, с которыми не соглашался, и всегда агрессивным. Он обозвал Джима Майкелсона дураком за то, что тот довольствуется работой в отцовском магазине и заявил, что Джиму нужно расширяться и заключать какие-нибудь сделки в Денвере, если уж ему так не хочется уезжать из Чандлера. Он посоветовал Саре Окли попросить Хьюстон помочь ей в выборе платьев, потому что то, которое было на ней, особой красотой не отличалось. Он пролил шоколад на драпировку миссис Окли, а на следующий день прислал ей пятьдесят метров шелкового атласа из Денвера. Он согнул колесо взятого напрокат велосипеда, а потом двадцать минут кричал на владельца за то, что у того некачественный товар.

Он сказал Корделии Фаррелл, что та могла бы выбрать кого-нибудь лучше, чем Джон Сильверман, и что единственное, что нужно Джону, так это кто-нибудь, кто будет заботиться о его трех оставшихся без матери детях.

Хьюстон готова была сквозь землю провалиться, когда Кейн решил пригласить всех в

среду к себе на ужин.

— У меня внизу совсем нег мебели, — сказал он. — Поэтому мы устроим так, как однажды устроила для меня Хьюстон — ковер, подушки, чтоб на них лежать, свечи и все такое.

Когда три женщины захихикали, глядя на покрасневшую Хьюстон, с выражением боли и недоверия на лице, Кейн спросил:

— Я пропустил что-нибудь?

Вскоре Хьюстон поняла, что все, касающееся Кейна, вызывало споры. Он называл это «обсуждением», но, скорее, это было похоже на словесную битву. Во вторник вечером она попросила его поставить свою подпись рядом с ее подписью на нескольких пустых открытках, которые положат в коробочки с пирожными и будут раздавать на свадьбе.

— Черта с два, — заявил он. — Я никогда не расписываюсь на чистых листах. Кто-нибудь напишет наверху все, что придет ему в голову.

— Это традиция, — ответила Хьюстон. — Каждый кладет подписанную открытку в коробку с пирожным, которые гости уносят домой.

— Могут съесть пирожные и на свадьбе. Нечего их по коробкам распихивать. Да и вообще, они же растают.

— Это же для того, чтобы загадывать желания, чтобы...

— И вы хотите, чтобы я подписывал открытки ради такой идиотской традиции?

Этот раунд Хьюстон проиграла, но зато она выиграла другой, касающийся найма слуг, которые помогали бы дамам выходить из экипажей, и служанок, чтобы они превратили маленькую гостиную Кейна в гардеробную.

— А сколько вообще людей будет?

Она посмотрела в список.

— По последним подсчетам, пятьсот двадцать С Востока приезжают почти все родственники Лиандера. Вы кого-нибудь хотите еще пригласить, кроме ваших дядей и кузенов, Таггертов?

— Моих чего?

Они снова заспорили, и Хьюстон опять выиграла Кейн сказал, что никогда не видел своих родственников и не горит желанием с ними встречаться. Хьюстон, которая не могла признаться, что знакома с Джин, иначе он обязательно спросил бы откуда, ответила, что пригласит их независимо от того, знает он их или нет. Почему-то Кейн не хотел, чтобы они присутствовали на свадьбе, а после десятиминутного спора сказал, что они придут в рабочей одежде шахтеров.

Хьюстон назвала его снобом. Она решила, что скорее умрет, чем признается, что заказала для родственников по костюму — за его счет.

Не успел Кейн ответить, как в комнату вошла Опал, пожелала им доброго вечера и, сев в кресло, принялась за вышивание.

Кейн попросил ее рассудить их с Хьюстон спор, на что Опал ответила:

— Ну тогда придется вам заказать им новую одежду, как вы считаете?

К тому времени, когда Кейн уходил, Хьюстон чувствовала себя так, будто пережила бурю. Кейн же, между тем, казался абсолютно спокойным. Он поцеловал ее в коридоре и сказал, что зайдет завтра — Неужели эти споры будут продолжаться постоянно, — прошептала она, опускаясь в кресло рядом с матерью.

— Думаю, что будут, — ответила Опал веселым голосом. — Почему бы тебе не принять

горячую ванну?

— Я засяду в нее дня на три не меньше, проворчала Хьюстон, поднимаясь с места.

***

Кейн стоял у окна в кабинете.

— Ты собираешься работать или грезить наяву? — спросил Эден из-за спины. Кейн даже не обернулся.

— Они все дети, — сказал он.

— Кто?

— Хьюстон и ее друзья. Им и не надо взрослеть, беспокоиться о куске хлеба. Хьюстон думает, что еду приносят из кухни, одежду — от портнихи, а деньги — из банка.

— Не думаю, чтоб ты был прав. Хьюстон очень разумна, а эта история с Вестфилдом заставила ее повзрослеть. Такие вещи имеют огромное значение для женщин.

Кейн обернулся лицом к своему другу.

— Она прекрасно утешилась, — сказал он, жестом охватывая дом.

— Не уверен, что ее интересуют только твои деньги, — задумчиво сказал Эден. Кейн хмыкнул:

— Ну конечно, дело в моей изысканной манере держать столовый прибор. Я хочу, чтобы ты последил за ней.

— Ты хочешь сказать, чтобы я шпионил за ней?

— Она обручена с богатым мужчиной. Не хочу, чтобы ее похитили, а потом потребовали с меня выкуп.

Эден удивленно приподнял брови:

— Дело в этом, или ты боишься, что она снова встретится с Фентоном?

— Почти каждую среду она проводит в церкви, и я хочу знать, что она там делает.

— А, как бы беспокоишься по поводу красавца преподобного отца Томаса.

— Я, черт возьми, не беспокоюсь ни по чьему поводу! — закричал Кейн. — Сделай то, что я сказал, и проследи за ней.

С отвращением во взгляде Эден встал:

— Интересно, представляет ли Хьюстон, во что ввязывается?

Кейн снова отвернулся к окну — Женщина готова на многое, чтобы прикарманить миллионы. Не сказав ни слова в ответ, Эден вышел из комнаты.

***

Хьюстон, одетая в слишком теплый, подбитый ватой костюм Сэйди, легко управляла лошадьми, пробираясь к шахте «Маленькая Памела». Побеседовав с преподобным Томасом, она пришла к мысли, что стоит поговорить с Джин о предстоящей свадьбе. Хьюстон все еще

хотелось верить в то, что Джин находится в полной безопасности, так как не знает, кто такая Сэйди на самом деле, но преподобный Томас снова покровительственно объяснил ей, что тайна давно уже раскрыта.

Теперь, подъезжая к шахте, Хьюстон почувствовала, что ждет не дождется момента, когда сможет поговорить с Джин. Джин всегда казалась такой спокойной и разумной, и несмотря на то, что она не знала Кейна, она все-таки была ее о кузиной.

Охрана у ворот пропустила Хьюстон, даже не окликнув, и она поехала напрямик к дому Таггертов.

Джин уже ждала ее.

— Все нормально? — спросила она, но вдруг осеклась и взглянула в глаза Хьюстон. — Я рада, что ты наконец узнала, — мягко сказала она.

— Давай сначала развезем продукты, а потом сможем поговорить, — предложила Хьюстон.

Через несколько часов они вернулись обратно в домик Джин. Хьюстон достала из кармана пакет чая.

— Это тебе.

Пока Джин заваривала чай, они обе молчали. Джин заговорила, когда они сели.

— Итак, мы и теперь породнимся благодаря твоей свадьбе.

Держа в руках чашку с отбитым краем, Хьюстон проговорила:

— Через пять дней. Надеюсь ты придешь на свадьбу?

— Конечно. Я вытащу из чулана наряд Золушки и приеду в стеклянной карете.

— Тебе не стоит беспокоиться. Я все сделаю. Джекоб Фентон дал свое разрешение на то, чтобы любой из Таггертов, кто захочет прийти на свадьбу, был отпущен с работы. Портной мистер Бэгли и моя портниха помогут! вам — я уже дала им необходимые распоряжения. Все, что тебе остается, это привести своего отца, Рейфа и Яна.

— Это все? — спросила Джин, улыбаясь. — С отцом проблем не будет, но Рейф — совсем другое дело. К тому же, Ян — полная копия своего дяди.

Хьюстон со вздохом опустила глаза в чашку:

— Давай-ка я попробую угадать, в чем проблемы. Во-первых, ты не знаешь, как прореагирует Рейф на предложение пойти на свадьбу, потому что он абсолютно непредсказуем. Он может обрадоваться, а может раскричаться и отказаться идти.

На секунду Джин лишилась дара речи.

— Только не говори, что Кейн настоящий Таггерт. Хьюстон встала, подошла к окну и несколько минут смотрела на улицу невидящим взглядом, не произнося ни слова.

— Почему ты выходишь за него замуж? — спросила Джин.

— Не знаю. Действительно, не знаю, — ответила она и задумалась. — Мы с Лиандером были отличной парой, — тихо, как во сне, сказала она. — За все те годы, что мы были обручены, по сути говоря, с детства, мне кажется, мы ни разу не поссорились. У нас возникли некоторые... проблемы, когда мы стали старше, — она вспомнила, как Лиандер злился, когда она отказывалась заниматься с ним любовью. — Но в большинстве случаев у нас не возникало разногласий. Если я считала, что нужно купить зеленые шторы, Лиандер тоже считал, что нужно купить зеленые шторы. Почти всегда между нами царило полное согласие.

Она взглянула на Джин.

— А потом я встретила мистера Таггерта. Мне кажется, мы еще ни разу не были

согласны друг с другом. Я ловлю себя на том, что кричу на него, как какая-нибудь торговка. На следующий день после того, как я согласилась выйти за него замуж, я разбила ему об голову кувшин с водой. То он приводит меня в ярость, то мне хочется обнять его и защитить, а в следующую секунду я чувствую желание раствориться в его силе. Она села, закрыв лицо руками.

— Я ничего не понимаю. Я не могу разобраться в том, что происходит. Я так долго любила Лиандера, была уверена в своей любви к нему; но сейчас я не сомневаюсь в том, что, если бы мне предложили выбор, я бы выбрала Кейна.

Она подняла голову.

— Но почему? Почему я бы предпочла жить с человеком, который приводит меня в ярость, с которым я чувствую себя уличной девкой, который бегаёт за мной как сатир, потом отталкивает меня со словами «в другой раз продолжим» так, будто это я его провоцировала? То он не обращает на меня внимания, то сверлит похотливым взглядом. А иногда я бываю очарована им. Он не испытывает ко мне ни капли уважения; он обращается со мной как с умственно отсталым ребенком, а потом вдруг сует мне невероятные суммы денег и поручает выполнить работу, которая по плечу разве что дюжине людей.

Хьюстон быстро встала.

— Мне кажется, я сошла с ума. Ни одна здравомыслящая женщина не будет так выходить замуж. Я могу понять, когда женщина влюбляется так, что не видит недостатков своего избранника. Но я вижу Кейна Таггерта таким, какой он есть на самом деле: человек — одновременно и невероятно тщеславный, и совсем нетщеславный. Что бы о нем ни говорилось, всегда возникает противоречие.

Она снова тяжело опустилась на стул.

— Я точно сошла с ума. Это совершенно очевидно.

— Ты уверена? — тихо спросила Джин.

— Да, абсолютно уверена, — ответила Хьюстон. — Никакая другая женщина...

— Нет, я имею в виду, что, влюбившись, ты не в состоянии видеть недостатки. Я всегда думала, или надеялась, что если кто-то любит меня, то эти люди знают мои отрицательные стороны и, несмотря на это, все равно продолжают любить. Я бы не хотела, чтобы мужчина считал меня богиней потому, что я боюсь, как бы он ни разлюбил меня, обнаружив, что у меня ужасный характер.

Хьюстон озадаченно посмотрела на Джин:

— Но когда любишь.

— Да? Что — когда любишь? Хьюстон поднялась с места и рассеянно выглянула в окно.

— Хочешь быть вместе с этим человеком. Хочешь находиться с ним рядом и в болезни, и в здравии, хочешь иметь от него детей, любишь его даже тогда, когда он делает что-то такое, что тебе не нравится. Считаешь, что он самый лучший в мире, благородный принц, улыбаешься, когда он говорит что-нибудь обидное в пятый раз за час. Беспкоишься, нравится ли ему твоя одежда, гордился ли он тобой, чувствуешь, что таешь, когда он одобряет тебя.

Она замолчала на несколько минут.

— Когда я с ним, я живу, — прошептала она. — Мне кажется, я и не жила до того, как встретила Кейна. Я просто существовала, ела, подчинялась кому-то. Кейн же вселяет в меня силу, я чувствую, что для меня нет ничего невозможного. Кейн...

— Да? — тихо спросила Джин. — Что такое Кейн?

— Кейн Таггерт — мужчина, которого я люблю. Джин рассмеялась:

— Что, это действительно так ужасно — влюбиться в кого-нибудь из нас, Таггертов?

— Любить — легко, а вот жить вместе, возможно, сложнее.

— Ты и представить себе не можешь насколько, — сказала Джин, все еще смеясь. —

Еще чаю?

— А что, вся твоя семья — , такие же, как Кейн?

— Мой отец, слава богу, пошел в свою мать, а вот дядя Рейф и Ян — настоящие Таггерты. Я думала, что этот Кейн, имея такие деньги...

— Возможно, они его портят. А кто отец Яна? Я что-то не помню, чтоб я видела этого мальчика.

— Ты и не видела. Он уже давно работает на шахте, хотя ему всего шестнадцать лет. Внешне он такой же, как Рейф: крупный, красивый, сердитый. Его отцом был Лайл, брат Рейфа. Лайл погиб во время взрыва на шахте, когда ему было двадцать три года.

— А отец Кейна?..

— Фрэнк был старшим братом. Он погиб во время несчастного случая, задолго до того, как я родилась, и, думаю, даже до того, как родился Кейн.

— Извини, — сказала Хьюстон. — Тебе, наверное, тяжело заботиться о стольких мужчинах?

— Я принимаю помощь от щедрых молодых людей, — сказала она, поднимаясь. — Скоро стемнеет. Тебе пора ехать.

— Ты придешь ко мне на свадьбу? Я бы очень хотела тебя там видеть, а кроме того, я предстану перед гобой в более чистом виде.

Хьюстон широко улыбнулась, показав зачерненные зубы.

— По правде говоря, мне кажется, я буду лучше себя чувствовать в обществе Сэйди, чем рядом со светской дамой мисс Чандлер.

— Не говори так! — серьезно сказала Хьюстон. — Пожалуйста, не говори так.

— Хорошо. Я постараюсь сделать все, что в моих силах.

— И завтра пойдешь к моей портнихе? Ей нужно время, чтобы подготовить платье. Вот адрес. Джин взяла карточку.

— С удовольствием. И я постараюсь уговорить Рейфа. Но я ничего не обещаю.

— Я все понимаю, — Хьюстон в порыве обняла Джин. — Надеюсь скоро увидеться.

По дороге в город Хьюстон размышляла над их разговором с Джин. Все объяснялось тем, что она была влюблена в Кейна, и, осознав это, она рассмеялась. Все эти годы, проведенные с Лиандером, она на самом деле и не любила его. Теперь она понимала это.

Конечно, она никому не могла об этом сказать. Получится, что она слишком легко меняет свои привязанности. Но это было не так, она точно знала. Кейн Таггерт был тем мужчиной, которого она любила и всегда будет любить.

Она хлестнула лошадей. Ей еще нужно было умыться и переодеться. А потом заняться приготовлением к... На губах у нее появилась таинственная улыбка, как только она подумала о своих планах на пятницу. Она попросила Лиандера пригласить Кейна и Эдена в свой мужской клуб, а Кейна попросила предоставить ей дом для прощального девичника с подругами. Просто скромная вечеринка, что-то вроде того, что устроила Элли перед тем, как выйти замуж.

Если бы только ей удалось уговорить того силача с рекламного щита на Коул-авеню сделать то, что ей нужно...

Хьюстон была до того погружена в свои планы, что ослабила свою обычную бдительность. Позади нее, прячась за деревьями, ехал верхом на лошади какой-то человек. Следуя за ней в город, Эден хмурился.

Всего за несколько дней до свадьбы Хьюстон поняла, что ей не хватает времени. Ужин, устроенный Кейном в среду, имел огромный успех.

— Я сегодня расторгла помолвку с Джоном, мистер Таггерт, — смущенно сказала Корделия Фаррелл — Хорошие новости. — Кейн рассмеялся, сгреб ее за плечи и от всего сердца поцеловал в губы. Корделии было приятно, хотя она и была шокирована. — Вы достойны лучшего, чем этот старик, из которого песок сыплется.

— Спасибо, мистер Таггерт.

Кейн озадаченно поднял глаза:

— А чтой-то меня все мистером Таггертом зовут?

— Потому что, мистер Таггерт, — спокойно ответила Хьюстон. — Вы никогда не просили никого называть вас Кейном.

— Все вы можете называть меня Кейном, — тихо сказал он, не сводя с Хьюстон страстного взгляда. — Кроме тебя, Хьюстон. Ты только один раз называла меня Кейном, и мне понравилось, когда ты это сделала.

Хьюстон знала, что всем стал понятен смысл его слов, и у нее пересохло в горле от смущения.

Сара Окли взяла подушку и швырнула ее Кейну в голову.

Он поймал подушку, и все в ожидании затаили дыхание. Кто знал, как Кейн отреагирует?

— Иногда вы ведете себя далеко не как джентльмен... Кейн, — набравшись смелости, сказала Сара. Но Кейн широко улыбнулся ей:

— Как джентльмен или не как джентльмен, но я вижу, что вы последовали моему совету и купили себе новое платье. Ладно, Хьюстон, можешь звать меня Кейном.

— В данный момент я бы предпочла называть вас мистером Таггертом, — надменно сказала она, и все засмеялись.

Весь четверг был посвящен подготовке дома Кейна к свадьбе, которая была намечена на понедельник. Кейн с Эденом заперлись в кабинете, не обращая ни малейшего внимания на грузчиков, перетаскивающих мебель, доставляемые в дом покупки и огромное число приезжающих и уезжающих обратно торговцев.

Пятница и суббота прошли так же. Хьюстон в который уже раз объясняла всем, кто что должен делать на свадьбе. Она наняла слуг и служанок готовить еду и подавать на стол, мужчин, которые должны были соорудить стол в саду и установить огромные тенты, специально заказанные Хьюстон в Денвере. Вдобавок ко всему этому, в воскресенье по дому слонялись тридцать восемь человек, которые не делали ничего, кроме того, что расставляли букеты цветов.

Джин прислала записку, в которой говорилось, что Рейф собирается прийти на свадьбу, а вот молодой Ян отказывается. Еще она спрашивала, можно ли принести блюдо.

Хьюстон читала записку, стоя на кухне, перед ней лежали две говяжьи туши и сто пятьдесят килограммов картофеля, только что доставленные. Под тушами находились три огромные головки сыра и триста апельсинов — и она молила Бога, чтобы апельсины не оказались в самом низу.

Хьюстон была довольна, что во всей суматохе Кейн не попался ей под руку и не

мешал работать. Он жаловался, что так запустил свои дела из-за всех этих ухаживаний за ней, что вряд ли теперь нагонит.

Только один раз они чуть не разругались, и это случилось после того, как Лиандер пригласил их с Эденом провести вечер в своем мужском клубе.

— Нету у меня времени! — бушевал Кейн. — Эти мужчины, что, никогда не работают? После свадьбы времени мне вообще вряд ли будет хватать: женщина вечно будет мешаться под ногами... — начал он.

Хьюстон молча смотрела на него.

— Ну ладно, — в конце концов сказал он недовольным голосом. — Я только не понимаю, почему вы, женщины, не можете устроить свою вечеринку у вас в доме.

Он повернулся и пошел в кабинет.

— Черт бы побрал этих женщин, — пробормотал он.

— Какое ужасное наказание придумала для тебя Хьюстон на этот раз? — с едва заметной улыбкой спросил Эден.

— Мы должны провести вечер в клубе Вестфилда. Должны уехать до семи и не возвращаться до полуночи. Где те старые добрые времена, когда женщины уважали своих мужей и слушались их?

— Первая женщина отказывалась слушаться первого мужчину. Старые добрые времена — это миф. А что Хьюстон хочет делать сегодня вечером?

— Какая-то вечеринка с подругами. Я хочу, чтоб ты остался и смотрел за ней.

— Что?

— Не хочу, чтоб женщины были здесь одни. Хьюстон наняла слуг, но они будут здесь только после свадьбы, так что сегодня в доме эти беззащитные женщины будут одни. Она собирается устроить вечеринку в гостиной, а там есть дверь за занавеской, ну знаешь, такой с цветочками, и...

— Ты хочешь, чтобы я спрятался в чулане и шпионил за женской вечеринкой?

— Это ради их же блага, и я, черт возьми, плачу тебе достаточно, чтобы ты выполнил для меня эту ерундовую работу.

— Ерундовую работу, — прошипел Эден. Некоторое время спустя Хьюстон столкнулась с Эденом и заметил синяк на его правой щеке — Где это вы ушиблись? — спросила она.

— Налетел на каменную стену, — сухо сказал он и пошел прочь.

В шесть часов дом начал освобождаться от рабочих, а без пятнадцати семь стали съезжаться подруги Хьюстон, в руках у каждой был красиво завернутый подарок.

Кейн, все еще жалуясь на то, что его выгоняют из собственного дома, взобрался в коляску рядом с мрачным Эденом и отъехал.

В дом Таггерта съехались десять женщин плюс Блейр, их подарки красовались на столе восемнадцатого века в гостиной.

— Все уехали? — спросила Тайя.

— Да, наконец-то, — ответила Хьюстон, закрывая двойные двери. — Ну что, приступим?

Эден сидел в чулане на неудобном стуле с бутылкой виски в руках. «Черт бы побрал Кейна! — подумал он в который раз. — Убить его мало». Любой судья оправдает его, узнав, что он убил человека, принудившего его потратить целый вечер на то, чтобы следить за чаепитием женщин.

Он рассеянно пил виски и наблюдал за женщинами сквозь шелковую занавеску. Мисс

Эмили, красивая, хрупкая пожилая леди, постучала костяшками пальцев по столу.

— Третье ежегодное собрание «Союза Сестер» открыто.

Эден поднес бутылку к губам, но замер, не отпив из нее.

Мисс Эмили продолжала:

— В первую очередь мы послушаем отчет Хьюстон о шахтерском поселке.

Эден не шелохнулся, когда Хьюстон поднялась и дала подробный отчет обо всех несправедливостях на шахтах. Он следил за ней несколько дней назад и знал о ее невинных набегах на поселок с целью доставить свежие овощи, но сейчас Хьюстон говорила о забастовках и объединениях. Эден был свидетелем того, как убивали за меньшее, чем то, о чем она говорила.

Нина Вестфилд начала разговор об открытии журнала, который женщины передавали бы, тайно женам шахтеров. Эден поставил бутылку виски на пол и вытянулся вперед.

Был упомянут Джекоб Фентон — страх перед ним и тем, что он сделает, обнаружив, что женщины передают шахтерам информацию.

— Я могу поговорить с Джин Таггерт, — предложила Хьюстон, — Фентон, кажется, по какой-то причине боится всех Таггертов. Разрешил им всем прийти на свадьбу.

— И Джин заходит в магазины в Чандлере, — сказала мисс Эмили. — Я знаю, что твой Кейн, — повернулась она к Хьюстон, — раньше работал на Фентонов, но тут что-то другое. Я думала, возможно, ты знаешь?

— Нет, абсолютно ничего, — ответила Хьюстон. — Кейн взрывается при одном только упоминании имени Фентона, а Марк, судя по всему, совсем не в курсе.

— Да ему это и не интересно, — сказала Леора Ван. — Марк только проматывает деньги — его не интересуют их источник.

— Я поговорю с Джин, — повторила Хьюстон. — Кто-то создает большие неприятности. Я не хочу, чтоб кто-либо пострадал.

— Возможно, мне тоже удастся попасть в поселок шахтеров, — добавила Блейр. — Я выясню все, что смогу.

— Какие еще у нас вопросы? — спросила мисс Эмили.

Эден откинулся на спинку стула. «Союз Сестер». Эти женщины в кружевных платьях и с безупречными манерами говорили о борьбе.

Остаток вечера был посвящен всяким благотворительным делам, помощи сиротам и больным — тому, чем и следует заниматься леди.

Когда собрание было окончено, Эден взял с пола бутылку виски и почувствовал, что может наконец вздохнуть свободно.

— Освежимся? — со смехом спросила Мередит Лечнер, открывая большую бутылку самодельного вина. — Мама посылает это в память о своих девичниках. Отцу скажу, что наш винный погреб ограбили.

Эден считал, что его уже ничем не удивишь, но в изумлении открыл рот, увидев, как каждой женщине вручили по бутылке вина и высокому бокалу из буфета.

— За брачную ночь! — сказала мисс Эмили, поднимая бокал. — За все брачные ночи, вне зависимости от того, предшествуют они свадьбе или нет.

Все женщины, смеясь, осушили бокалы.

— Я первая, — сказала Нина Вестфилд. — Мы с мамой обошли весь Денвер в поисках вот этого. А сегодня днем Лиандер чуть не залез в коробку.

Хьюстон открыла голубую коробку и извлекла из нее черную прозрачную деталь

туалета, отделанную черным кружевом десятисантиметровой ширины.

Эден разглядел, что это женское белье, но совсем не такое, какое приличествует носить леди.

Не веря своим глазам, он смотрел, как женщины, смеясь и отпуская шумные комментарии, пили вино и открывали подарки. Там были две пары красных туфель на высоких каблуках, еще более прозрачное белье и какие-то картинки, которые женщины передавали друг другу, чуть не умирая со смеху. Женщины отодвинули стулья к стене и начали танцевать.

Мисс Эмили села за пианино, которое Эден раньше не заметил, и ударила по клавишам.

Челюсть Эдена окончательно отвисла, когда он увидела, как женщины танцуют, высоко поднимая юбки.

— Это канкан, — сказала Нина, тяжело дыша. — Мы с мамой улизнули от папы и Лиандера, когда были в Париже, и видели его.

— Может, попробуем, — предложила Хьюстон, и вскоре восемь женщин уже задирали юбки до головы в такт музыке мисс Эмили.

— Все, хватит. Отдыхаем, — крикнула Сара Окли. — Я принесла почитать стихи.

Когда Эден был маленьким, у них с друзьями была та книжка, которую сейчас читала благовоспитанная мисс Окли: «Холм Фанни».

Женщины хихикали и взрывались хохотом, постоянно хлопая Блейр и Хьюстон по спине.

Когда Сара закончила, Хьюстон поднялась с места:

— А теперь, мои милые, дорогие друзья, у меня есть, что показать вам наверху. Пошли?

Эден опомнился только через несколько минут. Вот тебе и девичник! Встряхнувшись, он расправил плечи. Что еще могло быть наверху? Может быть, похлеще того, что они здесь вытворяли? Он почувствовал, что умрет, если не узнает, что там происходит.

Он торопливо вышел из дома, обошел его кругом и увидел свет в северо-восточном углу гостиной. Он стал взбираться по фигурной решетке, увитой розами, не обращая внимания на шипы.

Все, что он успел увидеть внизу, было пустяками по сравнению с тем, что предстало перед ним теперь. В комнате было совсем темно, если не считать подсвечника с зажженными свечами, поставленного позади полупрозрачного шелкового экрана. А между светом и экраном стоял атлетического сложения мужчина, почти голый, принимающий различные позы, чтобы продемонстрировать свои мускулы.

— Эта штука мне надоела, — сказала мисс Эмили, и они вдвоем с Ниной убрали экран.

Силач, казалось, растерялся, но опьяневшие женщины захлопали в ладоши и ободряюще закричали, тогда он широко улыбнулся и стал позировать с еще большим энтузиазмом.

— Не сравнить с моим Кейном, мой Кейн гораздо больше, — закричала Хьюстон.

— Он не выстоит против меня, — закричал силач в ответ. — Я могу побороть кого угодно.

— Только не Кейна, — упрямо сказала Хьюстон, на что силач еще сильнее заработал мускулами.

Эден спустился по решетке вниз. Кейн хотел, чтобы Эден охранял этих леди. А кто, интересно, будет охранять от них мужчин?

В воскресенье утром Кейн уже в пятый раз за этот час выскакивал из кабинета.

— Хьюстон не могла найти более подходящего времени, чтоб заболеть, — проворчал он, опустившись в кресло. — Как ты думаешь, она ведь не боится завтрашней свадьбы? — спросил он Эдена.

— Скорее всего, она что-нибудь съела... или выпила, — ответил Эден. — Я слышал, что сегодня нездоровится еще несколькими молодым женщинам в городе.

Кейн, не отрываясь, изучал свои бумаги.

— Может, ей просто нужно отдохнуть.

— Ас тобой что? — спросил Эден. — Нервы?

— Ничего подобного. Подумаешь, событие! Эден наклонился к нему, взял документ, который тот держал в руках, и, перевернув его, вложил Кейну в руки другим краем. В ответ послышалось благодарное бормотание.

В день свадьбы стояла хорошая погода, будто ее специально приурочили к приближающемуся событию. Опал разбудила домочадцев в пять часов утра и начала аккуратно упаковывать два свадебных платья и две фаты.

Хьюстон слышала, как ее мать ходит вниз, но она подождала несколько минут, прежде чем смогла подняться с постели. Она почти не спала ночью, все время ворочалась с боку на бок и металась в постели. Она была слишком занята мыслями о, наступающем дне, чтобы спать. Она думала о Кейне и молила Бога, чтобы Кейн за предстоящие им годы научился любить ее.

Когда Опал пришла будить ее, Хьюстон уже не терпелось начать день.

К десяти часам все три женщины уже были готовы ехать в дом Таггерта. Они сели в экипаж Хьюстон, а за ними следом поехал Вилли на взятой напрокат коляске, в которой находилась кровать, накрытая муслином, и завернутые платья.

Рядом с домом их уже ждали двенадцать женщин, все члены «Союза Сестер».

— Столы готовы, — сказала Тайя.

— И тенты тоже, — добавила Сара.

— А миссис Мерчисон уже готовит с четырех часов, — вставила Энн Сибери, взявшись за один конец завернутого свадебного платья.

Мисс Эмили выступила вперед.

— Хьюстон, проверь лучше сама. Кто-нибудь посторожит, чтобы твой муж не выходил из кабинета, и ты сможешь пройти по дому.

— Муж, — пробормотала Хьюстон, когда Нина побежала задержать Кейна в кабинете.

Каждый делал все возможное, чтобы жених не увидел невесту до свадьбы.

Когда ее уверили в том, что все в порядке, Хьюстон оставила мать и Блейр в холле, а сама прошла по всем комнатам первого этажа и впервые увидела свои идеи по обустройству дома воплощенными в жизнь.

В малую гостиную были помещены три длинных стола, заставленные подарками обеим невестам со всех уголков Соединенных Штатов. Кейн, правда, сказал, что у него нет настоящих друзей в мире богатых людей, с которыми он вел дела в Нью-Йорке, но раз они прислали подарки, значит, они, очевидно, считают его одним из своих.

Вандербильты прислали маленький инкрустированный итальянский столик, Гульды — серебро, Рокфеллеры — золото. Когда подарки только начали приходить. Кейн сказал, что "еще бы им, черт возьми, не присылать подарков, когда «он посылал их к свадьбе каждого из их детей».

Остальные подарки пришли от родни Лиандера, а жители Чандлера постарались не отставать и преподносили оригинальные двойные подарки. Были двойные веники, двойные бочонки с кукурузными хлопьями, двойные книги и двойные рулоны ткани. Подарки были всевозможные — от двойных наборов булавок до одинаковых дубовых стульев от Мэйсонов.

Комната была украшена высокими декоративными пальмами, поставленными перед зеркалами, камин убрали красными розами и анютиными глазками.

Хьюстон прошла в большую гостиную. Предполагалось, что здесь будут находиться близкие друзья и родственники до и после церемонии.

Вдоль плинтусов, дверных проемов и потолка был пущен декоративный плющ. Каждый

метр был украшен плющом, обвивающимся вокруг камина и оконных рам.

Перед окнами стояли горшки с папоротником, отбрасывающим на пол тени, которые по форме напоминали кружево. Камин был украшен розовыми гвоздиками, и кое-где в плющ тоже были вплетены гвоздики.

Хьюстон как можно быстрее закончила осмотр оставшихся комнат на первом этаже и поспешила наверх, где ее уже ждали.

До церемонии оставалось пять часов, но Хьюстон понимала, что предстоит еще позаботиться о тысяче мелких деталей.

За последние несколько дней она провела много времени на первом этаже дома, тогда как второй этаж был ей еще незнаком. Восточная часть П-образного дома представляла собой помещение для гостей, и сегодня Блейр предстояло одеваться в одной из этих комнат. В центре, по одну сторону вольера для птиц, находилась спальня Эдена, а по другую — прихожая, ванная, детская и комната для сиделки.

За детской комнатой тянулось длинное крыло, принадлежащее Хьюстон и Кейну. В конце была спальня, небольшая, но зато окна выходили в сад. За ней, отделенная мраморной ванной комнатой, находилась комната Хьюстон, чуть ли не самая большая в доме, со стенами в пастельных тонах. Там, куда еще предстояло повесить картины, красовались гирлянды.

Дальше следовала большая ванная комната из розового и белого мрамора и гардеробная, выкрашенная в розовые тона, за ними находились гостиная и столовая на тот случай, если они с Кейном решат пообедать вдвоем.

— Никогда бы не смогла привыкнуть к этому дому, — сказала Тайя, вернувшись после осмотра комнат, находившихся над спальней. — А этот сад на крыше!

— Сад? — спросила Хьюстон, подходя к двойным дверям, где стояла Тайя.

Она открыла одну створку и шагнула в великолепный зимний сад. Среди деревьев и цветов прятались каменные скамейки.

— Смотри, — сказала Сара, показывая на большую белую карточку, прикрепленную к огромному фиговому дереву. Большинство растений были защищены от беспощадного колорадского солнца узорчатыми решетками, отбрасывающими небольшие тени.

Хьюстон взяла карточку.

"Надеюсь, что Вам это понравится.

Поздравляю со свадьбой и желаю всего самого наилучшего

Эден".

— Это подарок от Эдена, — сказала Хьюстон и почувствовала, что этот сад символизирует ее сегодняшнее счастье.

Прежде чем Хьюстон успела сказать еще что-нибудь, дверь распахнулась и в комнату вихрем ворвалась миссис Мерчисон.

— На кухне слишком много народу! — закричала она Хьюстон. — Как мне, интересно, готовить, когда они там толпятся. А у мистера Кейна и так много работы, особенно если учесть, что сегодняшний день пропадает.

— Пропадает... — ошеломленно повторила Мередит. — Вы что, думаете, что Хьюстон больше нечего...

Хьюстон прервала подругу. Миссис Мерчисон была в восторге от Кейна и, несомненно, была готова защищать его до последнего.

— Я спущусь к черному ходу, — сказала Хьюстон, не обращая внимания на то, что Сара уже распаковывала свадебное платье. Его еще нужно было гладить, и оставались последние штрихи.

Внизу творилось Бог знает что. Несколько раз она слышала крики в кабинете у Кейна, и кто-то втолкнул ее в буфетную, когда он стремительно пронесся мимо по пути в сад. Она позавидовала его свободе и в то же время почувствовала желание быть рядом. «Завтра», — подумала она. Завтра они смогут вместе погулять в саду.

До церемонии оставалось только два часа, когда ей наконец удалось вернуться наверх.

— Хьюстон, — сказала Опал. — По-моему, тебе пора одеваться.

Хьюстон медленно сняла платье, думая о том, как она будет раздеваться в следующий раз.

— Что это за женщина? — спросила Энн, когда Хьюстон надела атласную сорочку, ворот которой был украшен розовыми шелковыми завязками, продернутыми в крошечные петельки, а подол отделан ручной вышивкой, изображающей розовые бутоны.

— Понятия не имею, — сказала Тайя, присоединяясь к Энн, стоявшей у перил сада и вглядывающейся вниз. — Никогда не видела такой высокой женщины.

Сара начала зашнуровывать розовый атласный корсет Хьюстон.

— Думаю, я спущусь вниз и посмотрю, — сказала Сара. — Возможно, это какая-нибудь родственница Лиандера.

— Я ее где-то видела раньше, — заметила Энн. — Только не помню где. Как странно, что она пришла на свадьбу в черном.

— У нас много дел, — произнесла Опал таким голосом, что Хьюстон подняла голову. — Не стоит вдаваться в подробности личной жизни кого бы то ни было из гостей.

Хьюстон была уверена, что что-то случилось. Не обращая внимания на строгий взгляд матери, она пошла выяснить, кто была эта женщина. Даже сверху она выглядела высокой и элегантной.

— Это Памела Фентон, — прошептала Хьюстон и вернулась обратно в спальню. Некоторое время все молчали.

— Возможно, она носит траур, — предположила Сара, — из-за того, что потеряла Кейна. Хьюстон, какую из этих нижних юбок ты наденешь в первую очередь?

Хьюстон машинально продолжала одеваться, но все ее мысли были сосредоточены на том, что в саду стоял Кейн, а женщина, которую он когда-то любил, шла по направлению к нему.

В дверь постучали. Энн вышла из комнаты узнать, кто это.

— Это тот человек, который работает с Кейном, — сказала она Хьюстон. — Он хочет с тобой поговорить. Сказал, что это очень срочно и ему нужно поговорить с тобой немедленно.

— Она же не может выйти... — начала Опал, но ее дочь уже схватила пеньюар и, надевая его, направилась к двери.

В дальнем конце сада, стоя одной ногой на каменной скамейке, Кейн смотрел на город и курил сигару.

— Здравствуй, Кейн, — тихо сказала Памела. Кейн не сразу оглянулся на нее, а когда он все-таки посмотрел ей в глаза, взгляд его был спокойным, невозможно было догадаться, что он чувствует в этот момент.

— Ты почти не изменилась за эти годы.

— Только внешне, — она вздохнула. — У меня не слишком много времени, поэтому я сразу скажу то, зачем я пришла сюда. Я все еще люблю тебя; я никогда не переставала любить тебя. Если ты сейчас уйдешь со мной, я пойду за тобой хоть на край света.

Он торопливо шагнул к ней, но остановился и вернулся обратно.

— Нет, я не могу этого сделать, — тихо сказал он.

— Можешь! Ты сам знаешь, что можешь. Какое тебе дело до всех этих людей в Чандлере? Какое тебе дело до любого из них? Какое тебе дело до... нее?

— Нет, — повторил он.

Она подошла ближе, и теперь они стояли почти вплотную друг к другу. Он был на несколько сантиметров выше ее, но, из-за того, что она была на каблуках, они казались одного роста.

— Кейн, пожалуйста, не совершай этой ошибки. Не женись на ком-нибудь другом. Ты сам знаешь, что любишь меня. Ты знаешь, что я...

— Ты так любишь меня, что бросила когда-то, — со злостью ответил он. — Ты вышла замуж за своего богатого любовника и... — он замолчал и отвернулся. — Я никуда с тобой не уеду. Я никогда не смогу ее так обидеть. Она не заслуживает этого.

Памела опустила на скамейку:

— Ты собираешься отвернуться от меня просто потому, что не хочешь обидеть Хьюстон Чандлер? Она молода. Она найдет себе другого. Или она влюблена в тебя?

— Уверен, что ты в курсе городских сплетен. Она все еще любит Вестфилда, но она согласилась утешиться моими деньгами. К сожалению, я неотделим от своих денег.

— Тогда почему? Почему ты чувствуешь себя обязанным?

Он поднял на нее горящие глаза:

— Ты что, совсем забыла, какой я? Я держу свои обещания.

Смысл его слов был яснее ясного.

— Я думала, за это время ты все понял, — тихо сказала она.

— Ты хочешь сказать, понял, почему ты бросила меня с пятьюстами долларов в кармане, чтобы заплатить за гостиницу? Я сделал все возможное, чтобы не понять этого.

— Когда я сказала отцу, что ему придется разрешить нам пожениться, потому что я жду ребенка, он насильно отправил меня в Огайо. Нельсон Янгер задолжал отцу большую сумму денег и уплатил долг тем, что женился на мне.

— Мне говорили... — начал Кейн.

— Я уверена, что тебе говорили, что я убежала, лишь бы не выходить за тебя замуж. Не сомневаюсь, что отец сказал, что его дочь просто играла с конюхом, но никогда бы не вышла за него. Тебя всегда было легко обмануть. Твое самолюбие легко можно было задеть.

Кейн немного помолчал.

— А ребенок?

— Закари сейчас тринадцать, замечательный мальчик, красивый, сильный и такой же

гордый, как его отец.

Кейн спокойно стоял, глядя в глубину сада.

— Уедем вместе, Кейн, — прошептала Памела. — Если не ради меня, то ради своего сына.

— Сына, — повторил Кейн, тяжело дыша. — Скажи, тот человек, за которого ты вышла, хорошо он с ним обращался?

— Нельсон был намного старше меня, он очень хотел ребенка — независимо от того, был Зак его ребенком или нет. Он любил Зака, — она улыбнулась, — и каждую субботу они вместе играли в бейсбол.

Кейн снова оглянулся на нее:

— И Закари считает этого человека своим отцом? Памела встала.

— Зак научится любить тебя так же, как люблю тебя я. Если мы расскажем ему правду.

— Правда в том, что Нельсон Янгер был отцом Закари. Я же только зачал его.

— Ты отказываешься от собственного сына? — зло спросила Памела.

— Нет. Ты пришьешь мне мальчику, и я приму его. Я отказываюсь от тебя, Пам.

— Кейн, я не хочу умолять тебя. Если ты не любишь меня теперь, ты можешь научиться снова любить меня.

Он взял обе ее ладони в свои руки.

— Послушай меня. То, что с нами случилось, было очень давно. Мне кажется, до этого момента я даже не осознавал, насколько я изменился. Если бы ты пришла еще пару месяцев назад, я бы повел тебя к алтарю, но теперь все изменилось. Хьюстон... Она отстранилась от него:

— Ты говоришь, что она не любит тебя. Может быть, ты ее любишь?

— Я практически ее не знаю.

— Тогда в чем причина? Почему ты отвергаешь женщину, которая любит тебя? Почему ты отворачиваешься от собственного сына?

— Не знаю, черт тебя подери! Зачем тебе нужно было появиться именно в день моей свадьбы и причинять мне боль? Как ты можешь просить меня унижить женщину, которая так... добра ко мне? Я не могу сбежать, бросив ее у алтаря.

Пам заплакала и снова опустилась на скамейку.

— Нельсон тоже был добр ко мне и очень любил Закари. Я пыталась найти тебя, чтобы все объяснить, но ты как будто исчез с лица земли. А через несколько лет, когда твое имя стало появляться в газетах, я никак не могла обидеть Нельсона. Когда он умер, я хотела найти тебя. Я чувствовала себя виноватой, как будто я убегаю от смертного ложа Нельсона в объятия любовника, но я слишком долго ждала. Потом Закари заболел, а к тому времени, как он мог ехать в Чандлер, ты уже был обручен. Я сказала себе, что между нами все кончено, но в последнюю минуту я решила, что должна увидеть тебя, сказать тебе все.

Он сел рядом с ней, обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Послушай, милая, ты всегда была сентиментальной. Может быть, ты не помнишь наших ссор, зато я помню. Единственное место, где нам было хорошо вместе, это стог сена. Две трети того времени, что мы находились вместе, мы не могли выносить друг друга. За эти годы ты забыла все плохое.

Пам высморкалась в кружевной носовой платок.

— А что, мисс Чандлер лучше?

— Когда я делаю что-нибудь, что ей не нравится, она бьет меня по голове тем, что

подвернется под руку. Ты всегда убегала, пряталась и гадала, не разлюбил ли я тебя.

— Я стала старше.

— Ну и что? Ты жила со стариком, который портил тебя так же, как твой отец. Хьюстон никто никогда не портил.

Пам отстранилась от него.

— А как она в постели? Тоже лучше, чем я?

— Понятия не имею. Она не лишена огня, но она себя неловко чувствует. Я женюсь на ней не из-за секса. В конце концов недостатка этого я никогда не ощущал.

Пам обняла его за шею.

— А если я буду умолять тебя... — начала она.

— Это ни к чему. Я женюсь на Хьюстон.

— Поцелуй меня, — прошептала она. — Я хочу вспомнить. Позволь мне вспомнить.

Кейн задумчиво посмотрел на нее. Возможно, ему тоже хотелось убедиться. Он взял своей огромной ладонью ее голову и поцеловал. Поцелуй длился очень долго, он вложил в него все, что мог.

Когда он отодвинулся, они улыбались, глядя друг на друга.

— Все кончено, не так ли? — прошептала Пам.

— Да.

Она продолжала сидеть, прижавшись к нему.

— Все эти годы, проведенные с Нельсоном, я думала, что люблю тебя, но, оказывается, я любила свою мечту. Возможно, отец был прав.

Он снял ее руки со своей шеи.

— Еще одно слово о твоём отце, и мы поссоримся.

— Разве ты все еще сердишься на него?

— Сегодня моя свадьба, я хочу быть счастливым, поэтому не будем говорить о Фентоне. Расскажи мне лучше о моем сыне.

— С радостью, — ответила Пам и начала рассказывать.

***

Через час Пам ушла, оставив Кейна в саду курить сигару. Докурив, он бросил окурочек на землю и, взглянув на часы, понял, что пора одеваться к свадьбе.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как столкнулся с человеком, который оказался почти точной его копией, только на десять лет старше.

Кейн и Рейф Таггерт выжидательно смотрели друг на Друга, не говоря ни слова. Каждый из них сразу же понял, кто перед ним.

— Ты не слишком-то похож на своего отца, — сказал Рейф, в его голосе звучали обвиняющие нотки.

— Не знаю. Никогда его не видел... И никого из его родни тоже, — ответил Кейн, подчеркивая тот факт, что за все те годы, когда "н воспитывался на конюшне у Фентона, ни один из Таггертов ни разу его не навестил.

Рейф напрягся.

— Я слышал, что твои деньги испачканы в крови.

— А я слышал, что у тебя вообще нет денег — ни испачканных в крови, ни чистых.

Они смотрели друг другу в глаза через те несколько шагов, которые разделяли их.

— Ты совершенно не похож на Фрэнка. Я ухожу, — Рейф повернулся.

— Ты можешь оскорблять меня, но не леди, на которой я женюсь. Ты останешься на церемонию.

Рейф не оглянулся на Кейна, но прежде, чем уйти, коротко кивнул.

***

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Эден с порога, мрачно глядя на Хьюстон.

Окружающие Хьюстон женщины шумно запротестовали, но она подняла руку и молча вышла из комнаты вслед за Эденом. Они прошли в его спальню.

— Понимаю, что так не полагается, но это единственное место в доме, где не толпится народ.

Хьюстон старалась не показывать свои чувства, потому что у нее возникло впечатление, что Эден рассержен на нее.

— Я понимаю, что сегодня ваша свадьба, но я все же хочу кое-что сказать. Кейн очень хорошо знает, что безопасность людей, связанных с таким богатым человеком, как он, часто подвергается риску, — он взглянул на нее. — Я все это говорю к тому, что Кейн поручал мне пару раз на прошлой неделе следить за вами.

Хьюстон почувствовала, как кровь отхлынула у нее от лица.

— И я не в восторге от того, что видел, — продолжал он. — Мне не нравится, что незащищенная молодая женщина едет на шахты, а уж этот ваш «Союз Сестер»...

— «Союз Сестер»! — ошеломленно повторила Хьюстон. — Как?..

Эден схватил стул и поставил его рядом с ней. Хьюстон без сил опустилась на стул.

— Я был против, но Кейн настаивал на том, чтобы я, о Господи, спрятался в чулане и сидел там во время вашего девичника на тот случай, если что-нибудь случится.

Хьюстон не поднимала глаз от своих ладоней, поэтому не видела, как Эден едва заметно улыбнулся на слове «девичник».

— Что он конкретно знает? — прошептала она. Эден сел напротив нее.

— Этого-то я и боялся, — неохотно сказал он. — Как я мог рассказать ему, что вы выходите за него замуж из-за того, что он связан с Фентоном? Вы используете его самого и его деньги для того, чтобы продолжать и дальше свою борьбу со злом на шахтах. Черт возьми! Но мне следовало раньше догадаться. С такой сестрой, как у вас, которая у собственной же сестры крадет...

Хьюстон поднялась с места.

— Мистер Найланд, — проговорила она, стиснув зубы. — Я не собираюсь слушать, как вы ставите под сомнение нравственность моей сестры, и я не понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что Кейн связан с Фентонами. Если вы считаете, что я преследую какие-то недостойные цели, мы сейчас же пойдем к Кейну и все ему расскажем.

— Подождите, — сказал он, поднимаясь и беря ее за руку. — Почему вы не объясните?..

— Я надеюсь, вы не хотите сказать, что я должна убеждать вас в том, что я ни в чем не виновата, что я веду Кейна Таггерта к алтарю совсем не на убой. Нет, сэр, я не собираюсь отвечать на такие обвинения. Или, может быть, вы хотели использовать свою информацию, чтобы шантажировать меня?

— Ну-ну, полегче, — ответил он с заметным облегчением. — Теперь, после, того, как мы оба выпустили пар, может быть, поговорим? Согласитесь, что ваши действия не могут не вызывать подозрений.

Хьюстон тоже постаралась успокоиться, но это оказалось не так-то легко. Она гнала от себя мысль о том, как ему удалось узнать о «Союзе Сестер».

— Как давно вы занимаетесь этим маскарадом по средам? — спросил Эден.

Хьюстон подошла к окну. На лужайке под окном сновали рабочие. Создавалось такое впечатление, что они готовились отражать осаду вражеской армии. Она оглянулась на Эдена.

— Мы продолжаем то, что делали до нас женщины предыдущих поколений. «Союз Сестер» был основан матерью моего отца еще тогда, когда не было самого Чандлера. Мы просто-напросто друзья и стараемся помогать как друг другу, так и остальным, когда это в наших силах. На данный момент нас больше всего волнует, как обращаются с людьми на шахтах. Мы не делаем ничего противозаконного, — она взглянула ему прямо в глаза. — И мы никого не используем.

— А почему тогда все хранится в таком секрете? Она недоверчиво посмотрела на него.

— Посмотрите на свою собственную реакцию на то, что вы узнали, а ведь вы никому из нас даже не родственник. Можете представить себе, как стали бы реагировать мужа и отцы на то, что их хрупкие женщины в свободные вечера учатся управлять четверкой лошадей? А некоторые из нас... — она осеклась.

— Я понимаю вас. Но я могу понять и их. То, что вы делаете, очень опасно. Вас могут... — он замолчал. — Вы говорите, что это продолжается на протяжении трех поколений?

— В зависимости от времени мы ставим перед собой разные цели.

— А... девичники?

Хьюстон покраснела.

— Это была идея моей бабушки. Она говорила, что была совершенно не подготовлена к своей первой брачной ночи и невероятно перепугалась. Она не хотела, чтобы с ее подругами или дочерьми случилось то же самое. Наверное, наше предсвадебное торжество постепенно переросло в то, что вы... — она запнулась, — видели.

— Сколько женщин в Чандлере принадлежит к «Союзу Сестер»?

— У нас только около дюжины активных членов. Некоторые отходят от дел после замужества, как моя мама, например.

— А вы не собираетесь этого делать?

— Нет, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Хотя это, конечно, будет зависеть и от Кейна. Он отвернулся:

— Кейну не понравится, что вы ездите на шахты. Ему не понравится, что вы подвергаете себя опасности. Хьюстон подошла к нему и заглянула в глаза.

— Я знаю, что ему не понравится, и это единственная причина, по которой я ничего ему не рассказываю. Эден, — она положила руку ему на плечо, — это очень важно для многих людей. Я месяцами училась быть похожей на старуху, чтобы по-настоящему

перевоплотиться в Сэйди. Если я сейчас все брошу, то потребуется еще несколько месяцев, чтобы научить этому кого-то другого. А тем временем многим семьям шахтеров придется обходиться без того, что я им привожу.

Он взял ее руку в свою.

— Ладно, можете не продолжать свою проповедь. Думаю, это не слишком опасно, хотя это и идет вразрез с моими представлениями.

— Вы не расскажете Кейну? Я уверена, он никогда не сможет понять.

— Не преувеличивайте. Нет, я ничего ему не скажу, если вы обещаете только возить им картошку и не связываться с какими бы то ни было объединениями. А что касается этого революционного журнала, который вы собираетесь выпускать...

Она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку, прерывая этим самым его речь.

— Я очень вам благодарна, Эден. Вы настоящий друг. А теперь мне пора одеваться к свадьбе.

Не успел он и слова вымолвить, как она уже была у дверей, но помедлила, прежде чем выйти.

— Что вы имели в виду, когда говорили, что Кейн связан с Фентонами?

— Я думал, вы знаете. Младшая сестра Джекоба Фентона, Чарити, была матерью Кейна.

— Нет, — тихо ответила она. — Я не знала. Она вышла из комнаты.

Через несколько минут после того, как Хьюстон вернулась в свою спальню, Сара Окли, расправляя свадебное платье Хьюстон, сказала:

— Никогда не видела ничего более странного.

— Что такое?

— Мне показалось, я увидела в саду Кейна в его старой одежде, но на самом деле это был мальчик, очень похожий на него.

— Ян, — сказала Хьюстон улыбаясь. — Он все-таки пришел.

— Если от него что-нибудь останется, — проговорила Нина, перегнувшись через перила. — Двое Рэндольфов и два брата Мередит раздражили его, и твой Ян бросился на них с кулаками.

Хьюстон подняла голову:

— Четверо против одного?

— Если не больше. Они сдвинулись за дерево, и теперь их не видно.

Хьюстон отстранила Сару, которая протягивала ей свадебное платье, и подошла к окну.

— Где они?

— Вон там, — показала Нина. — Видишь, кусты шевелятся? Драка в самом разгаре.

Высунувшись как можно дальше из окна, Хьюстон оглядела сад. Почти ничего нельзя было увидеть из-за деревьев.

— Я пошлю кого-нибудь, чтобы остановили драку, — предложила Сара.

— И унизили Таггерта? — ответила Хьюстон, направляясь в чулан. — Ни в коем случае.

Она снова накинула свой темно-синий атласный пеньюар.

— Что это ты надумала, Хьюстон? — удивленно спросила Сара.

— Я собираюсь остановить драку и при этом спасти Таггерта от того, что для него страшнее смерти: от унижения. На заднем дворе никого нет.

— Если не считать нескольких десятков официантов, гостей и... — заметила Нина.

— Хьюстон, дорогая, если я не ошибаюсь, внизу сложены фейерверки. Если бы кто-нибудь их зажег, это отвлекло бы внимание, — вкрадчиво сказала Опал. По собственному

опыту она знала, что спорить с дочерью бесполезно. Особенно когда у одной из ее девочек такое выражение лица.

— Я уже бегу, — крикнула Нина, вылетев из комнаты в тот момент, когда Хьюстон одной ногой уже стояла на фигурной решетке, увитой розами.

На западной лужайке с шумом разрывались фейерверки, туда были устремлены взгляды уже приехавших гостей Хьюстон между тем пересекла по диагонали западную лужайку и продралась сквозь кусты.

В зарослях орешника Ян Таггерт безуспешно пытался сбросить четырех навалившихся на него крепких парней.

— Прекратите! — приказала она своим железным голосом.

Никто из мальчишек не обратил на нее ни малейшего внимания.

Она вклинилась в клубок молотящих рук и ног, схватила кого-то за ухо и рванула. Джефф Рэндольф начал было выкручиваться, но замер, увидев перед собой Хьюстон. Она отвела его чуть поодаль и принялась за Джорджа и Алекса Лечнеров, вытягивая обоих мальчиков за уши.

Яна теперь продолжал атаковать только Стив Рэндольф, и, когда Хьюстон схватила его за ухо, он в бешенстве подпрыгнул. Трое стоявших в стороне мальчишек разинули рты от изумления, когда Стив послал удар кулаком в нижнюю челюсть Хьюстон. Она увернулась и, не видя другого выхода, ударила юного Стивена правой рукой. За те несколько месяцев, что она управляла четверкой лошадей, ее руки приобрели достаточную силу.

Все остолбенели, а Стив медленно растянулся у ног Яны.

Хьюстон пришла в себя первой.

— Стив! — воскликнула она, опускаясь на колени и слегка похлопывая мальчишку по щекам. — С тобой все в порядке?

— Черт возьми! — выдохнул Ян. — Ни разу не видел, чтоб у леди был такой удар кулаком.

Стив со стоном сел, потер челюсть и ошеломленно посмотрел на Хьюстон. Впрочем, все пятеро смотрели на нее, раскрыв рты.

Она поднялась.

— Мне не нравится, как вы ведете себя в день моей свадьбы, — царственным тоном проговорила она.

— Да, конечно, — пробормотали четверо мальчишек.

— Мы не хотели, мисс Блейр-Хьюстон. Он...

— Не оправдывайтесь. Сейчас вы четверо отправляйтесь к родителям, и ты, Стивен, приложи лед к больному месту.

— Да, конечно, — бросил он через плечо в то время, как они все улепетывали со всех ног.

Она протянула Яну руку, чтобы помочь ему подняться.

— Ты можешь пойти со мной.

Он не обратил никакого внимания на ее руку.

— Я не собираюсь заходить к нему в дом, если вы это хотите сказать, — со злостью ответил он.

— Возможно, ты и прав. Чтобы прекратить это безобразие, мне пришлось использовать фигурную решетку вместо лестницы. Думаю, никакой мальчишка, проигравший в драке, не смог бы взобраться наверх по решетке.

— Проиграл! — в шестнадцать лет он уже был ростом с Хьюстон и, судя по всему должен был в будущем сравняться с Кейном. Он придвинулся вплотную к Хьюстон. — Если вы умеете считать, на меня навалилось четверо, и, если б вы не влезли, я бы выиграл.

— А к собственному двоюродному брату боишься зайти, — сказала она, как бы мимоходом. — Странно. До свидания.

Хьюстон направилась к дому.

Ян пошел за ней.

— Ничего я не боюсь. Просто не хочу, и все.

— Ну да, конечно.

— Что это вы хотите сказать? Она остановилась.

— Я понимаю. Ты не боишься своего двоюродного брата, просто не хочешь его видеть и не хочешь есть его хлеб. Я все прекрасно понимаю.

Она наблюдала, как меняется выражение его лица.

— Где эта ваша чертова решетка? Она стояла на месте как прикованная, и не сводила с него глаз.

Он опустил голову.

— Ну ладно, где эта решетка, которую вы используете вместо лестницы?

— Пошли.

Что касается Кейна, то он как раз возвращался в дом, когда вдруг перед его глазами предстало невероятное зрелище: его будущая жена спускалась по фигурной решетке в таком виде, в каком, как он думал, ни одна леди не позволит себе выйти из дома.

Движимый любопытством, он отступил за дерево, наблюдая, как она вклинилась в группу дерущихся мальчишек, каждый из которых был почти что с нее ростом. Он чуть было не бросился ей на помощь, как вдруг увидел, как она мастерским ударом правой сразила одного из них.

В следующую секунду она уже в своей хладнокровной манере спорила с каким-то крупным угрюмым парнем.

— Придется ему сдать, — со смехом сказал Кейн.

За последнее время он сумел понять, что, когда у Хьюстон такое выражение лица, мужчине лучше сдаваться сразу, потому что эта изящная хрупкая леди все равно добьется своего.

Он снова засмеялся, увидев, как мальчишка стал первым взбираться по решетке. Но вдруг пеньюар Хьюстон зацепился за решетку, и ей никак не удавалось его высвободить. Из-за угла вышли трое мужчин и женщина и тут же увидели ее.

Он торопливо пересек лужайку и поддержал Хьюстон за лодыжку.

Когда она взглянула вниз и увидела Кейна, то чуть не потеряла сознания. Что он подумает о женщине, на которой женится? Она прекрасно представляла себе, что бы сказал Лиандер или мистер Гейтс, увидев ее на людях в нижнем белье, карабкающейся по решетке с розами.

Взглянув вниз на Кейна, она сказала первое, что ей пришло в голову:

— Я не слишком прилично выгляжу. Он ответил сдавленным смешком:

— Дорогая, даже я знаю, что трудно выглядеть прилично в нижнем белье.

Хьюстон застыла в изумлении. Он не был ни капельки рассержен!

— Если ты не хочешь, чтобы все увидели тебя вот в таком виде, лучше лезь в дом.

— Да, конечно, — сказала она, приходя в себя, и полезла наверх, пока он стоял внизу,

страхуя ее. Взобравшись на балкон, она перегнулась через перила.

— Кейн, — позвала она его, — твой свадебный подарок — в кабинете.

Он широко улыбнулся:

— Скоро увидимся, крошка.

С этими словами он засунул руки в карманы и пошел, насвистывая, кивая встречающимся по пути людям.

— Хьюстон, — сказала Опал у нее за спиной. — Если ты сейчас же не оденешься, ты пропустишь собственную свадьбу.

— Я скорее умру, — воскликнула она и вернулась в спальню.

Десятью минутами позже Кейн разворачивал пакет, который Хьюстон положила ему на письменный стол. Внутри он нашел две пачки сигар и записку.

«Самые лучшие кубинские сигары. Каждый месяц мистеру Кейну Таггерту будут доставлять по две пачки лучших сигар в мире».

В качестве подписи стояло название табачной лавки в Ки Весте, штат Флорида.

Кейн как раз зажигал одну из сигар, когда вошел Эден. Кейн протянул ему пачку.

— От Хьюстон. Как ей, интересно, удалось заполучить их как раз вовремя?

Эден сделал затяжку и помолчал, наслаждаясь вкусом табака.

— Если я чему-то и успел научиться, так это тому, что не стоит недооценивать эту леди.

— Да, женщина, которая заказывает такие сигары, — действительно настоящая леди. Ну ладно, — мрачно добавил Кейн, — думаю, мне пора одеваться. Ты не хочешь мне помочь завязать всякие эти штуки?

Свадебное платье было сшито по эскизу самой Хьюстон, простому, но изысканному по своей простоте. Скроенное из шелкового атласа цвета слоновой кости в благородном стиле «принцесс», оно не содержало ни одного горизонтального шва, начиная от закрытого высокого ворота и заканчивая четырехметровым шлейфом. По талии, на груди и по бедрам была пущена ручная вышивка из тысячи жемчужин, изображающая причудливый персидский орнамент. Рукава, невероятно широкие от плеча до локтя, подчеркивали тонкую талию. Узкие манжеты от локтя до запястья также были вышиты жемчугом.

Хьюстон стояла не дыша, пока ее подруги надевали ей фату. Фата была сделана из пятиметрового ирландского ручного кружева под названием «иогал», венки из полевых цветов прикреплялся с помощью шипов на листьях. Сложный рисунок кружева подчеркивал гладкую поверхность атласа, из которого было сшито платье.

Тайя держала на вытянутых руках букет Хьюстон, в форме слезы, состоящей из цветов апельсинового дерева и белых бутонов роз, такой огромный, что, когда Хьюстон взяла букет в руки, его конец коснулся пола.

Опал взглянула на дочь, и по щекам ее потекли слезы.

— Хьюстон, — начала она, но не смогла больше вымолвить ни слова.

Хьюстон поцеловала мать в щеку.

— Я выхожу замуж за самого лучшего мужчину.

— Да, я знаю, — она протянула Хьюстон маленький букетик из бутонов светло-лиловых роз, прикалывающийся к корсажу. — Это тебе от сестры. Она подумала, что на ней будут красные розы, а ты можешь прикрепить лиловые. Думаю, она права, что вам не нужно выглядеть совсем одинаково.

— У меня фата не такая, как у нее, — сказала Хьюстон, когда Тайя пришила цветы к фате, как раз над левым ухом Хьюстон.

— Ну что, все готово? — спросила Тайя. — Пора. Блейр стояла в конце двойной лестницы в ожидании сестры. Они молча обнялись.

— Я люблю тебя больше, чем ты думаешь, — прошептала Блейр. Когда они выпрямились, в глазах у нее стояли слезы. — Поскорей бы закончить этот спектакль.

Полированные медные перила лестницы были обернуты листьями папоротника, а через равные промежутки к ним были прикреплены букеты из трех лилий. Под изгибом лестницы оркестр из двенадцати струнных инструментов играл свадебный марш.

С высоко поднятыми головами, обе сестры медленно спустились по лестнице, одна завернула налево, другая — направо. Внизу гости в молчании смотрели на этих красивых женщин. Их обтягивающие платья были абсолютно одинаковыми, различались только рисунок и тип кружева на фате. Букетики из розовых бутонов разного цвета, украшавшие их прически, тоже отличали одну сестру от другой.

Когда они оказались в начале широкого холла, толпа расступилась, и сестры прошли по небольшому коридорчику и вышли через дверь библиотеки.

Пройдя в дверь, они остановились в ожидании того, когда четыре органа, расположенные по стенам огромной комнаты, заиграют. В комнате находились близкие друзья и родственники, которые поднялись при виде невест.

Хьюстон взглянула на проход, по которому им предстояло пройти, и увидела Джин

Таггерт между своими дядей и отцом. А впереди гостей на возвышении, покрытом цветами, стояли женихи — только на несоответствующих местах.

Хьюстон следовало бы догадаться с самого начала, что все было слишком хорошо, чтобы быть правдой, глупо было полагать, что все пройдет так, как она запланировала. И вот сейчас она шла по проходу по направлению к Лиандеру. Она быстро взглянула на Блейр, чтобы вместе оценить шутку, но Блейр смотрела прямо перед собой — на Кейна.

У Хьюстон душа ушла в пятки. Это было не просто ошибка. Ее пронзила внезапная боль, когда она вспомнила о цветах, посланных ей Блейр. Неужели Блейр организовала все это для того, чтобы не выходить замуж за Лиандера. Может быть, она хочет быть женой Кейна?

Нет, это просто смешно. Хьюстон улыбнулась. Несомненно, Блейр решила принести себя в жертву и выйти замуж за Кейна с той целью, чтобы Лиандер достался Хьюстон. Как мило с ее стороны, но как глупо. Как она ошибалась!

Все еще улыбаясь, Хьюстон перевела взгляд на Кейна. Он пристально смотрел на нее, и Хьюстон обрадовалась, что он узнал ее.

Всего несколько секунд она была счастлива, но, когда он помрачнел и отвернулся, улыбка сошла с ее лица.

Неужели он решил, что она придумала все это, чтобы выйти замуж за Лиандера? Да, именно так он и решил.

Пока они приближались к возвышению, Хьюстон старалась придумать, как бы достойно выйти из этой ситуации. Мисс Джоунз всегда считала, что охватила своим вниманием каждую ситуацию, в которой может оказаться леди, но ей, наверное, никогда не приходило в голову, что леди может столкнуться с тем, что выходит замуж не за того человека.

Когда сестры вступили на возвышение, Кейн все еще стоял, отвернувшись, и Хьюстон не могла сдержать обиду на то, что он не собирался ничего делать, чтобы изменить положение. Может быть, ему не важно, на какой сестре жениться?

— Дети мои, мы... — начал преподобный Томас.

— Прошу прощения, — перебила Хьюстон, стараясь говорить тихо, чтобы ее не могли услышать никто, кроме них пятерых. — Я Хьюстон.

Лиандер сразу все понял. Он повернулся к Кейну, который все еще стоял, не поворачивая головы.

— Поменяемся местами?

Кейн не взглянул ни на одну из сестер.

— Мне все равно.

У Хьюстон душа ушла в пятки. Лиандеру нужна была Блейр, и Кейн тоже бы от нее не отказался. Она вдруг почувствовала себя пятым колесом в телеге.

— Мне не все равно, — ответил Лиандер, и они с Кейном поменялись местами.

Пока они разбирались, среди гостей возникло оживление, а когда Кейн и Лиандер поменялись местами, в комнате раздался смех. Гости пытались сдерживаться, но не могли.

Хьюстон бросила взгляд на Кейна, и по его глазам поняла, что он не на шутку рассвирепел.

Служба быстро закончилась, и, когда преподобный Томас сказал, что женихи могут поцеловать невест, Лиандер заключил Блейр в объятия и страстно поцеловал. Поцелуй же Кейна был холоден и сдержан. Он даже не смотрел ей в глаза.

— Могу я поговорить с вами в кабинете? — спросила она. — Наедине.

Он коротко кивнул и отодвинулся от нее, как будто ему было противно к ней

прикасаться.

Вчетвером они быстро вышли из комнаты и разошлись в разные стороны. Хьюстон сразу же потеряла Кейна из виду, потому что гости один за другим подходили к невесте. Все со смехом вспоминали, что произошло у алтаря. Никто не мог удержаться от того, чтобы не вспомнить, что Лиандер никогда не мог твердо решить, какую сестру выбрать.

Джин Таггерт оттащила Хьюстон в сторону.

— Что случилось?

— Кажется, моя сестра решила, что сделает мне большое одолжение, если уступит мне Лиандера. Она собиралась принести себя в жертву, забрав у меня мужчину, которого я люблю.

— А ты говорила Блейр, что любишь Кейна? Что хочешь выйти за него замуж?

— Я даже самому Кейну этого не говорила. Я почему-то думала, что он может мне не поверить. Я лучше дам ему понять, как я представляю предстоящие нам пятьдесят лет совместной жизни, — как она ни старалась, ей не удалось сдержать слезы. — У алтаря он сказал, что ему все равно, на ком жениться — на мне или на моей сестре.

Джин взяла Хьюстон за локоть и отвела в сторону, увидев, что к ним приближается очередной родственник.

— Если ты выходишь за Таггерта, тебе придется быть сильной. Его гордость уязвлена, а когда он обижен, он может сказать все, что угодно, и сделать все, что угодно. Найди его сейчас же и расскажи о том, что — сделала твоя сестра, или скажи, что это было просто ошибкой. Говори, что угодно, только не позволяй ему оставаться в одиночестве и самому придумывать объяснения. Он воздвигнет стену из своего гнева, и сквозь нее уже невозможно будет пробиться.

— Я попросила его выслушать меня в кабинете.

— Тогда что ты делаешь здесь? Пытаясь улыбнуться, Хьюстон проворно обернула длинный шлейф дважды вокруг левой руки и через холл направилась в кабинет к Кейну.

Он стоял у высокого окна, наблюдая, как по двору прогуливаются гости, и держал в зубах незажженную сигару. Когда она вошла, он даже не оглянулся.

— Мне очень жаль, что у алтаря произошла эта ошибка, — начала она. — Я уверена, что это просто небольшое нарушение планов.

— И вы не хотели выходить за Вестфилда?

— Нет! Это было просто недоразумение, ничего больше.

Он шагнул к письменному столу.

— Я кое от чего отказался сегодня, потому что не мог унижить вас, — он холодно взглянул на нее. — Терпеть не могу лгунов.

Он бросил ей листок бумаги. Она наклонилась, чтобы поднять его. Это была записка, старательно написанная от руки, в ней говорилось: «У меня в волосах сегодня будут красные розы». Внизу стояло имя Хьюстон Чандлер.

— Черт бы вас побрал, леди Чандлер! Я играл честно, а вы... — он отвернулся. — Берите деньги. Берите дом. Вы много поработали, чтобы получить все это. А со мной вам связываться не придется. Возможно, вам удастся заполучить Вестфилда, чтобы он лишил вас вашей девственности, над которой вы так трясетесь.

Он направился к двери.

— Кейн, — позвала она, но он уже ушел. Она тяжело опустилась на дубовый стул. Через несколько минут в комнату вошла Блейр.

— Мне кажется, нам пора идти резать торт, — неуверенно сказала она. — Ты и Таггерт...

Гнев Хьюстон прорвался на поверхность, она вскочила со стула и подлетела к сестре, сверкая рассерженными глазами.

— Ты даже не можешь по имени его назвать! — зло проговорила она. — Ты думаешь, что он каменный, что не может ничего чувствовать. Ты отделалась от него и теперь думаешь, что можешь вести себя с ним, как тебе угодно.

Блейр отступила назад:

— Хьюстон, то, что я сделала, я сделала для тебя. Я хочу видеть тебя счастливой.

Хьюстон сжала кулаки и еще ближе придвинулась к сестре, готовая к бою.

— Счастливой? Как я могу быть счастливой, если я даже не знаю, где сейчас мой муж? Из-за тебя я вообще могу теперь никогда не узнать, что такое быть счастливой.

— Из-за меня? Что я такого сделала, кроме того, что старалась изо всех сил помочь тебе? Я пыталась помочь тебе прийти в себя и понять, что тебе не нужно выходить за этого человека, вернее, за его деньги. Кейн Таггерт...

— На самом деле, ты ведь ничего не знаешь, — перебила ее Хьюстон. — Ты унизила гордого, ранимого человека в присутствии сотен людей, и при этом ты даже не понимаешь, что ты наделала.

— Я так понимаю, что ты имеешь в виду то, что произошло у алтаря? Я сделала это ради тебя, Хьюстон. Я знаю, что ты любишь Лиандера, и я хотела выйти за Таггерта, чтобы ты была счастлива. Я очень виновата перед тобой. Я никогда не хотела навлечь на тебя такое несчастье. Знаю, что я разрушила твою жизнь, но я старалась исправить то, что я натворила.

— Я, я, я. Это все, что ты можешь сказать. Ты разрушила мою жизнь, и единственное, о чем ты можешь говорить, так это о себе. Ты знаешь, что я люблю Лиандера. Ты знаешь, какой ужасный человек Кейн. За последнюю неделю или около того ты проводила каждую свободную минуту с Лиандером. Судя по твоим словам, он не человек, а богоподобное существо. Каждое второе слово, которое ты произносишь, это «Лиандер». Кажется, у тебя, действительно, сегодня утром были добрые намерения: ты хотела уступить мне самого лучшего мужчину.

Хьюстон наклонилась вперед:

— Может, Лиандер и пробуждает в тебе страсть, но со мной этого никогда не случалось. Если бы ты последнее время не была настолько увлечена собой и могла бы допустить мысль, что я и сама не полная дура, ты бы заметила, что я полюбила хорошего, доброго, умного человека — конечно, он немного грубоват, неотесан, но разве не ты сама постоянно жаловалась, что я уж слишком ровная, слишком уравновешенная?

Блейр села, и выражение изумления у нее на лице выглядело даже смешным.

— Ты его любишь? Таггерта? Ты любишь Кейна Таггерта? Но я ничего не понимаю. Ты же всегда любила Лиандера. Сколько я себя помню, ты всегда его любила.

Хьюстон постепенно начала успокаиваться, осознав, что то, что сделала Блейр, было сделано из любви к сестре, из желания отдать Хьюстон лучшее.

— Да, я решила, что хочу за него замуж, когда мне было шесть лет. Думаю, это стало для меня целью, как вершина горы для альпиниста. Мне бы следовало остановиться на горе Реньера. Во всяком случае, все бы закончилось тем, что я бы взобралась на нее и успокоилась. А вот что бы мы делали с Лиандером после того, как поженились бы, я никогда не знала.

— Но ты знаешь, что будешь делать став женой Таггерта?

Хьюстон не смогла сдержать улыбку.

— Да. Прекрасно знаю, что мы будем с ним делать. Я хочу превратить этот дом в такое место, где Кейну будет спокойно, где будет спокойно мне, и где я смогу заниматься тем, чем захочу.

К удивлению Хьюстон, Блейр поднялась со стула с сердитым выражением лица.

— Ты что, не могла выкроить две минуты и рассказать мне об этом? Последние недели я была в крошечном аду. Я волновалась за тебя, целыми днями плакала, думая о том, что я сделала с собственной сестрой, а теперь ты мне сообщаем, что любишь этот денежный мешок.

— Не смей оскорблять его! — закричала Хьюстон, но быстро взяла себя в руки. — Он самый добрый, самый благородный и очень щедрый. И так случилось, что я очень люблю его.

— А я испытывала адские муки, потому что волновалась за тебя. Ты должна была все мне рассказать.

Хьюстон подумала немного, прежде чем ответить. Возможно, она догадывалась о тех муках, которые испытывала Блейр в последние недели, но какая-то ее часть была слишком рассержена, чтобы обращать на это внимание. Возможно, ей нравилось, что сестра страдает.

— Наверное, я так завидовала вашей гармонии, что просто не хотела думать о тебе, — тихо проговорила она.

— Гармонии?! — закричала Блейр. — Думаю, что для Лиандера я та самая гора Реньера. Не могу отрицать того, что он подходит мне физически, но это единственное, что ему от меня нужно. Мы целыми днями работаем вместе, в операционной, но я чувствую, что есть какая-то часть Лиандера, которую я совсем не знаю. Он не допускает меня слишком близко к себе. Я так мало о нем знаю. Он решил, что я нужна ему, поэтому он боролся за меня, используя любые средства, чтобы добиться меня.

— Но я же вижу, как ты на него смотришь. Я никогда не испытывала желания так на него смотреть.

— Это потому, что ты ни разу не видела его в операционной. Если бы ты его увидела в операционной, ты бы...

— Упала в обморок, скорее всего, — сказала Хьюстон. — Блейр, прости, что я не поговорила с тобой. Возможно, я понимала, что ты мучаешься, но то, что случилось, причинило мне боль. Мы с Лиандером были обручены, как мне казалось, чуть ли не всю жизнь, а ты, между тем, за одну ночь сумела увести его. И Лиандер все время называл меня ледяной принцессой, я очень беспокоилась по поводу того, что я такая холодная женщина.

— Теперь тебя это уже не беспокоит? — спросила Блейр.

Хьюстон почувствовала, что краснеет.

— Когда я с Кейном, нет, — прошептала она, вспоминая прикосновения его рук к своему телу. Нет, когда он был рядом, она не чувствовала себя холодной женщиной.

— Ты действительно его любишь? — спросила Блейр таким тоном, как будто бы не могло быть ничего на свете труднее, чем полюбить Кейна. — Тебя не раздражает постоянный запах еды? Не раздражает его громкий голос? И ты не возражаешь против других женщин?

Хьюстон затаила дыхание.

— Каких это других женщин?

Она заметила, что Блейр медлит с ответом, и ей пришлось использовать всю свою силу воли, чтобы успокоиться. Если Блейр вообразила, что снова может решать, что следует делать ее сестре, а чего ей делать не следует...

— Блейр, лучше тебе все мне рассказать. Хьюстон видела, что ее сестра пытается принять решение и стала настаивать.

— Если ты решила снова управлять моей жизнью, как ты это сделала сегодня у алтаря, я больше никогда не скажу тебе ни слова. Я взрослый человек, а ты знаешь что-то про моего мужа, и я тоже хочу знать это.

— Я видела, как он незадолго до свадьбы целовался в саду с Памелой Фентон — ответила на одном дыхании Блейр.

Хьюстон почувствовала, что силы покидают ее, но вдруг ей открылась правда. Уж не это ли имел в виду Кейн, когда сказал, что отказался от чего-то сегодня?

— Но он все равно пришел ко мне, — прошептала она. — Он виделся с ней, целовался с ней, но женился на мне.

Ничто другое не могло бы сделать ее более счастливой.

— Блейр, благодаря тебе, я сегодня самая счастливая женщина. Теперь все, что мне остается, это найти своего мужа и сказать ему, что я его люблю и надеюсь, что он простит меня.

Но вдруг ей в голову пришла ужасная мысль.

— Блейр, ты же совсем его не знаешь. Он такой добрый, благородный человек, сильный, на него можно положиться, но он... — она закрыла лицо руками. — Но мы унизили его в присутствии всего города. Он никогда не простит меня. Никогда!

Блейр направилась к двери.

— Я пойду к нему и объясню, что во всем виновата я, а ты тут ни при чем. Хьюстон, мне и в голову не могло прийти, что ты действительно хочешь выйти за него замуж. Я просто не могла себе представить, что кому-нибудь захочется жить с таким человеком, как он.

— Думаю, тебе не стоит больше об этом беспокоиться, мне кажется, он ушел.

— А как же гости? Он не мог просто взять и уйти.

— Ты что думаешь, он должен был остаться и слушать, как люди смеются над тем, как Лиандер никак не может выбрать, какую сестру брать в жены? Никому и в голову не придет, что Кейн имеет право выбора. Кейн думает, что я все еще люблю Лиандера, ты думаешь, что я люблю Лиандера, и мистер Гейтс считает, что я выхожу за Кейна ради его денег. Мне кажется, единственный человек, который понимает, что я влюбилась — впервые в жизни, — это моя мама.

— Чем я могу помочь тебе? — прошептала Блейр.

— Ничем. Он ушел. Он оставил мне деньги и дом, и ушел. Но зачем мне этот огромный пустой дом, если здесь нет его? — она опустила на стул. — Блейр, я даже не знаю, где он может быть. Насколько я его знаю, он может сейчас ехать в поезде в Нью-Йорк.

— Скорее всего, он пошел в свою хижину. Обе женщины обернулись и увидели на пороге Эдена.

— Я не хотел подслушивать, но, когда я увидел, что произошло на свадьбе, я понял, что он будет в бешенстве.

Хьюстон обернула шлейф своего платья вокруг руки.

— Я пойду к нему и объясню, что случилось. Я скажу, что моя сестра так влюблена в

Лиандера, что решила, что я тоже в него влюблена, — она с улыбкой взглянула на Блейр. — Я очень обижена на то, что ты такого низкого обо мне мнения, что считала, что я могу выйти за человека ради его денег, но я благодарна тебе за ту любовь, которая побудила тебя принести в жертву то, что имеет для тебя такое важное значение, — она торопливо поцеловала сестру в щеку.

Блейр прижалась к ней.

— Хьюстон, мне и в голову не приходило, что ты чувствуешь. Как только прием закончится, я помогу тебе собраться и...

Хьюстон со смехом отстранилась от нее.

— Нет, моя милая хозяйственная сестричка, я уйду прямо сейчас. Муж для меня важнее, чем несколько сот гостей. Тебе придется остаться и отвечать на все вопросы о том, куда девались мы с Кейном.

— Хьюстон, но я ничего не знаю о приемах такого масштаба, как этот.

Хьюстон остановилась на пороге рядом с Эденом.

— А я кое-чему научилась, когда получала свое бестолковое образование, как ты думаешь? Выше нос! Возможно, кто-нибудь попытается кого-нибудь отравить, подмешав яд в еду, — тогда и ты будешь знать, что нужно предпринять. Счастливо, — сказала она и вышла, оставив Блейр наедине с ее страхами по поводу того, как ей распорядиться приемом с несколькими сотнями людей.

Выйдя из кабинета, Эден поймал Хьюстон за руку и повел ее в чулан рядом с северной террасой. Он улыбался.

— Похоже, у вас уже выработалась привычка следить за мной, — огрызнулась она, стараясь высвободить руку.

— За эти две недели, что я следил за вами, я узнал больше, чем за всю свою жизнь. Вы были искренни, когда говорили, что любите Кейна?

— Вы что, тоже думаете, что я лгунья? Мне нужно переодеться. Очень сложно взбираться в экипаж.

— Вы знаете, где это?

— Примерно.

— Хьюстон, но вы же не можете карабкаться в гору в погоне за ним. Я найду его, объясню все и привезу обратно.

— Ну уж нет, теперь он мой, по крайней мере официально, и я поеду за ним одна. Эден положил руки ей на плечи.

— Интересно, понимает ли он, как ему повезло? Чем я могу вам помочь? Она направилась к двери.

— Не могли бы вы найти Сару Окли и попросить ее подняться наверх, чтобы помочь мне переодеться? — она помолчала и задумчиво взглянула на Эдена. — Хотя... Может быть, вы позовете Джин Таггерт? Это такая очень хорошенькая леди в фиолетовом шелковом платье и шляпке.

— Очень хорошенькая, говорите? — переспросил он со смехом. — Желаю счастья, Хьюстон.

Джин помогла Хьюстон побыстрее одеться. Она полностью согласилась с тем, что Хьюстон должна ехать за Кейном.

Когда Хьюстон оделась, они прошли через западное крыло дома в комнаты управляющего, а оттуда по дальней лестнице спустились вниз. Скрытый за деревьями, Эден ожидал их с лошадью, нагруженной четырьмя сумками с провиантом.

— Этого должно хватить на несколько дней, — сказал он. — Ты уверена, что хочешь поступить именно так? Если ты потеряешься...

— Я прожила в Чандлере всю свою жизнь и знаю его окрестности, — она вызывающе посмотрела на него. — Я не кисейная барышня, как думают некоторые, понятно?

— Ты не забыл упаковать свадебный пирог? — спросила Джин у Эдена.

— Он там, где ему и положено быть — в симпатичной жестяной коробочке, — сказал он таким тоном, что Хьюстон посмотрела на них обоих и заулыбалась.

— Тебе пора ехать. О нас не беспокойся. Думай только о своем муже и о том, как ты его любишь, — говорила Джин, пока Хьюстон садилась на лошадь.

Хьюстон постаралась улизнуть со свадьбы, как можно меньше это афишируя, учитывая, что вокруг находилось более шестисот гостей. Те немногие люди, которые видели ее, были настолько изумлены, что ничего не могли сказать. Она закрыла лицо вуалью, надеясь, что некоторых это введет в заблуждение, однако она ошиблась.

В конце сада она чуть не наехала на прогуливавшихся Рейфа Таггерта и Памелу Фентон. То ли от удивления, то ли от неожиданности она так резко натянула поводья, что лошадь встала на дыбы. Явно забавляясь, Рейф посмотрел на нее.

— Без сомнения, ты та из сестер, которая вышла за Таггерта, и, видно, ты уже удираешь. Прежде чем она смогла ответить, заговорила Памела:

— Насколько я знаю Кейна, его гордость была уязвлена перед алтарем, и он сбежал куда-нибудь зализывать раны. Ты случайно едешь не за ним?

Хьюстон не знала, как себя вести с этой женщиной, в которую когда-то был влюблен ее муж. Гордо подняв голову и со всей холодностью, на которую только была способна, она произнесла:

— Да, за ним.

— Bravo! — сказала Памела. — Ему нужна такая смелая женщина, как ты. Бессмысленно ждать, что он сам вернется. Раньше я этого не знала — вот и поплатилась. Я надеюсь, ты готова к его гневу. Временами он бывает ужасен. Я желаю тебе всего самого наилучшего.

Хьюстон была настолько удивлена словами Памелы, что не смогла ответить. Она разрывалась между чувством злости при мысли, что кто-то еще знает ее мужа, и чувством благодарности Пам за хороший совет. И кроме того, казалось, что власть Пам над Кейном иссякла. Если бы Кейн был влюблен, разве она отказалась бы от него?

— Спасибо, — процедила Хьюстон сквозь зубы, пришпоривая лошадь.

Она больше никого не встретила и, выезжая за пределы Чандлера, с облегчением вздохнула, направив лошадь в горы.

Первая часть пути была очень легкой, и у нее осталось время поразмышлять над тем, что же происходило сейчас в доме Кейна. Бедная Блейр! Она действительно хотела сделать

как лучше. Она думала, что Хьюстон нужен был только Лиандер, и поэтому решила пожертвовать собой и провести свою жизнь со «злодеем» Кейном Таггертом. Возможно, это почувствовал и Кейн — будто он был наказанием Блейр за то, что она нечестно поступила по отношению к своей сестре.

Кейн, естественно, не понял, что для остальных гостей это происшествие было лишь поводом хорошо посмеяться. Они дразнили бы Лиандера просто потому, что знали его еще с малых лет. Если бы Кейн остался и посмеялся вместе со всеми, об этом бы скоро забыли, но Кейну еще предстояло научиться искусству смеяться над самим собой.

Скоро она достигла подножья горы и стала подниматься по тропе, которой они с Кейном ехали в прошлый раз. Добравшись до места пикника, она спешила и выпила немного воды. Вокруг нее громоздились горы, казавшиеся неприступными. Но Кейн точно говорил, что его хижина должна быть где-то наверху, и если только он и сам находится там, то она найдет его.

Сняв жакет и привязав его к седлу, она осмотрела заросли кустарника и карликовых деревьев в поисках тропы. Обойдя кругом всю опушку и оглядев склоны горы со всех сторон, она наконец обнаружила что-то похожее на тропинку, которая тянулась прямо вверх по уступам скал, исчезая за деревьями.

На секунду Хьюстон задумалась, что же она делает в таком месте в день своей свадьбы. Как раз в этот самый момент она должна была бы танцевать в шелковом платье со своим мужем. Эта мысль вернула ее к действительности. Ее муж находился на вершине этой горы. Мог там находиться. Но если Эден ошибся, то Кейн был уже где-нибудь на пути в Африку или на Луну.

Напоив лошадь, она покрепче завязала шляпу, чтобы хоть как-то защититься от солнца, и вскочила в седло.

Дорога наверх оказалась даже хуже, чем думала Хьюстон. Временами тропинка была такой узкой, что ветки деревьев цеплялись за ноги, и требовались большие усилия, чтобы заставить лошадь идти по узкой дороге. Заросли на скалах были совсем не похожи на нежные, ухоженные городские растения. Эти деревья боролись за жизнь каждый день и не хотели сгибаться и давать дорогу какому-либо живому существу.

Подол ее платья зацепился за кактус и порвался, а несколько длинных шипов застряли в одежде. Хьюстон пришлось сделать остановку, чтобы вынуть их все, а в придачу и репейник, запутавшийся в волосах. «Хорошо же я буду выглядеть, когда доеду!» — подумала она, пряча пряди волос под шляпу.

В одном месте тропинка резко свернула вправо, и небо скрылось за нависшими ветвями деревьев и выступами скал. Вокруг росли грибы необыкновенной формы и цвета: крохотные желтые и тут же рядом ярко-красные, размером с ее ступни, а большие поляны, попадавшиеся на каждом шагу, были покрыты высокими, похожими на траву грибами.

Она поднималась все выше, и воздух становился более разреженным по мере того, как местность вокруг становилась все более и более похожей на тропические леса, в отличие от полупустыни, окружавшей Чандлер. Дважды ей приходилось останавливаться и искать тропу, и один раз она проехала по выбранному пути целую милю, как вдруг тропа оборвалась у входа в пещеру, в своде которой природа проделала окно. Это место вызывало странные чувства: с одной стороны, настораживало, а с другой — напоминало храм, в котором служат торжественные мессы.

Она вывела лошадь из пещеры и вернулась на свою тропинку, где она снова смогла

ехать верхом.

Часом позже ей наконец повезло: на остром выступе скалы она нашла клочок от свадебного костюма Кейна. Она испытала облегчение, убедившись, что он на самом деле там наверху, куда вела тропа. Воспрянув духом, она заставила упирающуюся лошадь двигаться дальше.

Все было бы прекрасно, если бы не начался дождь. Сверху низвергались потоки ледяной воды, которая, собираясь на скалах, обрушивалась вниз сплошной стеной, за которой ничего не было видно. Опустив как можно ниже голову, она старалась не спускать глаз с тропинки.

Всполохи молний пугали животное, и оно начинало шархаться из стороны в сторону на мокрой земле. Дождь не прекращался, и после нескольких попыток справиться с лошадью Хьюстон спешила и повела ее за собой, уделяя все свое внимание тому, чтобы не сбиться с дороги при таком ливне.

В одном месте тропа проходила по небольшому выступу на отвесной скале. Хьюстон сделала один шаг и погладила испуганную лошадь, потом еще один шаг, и ей снова пришлось успокаивать свою спутницу.

— Если бы ты не везла еду, я бы прогнала тебя, — сказала она с раздражением.

При новой вспышке молнии она увидела хижину на краю выступа. На секунду она замерла на месте, чувствуя, как капли дождя стекают по ее лицу. Она было уже начала сомневаться в существовании хижины. Что же ей теперь делать? Подойти к двери и постучаться? А когда Кейн откроет, сказать, что просто решила по пути заглянуть к нему, чтобы оставить визитную карточку?

Она уже была близка к тому, чтобы развернуться и ехать обратно, когда вдруг эта сумасшедшая лошадь, которую ей пришлось практически силой тащить в гору, заржала и, когда ей ответила другая лошадь, помчалась к хижине, не обращая внимания на Хьюстон, которая стояла у нее на пути. Девушка закричала, падая в грязь и скатываясь к краю скалы, но выстрел ружья, сделанный в ее направлении, заглушил ее голос.

— Катитесь отсюда ко всем чертям, если хотите сохранить свои шкуры! — заорал Кейн сквозь дождь.

Хьюстон висела на краю обрыва, вцепившись в корни карликовых деревьев и пытаясь нащупать свисающими ногами, во что бы упереться. Не так уж он, наверное, зол, чтобы пристрелить ее, подумала она.

Но сейчас не было времени на вопросы. Она либо разобьется насмерть, либо рискнет проверить характер Кейна.

— Кейн! — закричала она, чувствуя, как ладони разжимаются.

Почти тотчас над обрывом показалось его лицо.

— Господи! — не веря своим глазам, произнес он и схватил ее за руку.

Без особого труда он рывком вытащил ее наверх, поставил на землю и отступил на шаг.

— Я приехала, чтобы увидеть тебя, — сказала Хьюстон, пытаясь улыбнуться дрожащими губами. Ноги ее подкашивались.

— Хорошо, что ты приехала, — сказал он, ухмыляясь. — Здесь наверху особенно некому составить мне компанию..

— Может быть, потому что ты так встречаешь, — ответила она, кивая на ружье в его руке.

— Хочешь зайти? У меня внутри можно погреться. В его голосе звучало изумление и — надеялась Хьюстон — радость.

— Да, мне бы очень хотелось, — сказала она и, вдруг пронзительно вскрикнув, бросилась к нему, когда над ней громко треснула ветка дерева.

Она стояла совсем рядом с ним, и, когда он взглянул на нее, в его глазах она прочитала вопрос. «Сейчас или никогда, — подумала Хьюстон, — бессмысленно быть скромной или застенчивой».

— Ты сказал, что появишься на свадьбе, если я останусь на первую брачную ночь. Ты выполнил свою часть договора, так что я здесь, чтобы выполнить свою.

Она следила за ним, затаив дыхание.

На лице Кейна поочередно отразилось несколько чувств, прежде чем он запрокинул голову и громко расхохотался, заглушая рев дождя. В следующую секунду он сгреб ее в охапку и понес в хижину. В дверях он остановился и поцеловал ее. Хьюстон прижалась к нему и поняла, что ради этого стоило совершить такое изнурительное путешествие.

Внутри маленькой хижины был большой, во всю стену камин, в котором ярким пламенем горел теплый, веселый огонь.

Кейн протянул ей шерстяное одеяло.

— У меня здесь нет никакой сухой одежды, так что сойдет и это. Снимай-ка с себя все свои вещи, а я пока поищу твою лошадь и запру ее в стойло.

— Там в сумках есть еда, — крикнула она ему вдогонку.

Оставшись одна, Хьюстон начала раздеваться, стаскивая промокшее белье с холодной, влажной кожи.

Вопреки собственному желанию она то и дело поглядывала на дверь. «Трусиха! — сказала она себе. — Сама же ему навязалась, так теперь постарайся не ударить лицом в грязь».

К тому времени, когда вернулся Кейн, Хьюстон уже закуталась в грубое шерстяное одеяло, из-под которого выглядывало одно лицо. Окинув ее быстро веселым понимающим взглядом, он положил сумки на пол.

Единственной мебелью в комнате была большая сосновая кровать, покрытая самыми разнообразными одеялами, не выглядевшими, однако, особенно чистыми. У одной стены была навалена гора банок с едой, по большей части персики, наподобие тех, что она нашла на его кухне.

— Я рад, что тыхватила еду, — сказал он. — Думаю, я покинул вас слишком поспешно, чтобы подумать еще и об этом. Я полагаю, Эден не поверит, но после нескольких банок даже мне надоели эти персики.

— Эден паковал еду, а твоя кухня Джин проследила, чтобы он не забыл положить туда пару кусков свадебного пирога.

Кейн выпрямился.

— Ах да, свадьба. Полагаю, я испортил тебе весь день, а женщины так любят свадьбы, — он начал расстегивать рубашку.

— У многих женщин свадьба была такой, какой и я хотела ее устроить, но мало у кого было так, как это произошло у нас.

Сняв мокрую рубашку, он улыбнулся.

— Во время свадьбы все это подстроила твоя сестра, ведь так? Ты не имела к этому никакого отношения, я прав? Я понял это, когда уже забрался сюда.

— Да, это не я, — ответила она. — Но и Блейр не имела в виду ничего плохого. Она любит меня, и она думала, что мне нужен Лиандер, поэтому-то она и решила отдать его мне.

Когда Кейн начал снимать брюки, Хьюстон отвернулась к огню. Это была ее первая брачная ночь, подумала она, и по ее телу прошло тепло.

— Думала? — спросил Кейн, и, когда она не ответила, он повторил, — ты сказала, она думала, что тебе нужен Вестфилд. Она так больше не думает?

— Нет, после того, как я ей сказала, — прошептала Хьюстон, глядя на огонь. За спиной она услышала, как он вытирает себя полотенцем, и она ощутила огромный соблазн повернуться. Был ли он так же прекрасно сложен, как и тот силач, которого она наняла для их девичника?

Кейн поспешно сел рядом с ней.

На нем было только полотенце вокруг бедер, и он был, как никогда, похож на древнегреческого бога. Гладкие большие мускулы под темно-бронзовой кожей были, несомненно, намного лучше тех, что были у человека, которого она наняла.

Что бы там ни хотел сказать Кейн, но слова будто застыли у него в горле, когда он взглянул на нее.

— Однажды ты уже смотрела на меня таким взглядом, — прошептал он. — В тот раз ты двинула мне по башке кувшином с водой, стоило мне только прикоснуться к тебе. Ты и в этот раз задумала что-нибудь в этом роде?

Хьюстон только посмотрела на него и позволила одеялу упасть с ее головы и соскользнуть дальше по шее и плечам, пока оно не остановилось прямо над самой грудью.

— Нет, — только и смогла ответить она. Своей кожей она чувствовала жар, идущий от огня, но ничто не могло сравниться с прикосновением руки Кейна к ее лицу. Его пальцы зарылись в ее влажные волосы, в беспорядке спадавшие на спину. Пристально глядя на нее, он провел большим пальцем по ее нижней губе.

— Я достаточно часто видел тебя в различных одеждах, но еще никогда ты не выглядела прекраснее, чем сейчас. Я рад, что ты приехала сюда. В таких местах люди и должны заниматься любовью.

Хьюстон не сводила с него глаз, пока его рука медленно спускалась вдоль шеи на ее плечо. Затем он начал снимать с ее груди одеяло, и она затаила дыхание. Она вдруг поймала себя на том, что молится, чтобы ему было с ней как можно лучше.

Очень нежно, как будто она была ребенком, он обнял ее одной рукой за плечи и осторожно положил на пол хижины. Она напряглась, подумав, что вот сейчас это начнется.

Кейн распахнул одеяло, и ее обнаженное тело полностью открылось ему.

Хьюстон ждала приговора.

— Черт, — сказал он, переводя дух. — Не удивительно, что Вестфилд готов был строить из себя дурака ради такого тела. Я тут обнаружил, что под всякими элегантными платьями, теми, что вы, леди, носите, оказываются частенько не натуральные формы, а вата.

Хьюстон рассмеялась:

— Ты мной доволен?

— Доволен тобой? — сказал он, вытягивая руку. — Только посмотри на нее. Она так дрожит, что я не могу спокойно ее держать, — он положил руку на мягкую кожу ее живота. — Мне не легко будет потерпеть еще, но любая леди, забравшаяся в такие дебри только ради того, чтобы провести со мной ночь, заслуживает самого лучшего — чтоб никаких там поспешных кувырканий на полу. Ты просто сядь туда, а я сделаю нам что-нибудь выпить. Ты любишь персики?.. Нет! — сказал он, заметив, что Хьюстон собирается опять закутаться в одеяло. — Брось его прямо на полу. Замерзнешь — заберешься ко мне на

колени, и я согрею тебя.

Живя в доме Дункана Гейтса, Хьюстон не представлялось случая распробовать вкус алкоголя. Но Кейн взял банку персиков, вылил из нее сок, раздавил персики и под конец добавил туда изрядную порцию рома.

Он протянул ей эту смесь.

— Это, конечно, не самый изящный, бокал, но сойдет и так.

Хьюстон сделала глоток. У нее появилось странное чувство неловкости оттого, что она сидела перед мужчиной совершенно голая. Но по мере того, как она пила этот напиток, который абсолютно не был похож на то, что ей приходилось пробовать до сих пор, она уже не чувствовала ничего особенного в том, что на ней не было ни единой вещи.

Кейн сел напротив и посмотрел на нее.

— Тебе лучше? — спросил он и протянул следующую порцию.

— Намного.

Она успела отпить только половину, как Кейн забрал у нее банку.

— Я не хочу, чтобы ты напилась, просто расслабься.

Он обнял ее и прижал к себе покрепче. Ром внутри делал Хьюстон более раскованной, чем когда-либо в жизни. Ее руки обвились вокруг его шеи, и она приникла к его губам.

— Что ты рассказала своей сестре о себе и Вестфилде?

— Что Лиандер мог зажечь в ее теле огонь, а я с ним абсолютно ничего не чувствовала.

— То есть, он не очень-то умеет задавать вопросы?

— Совершенно не умеет, — сказала она, и их губы соединились.

Пока он, целовал ее, его руки скользили по ее телу, поглаживая кожу и заставляя разгораться огонь внутри нее. Какой-то частью своего сознания она понимала, что Кейн сдерживает себя, что он более скован, чем она, но не обращала на это внимания.

Хьюстон придвинулась к нему еще ближе, устраиваясь так, чтобы ему было удобнее ее держать:

Он целовал ее лицо, шею, постепенно спускаясь к ее груди. Когда он взял розовый сосок в свой рот, она выгнулась под ним, чтобы он мог обхватить ее талию и бедра руками.

— Не так быстро, дорогая, — прошептал он. — У нас вся ночь впереди.

Все эти ощущения были новыми для Хьюстон. Когда к ней прикасался Лиандер, она скорее, чувствовала неприязнь и желание от него отделаться, чем любопытство и жажду сразу же попробовать все, что было для нее новым. Сейчас же прикосновения Кейна доставляли ей все большее и большее наслаждение, разрушая все ее страхи оказаться холодной, которые внушил ей Лиандер.

Тепло его кожи притягивало ее руки. Его тело блестело при свете пылающего в камине огня, и Хьюстон хотелось, чтобы оно принадлежало ей все без остатка.

Глава 16

Хьюстон вышла со своим мужем наружу, где все еще шел дождь, но она даже не заметила холода. Ее мысли были поглощены тем, что она не была фригидна. Возможно, проблема заключалась в Лиандере, в том, что она была недостаточно близка с ним, или же в том, что она относилась к нему, скорей, как к брату, что и мешало ей лечь с ним в постель. Но какими бы ни были причины, сейчас она освободилась от своего страха, что с ней было что-то не в порядке.

Кейн обнял ее.

— Ты выглядишь сонной, — сказал он. Капли дождя скатывались с него на ее лицо. — Скажи мне, о чем ты думаешь. О чем думает леди после того, как занималась любовью с местным конюхом?

Хьюстон отстранилась от него и протянула руки к небу. Поддавшись внезапному порыву, она начала медленно танцевать, как будто она была в свадебном платье, грациозно двигаясь в такт движениям руки, поддерживавшей воображаемую юбку.

— Такая леди чувствует себя замечательно. Такая леди вообще не чувствует, как должна была бы чувствовать себя леди.

Он поймал ее за запястье.

— Ты не сожалеешь о том, что твоя первая брачная ночь прошла не в кровати с шелковыми простынями? Тебе не нужен какой-нибудь другой мужчина?..

Она закрыла ему рот ладонью.

— Это самая счастливая ночь в моей жизни, и я не хочу быть где-либо и с кем-либо еще. Хижина посреди лесов и мужчина, которого я люблю, — ни одна женщина в мире не может пожелать большего.

Нахмурившись, он пристально посмотрел на нее.

— Нам лучше пошли внутрь, пока мы здесь не околели.

С бесстрастным выражением на лице он двинулся к хижине, как вдруг повернулся, крепко, до боли сжал ее в объятиях и начал целовать.

Хьюстон поддалась своему чувству, не скрывая радости и счастья.

С улыбкой он взял ее на руки и понес в хижину. Войдя внутрь, он тут же схватил одеяло, завернул в него Хьюстон и начал растирать ее холодное тело.

— Хьюстон, — сказал он, — ты не похожа ни на одну из дам высшего света, которых я когда-либо встречал. Я полагал, что у меня есть вполне ясное представление о том, каким будет брак с одной из принцесс Чандлер, но ты, похоже, нарушила все мои планы.

Она повернулась к нему. Ее тело, завернутое в одеяло, прижалось к его блестящей коже.

— Я оказалась лучше или хуже? Я знаю, тебе нужна была леди — ты думаешь, я не такая?

Он на минуту задумался, изучающе поглядывая на нее, как будто решал, какого ответа она ожидает.

— Скажем просто, что мне открывается много нового, — он ухмыльнулся. — Могу поспорить, что жене Гульда никогда не приходила в голову мысль карабкаться на гору за своим мужем.

Он начал было целовать ее шею, как вдруг остановился.

— Не будет ли с моей стороны слишком большой дерзостью надеяться на то, что ты

умеешь готовить?

— Я знаю самые элементарные вещи — достаточно, чтобы давать указания повару, но не думаю, что смогла бы сама приготовить какое-нибудь блюдо от начала до конца. Тебе не нравится миссис Мерчисон?

— Я рад, что в данную минуту ее здесь нет. Все, что мне надо знать, это сможешь ли ты приготовить что-нибудь из того, что находится в этих сумках.

Она вытащила руки из-под одеяла и обвила его шею.

— Уверена, что уж с этим-то я справлюсь. Я не хочу, чтобы эта ночь кончалась. Я так боялась, что ты разозлишься на меня за то, что я приехала сюда без приглашения. Но я рада, что мы сейчас здесь, а не в Чандлере. Так намного романтичнее.

— Романтичнее или нет, но если в ближайшее время мы чего-нибудь не съедим, то я завяну как старый кактус.

— Это было бы катастрофой. Мы не можем этого допустить, — сказала быстро Хьюстон и поспешно встала.

На секунду Кейну показалось, что его невеста непристойно пошутила, но потом он отверг это предположение, посчитав, что такого просто не может быть. Он встал, обмотал вокруг бедер полотенце, и подложил в огонь дров.

Хьюстон взяла сумки, которые протянул ей Кейн, и начала разбирать их. Она тут же поняла, что, кто бы ни упаковывал продукты, он был настоящим мастером этого дела. В сумках оказались различные банки, плотно закрытые крышками, перевязанные коробочки и просто свертки, аккуратно завернутые в материю. Из второй сумки выпала записка:

"Моя дорогая дочь,

Я желаю тебе счастья в браке и всего самого наилучшего. Я считаю, что ты поступила абсолютно правильно, последовав за своим мужем. Когда ты вернешься, не удивляйся, если услышишь, что это Кейн увез тебя со свадьбы.

С любовью Опал Чандлер Гейтс".

Кейн поднял взгляд от огня и увидел слезы в глазах Хьюстон, сжимавшей в руке листок бумаги.

— Что-то не в порядке? Она протянула ему записку.

— Что это значит: «...Кейн увез тебя со свадьбы»? Хьюстон начала разворачивать еду.

— Это значит, что, когда мы вернемся в Чандлер, твоя репутация самого романтического мужчины города еще больше возрастет.

— Моя что?

— Да, — сказала она, разворачивая упаковку венских булочек. — Это началось, когда ты унес меня на руках с приема в саду Мэнкинов. Но когда люди начали рассказывать друг другу историю о том, как ты прогнал из города тех ковбоев, которые приставали ко мне, эта репутация окончательно укрепилась за тобой. А потом был еще и тот романтический ужин с подушками на полу и свечами, который ты дал в своем доме.

— Но так получилось просто из-за того, что у меня в доме не было ни одного стула, а еще раньше я опрокинул на тебя полную тарелку, ну и потом, что, мне надо было стоять в стороне и смотреть, как эти парни пристают к тебе?

Хьюстон открыла банку с супом из раков.

— Какой бы ни была настоящая причина, результат остается тем же. К тому времени,

когда мы вернемся, я подозреваю, что девушки подросткового возраста будут глазеть на тебя на улицах и шептаться о том, как бы они хотели выйти замуж за мужчину, который увез бы их с собственной свадьбы в уединенную горную хижину.

Минуту Кейн молчал, а потом улыбнулся и присел рядом с ней.

— Я романтичный, вот как? — сказал он, целуя ее в шею. — А ведь только благодаря своей жене я не выгляжу полным дураком. Хотя не думаю, что это кто-нибудь заметит. Что это там такое серое?

— Pate de foie gras, — сказала она, намазывая это на хлебец маленьким ножичком, который не забыла вложить Опал. Хьюстон положила бутербродик ему в рот.

— Неплохо. Что там у нас еще есть?

Был еще стилтонский сыр, артишоки (которые Кейн посчитал совершенно бесполезной вещью), помидоры, крабы, крокеты из цыплят, смитфилдовская ветчина, филейное мясо в луковом соусе и жареные цыплята.

Когда Хьюстон увидела цыплят, она рассмеялась. Их не было в меню, которое она составила для свадьбы. Без сомнения, это миссис Мерчисон приготовила их специально для своего любимого мистера Таггерта. Хьюстон задумалась, сколько еще людей занималось упаковкой провизии для ее «тайного» побега.

— Что бы это могло быть? — спросил Кейн.

— Я подумала, свадьба могла бы быть хорошим поводом, чтобы познакомить Чандлер с некоторыми иностранными блюдами. Вот немецкие кренделя, а кроме того, должны были подавать итальянские сладости, но, я думаю, нам их не положили.

Пока Хьюстон говорила, она открыла другие сумки: одна — с фруктами, банкой вальдорфского салата, большой круглой коробкой с разными пирогами и имбирным хлебом; другая — с ореховыми конфетами и еще одна — с молочными. Кроме того, там было три буханки хлеба, коробка с нарезанным мясом, сыр и лук, баночка с оливками и баночка с горчицей.

— Я думаю, с голоду мы не умрем. А! Вот и он, — она показала внутрь металлической коробки, в которой находился большой кусок свадебного пирога.

Он взял с кровати маленький ножичек, отрезал кусочек пирога и протянул ей. Хьюстон задержала его руку и слизала все до последней крошки. Он провел рукой по ее лицу, а потом медленно поцеловал.

— Так с тобой действительно помрешь с голоду, — пробормотал он. — Почему бы нам не начать есть, пока ты снова меня не соблазнила.

— Я? — задыхнулась она. — Это ты меня...

— Да? — сказал он, отрывая кусок жареного цыпленка. — Я тебя — что?

— Пожалуй, я не буду продолжать свою мысль. Передай мне, пожалуйста, вот тот суп.

— Ты нашла мой свадебный подарок? В маленьком кожаном сундучке?

— Тот, что в гостинной?

Когда он кивнул, она ответила, что у нее еще не было времени заглянуть в него.

— Что в нем?

— Но ведь это сюрприз. Хьюстон продолжала есть.

— Я думаю, свадебные подарки предназначены для того, чтобы их дарили в день свадьбы. А поскольку мы здесь, а сундучок там, мне нужен еще один подарок.

— Ты даже еще не видела, что там в сундучке, и, кроме того, как я могу здесь что-либо купить?

— Иногда самые дорогие подарки в магазине не купишь. Мне надо кое-что личное, очень особенное. По выражению на лице Кейна можно было ясно понять, что он совершенно не представляет себе, о чем она говорит.

— Я хочу, чтобы ты поделился со мной каким-нибудь своим секретом.

— Я уже все о себе рассказал. Ты хочешь знать, где я спрятал свои деньги на случай, если какие-нибудь из моих инвестиций прогорят?

Изящно взяв в руку ножичек, она отрезала себе кусочек камамбера.

— Я, скорее, имела в виду что-то связанное с твоим отцом и матерью, или, может быть, с твоей ненавистью к Фентонам, или, возможно, с тем, о чем вы с Пам разговаривали сегодня утром в саду.

Кейн был настолько ошеломлен, что некоторое время не мог говорить.

— А не многого ли ты просишь? Может, тебе преподнести еще и мою голову на блюде? С чего это ты решила, что тебе необходимо все это знать?

— Потому что мы теперь женаты.

— Тебе не кажется, что ты суешь свой носик не в свое дело? У многих людей браки оказываются такими, как у твоей матери и этого напыщенного старикана, за которого она вышла замуж. Она из уважения называет его мистером Гейтсом. Ты тоже раньше называла меня мистером Таггертом. Но могу поспорить, твоя мать никогда не задавала Гейтсу таких вопросов, какие задаешь мне ты.

— Ну хорошо. Может быть, я просто ужасно любопытная. Во всяком случае, именно из-за моего любопытства мне захотелось увидеть твой дом, и вот к чему это привело, и...

Она говорила все тише и тише, а одеяло съехало еще на два дюйма.

Кейн лукаво посмотрел на соскальзывающее одеяло.

— Ты и правда быстро схватываешь. Хорошо. Я думаю, мне лучше рассказать тебе кое-что, тем более Пам считает, что через несколько дней об этом и так будет знать весь город.

Он на секунду замолчал, посмотрев на разложенную на полу еду.

— Тебе это вряд ли сильно понравится, но теперь я все равно ничего не могу изменить. Помнишь, я рассказывал тебе о том, как Фентон вышвырнул меня со своей земли, когда я был еще ребенком, за то, что я путался с его дочерью?

— Да, — мягко ответила, она.

— Я всегда думал, что кто-то донес, на нас Фентону, но сегодня Пам призналась, что она сама ему рассказала, — он глубоко вздохнул, вызывающе посмотрел на Хьюстон и продолжил:

— Пам рассказала своему старику, что она ждет от меня ребенка и хочет выйти за меня замуж. Фентон, сволочь, увез ее подальше и выдал за какого-то старикана, который должен был ему много денег. А мне сказал, что Пам не хочет меня больше видеть.

— По этой Причине ты ненавидишь мистера Фентона?

Он посмотрел ей в глаза:

— Нет, не по этой. Я узнал все это только сегодня. Суть моего рассказа заключается в том, что Пам возвращается в Чандлер навсегда — и вместе с ней ее тринадцатилетний сын, который, получается, и мой сын тоже. А по словам Пам, он достаточно на меня похож, чтобы некоторые начали болтать языками.

Хьюстон понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

— Если скоро об этом узнают, то это и не секрет вовсе, ведь так?

— Всего несколько часов назад для меня лично это было секретом, — со злостью в

голосе сказал он. — Я не знал, что у меня где-то есть ребенок.

Своим упрямством Хьюстон, когда это было необходимо, могла побороть кого угодно.

— Я просила открыть мне какой-нибудь настоящий секрет, а не то, что на следующей неделе все и так будут знать и судачить об этом за чаем. Я хочу знать что-нибудь, что только ты знаешь о самом себе, чего не знает даже Эден.

— Какого черта тебе понадобилось обо мне что-то знать? Почему ты не можешь просто снять с себя все лишнее и лечь со мной в постель?

— Так случилось, что я люблю тебя и хочу тебя получше узнать.

— Женщины всего говорят, что они тебя любят. Две недели назад ты была влюблена в Вестфилда. Черт подери! Хорошо, это не твое дело, но я расскажу тебе кое-что, возможно, это тебе понравится. Этим утром Пам приходила, чтобы сказать, что все эти годы она любила меня и хотела, чтобы мы с ней сбежали. Но я отказался.

— Ради меня? — прошептала Хьюстон.

— Разве я женился не на тебе? Не испытывая к твоей идиотской сестре ни капли благодарности, могу добавить.

— Что такое произошло между тобой и Блейр, из-за чего вы друг на друга злитесь?

— В день по одному секрету, — сказал он. — Хочешь еще один — заслужи его. Самый верный способ — убрать всю эту еду с кровати, снять с себя одеяло и пойти потереться об меня.

— Я не уверена, что смогу выдержать эту пытку, — сказала она, в неистовстве сбрасывая еду и одновременно срывая с себя одеяло.

— Мне нравятся послушные женщины, — сказал он, протягивая к ней руки.

— Меня учили быть самой послушной из женщин, — прошептала она, подставляя ему губы для поцелуя.

— Насколько я могу судить, до сих пор ты еще ни разу меня не послушалась... исключая, может быть, только сегодня, в этой хижине. К черту, Хьюстон, но я никогда не думал, что ты окажешься такой: Может быть, ты больше похожа на свою сестру, чем я думал.

Она отстранилась от него.

— Ты тоже думал, что я ледяная принцесса? Он с улыбкой притянул ее к себе.

— Дорогая, а что получается, если соединить пламя и лед?

— Вода?

— Пар.

Он обхватил рукой ее бедра и лег на нее.

Хьюстон нравилось ощущение близости с ним, прикосновение его кожи. Ее предупреждали, что первая брачная ночь будет очень болезненной, но эта ночь доставляла ей только удовольствие, на которое она и не надеялась. Возможно, так произошло благодаря Кейну и тому, что она чувствовала его поддержку и симпатию. Другие мужчины, которые встречались ей в жизни, относились к ней, как к мебели, но сейчас она могла реагировать так, как действительно чувствовала.

Кейн начал поглаживать ее тело, ноги, ее спину, и каждое его прикосновение возбуждало ее так, как никакие комплименты или красивые платья. Она закрыла глаза и отдалась этим замечательным ощущениям: темная комната, потрескивание камина, тепло огня и этот мужчина рядом, большой и сильный, его тяжелые руки, поглаживающие ее тело, проникая в самые скрытые уголки, о которых до этой ночи она сама даже не имела понятия. Он зарылся руками в ее волосы, в беспорядке раскиданные по подушке, а потом провел

кончиками пальцев по ее скулам.

Открыв глаза, она увидела на его лице такое нежное выражение, какого никогда до этого не было. Он с жаром смотрел на нее.

— Кейн, — прошептала она.

— Я здесь, малышка, я никуда не уйду, — сказал он, снова начиная ласкать ее.

Когда она опять закрыла глаза, его руки стали более настойчивыми. Он сжал ее бедра и утопил свои пальцы в мягкую плоть. Ее дыхание участилось. Большие, тяжелые бедра прижались к ее гладкому, мягкому телу. Его руки лежали на ее груди, в то время как рот поймал ее губы, и она открылась ему, как цветок пчеле.

Прижимая ее к себе и не отпуская ее рта, он взял ее ягодицы и поднял над собой, чтобы войти в нее.

Хьюстон ахнула при первом толчке, но, когда она начала двигаться вместе с ним, боли никакой не было. Он прижимал ее сильнее и сильнее, пока их тела не слились в одно целое в этом акте любви.

Инстинктивно Хьюстон обхватила ногами его талию и приникла к его шее. Он поднял ее с кровати и посадил себе на колени, поддерживая руками.

Затем он прислонил ее к грубой деревянной стене хижины, и его движения стали еще энергичнее. Хьюстон откинула голову, и у нее вырвался громкий стон удовольствия. В высшей точке своего оргазма Кейн в последний раз вошел в нее, и она закричала в экстазе.

Секунду Кейн продолжал поддерживать ее в таком положении, и она вцепилась в него, как будто хотела спасти свою жизнь от невидимой опасности.

После нескольких долгих минут он положил ее обратно на кровать и так крепко прижал ее к себе, что она еле-еле могла дышать.

— А ты же крикунья, — пробормотал он, — кто бы мог подумать, что леди окажется крикуньей?

Хьюстон была слишком опустошенной, чтобы ответить, и быстро заснула у него на руках.

Когда на следующее утро Кейн проснулся, уже вовсю светило солнце. Несколько минут он, улыбаясь, смотрел на голое тело Хьюстон, которая лежала рядом, свернувшись калачиком. Потом он нежно погладил ее попку.

— Пора вставать и готовить завтрак.

— Позвони в колокольчик на столе, и придет служанка, — пробормотала она, зарываясь лицом поглубже в его теплую грудь.

Он поднял брови и посмотрел на нее.

— А-а, доброе утро, мистер Гейтс. Доброе утро, Лиандер. Очень приятно вас видеть.

Хьюстон моментально отреагировала, резко выпрямившись в постели, хватая одеяло и кутаясь в него с головой.

Только через несколько секунд она поняла, что Кейн подшутил над ней.

— Что за дурацкий розыгрыш? — закричала она на него, но Кейн только смеялся, изображая, как она куталась в одеяло, да еще с такой скоростью. Она изо всех сил пыталась не смеяться вместе с ним, но не могла сдержаться.

— Полагаю, я могу больше не беспокоиться насчет Вестфилда, — сказал он, вставая с кровати и начиная рыться в сумках с едой.

Хьюстон откинулась в постели и наблюдала за ним с большим интересом. Его тело было несомненно намного лучше тела того силача, которого она пригласила на собрание их «Союза Сестер», сильные мускулы, широкие плечи, сужающиеся конусом к тяжелым бедрам, бедрам, которые могли тереться о ее тело, заставляя его петь.

Кейн случайно обернулся, чтобы посмотреть на нее, но, когда увидел выражение на ее лице, он бросил сумки, из которых вынимал еду, поднялся и протянул ей руку.

Она схватилась за нее, и он вытащил Хьюстон из кровати и притянул та себе.

— Я не думал оставаться здесь надолго, но, может быть, ты не будешь против, если мы проведем несколько дней вместе наедине, что-то вроде медового месяца, только не в Париже.

— Я была в Париже, — прошептала она, прижимаясь к нему бедрами, и нежно потерлась о него. — И я могу честно заявить, что здесь лучше, чем там. Ладно, что ты там говорил про завтрак?

Не веря своим глазам, Кейн отодвинул ее от себя.

— Если еще ребенком я чему-то и научился, так это тому, что не стоит ломать дорогие игрушки в первый же день.

— Так я для тебя игрушка?

— Взрослая игрушка. Ну а теперь накинь на себя что-нибудь, и давай есть. Я хотел бы тебе показать разрушенные шахты здесь недалеко. Надеюсь, у меня хватит мужества провести с тобой целый день.

— Я думаю, у тебя его вполне достаточно, — сказала она и застенчиво заморгала ресницами, посмотрев вниз на ту часть его тела, которая не проявляла ни малейшего беспокойства по поводу того, что Хьюстон «может сломаться в первый же день».

Он довольно твердо взял ее за плечи и повернул к себе спиной.

— У меня где-то здесь есть еще одна пара штанов и рубашка. Марш одеваться, — и чтоб все до последней пуговички было застегнуто, иначе ты сведешь меня с ума. Это понятно?

— Так точно, — сказала Хьюстон, стоя к нему спиной. Она так широко улыбалась, что у нее заломило скулы.

Когда они оделись и поели, Кейн повел ее в горы. Чандлер располагался на высоте двух тысяч ста метров над уровнем моря, а они сейчас были еще на километр выше, и воздух здесь был холодным и бодрящим. Казалось, что Кейн не замечает того, что Хьюстон не привыкла лазить по горам, а также того, что ее ботинки, предназначенные для верховой езды, плохо удерживались на скользких камнях. Тем не менее он вел ее прямо вверх, мимо нависающих скал, которые, казалось, вот-вот рухнут прямо на голову.

— Еще далеко? — спросила она наконец. Повернувшись, Кейн протянул ей руку, чтобы помочь влезть на особенно крутой уступ.

— Как насчет того, чтобы отдохнуть? — справился он и достал из-за спины сверток с едой.

— Я была бы тебе очень благодарна, — сказала она, принимая от него флягу, и сделала из нее хороший глоток. — Ты уверен, что здесь вообще есть шахты? Как они могли вывозить отсюда уголь?

— Так же, как они вывозят уголь из любого другого места, я полагаю. Откуда мне знать, как устроены шахты?

Он внимательно посмотрел на нее и, убедившись, что от усталости она умирать не собирается, отвернулся.

— Ты часто сюда приходишь?

— Как только появляется возможность сбежать от дел. Погляди-ка вон на те скалы. Видела когда-нибудь что-то подобное?

Внизу сквозь туман она могла различить острые, как бритва, каменные выступы, которые поднимались прямо из-под земли и выглядели неестественно и опасно.

— Как ты думаешь, отчего все это произошло? Будто какой-то гигант попытался достать скалу из-под земли, вытащил ее наполовину, да так и оставил.

Хьюстон ела один из кренделей, которые Кейн положил в сверток. Он уже заявил ей, что эти кренделя — самая лучшая пища на свете, и что она должна все время иметь их под рукой.

— Я думаю, геологи, возможно, нашли бы лучшее объяснение. Тебе не хотелось бы воспользоваться случаем, чтобы походить в школу и изучить такие вещи, как, например, почему эти скалы имеют подобную форму?

Кейн очень медленно повернулся к ней.

— Ты хочешь что-то сказать — так говори это. Мое образование оказалось достаточным, чтобы заработать пару-тройку миллионов долларов. Неужели тебе этого мало?

Хьюстон изучающе уставилась на свой крендель.

— Скорее, я имела в виду людей менее удачливых, чем ты.

— Я трачу на благотворительность не меньше других, — на его лице проявилась жесткая линия скул.

— Просто я подумала, что сейчас самое время сказать тебе, что я пригласила твоего кузена Яна жить у нас.

— Моего кузена Яна? Это не тот ли угрюмый, злобный парень, которого ты спасла от драки?

— Ты можешь описать его и так, но я бы, скорей, сказала, что у него на лице есть выражение твоей... решительности.

Кейн проигнорировал ее последнее замечание.

— С какой это стати ты решила взвалить на себя такую проблему, как он?

— Он очень умен, но вынужден был бросить школу, чтобы помогать своей семье. Он еще мальчик, но несколько лет работает в шахте. Надеюсь, ты не очень сердишься, что я пригласила его, не спросив сначала тебя. Но наш дом достаточно велик, и, потом, он же твой настоящий кузен.

Поднявшись на ноги, Кейн начал завязывать сверток. Потом он зашагал дальше, теперь уже по более ровной земле.

— На мой счет можешь не беспокоиться, только держи его от меня подальше. Я не особенно люблю детей, — наконец сказал он.

Хьюстон последовала за ним.

— Даже своего собственного сына?

— Я его даже ни разу не видел — как же мне прикажешь его полюбить?

Она попыталась перекинуть ногу через упавшее дерево, преграждавшее ей дорогу. Штаны Кейна, которые ей пришлось надеть, были настолько велики, что они цеплялись за сучки и запутывались в ветках.

— Я думала, тебе будет хотя бы любопытно. Его голос донесся откуда-то из зарослей белых осин:

— Единственное, что мне прямо сейчас хотелось бы знать, так это продаст ли мне старушка Хетти Грин свою часть акций железной дороги.

Задыхаясь, она решила наконец догнать его, но опять зацепилась рукавом рубашки за ветку. Пытаясь освободиться, она закричала ему:

— Кстати, тебе удалось получить тот дом мистера Вандербильта?

Кейн вернулся, чтобы помочь ей, осторожно выпутал рукав, а затем и ее волосы из ветвей.

— А, это. Естественно. Хотя это было и не просто, ну то, что мы здесь и вообще. За те деньги, которые я трачу на телеграммы, я бы мог купить всю их компанию.

— Ты же не владеешь «Западным Союзом»? — спросила она, округлив глаза.

Кей, казалось, не замечал, что она подшучивает над ним.

— Только небольшой частью. Когда-нибудь они будут контролировать телефоны по всей стране. При нынешнем положении эта чертова штука оказывается бесполезной. Никому не позвонишь, кроме как внутри Чандлера. А кому надо говорить с кем бы то ни было в Чандлере?

Она взглянула вверх в его глаза и мягко сказала:

— Ты бы мог позвонить своему сыну. С глубоким стоном Кейн развернулся и снова пошел по дороге.

— Эден был прав. Мне нужно было жениться на какой-нибудь крестьянской девушке, которая не сует свой нос в чужие дела.

Хьюстон практически пришлось бежать, чтобы не отстать от Кейна, однако то и дело спотыкалась о валявшиеся ветки, а один раз поскользнулась на громадном грибе. Она гадала, не зашла ли она слишком далеко, но несмотря на все его слова, судя по тону, Кейн не злился.

Они прошли еще около мили, прежде чем подошли ко входу в запущенную шахту, расположенному на самом крутом склоне холма. Отсюда открывался вид на лежащую внизу долину.

Шахта уходила в глубь земли всего футов на двадцать, а потом резко обрывалась.

Хьюстон подобрала с земли кусок угля и рассматривала его на солнце. Вблизи уголь выглядел прекрасно: блестел, почти как серебро, так что Хьюстон вполне была готова поверить в то, что, если приложить усилия и время, уголь можно превратить в бриллиант.

Хьюстон взглянула на крутой склон горы на другой стороне долины.

— Как я и думала, — сказала она, — уголь здесь не имеет никакой ценности.

Кейна больше интересовал вид, однако уголком глаза он посмотрел на куски угля, разбросанные по земле.

— По мне, он выглядит так же, как и везде. Что с ним не так?

— С углем все в порядке. На самом деле, он даже очень высокого качества, но сюда нельзя провести железную дорогу. Без железной дороги уголь не имеет ценности, как на собственном опыте узнал мой отец.

— Я думал, твой отец зарабатывал деньги торговлей.

Хьюстон потерла уголь о ладонь. Она ощущала лоснящуюся поверхность и углы на месте, где камень был расколот. Многие рабочие думали, что в угле нет примесей и сам по себе он не вреден для здоровья, поэтому они клали кусочки угля в рот и сосали их во время работы.

— Да, так и было, но он приехал в Колорадо потому, что прослышал о ценности здешнего угля. Он думал, что здесь окажется полно богатых людей, и чуть не расстался с жизнью, везя сюда две сотни угольных печей через всю Великую Пустыню, как раньше называли землю между Сент-Джозефом и Денвером. Мой отец решил, что здесь их оторвут у него вместе с руками.

— Мне кажется это вполне разумным. Так что он продал эти печи и начал новое дело в торговом бизнесе.

— Нет, он стал практически банкротом. Понимаешь, с углем в Колорадо все в порядке, его здесь можно копать лопатой, но в то время еще не построили железной дороги, поэтому с выгодой для себя продать уголь было невозможно. На телегах, запряженных волами, много не увезешь.

— И что сделал твой отец?

Хьюстон улыбнулась при воспоминании об истории, которую ей так часто рассказывала мама.

— У моего отца были грандиозные планы. У подножья этой горы находилось маленькое поселение фермеров, и мой отец подумал, что это могло бы быть идеальным местом для города — его собственного города. Он давал каждому фермеру по одной угольной печи, если тот соглашался покупать уголь только у компании «Угольные разработки Чандлера», город Чандлер, Колорадо.

— Ты хочешь сказать, он назвал город своим именем?

— Совершенно верно. Я хотела бы посмотреть на лица тех людей, когда он сообщил им, что теперь они живут в городе мистера Вильяма Хьюстона Чандлера, эсквайра.

— Все эти годы я думал, что город был назван в его честь потому, что он совершил какой-нибудь героический поступок, например, вынес сотню детей из горящего дома.

— Миссис Дженкс в библиотеке говорит, что отец удостоился такой чести за свой огромный вклад в процветание города.

— Так как же получилось, что твой отец заработал все свои деньги не на угле?

— Его спина стала сдавать после одного года работы в шахтах. Он копал уголь, загружал его и отправлял в город, но через год он продал шахту паре дюжих фермерских сынков за

жалкие гроши. Потом спустя всего месяц он вернулся на Восток, купил пятьдесят один вагон всяких товаров, женился на моей матери и повез ее и еще двадцать пять пар молодоженов, чтобы поселиться в славном городе Чандлере, штат Колорадо. Мама говорит, что на камине того дома, который кто-то имел наглость назвать «Чандлер-отелем», куры раньше устраивали себе насест.

— А строительство железной дороги сделало тех фермерских сынков богатыми, — сказал Кейн.

— Точно. Но к тому времени мой отец уже умер, а семья моей матери успела снова выдать ее замуж за всеми уважаемого мистера Гейтса.

Хьюстон зашла внутрь, чтобы осмотреть шахту, а Кейн остался снаружи.

— Мне кажется, человеку приходят в голову иногда, очень забавные идеи. Весь этот город считает вас чем-то вроде королевской семьи, но на, самом-то деле твой отец оказался просто таким хвастуном, что захотел иметь свой собственный город. Взял да и назвал его своим именем. Не такой уж он и король получается?

— Он был королем для меня и моей сестры — и для моей матери. Когда я и Блейр были еще детьми, город решил объявить праздником день рождения моего отца. Мама попыталась рассказать всем правду, но, потерпев полный крах, она поняла, что городу нужен был герой.

— И какую же роль в этом играет Гейтс? Хьюстон тяжело вздохнула.

— Репутация мистера Гейтса никогда не могла быть особенно высокой, так как он владеет пивоварней. Поэтому, когда королева Опал Чандлер со своими двумя молодыми принцессами снова оказалась на ярмарке невест, он предложил все, что у него было. Семья моей матери с большим энтузиазмом согласилась.

— Ему тоже нужна была настоящая леди, — с сочувствием сказал Кейн.

— И он решил, что эти три женщины под его крышей должны отвечать его непреклонным взглядам на то, какой же должна быть настоящая леди, — проговорила Хьюстон сквозь зубы.

Кейн минуту помолчал.

— Я думаю, трава у соседа всегда кажется зеленой. Хьюстон встала рядом с ним и взяла его за руки.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что, если бы тебя воспитывали как сына, а не отправили бы в конюшни, ты был бы таким же избалованным, как Марк. Вряд ли бы ты стал настоящим мужчиной, который знает цену своего труда?

— Ты поворачиваешь дело так, будто Фентон сделал мне услугу, — ошеломленно сказал Кейн.

— Оказал.

— Что?!

— Фентон оказал тебе услугу, а не «сделал». Я поправляю тебя. Это было частью нашего договора.

— Ты уходишь от ответа. Знаешь, надо было бы послать тебя в Нью-Йорк заниматься со мной бизнесом. Ты б довела парочку тамошних воротил до белого каления.

Она обвила руками его шею.

— Можно мне лучше доводить тебя?

Обвив руками шею Кейна, Хьюстон заметила на его лице необычное выражение — как будто внутри него происходила борьба. Казалось, он не мог удержаться, чтобы не поцеловать ее, но, с другой стороны, не хотел этого делать.

Наконец он взял ее голову и приник к губам, как умирающий от жажды человек. Хьюстон прижалась к нему, чувствуя, как ей передается сила его тела.

— Кейн, — ее шепот доносился откуда-то глубоко из горла.

Он отодвинулся, чтобы посмотреть на нее. В его потемневших глазах горело желание.

— Что ты со мной сделала? Уже сколько лет я подчиняюсь только своей голове, а не тому, что у меня между ног. Но сейчас мне кажется, что я убил бы любого, кто осмелился бы забрать тебя.

— Даже женщину? — спросила она, целуя его.

— Да, — смог он только сказать, начиная срывать с нее большую рубаху, в которую она была одета.

Когда они занимались любовью до этого, Хьюстон чувствовала, что какая-то часть Кейна оставалась равнодушной, была где-то далеко, а не с ней. Но сейчас все было по-другому. Не осталось никакой холодности, сдержанности или отстраненности.

Как раненый бык, Кейн схватил ее и понес на руках внутрь заброшенной шахты. Взглянув на страстное лицо Кейна, Хьюстон подумала, вот мужчина, который сделал миллионы всего за несколько лет. Это тот Кейн Таггерт, каким он должен быть. Это мужчина, которого я люблю, мужчина, чья любовь мне необходима.

У Кейна, похоже, не было никаких мыслей. Он положил ее на землю, целуя и одновременно стаскивая с нее оставшуюся одежду. Его рот с жадностью приник к ее мягкой коже, покрывая поцелуями все тело.

Он не был больше похож ни нежного, терпеливого и внимательного любовника. На его месте был мужчина, сгорающий от желания. Хьюстон думала, что удовлетворила эту страсть раньше, но сейчас сознание покинуло ее, и она превратилась в сплошную массу животного, пульсирующего чувства.

Прикосновения рта Кейна были похожи на волны огня, окатывавшие ее тело сверху донизу, проникая до самых костей, пока она не почувствовала, что полностью охвачена этим пламенем.

Своими сильными пальцами он прижимал ее к своей коже, такой горячей, как будто огонь у нее внутри сжигал и его тоже. Он перевернулся на спину, с такой легкостью поддерживая ее тело, как будто она весила не больше ребенка.

Одним быстрым, плавным движением, он поднял ее тело и вошел в нее. Хьюстон издала такой полукрик-полустон удовольствия, что он прокатился эхом по всей шахте.

Ее голова откинулась, на ее шее и завитках волос блестел пот, и, положив руки на его плечи, она отдалась своему порыву всевозрастающей страсти. У нее не было мыслей. В тот момент она только чувствовала, так, как она никогда до этого не чувствовала.

Руки Кейна впивались в ее кожу. Он поднимал и опускал ее, и она все больше и больше взвинчивала бешеный ритм движений, высвобождающих их дремавшую до сих пор страсть.

На секунду она открыла глаза и увидела его, увидела выражение на его лице, его приоткрытый рот, его зажмуренные глаза; и удовлетворение, исходившее от него, снова

зажгло в ней ее собственные чувства.

Темп возрос.

— Кейн! — ей показалось, она лишь прошептала это слово, но звук опять отозвался со всех сторон, разносясь эхом в холодном воздухе по всей шахте.

Кейн не ответил, но продолжал поднимать и опускать ее со все увеличивающейся скоростью, и, когда он в последнем яростном порыве вошел в нее, Хьюстон почувствовала, как ее тело вдруг застыло, ее спина прогнулась до оцепенения, а ноги сжали бедра Кейна.

Ее тело забилося в судорогах, а потом все вдруг кончилось, и она бессильно упала на его мокрую от пота грудь. Руки Кейна так крепко прижимали ее, что ее ребра, казалось, вот-вот не выдержит, но она поджала под себя руки и попыталась вжаться в него еще больше.

Они, не шелохнувшись, лежали рядом друг с другом, и только рука Кейна нежно ерошила ее волосы.

— Ты заметила, что начался дождь? — тихо спросил он через некоторое время.

Хьюстон была безразлична ко всему, за исключением его тела, лежащего рядом с ней, и тех замечательных, незабываемых чувств, которые она только что испытала. Она помотала головой, но на большее ей не хватило сил.

— Ты заметила, что здесь температура — градусов сороки что я лежу на сотне маленьких острых кусочков угля, которые ты находишь столь красивыми, и что моя левая нога отсохла еще час назад?

Улыбаясь она откинулась на его теплую грудь и кивнула головой.

— Я полагаю, в ближайшую неделю-другую ты двигаться не собираешься.

Хьюстон распирало от смеха, но она спрятала лицо и мотала головой.

— И тебя не волнует, что у меня пальцы на ногах замерзли так, что если я их стукну обо что-нибудь, они, скорей всего, просто отвалятся?

Ее отрицательный ответ только заставил его прижать ее крепче к себе.

— А тебя нельзя было бы подкупить?

— Можно, — прошептала она.

— Как насчет того, чтобы быстренько одеться, остаться здесь и смотреть, как идет дождь, и ты бы могла задавать мне вопросы? Это тебе нравится больше всего, насколько я могу судить.

Она подняла голову, чтобы посмотреть на него.

— А ты ответишь на них?

— Может быть, и нет, — нежно сказал он, поднимая ее, но неожиданно остановился и поцеловал долго и страстно. Потом он погладил ее щеку. — Ведьма, — пробормотал он, поворачиваясь, чтобы взять брюки.

Когда Кейн встал, Хьюстон увидела, что вся его спина была усеяна мелкими камешками угля. Она принялась отряхивать его. Ее грудь то и дело слегка касалась его спины.

Кейн повернулся и схватил ее за запястья.

— Не начинай этого снова. В тебе, леди, есть что-то такое, чему я вряд ли могу противостоять. И хватит тут стоять с таким самодовольным видом.

Даже когда он говорил, его глаза блуждали по ее обнаженному телу.

— Хьюстон, — чуть ли не прорычал он, отпуская ее и отворачиваясь, — ты совершенно не такая, как я ожидал. А сейчас — чтоб быстро оделась, пока я... опять не сваял дурака.

Хьюстон не стала спрашивать, что означало, что он «опять сваяет дурака», но ее сердце радостно забилося, и она начала натягивать на себя позаимствованную у Кейна

одежду. При виде оторванных пуговиц и порванной материи она заулыбалась.

Она еще не успела одеться, когда он уже усадил ее к себе на колени, удобно облокотившись на стену туннеля.

Снаружи, не переставая, лениво накрапывал дождь. Хьюстон поуютнее устроилась в объятиях Кейна.

— С тобой я чувствую себя счастливой, — сказала Хьюстон, прижимаясь к нему.

— Со мной? Ты даже не получила подарка, который я для тебя приготовил. Он задумался на секунду.

— А, ты имеешь в виду — прямо сейчас. Ну в общем, и ты не заставляешь меня особенно грустить.

— Нет, это именно ты делаешь меня счастливой, а не подарки и даже не занятия любовью, хотя, конечно, это помогает.

— Хорошо. Расскажи мне, как же я делаю тебя счастливой.

В его голосе было предостережение.

Перед тем как заговорить, она минуту раздумывала.

— Вскоре после того, как было объявлено о нашей с Лиандером помолвке, мы должны были ехать на бал в Мансонский Дворец. Я очень долго предвкушала этот вечер, и, вероятно, себе под настроение я заказала красное платье. Не мягкий темный цвет, а яркий, алый. В тот вечер перед отъездом я надела платье и чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете.

Она сделала паузу, чтобы перевести дыхание и напомнить себе, что сейчас она находилась здесь, у Кейна на руках, и в полной безопасности.

— Когда я спускалась по лестнице, мистер Гейтс и Лиандер уставились на меня, и я наивно подумала, что они испытывают благоговейный восторг от того, как я выгляжу в этом красном платье. Но, когда я дошла до конца лестницы, мистер Гейтс закричал на меня, что я выгляжу как проститутка и чтобы я шла наверх и переделалась. Лиандер вступился за меня и сказал, что он позаботится обо мне. Я думаю, что никогда не любила его больше, чем в тот момент.

Она снова остановилась.

— Когда мы приехали на бал, Лиандер предложил чтобы я не снимала свой плащ и говорила, что простудилась. Я весь вечер просидела в углу, чувствуя себя такой несчастной.

— Почему ты не послала их обоих ко всем чертям и не танцевала в своем красном платье?

— Думаю, я всегда делала то, что люди от меня ожидали. Поэтому ты и делаешь меня счастливой. Мне кажется, ты думаешь, что раз Хьюстон лазит по оконным решеткам в одном нижнем белье, значит, это то, что делают все леди. Кроме того, ты особенно не возражаешь против моих неприличных с тобой заигрываний.

Она повернулась, чтобы взглянуть на него. После короткого поцелуя он повернул ее голову обратно.

— Я не возражаю против заигрываний, но мы могли бы обойтись без твоих публичных появлений в нижнем белье. Я полагаю, ты уже не помнишь щенков?

— Я не уверена, что знаю, о чем ты говоришь.

— На дне рождения Марка Фентона — мне кажется, ему тогда исполнилось восемь лет — я повел тебя в конюшни и показывал щенков с черными и белыми пятнами.

— Вспомнила! Но это не мог быть ты, это же был взрослый мужчина.

— Думаю, мне тогда было восемнадцать, значит тебе должно было быть...

— Шесть. Расскажи мне об этом.

— Вы с сестрой приехали на праздник вместе, в белых платьях с розовыми поясами и с розовыми бантами в волосах. Твоя сестра сразу убежала на задний двор играть с другими детьми в салки, но ты пошла и села на железную скамью. Ты не пошевелила ни единым мускулом, просто сидела там, положив руки на колени.

— А ты остановился передо мной с тачкой, в которой, по-видимому, только что была целая куча конского навоза.

Кейн хрюкнул.

— Вполне возможно. Мне стало тебя жаль, ведь ты сидела там совсем одна, поэтому я спросил тебя, не хочешь ли ты посмотреть щенков.

— И я пошла с тобой.

— Ну, для начала ты окинула меня своим тяжелым взглядом сверху донизу. Я думаю, я выдержал испытание, поскольку ты пошла со мной.

— И я надела твою рубашку, а потом случилось что-то ужасное. Я помню, что я разревелась.

— Ты не хотела подходить близко к щенкам, а стояла в сторонке и наблюдала за ними. Сказала, что не хочешь испачкать платье, поэтому-то я и дал тебе мою рубашку, чтобы ты надела ее сверху на платье, да и к ней-то ты не хотела прикасаться, пока я не поклялся три раза, что она чистая. А то, что ты помнишь как великую трагедию, было вот чем. Одна собака наскочила на тебя сзади, схватила бант, и он развязался. Я никогда не видел, чтобы ребенок был так расстроен. Ты начала реветь и сказала, что мистер Гейтс возненавидит тебя. А когда я сказал, что могу снова его завязать, ты ответила, что только твоя мамочка умеет завязывать банты правильно. Ты прямо так и сказала: «Правильно».

— А ты все-таки завязал его правильно. Даже мама не заподозрила, что он развязывался.

— Я ведь только тем и занимался, что заплетал лошадям гривы и хвосты.

— Для Пам?

— Ты чертовски много ей интересуешься. Ревнуешь?

— Нет, после того как ты отверг ее.

— Вот почему нельзя рассказывать секреты женщинам.

— Ты бы хотел, чтобы я ревновала? Кейн задумался.

— Я бы не возражал. По крайней мере ты знаешь, что я отверг Пам. Я что-то не слышал ничего подобного о Вестфилде.

Она поцеловала руку Кейна, которая лениво поглаживала ее грудь. Она точно знала, "что говорила ему о Лиандере уже несколько раз.

— Я отвергла его перед алтарем, — мягко сказала она.

Кейн еще немного сжал объятия.

— Я думаю, именно это, и получилось тогда. Потому что у него и приблизительно нет столько денег, сколько у меня.

— Ты и твои деньги! У тебя есть что-нибудь кроме них на уме? Например, поцелуй?

— Я выпустил джина из бутылки, — засмеялся он, однако подчинился ей без единой тени неудовольствия.

— Веди себя прилично, — сказал он, наконец выпрямившись. — Я не такой выносливый, как ты. Не забывай, по сравнению с тобой, я старый человек.

Ухмыльнувшись, Хьюстон поерзала на его коленях.

— И я старею с каждой минутой. Сиди спокойно! Гейтс был прав, что упрятал вас двоих под замок.

— Ты тоже упрячешь меня? — прошептала Хьюстон, кладя голову ему на плечо.

Он так долго думал над ответом, что она повернулась посмотреть на него.

— Я бы мог, — в конце концов ответил он, а потом с очевидным намерением поменять тему сказал:

— Ты знаешь, все последние годы я разговаривал только о бизнесе.

— О чем же ты разговаривал с другими твоими женщинами?

— С какими это другими женщинами?

— Другими. Как мисс Ларуа.

— Я вообще не помню, чтобы когда-нибудь разговаривал с Винни о чем бы то ни было.

— Но ведь так приятно лежать после этого... вместе... и разговаривать.

Он провел рукой по ее телу.

— Я думаю, это очень приятно. Но не могу сказать, что делал это раньше. Я думаю, после того, как мы... я полагаю, я просто уходил домой. Знаешь, я даже не помню, чтобы мне хотелось остаться там полежать, поразговаривать. Чудовищная трата времени, — сказал он, но не сделал никакой попытки освободиться от нее. Хьюстон прижалась к нему.

— Холодно?

— Нет, мне никогда еще не было так тепло.

Лежа на кровати в хижине и глядя на одевающегося Кейна, Хьюстон поняла, что ее короткий медовый месяц кончился.

— Полагаю, нам надо ехать, — грустно сказала она.

— Ко мне сегодня утром должны прийти кое-какие люди, и я не могу себе позволить, чтобы они меня не застали.

Он повернулся к ней.

— Я хотел бы остаться здесь с тобой подольше, но я не могу.

В его голосе тоже звучала печаль, и Хьюстон решила, что лучше помочь ему, чем вступать в пререкания. Она быстро встала с постели и начала надевать свой костюм для езды. Кейну пришлось помочь ей затянуть корсет.

— Как, скажи на милость, тебе удастся дышать в этой проклятой штуке?

— Я думаю, что дыхание к этому не имеет никакого отношения. Мне казалось, тебе нравятся стройные женщины. Без корсетов наши талии скоро были бы по семьдесят — восемьдесят сантиметров. Кроме того, корсеты поддерживают спину. Они действительно очень полезны для здоровья.

Кейн проворчал что-то в ответ и закончил запихивать еду в сумки. Она поняла, что в мыслях он опять вернулся к работе.

Они молча собирались в обратное путешествие в них по горе. Хьюстон не была уверена в том, что думал Кейн, но о себе она могла сказать, что никогда в жизни не была так счастлива. Страх за собственную холодность рассеялся, а впереди ее ждала жизнь с мужчиной, которого она любила.

Когда они выходили из хижины, Кейн остановился, чтобы еще раз окинуть взглядом маленькое жилище.

— Бьюсь об заклад, мне еще никогда не было здесь так хорошо, как в этот раз, — сказал он и, закрыв дверь, пошел к оседланным лошадям. Хьюстон сама собиралась сесть на лошадь, но Кейн поймал ее за руку и посадил в седло. Она попыталась скрыть свое удивление. И это был тот мужчина, который бросил ее одну карабкаться по скалам?

Кейн кивнул:

— Ты снова выглядишь, как леди, в этом костюме, — пробормотал он.

Они молча поехали вниз по предательски крутому склону, и несколько раз Кейн притормаживал, чтобы она могла его догнать.

Подъезжая к Чандлеру, они поехали медленнее, и Хьюстон наконец заговорила.

— Кейн, ты знаешь, о чем я думала все эти дни? Он хитро ей подмигнул:

— Конечно, знаю, дорогая, и я наслаждался каждым мгновением твоих мыслей.

— Нет, не это, — нетерпеливо сказала она. — Я думала о том, чтобы пригласить твою кухню Джин пожить с нами.

Когда она взглянула на Кейна, то увидела, что он открыл рот.

— Я сомневаюсь, что она примет прямое приглашение, потому что вы, Таггерты, все такие гордые, но я намеренно придерживала место управляющего свободным, думаю, она будет рада получить работу. Так мы сможем вытащить ее из угольных лагерей, и, кроме того, тебе не кажется, что она и Эден могли бы составить очаровательную пару?

Кейн уставился на нее и все еще не мог закрыть рот.

— Ну, так что ты думаешь?

Наконец ему удалось закрыть рот и отвести взгляд.

— Когда я сказал Эдену, что собираюсь жениться, он спросил у меня, готов ли я впустить в свою жизнь женщину. Этот прохвост чуть не помер со смеху, когда я сказал, что не собираюсь из-за женитьбы менять свою жизнь. Теперь мне становится ясно, почему он смеялся. Кого еще ты намерена пригласить жить в наш дом? Городских алкоголиков? Но скажу тебе сразу, мой предел — это проповедники. Я люблю проповедников еще меньше, чем детей. Хотя, конечно, это не имеет значения, кто мне нравится...

Он замолчал, когда Хьюстон гордо подняла голову и пришпорила лошадь. Секунду он, не двигаясь, смотрел на нее, потом подстегнул лошадь и одним рывком догнал ее.

— Дорогуша, мы не будем сходить с ума, а? Ладно? Ты можешь пригласить, кого пожелаешь — дом и так большой. Мне лично вообще все равно.

Первый раз в жизни он пытался задобрить женщину и чувствовал себя при этом неловко.

Он взял поводья ее лошади.

— Я даже не видел этой женщины. Как хоть она выглядит? Может, она настолько уродлива, что мне и смотреть-то на нее не захочется.

Он мог поклясться, что заметил на ее губах еле различимую тень улыбки. Так, понятно... юмор — самый верный способ.

— На Джин был фиолетовый шифон на темно-красном сатине, с маленькими бриллиантами на плечах и...

— Постой-ка! — прервал он. — Ты имеешь в виду эту маленькую черненькую, зеленоглазую девчонку с кругленькой попкой и потрясающими лодыжками? Вообще-то я видел, как она выходила из экипажа, и икры у нее тоже что надо.

Хьюстон посмотрела на него.

— На нашей свадьбе ты рассматривал других женщин?

— Когда не был занят тем, что смотрел, как ты лазила по цветочным решеткам на окнах. Пораскинув мозгами, должен признаться, что ты выглядела совсем неплохо в одном нижнем белье.

Он погладил ее руку.

Вдалеке виднелся город, где кипела жизнь, которая потребует от них много времени. Сейчас у них была последняя возможность побыть наедине.

Как будто прочитав ее мысли, Кейн снял ее с лошади, обнял за плечи, и они пошли рядом, как будто это была последняя ночь в их жизни.

Когда через два часа они вошли в дом Таггерта, на их одежде была грязь, в волосах застрял репейник, а их лица покраснелись, Кейн держал Хьюстон за руку, пока не появился Эден.

Эден бросил на них взгляд и, когда он обрел дар речи, сказал Хьюстон:

— Вижу, что ты нашла его. Кейн, там тебя ждут четыре человека и полдюжины телеграмм. И вот еще, Хьюстон, мне кажется, те слуги, которых ты наняла, находятся на грани войны.

Хьюстон почувствовала, как Кейн в последний раз сжал ее руку и затем исчез в глубине дома. Она поднялась по лестнице в свою комнату, чтобы переодеться. Реальность вернулась к ним.

Через десять минут Кейн зашел к ней сказать, что уезжает по неотложным делам и

вернется, как только покончит с ними. Он уехал на три дня.

В первые же четыре часа после отъезда Кейна Хьюстон поняла, что замужество оказалось тем, чем она его и представляла. У Блейр могли быть свои амбиции, жажда изменить мир, но для Хьюстон было достаточно просто вести хозяйство того мужчины, которого она любила.

Конечно, управление домом Кейна было, скорее, похоже на командование армией во время войны, но ее специально готовили занять пост генерала.

Первое, что она сделала, это послала записку Джин Таггерт, умоляя ее приехать на несколько дней, чтобы помочь с обустройством дома. Потом Хьюстон написала письмо отцу Джин о том, что хотела предложить его дочери остаться и быть их управляющим. Хьюстон молилась, чтобы Шервин Таггерт, захотел отослать свою дочь подальше от угольного лагеря.

Когда она отправляла посыльного относить это письмо, Хьюстон в первый раз дали понять, что есть вещи, которые не нравятся слугам. Посыльному казалось ниже своего достоинства идти в угольный лагерь, и, как настоящий американец, он не задумывался над выбором выражений.

Хьюстон холодно спросила, нужна ли ему эта работа, и если да, то он будет делать, что приказано, и не будет унижать родных человека, который его кормит. Когда дело было улажено и посыльный отправился в путь, Хьюстон спустилась вниз и стала распределять обязанности других слуг, которых она наняла. Большинство из них продолжали сидеть на голом полу, отказываясь что-либо делать, пока им точно не разъяснят, где начинаются и где кончаются их обязанности. Хьюстон сразу же поняла, почему мисс Джоунз настоятельно советовала брать на работу только опытных слуг.

На следующее утро семь служанок уже драили дом, четверо лакеев сносили мебель с чердака и еще трое помогали миссис Мерчисон на кухне. Снаружи занимались своей черновой работой кучер и два конюха, а четверых молодых, крепких парней Хьюстон отправила ухаживать за садом.

Она сама решила пойти туда, чтобы представиться мистеру и миссис Накасона. Хьюстон изо всех сил пыталась объяснить им, что привела в их распоряжение этих работников, но ни она их, ни они ее понять не могли. В этот момент она увидела лицо Яна в верхнем окне.

Утром, помогая ей одеться, Сьюзен рассказала Хьюстон о том, какой скандал затеял этот ужасный Рейф Таггерт после того, как гости разошлись. Просто Сьюзен случайно услышала кое-что. Молодой Ян говорил, как он ненавидит своего кузена Кейна и что никогда не будет жить в его доме. Рейф сказал, что это все пустая похвальба, так как никто не приглашал его сюда. Ян возразил, что его пригласила Хьюстон, но он скорее умрет, чем примет приглашение.

Как раз после этого Рейф с Яном и подрались, и Рейф, ввиду большей весовой категории, легко победил. Рейф сказал, что Ян останется со своим кузеном и будет пользоваться всеми преимуществами, которые могут дать деньги, даже если ему, Рейфу, придется бить Яна каждый день до конца жизни, и еще он сказал, что найдет Яна, если тот, не дай Бог, убежит.

В результате всего этого Ян затворником сидел в комнате, где Хьюстон оставила его в первый день. Миссис Мерчисон была единственной, кто виделся с ним, когда приносила ему

еду и книги.

— Книжки? — спросила Хьюстон.

— Мальчик вроде бы их очень любит, — сказала Сьюзен. — Миссис Мерчисон говорит, что он читает все дни напролет, и это не очень хорошо. Она считает, ему нужно присоединиться к другим мальчикам и поиграть в бейсбол, а то он совсем не выходит на улицу.

Теперь, когда Хьюстон разобралась с прислугой, ее мысли обратились к Яну. Если мальчик будет жить с ними, он должен стать частью их семьи.

Поднявшись наверх, она постучала в его дверь, и спустя несколько минут он сказал ей, что она может войти. По его покрасневшему лицу она поняла, что он что-то скрывает, и ей показалось, что она заметила краешек книги, торчащий из-под кровати.

— Вы вернулись, — сказал он, как будто обвиняя ее.

— Мы приехали вчера, — заметила она, хотя была уверена, что он это знал. — Тебе нравится твоя комната?

Большая, просторная, светлая комната по размерам была в два раза больше, чем весь дом Таггертов в шахтерском поселке, но в ней не было еще никакой мебели, кроме единственной кровати, покрытой грязной простыней — по причине того, что Ян не слезал с нее уже который день.

— Все в порядке, — проворчал Ян, глядя на мысок своего тяжелого рабочего ботинка.

Опять эта гордость Таггертов, подумала Хьюстон.

— Ян, не мог бы ты мне помочь сегодня днем? У меня есть четверо работников, чтобы носить мебель, но, я думаю, мне понадобится человек, который будет следить, чтобы они не поотбивали углов, пока будут спускать ее вниз. Ты мне поможешь?

Ян сначала колебался, но потом согласился. Хьюстон было любопытно, как же он справится со своими новыми обязанностями, ей казалось, что он будет маленьким тираном. Но он удивил Хьюстон. Он оказался осторожным, предусмотрительным и очень серьезным. Только поначалу, когда ему пришлось применить свою юношескую силу, чтобы установить свой авторитет, он проявил признаки нетерпения. К полудню он настолько вошел в эту роль, что Хьюстон оставалось только указывать места, куда надо было ставить мебель.

Она с изумлением наблюдала за Яном, за тем, так он умело руководил спуском большого письменного стола по главной лестнице. Тут за ее спиной раздался голос Эдена:

— Кейн был таким же. У людей, подобных этим двоим, никогда не было детства. Твои лакеи чувствуют это, и поэтому подчиняются ребенку.

Она повернулась к нему:

— Ты умеешь играть в бейсбол? У Эдена загорелись глаза.

— Еще бы! Ты думаешь организовать команду?

— Людей у меня почти достаточно. Я хочу позвонить в магазин спортивных товаров Вогана и заказать кой-какое снаряжение. Как ты думаешь, я смогу научиться бить этой палкой по мячу?

— Хьюстон, — сказал он, поворачиваясь обратно к кабинету Кейна, — я думаю, ты сможешь сделать все — стоит только захотеть.

— Обед в семь, — закричала она ему вдогонку, — и все должны быть одеты подобающе.

Она услышала смех Эдена, когда он заходил в кабинет.

Обед прошел в приятной атмосфере, и сдержанность Эдена частично умерила злость мальчика.

Но на следующий день все было по-другому. Хьюстон не видела Кейна с тех пор, как он вернулся после полудня, и он все еще не снял своей грубой рабочей одежды, в которой он был во время деловой поездки. Однако она не собиралась затевать с ним спор. Пусть он увидит, что оказался единственным, кто сел за стол в грязной парусине.

Эден, выглядевший поразительно красивым в темном строгом костюме, ожидал ее на верхней ступеньке, а Ян, одетый в один из Эденовых костюмов, который был ему лишь чуть-чуть велик, стоял в тени гостиной.

Хьюстон молча взяла предложенную Эденом руку, а другую руку протянула Яну. Несколько долгих секунд он не двигался, но Хьюстон продолжала стоять столь же упрямо, как и он, и в конце концов ему пришлось подойти к ней и взять ее под руку.

Лестница была достаточно широкой, чтобы они могли спуститься все вместе.

— Ян, — сказала Хьюстон, — я не знаю даже, как тебя отблагодарить за твою помощь в эти дни.

— Должен же я отрабатывать свое содержание, — пробормотал он в замешательстве, но похвала была ему приятна.

— Куда это все запропастились? — заорал Кейн снизу, потом подошел к лестнице и увидел их. — Куда вы собрались? Эден, ты мне нужен.

Пока он говорил, его глаза смотрели на одну только Хьюстон. Все остальные для него просто не существовали.

— Мы идем обедать, — сказала Хьюстон, с силой удерживая руку Яна в своей. Он попытался выдернуть ее, когда появился Кейн. — Ты присоединишься к нам?

— Кто-то же здесь должен зарабатывать на жизнь, — фыркнул он, повернувшись на каблучках, и скрылся в кабинете.

За обедом пока прислуга меняла блюда, Хьюстон перевела разговор на то, что прочитал Ян за последние несколько дней. Эту тему они еще не затрагивали.

Ян чуть не подавился куском мяса. Его дядя Рейф и Шервин поощряли его чтение, он приучился читать втайне, чтобы не прослыть неженкой.

— Марк Твен, — прочистив горло, сказал он с вызовом.

— Хорошо, — заметила Хьюстон. — Я собираюсь завтра договориться с учителем, чтобы он приходил давать тебе уроки. Я думаю, так будет лучше, чем посылать тебя в школу, так как ты уже перерос других детей. А кроме того, мне хотелось бы иметь тебя под рукой.

Ян на секунду оторопел.

— Я не собираюсь идти ни в какие там ваши школы, где все будут обзывать и смеяться надо мной. Я уеду обратно на угольные шахты и...

— Я полностью с тобой согласна, — ; прервала его Хьюстон. — И завтра мы поедем примерять тебе новую одежду. А, щербет. Думаю, тебе это понравится. Эден рассмеялся, увидев выражение лица Яна.

— Тебе бы лучше сдать, парень. Никто еще не переспорил эту леди.

— Кроме него, — сказал Ян.

— И в особенности он, — ответил Эден. Как только они принялись за десерт, Хьюстон уговорила Яна рассказать им историю Гекльберри Финна, но тут появился Кейн, и мальчик замолк, уткнувшись в свою тарелку.

— Долго ж вы едите, — сказал Кейн, ставя ногу на стул и протягивая руку, чтобы взять виноград из блюда в центре стола.

Взгляд, брошенный Хьюстон, заставил его умолкнуть и сесть на стул. Она кивнула

лакею, который положил перед ним прибор и принес десерт. Оправившись от удивления, Кейн начал с удовольствием есть шоколадную шарлотку, да с таким удовольствием, что остальные стали наблюдать за ним. Кейн отложил ложку, и на его лице появилось выражение, как будто он хотел провалиться сквозь землю.

Ян исподтишка поглядывал на кузена, Эден же сосредоточился на еде.

Хьюстон освободила место во главе стола для Кейна и села рядом с Яном, напротив Эдена. Однако Кейн не пересел на свое место, а вместо этого продолжал сидеть рядом с Эденом. Хьюстон поймала устремленный на нее взгляд Кейна, взяла в руку вилку, и он начал подражать тому, как надо есть, более или менее соблюдая манеры. Чтобы возобновить разговор, она сообщила о новых садовниках и о том, как эта японская семья приняла от нее помощь.

Кейн рассказал, как он познакомился с Накасона, Эден поддержал разговор историей о том, как ему присылают растения со всего мира, а Ян поинтересовался, какое это дерево растет под его окном. Все это выглядело несколько неуклюже, но все же было похоже на разговор, и что самое главное — на разговор приятный. Когда закончили с едой, все четверо улыбаясь вышли из столовой.

После обеда Кейн и Эден пошли опять работать, а Ян и Хьюстон вернулись в маленькую гостиную. Хьюстон вышивала наволочки, а Ян читал, и после непродолжительных уговоров он начал читать ей вслух. У него был хороший голос и способность к чтению по ролям. Эден на некоторое время присоединился к ним. Когда настало время ложиться спать, Хьюстон в одиночестве поднялась наверх, так как Кейн надолго засел в своем кабинете, и дым от его сигар просачивался в щель под дверь. Где-то посреди ночи он залез к ней в постель, прижал ее к своему большому, теплему телу и тут же уснул. Хьюстон проснулась от явственного ощущения того, как руки Кейна гладят ее ноги и бедра. Она повернулась к нему, еще даже не открыв глаза, и он прильнул к ее губам и начал заниматься с ней любовью нежно и спокойно.

Только после того как их желание было удовлетворено, Хьюстон наконец открыла глаза.

— Решила удостовериться, что это твой муж? — спросил Кейн, улыбнувшись ей. — Или тебе любой сойдет в такую рань?

Она решила ответить на подшучивания Кейна таким же образом.

— Откуда я могу знать насчет других мужчин? Может, мне стоит попробовать?

Он нахмурился и стал подниматься.

Она обняла его сзади, и ее голая грудь прижалась к его спине — Я только пошутила. У меня нет никакого желания спать с другими мужчинами. Он отстранился от нее.

— Мне нужно идти работать, иначе у нас не хватит денег, чтобы прокормить армию слуг, которых ты наняла.

Хьюстон лежала на кровати и наблюдала за ним, пока он не ушел в ванную. Какую-то черту его характера она все еще не знала.

Стук в дверь прервал ее размышления.

— Мисс Хьюстон, — сказала Сьюзен, — мисс Джин Таггерт и ее отец ожидают внизу со всеми своими вещами и хотят поговорить с вами.

— Я сейчас спущусь, — закричала она, выскакивая из кровати и сожалея, что не может еще побыть с Кейном. Когда Хьюстон оделась, он уже работал.

Спустившись вниз, она провела Джин в маленькую гостиную.

— Я так счастлива, что ты решила принять мое предложение, — начала Хьюстон. — Мне действительно необходим управляющий.

Джин подняла руку.

— Тебе не нужно продолжать мне лгать. Я знаю, почему ты предлагаешь мне работу, и я лучше тебя знаю, что меня придется всему учить, и я поначалу буду больше помехой, прежде чем принесу пользу. Но есть вещь поважнее моей гордости: я должна вытащить мою семью из угольных шахт. Рейф подкупил Яна, чтобы он уехал, а мой отец подкупил меня. Я пришла попросить о еще большем, чем то, что ты уже предложила. Я буду работать для тебя как собака, если ты позволишь моему отцу жить со мной.

— Конечно, — быстро сказала Хьюстон, — И, Джин, вы все моя семья, тебе совершенно необязательно быть управляющим. Ты можешь жить здесь как гостя, без всяких обязанностей и возражений с моей стороны, но только с одним условием: если тебе здесь понравится.

Джин улыбнулась:

— Я бы сошла с ума через две недели. Но если ты приглашаешь и моего отца, то я остаюсь.

— Только в том случае, если вы будете сидеть с нами за одним столом. Он очень большой и почти пустой. А сейчас можно мне познакомиться с твоим отцом?

Когда Хьюстон увидела Шервина Таггерта, она поняла, почему Джин хотела вызволить его из шахт. Шервин угасал на глазах. Хьюстон была уверена, что Джин об этом знала, и ее отец тоже, но было очевидно, что никто не хотел говорить об этом.

Хьюстон нашла Шервина мягким, вежливым человеком, и уже через несколько минут она заставила всю прислугу суетиться вокруг него, стараясь угодить ему. У них разгорелся небольшой спор о том, где поселить старого Таггерта. Спор выиграла Джин, выбрав комнату управляющего, с дверью, выходящей в сад, и расположенную около лестницы, ведущей наверх в комнату, отведенную для самой Джин.

На ленч Кейн остался в кабинете, но Эден присоединился к возросшей группе за обеденным столом. Было видно, что в присутствии своего дяди и Джин Ян чувствует себя свободнее, и за столом царил необычайно приятная атмосфера. Шервин рассказывал о смешном случае в шахте, и, пока все смеялись, в комнату вошел Кейн. Хьюстон представила его родственникам, и он огляделся в поисках места. Так как рядом с Эденом сидела Джин, Кейн некоторое время оставался стоять — до тех пор, пока Хьюстон не дала знак лакею, чтобы тот положил еще один прибор во главе стола.

До конца трапезы Кейн хранил молчание и только наблюдал за всеми, а особенно за тем, как ела Хьюстон. Она ела медленно, давая Кейну возможность рассмотреть, какую из вилок она использовала.

Под конец ленча Хьюстон обернулась к Яну:

— У меня есть для тебя хорошие новости. Вчера я послала телеграмму другу моего отца, которые живет в Денвере, и спросила его, не хотел бы он приехать в Чандлер и быть твоим учителем. Мистер Честертон — англичанин, он был раньше путешественником. Он объездил весь мир, начиная с Египта с его пирамидами и кончая Тибетом. Я сомневаюсь, что остался какой-нибудь уголок, где он не побывал. А сегодня утром пришел ответ, что он согласен. Я думаю, из него получится замечательный учитель, как ты считаешь?

Ян только уставился на нее.

— Африка? — наконец сказал он.

— И многое другое. Она встала из-за стола.

— Ну а теперь, кто хочет играть в бейсбол? У меня есть все, что нужно, и даже книжка с инструкциями, а поле для игры расчерчено на северной лужайке. К сожалению, я ни слова из всего этого не понимаю.

— Я думаю, Ян может показать тебе самые основы, — сказал Шервин, его глаза весело поблескивали. — И могу предположить, что и Эден кое-что вспомнит.

— Ты пойдешь с нами, Эден? — спросила Хьюстон.

— Был бы рад.

— А ты, Джин?

— Поскольку я все равно не знаю, как подступиться к управлению такого огромного дома, как этот, то я вполне могу быть столь же бесполезной и на бейсбольном поле.

— Ну а ты, Кейн? — спросила Хьюстон у своего мужа, когда он стал выходить из-за стола. У него было растерянное выражение.

— У меня еще есть работа, и, Эден, ты мне понадобишься.

— Полагаю, тогда меня можно не считать, — поднимаясь, сказал Эден. — Увидимся за ужином.

Оказавшись в кабинете Кейна, Эден увидел, как он подошел к окну и стал смотреть на тех, кто пошел играть в бейсбол. Эдену пришла в голову мысль, что Хьюстон намеренно устроила бейсбольное поле прямо под окнами своего мужа. Дважды ему приходилось повторять вопросы, прежде чем Кейн на них ответил.

— Она по-настоящему красивая, правда? — спросил Кейн.

— Кто? — спросил Эден, притворившись, что не понимает о ком идет речь, и уткнувшись в ворох утренних телеграмм, изучая предложения на землю, фабрики, акции и все остальное, что Кейн покупал или продавал в данный момент.

— Хьюстон, конечно. Черт! Посмотри на этого Яна. Играет! В его возрасте я работал по четырнадцать часов в день.

— Так же, как и он. Так же, как и я. Поэтому он играет сейчас, — сказал Эден, бросая телеграммы на стол. — Все это может подождать пару часов. Думаю, я пойду отдохну на солнышке и поболтаю о чем-нибудь, кроме денег.

У двери он остановился:

— Ты идешь?

— Нет, — сказал Кейн, не отрываясь от бумаг. — Кому-то лучше остаться здесь и... — он поднял голову. — Какого дьявола, да, я иду. Интересно, как далеко можно запустить мяч этой битой? Ставлю сотню, что я побью тебя и всех остальных гам.

— Принимаю пари, — сказал Эден, выходя наружу.

Бейсбол полностью захватил Кейна. Первые три попытки он промахивался мимо мяча, но ни у кого не хватило духу сказать ему, что он нарушает правила, зато, когда он наконец попал по нему, мяч просвистел в воздухе и врезался прямо в окно второго этажа. Он был ужасно собой доволен и с этого момента раздавал направо и налево советы.

Один раз Кейн и Ян чуть не полезли друг на друга с битами, но Хьюстон удалось расцепить их, пока дело не дошло до крови. К ее ужасу, оба повернулись к ней и предупредили, чтобы она не лезла не в свое дело. Она спряталась за Шервина.

— Теперь Ян почувствует себя как дома, — сказал Шервин. — Они с Рейфом все время спорили. Он скучает по... спорам.

Хьюстон вздохнула:

— Кейн тоже называет это спорами. Ты не думаешь, что они покалечат друг друга?

— Я думаю, у Кейна достаточно здравого смысла, чтобы не дать зайти этому слишком далеко. Теперь твоя очередь, Хьюстон.

Хьюстон совершенно не была озабочена тем, чтобы попасть битой по летящему мячу, но ей очень понравилось, когда Кейн обхватил ее сзади руками, показывая, как надо держать биту. Ян закричал, что Кейн нечестно помогает команде соперников, и, пока Кейн ругался с Яном, Хьюстон зашвырнула мяч за вторую базу.

— Беги! — закричала Джин. — Беги, Хьюстон, беги!

Хьюстон рванула изо всех сил, задирая юбку почти до колен. Эден продолжал стоять на первой базе, улыбаясь и наблюдая за ней, но тут Кейн быстро пересек поле, схватил мяч и побежал назад к Хьюстон. Она увидела, что он приближается, и подумала, что если он в нее врежется, то она не переживет этого столкновения. Она побежала быстрее, краем уха услышав, как кто-то кричит Кейну, чтобы он остановился, пока не покалечил Хьюстон.

Он догнал ее у самого игрового «дома», схватив за лодыжки и опрокинув ее прямо лицом в грязь. Но она вытянула руку и коснулась базы.

— Успела! — закричал Шервин.

Кейн вскочил на ноги и заорал на своего невысокого дядю, а Ян поддержал товарища по команде и тоже начал кричать. Шервин просто стоял на месте и молчал.

Джин помогла Хьюстон встать и осмотрела ее в поисках синяков и ушибов. Хьюстон с любовью взглянула на своего орущего мужа и сказала:

— А он любит выигрывать, не правда ли?

— Не меньше, чем ты, — сказала Джин, глядя на огромную дыру на платье и грязь на лице Хьюстон. Хьюстон дотронулась до руки мужа.

— Дорогой, поскольку мы сегодня вас полностью разгромили, может, мы сделаем сейчас перерыв, чтобы освежиться, а ты сможешь взять реванш завтра.

На секунду лицо Кейна потемнело, но потом он засмеялся, схватил ее в охапку и закружил.

— Я побил всех акул с Уолл-стрит, но вас, леди, мне не побить ни в чем.

— Кончай хвастаться, и давайте немного перекусим, — сказал Эден. Он повернулся к Джин и предложил ей руку. — Вы разрешите?

Обе пары пошли к дому, и Шервин с Яном отправились за ними.

Казалось, что бейсбол растопил лед между членами семьи. Кейн перестал закрываться в кабинете во время обеда, а Ян снова стал разговорчивым. Кейн заявил Яну, что тот мечтатель и понятия не имеет о реальном мире. Ян, посчитавший слова Кейна вызовом, предложил ему показать, что же такое этот «реальный» мир, причем сделал это в таких выражениях, что Хьюстон пригрозила выгнать Яна из-за стола.

Кейн начал вводить Яна в мир бизнеса, показывая ему биржевые сводки и обучая его тому, как надо читать контракт. Всего через несколько дней Ян уже говорил о ценах на землю в городах, оперируя при этом суммами в несколько тысяч долларов.

Однажды Хьюстон увидела, что Шервин рассеянно что-то рисует на клочке бумаги. Позже она обнаружила, что это было довольно точное изображение одной из колорадских птиц-пересмешников. Она заказала у Сейлза большой набор цветных красок и подарила его Шервину, придумав целую историю, будто нашла его на чердаке, и спросив, не знает ли он, кому это могло бы пригодиться. Она опасалась вновь наткнуться на непробиваемую гордость Таггертов, которая не позволит старику принять подарок.

Шервин с таким пониманием рассмеялся, что Хьюстон покраснела. Он взял краски и поцеловал ее в щеку. После этого он большую часть времени проводил в саду, рисуя все, что взбредет ему в голову.

Хьюстон дважды посещала Блейр в новом «Женском лазарете Вестфилда», оставаясь там по многу часов и заново узнавая свою сестру после долгой разлуки. И однажды Лиандер позвонил ей с просьбой нанять для них слуг. Его голос был осторожен и нерешителен, и она вспомнила, как он попытался заговорить с ней в церкви в день объявления помолвки, и как она грубо с ним обошлась.

— Ли, — начала она, — я рада тому, как все вышло. Я по-настоящему счастлива с Кейном. Он ответил не сразу.

— Я никогда не хотел причинять тебе боль, Хьюстон.

Она улыбнулась в телефонную трубку:

— Это я настояла на том, чтобы мы с Блейр поменялись местами. Может быть, я знала, что она будет тебе лучшей парой, чем я. Может забудем все и станем друзьями?

— Это было бы моим самым искренним желанием. И знаешь, Хьюстон, этот человек, за которого ты вышла замуж, он хороший человек.

— Да, я знаю, но почему ты так считаешь?

— Мне пора идти, и спасибо за совет насчет управляющего. Блейр еще меньше, чем я, в этом понимает. Возможно, мы увидимся в церкви в воскресенье. Счастливо.

Хьюстон в недоумении уставилась на телефонную трубку, потом пожала плечами и вернулась в библиотеку.

Спустя три недели после свадьбы Хьюстон сказала Кейну, что она наконец готова заняться обустройством его кабинета. Она предполагала, что, возможно, он будет возражать, но такой бурной вспышки не ожидала. Выражая свое мнение по поводу ее вторжения на его частную территорию, он пользовался такими словами, каких она раньше даже не слышала, но, чтобы понять их, большого ума не требовалось.

Эден и Ян стояли неподалеку и с интересом следили, кто же выиграет это сражение.

У Хьюстон не было понятия, как с этим справиться, однако она решила стоять на своем.

— Я собираюсь вычистить эту комнату и поставить нормальную мебель. Либо ты дашь мне сделать это сейчас, в твоём присутствии, либо я это сделаю, пока ты будешь спать.

Кейн навис над ней с угрожающим видом, и Хьюстон отпрянула, но не сдалась.

Выходя из комнаты, Кейн так сильно хлопнул дверью, что она чуть не сорвалась с петель.

— Чертовы женщины! — прокричал он. — Не могут оставить человека в покое, все время что-нибудь меняют, они просто не могут вынести того, что человек счастлив.

Когда Хьюстон обернулась к Эдену и Яну, они лишь слабо ей улыбнулись и поспешили выйти из комнаты.

Хьюстон подозревала, что комната будет грязной и захлавленной, но когда она туда вошла, то обнаружила, что это просто свинарник. Шестерым людям понадобилось полтора часа на то, чтобы вымыть ее, включая мраморные статуэтки львов на камине. Когда все было чисто, Хьюстон приказала лакеям заменить дешевый дубовый стол Кейна на новый, в стиле Уильяма Кента, сделанный в 1740 году. За столом могли сидеть сразу трое человек — два компаньона и один посетитель. Она поставила к столу два кожаных кресла и еще одно огромное, обитое красной кожей — специально для Кейна. Когда она впервые увидела его на чердаке, то сразу же поняла, где оно будет стоять, и кто на нем будет сидеть.

Когда новый письменный стол был на месте, Хьюстон отослала всех слуг, за исключением Сьюзен, наверх, а они вдвоем начали разбирать то, что в таком беспорядке захламяло комнату. Она знала, что бесполезно было пробовать сортировать документы, распиханные по всем уголкам кабинета, поэтому Сьюзен принесла горячие утюги, и они выглаживали скомканные бумаги и клали их аккуратно в ящики стола.

К камину примыкали два стеновых шкафа со стеклянными дверцами, оба набитые бумагами, и в одном из них стояли четыре бутылки из-под виски и шесть стаканов, которые ни разу не мыли за последние, по крайней мере, четыре года.

— Прокипяти это, — сказала Хьюстон, держа их от себя как можно дальше. — И проследи, чтобы каждое утро у мистера Таггерта были здесь чистые стаканы.

В стеклянных шкафах она расставила коллекцию маленьких медных статуэток Венеры.

— Мистеру Кейну они понравятся, — захихикала Союзен, глядя на изысканных, пухленьких обнаженных женщин.

— Я думаю, они именно для него и покупались. В северной стене кабинета были встроены еще два шкафа, и, когда они открыла один из них, Хьюстон была изумлена. Вперемешку с бумагами там лежали груды денег, некоторые перевязанные, некоторые скомканные в шарики, а остальные банкноты вывалились из шкафа на пол.

Со вздохом Хьюстон принялась сортировать их.

— Скажи Альберту, чтобы он позвонил в канцелярский магазин, и чтоб они тотчас привезли мне кассу. Принеси еще пару горячих утюгов, и мы посмотрим, можно ли разложить всю эту кучу в аккуратные пачки.

В удивлении разинув рот, Сьюзен направилась делать то, что ей было приказано.

Когда Кейн вошел в свой кабинет, он разглядывал его долго время, отмечая драпировку из темно-синей парчи, коллекцию красивых статуэток и красное кресло. Он уселся в него.

— По крайней мере, ты не перекрасила комнату в розовый цвет, — сказал он. — Ну а теперь ты разрешишь мне заняться своей работой?

Хьюстон улыбнулась и, проходя мимо, поцеловала его в лоб.

— Я знала, что тебе понравится. Признаешь ты это или нет, но тебе нравятся красивые

вещи. Он поймал ее за руку.

— Мне кажется, да, — сказал он и посмотрел на нее снизу вверх.

Хьюстон вышла из комнаты, чувствуя, будто она парит на крыльях счастья, и во время примерки у портного сидела, глупо улыбаясь.

Через два дня они давали свой первый прием, который прошел с огромным успехом. Хьюстон пригласила только несколько своих друзей, которых Кейн уже встречал, и он чувствовал себя уютно и казался обаятельным хозяином. Он разливал шампанское для дам и сопровождал всех во время большой экскурсии по дому.

Только позже, во время развлечений, Хьюстон пережила момент, когда ей хотелось провалиться сквозь землю. Она наняла странствующего ясновидца, чтобы он выступил. Кейн беспокойно ерзал на кресле первые десять минут, потом стал разговаривать с Эденом, сидевшим рядом с ним, насчет участка земли, который он хотел купить. Хьюстон толкнула его локтем в бок, он обернулся к ней и довольно громко сказал, что этот человек мошенник, и что он не останется здесь больше ни на минуту. На виду у всех он встал и вышел из комнаты.

Позже, когда все гости разъехались, Хьюстон нашла мужа в саду. Она шла по извивающимся грязным дорожкам вниз по пологому склону, поросшему травой. Высокий холм, на котором стоял дом, был сзади нее, а впереди простиралась неведома, волшебная долина с тенистыми деревьями и высокими травами, и единственными звуками, раздававшимися здесь, было пение птиц.

— Мне не понравился этот человек, — сказал Кейн, не оборачиваясь, и продолжал курить, прислонившись к дереву. — Волшебства не бывает, и я не мог оставаться там и делать вид, что оно существует.

Она дотронулась пальцами до его губ, потом ее руки обвились вокруг его шеи. Он наклонился, чтобы поцеловать ее, прижимая ее тело к себе.

— Как это такой конюх вроде меня сумел окрутить такую леди, как ты?

— Просто повезло, я думаю, — ответила она, прежде чем снова поцеловать его. Одной из черт Кейна, которая ей нравилась больше всего, было то, что у него не было никакого понятия о том, что верно, а что нет. Не так далеко находились посторонние люди, слуги, которым вполне могло прийти в голову совершить вечернюю прогулку, садовники, которые могли искать оставленные после работы инструменты, но никто из них не волновал Кейна.

— На тебе чертовски много одежды, — сказал он и начал расстегивать платье, постепенно обнажая ей плечи.

Когда она осталась стоять в одном нижнем белье, он плавно поднял ее на руки и понес через лужайку и заросли цветов в мраморную беседку со статуей Дианы, богини охоты.

Он положил ее на траву у подножия статуи и осторожно снял с нее остатки одежды, целуя все открывавшиеся части тела.

Хьюстон была уверена, что никогда в жизни еще не чувствовала себя так хорошо, и где-то внутри стала постепенно зарождаться страсть, пока наконец у нее не осталось ничего, кроме единственного желания, чтобы это мгновение никогда не кончалось.

Он гладил и ласкал ее тело, пока у нее не закружилась голова. Казалось, что мир сорвался с места и вращается вокруг, и у нее стало сводить пальцы.

Когда наконец он лег на нее, на его лице играла улыбка, как будто он прочитал ее мысли. Она вцепилась в него, прижимая все крепче и крепче, пока они не стали единой плотью.

Он стал двигаться медленнее, продливая ее экстаз, приближая ее к еще большему напряжению страсти.

— Кейн, — постоянно повторяла она, — Кейн. Когда он наконец достиг вершины, по ее телу прошла судорога, и она вздрогнула под напором собственного оргазма.

Он лежал на ней, крепко прижимая ее. Его кожа, влажная от пота, бронзовым отблеском мерцала в лунном свете.

— Что ты со мной сделала, женщина? — чуть слышно прошептал он.

Кейн медленно отодвинулся.

— Тебе тепло? Хочешь, зайдем внутрь?

— Никогда, — сказала она, уютно прижавшись к нему. Горный воздух приятно освежал ее мокрую кожу. Она взглянула на статую над ними.

— А знаешь ли ты, что Диана — богиня-девственница? Как ты думаешь, она не будет возражать против нашего вторжения?

— Может, будет ревновать, — презрительно фыркнул Кейн, поглаживая гладкую кожу ее живота и бедер.

— Как ты думаешь, почему Джекоб Фентон платил Шервину за работу на шахте, если и так ясно, что он слишком слаб, чтобы по праву получать жалование?

Стон, который издал Кейн, откатываясь от нее, шел из самого сердца.

— Я вижу, что медовый месяц подошел к концу. Ну-у, может быть для тебя он все еще продолжается, так как не успели мы еще пожениться, как ты уж начала задавать свои вопросы. Полагаю, одеться ты сможешь сама. Прежде чем лечь спать, мне еще нужно доделать кое-какие дела.

С этими словами он оставил ее одну.

Хьюстон разрывалась между желанием разреветься и радостью оттого, что спросила, о чем хотела. Что-то крепко связывало Фентонов и Таггертов, и она была уверена, что Кейн не сможет быть по-настоящему счастлив до тех пор, пока не освободится от того, что его беспокоило.

На следующую ночь Хьюстон неожиданно проснулась вся дрожа и каким-то образом сознавая, что жизни ее сестры грозит опасность. Она слышала часто повторяемую их матерью историю о том, как однажды шестилетняя Хьюстон уронила мамин любимый чайный сервиз и залилась слезами, уверяя, что с Блейр что-то случилось. В конце концов они нашли Блейр без сознания в русле засохшей реки со сломанной рукой в результате падения с дерева. Блейр же должна была в это время быть на уроке танцев.

Но с тех пор эта странная связь между сестрами-близнецами никак не проявляла себя — до этой ночи. Кейн позвонил Лиандеру, а потом больше двух часов держал Хьюстон в объятьях, пока та не перестала дрожать. Хьюстон почувствовала, что опасность прошла, и крепко заснула.

На следующий день Блейн приехала к Хьюстон домой и рассказала о происшествии, которое действительно могло стоить ей жизни.

Через четыре дня после этого случая в их жизнь ворвался Закари Янгер. Таггерты только садились обедать, как в столовую вбежали мальчик и преследующий его лакей. Мальчик истошно заорал, что слышал, будто Кейн — его отец, а у него уже есть один, и ему не нужен второй. В следующую секунду он исчез.

Все выглядели ошеломленными, за исключением Кейна. Он сел на свое место, в то время как другие продолжали стоять, и спросил служанку, какой будет суп.

— Кейн, я думаю, ты должен догнать его, — сказала Хьюстон.

— Зачем?

— Просто поговорить с ним. Я думаю, у него разрывается сердце оттого, что тот, кого он считал своим отцом, вдруг оказался совсем чужим человеком.

— Муж Памелы и был отцом мальчика, насколько я могу судить. И я, черт побери, не собираюсь говорить ему ничего другого.

— Может быть, тебе следует объяснить это ребенку.

— Я понятия не имею, как надо разговаривать со всякими там детьми.

Хьюстон посмотрела на него.

— Чертовы женщины! Еще один год, и я согнусь, если буду тратить все свое время на всякие твои идиотские выдумки.

Когда он направился к двери, Хьюстон коснулась его руки.

— Кейн, не предлагай ему, никаких подарков. Просто расскажи правду и пригласи его познакомиться с его кузеном Яном.

— Почему бы мне не пригласить его к нам жить, чтобы он помогал тебе выдумывать для меня разные поручения? — он вышел за дверь, бормоча себе под нос что-то вроде «умираю с голода».

Кейн шел медленно, однако Зак двигался еще медленнее. Они поравнялись.

— Любишь играть в бейсбол? Зак повернулся, и на его красивом молодом лице была злоба.

— С тобой — нет.

Кейн немного растерялся перед напором такой злости.

— У тебя нет совершенно никаких причин сердиться на меня. Из того, что я слышал, твой отец был хорошим человеком, и я не собираюсь с этим спорить.

— Люди в этом городишке говорят, что ты мой отец.

— Это еще как посмотреть. Всего несколько недель назад я даже не знал, что ты есть на свете. Любишь виски?

— Виски? Я... я не знаю. Никогда не пробовал.

— Ну пошли тогда в дом. Мы опрокинем по стаканчику, а я пока расскажу тебе о мамах и папах и красивых девушках.

Хьюстон весь день нервничала, так как Кейн со своим сыном заперлись в его кабинете и сидели там уже несколько часов подряд. И когда наконец Закари вышел с покрасневшимся лицом, он взглянул на Хьюстон из-под ресниц, глупо ухмыляясь.

— Закари как-то странно на меня посмотрел, — сказала она Кейну.

Кейн изучал ногти на левой руке.

— Я объяснил ему кое-что насчет того, как делают детей, и, думаю, я немного увлекся.

У Хьюстон чуть не отвалилась нижняя челюсть. Кейн взял яблоко.

— Мне нужно работать, так как завтра придет Зак играть со мной и Яном в бейсбол. Он пристально посмотрел на нее.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? Ты как будто немножко позеленела. Пожалуй тебе не плохо было бы отдохнуть. Забота об этом доме отнимает у тебя слишком много сил.

Он поцеловал ее в щеку, прежде чем вернуться в кабинет.

Через четыре дня Кейн решил посетить спортивный магазин Вогана и посмотреть, что там есть из спортивного инвентаря. Его с Эденом команда с треском проиграла команде Яна и Зака. Кейн внушал Яну страх, проведя все свое детство в угольных шахтах, мальчик был еще недостаточно уверен, чтобы обвинять Кейна в игре не по правилам. В конце концов, это в прямом смысле слова была его бита.

У Зака подобной неуверенности не было. Он заставлял Кейна следовать каждому правилу до последней буквы и не позволял своему отцу применять то, что Кейн называл «творческим подходом». Пока что Кейн проигрывал игру за игрой, поскольку отказывался следовать правилам, которые придумал кто-то другой. Он хотел переписать правила игры в бейсбол.

Сейчас он и Эден были в спортивном магазине, выбирая все необходимое для тенниса, велосипеда и полный гимнастический комплект индийских булав и колец.

С другого конца прилавка стоял Джекоб Фентон. Последнее время он редко появлялся на людях, предпочитая оставаться дома, читать биржевые сводки и проклинать судьбу за то, что его единственный сын ни в малейшей степени не интересовался бизнесом. Но недавно он увидел луч надежды, потому что его дочь, которую он давно считал ни на что не способной, возвратилась домой со своим маленьким сыном.

Молодой Закари был сыном, о котором человек может только мечтать: с жадной учиться, любознательный, чрезвычайно умный, у мальчика было даже чувство юмора. Фактически единственным недостатком его было то, что он все больше тянулся к своему отцу. Дни, когда он должен был быть дома, изучая, как надо управлять угольными шахтами, которые в один прекрасный день перейдут к нему в наследство, он проводил в доме своего отца, играя в различные игры. Джекоб решил выбить клин клином и купить мальчику все спортивные принадлежности, какие только можно было найти.

Кейн с теннисными ракетками и двумя пятнадцатифунтовыми гирями в руках повернул за угол и столкнулся лицом к лицу с Джекобом Фентоном. Кейн остановился и посмотрел на него глазами, в которых вспыхнул гнев.

Джекоб не имел ни малейшего представления о том, кто был этот большой, смуглый человек, если не считать того, что он кого-то ему смутно напоминал. Костюм, в который был одет молодой человек, несомненно стоил больших денег.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Джекоб, пытаясь пройти мимо.

— Не узнаешь меня, когда я не в конюшне, так что ли, Фентон?

Джекоб понял, что этот человек напоминал ему Закари. И он прекрасно знал, почему лицо Таггерта выражало ненависть. Он отвернулся.

— Подожди-ка минутку, Фентон! — крикнул Кейн. — Ты приглашен в мой дом на обед через две недели, считая с сегодняшнего дня.

Джекоб остановился на секунду, но не повернулся к Кейну, а только коротко кивнул головой, перед тем как быстро покинул магазин.

Кейн молча положил на прилавок охапку ракеток, и Эден передал продавцу длинный перечень покупок.

— Пошлите все это ко мне домой, — сказал Кейн, не заботясь о том, чтобы

представиться. Он вышел наружу и забрался в свой экипаж.

Когда Эден присоединился к нему, он тронул поводья.

— Думаю, мне пора достать что-нибудь получше этой старой колымаги, чтобы ездить тут по округе.

— Зачем? Чтобы поразить Фентона? Кейн взглянул на своего друга:

— Что у тебя на уме?

— Зачем ты пригласил старика Фентона на обед?

Кейн сжал челюсти:

— Ты чертовски хорошо знаешь зачем.

— Да, я знаю зачем: чтобы показать ему, что ты преуспел лучше него, похвастаться своим красивым домом, и красивым столовым серебром, и красивой женой. Ты когда-нибудь задумывался о том, что почувствует Хьюстон, когда узнает, что была тебе нужна точно так же, как и новая коляска?

— Это не правда, и ты это знаешь. Хьюстон порой доставляет массу хлопот, но у нее есть свои положительные стороны, — улыбаясь сказал Кейн.

Голос Эдена стал холодным.

— Ты говорил раньше, что, когда Хьюстон сыграет свою роль и сядет за твой стол вместе с Джекобом Фентоном, ты избавишься от нее и вернешься в Нью-Йорк. Если я не ошибаюсь, ты собирался откупиться от нее с помощью драгоценностей.

— Я дал ей целый сундук с драгоценностями, а она даже не открыла его. Мне кажется, ей нравятся другие вещи.

— Ей чертовски нравишься ты, и ты об этом знаешь.

Кейн ухмыльнулся:

— Да, похоже на то. А кто знает, с другой стороны? Если бы у меня не было денег...

— Денег! Ну ты и сволочь! Ты не видишь дальше собственного носа. Не приглашай Фентона. Не дай Хьюстон узнать, почему ты женился на ней. Ты не знаешь, что это значит, потерять человека, которого ты любишь.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Я и не собираюсь ничего терять. Все, что мне надо, так это пригласить Фентона на обед. Ради этого я работал большую часть своей жизни, и я не собираюсь отказывать себе в этом удовольствии.

— Да ты даже не знаешь, что такое настоящее удовольствие. Мы оба работали потому, что у нас ничего не было. Не рискуй всем, что у тебя есть, Кейн, я прошу тебя.

— Я ничего такого не теряю. Можешь не приходить, если не хочешь.

— Я бы ни за что не пропустил твоих похорон, а значит, я обязательно приду.

Приводя свои волосы в порядок, Хьюстон обнаружила, что ее руки сильно дрожат. Последние две недели были такими сумасшедшими, что ее нервы сдали. Поначалу, когда Кейн объявил, что собирается пригласить Фентонов на обед, Хьюстон очень обрадовалась. Она подумала, что это могло бы стать хорошим поводом, чтобы улучшить отношения между двумя мужчинами.

Но вскоре ее радость сменилась отчаянием. Никогда еще она не видела, чтобы Кейн был чем-либо так озабочен. Он то и дело спрашивал ее, все ли, что она затевает для этого званого вечера, высшего качества. Он внимательно изучил тисненые приглашения, и, если бы миссис Мерчисон могла заранее приготовить блюда, которые будут подавать к ужину, он бы проверил и их. Он стоял над лакеем, когда тот полировал старинное ирландское серебро. Он перерыл весь гардероб Хьюстон и заявил, что у нее нет ничего достойного, и по его настоянию ей пришлось надеть бело-золотое платье, причем Кейн самолично выбирал материал из тех образцов, которые модельер доставил ему на дом. Кроме того, он всем заказал новые костюмы, и в назначенный день двое специально нанятых портных помогали мужчинам одеться. Даже слуги получили новую одежду, и Хьюстон пришлось уговаривать его не заставляя лакеев пудрить волосы, как у слуг принца Уэльского в одном из ее модных журналов.

К концу двух недель все уже молили Бога, чтобы вечер поскорее прошел. К этому времени Шервин и Джин не выдержали и струсили, заявив, что они плохо себя чувствуют и не смогут присутствовать. Ян, осмелевший за время общения с Заком, сказал, что ни за что на свете не пропустит фейерверка. И кроме того, Фентон, будучи владельцем шахты, был для него воплощением дьявола. Он предвкушал, как на равных будет сидеть за одним столом со своим врагом.

Если бы к ним с визитом ехал сам президент, и то нельзя было бы подготовиться более тщательно, и невозможно было бы найти более обеспокоенных людей, чем в этом доме. Хьюстон боялась, как бы кто-то из прислуги не пролил суп на брюки Фентора, иначе Кейн мог вполне убить виновника прямо на месте.

Но ее руки дрожали не от этого, а оттого, что Кейн пообещал ей рассказать, что было между ним и Фентоном. Казалось бы, ей всегда хотелось это знать, но сейчас она чувствовала непреодолимую потребность сказать Кейну, что она больше этого не хочет.

Ее опасения подтвердились после вчерашнего телефонного звонка Памелы Фентон. Пам умоляла Хьюстон отменить обед, объясняя это тем, что у нее плохие предчувствия по поводу того, что будет сказано на этом обеде. Она заметила, что сердце ее отца может не выдержать и что она боится темперамента Кейна.

Хьюстон попробовала поговорить с Кейном, но он только заявил, что она ничего не понимает. Она ответила, что хотела бы его понять, если бы он ей все объяснил.

И именно тогда он пообещал, что расскажет ей все перед самым обедом.

Теперь, осматривая себя перед зеркалом, она обнаружила, что ее трясет.

Увидев Кейна у себя за спиной, она судорожно вздохнула.

— Повернись, — сказал он, — у меня для тебя кое-что есть.

Она повернулась обратно к зеркалу, и в этот момент Кейн опустил ей на шею каскад бриллиантов. Они лежали у нее на плечах, как высокий воротник, спадая с ключиц

замысловатыми петлями.

Он отступил на шаг и посмотрел на нее.

— Хорошо, — сказал он и, взяв ее за руку, повел в свою спальню.

Не говоря ни слова и ощущая тяжесть бриллиантов вокруг горла, она села в синее парчовое кресло перед инкрустированным круглым столиком.

Кейн подошел к панели в стене, сдвинул вбок часть декоративной лепки и нащупал маленький рычаг. Панель въехала внутрь, открывая сейф, вделанный в стену.

— Очень немногие знают полностью историю, которую я хочу тебе рассказать. Некоторые знают ее частично и додумывают ее сами, но додумывают не правильно. Мне удалось собрать ее по кусочкам только после многих лет работы.

Из сейфа он достал кожаный портфель, открыл его и протянул Хьюстон маленькую фотографию.

— Это моя мать.

— Чарити Фентон, — прошептала она, разглядывая красивую женщину на снимке: очень молодую, темноволосую, с черными глазами.

Она заметила удивление на лице Кейна.

— Эден рассказал мне, кто она такая.

— Он рассказал тебе все, что знал.

Он дал ей фотографию четырех молодых людей — все четверо выглядели, как будто чувствовали себе не в своей тарелке в студии фотографа. Двое из них были похожи на Кейна.

— Это четверо братьев Таггертов. Самый младший — Лайл — отец Яна, следующий — Рейф, затем Шервин, а потом мой отец, Фрэнк.

— Ты похож на своего отца, — сказала она. Кейн не ответил, а выложил все оставшееся содержимое портфеля на столик.

— Это оригиналы или копии всех тех документов, которые я смог разыскать. Все они относятся либо к моим родителям, либо к моему рождению.

Она пробежала глазами по бумагам, отметив только копию родословного древа, из которого становилось ясно, что Натаниель Таггерт женился на двенадцатилетней французской графине. Но вскоре Хьюстон снова подняла глаза в ожидании продолжения истории, которая стояла за бумагами и могла бы пролить свет на причины ненависти, питаемой Кейном к семье своей матери.

Он подошел к окну и окинул взглядом сад.

— Я не думаю, что ты что-нибудь знаешь о Горасе Фентоне, ввиду того, что он умер задолго до твоего рождения. Он был отцом Джекоба. Или по меньшей мере Джекоб думал, что Горас был его отцом. Правда заключается в том, что Горас уже отчаялся иметь своих детей и усыновил новорожденного одних людей, ехавших в Калифорнию, но трагически погибших под копытами взбесившихся лошадей. Но всего через несколько лет после этого у Гораса родилась-таки дочь, и они назвали ее Чарити потому, что были безумно счастливы.

— Из того, что мне удалось разузнать, не было ребенка, более избалованного, чем мисс Чарити Фентон. Мать брала ее в "путешествия по всему миру, а отец покупал ей все, о чем она могла только подумать.

— А как же обращались с Джекобом? — спросила Хьюстон.

— Неплохо. Старик Горас избаловал свою дочь, зато он научил своего сына, как выжить в этом мире, — может быть, для того, чтобы он мог помочь Чарити после его смерти. Джекоба научили управлять империей, которую создал Горас. Я точно знаю, как они

встретились. Я думаю, Фрэнка Таггерта уполномочили подать Фентону очередные жалобы по поводу лесопилки — это было еще до того, как открылись угольные шахты, — и он встретил Чарити. Как бы то ни было, они сошлись очень быстро, и она решила, что хочет выйти замуж за Фрэнка. Я не думаю, что когда-нибудь приходила в ее маленькую испорченную головку мысль, что ее отец посмеет ей в чем-либо отказать.

Но Горас не только запретил ей выходить замуж за Таггерта, но и запер ее в комнате. Каким-то образом ей удалось бежать, и она провела с Фрэнком два дня. Когда люди ее отца нашли их, она как раз была с ним в постели и заявила своему отцу, что не расстанется с Фрэнком, даже если от этого будет зависеть ее жизнь.

— Как это ужасно, — прошептала Хьюстон. Кейн достал сигару из тумбочки около кровати и закурил.

— Она-таки его получила: через два месяца она сообщила родителям, что беременна.

— Тобой, — мягко сказала Хьюстон.

— Мной. Горас выкинул дочь из дома и сказал ей, что она ему больше не дочь. Его жена слегла в постель и оставалась там до тех пор, пока не умерла четыремя месяцами позже.

— И ты ненавидишь Фентонов, потому что ты по закону такой же наследник, как и Джекоб, но тебя сослали в конюшни.

— Такой же, черт побери! — взорвался Кейн. — Ты еще и половины истории не слышала. Чарити переехала в трущобы, где жили Таггерты — единственное жилье, которое они могли себе позволить на ту зарплату, — что платил им Фентон, и возненавидела их. Конечно, никто не хотел с ней говорить: ведь она была одна из Фентонов, да и из того, что я слышал, никто и не собирался сбивать с нее спесь!.. Через два месяца после того, как она вышла замуж за Фрэнка Таггерта — у меня тут есть свидетельство о браке, — он погиб под рухнувшими штабелями.

— И Чарити вынуждена была вернуться в дом отца.

— Он был сволочью, каких свет не видывал. Чарити попыталась обойтись без него, но чуть не умерла с голода. Я разговаривал со служанкой, которая работала тогда у Фентонов, и она рассказала, что, когда Чарити вернулась, она была грязной, исхудавшей и на последнем месяце беременности. Горас только бросил на нее взгляд и сказал, что она убьет свою мать, и что она сможет остаться только в качестве служанки. Он послал ее мыть посуду на кухню.

Хьюстон поднялась и встала около мужа, положив руку на его плечо. Она чувствовала, как он дрожал от переполнявших его чувств. Голос Кейна сделался тише.

— После того как моя мать четырнадцать часов скребла тарелки Фентона, она поднялась вверх, родила меня и после этого хладнокровно повесилась.

Хьюстон в изумлении смотрела на него.

— Никто не спас ее?

— Никто. Фентон поместил ее в самую дальнюю комнату на чердаке, и, даже если она и кричала, никто не мог ее услышать.

— И что сделал Горас Фентон?

— Он ее и нашел. Кто знает, может быть, его заела совесть, и он шел, чтобы исправить дело, но было поздно. Она уже умерла.

Немногие могли рассказать мне, что случилось потом, так что мне пришлось все собирать по кусочкам. Горас нанял для меня кормилицу, потом провел день, заперевшись с целой армией адвокатов, и через двадцать четыре часа после того, как Чарити повесилась, он приставил пистолет к виску и выстрелил.

Хьюстон села. Ей было нечего сказать. Она думала о том, как Кейну пришлось жить с этой трагедией всю свою жизнь.

— Так что тебя растили Фентоны.

— Меня никто, черт побери, не «растил», — закричал он. — Когда через два дня после самоубийства Гораса Фентона было оглашено его завещание, оказалось, что вся его собственность завещалась сыну Чарити.

— Тебе?

— Мне. Джекобу не принадлежало и цента. Он назначался опекуном Кейна Джекоба Таггерта, трех дней отроду.

— Но я не понимаю... — сказала Хьюстон, — я думала...

— Ты думала, что я родился без цента в кармане.

Джекоб не выходил из комнаты несколько часов после оглашения завещания, но ему удалось подкупить всех до одного адвокатов и состряпать новое завещание, по которому все отходило ему.

— А ты?

— Людям говорили, что ребенок Чарити умер при рождении, и первые шесть лет меня перевозили с одной фермы на другую. Джекоб боялся, что если я надолго задержусь на одной ферме, то смогу узнать правду о своем рождении.

— Или Таггерты могли узнать о том, что ты жив. Я не могу представить, чтобы Рейф мог позволить, чтобы его племянника так обвели вокруг пальца с его наследством.

— Деньги — это власть, а ни у кого из Таггертов никогда их не было.

Хьюстон пересекла комнату.

— А Джекоб не хотел бросать всего того, над чем он работал все эти годы. Он, наверное, считал Гораса своим отцом, но в последнюю минуту у него отобрали все, как будто он ничего не значил. И все отдали какому-то младенцу.

— Ты что, на его стороне?!

— Конечно нет. Я просто стараюсь понять, почему он совершил такой ужасный поступок. Что, если бы он управлял всеми делами, доверяя тебе, а ты, когда стал совершеннолетним, решил бы выкинуть его на улицу?

— Я бы не мог так поступить.

— Но он об этом никак не мог знать. Ну и что теперь? Ты хочешь возмездия?

— Какого черта, нет. Я знал об этом все эти годы.

— Ты не собираешься отнять у него деньги обратно? Сейчас твой собственный сын живет у Фентонов, и ты не выбросишь его из дома, не так ли?

— Подожди хоть одну чертову минуту, прежде чем ты соберешься во всем этом деле занять сторону Фентона. Все, что я когда-либо хотел, так это чтобы Фентон однажды оказался за моим столом, который был бы больше его стола, и во главе которого была бы первоклассная леди.

Хьюстон долго не отводила от него взгляда.

— Полагаю, тебе следует рассказать мне остальную часть истории. Зачем ты пригласил мистера Фентона на обед и какую в этом роль играю я? — тихо спросила она. По какой-то причине она чувствовала, как страх сковывал ее тело.

Кейн повернулся к ней спиной.

— Все эти годы, что я работал у Фентона в конюшне, каждый раз, когда я чистил его ботинки, я думал, что возвышаюсь сам над собой, воображая себя в его огромном доме. Пам

и я начали валять дурака, а следующей вещью, которую я узнал, было то, что она вдруг уехала и оставила мне пятьсот долларов и «прощай-дорогой-мне-было-очень-приятно». Старина Джекоб впихнул меня в свой кабинет и заорал, что мне никогда не удастся заполучить то, на что он всю жизнь работал. В тот момент я думал, что он имел в виду Пам.

Я взял деньги и уехал в Калифорнию, и через несколько лет, когда я сколотил небольшое состояние, мне стало интересно, что же имел в виду Фентон, когда выгонял меня из своего дома. Я нанял нескольких человек, чтобы они что-нибудь разузнали. Это заняло порядочное время, но в конце концов я узнал правду.

— И ты задумал отомстить мистеру Фентону, — прошептала Хьюстон. — И я была частью твоего плана.

— Можно сказать и так. Сначала мне просто нужно было достаточно денег, чтобы не беспокоиться насчет того, что я опять могу стать конюхом. Но после того как я узнал, что меня обокрали, я начал мечтать о том, как приглашу Фентона на обед в свой собственный дом, и мой дом будет в пять раз больше, чем его. И в конце стола будет сидеть Пам, его дочь, для которой я был недостаточно достойной партией, как он мне сказал.

— Но ты не смог получить Пам.

— Я выяснил, что она уже была замужем и имела ребенка — я не знал, что ребенок мой — так что мне пришлось расстаться с мыслью жениться на ней. Естественно, я должен был построить дом в Чандлере, потому что иначе никто бы не узнал, что у конюха дела пошли в гору. И я хотел, чтобы Фентон мог видеть мой дом каждый день. Поэтому я стал думать, кто бы мог занять место Пам за столом, и я знал, что единственными настоящими леди в этом городе были близняшки Чандлер. Я нанял кое-кого разузнать о вас двоих и с самого начала понял, что Блейр не подойдет. Фентон мог бы посмеяться, что все, что я смог достать, была женщина, которую бы никто больше не взял.

— Тебе нужна была настоящая, истинная леди до мозга костей, — прошептала Хьюстон.

— Именно так. И нашел такую. Я был несколько разочарован, когда в первый раз сделал тебе предложение, и ты отвергла его. Однако я был уверен, что ты передумаешь. У меня больше денег, чем Вестфилд когда-либо имел, и я знал, что ты выйдешь за меня.

Он вытащил из кармана часы.

— Пора спускаться. Я так давно этого жду. Он взял Хьюстон под локоть и провел ее к лестнице. Хьюстон так оцепенела, что не могла говорить. Ей сделали предложение для того, чтобы использовать как орудие мести. Она думала, он хотел ее потому, что она была ему нужна, потому, что за прошедшие месяцы он начал испытывать к ней хотя бы симпатию, если уж не любовь. Но правда заключалась в том, что он только использовал ее.

На протяжении всего ужина Хьюстон не покидало ощущение, что ее кожа стала такой же ледяной, как и бриллианты на шее. Она двигалась и говорила, как будто во сне. Только годы тренировки выручали ее, когда ей приходилось вести разговор и делать указания слугам.

На первый взгляд казалось, что все шло просто превосходно. Пам, видимо, ощущала некоторую напряженность и старалась помочь, как могла. Ян и Зак болтали о спорте, Джекоб сосредоточился на пище в своей тарелке, а Кейн смотрел на них всех с выражением гордости на лице.

«Как он задумал поступить со мной после того, как я сыграю свою роль?» — не переставала размышлять она. Не собирается ли он уехать отсюда, раз уже осуществил свои планы здесь, в Чандлере? Она припомнила его частые жалобы на то, каково ему было вести дела в этом маленьком тоскливом городишке. Почему она ни разу не задумалась над тем, зачем ему было строить такой дом? Пока дом строился, все в городе задавались этим вопросом, но, когда Хьюстон закружил вихрь последних событий, ей стало не до этого.

Кейн заявился в город и сразу же направился прямо к Джекобу Фентону, чтобы объявить о своем прибытии и спросить старика, как тому нравится его дом. Разве трудно было понять, что все в жизни Кейна подчинялось его чувствам к Фентонам?

А Хьюстон стала лишь частью его плана мести.

Это все, чем она была для человека, которому отдала свое сердце: пешка в его игре, которую он хотел — должен был — выиграть.

И мужчина, которого она полюбила, оказался способным на то, чтобы посвятить свою жизнь такому нечестивому чувству, как месть.

Пища, которую она ела, застревала в горле, и она с трудом проглатывала ее. Как она могла так ошибиться в человеке?

Когда наконец долгий ужин подошел к завершению, Хьюстон поднялась, чтобы проводить Пам в маленькую гостиную, предоставив мужчинам возможность наслаждаться их сигарами.

Женщины разговаривали об обычных вещах: платья, где купить лучшие наряды и украшения, кто лучший модельер в городе — и ни слова об ужине, на котором только что вынуждены были присутствовать. Но раз или два Хьюстон замечала, как Пам пристально смотрит на нее.

***

Кейн провел Джекоба Фентона в кабинет, где предложил ему одну из тех сигар, которые подарила ему Хьюстон, и столетний коньяк в рюмке из ирландского хрусталя, — Не плохо для конюха, а? — начал Кейн, глядя на Фентона сквозь дым от сигары.

— Хорошо, ты показал мне свой большой дом. Ну и чего ты хочешь теперь?

— Ничего. Просто доволен тем, что ты здесь.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я поверю этому. Человек, который затратил столько хлопот на то, чтобы показать мне, чего он добился в жизни, не остановится на званом ужине. Но я предупреждаю тебя, если ты захочешь взять то, что принадлежит мне, то я...

— То что ты сделаешь? Подкупишь еще больше адвокатов? Все те трое подонков еще живы, и, если бы я захотел, я бы мог заплатить им больше, чем ты когда-либо имел — просто чтобы узнали правду.

— Так Таггерты и делают. Вы всегда забираете то, что вам не принадлежит. Твой отец взял Чарити, этакую милую, хорошенькую штучку, и довел ее до того, что она повесилась.

От злости у Кейна побагровело лицо.

— Горас Фентон был причиной смерти моей матери, а ты украл у меня все, что мне принадлежало, — У тебя ничего и не было. Это все было моим. Я управлял всеми делами на протяжении многих лет, и, если ты думаешь, что я мог встать в сторонку и смотреть, как все отходит к сопливному младенцу, я бы скорей придушил его. И после этого ты, Таггерт, захотел увести у меня дочь. Ты думаешь, я мирно позволил бы тебе сделать с ней то, что сделал твой отец с моей сестрой?

Кейн надвинулся на маленького, пожилого человека:

— Хорошенько оглядись-ка вокруг. Вот, что я сделал бы с твоей дочерью. Вот, как бы я обращался с ней.

Джекоб затушил свою сигару.

— Черта с два было бы так. Ты никогда не задумывался, что я, вполне возможно, сделал тебе услугу? Это твоя ненависть ко мне сделала тебя богатым. Если бы тебе досталась Пам, и если бы ты получил деньги от моего отца, скорей всего, ты бы и дня в своей жизни не проработал.

Он двинулся к двери:

— И вот еще, Таггерт, попробуй ты отнять у меня то, что, как ты думаешь, принадлежит тебе, и я подам в суд на твою красивую женушку за незаконное вторжение в поселок шахтеров.

— Что? — разинул рот Кейн.

— Мне было интересно, знаешь ты об этом или нет, — улыбнулся Джекоб. — Добро пожаловать в мир богатых. Никогда нельзя быть уверенным, что нужно людям: ты или твои деньги. Эта милая маленькая леди, на которой ты женился, завязла по уши в подстрекательстве к мятежу. И она использует любые связи — и твои в частности — для того, что может вылиться в кровавую войну. Тебе лучше предупредить ее, что если она не притормозит, то я не посмотрю на ее родственные отношения с Таггертами. А сейчас спокойной ночи, Таггерт, — сказал он и вышел из комнаты.

Кейн долго сидел в одиночестве. Никто ему не мешал, и он успел выпить целую бутылку виски.

— Мисс Хьюстон! — сказала Сьюзен, врываясь в гостиную, которую Хьюстон мерила шагами. — Мистер Кейн требует, чтобы вы сейчас же пришли к нему. Он совершенно сошел с ума.

Хьюстон глубоко вздохнула, оправила впереди платье и прошла через прихожую в кабинет. Два часа назад Джекоб поблагодарил ее за приятно проведенный вечер и отбыл вместе с дочерью. После отъезда Фентонов она ничего не делала, а только размышляла. До сих пор Хьюстон казалось, что с ней происходило только то, что преподносила ей судьба. Теперь же настало время самой принимать решения.

Он сидел за своим столом, без пиджака, с расстегнутой на груди рубашкой и с пустой бутылкой из-под виски в руке.

— Я думала, ты работаешь, — сказала она.

— Ты все разрушила. Ты и твоя ложь все разрушили.

— Я... я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она, садясь в одно из кожаных кресел у стола напротив него.

— Ты не только хотела получить мои деньги, ты хотела использовать мои связи с Таггертами. Ты знала, что Фентон позволит делать твою незаконную работу из-за твоих отношений со мной. Скажи мне, это вы с сестрой придумали весь этот план? Как вы хотели использовать Вестфилда в таком случае?

Хьюстон, гордо выпрямившись, встала.

— Ты несешь какую-то чушь. Я узнала, как звали твою мать, только в день свадьбы. Я не могла использовать то, о чем не имела понятия.

— Я как-то сказал Эдену, что ты хорошая актриса, но я и сам не знал, насколько был прав. Ты почти заставила меня поверить, что выходишь за меня замуж по любви, но все это время ты использовала мое имя для того, чтобы проникнуть в поселок шахтеров.

Хьюстон от неожиданности в удивлении открыла рот.

Кейн встал и наклонился к ней через стол.

— Всю свою жизнь я работал ради этого вечера, и ты разрушила его. Фентон пригрозил подать в суд на мою любящую жену и рассказать всему миру о том, как ты использовала меня. Я уже вижу заголовки газет.

Хьюстон выдержала его взгляд.

— Да, — сказала она мягко, — я езжу в шахтерский поселок, но это не имеет никакого отношения к тебе, тем более что я делала это еще задолго до того, как встретила тебя. Ты так трясешься над своими деньгами, что думаешь, что все только и думают, как бы их прибрать к рукам.

Хьюстон отошла от стола.

— За последние несколько месяцев, — продолжила она, — я многое о себе узнала благодаря тебе. Моя сестра говорила, что я самый несчастный человек, которого она когда-либо встречала, и она опасалась, как бы я не решила покончить жизнь самоубийством. Я не понимала, что она была права, потому что, пока я не встретила тебя, я не знала, что такое счастье. Пока я не стала проводить с тобой дни и ночи, я никогда не задавалась вопросом, почему бы мне, как ты сказал, «не послать их всех к чертям собачим» и не танцевать в красном платье. Но с тобой я узнала, как хорошо делать что-то для себя, а не пытаться все время ублажать других.

И теперь я чувствую, что могу сама решать, что мне делать. Я не желаю жить с человеком, который построил такой дом и женился на женщине, на которой не хотел жениться, только ради того, чтобы отплатить старому человеку, который пытался защитить то, что по праву принадлежало ему. Я могу понять и почти простить то, что сделал мистер Фентон, но я не могу понять тебя. Ты можешь думать, что я вышла за тебя из-за твоих денег, но я вышла замуж, потому что влюбилась. Полагаю, я любила мужчину, который существовал только в моем воображении. Ты не тот мужчина. Ты мне чужой, и я не хочу жить с чужим человеком.

Несколько секунд Кейн смотрел на нее, потом отступил назад.

— Если ты думаешь, что я начну просить тебя остаться, ты ошибаешься. С тобой, детка,

было очень даже забавно. Лучше даже, чем я предполагал, но ты мне не нужна.

— Нет, нужна, — сказала Хьюстон тихо, пытаясь сдержать готовые вот-вот покатиться слезы. — Я нужна тебе больше, чем ты можешь себе представить. Однако я могу подарить свою любовь только тому человеку, который кажется мне достойным моего уважения. Ты не такой человек, каким я тебя представляла.

Кейн подошел к двери и открыл ее, дела. — " широкий жест рукой, пропуская ее.

Хьюстон каким-то образом удалось пройти мимо него и выйти в ночь. Она даже ни на секунду не задумалась о том, чтобы упаковать вещи или взять с собой хоть что-нибудь.

Снаружи у самого входа стоял экипаж.

— Ты уходишь, я права? — раздался голос Памелы Фентон изнутри.

Хьюстон посмотрела на нее таким опустошенным взглядом, что Памела осеклась. — Я знала, что случилось что-то ужасное. У моего отца сейчас доктор. Его так трясло, будто все кости переломались. Хьюстон, залезай. У меня здесь уже есть дом, и ты можешь оставаться у нас с Заком, пока не уладишь все дела.

Хьюстон только молча уставилась на женщину, и Пам пришлось слезть с коляски и впихнуть Хьюстон в экипаж. Хьюстон не осознавала, где она находится. Единственная мысль вертелась у нее в голове: все кончено, все, что у нее было, потеряно.

***

Кейн ворвался в большую гостиную Яна и Эдена на втором этаже. Эден в одиночестве читал книгу.

— Я хочу, чтобы ты раскопал все, что можешь, о поездках Хьюстон в поселок углекопов.

— Что тебя интересует? — сказал Эден, нехотя откладывая книгу.

— Когда? Как? Все, что можешь разузнать.

— Каждую среду она переодевается в старуху, называет себя Сэйди и возит наполненные овощами телеги в поселок. Среди овощей она прячет медикаменты, ботинки, мыло, чай — все, что можно туда провезти, и раздает это женам шахтеров. Позже Джин Таггерт собирает с женщин деньги и отдает долг Хьюстон.

— Ты знал все это и не подумал мне сказать? — закричал Кейн.

— Ты послал меня понаблюдать за ней, но ты и не подумал спросить, что же я разузнал.

— Меня все предали! Сначала эта маленькая лживая сучка, а теперь ты. А Фентон знал все, что происходит.

— Где Хьюстон, и что ты ей сказал? Лицо Кейна стало жестче.

— Она просто вышла в парадную дверь и ушла. Она не смогла смотреть в лицо правде. Как только она узнала, что я раскрыл их план использования меня и моих денег в своих целях, она сбежала. Скатертью дорожка. Мне тут не нужны пиявки, сосущие из меня деньги...

Эден схватил Кейна за плечо.

— Ты глупый сукин сын. Эта женщина — лучшее, что тебе когда-либо встречалось в жизни, а ты такой непроходимый тупица, что не видишь этого. Ты должен найти ее!

Кейн сбросил с себя руку и отошел.

— Черта с два! Она оказалась такой же, как и все они, она была просто более дорогой шлюхой.

Кейн даже не увидел кулака, врезавшегося в лицо и пославшего его в нокдаун. Эден стоял над Кейном, пока тот потирал свою скулу.

— Знаешь, что я тебе скажу? — сказал Эден. — Мне, кажется, это тоже надоело. Я устал прятаться от мира. Я провел свою молодость в этих жутких комнатках, похожих на клетки, ничего не делая, кроме как помогая тебе зарабатывать деньги. И что взамен? Единственную вещь, которую ты купил, был этот дом, и ты сделал это потому, что хотел отомстить. Хьюстон как-то сказала мне, что я ничем не лучше тебя, так же прячусь от всего мира, работая у тебя на побегушках. И знаешь, я начинаю приходить" к выводу, что она была права.

Эден отошел и потер костяшки пальцев на руке.

— Я думаю, мне пора начинать свою собственную жизнь. Спасибо тебе за все, я получил деньги за эти годы работы ради твоих целей, и у меня припасена на черный день пара-другая миллионов. Я собираюсь воспользоваться ими и постараться зажить собственной ЖИЗНЬЮ.

Он протянул руку для пожатия, но Кейн ее проигнорировал.

Чуть позже Кейн увидел, как Ян" Джин и Шервин забираются в коляску Эдена, что означало, что в доме, кроме слуг, никого не осталось. Он не стал ждать до утра и уволил их.

Хьюстон даже не сознавала, где находится, когда оказалась в спальне Пам.

— Для начала мы поместим тебя в горячую ванну, а потом ты мне расскажешь, что происходит.

Хьюстон не шелохнулась, когда Пам отправилась наливать ванну. Она уже начинала сомневаться, произошли ли события сегодняшнего вечера в реальности. Она была влюблена в мужчину, который просто использовал ее.

— Все готово, — сказала Пам, вталкивая Хьюстон в отделанную розовым кафелем ванную. — Ты пока раздевайся, а я пойду посмотрю, как там мой отец. И Хьюстон! Хватит стоять как вкопанная с таким выражением, как будто сейчас наступит конец света, Благодаря годам тренировки Хьюстон подчинилась, подобно дрессированной собаке, и, когда Пам вернулась, она лежала в большой ванной по шею в мыльной пене.

— Доктор Вестфилд в конце концов успокоил моего отца, — сказала Пам. — Он слишком стар и вряд ли смог бы пережить еще одну такую ночь. Что же такое мог сказать ему Кейн? Единственное, что могло его так сильно расстроить, это что-нибудь связанное с Закари. Если Кейн думает, что сможет отнять у меня сына, то пусть лучше готовится к войне...

— Нет, — устало проговорила Хьюстон. — Ему не нужен его сын. Все далеко не так благородно.

— Я думаю, тебе следует мне все рассказать. Хьюстон подняла глаза на женщину, которую она, в общем-то, и не знала толком, женщину, которая когда-то была предметом любви ее мужа. — Почему ты помогаешь мне? Я знаю, ты все еще любишь его.

У Пам сузились глаза.

— Это он тебе сказал?

— Я знаю, что он... отверг твое предложение. Пам засмеялась:

— С твоей стороны это очень тактично. Я могу предположить, что он, видимо, решил не говорить тебе, что я тоже поняла бесперспективность наших отношений. Мы пришли к взаимному пониманию того, что если мы поженимся, то прикончим друг друга в первые же три месяца совместной жизни. Ну а теперь расскажи мне, что произошло между тобой и Кейном. Мы тоже имеем отношение к вашей семье — если ты все еще сомневаешься по этому поводу. Да это и так рано или поздно станет известно всем.

«Если Кейн решил забрать у Фентона деньги, которые принадлежали ему по закону, то это действительно скоро станет известно», — подумала Хьюстон.

— Ты знаешь, кто мать Кейна? — тихо спросила она.

— Понятия не имею. Не думаю, что мне вообще когда-нибудь приходила в голову мысль, что у него должна была быть мать. Наверное, потому что он всегда был таким самостоятельным, что казалось, что ему не нужно что-то настолько элементарное, как мать. Похоже, я думала, что он появился на земле сам по себе.

Хьюстон сидела в горячей воде и не спеша рассказывала историю Чарити Таггерт, стараясь оставаться, по возможности, более объективной.

Пам пододвинула сплетенный из медной проволоки стул, обитый розовым плюшем.

— Я совершенно ничего не знала, — сказала она в конце рассказа. — Ты говоришь, что все состояние моего отца по закону принадлежит Кейну. Не удивительно, что он так злится

на моего отца, и также не удивительно, что так трясется от страха мой отец. Однако, Хьюстон, ты ведь ушла от Кейна сегодня не из-за того, что он не родился бедняком. Что еще произошло?

О самой себе Хьюстон рассказывать было тяжелее. Ей пришлось признаться, что ее выбрали только после того, как кандидатура Пам отпала, и сейчас, когда она сыграла свою роль, которую ей предписал Кейн, она ему была больше не нужна.

— Черт его подери! — сказала Пам, вставая и начиная ходить взад и вперед по комнате. — Я уверена, у него не было и тени сомнения в своей правоте, когда он объявил тебе, что женился только ради того, что ему было от тебя нужно. Он самый испорченный человек из всех, кого я только встречала в своей жизни.

Хьюстон, обнаруживая первые признаки жизни, повернула голову в сторону Пам.

— Он любит представлять свою жизнь одним большим несчастьем, но могу тебе сказать, что именно он был настоящим управляющим нашего дома, когда поселился у нас. Люди воротили от меня носы за то, что я влюбилась в парня из конюшен, но только потому, что у них в конюшнях никогда не было никого подобного Кейну Таггерту.

Она снова села на стул, наклонившись вперед и всем своим видом выражая злость.

— Ты знаешь его. Ты видела его, какой у него характер и как он командует всеми вокруг. Ты думаешь, он когда-нибудь был другим только потому, что оказался чьим-то слугой?

— Мне кажется, я даже никогда об этом не задумывалась, — сказала Хьюстон. — Марк действительно упоминал, что Кейн был настоящим тираном.

— Тираном! — задохнулась Пам, снова вскакивая. — Кейн все держал в своих руках. Не раз моему отцу приходилось пропускать деловые встречи потому, что Кейн говорил, что не может дать коляску или лошадь, так как животные еще не готовы к поездке. На ужин мы ели то, что любил Кейн, потому что повар считал его вкусы более важными, чем вкусы моего отца.

Хьюстон вспомнила, как миссис Мерчисон не устояла перед заигрываниями Кейна, и вообще как женщины восхищались им.

— Он всегда был красивым мальчиком и знал, как добиться от женщин того, что ему было надо. Горничные выметали его комнату, стирали его вещи, приносили ему еду. Он не управлял компанией «Уголь и железо Фентона», но зато командовал нашим домом. Не могу себе представить, кем бы он стал, узнай он, что все деньги по закону принадлежали ему. Возможно, мой отец оказал ему услугу. Вероятно, жизнь в конюшнях научила его хоть какой-то скромности, потому что от рождения ее у него явно не было.

Пам опустила на колени рядом с ванной.

— Ты можешь оставаться у меня столько, сколько пожелаешь. Если хочешь знать мое мнение, я думаю, что ты правильно поступила, уйдя от него. Нельзя жениться только для того, чтобы воплотить какой-нибудь там план мести. Ладно, ты давай вылезай из ванны, а я пока приготовлю тебе пунш, который поможет тебе заснуть.

Хьюстон снова беспрекословно подчинилась ей, вытерлась розовыми полотенцами Пам и скользнула в ее простую ночную рубашку.

Пам возвратилась с пышущей паром кружкой в руке.

— Если это и не поможет тебе заснуть, то ты хотя бы не заметишь, что бодрствуешь. А теперь забирайся в кровать. Утро вечера мудренее.

Хьюстон выпила почти целую кружку и быстро заснула. Когда она проснулась, солнце

было уже высоко над горизонтом. У нее болела голова. На краю постели лежало аккуратно сложенное нижнее белье и халат. Из записки Пам она узнала, что той пришлось уйти, и что Хьюстон может сама приготовить себе завтрак, а если ей что-либо понадобится, пусть она позовет служанку.

***

— Эден, — говорила Джин Таггерт, — я не знаю даже, как тебя отблагодарить за все, что ты для нас сделал. Тебе совершенно необязательно было оставаться со мной все это время.

Они стояли в коридоре «Чандлер-отеля». Оба выглядели уставшими. Покинув дом Кейна, они направились в гостиницу. Ян сразу лег спать, но Шервин был сильно расстроен всем произошедшим тем вечером, и, при его слабом здоровье, он начал кашлять и задыхаться. Он все беспокоился, что Джин и Яну опять придется вернуться в угольные шахты.

Эден вызвал доктора Вестфилда, и Ли приехал буквально через несколько минут, не успев переодеться после визита к Джекобу Фентону. Эден поднял на ноги всех слуг в гостинице и заставил их носить бидоны с горячей водой и дополнительные простыни. После этого он отправил посыльного вытащить из кровати аптекаря и принести все необходимые лекарства для Шервина.

Джин мужественно выстояла всю ночь у постели отца, не уставая убеждать его, что ни она, ни Ян не вернутся в шахты..

Сейчас, когда с рассветом Шервину наконец удалось уснуть, они стояли за дверью его комнаты.

— Я не знаю, как тебя отблагодарить, — повторила Джин в тысячный раз.

— Ну тогда и хватит пытаться это сделать. Ты не хочешь позавтракать?

— Ты думаешь, столовая уже открыта в такой час? Эден улыбнулся ей, убирая непослушную прядь волос с ее глаз.

— После этой ночи вся гостиница меня так боится, что они сделают для меня все что угодно.

Он был прав. Уставший клерк провел их в столовую, снял два стула с одного из столов около окна и ушел будить повара. К сожалению, повар жил за четыре мили от города, и прошло немало времени, прежде чем они вернулись. Однако ни Джин, ни Эден не заметили, что им пришлось ждать больше двух часов.

Они разговаривали о своем детстве: Джин рассказала, как ей приходилось ухаживать за всеми мужчинами в семье, как умирала ее мать, когда Джин было только одиннадцать лет. Эден в свою очередь поведал о своих родителях, как они погибли при пожаре и как его подобрал Кейн.

— Кейн, был добр ко мне. Я не хотел больше никого любить после того, как все это случилось. Я боялся, что и они погибнут, и я вряд ли бы смог еще раз пережить такую потерю.

Он отложил в сторону свою салфетку.

— Ты готова? Я думаю, к этому времени все конторы уже открылись.

— Да, конечно, — сказала она, поднимаясь со стула. — Я не хотела бы отрывать тебя от работы. Он взял ее под локоть.

— Я не имел в виду себя. Я имел в виду нас. Ты и я пойдем к агенту по недвижимости и купим прямо сегодня дом. Он должен быть непременно большим, чтобы там хватило места для всех нас.

Она высвободила руку и повернулась к нему.

— Для нас всех? Я не знаю, правильно ли я тебя поняла, но Ян, отец и я вряд ли можем жить с тобой. Я устраюсь на работу в городе, может быть, Хьюстон поможет мне, а Ян сможет ходить в школу и работать потом, а отец...

— Твой отец не вынесет того, что он будет обузой на твоей шее, а Ян уже слишком большой, чтобы ходить в школу со всеми остальными, уж пусть лучше он занимается со своим преподавателем, как и прежде. Ну а ты не сможешь зарабатывать столько, чтобы прокормить их всех. А теперь пошли, ты pomoжешь мне выбрать большой дом и будешь моим управляющим.

— Я определенно не могу на это согласиться, — в ужасе сказала она. — Я не могу быть управляющим у неженатого мужчины.

— Твой отец и кузен будут твоими дуэньями на случай, если я вдруг стану приставать к тебе. И опять же, насмотревшись за последние несколько месяцев на брачную жизнь, я все больше склоняюсь к этой мысли. Давай, Джин, закрой рот, и пошли пройдемся по магазинам. Возможно, нам придется купить мебель, еду и всякую там всячину до того, как мы сможем выехать из гостиницы. Как ты думаешь, помогут ли нам служащие этой гостиницы, если будут знать, что таким образом быстрее от нас избавятся?

Джин от удивления не проронила ни слова, пока они с Эденом поднимались по лестнице в комнату отца, чтобы сообщить ему, куда они собрались. В конце концов Ян, Джин и Эден отправились к агенту по недвижимости.

***

Хьюстон сидела за обеденным столом Пам, равнодушно ковыряя в миске с овсянкой.

Пам ворвалась в комнату, стягивая на ходу длинные белые замшевые перчатки.

— Хьюстон, весь город просто кипит от всевозможных слухов о вчерашнем вечере, — сказала она, не поздоровавшись. — Во-первых, сразу же после твоего ухода Кейн с Эденом, кажется, подрались в спальне на втором этаже. Одна из служанок сказала, что перепалка продолжалась несколько часов, а когда она кончилась, Эдена как ветром сдуло.

— Эден тоже ушел? — спросила Хьюстон, широко открывая глаза.

— Не только Эден, но и все остальные Таггерты:

Джин, Ян и Шервин. И когда они уехали, Кейн сошел наконец вниз и уволил всех слуг.

Хьюстон откинулась на стуле и глубоко вздохнула.

— Он сказал, что тратит на нас слишком много времени и устал от всех. Я думаю, теперь он сможет работать, сколько захочет... или уедет в Нью-Йорк и будет работать там.

Пам сняла свою шикарную шляпу.

— Я еще тебе и половины не рассказала. Эден и Джин поселились на время в «Чандлер-отеле» и всю ночь терроризировали слуг, ухаживая за Шервином, который, насколько я могу судить, был одной ногой в гробу. А сегодня утром они вместе купили дом.

— Эден и Джин? А с Шервином все в порядке?

— По слухам, да. Эден с Джин действительно купили этот огромный дом Страуда в конце Арчер-авеню, напротив больницы Блейр. И после того, как они подписали бумаги — Эден заплатил наличными за дом — Джин вернулась в гостиницу, а Эден направился в «Феймос» и купил — надеюсь, я правильно это запомнила — три женские блузы, две рубашки, шляпу, две пары перчаток и разное нижнее белье. Эта несносная маленькая девчонка Натан поджидала его и не отпустила бедного мужика, пока тот не признался, что женщина, для которой все это покупалось, была приблизительно такого же роста, что и мисс Джин Таггерт. Если Эден после этого на ней не женится, с ее репутацией в этом городе, можно считать, покончено.

Она на секунду замолчала.

— И вот что еще, Хьюстон. Тебе лучше знать об этом. «Чандлер кроникл» намекает на то, что во всем произошедшем вчера вечером была замешана еще одна женщина.

Хьюстон взяла чашку с кофе. На местную газетенку ей было наплевать. Мистер Гейтс вот уже сколько лет жаловался, что газета стала листком со сплетнями, рассказывающим о самых странных смертях во всем мире и о том, где какой английский граф проводил зиму. Он перестал ее выписывать после того, как там была опубликована статья на полстраницы, в которой какой-то итальянец заявлял, что англо-саксонские женщины целуются лучше всех в мире.

— Где же ты это все услышала? — спросила Хьюстон.

— Где еще, как ни в чайном магазинчике мисс Эмили?

Хьюстон чуть не поперхнулась своим кофе. «Союз Сестер!» — подумала она. Она должна срочно потребовать внеочередного собрания, чтобы сообщить всем, что Джекоб Фентон знает все о том, как женщины маскируются и незаконно проникают в поселок углекопов. Стоило ему разозлиться на Кейна, и все женщины будут арестованы.

— Можно я воспользуюсь твоим телефоном? — спросила Хьюстон. — Мне необходимо сделать несколько звонков.

Первым делом Хьюстон позвонила своей матери. Ей пришлось сразу же прервать причитания Опал и постараться успокоить ее, не раскрывая ей всех деталей случившегося. Наконец она убедила Опал позвонить некоторым членам «Союза Сестер». Единственным местом, где они были уверены, что их не подслушают, оставалась комната над чайным магазинчиком.

— Тогда в два часа, — сказала Хьюстон и повесила трубку. Затем она принялась звонить тем, у кого уже стоял телефон.

Когда женщины наконец собрались в гостиной мисс Эмили, все они выжидательно смотрели на Хьюстон. Она была уверена, им до смерти хотелось узнать подробности вчерашнего вечера, в результате которого дом Кейна так неожиданно опустел. Она встала перед собравшимися. Все терпеливо ждали, что же она скажет — Вчера вечером я получила очень важную информацию, — начала она. — Джекоб Фентон знает о наших поездках в угольные поселки. Я затрудняюсь сказать точно, что он знает, тем не менее мы здесь собрались, чтобы это обсудить.

— Однако охранники ничего не знают, не так ли? — спросила Тайя. — Знает только сам Фентон? Он ничего другим не рассказывал? Откуда он узнал?

— Я не знаю ответа ни на один из этих вопросов. Я знаю только то, что он в курсе наших поездок и маскировки... и он угрожал, что засадит меня за решетку.

— Тебя? — удивилась Блейр. — Почему именно тебя? Почему бы не всех, кто ездил? Хьюстон опустила глаза:

— В этом замешан мой муж и его дела с мистером Фентоном, но не думаю, что меня арестуют.

— Мы не можем рисковать, — сказала Блейр. — Тебе придется прекратить поездки.

— Подождите-ка! — сказала мисс Эмили. — Фентон, видимо, знает об этом уже давно. Он не просто узнал об этом вчера и тут же побежал угрожать тебе. Разве не так, Хьюстон?

Она кивнула.

— Это не наше дело, конечно, но ошибусь ли я, сказав, что вчера в доме Таггерта произошло много разных событий, и, похоже, что заявление Фентона, что он знает о тебе, было лишь частью происшедшего.

Хьюстон снова кивнула.

— Я думаю, Фентон решил, что то, что мы делаем, не так уж опасно, и поэтому он просто закрывает глаза на наши поездки в поселок. Если мое предположение верно, то, следовательно, я знаю Джекоба, и он, скорее всего, просто посмеялся над глупыми женщинами, которые переодеваются и таким образом развлекаются. Я за то, чтобы продолжать наши визиты. Что касается меня, я даже лучше себя чувствую, зная, что мы в определенной степени защищены.

— Мне это не нравится! — сказала Мередит.

— И как ты предлагаешь сохранять секретность? — спросила Сара. — Но в любом случае, что касается Фентона, это уже не имеет значения. Он смотрит сквозь пальцы на львиную долю того, что происходит в поселке углекопов. Помнишь, как в прошлом году нашли того человека из профсоюза, забитого до смерти? Официальное заключение было «насильственная смерть от лица или лиц, оставшихся неизвестными». Несомненно, Фентон

знал, кто это сделал, но он не хочет марать руки. Не думаешь ли ты, что он захочет отдать под суд дочерей самых уважаемых горожан Чандлера? Мой отец, узнай он хотя бы часть моей тайны, будет гоняться за Фентоном с ружьем.

— Если мы просто предмет насмешек и защищены самим владельцем шахт, то какой смысл во сей этой секретности? — спросила Нина. — Почему бы нам не надеть кружевные платья и не ездить в своих красивых экипажах раздавать вещи?

— И какой же шахтер позволит своей жене принять помощь от богатых городских женщин? — спросила мисс Эмили. — Я думаю, все должно оставаться так, как есть. Хьюстон, я хочу, чтобы ты это хорошо обдумала: считаешь ли ты, что Фентон хочет преследовать по закону только тебя или же всех женщин?

«И рискнуть раскрыть правду о том, как он обокрал грудного ребенка?» — подумала Хьюстон.

— Нет, — сказала она. — Я не думаю, что меня арестуют. Я предлагаю оставить все на своих местах. Те несколько мужчин, которые знают о том, что мы делаем, кровно заинтересованы в том, чтобы держать это в секрете. Если это все, я предлагаю закончить и разойтись по домам.

— Одну секундочку, — сказала Блейр вставая. — Мы с Ниной хотели бы кое-что сказать.

Совместными усилиями они поделились замыслом, который обдумывали вот уже две недели. Идея заключалась в том, чтобы издавать женский журнал, в котором бы в завуалированной форме рассказывалось о работе профсоюзных организаций по всей Америке. Они показали, какого типа статьи будут печататься в нем, и изложили ряд соображений, как журнал будет бесплатно раздаваться женам шахтеров.

Женщины из «Союза Сестер» поначалу скептически восприняли эту идею. Они и так неожиданно оказались под угрозой быть разоблаченными Фентоном.

— Мы преданы своему делу или нет? — спросила мисс Эмили, и они начали обсуждать новый журнал.

Спустя несколько часов притихшие женщины вышли из гостиной мисс Эмили, каждая размышляя о том, что либо она сама, либо какая-то из ее подруг может быть в любую секунду арестована.

— Хьюстон, — сказала Блейр, когда все ушли, — мы можем поговорить?

Хьюстон кивнула, ощущая, однако, что не в силах рассказать сестре обо всем, что произошло. Блейр могла снова начать обвинять во всем себя, а у Хьюстон и без того было достаточно поводов для расстройств.

— Не хочешь рассказать мне, что вчера случилось? — спросила Блейр, когда они остались наедине. — Ходят слухи, что ты бросила его. Это правда?

— Вполне, — сказала она, сдерживая слезы. — Я сейчас временно живу у Памелы Янгер, дочери Джекоба.

Блейр долго смотрела на свою сестру, не давая советов и не делая никаких замечаний.

— Если тебе станет от этого легче, я могу тебя выслушать, но, по-моему, тебе необходимо сейчас чем-нибудь себя занять, чтобы не думать об этом. Первый выпуск журнала «Леди Чандлер» необходимо представить на рассмотрение Совета директоров, и я хочу, чтобы он выглядел как можно более безобидным и безвредным. Мне нужны статьи о том, как чистить одежду, заботиться о волосах, как одеваться по-королевски на зарплату углекопа, ну и тому подобное. Я думаю, ты могла бы справиться с этой работой. Пойдем

купим тебе печатную машинку. Днем я покажу тебе, как с нею обращаться.

Хьюстон не думала о том, как бы она проводила время, если бы ей не надо было больше заботиться о Кейне, но сейчас она осознала, что если не начнет работать, то будет торчать у Пам все дни напролет и сокрушаться по поводу того, что она оказалась такой дурехой, выйдя замуж за такого человека, как Кейн Таггерт.

— Да, — сказала она, — мне нужно чем-нибудь себя занять. У меня уже появились кое-какие идеи, как жены шахтеров могли бы сделать свои лачуги чуть-чуть посветлей и хоть как-то украсить свою жизнь.

Блейр навалила на Хьюстон так много работы, что у той вообще не оставалось времени, чтобы хоть о чем-нибудь подумать. Как только Хьюстон заканчивала одну статью, Блейр придумывала ей новое задание. Пам так захватила идея журнала Блейр, что она превратила свою кухню в лабораторию по выведению пятен и пыталась найти действительно эффективный метод очистки вельвета. К концу дня весь дом провонял нашатырным спиртом, но зато Хьюстон с полным правом смогла написать, что, «хорошенько втерев твердой щеткой две чайные ложки нашатырного спирта в вельветовую ткань, вы сможете очистить ее от пятен». Блейр сказала, что этот рецепт можно было бы сделать «гвоздем» номера. Пам на это довольно улыбнулась, но Хьюстон почувствовала сарказм в голосе сестры.

Эта работа оказалась также хорошим поводом для Хьюстон не выходить на улицу, чтобы не встречаться с горожанами. Пам часто покидала дом, никому не говоря, куда она направляется, и благодаря этому она смогла держать Хьюстон в курсе новостей, сообщая ей, что Кейн все время сидит один в доме, без слуг и без друзей.

— И без родственников. Этим он, должно быть, доволен, — добавила Хьюстон. — Теперь никто не будет прерывать или тревожить его во время работы.

— Не горюй ты так, Хьюстон, — сказала Пам. — Сожаления о том, что могло бы быть, только лишний раз расстраивают человека. Я-то знаю. Как ты думаешь, включить нам в первый номер этот способ окраски ткани? Немного кампешевого дерева и немного килайи. Я так уже два раза подновляла свою черную фетровую шляпу, и получалось просто прекрасно.

— Да, конечно, — рассеянно сказала Хьюстон, счищая краску с молоточков печатной машинки. Блейр рассказывала, что, когда Ремингтон изобрел пишущую машинку, молоточки все время цеплялись друг за друга, мешая печатать. Когда владельцы решили разобраться, в чем тут дело, оказалось, что машинистки печатали слишком быстро для механизма машинки, и поэтому было решено устроить его так, чтобы было как можно труднее печатать. Они разместили наиболее часто используемые Клавиши на разных концах клавиатуры, так чтобы машинистка не так быстро успевала нажимать их. По воле случая так получилось, что верхний ряд клавиш читался как «ЙЦУКЕН» — почему, никто не знает.

Через две недели после того, как Хьюстон ушла от Кейна, прибыл заказанный им для Опал вагон, подняв много шума в городе. Вся в слезах Опал пришла к Хьюстон и завела разговор о том, какого замечательного человека она бросила, и как она могла так поступить, и что женщина без ребенка это не женщина, да и что вообще страшно подумать, что Хьюстон может остаться без мужа.

Хьюстон удалось объяснить своей матери, что это Кейн отказался от нее, а не наоборот. Это не совсем было так, однако, чтобы успокоить мать, можно иногда пойти и на ложь.

Хьюстон вернулась к своей пишущей машинке и постаралась не думать о том, что было

Опал Чандлер Гейтс медленно поднималась вверх по Хачетт-стрит к вилле Таггерта. Она сказала, что пойдет за покупками в город, а мистер Гейтс так и не поинтересовался, почему она надела свой новый костюм и шляпку, отороченную лисой, но тогда мужчины редко понимали важность одежды. Сегодня она должна была выглядеть как можно лучше, так как собиралась пойти просить Кейна взять Хьюстон назад — если он и в самом деле выгнал ее.

Хьюстон могла быть непреклонной, подумала Опал. В этом она походила на своего отца. Билл мог быть чьим-то лучшим другом, но, если тот вдруг нарушил бы свое слово, Билл никогда, никогда не простил бы его. У Хьюстон проглядывала сходная черта. Опал знала, что после всего, что Лиандер сделал ей, она бы и пальцем для него не пошевелила.

Теперь же необходимо было что-то сделать с Кейном.

Опал была уверена, что Кейн совершил нечто ужасное, что-нибудь нелепое, неловкое и глупое. Но с другой стороны, это и было одной из его привлекательных черт: он был так же неотесан, как Хьюстон утончена. Они отлично друг другу подходили, и Опал вознамерилась увидеть их снова вместе.

Опал постучала в большую парадную дверь но не получила никакого ответа. Она открыла ее и вошла вовнутрь. В прихожей царила пустота и заброшенность.

Опал провела пальцем по столу в прихожей. Невероятно, сколько пыли может собраться всего за две недели.

Она позвала Кейна по имени, но опять не получила никакого ответа. Она была в доме всего раз до этого и не очень хорошо в нем ориентировалась. Потребовалось довольно много времени, чтобы полностью обойти нижний и верхний этажи. Когда она была наверху, в спальне Кейна, в окно она увидела, как он идет по саду.

Она стремительно промчалась вниз по лестницам и выбежала на неподстриженную лужайку. Пройдя по извилистой тропе вниз, она нашла его у самого подножья холма. Он стоял, прислонившись к дереву, покуривая одну из своих прекрасных, ароматных сигар и уставившись вдаль.

Он перевел взгляд на нее, когда она приблизилась.

— И что же вас привело сегодня ко мне? — настороженно спросил он.

Она сделала глубокий вдох.

— Я слышала, вы разозлились и выкинули мою дочь из своего дома.

— Черта с два это был я! Это она ушла от меня! Сказала что-то вроде того, что не уважает меня. Опал присела на каменную скамью под деревом.

— Этого я и боялась. Хьюстон прямо как ее отец. Вы не расскажете, что случилось? Хьюстон и слова не проронила. И в этом она тоже пошла в своего отца.

Кейн молча смотрел на сад.

— Я знаю, это ваше личное дело, и, если это как-то связано с... скажем, со спальней, я знаю, что Хьюстон может быть слегка испуганной, но я уверена, что если вы будете

достаточно терпеливы...

— Испугана! Хьюстон? Вы говорите о женщине, которая вышла за меня замуж? В постели она не боится ничего.

Опал покраснела и стала теревить свои перчатки.

— Ну хорошо, тогда, значит, дело в чем-то другом.

Она сделала паузу, ожидая, не начнет ли он говорить.

— Если вы беспокоитесь насчет сохранения тайны, то я уверяю вас...

— В этом городе все равно тайны не сохранишь. Послушайте, может быть, вы сможете понять, почему она так разозлилась — я не могу. Вы знаете, что я работал раньше в конюшнях у Фентона? И за все время, что я там работал, мне ни разу не разрешили подняться на второй этаж его дома, и я все время представлял себе, каково это быть хозяином такого огромного дома. А позже, когда я хотел жениться на дочери Фентона, он сказал, что я недостаточно хорош для нее. Я ушел и стал делать деньги, однако где-то в голове у меня всегда была эта мечта, что однажды я приглашу его на званый ужин в свой собственный дом, который будет больше, чем его, и за столом будет сидеть моя жена — настоящая леди.

Сначала Опал не поняла, что это и был весь рассказ и что все остальное ей придется додумывать самой.

— Бог ты мой! — сказала она через минуту. — Не хотите ли вы сказать, что купили этот огромный дом и женились на моей дочери, чтобы только осуществить свою мечту?

Кейн ничего не ответил.

Опал улыбнулась:

— Да-а, ничего удивительного, что Хьюстон ушла, как только узнала про это. Должно быть, она сполна ощутила, каково быть инструментом в чьих-то руках.

— Инструментом! Она меня тоже неплохо использовала. Она вышла за меня из-за моих денег.

Опал взглянула на него серьезно, уже без улыбки.

— Разве? Вы имеете представление, как упорно мистер Гейтс противился вашему браку? На самом деле многие люди уговаривали ее не выходить за вас замуж. Но она вышла. А что касается денег, то ни она, ни Блейр могут не заботиться о деньгах. Они не богаты, но у них достаточно денег, чтобы купить любые платья, какие только им понадобятся.

— Принимая во внимание, сколько покупает Хьюстон, это целое состояние, — пробормотал он.

— Вы думаете, Хьюстон хочет большего, какие-то там богатства, которые только вы можете дать ей? — : продолжила Опал. — Она показалась вам жадной?

Кейн сел на скамейку.

Опал сжала его широкие плечи.

— Вы скучаете по ней, да?

— Я знал ее только несколько месяцев, но, я думаю, я... привык к ней. Иногда мне хотелось придушить ее, потому что она заставляла меня делать вещи, которые мне совсем не хотелось делать, но сейчас... Сейчас я скучаю по ее безделушкам, которые вечно валялись под ногами, скучаю по тому, как она постоянно прерывала нас с Эденом. Я скучаю по бейсболу, в который мы играли вместе с Яном и моим сыном... Скучаю по... — Он встал, распалая себя гневом. — Черт бы ее побрал! Я жалею, что встретил ее. Раньше я был счастливым человеком, и я буду им снова. Вы пойдете и скажете ей, что я не позволю ей

вернуться, на случай, если она решит приползти обратно.

Кейн зашагал назад к дому. Опал еле догнала его.

— Кейн, пожалуйста, я старая женщина, — закричала она, пытаясь не отставать.

— Не вижу здесь ни одной старой женщины, — бросил он через плечо. — Надо было мне оставаться с проститутками, — пробурчал он. — Им, по крайней мере, нужны только деньги.

Опал догнала его, когда он уже входил в — свой кабинет.

— Вы должны вернуть ее обратно.

— Еще этого мне не хватало. Я не хочу, чтобы она возвращалась.

Окончательно выбившись из сил. Опал села, обмахивая себя рукой. Она незаметно ослабила свой новый корсет, сделанный на тонком стальном каркасе.

— Если бы вы потеряли последнюю надежду вернуть ее, вы бы уже были где-нибудь далеко отсюда.

Кейн сидел в своем красном кожаном кресле и молчал.

— Я не знаю, как вернуть ее назад. Если она вышла за меня замуж не из-за денег, я не знаю, чем бы ее привлечь. Женщины! Без нее я уверенней себя чувствую.

Он взглянул на Опал исподлобья.

— Вы думаете, она не откажется от подарка?

— Только не Хьюстон. У нее принципы ее отца. Извинения и признания в любви тоже не помогут. Она слишком непреклонная. Если бы удалось уговорить ее переехать обратно, чтобы дать вам хоть немного времени. Может быть, вам удалось бы ее убедить в том, что вы женились на ней не просто, чтобы отплатить мистеру Фентону, которого сложно винить за то, что он не разрешил своей дочери выйти замуж за конюха.

Кейн было открыл рот, но тут же его закрыл. Его глаза загорелись.

— У меня есть план, но... Нет, так не получится. Она никогда не поверит, что я могу исподтишка сыграть такую грязную шутку.

— Значит то, что надо. Расскажите мне. Кейн нерешительно изложил свой план, и, к его удивлению. Опал заявила, что идея прекрасная.

— Вот и пойми этих леди! — буркнул Кейн. Опал встала:

— Сейчас мне пора идти. Ах да, Боже мой, я чуть не забыла. На самом деле я сюда шла для того, чтобы сообщить, что вагон прибыл, но я вряд ли смогу принять такой подарок. Это слишком дорого. Вы должны забрать его.

— Что б, интересно, я стал делать с розовым вагоном? Вы можете в нем путешествовать.

Опал тепло ему улыбнулась:

— Дорогой Кейн, у нас всех есть свои мечты. К сожалению, не всегда их исполнение столь долгожданно. Я смертельно боюсь путешествий. Лучше пусть мечты остаются мечтами.

— Ну хорошо. Тогда поставьте его куда-нибудь и устраивайте там чаепития. Вы уверены, что этот план с Хьюстон сработает? Я не уверен, что хочу, чтобы она поверила, что я способен на нечто подобное.

— Она поверит вам. И спасибо за совет насчет вагона, но, в общем-то, его можно было бы и перекрасить.

— Если вы не примете этого подарка, я приволоку его к вашему крыльцу.

— Раз вы решили шантажировать меня... — сказала она с сияющими глазами.

Когда она поцеловала его в щеку, Кейн застонал.

— Я чувствую, теперь все будет в порядке. Спасибо за вагон. Кстати, вы с Хьюстон приглашены на ужин на следующей неделе. До свидания.

Кейн долго сидел, что-то ворча себе под нос о женщинах вообще и о леди в частности.

Хьюстон подавила зевок и поспешила дальше по Лид-авеню, стараясь выполнить все свои поручения до того, как пойдет дождь. Из-за вчерашней суматохи в доме Пам Хьюстон так и не выспалась. А произошло вот что.

Закари пошел проведать своего кузена Яна в новый дом, купленный Эденом, и предложил пойти к Кейну играть в бейсбол. Не успел Ян выразить все, что он думал о Кейне, как Зак пригнулся и изо всех сил заехал головой в живот старшему брату. Они до исступления дрались минут тридцать, пока Эден не нашел и не развел их.

Когда Эден притащил Зака за шиворот домой, к Пам как раз зашел Джекоб. Он увидел своего дорогого внука в разводах запекшейся крови, все лицо в царапинах и синяках. А притащил его тот, кто имел самое непосредственное отношение к Таггерту.

И началось еще одно сражение.

Пам, обеспокоенную здоровьем сына, не интересовало, кто и почему его привел, однако Джекобу было не все равно. Он моментально напустился на Эдена.

— Я тут ни при чем, — сказал Эден и ушел.

Джекоб начал добиваться ответа от Зака, и, когда старик понял, что Зак защищал своего отца, гневу его не было предела. Он переключился на Пам и выложил все свои обвинения в несостоятельности ее как матери и вообще напомнил ей, откуда у нее появился ребенок.

В первый раз Хьюстон увидела проявление темперамента Пам и поняла, почему Кейн отверг ее в день свадьбы. И Пам, и ее отец говорили вещи, которые они вряд ли имели в виду. Они оба словно с цепи сорвались. Если бы Кейн и Пам решили жить вместе... И подумать страшно, во что бы это все вылилось.

Закари принял участие в перепалке, разрываясь между попытками защитить мать и желанием встать на сторону мужчины. Из этого ничего хорошего не получилось, потому что Пам и Джекоб вместе принялись на него кричать.

— Таким путем с Таггертом не справиться, — прошептала Хьюстон себе под нос.

Она встала между покрасневшими, кричащими людьми.

— Закари, — сказала она одновременно холодным и повелительным тоном. Все трое в удивлении уставились на нее. — Закари, ты пойдешь" со мной, и мы вымоем тебя. Мистер Фентон, вы пошлете за своей коляской и вернетесь домой. Позже вы можете прислать букет цветов в качестве извинений. А ты, Памела, можешь идти наверх в свою комнату, умыться и лечь спать.

Она стояла не шелохнувшись, с протянутой к Закари рукой, пока Пам и Джекоб не подчинились. Мальчик смиренно взял ее за руку и пошел с ней на кухню. Он, конечно, был уже слишком большим, чтобы позволить это. Он схватил ее, при этом ее юбка окончательно оторвалась и они оба упали в грязь, которая представляла собой три дюйма болота, образовавшегося после трех дней непрерывного дождя. Хьюстон упала на живот, погрузившись лицом в липкую жижу, в то время как Кейн, оказавшийся на ней, остался сравнительно чистым.

— Слезь с меня! — сказала она, стараясь не разжимать губы, чтобы грязь не попала в рот.

Кейн перевернулся на бок.

— Хьюстон, дорогая, я не хотел причинить тебе боль. Мне всего лишь надо было

поговорить с тобой.

Хьюстон села посреди лужи, но не стала пытаться встать, а вытерла грязь с лица подобранной юбкой.

— Ты никогда не хочешь никому причинять боль, — сказала она, — ты просто делаешь, что хочешь, и неважно, кто встает у тебя на пути.

Он улыбался ей.

— Ты знаешь, ты очень красивая, даже в таком виде.

Она сурово на него посмотрела:

— Что же это такое, что ты так хотел мне сказать?

— Я., хм, я хочу, чтобы ты вернулась ко мне жить.

Она продолжала вытирать лицо.

— Конечно, ты хочешь. Я знала, что так и будет.

Ты и Эдена потерял, так ведь?

— К черту, Хьюстон. Что ты хочешь, чтобы я сделал — упрасивал тебя?

— Мне совершенно ничего от тебя не нужно. Сейчас я мечтаю только об одной вещи: побыстрее попасть домой и принять ванну.

Она начала подниматься, преодолевая сопротивление липкой грязи и перепутавшихся обрывков юбки.

— Ты не можешь никому ничего простить?

— А ты можешь простить мистера Фентона? По меньшей мере, я не использую других для достижения своей цели.

Даже сквозь дождь Хьюстон заметила, как лицо Кейна от злости покрылось пятнами.

— Ну, с меня достаточно, — сказал он, приближаясь к ней и прижимая ее к стене. — Ты моя жена, и по закону ты принадлежишь мне. Мне плевать, уважаешь ты меня или нет, любишь или что ты там еще считаешь необходимым, ты возвращаешься жить ко мне. А самое главное, ты сделаешь это прямо сейчас.

Она посмотрела на него с достоинством, на какое только оказалась способна, принимая во внимание состояние ее лица.

— Я буду кричать всю дорогу, пока мы будем ехать, и сбегу при первой же возможности. Он навис над ней, и она прогнулась назад.

— Ты знаешь пивоварню твоего отчима? Год назад у него были кое-какие финансовые проблемы, о которых он никому не рассказывал. Два месяца назад он в строжайшем секрете продал ее одному анонимному покупателю, который разрешил ему оставаться ее управляющим.

— Тебе? — прошептала Хьюстон, чувствуя спиной влажную кирпичную стену.

— Мне. А в прошлом месяце я купил отделение Национального Банка в Чандлере. Интересно, кто пострадает, если я решу прикрыть всю эту лавочку?

— Ты этого не сделаешь, — выдохнула она.

— Ты только что сказала, что я делаю, что мне вздумается, — не важно, кто встает на моем пути. И сейчас я хочу, чтобы ты вернулась в мой дом. — Но зачем? Я никогда для тебя ничего не значила. Все, для чего я была тебе нужна, так это приблизить час расплаты Джекоба Фентона. Наверняка можно было бы найти кого и получше... Он не обратил внимания на ее слова.

— Так что скажешь? Принесешь ли ты себя в жертву ради спасения целого города? Мой дом и моя постель в качестве мученического костра, естественно.

Неожиданно он схватил ее за подбородок, грубо лаская ее влажную, грязную кожу.

— Смогу ли я еще зажечь в тебе огонь? Смогу ли заставить кричать от удовольствия?

Он наклонил свою голову, как будто намереваясь ее поцеловать, но остановился в дюйме от ее губ.

— У тебя нет никакого выбора, насколько я могу судить. Либо ты едешь со мной прямо сейчас, либо заложенное имущество целой кучи людей так и не вернется к ним. Или твоя чванливая мораль важнее куска хлеба для многих людей?

Она заморгала от попавшей в глаза воды, то ли это были слезы, то ли дождь — она не могла понять.

— Я буду с тобой жить, — проговорила она, — но ты даже не подозреваешь, как холодна может быть Ледяная Леди.

Он не ответил, но поднял ее на руки и отнес в ожидавшую его коляску. Никто так и не произнес ни слова на всем пути до виллы Таггерта.

***

У Хьюстон не было больших проблем с тем, чтобы оставаться холодной по отношению к своему мужу, и только раз она чуть было не дрогнула. Она слишком хорошо помнила, для чего он на ней женился и какой она оказалась дурой, подумав, что любит этого эгоистичного мужчину. Лиандер, по крайней мере, поступил с ней честно, сказав ей прямо, что ему от нее нужно.

Хьюстон выполняла только самые необходимые обязанности по дому — и не больше. Она заново наняла слуг, но не затевала никаких развлечений и заговаривала с Кейном только в случае крайней необходимости и не реагировала на его прикосновения — что давалось ей тяжелей всего.

Первая ночь после переезда оказалась самой тяжелой. Он пришел в ее спальню и медленно прижал к себе. Хьюстон не позволила своему телу предать ее. Она оставалась холодной, как сталь. Это, возможно, оказалось самым тяжелым поступком, который она совершила за свою жизнь, но она не собиралась ложиться с ним в постель после того, как он так ее использовал. Ей удалось сдержаться и тогда, когда он отодвинулся и посмотрел на нее печальными глазами, как у маленького щенка. Она подумала, что он использует свой взгляд единственно, чтобы добиться своей цели.

На следующее утро он зашел в ее комнату и поднял с пола маленький сундучок. Хьюстон знала, что это был его свадебный подарок, и ей всегда было известно, что в нем находится, но она ждала, когда он сам преподнесет ей это. И теперь, когда он вывалил ей на колени бриллианты стоимостью около миллиона долларов, единственное, о чем она могла думать, это о том, насколько они холодны — почти такой же холод она ощущала внутри себя.

Кейн отступил на шаг и ждал ее реакцию.

— Если ты хочешь подкупить меня... — начала она. Он прервал ее:

— К черту все, Хьюстон! Что, я должен был тебе рассказать о Фентоне до свадьбы? Мне и без того тогда трудно приходилось, когда ты пыталась получить Вестфилда, даже стоя

перед алтарем. — Он подождал, не ответит ли она. — Ты же не будешь отрицать, что хотела Вестфилда?

— Мне кажется, не важно, что хочу я. Это ты можешь настаивать на своей точке зрения. Ты хотел дом, который бы поразил мистера Фентона, ты хотел жену, чтобы похвастаться перед ним. Не важно, что дом стоил миллионы, а жена тоже живое существо со своими собственными чувствами. Тебе все одно. Ты должен настоять на своем, и берегись тот, кто попытается тебе перечить.

Кейн не говоря ни слова покинул комнату.

Бриллианты сверкали на коленях Хьюстон, не глядя, она ссыпала их на покрывало, поднимаясь с постели.

Она проводила дни за чтением в своей гостиной. Слуги приходили к ней по разным вопросам, но в остальное время она оставалась одна. Ее единственной надеждой было то, что Кейн увидит, что она не хотела жить с ним, и отпустит ее.

Спустя неделю после ее возвращения он ворвался в ее комнату, сжимая в руке банковские счета.

— Какого черта это все должно означать? — заорал он. Со счета миссис Хьюстон Чандлер Таггерт были сняты деньги за стиральный порошок, два ярда тесьмы и оплату телефонных разговоров из дома Таггерта.

— Мне кажется, я единственная, кто пользуется здесь телефоном, поэтому я должна за него платить. Он сел в кресло напротив нее:

— Хьюстон, я когда-нибудь был скупым по отношению к тебе? Я когда-нибудь жаловался на то, сколько ты тратишь? Я когда-нибудь говорил или делал что-либо, что могло заставить тебя подумать, будто я прячу от тебя деньги?

— Ты обвинил меня, что я вышла за тебя ради твоих денег, — холодно ответила она. — Раз ты так дорожишь своими деньгами, то можешь их себе оставить. Он было начал говорить, но неожиданно закрыл рот. Он долго смотрел на счета, а потом наконец тихо заговорил.

— Я сегодня уезжаю в Денвер, и меня не будет около трех дней. Я бы хотел, чтобы ты оставалась дома. Я не хочу, чтобы ты попала в какую-нибудь беду, например, пытаюсь устроить беспорядок на угольных шахтах.

— И что ты сделаешь с невинными людьми, если я попытаюсь? Выбросишь пару семей на холод?

— Если ты не заметила, сейчас все еще лето.

Он подошел к двери:

— Ты меня не очень-то хорошо знаешь, верно?

Я прикажу, чтобы банк Присылал мне твой счета.

Покупай, что хочешь.

С этим он оставил ее одну. Как только он вышел, она направилась к окну и посмотрела на раскинувшийся внизу город.

— Ты меня тоже не очень хорошо знаешь, Кейн Таггерт, — прошептала она. — Ты не сможешь навечно засадить меня в этом доме.

Через три часа, убедившись, что Кейн уехал из дома, она позвонила преподобному Томасу и велела ему готовить повозку, потому что завтра Сэйди собирается навестить шахту «Маленькая Памела».

Хьюстон, переодетая в Сэйди, неторопливо правила повозкой, приближаясь к расположенному на холме угольному поселку. объезжая очередную выбоину на дороге, которые во множестве появились после многодневных дождей, ей показалось, что она услышала какой-то звук сзади повозки. Прошлым летом под туго привязанный брезент попала кошка, и она подумала, что и сейчас это была она.

Она подстегнула лошадей и сосредоточилась на подъеме в гору. У ворот она взмолилась, чтобы кошка или, судя по звукам, несколько кошек сидели тихо, пока они не минуют охранников. Ее совсем не радовала мысль, что из любопытства они решат обыскать повозку.

Когда охранники остались позади, Хьюстон вздохнула с облегчением. Этим утром она звонила Джин, и после прерывающихся признаний в том, что вчера вечером Эден попросил ее руки, Джин рассказала, что Рейф теперь посменно работает на кладбище и что когда Хьюстон доберется до поселка, он уже будет у себя дома. Рейф не знал о Хьюстон, но он хотел представить Сэйди одной женщине, которая будет помогать ей в распространении овощей и контрабандного товара. Джин не была уверена, знает ли женщина о том, кто была Сэйди на самом деле.

Хьюстон развернула повозку перед домом Таггертов и остановилась как раз тогда, когда Рейф вышел из двери.

— Здравствуй, здравствуй, — закричала Сэйди, с трудом стаскивая свое толстое, старое тело с козел.

Рейф кивнул ей, так пристально глядя на нее, что Хьюстон пришлось отвернуться, спрятавшись за большими полями ее шляпы.

— Я тут прослышала, ты вроде собирался найти кого-то там, чтобы помочь мне избавиться от всей этой всячины. Теперь, когда Джин собралась стать леди, думаю, мы больше и не свидимся.

Сэйди начала отвязывать один из углов брезента.

— Ко мне тут какие-то кошки забрались. Надо бы от них избавиться.

Она взглянула на Рейфа, отворачивая конец брезента и доставая оттуда один кочан капусты, чтобы похвастаться своим прекрасным товаром. Но когда она опять посмотрела в повозку, у нее подогнулись колени, и она схватилась за борт, чтобы не упасть: из-под кочанов капусты ухмыляющийся Кейн Таггерт похотливо подмигнул ей.

Рейф схватил Сэйди одной рукой и одновременно взглянул в повозку.

Кейн сел и отряхнулся от свисавших с него овощей.

— Ты что, оглохла, Хьюстон? Разве ты не слышала, как я тебя звал? Я думал, что откину копыта, так как временами вообще не мог дышать. Черт тебя подери, женщина! Я же сказал тебе не ездить сегодня на шахты.

Рейф переводил взгляд с одного на другого, потом взял Хьюстон за подбородок и повернул к свету. Если хорошо присмотреться, то можно было заметить грим на лице. С течением лет Хьюстон стала специалистом в том, как держать голову вниз, и, кроме того, она обнаружила, что люди никогда не смотрят друг на друга пристально. Они видели, что она старая женщина, и никто это так и не поставил под сомнение.

— Я этому не верил, — понизив голос проговорил Рейф. — Вам лучше зайти внутрь и

поговорить.

Кейн встал около нее, больно схватил за локоть и чуть ли не впихнул ее в маленький домишко Рейфа.

— Я сказал тебе не делать этого, — начал Кейн. Он посмотрел на своего дядю. — Ты знаешь, что делают дамы Чандлера? Трое или четверо из них переодеваются вот так и ввозят незаконные вещи, спрятанные в овощах.

Хьюстон вывернулась из рук Кейна.

— Все не так плохо, как ты пытаешься это представить.

— Что хуже, Фентон знает об этом и может подать на них в суд в любое время. Похоже, он держит в кулаке добрую половину всех уважаемых семей города, а те даже и не подозревают об этом. Рейф взглянул на Хьюстон;

— Что за незаконные вещи?

— Ничего особенного, — ответила она. — Медикаменты, книги, чай, мыло — все, что можно спрятать в овощах. Все не так, как он говорит. А что касается мистера Фентона, раз он знает обо всем и до сих пор ничего не предпринял, то, может быть, он нас покрывает, следя, чтобы ничего нам не помешало. В конце концов, мы не делаем никому ничего плохого.

— Никому! — ахнул Кейн. — Дорогуша, когда-нибудь я расскажу тебе, кто такие акционеры. Если акционеры Фентона узнают, как ты вырываешь их куш прямо изо рта, они всех вас вздернут на виселице. Но если примутся за Фентона, он воспользуется всеми вами и всеми папочками и муженьками, какие только подвернутся ему под руку, чтобы самому выпутаться из этой переделки. Я уверен, что Фентону очень нравится то, что вы делаете, потому что он знает, что в любой момент сможет воспользоваться своей властью над самыми уважаемыми семьями Чандлера, — но все это только до тех пор, пока его инвесторы про это не пронюхали.

— То, что ты сам шантажируешь людей, еще не значит, что и другие будут так делать. Возможно, мистер Фентон...

Она остановилась, так как Рейф просто выпихнул ее из дома.

— Я думаю, тебе лучше пойти присмотреть за повозкой. — Та женщина, которая хотела тебе помочь, живет в соседнем доме. Просто постучись — она уже готова.

С этими словами он захлопнул перед ее носом дверь.

— Как долго это продолжалось? — спросил Рейф Кейна. — И как она поступает с деньгами, вырученными за продажу еды?

Кейн не знал ответов на все вопросы своего дяди, но вместе они смогли прояснить большую часть из происходящего. Рейф согласился с Кейном по поводу того, почему Фентон разрешал женщинам ездить в поселок шахтеров.

— Она распродаст все, и оглянуться не успеешь, — сказал Рейф. — Так что ты намереваешься делать теперь? Ты позволишь ей продолжать ездить и подвергать себя возможному риску? Если охранники узнают, что она водила их за нос в течение нескольких лет, они сначала сделают свое дело, а уж потом спросят, под чьей защитой она находилась.

— Я сказал ей, что она не должна сегодня ехать сюда, и ты видишь, как она мне подчиняется. Как только она решила, что я уехал, она купила целую ТРУДУ овощей и приехала.

— Это она заплатила за них? Кейн пододвинул стул и сел.

— Она сейчас не слишком счастлива со мной, но все будет в порядке. Я уже над этим

работаю.

— Если ты хочешь поговорить об этом, я тебя слушаю, — сказал Рейф и уселся напротив своего племянника.

Кейн никогда в жизни не говорил ни с кем о своих личных проблемах, но в последнее время все стало быстро меняться. Он рассказал Опал кое о чем, и сейчас ему хотелось выговориться своему дяде. Может быть, мужчина сможет помочь ему.

Кейн рассказал Рейфу о том, как он рос в конюшнях у Фентона, о своей мечте построить огромный дом. Рейф понимающе кивал, как будто то, что говорил Кейн, было ему близко и хорошо понятно.

— Естественно, Хьюстон просто из себя вышла, когда узнала, почему я на ней женился, и тут же от меня ушла. Я заставил ее вернуться обратно, но ей это что-то не очень нравится.

— Ты сказал, что хотел, чтобы она сидела за твоим столом во время этого дурацкого ужина. Ну а потом-то что? Ну а что потом?

Кейн начал рассматривать ногти.

— Мне не нужна была жена, и я думал, что она была влюблена в этого Вестфилда, который обманул ее. Так что мне казалось, что она только рада будет от меня избавиться после ужина с Фентоном. Я решил подарить ей ящик драгоценностей и вернуться в Нью-Йорк. Весь идиотизм состоит в том, что я все-таки подарил ей драгоценности, но она даже не взглянула на них.

— Так почему бы тебе не оставить ее и не вернуться в Нью-Йорк?

Кейн ответил не сразу.

— Я не знаю. Мне вроде как понравилось здесь. Я люблю горы, и тут не так жарко летом, как в Нью-Йорке, и...

— И тебе нравится Хьюстон, — ухмыляясь сказал Рейф. — Она красивенькая маленькая штучка, я, скорее, согласился бы иметь такую женщину, как она, чем весь штат Нью-Йорк.

— Так как же получилось, что ты не женат?

— Все те, кто мне нравились, не хотели за меня идти.

— Мне кажется, со мной происходит то же самое. Когда мне было все равно, выйдет за меня Хьюстон или нет, и я думал, что и любая другая могла бы сойти, она повторяла, что любит меня. А сейчас, когда я понял, что вряд ли смогу нормально жить без нее, она смотрит на меня, как на кучу дерьма.

Оба мужчины на минуту замолчали, задумавшись о том, как несправедлив порой бывает этот мир.

— Хочешь виски? — спросил Рейф.

— Не откажусь.

Когда Рейф повернулся, чтобы достать бутылку, Кейн в первый раз пригляделся к обстановке в доме. Он прикинул, что все хозяйство уместилось бы в одной его ванной комнате. Дом был до такой степени грязным, что никакой чисткой этого уже не исправить. Света было совсем мало, и в воздухе витал запах крайней нищеты. На камине стояла жестянка с чаем, две банки с овощами и то, что должно, по идее, было быть половиной буханки хлеба, завернутой в тряпку. Кейн был уверен, что это было единственной пищей в доме.

Совершенно неожиданно Кейн вспомнил комнаты над конюшнями, где он вырос. Он посылал свои простыни и одежду прачкам Фентона, а когда вырос, то подлизывался к горничным, чтобы те убрали его комнату. И еды всегда было в изобилии.

Что там, по словам Хьюстон, она возила углекопам? Лекарства, мыло, чай? Все, что можно спрятать в кочане капусты. Кейну никогда действительно не приходилось волноваться о куске хлеба. И где бы он ни жил, он никогда не жил так, как жили здесь.

Когда он перевел взгляд на угол потолка, в котором неприкрыто зияла дыра, он задумался над тем, как же его мать, выросшая в роскоши, жила в этом доме столько времени.

— Ты знал мою мать? — тихо спросил Кейн, когда Рейф поставил жестяную кружку с виски на стол.

— Да.

Рейф смотрел на этого человека, который был его родственником, знакомым и в то же время таким незнакомым. Иногда Кейн делал какой-нибудь жест, который заставлял Рейфа думать, будто это Фрэнк сидит перед ним, а иногда он так глядел на людей, что напоминал ему милую Чарити.

Рейф сел за стол.

— Она жила с нами всего несколько месяцев, и ей было тяжело, но она была не из робкого десятка. Мы все думали, что Фрэнк самый счастливый человек на земле. Ты бы ее видел! Она целыми днями работала, убирала и готовила, а потом как раз перед тем, как у Фрэнка кончалась смена, она так приводила себя в порядок, будто готовилась к встрече с президентом.

Кейн посмотрел на дядю.

— Я слышал, она была избалованным ребенком и презирала других женщин, за что ее все и ненавидели. Лицо Рейфа даже покраснело от гнев.

— Я не знаю, кто тебе это сказал, но он презренный лжец. Когда убили Фрэнка, ей просто стало все равно, живет она или нет. Она сказала, что едет домой родить ребенка, потому что знала, что Фрэнк бы пожелал самого лучшего для него, и она хотела разделить радость рождения ребенка со своим отцом.

— Подлец! — задохнулся Рейф. — Следующее, что мы узнали, было то, что Чарити и ее ребенок умерли, а ее отец от горя застрелился. Шервин и я были рады, что последние часы Чарити были счастливыми, и что отец принял ее обратно в дом. Многие годы никто из нас не знал о тебе или о том, что Чарити покончила с собой.

Кейн хотел спросить, почему Рейф ничего не сделал, когда они об этом узнали, но взял вместо этого кружку и сделал большой плоток. Он говорил Хьюстон, что деньги дают человеку власть. Что могли Таггерты сделать, когда они еле держались на плаву? И кроме того, он и сам не плохо устроился.

— Я тут думал, — сказал Кейн, глядя в кружку. — Мы с тобой поначалу не поладили, и подумал, чем бы я мог помочь...

Но уже говоря эти слова, он осознал, что ему не следовало их произносить. Хьюстон говорила, что он использует свои деньги, чтобы использовать людей. Он посмотрел на дядю и увидел, что тот выпрямился в ожидании, как Кейн закончит предложение.

— Яну очень нравится играть в бейсбол, да и Заку тоже, а теперь я не так уж часто их вижу. Поэтому-то я и подумал, что, может быть, я мог бы здесь организовать бейсбольную команду для ребят. Все необходимое я, естественно, куплю. Рейф расслабился.

— Детям бы понравилось. Может, ты смог бы прийти в воскресенье, когда они не в шахтах. Ты думаешь, Фентон согласится?

— Полагаю, что да, — сказал Кейн и допил виски. — Полагаю, я лучше пойду поищу жену. Судя по ее отношению ко мне в последнее время, она вполне могла меня здесь

бросить.

Рейф встал:

— J— Лучше я пойду за ней. Думаю, тебе придется возвращаться домой под повозкой. Если охранники увидят, что ты уезжаешь, хотя и не приезжал, они станут более подозрительными, и тогда другие дамы, которые приедут потом, могут попасть в беду.

Кейн кивнул. Ему не понравилась эта идея, но он знал, что так было нужно.

— Кейн, — сказал Рейф уже у двери, — если ты мне позволишь дать тебе один совет насчет Хьюстон, то будь просто с ней терпеливее. У женщин порой возникают идеи, которые мужчинам просто не дано понять. Попробуй ухаживать за ней. Ты же сделал что-то, что привлекло ее в первый раз, так, может, у тебя получится повторить все сначала.

— Она терпеть не может подарков, — проворчал Кейн.

— Может быть, ты даришь ей не то, что нужно. Когда-то одна девушка просто сходила по мне с ума, и все, что ее привлекло, был лишь маленький щенок, которого я ей подарил. Просто маленькая дворняга, но она его так полюбила. Она была мне действительно благодарна, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Улыбнувшись и подмигнув, Рейф вышел из хижины.

***

Всю дорогу до дома она ждала, когда же он проявит свои эмоции, но так ничего и не произошло. Он подсел к ней на козлы, как только охранники скрылись из виду, и, хотя Хьюстон не произнесла ни слова, он болтал то о пейзаже, то о своих делах. Несколько раз она порывалась ответить, но останавливала себя, вспоминая о своей к нему ненависти. Он скоро поймет, что она больше никогда его не полюбит, и отпустит ее из своей тюрьмы.

Дома он вежливо пожелал ей спокойной ночи и пошел в кабинет. На следующий день он вошел в ее гостиную во время обеда и не говоря ни слова взял ее под локоть. Они спустились вниз на кухню, где уже стояла приготовленная миссис Мерчисон корзина с провиантом для пикника. Не отпуская ее руку, он повел ее в самый конец сада, к статуе Дианы, где они однажды занимались любовью.

Хьюстон неподвижно стояла, пока он расстилал скатерть и выкладывал продукты, а затем ему пришлось буквально силой заставить ее сесть. Во время еды, к которой она едва притронулась, Кейн не закрывал рта. Он рассказал ей еще кое-что о своем бизнесе, упомянув, как тяжело ему сейчас приходится, когда с ним нет Эдена.

Хьюстон ни на что не отвечала, однако ее молчание, казалось, не смущало его.

После того как они покончили с едой, Кейн прилег, положив свою голову ей на колени, и продолжал рассказывать. Он передал ей разговор с Рейфом о своей матери. Он рассказал, каким жалким и грязным оказался дом Рейфа и что он даже ни в какое сравнение не шел с теми комнатами, в которых вырос сам Кейн.

— Как ты думаешь, могу ли я что-нибудь сделать, чтобы вытащить оттуда дядю Рейфа? Он уже далеко не молод, и мне бы хотелось как-нибудь помочь ему.

Хьюстон на минуту задумалась. Она еще не слышала от Кейна таких вопросов.

— Ты не можешь предложить ему работу, так как он расценил бы это как

милостью, — сказала она.

— Так я и подумал. Я не знаю, что делать. Если у тебя появятся какие-нибудь идеи, скажешь мне, хорошо?

— Да, — неуверенно ответила она, и перед ее глазами возникла картина, как Рейф прогуливался с Памелой. Они были необычной парой.

— Мне нужно теперь идти работать, — сказал он и вдруг удивил ее неожиданным и жарким поцелуем. — Почему бы тебе пока не отдохнуть здесь в саду?

Он оставил ее одну, и Хьюстон, прогуливаясь по саду, рассматривала растения, в розарии она взяла у садовника садовые ножницы и срезала себе несколько цветов. В первый раз за свое пребывание пленницей в доме Кейна она сделала что-то, что не было продиктовано абсолютной необходимостью. «Если хозяин и плох, то это еще не повод, чтобы ненавидеть дом», — сказала она сама себе, оправдываясь за то, что украсила дом цветами.

Когда Кейн пришел на ужин, столовая благоухала ароматом свежесрезанных цветов, и он все время улыбался Хьюстон во весь рот.

На следующий день приехала на обед Блейр, чтобы рассказать о своем друге из Пенсильвании, докторе Луисе Бликере, помогавшем ей в больнице. Она спросила Хьюстон, в порядке ли она. По какой-то причине казалось, что Блейр больше не испытывала ненависти к Кейну.

— Все пока по-прежнему, — вздохнула Хьюстон. — А ты как?

Блейр заколебалась.

— Ли с этим смирится, я уверена.

— Смирится с чем?

— Он немножко сердится на меня сейчас. Я-а... прокатилась с ним, спрятавшись в коляске. Но давай лучше поговорим о тебе.

— Давай поговорим о журнале. У меня есть для тебя две новые статьи.

В воскресенье Кейн поднял Хьюстон с кровати, стараясь при этом держаться от нее как можно дальше. Он бросил на кровать темно-розовое платье, украшенное узкими лентами из черного вельвета.

— Надень это и приведи себя в порядок как можно быстрее, — приказал он перед тем, как выйти.

Через несколько минут он вернулся в плисовых брюках, светло-голубой фланелевой рубашке и матросских подтяжках. Он остановился на минуту, оглядывая Хьюстон, стоявшую перед ним в нижнем белье: узкий лиф приподнимал грудь над кружевами сорочки, икры были обтянуты черными шелковыми гольфами с вышитыми бабочками, на ногах — маленькие кожаные тапочки.

Он глазел на нее с минуту, затем повернулся и вышел из комнаты, как будто, если бы он остался еще хоть на мгновение, он бы с собой не справился.

Хьюстон бросила халат, за который в первый момент схватилась, но почему-то так и не надела, и вздохнула. Она сказала себе, что это был вздох облегчения и совсем не вздох сожаления, хотя он именно так и прозвучал.

Кейн не сказал, куда они едут, а просто помог ей забраться в экипаж и тронул поводья. Хьюстон не спрашивала, куда же он собрался, но на ее лице отразилось удивление, когда она увидела, что Кейн свернул на дорогу, ведущую к шахте «Маленькая Па-мела».

Охранники пропустили их без единого вопроса, а когда они оказались за воротами,

люди стали выходить из домов и следовать за ними. Хьюстон помахала нескольким женщинам, которых она знала.

— Они не узнают тебя, когда ты такая чистая, — предупредил ее Кейн.

Она вертелась из стороны в сторону, наблюдая, как все больше и больше людей присоединяются к ним, и со всех сторон ей светились бесчисленные улыбки на детских лицах.

— Что ты сделал? — спросила она..

— Там, — ответил он, указывая пальцем. Перед ними открылась большая поляна посреди поселка, с входом в шахту на ее противоположной стороне. В центре поля, в самой луже, стояли деревянные ящики.

Кейн остановил экипаж и помог Хьюстон слезть, а двое мальчиков с черными от угольной пыли лицами взяли лошадь под уздцы. Они тут же оказались окруженными толпой людей.

— Ну, вперед, ребята! — громко сказал Кейн и улыбнулся, подходя к ящикам.

Пока Хьюстон наблюдала, как мальчики распаковывали коробки, к ним сзади подошел Рейф.

— Ящики прибыли два дня назад, и я подумал, что вы не будете возражать, если я скажу им, что там внутри. Они с тех пор просто пляшут вокруг них и никак не могут успокоиться, — сказал Рейф и положил руку на плечо своего племянника.

Хьюстон с удивлением посмотрела на руку на плече ее мужа и повернулась, чтобы узнать, что же обнаружили мальчики в ящиках. Они вытащили бейсбольную форму, биты, ловушки, мячи, стальные маски и еще много всего.

Кейн выжидательно смотрел на Хьюстон.

Сделал ли он это все, чтобы только поразить ее, задумалась она. Она видела перед собой группу восхищенных родителей и детей.

— А что ты привез для девочек?

— Девочек? — удивился Кейн. — Девочки ведь не могут играть в бейсбол.

— Нет? А как же теннис, луки, велосипеды, гимнастика, фехтование?

— Фехтование? — повторил Кейн со злостью. — Я думаю, никто не сможет угодить вам, мисс Ледяная Леди? Вы лучше всех, и никому до вас не дотянуться, не так ли? — сказал он, перед тем как повернуться и уйти к мальчикам, которые уже махали битами и запускали мячи высоко в воздух.

Хьюстон вышла из толпы. Возможно, она была чересчур строга с ним. Возможно, ей следовало похвалить его за то, что он сделал для ребят. Ей всегда хотелось, чтобы это произошло, а когда ее мечта свершилась, она осталась неблагодарной.

По меньшей мере, она еще могла постараться, чтобы день прошел удачно, и не стоять где-нибудь в уголке и дуться. Она подошла к одной из маленьких девочек и принялась объяснять ей самые основные правила бейсбола. Через несколько минут вокруг Хьюстон уже собралась толпа женщин, девочек и даже мужчин, тех, кто ни разу не видел, как играют в эту игру. К тому времени, когда Кейн и Рейф организовали несколько команд мальчиков, Хьюстон собрала всех остальных болеть за играющих, несмотря на неумелые действия большинства из них.

Через два часа после начала игры к ним подъехал большой фургон, запряженный четырьмя лошадьми. Все остановились как вкопанные, думая, что случилась какая-нибудь беда.

Покрасневшим и сильно вспотевшим кучером оказался сам мистер Воган, владелец магазина спортивных товаров.

— Таггерт! — закричал он на Кейна, успокаивая своих лошадей. — В последний раз я исполняю твой заказ. Мне наплевать, покупаешь ли ты целиком мой магазин, но я ни для кого не собираюсь работать по воскресеньям.

— Ты все привез? — спросил Кейн, подходя к брезентовому фургону. — И кончай горланить. За те деньги, которые я истратил в твоём магазине за последние несколько месяцев, я действительно мог бы его целиком у тебя купить.

Толпа засмеялась, получая удовольствие от созерцания того, какую силу давали человеку деньги и как он мог говорить все, что он хочет и кому хочет. Однако Хьюстон продолжала рассматривать фургон.

— Хорошо, взгляни-ка сюда, — сказал Кейн, вытаскивая теннисную ракетку. — Я не думаю, что она сможет пригодиться нам в бейсболе.

Он повернулся к маленькой девочке, стоявшей рядом с ним:

— Может быть, ты знаешь, что с этим делать. Ребенок взял ракетку, но не сдвинулся с места.

— Видишь во-он ту даму? Она покажет тебе, как этим пользоваться.

Хьюстон подошла прямо к своему мужу, обняла его за шею и поцеловала — к огромному удовольствию стоявших вокруг людей. Хьюстон попробовала вырваться, но Кейн не выпустил ее.

— Думаю, я нашел наконец-таки нужный подарок, — сказал он кому-то через ее плечо, прижимая Хьюстон крепче.

Когда она отошла, то слышала смех Рейфа. Остаток дня у Хьюстон не было времени собраться с мыслями, так как она объясняла, как играть в различные игры и устраивала соревнования по теннису и стрельбе из лука. Мячей, колец, булав, канатов и разных других игрушек было в изобилии. Ее руки были постоянно чем-то заняты, и мамы помогали ей успокаивать детей, которые думали, что им чего-то не достанется.

Не успела Хьюстон оглянуться, как наступил вечер. Кейн подошел и обнял ее за плечи. Когда она посмотрела на него снизу вверх, она уже знала, что все еще любит его. Возможно, он не был таким, каким она представляла его себе, возможно, он мог прожить всю свою жизнь с единственной мыслью о мести, и может быть, сегодня он лишь пытался показать степень своей ненависти к Джекобу Фентону, но в тот момент ей было все равно. Она поклялась любить его хорошего или плохого, и эта одержимость своей ненавистью была частью того плохого. Взглянув на него, она поняла, что всегда будет любить его, неважно, какие мотивы руководят его поступками. Она останется с ним и будет любить, даже если он отберет у Фентона все, что у того было.

— Ты готова, дорогая? — спросил он.

— Да, — ответила она, и это слово исходило из самого ее сердца.

Кейн не смотрел на Хьюстон, когда они покинули поселок углекопов и проехали мимо угрюмых охранников. Он крепко держал поводья и не сводил глаз с дороги впереди.

Зато Хьюстон только на него и смотрела. Она не могла понять, как ее гордость позволяла ей любить человека, который использовал ее. Но глядя на него, ей становилось ясно, что это было выше ее сил.

У подножья холма, как раз перед поворотом на главную дорогу, Кейн остановил экипаж. Солнце клонилось за горизонт, окрашивая закат красно-оранжевым маревом. Прозрачный горный воздух становился прохладным, разнося тонкий аромат шалфея, дорога была усыпана коксом из угольных печей, а ветер разносил пух с деревьев.

— Почему мы остановились, — спросила она, когда он обошел коляску и протянул ей руку.

— Потому, моя любимая, — ответил он опуская ее на своих руках, — что мне кажется, что я не могу больше ждать, пока мы доедем домой и займемся любовью.

— Кейн... — попыталась она возразить. — Мы не можем останавливаться здесь. Кто-нибудь нас увидит.

Больше она ничего не сказала, потому что он привлек ее к себе, сжал в объятиях и начал нежно гладить по спине. Хьюстон приникла к нему со всей страстью, которую она раньше сдерживала.

Он отстранился от нее и прикоснулся к ее щеке рукой.

— Я скучал по тебе, дорогая, — прошептал он. — Я так по тебе скучал.

В следующую секунду вся нежность испарилась, и его рот жадно прижался к ее губам.

Хьюстон с жаром ответила ему. Ее тело таяло и вскипало под его прикосновениями, заполняя собой все изгибы его тела.

Неожиданно он отодвинулся от нее и взглянул на ее лицо, выражавшее восторг и желание. Взяв себя в руки, Кейн отошел к коляске и достал из багажной части кусок брезента. Расстелив его за кустами подальше от любопытных взглядов, он протянул ей руки.

Хьюстон медленно приближалась к нему, не отводя глаз и не думая ни о чем, кроме предстоящего удовольствия.

Его руки немного дрожали, когда он начал раздевать ее, медленно, одну за одной расстегивая маленькие пуговички.

— Я так давно об этом мечтал, — мягко проговорил он. От его ресниц по лицу легли тени от угасавшего солнца. Он выглядел моложе и уязвимее.

— Ты спросила меня однажды о других женщинах. Думаю, я даже никогда и не думал о них, пока не оказывался у них в постели, — на самом деле, я и там вряд ли о них когда-либо думал. И хуже всего то, что я совершенно точно никому из них никогда не говорил ничего подобного тому, что говорил тебе за последние несколько месяцев. Ты леди или ведьма?

Его рука скользнула под платье и начала гладить кожу, потом нашла ее грудь, и по ее телу разлилось приятное тепло. Хьюстон обхватила его за шею и прижалась к его губам.

— Я ведьма, которая любит тебя, — прошептала она.

Кейн так сильно прижал ее к себе, что она почувствовала, как ее ребра начинают подаваться, и только произвольный стон заставил его ослабить объятия.

Больше они не разговаривали, так как Кейн дал волю своему желанию, которое

сдерживал последние недели. И Хьюстон отвечала ему тем же.

С иступлением они начали сдирать друг с друга одежду, и тихий ночной воздух наполнялся звуками разрываемой материи, когда упрямая пуговица не спешила выскользывать из петли.

У Хьюстон даже не было времени снять чулки, как Кейн уже оказался на ней, и его рот покрывал каждый миллиметр ее тела жаркими поцелуями. Она впиалась своими ногтями в его кожу и прижимала его крепче и крепче, пока они не стали одним целым.

Из ее горла уже готов был сорваться крик, как Кейн закрыл ее рот своим.

— Будешь кричать. Ледяная Леди, и здесь соберется толпа ненужных посетителей.

Хьюстон понятия не имела, о чем он говорил, и не собиралась терять время на выяснение. Тем не менее каждые несколько минут Кейну приходилось затыкать ей рот всем, чем только можно, и она неизменно целовала то, что бы там ни оказывалось.

Она потеряла счет времени. Все ее мысли были поглощены телом Кейна, которое оказывалось то сверху, то снизу, то где-то сбоку, лежа, сидя, и один раз ей даже показалось, стоя. Мокрые от пота волосы прилипли к ее лицу или спадали влажными завитками по спине — и со всех сторон ее окружала плоть Кейна: горячая, влажная, движущаяся, сладкая и открытая ее прикосновениям. Ее долго сдерживаемые желания, отчаяние от мысли, что она может потерять любимого человека, сделали ее ненасытной. Они сходились, разъединялись, потом снова соединялись и в конце концов слились воедино в одном последнем, парализующем акте любви.

Несколько минут они находились в полудреме, тесно прижавшись друг к другу.

Потом Кейн встал и накрыл их концом брезента, а своим пиджаком прикрыл Хьюстон сверху. Он смотрел на нее некоторое время, на ее спящее лицо в лунном свете, а потом наклонился и поправил ее сбившиеся волосы.

— Кто б подумал, что такая леди, как ты... — прошептал он, засыпая.

Хьюстон проснулась через час от ощущения того, как рука Кейна гладит ее тело, а большой палец играет с розовым соском ее груди. Она сонно улыбнулась ему.

— У меня есть все, чего только можно пожелать, — сказал Кейн, поворачиваясь. — У меня в руках голая женщина, и она мне улыбается.

Он лег между ее ног.

— Эй, леди, не хочешь еще покувыркаться с конюхом?

Она потерлась о его бедра.

— Если только он будет очень нежен и не напугает меня своими варварскими манерами.

Кейн вздохнул и прижался ртом туда, где только что была его рука.

— Когда мужчина хочет чего-либо, он использует пистолет или нож, но, дорогая, твое оружие пугает меня до смерти.

— Ты выглядишь испуганным, — сказала она, хватая ртом мочку его уха.

На этот раз они занимались любовью неторопливо, не спеша и не так иступленно. Когда все кончилось, они тихо лежали друг у друга в объятиях и спали. Где-то посреди ночи Кейн встал и разнуздал лошадь. Когда Хьюстон сквозь сон спросила, что он делает, он ответил:

«Однажды став конюхом, им и останешься», — и лег обратно под брезент, который служил им кроватью.

Перед восходом они проснулись и заговорили. Кейн лежал на спине, а Хьюстон рядом с ним. Он рассказал, какую радость испытывал от вида детей, получивших от них игрушки.

— Почему некоторые мальчики выглядели, как еноты?

Хьюстон не сразу поняла, что он имел в виду.

— Они работают в шахтах и еще не научились, как вымывать угольную пыль из глаз.

— Но некоторые из них еще малыши ну или совсем чуть-чуть постарше. Они не могут...

— Могут, — ответила Хьюстон, и они на некоторое время замолчали. — Ты знаешь, я хочу кое-что сделать для всех шахт, а не только для одной.

— Что?

— Я хочу купить четыре фургона, примерно как у молочника, но внутри будут полки с книгами, и фургоны будут ездить из поселка в поселок и будут бесплатной библиотекой. Кучерами могут быть сами библиотекари или учителя, и они будут помогать детям, да и взрослым тоже, выбирать книги.

— Почему бы нам не нанять настоящих кучеров? — спросил Кейн, подмигнув.

— Так тебе нравится идея?

— Звучит неплохо, и несколько фургонов стоят все равно меньше, чем тот вагон, что я подарил твоей матери. Кстати, что же она с ним сделала?

Хьюстон улыбнулась ему при свете восходящего солнца.

— Она говорит, что это была твоя идея. Она приказала оттащить его на задний двор и теперь использует его в качестве места для уединения. Я слышала, что мистер Гейтс был так зол, что еле мог говорить.

Солнце осветило небо, и Кейн сказал, что им пора возвращаться домой, пока не началось утреннее движение на дорогах. Весь путь домой Хьюстон сидела, прижавшись к нему, и он несколько раз останавливался, чтобы поцеловать ее. Хьюстон сказала себе, что Фентон не играет никакой роли, и что она будет любить Кейна, что бы он там ни предпринял для осуществления своей мести.

Дома они плескались в большой с золотыми кранами ванне, залив весь пол. Но Кейн справился, застлав пол двадцатью одним пушистым турецким полотенцем. Потом он положил на них Хьюстон и занялся с ней любовью. Служанка Хьюстон, Сюзен, чуть быль не вошла в комнату, но Кейн успел захлопнуть перед ее носом дверь, и они вместе засмеялись, прислушиваясь к тому, как стучат по деревянному полу спальни Хьюстон башмаки девушки, улепетывавшей от них со всех ног.

Потом они спустились вниз и позавтракали с невиданным аппетитом. Миссис Мерчисон покинула кухню и лично прислуживала им, улыбаясь и открыто выражая свой восторг по поводу того, что Кейн и Хьюстон помирились.

— Дети, — сказала она выходя из комнаты. — В этом доме должны появиться дети.

Кейн чуть не подавился своим кофе, с ужасом посмотрев на Хьюстон. Она сделала вид, что не заметила этого, и продолжала улыбаться в свою чашку.

Как раз в ту секунду, когда миссис Мерчисон вносила блюдо с жареным бифштексом, они услышали грохот. Казалось, что пол под ними пошатнулся, и по всему дому прошла дрожь, вызванная какой-то глубокой, дальней, темной силой. Рюмки на столе зазвенели, а сверху послышался звон разбитого стекла.

С криком миссис Мерчисон уронила блюдо.

— Что это, черт подери, было? — спросил Кейн. — Землетрясение?

Хьюстон ничего не ответила. Она только раз в жизни слышала подобный звук, но с тех пор его невозможно было забыть. Она не смотрела ни на Кейна, ни на слуг, которые уже прибежали в столовую, а направилась прямо к телефону и сняла трубку.

— Какая из них? — сказала она в трубку, не подумав даже назвать себя телефонистке.

— «Маленькая Памела», — услышала она, и холодная трубка выскользнула у нее из рук.

— Хьюстон! — заорал Кейн ей в лицо, хватая за плечи. — И не подумай здесь мне падать в обморок. Это была шахта?

Хьюстон не думала, что у нее хватит сил говорить. Ее горло сжимал ужас. Почему это произошло с моей шахтой, крутилось у нее в голове, и перед ней возникали лица детей. Кто из тех, что играли вчера в бейсбол, были уже мертвы?

Хьюстон взглянула на Кейна стеклянными глазами.

— Смена, — прошептала она. — Рейф был в последней смене.

Руки Кейна сжали ее плечи.

— Так это была «Маленькая Памела», — прошептал он. — Дело худо?

Хьюстон раскрыла рот, но не смогла произнести и звука.

Один из лакеев выступил из группы примолкнувших слуг:

— Сэр, когда взрыв такой силы, что в городе вылетают стекла, то значит дело очень худо.

Кейн с минуту молча стоял, а потом с него вдруг как будто спало оцепенение.

— Хьюстон, ты должна достать все простыни, какие Только найдешь в доме, и загрузить их в большой фургон, а потом отвезти к шахте. Ты меня поняла? Я одеваюсь и еду туда вперед тебя. Но ты должна приехать как можно скорее, понятно?

— Им понадобятся спасатели, — сказал лакей. Кейн быстро смерил его глазами.

— Тогда просыпайся быстрее и вперед на лошадь. Он повернулся обратно к Хьюстон:

— Живым или мертвым, но я вытащу оттуда Рейфа. Быстро поцеловав ее, он кинулся вверх по лестнице. Секунду Хьюстон продолжала беспомощно стоять, но потом взяла себя в руки. Того, что уже случилось, не изменишь, но она могла еще помочь. Она повернулась к женщинам, стоявшим около нее.

— Вы слышали хозяина. Я хочу, чтобы через десять минут все до одной простыни и наволочки лежали в фургоне.

Одна из служанок выступила вперед.

— Мой брат работает на «Маленькой Памеле». Можно мне поехать с вами?

— И мне, — сказала Сьюзен. — В свое время мне пришлось перевязывать разбитые головы.

— Да, — ответила Хьюстон, уже поднимаясь по лестнице, чтобы переодеть свой кружевной утренний халат. — Боюсь, нам потребуется любая помощь.

Кейну до этого не приходилось сталкиваться с природными бедствиями, обычно он сражался один на один со своими бедами и поэтому не был готов к тому, что ему пришлось увидеть у шахты «Маленькая Памела». Еще издалека он услышал вопли женщин, и ему показалось, что до конца жизни он не сможет избавиться от воспоминаний об этих криках.

Ворота в поселок были открыты и не охранялись, только какая-то женщина сидела возле них и качала на руках ребенка, напевая ему что-то вполголоса. Кейн и четверо сопровождавших его мужчин въехали в поселок и спешили. Они оказались посреди толпы женщин, некоторые из них торопились куда-то, а некоторые просто стояли и плакали.

Когда Кейн проходил мимо одной из женщин, она вдруг схватила его руку мертвой хваткой.

— Убей меня! — хрипло закричала она ему в лицо. — Его нет, у нас ничего не осталось! Ничего!

Она через силу затащила Кейна в свою лачугу. По сравнению с ней хижина Рейфа была просто виллой. Пятеро грязных детей, одетых в тряпье, стояли в углу, уцепившись друг за друга. Их изможденные лица с большими печальными глазами говорили о постоянном голоде. Он не видел этих детей, когда приходил сюда вчера, однако он не помнил, чтобы заходил в эту часть поселка, где дома были простыми навесами из толя и пустых консервных банок.

— Убей нас всех! — крикнула женщина. — Нам так будет лучше. Мы и так умрем — только с голоду.

На доске, которая служила столом, лежала половинка зачерствевшей буханки хлеба. Другой еды в доме Кейн не увидел.

— Сэр, — сказал лакей, вошедший вслед за Кейном. — Им понадобится помощь, чтобы вытащить тела.

— Да, — в задумчивости проговорил Кейн и вышел из лачуги. Оттуда все еще доносился плач женщины.

— Кто эти люди? — спросил он, выйдя наружу.

— Они не могут оплатить аренду дома у компании — это два доллара за каждую комнату — поэтому компания сдает им землю за доллар в месяц, и они сами строят себе дома из того, что смогут достать.

Он кивнул в сторону трупп, где лачуги были сделаны из сплюснутых банок, бочек, и Кейну даже показалось, что он заметил части от ящиков, в которых он вчера привез бейсбольные принадлежности.

— Что случится с женщиной, если ее муж погиб? Лицо мужчины стало мрачным.

— Ей повезет, если компания выплатит шестимесячное пособие, но после этого она и ее дети будут предоставлены самим себе. Что бы ни случилось, компания заявит, что взрыв произошел по вине шахтеров.

Кейн выпрямился:

— Мы хотя бы можем помочь сейчас. Пошли достанем этой женщине что-нибудь поесть.

— Где? Четыре года назад произошел бунт, и горняки взломали магазин, принадлежавший компании, поэтому с тех пор туда завозят только необходимый минимум

товаров, включая еду. — Его рот перекосялся. — Да и город тоже не поможет. Когда взорвалась предыдущая шахта, мы попытались получить помощь от «Сити-холла», но они ответили, что сначала нам нужно получить разрешение от «соответствующих инстанций».

Кейн направился к центру поселка, где находилась шахта. Перед входом в нее лежали три обернутых в простыни тела, еще одно несли два человека к распахнутым дверям машинного цеха, за которыми он увидел Блейр и еще двоих мужчин. Кейн подошел к Лиандеру:

— Плохо дело?

— Хуже и быть не может, — ответил Лиандер. — В шахте столько газа, что спасатели теряют сознание прежде, чем они доберутся до людей. Мы до сих пор не можем сказать точно, что случилось и сколько жертв, потому что взрывная волна пошла вовнутрь, а не наружу. В заваленных штольнях еще могут оставаться живые люди... Кто-нибудь, остановите ее! — закричал Ли, запрыгивая на подъемник, который доставлял шахтеров под землю.

Кейн схватил женщину, к которой относилось восклицание Ли. Она рвалась к обгоревшему телу, которое выносили из шахты. Женщина была маленькой и хрупкой, и Кейн поднял ее на руки.

— Давайте я отнесу вас домой, — сказал он, но она только тряхнула головой.

К ним подошла еще одна женщина:

— Я о ней позабочусь.

— У вас есть брэнди? — задал вопрос Кейн.

— Брэнди? — переспросила женщина. — У нас нет даже чистой воды.

Она помогла женщине, которую держал Кейн; встать на ноги.

Через две минуты Кейн уже пустил во весь опор свою лошадь и поскакал прямо через гору в сторону Чандлера. По пути он встретил Хьюстон, и она закричала что-то ему, но он даже не замедлил хода.

На всем скаку он ворвался в город, чуть не передавив полдюжины пешеходов, которые пытались выяснить у него, что же происходит. Большинство жителей Чандлера вышло на улицы. Все смотрели на гору, где была шахта «Маленькая Памела», и обсуждали положение. Кейн промчался через город до Арчер-авеню и наконец остановился у дома Эдена. В лазарете Вестфилда на другой стороне улицы во всю кипела работа. Кейн не виделся с Эденом с тех пор, как они расстались при столь печальных обстоятельствах.

У крыльца стояла оседланная лошадь, и Эден уже выходил из дома, когда перед ним остановился Кейн, так резко натянув поводья, что передние копыта лошади оторвались от земли.

Кейн спешил и в ту же секунду был уже на крыльце.

— Я знаю, что ты не хочешь больше иметь со мной дела, но я не знаю, у кого еще хватит мозгов организовать то, что я задумал. Я прошу тебя на время забыть о своих чувствах и помочь мне с этим.

— С чем именно? — с подозрением спросил Эден. — Я собираюсь ехать на шахту. Там сейчас дядя Джин и...

— Он, между прочим, и мой дядя, черт подери! — взорвался Кейн. — Я только что оттуда. У них там вполне достаточно спасателей, так что они только мешают друг другу, но там совершенно нет воды и продуктов, и, кроме того, взрыв разрушил несколько домов — если так можно назвать эти лачуги. Мне нужно, чтобы ты помог достать еду и организовать крышу над головой для раненых, спасателей, да и для всех этих женщин, которые только

стоят там и плачут.

Тяжелым взглядом Эден с минуту смотрел на своего прежнего хозяина.

— Из того, что удалось разузнать Джин по телефону, понадобится много времени, чтобы извлечь все тела. Нам нужно нанять несколько фургонов, чтобы подвозить все необходимое к шахте, и надо попробовать договориться подождать по рельсам вагон для... для тел. Сегодня нам понадобится пища, которую не надо предварительно готовить.

Кейн широко улыбнулся Эдену:

— Пошли, пора браться за работу.

Джин только что вышла на крыльцо. Ее лицо было матово-бледным. Эден повернулся к ней:

— Я хочу, чтобы ты сейчас же позвонила мисс Эмили в чайный магазинчик и велела ей как можно быстрее собрать всех ее сестер у бакалейной лавки Рэндольфа. Удостоверься, что ты говоришь именно с самой мисс Эмили, и не забудь, что ты должна сказать «сестер», Джин! Это очень важно. Ты меня поняла?

Джин кивнула, и Эден быстро поцеловал ее, прежде чем вскочил на лошадь.

В городе Кейн и Эден разделились и направились к тем, у кого мог быть грузовой фургон. Большинство владельцев добровольно предложили свою помощь, и во всем Чандлере ощущалась атмосфера сплоченности перед лицом случившейся трагедии.

Шесть молодых дам встретили их у лавки Рэндольфа, и Кейну понадобилось всего несколько секунд, чтобы объяснить им, что они должны делать. Милочка мисс Эмили тут же стала отдавать приказы, выкрикивая их голосом, как у артиллерийского сержанта.

Когда фурунги подошли к большим задним дверям магазина, женщины начали загружать их консервами с мясом, бобами, бидонами с молоком, сухарями и сотнями буханок хлеба. Когда вокруг них собралась толпа любопытных, мисс Эмили заставила их грузить ящики с продовольствием.

Эден следил за наполнением большой бочки на фургоне водовоза.

Придерживая рукой шляпу, к ним подбежала Памела Фентон вместе с Закари.

— Что нам делать? — громко спросила она, пытаясь перекричать мисс Эмили.

Кейн взглянул на своего сына, и чувство благодарности переполнило его. Его ребенок никогда не был в шахтах, и ему не угрожала постоянная опасность. Он положил руку мальчику на голову и повернулся к Пам.

— Мне нужно, чтобы ты собрала как можно больше своих подруг и вместе с ними достала столько навесов, сколько сможешь разыскать в этом городе. Поднимись к моему дому и выясни, что сделала Хьюстон с теми большими тентами, которые она купила для нашей свадьбы. А потом я хочу, чтобы все это отвезли к шахте.

— Я думаю, Зак еще мал, чтобы увидеть то, что там наверху случилось, — сказала Пам. — Иногда эти взрывы происходят из-за...

Весь день Кейн сдерживал себя, но сейчас он не выдержал.

— Это вы! — закричал он ей в лицо. — Это из-за вас, Фентонов, все произошло. Если бы шахты не были такими опасными, и если бы твой папаша истратил хоть толику из "своих денег, над которыми он так трясется, ничего бы этого не случилось. Этот мальчик — мой сын, и если там наверху дети могут умирать в шахте, то и он уже достаточно большой, чтобы видеть, как из-за твоего отца погибают люди.

Когда Кейн остановился, чтобы перевести дух, он заметил, что люди вокруг безмолвно смотрят на него, слушая, что он говорит. Никто не шевелился. Наконец Эден слез с фургона.

— Ты что, весь день собираешься так простоять? Эй ты! — крикнул он мальчишке. — Нагружай этот ящик фасолью, а вы там подкатите сюда фургон, раз лошадь еще не запрягли.

Люди медленно взялись опять за работу. Кейн же все еще был поглощен мыслями о тех, кто погиб по вине Джекоба Фентона. Несмотря на то, что он только что наговорил Пам, он и сам бы не позволил Заку ехать на место взрыва — во всяком случае, пока сам не будет готов править лошадьми.

Был почти уже закат, когда Кейн взобрался наконец на козлы и поехал на шахту «Маленькая Памела».

Зак сидел рядом с ним, но долгое время не решался заговорить.

— Мой дед правда убил людей? Это он виноват? Кейн выложил сыну все, что думал о Фентоне, о том как он рвался к деньгам, как присвоил себе то, что принадлежало Кейну. Неожиданно он почувствовал, что должен остановиться. Кем бы там еще ни оказался старик, он был дедом Закари, и тот имел полное право любить его.

— Я думаю, иногда люди просто сходят с ума из-за денег. Они думают, что на них они смогут купить все, что им надо в жизни. Поэтому они стараются добыть их во что бы то ни стало. Они не останавливаются ни перед обманом, ни перед преступлением. И даже когда им приходится отбирать деньги у других людей, они думают, что игра стоит свеч.

— Моя мама говорит, что ты богаче моего деда. Ты их тоже украл? Ты обманываешь людей?

— Нет, — мягко сказал Кейн. — Я думаю, мне повезло. Все, что мне пришлось сделать, это положить ради денег жизнь.

Весь оставшийся путь до шахты они молчали, и Кейну вновь пришлось испытать ужас при въезде на место катастрофы.

У входа в шахту лежало восемь тел, дожидаясь своей очереди, когда их внесут в машинный цех, где работали Блейр с подругой и еще два врача.

Хьюстон с распущенными волосами подошла к фургону и стала снимать бидоны с молоком и передавать их ожидавшим рядом женщинам.

— Как это здорово с твоей стороны! — начала она. — Тебе ведь не обязательно было это делать. Ты...

Кейн взял у нее тяжелый бидон.

— Я тоже здесь живу, и эти шахты в некотором роде принадлежат мне. Если бы я взялся за Фентона раньше, всего этого могло бы не случиться. Хьюстон, я вижу, ты устала. Может, ты отвезешь фургон назад и отдохнешь дома?

— Здесь нужны все. Спасатели задыхаются от газа и не могут добраться до раненых.

— Ну-ка! Налейте-ка мне попить, — раздался за ними знакомый голос, и Кейн увидел, как его дядя Рейф зачерпывает себе кружкой воды.

Хьюстон была уверена, что никогда до этого не видела, чтобы Кейн так широко улыбался и был так рад. Он так хлопнул дядю по спине, что у него выпала из рук кружка и полетела на землю. Рейф сказал Кейну пару ласковых, но Кейн просто стоял и улыбался, пока Рейф не закончил, ругаться и не ушел обратно к входу в шахту, предварительно ей подмигнув.

Кейн тоже направился туда. Увидев выходящего из-под земли Лиандера с почерневшим от дыма лицом, он протянул ему ковшик с водой.

— Еще много?

Ли жадно приник к воде.

— Слишком много.

Он поднял руки и посмотрел на них в свете заходящего солнца.

— Тела все в ожогах, и когда дотрагиваешься до них, то кожа слезает прямо в руках.

Кейну нечего было сказать, но все его мысли были обращены на человека, из-за которого это произошло.

— Спасибо за продукты, — говорил в это время Ли. — Ты сам даже не знаешь, как помог нам. Завтра здесь будет еще больше людей: журналисты, родственники, инспектора, правительство, любопытные... О еде часто просто не вспоминают. Мне пора возвращаться, — сказал он, поворачивая назад.

Кейн продрался сквозь нарастающую толпу людей, нашел Хьюстон и сына и посадил их на один из пустых грузовых фургонов.

— Нам нужно съездить за следующей партией провианта, — сказал он, и они тронулись. Когда голова Хьюстон склонилась на его плечо, он обнял ее одной рукой, так, чтобы ей удобно было спать по дороге в Чандлер.

Хьюстон и Зак поспали несколько часов в кузове фургона, пока Эден с Кейном будили горожан и приобретали вещи, которые были нужны в поселке. Утром они зашли в школу и попросили, чтобы детей освободили на этот день от занятий, и они помогли собирать и отправлять необходимые вещи.

Школьники принесли овощи, варенье и фрукты. Они попросили своих матерей приготовить еду и сварить сотни яиц. На назначенном месте возвышалась гора одежды, посуды и дров.

И весь день с горы приходили новости: пока найдено двадцать два тела, обожженные и изувеченные, так что еще двадцать пять тел будут найдены спасателями, работавшими в две смены. К этому времени уже один из спасателей погиб.

В полдень Кейн повез тяжело нагруженный фургон к шахте.

Выгрузив из него кучу простыней и полотенец, он увидел, как из шахты выходят спасатели, и у многих из них прямо тут же открылась рвота.

— Это запах, — сказал человек рядом с Кейном. — Тела там внизу так воняют, что люди не могут просто этого выдержать.

Минуту Кейн стоял и смотрел, потом запрыгнул на чью-то оседланную лошадь и помчался вниз по склону к дому Джекоба Фентона.

Он уже много лет, с тех пор как уехал, не был в этом доме, но воспоминания были настолько отчетливыми, что ему казалось, будто он отсюда и не уезжал. Он не стал стучаться, а одним ударом ноги открыл застекленную дверь, которая чуть не сорвалась с петель.

— Фентон! — заорал он во все горло, пока к нему сбегались слуги, пытаясь скрутить ему руки. Одним движением он стряхнул их, как будто они ничего не весили. Он хорошо знал расположение комнат на первом этаже и быстро нашел столовую, в которой в одиночестве обедал Джекоб.

Они смотрели друг на друга, и лицо Кейна стало красным от гнева, а его грудь тяжело вздымалась.

Джекоб сделал знак слугам покинуть комнату.

— Я полагаю, ты пришел сюда не обедать, — сказал он, спокойно намазывая булочку маслом.

— Как ты можешь сидеть здесь, когда в шахте все еще остаются люди, которых ты

убил? — удалось проговорить Кейну.

— В этом мне придется с тобой не согласиться. Я не убивал их. На самом деле я сделал все, чтобы они не погибли, но, похоже, у них мания кончать жизнь самоубийством. Можно мне предложить тебе вина? Выдержка — то, что надо.

Голова Кейна раскалывалась от того, что он увидел и услышал за последние несколько дней. В ушах стояли горестные крики и плач женщин, и он даже не заметил, что не ел уже почти два дня. Сейчас же запах пищи, чистота комнаты, тишина — все это сложилось, и его ноги подогнулись.

Джекоб встал, налил в рюмку вина и поставил ее перед Кейном. Кейн не заметил, что руки Джекоба все время дрожали.

— Там очень плохо — спросил Джекоб, направившись к серванту, откуда он достал еще одну тарелку.

Кейн не ответил, а продолжал сидеть, уставившись на вино.

— Почему? — прошептал он через минуту. — Как ты мог убить их? Зачем тебе их жизни? Тебе недостаточно тех денег, что ты отобрал у меня? Зачем тебе больше? Их можно заработать и по-другому.

Джекоб поставил полную тарелку перед Кейном, но тот не притронулся к ней.

— Мне было двадцать четыре, когда ты родился, и всю мою жизнь я думал, что владел всем, с чем рос в этом доме. Я любил человека, которого считал своим отцом... и я думал, что он заботится обо мне.

Джекоб расправил плечи:

— В этом возрасте бываешь идеалистом. В ночь, когда Горас покончил с собой, я узнал, что безразличен ему. В его завещании значилось, что я остаюсь твоим опекуном, пока тебе не исполнится двадцать один год, и тогда я должен буду передать все тебе. Я бы остался ни с чем. Вряд ли ты можешь представить, как гой ночью я ненавидел орущего ребенка, который разрушил мою жизнь. Я думаю, что действовал инстинктивно, когда отослал тебя на ферму к кормилице и подкупил адвокатов. Эта ненависть двигала мной в течение многих лет. Я мог думать только о ней. Если я подписывал документы, то мне всегда приходила мысль, что где-то находится четырехлетний ребенок, которому принадлежит все, что я покупаю или продаю. Однажды я послал за тобой, когда ты был еще маленьким, чтобы убедиться, что ты не достоин того, что оставил тебе мой отец.

Джекоб сел напротив Кейна:

— Доктор сказал, что мне осталось жить не больше одного-двух месяцев. Я никому этого не говорил, но почему-то мне хотелось сказать тебе правду, прежде чем я умру.

Он взял полную рюмку вина и чуть-чуть отпил.

— Ненависть вредит тому, кто ненавидит, больше, чем тому, кого ненавидят. Все те годы, что ты жил здесь, я смотрел на тебя и был уверен, что ты пытаешься отобрать у меня то, что мне принадлежало. Я жил в страхе, что ты узнаешь правду и заберешь то, что было моим и моих детей. И когда ты захотел взять в жены Пам, мне показалось, что случилось то, чего я боялся. Позже я пришел к выводу, что твой брак с Пам мог бы быть решением проблемы, но в то время... я не думаю, что тогда я способен был мыслить разумно.

Он, сделал хороший глоток.

— Вот так вот, Таггерт, последняя исповедь умирающего человека. Это все твое. Можешь брать, если хочешь. Сегодня утром я рассказал своему сыну правду о том, кто хозяин этого дома. У меня нет больше сил бороться с тобой.

Кейн откинулся на стуле. Вглядываясь в Фентона, он все яснее различал сероватый оттенок его кожи, и постепенно Кейн понял, что больше не испытывает к этому человеку ненависти. Хьюстон говорила ему, что мысль о ненависти к Джекобу Фентону подстегивала его, пока он в конце концов не добился своей цели, и, возможно, она была права. Фактически это она раскрыла ему глаза на несправедливость того, что Горас не упомянул в своем завещании Джекоба. Кейн сделал глоток вина и посмотрел на еду.

— Зачем тебе нужно было морить голодом шахтеров и зарабатывать на этом деньги?

— Морить голодом? — удивился Джекоб. В его глазах было недоумение. — Неужели не найдется ни одного человека, кто бы понял, что я не имею практически никакого отношения к шахтерам? Мой единственный доход приносят мне литейные заводы в Денвере, но, когда кто-нибудь обращает внимание на то, как плохо обращаются с шахтерами, все обвиняют в этом меня, делая из меня черта или сатану.

Он встал и начал ходить по комнате. — Я вынужден держать шахты под замком, иначе придут члены профсоюза и подсобьют шахтеров требовать больше денег и меньшего рабочего дня. Ты знаешь, что они хотят? Они хотят избрать контролера к весам. Послушай, я сам прекрасно знаю, что весы подкручены и показывают недвес и что шахтеры добывают больше угля, чем то, за что им платят, но если бы я был честным и платил бы им столько, сколько они зарабатывают, мне бы пришлось повышать цены на уголь, и тогда бы я не смог конкурировать на рынке. Я бы больше не получал заказов, и все остались бы без работы. Так кто, получается, пострадает, если я найму честного весовщика? Я могу сотнями нанимать шахтеров, но не думаю, что они смогут так же легко найти другую работу.

Кейн посмотрел на старого человека. То, что касалось бизнеса, он понимал. Иногда приходится чем-то поступаться.

— А как насчет безопасности на шахтах? Я слышал, ты используешь прогнившую древесину...

— Черта с два. У шахтеров есть своя система. Можешь спросить своего дядю, если не веришь. Они хвастают тем, что могут точно сказать, сколько можно бурить туннель, пока крыша не обрушится. Мои инспектора постоянно проверяют шахты, и они сталкиваются с тем, что люди просто не хотят терять время на то, чтобы ставить подпорки.

Кейн взял лежавшую около тарелки вилку и начал медленно есть, но потом вспомнил, что он голоден как собака, и стал поглощать пищу с огромной скоростью.

— Ты не платишь им за то время, которое они теряют, устраивая подпорки? Им оплачивают тоннаж выработки, не так ли?

Джекоб сел на стул напротив Кейна и положил еще один тоненький кусочек ветчины на тарелку.

— Я нанимаю их в качестве субподрядчиков, и это дело каждой из сторон, как она выполняет свой контракт. Ты не знал, что я нанимал инспекторов также и для того, чтобы они проверяли шлемы шахтеров? Эти идиоты открывают их, чтобы покурить, а в результате все летит в воздух. Инспектора должны проверять, чтобы все шлемы были надежно запаяны, иначе шахтеры поубивают друг друга.

Кейн с полным ртом делал какие-то знаки вилкой. Наконец он проглотил недожеванный кусок.

— Одну секунду, ты относишься к ним как к малым детям и следишь, как бы чего они не натворили, и тут же говоришь, что они субподрядчики и должны сами за себя отвечать... как это называется, когда ты работаешь почему зря?

— Мартышкин труд, — подсказал Джеков. — Я стараюсь изо всех сил, и у шахтеров все еще есть работа. Я бы хотел покупать уголь у кого-нибудь другого и заниматься только сталью, но и подумать страшно, что столько людей останется без работы. Все время случается что-нибудь вроде этого, — он махнул рукой по направлению к шахте «Маленькая Памела». — Скажем, я закрою шахты. Существует большая конкуренция за право снабжать денверские сталелитейные заводы углем, так что, если я закрою все семнадцать шахт вокруг Чандлера, их даже и не вспомнят. Но ты знаешь, что случится с этим городом, если я закрою шахты? Это будет город-призрак уже через два года.

— Получается, по-твоему, что ты делаешь одолжение всему городу.

— Да, так получается в некотором роде, — уверенно сказал Джеков.

— Представляю, сколько тебе приходится платить своим акционерам, так?

— Не так много, как мне хотелось бы, но я стараюсь.

Кейн вычищал дно уже второй тарелки кусочком хлеба.

— Тогда тебе, черт побери, самое время постараться побольше. У меня тут завалились кой-какие деньжата, и я вполне могу решить потратить их на пару адвокатов и подать в суд на руководителей компании «Уголь и железо. Фентона», и я думаю, что вся продукция — сталь и уголь — будет арестована, пока дело не будет рассмотрено в суде.

— Это подорвет Чандлер! Ты не можешь...

— Я почему-то думаю, что у владельцев «Фентона» вполне достаточно личной заинтересованности, чтобы не дать этому произойти.

Джеков посмотрел на Кейна долгим взглядом.

— Хорошо. Что ты хочешь?

— Если люди нуждаются в инспекторах, я хочу, чтобы они были, и я хочу, чтобы в шахтах не было детей.

— Но у детей маленькие тела, и они могут делать вещи, которые не доступны взрослым! — возразил Джеков.

Кейн просто смерил его взглядом и перешел к следующему вопросу, пытаясь вспомнить все, что рассказывала ему Хьюстон о проблемах на шахтах. Джеков оспаривал каждую жалобу Кейна, начиная с библиотек («чтение отвлекает, людей») и кончая церковными службами («и платить пасторам всех религий? Мы получим религиозные войны, если скажем им ходить в одну и ту же церковь»). Не было забыто и жилье, насчет которого Джеков заметил, что лачуги полезны для здоровья, так как через щели постоянно поступает свежий воздух.

Они говорили и спорили весь день, Джеков не забывал подливать Кейну вина. Около четырех часов у Кейна начал заплетаться язык и голова упала на грудь. Когда он окончательно заснул посреди фразы о том, что, может быть, профсоюзы не так уж страшны, как думает Джеков, старик встал и посмотрел на большое тело Кейна, развалившееся на стуле.

— Если бы у меня был сын, как ты, я мог бы завоевать мир, — пробормотал он, прежде чем покинуть комнату и послать слугу за одеялом для Кейна.

Когда Кейн проснулся, была глубокая ночь. Тело онемело и ныло после сна на стуле. В первый момент он даже не понял, где находится. Комната была темной, но на столе он мог различить сверток, и он сразу же понял, что там были сэндвичи.

С улыбкой он засунул сверток в карман и вышел из дома. У него на душе было так легко, как не было уже долгие годы, и, когда он направился назад к шахте, у него появилось

чувство, что с этого момента его жизнь пойдет по-другому.

В шахте поверенный Рид Вестфилд, отец Лиандера, как раз входил в лифт, чтобы опуститься обратно вниз в туннель продолжать поиски. Кейн схватил за шиворот человека рядом с Ридом.

— Пойди перекуси. Сейчас поеду я.

Пока лифт медленно продвигался вниз, Кейн вкратце рассказал Риду о том, что все, чем владеет Джекоб Фентон, на самом деле принадлежит Кейну, — Мне надоело постоянно преследовать его, и мне не нужны деньги. Я хочу, чтобы вы составили мне бумагу о том, что я все передаю в его владение с правом передать это по наследству тому, кому он пожелает, и я хочу, чтобы это было сделано как можно скорее, так как старик вот-вот умрет.

Рид поднял на Кейна усталые глаза и кивнул.

— У меня целый офис клерков, которым нечего делать. Завтра утром подойдет?

Кейн только кивнул, так как они были уже глубоко в шахте, и его лицо искривилось от запаха.

На третий день после взрыва из шахты извлекли сорок восемь тел, семерых все еще не могли досчитать. На другой день вечером было найдено еще четыре трупа. Люди умерли на коленях, зажав рты руками. Они пережили взрыв, но отравились газом. В городе были приспущены флаги. По улицам нескончаемым потоком проезжали похоронные дроги, и люди снимали шляпы.

Жених Сары Окли погиб, возвращаясь домой после спасательных работ. Он настолько устал, что у него не было сил смотреть по сторонам, и, прежде чем он успел что-нибудь заметить, его переехал поезд.

Лиандер и Кейн с помощью Эдена добились того, что им пообещали построить спасательную станцию на земле, подаренной Джекобом Фентоном. Никто не смел произнести этого вслух, но все считали, что Кейн ходил к Фентону требовать, чтобы тот отдал землю в дар.

Хьюстон в этот день была на похоронах, старалась успокоить вдов и следила за тем, чтобы детей нормально кормили.

— Думаю, это то, чего ты хотел, — сказал Рид Вестфилд, протягивая Кейну листок бумаги, пока они стояли у входа в шахту. — После того как решение будет принято, мы сможем добиться продления, хотя я думаю, что это должно рассматриваться в суде.

Кейн взглянул на документ и увидел, что там говорится о том, что он передает все права на имущество Фентонов Джекобу Фентону в полное его распоряжение.

— Если ты подпишешь, я засвидетельствую это. У меня с собой копия, которую можно дать Фентону. Кейн улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он, беря ручку у Рида и подписывая документ. Он взял копию. — Думаю, стоит ее отнести прямо сейчас. Может быть, благодаря этому ему будет легче расстаться с землей, и я скажу ему, что нужно организовать транспортировку спасателей на шахты.

Рид улыбнулся в ответ.

Проезжая вниз по холму по направлению к Чандлеру, он оглядел поселок и вспомнил весь ужас последних нескольких дней. Все еще оставалось много работы. Он кое-что придумал по поводу того, как предотвратить взрывы и как вести себя во время бедствий. Он собирался обсудить дело с Эденом, и нелишне было бы поговорить с Лиандером, да и с Фентоном тоже. Думая о приближающейся смерти Джекоба, Кейн приуныл. Все-таки он вырос на глазах у него. А теперь владельцем шахт будет Закари. Ну, то есть после Марка. Так или иначе, все, казалось, забыли о Марке.

Подъезжая к дому Фентона, он увидел, что парадная дверь открыта. Косяк, который он выбил накануне, был починен, стекло заменено, а дверь была распахнута настежь.

Он спешил и, входя в дом, позвал Фентона, но никто не ответил. Кабинет Джекоба находился в задней части дома. Кейн ясно помнил, что последний раз он был там, когда Джекоб вышвырнул его из дома за то, что он хотел жениться на Памеле. Положив бумагу на письменный стол, он подумал, насколько совсем другой была бы его жизнь, если бы он женился на Памеле и не имел бы возможности сколотить собственное состояние. Тогда бы он не мог жениться на Хьюстон.

Он опять желал знать, вышла бы Хьюстон за него замуж, если бы на его счету в банке не

было бы нескольких миллионов.

Он снова позвал Фентона, но никто не откликнулся, поэтому он пошел к выходу через кухню. Этот путь был для него привычен. На кухне тоже никого не было, а задняя дверь стояла открытой. Подойдя к двери, он заметил узкую лестницу, ведущую на второй этаж.

В детстве ему всегда хотелось посмотреть, как выглядит второй этаж изнутри. Он даже воображал, что когда-нибудь будет хозяином этого дома.

Он рассмеялся при мысли о том, какой он построил дом от злости на то, что не может увидеть второй этаж дома Фентона.

Любопытство одержало верх над здравым смыслом. Держась за перила и перепрыгивая через две ступеньки, он поднялся наверх. Торопливо, как вор, который боится, что его застукают, он прошел через холл и заглянул в спальню. Она была совершенно обыкновенная, с тяжеловесной, резной темной мебелью, тяжелыми шторами и угнетающими обоями.

— У Хьюстон вкус намного лучше, — пробормотал он и посмеялся над собственным снобизмом.

Все еще улыбаясь, он подошел к парадной лестнице, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. Внизу у ступенек лежал Джекоб Фентон. Совершенно очевидно, что он был мертв.

Первая мысль Кейна была о том, что он опоздал, и Джекоб никогда не узнает, что теперь наконец он стал законным владельцем того, за что он так долго боролся. Кроме того, Кейну стало грустно. Все те годы, которые он проработал в Нью-Йорке, он вспоминал о том, как чистил Фентону сапоги, но теперь ему вспомнилось, как он мучил Джекоба, позорил его при гостях, ругался с ним по поводу того, когда можно, а когда нельзя брать его же собственных лошадей, как он угождал поварихе и уговаривал ее потом, чтобы она добавила в соус лук, прекрасно зная, что лук вызывал у Джекоба такое несварение желудка, что тот не мог заснуть всю ночь.

Кейн стал медленно спускаться по лестнице, но он не успел сделать и нескольких шагов, как вдруг в холл ворвались Марк Фентон и пятеро его молодых друзей. Судя по их одежде и громким голосам, они всю ночь шатались по городу.

— Если Таггерт решил, что может забрать мое наследство, — раздался небрежный голос Марка Фентона, — ему придется иметь дело со мной. Все в городе будут за меня, а не за Таггерта.

Две женщины, одетые в желтый атлас, одна в боа из рыжих перьев, другая с четырьмя павлиньими перьями в волосах, и трое мужчин одобрительно зашумели в ответ.

— Милый, где виски? — спросила одна из женщин. Неожиданно они все остановились, увидев тело Джекоба Фентона у лестницы. Марк поднял голову и заметил Кейна, который стоял наверху.

— Я пришел к твоему отцу, — начал Кейн, но Марк не дал ему закончить.

— Убийца! — визгливо крикнул Марк и бросился наверх по лестнице.

— Подожди ты! — закричал Кейн, но никто не обратил на него внимания, и трое остальных тоже бросились на него. Все пятеро кубарем скатились с лестницы, и Кейн подумал, что раз он единственный из них трезвый, то больно будет ему одному. Несмотря на то, что он был один против четверых, он явно одерживал верх.

Но вдруг одна из женщин огрела Кейна тяжелой статуэткой.

Четверо мужчин с трудом поднялись на ноги и смотрели на Кейна, лежащего без сознания.

— Что нам теперь делать, — прошептала одна из женщин.

— Повесим его! — закричал Марк, пытаюсь поднять Кейна, но, когда ему это не удалось, а никто из друзей и не думал помочь ему, он умоляюще взглянул на них. — Он убил моего отца.

— В мире не хватит виски, чтобы я опьянел настолько, чтобы повесить такого богача, как он. Пока он в отключке, надо отвезти его в тюрьму. Пусть шериф с ним разбирается.

Марк начал было спорить, но он был слишком пьян, чтобы убедить остальных, и поэтому они вчетвером поднатужились и втащили Кейна в повозку, стоявшую во дворе. Никто из них, казалось, не вспомнил о Фентоне. Они так и оставили его тело лежать на полу и ушли, не закрыв дверь.

***

— Вот, выпей, — сказал Эден, поддерживая Кейна за голову.

Кейн простонал и попробовал сесть, но боль в голове была настолько сильной, что ему пришлось облокотиться на холодную каменную стену.

— Что случилось? — он поднял глаза и увидел Эдена, Лиандера и шерифа.

— Все это было ошибкой, — сказал Лиандер. — Я рассказал шерифу о документе и о том, почему ты пошел к Фентону.

— Он умер? — спросил Кейн. — Мне так показалось, когда я стоял там, — Кейн поднял голову и дернулся от резкой боли. — Последнее, что я помню — это, как Марк Фентон и еще какие-то пьяницы тащили меня по лестнице.

Эден опустил на нары, где лежал Кейн. Справа от него была тюремная решетка.

— Насколько мы можем сказать, слуги нашли Джекоба Фентона мертвым где-то за три минуты до того, как ты вошел в дом. По той или иной причине они все решили пойти позвать на помощь и поэтому оставили тело лежать на полу и не закрыли двери. Потом Марк и его друзья вернулись с попойки, увидели тебя наверху лестницы и подумали, что ты столкнул Джекоба вниз. Тебе повезло, а то Марк хотел повесить тебя на террасе.

Кейн потер шишку на затылке.

— Если б он даже меня повесил, мне бы не было так больно.

— Вы свободны, мистер Таггерт, — сказал шериф. — И советую вам уйти отсюда, пока ваша жена ничего не узнала. Женщины так волнуются, когда мужей забирают в тюрьму...

— Только не Хьюстон, — сказал Кейн. — Она леди до мозга костей. Она бы сохраняла спокойствие, даже если б меня повесили, — тут ему пришла в голову мысль: как бы Хьюстон повела себя, если бы ей сказали, что он совершил убийство? Когда-то он слышал, что все имущество убийцы конфискуется правительством штата. Или имелось в виду, что человек не мог получить в наследство имущество человека, которого он убил?..

— Сколько человек знает об этом? — спросил Кейн. — Слуги Фентона могут подтвердить, что я не виновен, но знают ли это в городе?

— Я позвонил Лиандеру в ту же минуту, как увидел молодого Фентона, выталкивающего вас из повозки, — озадаченно сказал шериф.

— Все слишком заняты последствиями взрыва, чтобы беспокоиться о том, кого сажают в тюрьму, — сказал Лиандер. — Все газетчики сейчас на шахте «Маленькая Памела»

стараятся выдумать оригинальные обороты для описания тел, — добавил он осуждающе.

— Что ты задумал? — спросил Эден, сузив глаза. Кейн немного помолчал.

— Шериф, вы не возражаете, если я останусь здесь на ночь? Я бы хотел сыграть небольшую шутку со своей женой.

— Шутку? — удивился шериф. — Женщины не ценят шуток, даже остроумных.

Кейн взглянул на Лиандера и Эдена.

— Могу я рассчитывать на ваше молчание в течение ближайших двадцати четырех часов?

Эден встал и, увидев выражение лица Лиандера, сказал:

— Мне кажется, он хочет посмотреть, останется ли с ним Хьюстон, если он скажет ей, что, возможно, его обвинят в убийстве. Я прав?

Кейн начал изучать пыль в дальнем конце камеры.

— Что-то вроде этого.

Лиандер и шериф одновременно хмыкнули.

— Я не хочу вмешиваться в любовные дела, — сказал шериф. — Мистер Таггерт, если вы хотите обосноваться в этой тюрьме — милости просим, но муниципалитет вышлет вам счет, как будто это самая роскошная гостиница Сан-Франциско.

— Вполне справедливо, — ответил Кейн. — Лиандер? Эден?

Лиандер только пожал плечами:

— Как хочешь. Я знаю Хьюстон всю жизнь и так и не понял ничего о ней.

Эден долго смотрел на Кейна.

— Когда Хьюстон сдаст этот экзамен — а она его сдаст, — ты оставишь свою навязчивую идею постоянно сомневаться в ней, и мы сможем наконец вернуться к работе? Вандербильт, должно быть, уже купил вое-. точное побережье.

Кейн вздохнул? — Ну что ж, значит, он сможет продать нам его, как только я выберусь отсюда.

Когда все ушли, Кейн лег на нары и заснул.

Хьюстон держала на коленях трехмесячного младенца, пытаясь убаюкать его. В кровати неподалеку от нее лежали еще двухлетний и четырехлетний ребенок. Это были одни из многих детей, потерявших своих отцов в эти ужасные дни. Их мать старалась из последних сил придумать, как же прокормить своих детей в предстоящие годы. Хьюстон, Блейр и другие члены «Союза Сестер» организовали кампанию по предоставлению таким женщинам работы в торговых точках, а Хьюстон была к тому же одним из добровольцев, оказывающих помощь в только что созданном детском центре, — нечто новое из того, что Блейр видела в Пенсильвании.

Когда помощник шерифа зашел в маленький домик и спросил Хьюстон Таггерт, она и понятия не имела, чего он от нее хочет.

— Ваш муж был арестован по обвинению в убийстве Джекоба Фентона, — сказал молодой человек.

Хьюстон понадобилось некоторое время, чтобы отреагировать на это сообщение, и ее первый мыслью было, что характер Кейна в итоге взял над ним верх.

— Когда? — вымолвила она наконец.

— Где-то утром. Меня там не было, поэтому я мало что могу рассказать, но каждая собака в городе и так знает, что он угрожал убить Фентона. Не то чтобы кто-то винит его, потому как все знают, что Фентон был со всех сторон виноват, но это никак не поможет

Таггерту. Они с таким же успехом повесят тебя за то, что ты убил плохого человека, как и за то, что ты убил хорошего.

Хьюстон бросила на него один из своих ледяных взглядов:

— Я буду вам очень благодарна, если вы не будете осуждать или защищать моего мужа, пока не ознакомитесь с фактами, — она передала ребенка молодому человеку. — Вот позаботьтесь лучше о детях, а я пойду к мужу.

— Я не могу, мисс Блейр-Хьюстон. Я на службе.

Я же помощник шерифа.

— А у меня возникло впечатление, что вы считаете себя судьей. Проверьте, сухая ли она или ей нужно поменять пеленки, и, если остальные проснутся, покормите их и займите чем-нибудь, пока их мать не вернется. Это будет где-то часа через два.

— Два часа! — услышала она причитания парня, когда выходила.

— Экипаж Хьюстон ждал ее у дверей, и она добралась до тюрьмы в рекордное время. Небольшое каменное здание было встроено в холм на дальнем краю города. Большинство заключенных были посажены за пьянку в субботний вечер, по-настоящему же серьезные случаи рассматривались в Денвере.

— Доброе утро, мисс Блейр-Хьюстон, — сказал шериф, поднимаясь ей навстречу.

— Миссис Таггерт, — поправила она. — Я хотела бы немедленно увидеть мужа.

— Да, конечно, мисс Вестфилд-Таггерт, — сказал он, снимая ключи с гвоздя в стене.

Кейн спал на нарах. Хьюстон заметила запекшуюся кровь у него на затылке. Услышав, что дверь за ней заперли, она подошла к нему и провела рукой по его лицу.

— Кейн, любимый, что они с тобой сделали? — она принялась целовать его, и он проснулся.

— Хьюстон, — сказал Кейн, потирая затылок. — Что случилось?

— Ты не помнишь? Они говорят, что ты убил Джекоба Фентона. Ведь это не так, да?

— Конечно нет, черт побери, — выругался он, но замолчал, когда Хьюстон опустилась на пол и уткнулась лицом в его колени. — По крайней мере, я не думаю. Я... ох, честно говоря, я ничего не помню.

Прижавшись к нему щекой, она старалась не показать своего страха.

— Расскажи мне то, что помнишь.

Он начал свой рассказ:; — Я пошел к Фентону, но никого не было дома, поэтому я поднялся вверх в поисках его. Когда я про-, шел в переднюю часть дома, я увидел, что он лежит рядом с лестницей. Мертвый. В следующую секунду вошли Марк Фентон с друзьями и стали кричать, что я убил его. Мы подрались, меня огрели чем-то тяжелым по башке, и очнулся я уже здесь. По-моему, кто-то поговаривал даже о суде Линча.

Хьюстон подняла на него испуганные глаза, потом встала и начала ходить из угла в угол по камере.

— Звучит неубедительно.

— Неубедительно! — задохнулся он, но взял себя в руки. — Хьюстон, милая, это правда, я клянусь тебе.

— Ты был один в доме? Нет свидетелей, что он был уже мертв, когда ты вошел?

— Не совсем так. Я имею в виду, никто не видел, как я входил в дом. Не уверен, но может быть, кто-нибудь и видел Фентона мертвым еще раньше.

— Это не играет роли. Если бы кто-нибудь видел, как он умирал, тогда другое дело, но они могут подумать, что ты несколько часов прятался в чулане. Кто-нибудь видел, как он

умер?

— Я... я не знаю, но, Хьюстон... Она подошла и села на нары.

— Кейн, весь город слышал, как ты говорил, что желаешь Джекобу смерти. Если нет свидетелей его смерти, мы никогда не докажем твою невиновность. Что будем делать?

— Не знаю. Но меня это начинает беспокоить. Хьюстон, я хочу тебе кое-что сказать. Это про деньги.

— Кейн, — тихо сказала она, глядя на него снизу вверх. — Зачем ты пошел к мистеру Фентону? Ты ведь не собирался убивать его?

— Черт возьми, нет, — сказал он быстро. — По моей просьбе мистер Вестфилд составил бумагу, по которой я оставляю свои притязания на собственность Фентона. Я нес показать этот документ старику. Единственное, о чем я хочу с тобой поговорить, это о моих деньгах. Если они признают меня виновным, то конфискуют у меня всю собственность. Ты останешься не только вдовой, но и нищей, У тебя есть только одна возможность сохранить хоть часть денег — развестись со мной, пока меня не отдали под суд. Если ты так поступишь, то Вестфилд сможет устроить, чтобы тебе осталось пара миллионов.

К последним словам Кейна Хьюстон уже не прислушивалась. На ее лице было выражение полнейшей растерянности.

— Зачем ты ходил к Фентону? — прошептала она.

— Я уже сказал тебе, — нетерпеливо произнес Кейн, — я хотел отдать ему документы, удостоверяющие, что у меня нет никаких претензий на собственность. Бедный старик, он уже был мертв, когда я пришел, и так и не увидел бумаги. Но Хьюстон, еще важнее, чтобы ты спасала себя, и ты должна начать действовать немедленно. Если меня вытащат отсюда и линчуют, то будет слишком поздно.

Хьюстон была как во сне. С тех пор как она узнала, что Кейн женился на ней, чтобы претворить в жизнь свой план мести, она еще не была в таком состоянии. Она признавала, что любит его, несмотря на его отношение к ней, но в то же время она всегда знала, что никогда не сможет принадлежать ему полностью.

— Ты больше не хочешь мстить? — тихо спросила она.

— Ты снова взялась за свое? Я же говорю тебе, мне было надо, только чтобы он пришел ко мне на званый ужин в дом, который был больше, чем его дом. Если я мог позволить себе иметь такой, что же в этом плохого?

— Но тебе хотелось иметь и жену-леди за столом.

Ты женился на мне потому, что...

— Ты вышла за меня из-за денег! — выпалил он. — И сейчас ты рискуешь потерять все до единого пенни, если они повесят меня за убийство, которого я не совершил.

Хьюстон встала. Во всей его длинной речи не было ни единого слова о любви, но он любил ее. Она знала это. Она ощущала это всеми фибрами своей души. Он женился на ней ради глупого плана отмщения, но в конце концов он влюбился в нее и ради своей любви смог простить старика, обманувшего его.

— Мне нужно идти, — сказала она. — У меня еще много дел.

Если бы она в эту секунду взглянула на Кейна, она была увидела боль на его лице.

— Думаю, тебе следует поговорить с мистером Вестфилдом по поводу денег.

— Кое с кем, да, — пробормотала она, натягивая перчатки, — но, возможно, мистер Вестфилд не тот человек, который мне нужен.

Она рассеянно поцеловала его в щеку.

— Ни о чем не волнуйся. Я точно знаю, что делать. С этими словами Хьюстон позвала шерифа, и он выпустил ее.

Кейн на минуту застыл посреди камеры. «Она, наверняка, ухватилась за эту возможность избавиться от меня», — подумал он. Он залез на нары и выглянул наружу. Когда он увидел Хьюстон, удаляющуюся на своей коляске, на глаза навернулись слезы. «Резкий свет», — подумал он, отходя от окна.

«Как пришла, так и ушла», — сказал себе Кейн. Он вполне до этого обходился без жены, так что сможет прожить и теперь.

— Шериф, — крикнул он. — Теперь можешь меня выпускать. Я выяснил то, что хотел знать.

— Ни за что на свете, Таггерт, — ответил шериф со смехом. — Городу Чандлер весьма пригодятся те деньги, которые я сдеру с тебя за ночлег.

Кейн без возражений вернулся на нары. Ему на самом деле было абсолютно наплевать, где он проведет эту ночь.

— Ян, ты уверен, что хорошо понимаешь, на что идешь? — еще раз спросила Яна Хьюстон.

Ян молча кивнул и посмотрел назад на маленький деревянный ящик, находившийся в повозке. Рядом с ним сидел Закари, его взгляд был устремлен вперед, а глаза светились от возбуждения. Он был еще не настолько взрослым, чтобы полностью осознавать все те опасности, которые их подстерегали.

— Как ты думаешь, раньше времени это не взорвется? — спросила Хьюстон.

— Нет, — ответил Ян, но инстинктивно оглянулся на маленький деревянный ящик, в котором находился динамит.

Ладони Хьюстон побелели от напряжения, с которым она держала вожжи — так крепко, как только могла.

Понадобилось почти двадцать четыре часа, чтобы подготовить то, что должно было произойти сегодня. Она знала, чего хотела добиться, и, кроме того, пре-, красно понимала, что ни один взрослый человек не сможет ей помочь. Попросив о помощи Яна, она объяснила ему, что это рискованно и, если его поймают, у него будут большие неприятности, но Ян ответил, что обязан Хьюстон всем, что у него есть, и готов рискнуть чем угодно. Хьюстон была очень раздосадована, когда Ян попросил поехать с ними юного Закари, сказав, что кому-то надо будет держать лошадей.

В полночь Хьюстон встретила с Яном на шахте «Маленькая Памела». Воспользовавшись беспорядком, вызванным взрывом на шахте, они сломали замок на будке, в которой хранился динамит, и украли столько, сколько хватило бы для того, чтобы взорвать два многоэтажных дома. Не обращая внимания на возражения Яна, она восстановила замочную цепь и снова заперла будку, хотя это и отняло время.

Пробираясь вперед, не в состоянии скрыть того факта, что совершают что-то противозаконное, им удалось-таки спрятать ящик в ожидающую их повозку. Несколько человек поздоровались с Хьюстон, но в последнее время они часто с ней сталкивались, и ее присутствие никого не удивило.

Они с Яном уже были на полпути к городу, когда встретили Закари. Он выбрался из окна своей комнаты по Веревке и решил идти пешком на шахту.

— Ты не должен отходить от лошадей, понял? Просто стой рядом с лошадьми и не предпринимай ничего, — предупредила Хьюстон. — А как только мы с твоим отцом оседлаем лошадей, я хочу, чтобы вы оба ушли отсюда. Ян, ты сможешь добраться до дома Эдена?

— Конечно.

— А ты, Зак?

Закари поперхнулся, вспомнив, что веревка, по которой он спускался, закончилась за полтора метра до земли. Проскользнуть обратно в дом незамеченным будет для него просто невозможно.

— Да, конечно, — ответил он. — Никаких проблем. Сердце Хьюстон бешено колотилось, когда они подъехали к спящему городу. К тюрьме они приблизились в три часа. Немного раньше она спрятала недалеко от тюрьмы двух оседланных лошадей, нагруженных провизией, одеждой, а также под седлом были спрятаны деньги, на которые можно было

жить около двух месяцев в том случае, если им придется скрываться.

Она остановила лошадей на некотором расстоянии от тюрьмы и, волнуясь, наблюдала, как Ян вытаскивает из повозки ящик с динамитом. Она знала, что на шахтах его учили взрывным работам, но не была уверена, что он сумеет взорвать тюремную каменную стену.

Только она, собралась что-то сказать, как заговорил Ян.

— Я положу несколько брусков к основанию стены, там на холме, а, когда они взорвутся, вся стена обрушится сама по себе. Как будто огромное окно откроется. Кейну надо будет спрыгнуть вниз на лошадь, а тогда только вас и видели. Нет ничего проще.

— Очень простой план, за который мы можем попасть в тюрьму на всю оставшуюся жизнь, — пробормотала она.

Накануне, когда Кейн сказал ей, что его могут повесить за убийство, которого он не совершал (самой Хьюстон было все равно, был он убийцей или нет), она поняла, что необходимо что-то предпринять, чтобы освободить его. Город будет на стороне Кейна после того, как он оказал помощь во время бедствия, но суд, скорее всего, состоится в Денвере, а компания «Уголь и железо Фентона» была могущественной силой в Денвере. Она не верила в то, что суд вынесет справедливое решение, при том, что не было ни одного свидетеля, кроме того, кто говорил, что видел Кейна наверху лестницы, у основания которой лежал мертвый Джекоб. Она не сомневалась, что Кейна признают виновным.

Она почти сразу же нашла решение. Ей надо было вытащить его из тюрьмы, и даже если это значило, что всю оставшуюся жизнь они должны будут прятаться, она была готова пойти на это. Они уедут в Мексику, а Блейр, надеялась она, будет посылать им деньги на жизнь. Если Кейн не станет высовываться и привлекать к себе внимание, они смогут укрыться от американского правосудия. К сожалению, Кейна слишком хорошо знали во многих концах страны, поэтому они не смогут скрываться в Соединенных Штатах.

Единственное, о чем Хьюстон жалела, так это о том, что у нее не будет возможности попрощаться с семьей и друзьями. Вероятно, она даже не сможет переписываться с ними, потому что по письмам могут выследить и арестовать Кейна.

Но она знала, что ей предстоит, и чувствовала, что до тех пор, пока у нее есть Кейн, она счастлива — вне зависимости от того, где и в каких тяжелых условиях они будут жить.

Она отправила Зака привести лошадей из укрытия, подтянуть подпруги и поставить их поближе к тюрьме.

У нее дрожали руки, когда она помогала Яну засовывать бруски динамита в расщелины каменной стены. Когда все было готово, она попросила Яна нагнуться, чтобы встать ему на плечи и заглянуть в окно.

— Скажите ему, чтобы он обвернул матрас вокруг головы, — посоветовал Ян.

— Этого динамита недостаточно, чтобы ранить его? — спросила она.

— Каблуки ваших ботинок невероятно острые, так что не тратьте время на дурацкие вопросы.

Она заглянула в темную камеру и увидела Кейна, растянувшегося поперек небольшого матраса, его руки и ноги свешивались по краям. Она кинула в камеру камешек.

Он даже не пошевелился, и, чтобы разбудить его, ей понадобилось шесть камешков, один из которых угодил ему в грудь.

— Кейн, — проговорила она настолько громко, насколько это было возможно.

— Что такое? — спросил он, садясь на матрасе. — Это ты, Хьюстон? Что ты здесь делаешь ночью? Она поманила его, чтобы он подошел к окну.

— У меня нет времени на объяснения, но мы с Яном вытащим тебя из тюрьмы. Мы собираемся взорвать динамитом эту стену, поэтому отойди в самый дальний угол и обверни вокруг себя матрас, насколько это будет возможно.

— Что вы собираетесь делать? — в изумлении переспросил Кейн. — Взорвать динамитом? Послушай, Хьюстон, я должен тебе кое-что сказать.

— Хьюстон! — раздался снизу голос Яна. — Я сейчас умру из-за ваших каблуков. Вы что, собираетесь так всю ночь простоять?

— Я должна идти, — сказала она. — Отойди в угол, а, когда стена рухнет, снаружи будут ждать лошади. Я люблю тебя.

С этими словами она наклонилась и спустилась с плеч Яна.

Какое-то время Кейн стоял у окна. Она не удрала с его деньгами, вместо этого она решила взорвать тюремную стену и спасти его. Он засунул руки в карманы и начал насвистывать веселый мотивчик, улыбаясь при мысли о том, как Хьюстон беспокоится о нем. Насвистывая, он вдруг услышал странный звук, как будто что-то горит.

— Динамит! — воскликнул он, схватил матрас и бросился в угол камеры. Но взрыв все равно оглушил его. Как будто с него сняли скальп, а шум все нарастал и нарастал.

Хьюстон, Ян и Зак спрятались за валуном, когда стена начала падать. Динамит подорвал основание стены, живописно обнажив сверху внутренности тюрьмы. Кейн съежился в углу, а когда дым рассеялся, он даже не шелохнулся.

— Мы его убили, — закричала Хьюстон и выскочила из укрытия. Ян бросился за ней.

— Наверное, мы его просто оглушили. Кейн! — Ян попытался перекричать шум все еще падающих камней, а когда Кейн не ответил, он вскарабкался в камеру, в которой теперь было только три стены.

Ян стянул с него матрас, но Кейн не мог понять ни слова из того, что говорил Ян, поэтому ему пришлось прибегнуть к жестам. Кейн, казалось, резко отупел от взрыва, потому что только качал головой, глядя на Хьюстон, и Яну буквально пришлось вытолкать его на грудь камней, с которой ему легче было спуститься на землю.

Хьюстон уже оседлала лошадь и ожидала его. Когда Кейн подошел к ней поближе, она увидела, что он продолжает хвататься за голову, как будто испытывает адскую боль. Казалось, он что-то хотел сказать, но Хьюстон не могла терять время, и Ян с Заком стали затаскивать его на лошадь.

— Идите домой, оба, — приказала Хьюстон, увидев, что к ним на шум взрыва по улицам сбегаются люди.

— Поехали, — закричала она Кейну, и он последовал за ней по южной дороге города, а затем дальше — в степь.

Хьюстон гнала лошадь как можно быстрее, иногда оглядываясь на Кейна, который ехал за ней со странным, озадаченным выражением лица.

Взошло солнце, а они все скакали, изредка останавливаясь на отдых. В полдень они оказались у безлюдной станции где-то в степи между Колорадо и Нью-Мехико, и Хьюстон заплатила невероятную цену за пару свежих лошадей.

— Он в порядке? — спросил хозяин станции, кивая на Кейна, который, облокотившись на стену, бил себя ладонью по голове.

Хьюстон протянула ему двадцать долларов.

— Вы нас не видели. Он взял деньги.

— Я не сую нос в чужие дела.

Хьюстон пыталась разговаривать с Кейном, но он только молча смотрел на ее двигающиеся губы и шел за ней, только когда она вела его.

Им приходилось есть, не слезая с лошадей, не останавливаясь даже после захода солнца. Только однажды Кейн попытался заговорить, но, казалось, не мог себя слышать и тогда стал жестикулировать, и Хьюстон в конце концов поняла, что он хочет знать, куда они едут.

— Мексика, — прокричала Хьюстон четыре раза, прежде чем он наконец понял.

Кейн замотал головой, но Хьюстон пришпорила лошадь, не обращая на него внимания. Она не сомневалась, что он не хотел вовлекать ее в свои неприятности, но не собиралась поддаваться на его уговоры вернуться. Если ему суждено было провести свою жизнь в изгнании, то она будет рядом с ним.

Кейн поймал ее вожжи и тянул их, пока она не замедлила бег своей лошади.

— ОСТАНОВИСЬ! — заорал он, — МЫ СДЕЛАЕМ ЗДЕСЬ ПРИВАЛ НА НОЧЬ.

Каждое слово было произнесено на пределе возможностей его легких, и Хьюстон несколько раз даже прикрыла глаза, когда громкие звуки разрывали тихий ночной воздух.

Кейн, не говоря больше ни слова, спешил и повел, лошадь на небольшой холм в рощицу. Хьюстон последовала за ним. Он распряг лошадь и соорудил место для ночлега. Она хотела ехать дальше, чтобы оторваться от полиции Чандлера на большее расстояние, но, должно быть, Кейн пострадал от взрыва, и ему необходим был отдых. На то, чтобы собрать людей и организовать их, понадобится время, поэтому, они могли сделать привал.

У нее в руках было седло, когда она вдруг заметила, как Кейн смотрит на нее. Взгляд его был почти пугающим.

Он неторопливо взял у нее из рук седло, швырнул его на землю и бросился на нее.

Он был похож на голодного зверя, и после того, как Хьюстон справилась со своим удивлением, она не смогла противодействовать ему. Пуговицы отлетали от ее пыльного костюма для верховой езды с тем звуком, с каким трескаются кукурузные зерна на сковороде. Его губы успевали, казалось, целовать одновременно все ее тело. Его большие сильные руки рвали все, что мешало им прикоснуться к ее коже.

— Кейн, — она то ли плакала, то ли смеялась. — Кейн. Моя единственная любовь, моя настоящая любовь.

Ему не нужны были слова, когда он повалил ее голую на землю и ворвался в нее с той же силой, с какой динамит взорвал утром стену. Хьюстон почувствовала себя этой падающей стеной, а когда они пребывали в сладостной неистовой страсти, ее охватила уверенность в том, что это все, что ей нужно, и то, что она сегодня сделала, было единственно правильным решением.

Пока они лежали рядом, Кейн крепко держал ее в объятиях, как будто решив никогда ее не отпускать. А Хьюстон, так же крепко прижавшись к нему, содрогалась от мысли, что могла потерять его.

Прошло много времени, прежде чем Кейн поднялся и пошел взглянуть на лошадей. Хьюстон хотела помочь ему, но он заставил ее лечь обратно, накрыв одеялом, чтобы она не замерзла в прохладном ночном воздухе.

Он не позволил помочь ему, даже когда разжигал костер. Хьюстон стала возражать, что их могут заметить, но Кейн закричал, что она должна доверять ему, и она согласилась. Она была рада, что могла положиться на него, ей было приятно лежать на спине и ждать. Он принес ей тарелку фасоли с маисовой лепешкой и чашку жуткого кофе. Но Хьюстон казалось, что это самая вкусная еда, какую ей доводилось пробовать.

Когда они поели, Кейн потушил костер и лег рядом с ней, прижав ее к себе. В следующую секунду они оба заснули.

Когда Хьюстон проснулась, светило солнце, Кейн держал ее в объятиях и ангельски улыбался.

— Нам надо ехать, — сказала она, садясь, сбросила его руки и натянула на себя остатки костюма. Спереди у него отсутствовало так много пуговиц, что вид был совершенно неприличный. — Они скоро нагонят нас. Не думаю, чтоб их привал затянулся настолько, насколько затянулся наш.

Он схватил ее за руку:

— По горячим следам в погоне за убийцей, так?

— Сейчас не время для шуток.

— Хьюстон, ты должна рассказать мне, что задумала. Почему ты решила бежать в Мексику?

— Я расскажу тебе, пока мы будем седлать лошадей, — сказала она и встала, нетерпеливо ожидая, когда Кейн сделает то же самое. — Я считаю, что мы сможем спрятаться в Мексике, — говорила она, накидывая попону на свою лошадь.

— Надолго?

— Навсегда, конечно, — ответила она. — Не думаю, чтобы суд оставил убийцу безнаказанным. Думаю, мы сумеем жить там более-менее скромно. Еще я слышала, что там люди не так любопытны, как в нашей стране.

Он поймал ее за руку.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что собираешься жить со мной в Мексике? Если я буду изгоем, то и ты будешь изгоем?

— Да, конечно, я буду жить с тобой. А теперь оседлай, пожалуйста, лошадь — и поехали.

Хьюстон не успела ничего добавить, потому что Кейн обхватил ее за талию и закружил.

— Дорогуша, это самое прекрасное, что я когда-либо слышал. Оказывается, тебе наплевать на деньги.

— Кейн! — сказала она рассерженно. — Пожалуйста, отпусти меня. Они найдут нас и тебя...

Она замолчала, потому что он закрыл ей рот поцелуем.

— Да никто за нами не гонится, разве что шериф, обезумевший от того, что ты разнесла вдребезги его тюрьму. Хьюстон, милая, как бы я хотел видеть сейчас его лицо.

Хьюстон отступила на шаг от него. Его слова звучали для нее полнейшей бессмыслицей, но в глубине ее души стало зарождаться чувство страха.

— Может, ты объяснишь, что имеешь в виду? Кейн начертил три круга носком ботинка.

— Я просто хотел посмотреть, как ты... ну, как ты отнесешься к тому, что я больше не богач.

Она наградила его своим пригвождающим к земле взглядом.

— Я хочу знать о Джекобе Фентоне.

— Хьюстон, я не сказал тебе ни слова не правды, просто я, наверное, не все тебе рассказал. Я нашел его мертвым у лестницы, и меня забрали за убийство, в тюрьму, но, оказывается, слуги видели его мертвым раньше, чем подошел я. Только мне не пришло в голову их расспросить. Хорошо, что ты догадалась.

— Тогда почему ты был в тюрьме, когда я пришла? Почему тебя сразу же не освободили?

— Ты знаешь, в общем-то, меня освободили. Хьюстон, милая, — он раскрыл объятия ей навстречу. — Я просто хотел убедиться, что тебе нужен я сам, а не мои деньги. Знаешь, когда ты ушла из тюрьмы после того, как я сказал, что лишился денег, я был уверен, что ты идешь к Вестфилду, чтобы разузнать, что можно получить до того, как меня повесят.

— Так вот, что ты обо мне думаешь?! — сказала она, задыхаясь. — Ты думаешь, что я настолько ничтожное, низкое существо, что брошу любимого мужчину на растерзание суда по обвинению в убийстве и пальцем не пошевелю, чтобы помочь ему? — она направилась к лошади.

— Хьюстон, хорошая моя, любимая, я не хотел тебя обидеть. Я просто хотел убедиться. Я и понятия не имел, что тебе в голову может прийти какая-нибудь глупость вроде... Ну, то есть я хочу сказать, что понятия не имел, что ты взорвешь тюрьму и чуть не убьешь меня.

— Ты, как я погляжу, нисколько не пострадал.

— Хьюстон, не сходи с ума, ладно? Это была маленькая шутка. У тебя, что, нет чувства юмора? Да все в городе...

— Да, — сказала она, глядя на него в упор. — Продолжай. Что делают все в городе? Кейн слегка улыбнулся:

— Может, они и не заметят.

Она угрожающе двинулась на него:

— Не заметят, что благодаря мне исчезла тюремная стена в полметра толщиной? Да, возможно, они все спали во время взрыва. Да, наверное, они будут ехать мимо здания, и никто из них просто не обратит внимания на небольшие изменения в окружающем пейзаже. А шериф, конечно, ни словом не обмолвился о самом примечательном событии последнего десятилетия, о том, как одна из сестер Чандлер подложила динамит под стену тюрьмы, чтобы освободить мужа, которому даже не было предъявлено обвинение в убийстве. — Она снова повернулась к лошади, каждый мускул ее тела сжигала злость.

— Хьюстон, ты должна меня понять. Я хотел знать, меня ты любишь или мои деньги. Мне представилась возможность узнать это, и я воспользовался ею. Нельзя обвинять за это человека.

— Тебя можно. Я хочу, чтобы ты выслушал, что я скажу — единственный раз в жизни. Я говорила, что люблю тебя — тебя, а не твои деньги, а ты не слышал ничего из того, что я тебе говорила.

— Ну знаешь, — он пожал плечами, — ты говорила, что не можешь жить с человеком, которого не уважаешь, но тем не менее вернулась, и тебя даже не пришлось долго уговаривать. Думаю, тебе просто трудно было удержаться, — он криво улыбнулся.

— Из всех самоуверенных, самовлюбленных мужчин, которых я встречала за свою жизнь, ни один бы не смог перещеголять тебя. Я очень, очень жалею, что мне пришлось в голову спасать тебя. Жаль, что тебя не повесили, — с этими словами она вскочила на лошадь.

— Хьюстон, дорогая, ты ведь совсем так не думаешь, — сказал Кейн, взобравшись на лошадь и поехав следом за Хьюстон. — Это была шутка. Я не хотел тебя обидеть.

Они ехали весь день, и Кейн каждую минуту или приводил новые доводы, или обдумывал разные оправдания своему поступку, как, например, такое — она должна быть благодарна ему за то, что он сделал. Он сказал, что теперь Хьюстон смогла убедиться в

своих чувствах к нему. Он пытался заставить ее увидеть смешную сторону произошедшего. Он обвинил ее в том, что она привлекла мальчиков к себе в помощники, и предупредил о той опасности, которую она навлекла на них всех. Он изо всех сил старался, чтобы она хоть как-нибудь отреагировала.

Но Хьюстон словно застыла. Она думала о жителях Чандлера, после ужаса, который повлекла за собой авария на шахте, им необходимо как-то развеяться, и они, без сомнения, обратят все в шутку и здорово повеселятся. Шериф приукрасит всю эту историю насколько возможно, а «Кроникл» пустят в печать серию статей об этом событии, начиная со свадьбы и заканчивая... заканчивая человеком, которого должны были повесить.

При мысли о Кейне ее кровь закипала, и она отказывалась прислушиваться к его словам. Тот факт, что она отдала ему свою любовь, а он усомнился в ней публично, усомнился, устроив этот невероятный спектакль, казался ей особенно унижительным.

То, что ожидало ее в дальнейшем, она почувствовала, когда они остановились на станции поменять лошадей. Пожилой мужчина спросил, не они ли та пара из Чандлера, о которой он слышал. Пересказать эту историю он не мог, потому что чуть не лопался от смеха, а, когда они уезжали, попытался вернуть Те двадцать долларов, которые дала ему Хьюстон.

— По мне, так эта история стоит сотню долларов, — сказал он, хлопая улыбающегося Кейна по спине. — Я вам должен восемьдесят.

Хьюстон подняла голову и направилась к лошади. Она старалась изо всех сил не замечать присутствия ни одного, ни другого мужчины. Когда они опять отправились в путь, Кейн с новыми силами пустился в рассуждения, но уходило много времени на паузы, когда он останавливался, чтобы вдоволь посмеяться.

— Когда я увидел, как ты стоишь там... и ты говорила, что собираешься вытащить меня и спасти от виселицы, я не знал, что сказать, я был ошарашен, а потом Ян стал кричать про эти твои острые каблуки, — ему пришлось замолчать, чтобы скрыть улыбку. — Ну Хьюстон, тебе будут завидовать все женщины к западу от Миссисипи. Они все будут жалеть, что не настолько смелы и решительны, чтобы спасти своих мужей из лап смерти, и...

Он осекся, чтобы откашляться, и Хьюстон взглянула на него. Он безуспешно пытался удержаться от смеха.

— Когда я вижу с каким выражением лица ты восседаешь на лошади... Как называются женщины, которые носят шлемы с рогами? Леди Викинг, вот на кого ты похожа, леди Викинг, пришедшая на выручку к своему мужчине. А выражение лица Закари! Если б у меня не раскалывалась голова...

Он замолчал. Хьюстон пришпорила лошадь и вырвалась вперед.

Что бы там Хьюстон ни ожидало по возвращении, но, когда они въехали в Чандлер, все оказалось хуже любых опасений. Стараясь не замечать Кейна, она поскакала по окраине города к северной части, чтобы по пути к дому Кейна встретить как можно меньше народу.

Было шесть часов утра, когда они поднялись по холму к дому Таггерта, но там уже толпилось около сорока человек, которые «совершенно случайно» оказались поблизости. Большинство слуг стояли у дома и разговаривали с горожанами.

Хьюстон сжала рукой ворот разорванного костюма, собрала все свое достоинство и направила лошадь к черному ходу, в то время как Кейн спешил к парадному Входу и к нему бросились все, кто толпился вокруг.

— Наверное, хочет похвастаться, — пробормотала Хьюстон. Ей как-то удалось

миновать кухню и нетактичные вопросы миссис Мерчисон, так же как и ее улыбочки.

Поднявшись наверх, Хьюстон отпустила Сьюзен и налила себе ванну. Полежав в ней немного, она забралась в постель и собралась поспать. Она слышала, как в комнату вошел Кейн, но она притворилась, что крепко спит, и он ушел.

После девятичасового сна и сытной еды она почувствовала себя лучше физически, но настроение ее испортилось еще больше. Когда она вышла в сад на крыше дома и взглянула вниз на улицу, она увидела Невероятное количество народу, прогуливающегося перед домом.

Кейн зашел в комнату и сообщил, что едет на шахту «Маленькая Памела», чтобы узнать не нужна ли там помощь, и попросил Хьюстон поехать с ним. Она отрицательно покачала головой.

— Ты же не можешь навсегда здесь спрятаться, — сердито сказал он. — Почему ты не гордишься тем, что сделала? Я, например, чертовски горжусь.

После того как Кейн ушел, Хьюстон признала, что он прав, что ей придется встретиться с соседями, чем быстрее она через это пройдет, тем лучше. Она медленно надела практичное платье из голубого хлопка, спустилась вниз и приказала запрячь свою коляску.

Хьюстон не понадобилось и десяти минут, чтобы понять, что предсказания Кейна по поводу реакции жителей Чандлера оказались абсолютно не правильными. Ее сочли не героиней, которая спасла своего мужа, а глупой, капризной женщиной, которая бьется в истершее прежде, чем поинтересоваться, что же все-таки происходит.

Она проехала в своей коляске по окрестностям города и поднялась по дороге к шахте «Маленькая Памела». Может быть, на шахте так требуется помощь, что у них не будет времени обсуждать ее проделки.

Не тут-то было. Жертвам бедствия необходимо было над чем-то посмеяться, и в качестве объекта они избрали выходку Хьюстон.

Она старалась изо всех сил высоко держать голову, пока помогала разгрести мусор и пыталась организовать переезд вдов и сирот.

О чем она действительно жалела, так это о том, что Кейн получил от всех этих разговоров огромное удовольствие. На свадьбе он был обижен, потому что люди решили, что любая женщина предпочтет ему Лиандера, но теперь у него на руках были все возможные доказательства того, что Хьюстон любит его.

Хьюстон продолжала думать о всех тех случаях, когда он мог рассказать ей, что на самом деле его не обвиняли в убийстве; когда он хотел, он мог говорить очень быстро и ясно, так почему же он был так косноязычен той ночью, когда она сообщила ему, что подложит динамит ему под ноги?

К концу дня, когда люди совсем осмелели и забросали ее вопросами («Ты хочешь сказать, что не поинтересовалась у шерифа, какие были шансы у твоего мужа, и не говорила с адвокатом? Лиандер был в курсе всего. Он мог бы тебе все рассказать. А еще ты могла бы...»), Хьюстон хотелось провалиться сквозь землю. А когда мимо прошел Кейн и, от всей души хлопнув ее по плечу, произнес: «Выше нос, дорогуша, это была всего лишь шутка», — ей захотелось крикнуть, что для него это, возможно, и шутка, для нее же — публичное оскорбление.

Ближе к вечеру она увидела Памелу Фентон, стоявшую нос к носу с Кейном, и прохладный вечерний ветер донес до нее слова: «В день свадьбы ты сказал, что никогда не унизишь ее. А как назвать то, что делаешь ты сейчас?» Она была благодарна, что хоть кто-то отстаивает ее интересы.

Вернувшись домой, она поужинала у себя в комнате; Кейн предпринял еще одну попытку поговорить с ней, но она лишь укоризненно посмотрела на него, не сказав ни слова. Он вылетел из комнаты, вслух жалуясь на то, что она лишена чувства юмора и что в ней, черт побери, слишком много от леди, черт побери, своей эпохи. Перед сном Хьюстон расплакалась.

На следующий день Хьюстон расставляла цветы в высоких вазах в холле перед кабинетом Кейна. Она все еще злилась, все еще чувствовала себя слишком обиженной и униженной, чтобы разговаривать с ним, она и думать не хотела о том, чтобы выйти из стен своей крепости.

Кейн оставил дверь открытой, с ним были Рейф, Лиандер и Эден. Кейн созвал собрание, чтобы обсудить возможные последствия взрыва на шахте. Он был озабочен, узнав, что жены шахтеров, возможно, вообще не получают компенсации.

Хьюстон слушала, как мужчины, обсуждают будущее Чандлера, и очень гордилась тем, что делает ее муж. Интересно, как она могла подумать, что он лишит людей права выкупа заложных, хранящихся в Национальном Банке Чандлера. Накануне Опал долго говорила с дочерью, объясняя ей, почему Кейн использовал шантаж, чтобы заставить Хьюстон вернуться к нему.

— Он так тебя любит, — сказала Опал. — И я не понимаю, почему ты на него сердишься.

Возможно Хьюстон и согласилась бы, но в эту секунду она услышала, как три женщины хихикают, словно школьницы. Они пришли повидать Хьюстон и «узнать последние новости», как они сообщили горничной. Хьюстон вежливо отказалась их принять.

Теперь, стоя в коридоре, она с гордостью слушала, какие реформы планирует ее муж, но вдруг она услышала, как Лиандер задал вопрос, заставивший ее напряженно выпрямить спину.

— Это счет из муниципалитета Чандлера?

— Ага, — ответил Кейн, — Шериф требует пятьсот долларов наличными на ремонт тюрьмы. Кажется, это единственный счет в жизни, который я хочу оплатить.

— Можешь устроить торжественное открытие, а Хьюстон разрежет красную ленточку, — услышала она слова Рейфа.

Воцарилось длительное молчание.

— Если она когда-нибудь снова с ним заговорит, — сказал Эден.

Опять возникла пауза. Теперь заговорил Лиандер:

— Мне кажется, никогда нельзя узнать человека до конца. Я знаком с Хьюстон почти всю жизнь, но та Хьюстон, которую я знал, и та, которая взорвала тюрьму, — две разные женщины. Несколько лет назад я повез ее на танцы, на ней было красное платье, которое ей очень шло, но Гейтс сказал что-то обидное для нее. Она так нервничала, когда мы приехали на место, что я сказал, что не буду возражать, если она не снимет плащ. И она, черт возьми, просидела весь вечер в углу, чуть не плача.

Хьюстон замерла с цветком в руке. Странно, как один и тот же случай может восприниматься разными людьми по-разному. Оглядываясь теперь назад, она решила, что, наверное, глупо было так расстраиваться из-за этого красного платья. Она вспомнила, что Нина Вестфилд часто носила такой же оттенок красного, из-за которого Хьюстон так мучилась в тот вечер. Улыбнувшись, она снова принялась расставлять цветы по вазам.

— Раз уж она собралась взорвать стену, могла бы придумать, чтоб это было не так опасно для моей шкуры, — съязвил Кейн. — Вы и представить себе не можете, что чувствуешь, когда тебе говорят, что у тебя под ногами подождли динамит, а бежать некуда.

— Прекрати хвастаться, — сказал Эден. — Ты в восторге от того, что она сделала, и сам это знаешь. Хьюстон улыбнулась еще шире. Лиандер рассмеялся:

— Жаль, вы не видели, что было после взрыва. Все думали, что еще одна шахта взорвалась, и мы выскочили из домов в одном исподнем. Увидев тюрьму с раз рушенной стеной, мы остановились как вкопанные, никто не мог понять, что случилось. Эден первым вспомнил, что ты сидел в тюрьме.

У Хьюстон чуть не вырывался смех, но она сумела сдержаться.

— Послушайте, — сказал Эден. — Как только я увидел эту тюрьму, я сразу понял, что тут не обошлось без Хьюстон. Пока все вы молились на нее годами и называли ледяной принцессой, я за ней следил. За ее строгой внешностью скрывается женщина... Ну впрочем, вы не поверите, если я расскажу вам, что творит эта женщина.

Хьюстон уже с трудом сдерживала смех. Слова Эдена звучали полуужасно-полувосторженно. Она вспомнила о том вечере, когда он спрятался в чулане и наблюдал, как проходит их девичник. В тот день, когда он сообщил ей, что все видел, она не позволяла себе думать ни о чем другом, кроме того, что он слышал о планах по поводу шахт, но теперь она вспомнила и о боксере, и о канкане, и — Господи Боже мой! — о «Холме Фанни». Тогда она до смерти боялась, что Кейн узнает что-нибудь из ее секретов, например, о собраниях «Союза Сестер», о поездках на шахты, но в конце концов он узнал почти все, что было возможно, и жизнь ее на этом не закончилась. В тот вечер, когда она надела красное платье, она была уверена, что, если кто-нибудь ее в нем увидит, ее репутация будет вконец подмочена, и она не сможет составить хорошую партию Лиандеру.

Но посмотрите только, что она натворила за последние месяцы! Она лазила по фигурной решетке, увитой розами, в одном нижнем белье. Она пригласила всех этих людей жить в своем доме, а Кейна — который должен был кормить их — поставила уже перед фактом. Чем больше она размышляла, тем сильнее распирал ее смех. До того как они поженились, она точно знала, кто выходит замуж за Кейна Таггерта. Ему требовалась леди, и она не сомневалась, что полностью соответствует его запросам. Но при мысли о том, через что она заставила его пройти, и как он каждый раз говорил с недоверчивым выражением лица, что он и понятия не имел, на что шел, когда брал в жены настоящую, до кончиков ногтей леди, Хьюстон не могла больше сдерживать смех. Она прыснула так, что ваза на столе подпрыгнула. Она ухватилась за стол и продолжала смеяться, чувствуя слабость в коленях.

В ту же самую секунду из кабинета выбежали мужчины.

— Хьюстон, дорогая, с тобой все в порядке? — спросил Кейн, беря ее за руку и пытаясь привести ее в вертикальное положение. Но это было все равно что пытаться поставить морскую водоросль.

— Я прикрыла свое красное платье плащом, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь решил, что я не настоящая леди, — всхлипнула она. — А потом я взорвала тюремную стену, — она схватилась руками за живот и сползла на пол. — А можно ли назвать безупречным поведением то, что я организовала это представление с боксером?

— О чем она говорит? — спросил Кейн. На лице Эдена появилась улыбка, которая растянулась еще шире, когда он сказал:

— Безупречное поведение было окончательно забыто во время танцев, — он захохотал. — Хьюстон, в тот вечер я захватил с собой бутылку виски, думая, что помру от скуки, наблюдая за вашим девичником, — говоря это, он повалился на пол рядом с

Хьюстон. — А мисс Эмили! — выдохнул он. — Я не могу пройти мимо ее магазина, чтоб не засмеяться.

Хьюстон так смеялась, что не могла произнести ничего членораздельного.

— А Лиандер! Я так старалась все эти годы, я изо всех сил скрывала от тебя все о Сэйди и об остальном тоже.

Лиандер смотрел на нее, улыбаясь.

— Ты знаешь, о чем она говорит? — спросил он Кейна.

Ответил Рейф:

— Это очаровательная глупенькая леди, которая выглядит так утонченно, что, кажется, не способна ни на что, кроме вышивания, управляет повозкой, запряженной четверкой лошадей.

— Я могу управлять и двенадцатью лошадьми, заявила она, что вызвало у них с Эденом новый взрыв смеха.

— А удар правой у нее такой, что она может повалить парня с нее ростом, — гордо заметил Кейн. — И еще она может сбежать с собственного свадебного торжества вдогонку за своим пустоголовым мужем, когда он опозорится перед всем городом, и она может заплатить моей любовнице, чтобы та убралась подальше, и еще она может визжать, — сказав последнее, он осекся и смутился.

Лиандер взглянул на Хьюстон, которая сидела на полу в обнимку с Эденом, оба они изнемогали от смеха, потом он перевел взгляд на Кейна и увидел, как тот смотрит на Хьюстон — с гордостью и любовью.

— Подумать только, я называл ее ледяной принцессой, — пробормотал Лиандер.

Кейн покачался на каблуках — вперед-назад, засунув большие пальцы рук в пустые петли для ремня на брюках, и проговорил:

— Я растопил лед.

Рейф и Лиандер взорвались смехом — как от той гордости, с которой Кейн произнес это, так и от самих слов. Рейф кивнул на Хьюстон:

— Ты бы лучше позаботился об этой ледышке, пока она не растаяла и не просочилась в щели между половицами. Думаю, ты не хочешь ее потерять.

Кейн остановился и поднял Хьюстон на руки.

— Я никогда не отпущу эту леди. Хьюстон, все еще смеясь, прижалась к нему, пока он нес ее к лестнице.

— Нет, сэр, — сказал Кейн. — Нас ничего не разлучит. Ни другие женщины, ни мои дети, о которых она еще не знает, ни палач. Поэтому я, наверное, так люблю ее. Верно, Хьюстон?

Хьюстон взглянула на него сверкающими глазами. Он наклонился к ее уху и прошептал так, чтобы остальные не услышали:

— Когда я отнесу тебя наверх, ты объяснишь мне, что это за спектакль с боксером. И не хохочи ты так, Хьюстон!

Больше книг на сайте — Knigolub.net